9 126
15

4 р. 50 к.

Л. Н. МАДЬЯР

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ

2-е ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 31

Я 126/15

Л. МАДЬЯР

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

31-104885
31-104885.

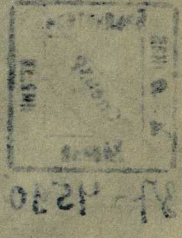

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главлита
№ Б-3256. С-11. Огиз 43770.
Заказ 2918. Тираж 5 000 экз.
22 п. л.

РЕДАКТОР: А. С. НИФОНТОВ
ТЕХРЕД: Т. Ф. СОКОЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ:

		Стр.
Ко второму изданию		4
Китайские меры		5
От автора		7
	ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Глава	I. Китайская статистика	9
„	II. Значение воды	37
„	III. Борьба против истощения почвы	58
„	IV. Области желтозема	69
„	V. Роль скота в китайском хозяйстве	77
„	VI. Ручной труд	93
„	VII. Колонизационные области	102
	ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
„	VIII. Формы и характер земельной собственности в Китае	122
„	IX. Частная собственность на землю в Китае	140
„	X. Земельная собственность и земельно-водные правоотношения	154
„	XI. Земельный налог	159
„	XII. Характер и формы аренды и наемного труда в земледелии	167
„	XIII. Наемный труд в сельском хозяйстве	186
	ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
„	XIV. Распределение посевной площади между социальными группами	191
„	XV. Классовое расслоение и голодный уровень	203
„	XVI. Китайское крестьянское хозяйство с точки зрения капиталистического расчета	211
„	XVII. Экономика китайского крестьянского хозяйства и тенденция его развития	220
	ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
„	XVIII. Ростовщический и торговый капитал и китайское крестьянское хозяйство	233
	ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
„	XIX. Натуральное или товарное хозяйство	252
„	XX. Влияние империализма на сельское хозяйство Китая. Вовлечение деревни в мировой товарооборот	256
„	XXI. Внедеревенский внутренний рынок и его рост	263
„	XXII. Характер китайского рынка	272
„	XXIII. «Подарок» империализма Китаю	277
„	XXIV. Подрыв чаекультуры	281
„	XXV. Империализм и китайское шелководство	287
„	XXVI. Текстильные растения и судьбы домашней промышленности	297
„	XXVII. Домашняя промышленность, отхожие промыслы и наемный труд	320
„	XXVIII. Гоминдан и аграрный вопрос	326
„	XXIX. Советы и аграрный вопрос	333
Указатель		346

КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Во втором издании «Экономики сельского хозяйства в Китае» автор пытался учесть замечания критики. Сам ход революционного движения проверял понимание аграрного вопроса в Китае. Второе издание поэтому является в значительной мере дополненным и исправленным в сравнении с первым.

В «Введении» к первому изданию автор поставил вопрос о марксовом учении об азиатском способе производства, считая, что для понимания исторического процесса в Китае марксова концепция об азиатском способе производства необходима и плодотворна. В ходе дискуссии по этому вопросу автор имел возможность исправлять ряд ошибок, допущенных им в первой попытке интерпретации взглядов Маркса и Энгельса по этому вопросу и изложить в положительной форме свои взгляды. Дискуссия убедила автора в том, что анализ исторического развития аграрных отношений в Китае требует более углубленной и основательной проработки, чем данная автором в первом издании.

Второе издание дополнено кратким изложением аграрной политики Гоминдана и ККП.

С тех пор появилась работа автора «Очерки по экономике Китая», в которой дается анализ ремесла, мануфактуры, крупной машинной индустрии и т. д. Автор полагает, что обе работы, вместе взятые, представляют попытку анализа экономики Китая как полуколонии империализма.

В ряде провинций Южного и Центрального Китая описание аграрного строя, данное в той работе, стало уже архивным материалом. Антиимпериалистическая и аграрная революция рабочего класса и основных масс крестьянства стирает с лица земли империалистическую и помещичью эксплоатацию.

Надеемся, что в ближайшее время вся наша работа будет иметь лишь историческую ценность.

Л. Мадьяр.

КИТАЙСКИЕ МЕРЫ.

I. Меры длины.

1. Чи (фут, foot, Fuss) = 10 цинь (дюйм, inch, Zoll) = 100 фэнь (линия, Linie) = 1 000 хао = 0,32 *м.* (В. — 0,358 *м*).
2. Бу (шаг, Schritt) = 5 чи = 1,60 *м.* (В. — 1,79 *м*).
3. Чжан (сажень, Klafter) = 10 чи = 3,20 *м.* (В. — 3,581 *м*).
4. Ли (верста) = 180 чжан = 1 800 чи = 576,00 *м.* (В. — 644,58 *м*).
5. 1 метр = 3,125 чи.

Обычно «ли» принимается равной $^1/_2$ версты или километра или $^1/_3$ английской мили.

II. Меры земельной площади.

1. Му (6 000 кв. чи) = 10 фэнь = 100 ли = 1 000 хао = 6,144 ара (В. — 675 *кв. м*).
2. Бу = 1/240 му = 0,025 ара (В. — 2,81 *кв. м*).
3. Цин = 100 му = 6,144 *га* (В. 675,00 *кв. м*).
4. 1 гектар = 16,276 му.

Обычно му принимается равной: $^1/_{17}$ десятины, $^1/_{16}$ гектара или $^1/_6$ акра. Величина му колеблется от 350 *кв. м* на юге до 925 *кв. м* на севере (Вагнер). В Сев. Мнчжурии зем. мера — «шан», которая равна приблизительно 10 му. Яшнов принимает шан равным 1 600 кв. саж. = $^2/_3$ десятины. В южных провинциях чрезвычайно часто за единицу зем. площади принимают количество земли, на обсеменение которого требуется 1 дань зерна (Гуанси, Гуандун и др. провинции).

III. МЕРЫ ОБЪЕМА.

1. Шэн (316 куб. цуней) = 10 хэ = 100 чжо = 1,035 *л.* (В. — 1,031 *л*).
2. Доу = 10 шэн = 10,35 *л.* (В. — 10,31 *л*).
3. Ху = 50 шэн = 51,75 *л.* (В. — 51,55 *л*).
4. Дань (В. — cchi) = 100 шэн = 103,54 *л.* (В. — 103,10 *л*).
5. 1 литр = 0,966 шэн.

Меры объема имеют применение, главным образом, во внутридеревенском обороте и при приеме арендной платы. Товары, даже жидкости вроде масел, спирта и пр., обычно покупаются и продаются по весу («Chin. Econ.»); в Шанхае 1 день («Schi») риса = 119,35 лтр., а день (Schi) бобов = 107,41 лтр. (Вагнер). В Северной Манчжурии «большое доу» = от 42,5 до 44 лтр. и «малое доу» = 28,5 до 31,5 лтр. (Яшнов).

IV. МЕРЫ ВЕСА

1. Лян (1 куб. цунь чистой воды при 4° Цельсия) = 0,878 лян 0(унция, tael, Unze) = 10 цянь (доля, mace, Mass) = 100 фэнь (condareen, Condariu) = 1 000 ли (Käsch) = 10 000 хао = 37,301 *г*. (В. — 37,783 *г*).

2. Цзин (фунт, caty, Katty) = 16 лян = 596,816 *г*. (В. — 604,528 *г*).

3. Дань (пикуль, pfcul, Picul) = цзинь = 59,681 *г*. (В. — 60 452,8 *г*).

4. Ши (shih, Schi) = 120 цзиней = 72 543,36 *г* (Вагнер).

5. 1 килограмм = 26,809 лян.

Обычно дань принимают равным: 133 1/3 lbs или 60,458 *кг* и цзинь: $1^1/_3$ lbs или 604,53 *г*.

V. ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

1 Юань (мексиканский доллар, mexican dollar) = 100 центам в среднем = с. 0,32 (в 1925/26 г. — 1,80—2,20 зол. мар.).

2. Таэль (таможенный) — весовое количество серебра равное 1 ляну (37,301 гр. в среднем) = 1,50 мекс. долл. — с. 0,48. (В. 25/26 г. — 2,50—3,00 зол. мар.).

3. Серебряная разменная монета — ординарная. В 1927 г. шла по курсу 12—13 монет за мекс. долл. (работа пр. Чэна).

4. Медная разменная монета — ординарная. В 1927 г. шла по курсу 300—400 монет за мекс. долл. (работа пр. Чэна). В начале 1928 г. по курсу около 400 монет за мекс. долл.

5. Медные кеши — в 1925/26 году (Вагнер) шли по курсу 3 400 — 3 900 кешей за там. таэль. 1 000 кеш = 1 дяо.

(Различие мер в отдельных провинциях и даже уездах — общеизвестно, поэтому о нем особо не упоминалось. За основу взяты цифры китайского министерства торговли, земледелия, дополненные по работам Вагнера, Яшнова, пр. Чэна и по данным «Chin. Econ.»).

ОТ АВТОРА.

Автор извиняется перед читателем за разочарование, которое может вызвать данная работа, представляющая собой скорее попытку подхода к изучению аграрно-крестьянского вопроса в Китае, чем хотя бы первое слово к его разрешению. Метод построения работы, а именно переход от характеристики особенностей китайского сельского хозяйства в целом к описанию земельных отношений, классового деления, рынка и влияния империализма, может вызвать законную критику. Нам кажется, что ввиду отсутствия необходимейших данных и сведений применение другого метода было бы еще более затруднительным. Метод изложения, множество ссылок, цитат, примечаний также затрудняют работу читателя. Но так как речь идет о Китае, в отношении которого нет бесспорных фактов и бесспорных цифр, мы считаем целесообразным указывать источники даже в тех случаях, которые не вызывают особого сомнения. Может быть более целесообразно было бы излагать только факты без попыток оценки и выводов, однако мы считали более правильной попытку поставить и осветить проблемы. Даже ошибочная постановка и разрешение проблем полезнее, чем умолчание о них.

Ввиду наличия в данной работе многочисленных недостатков, может быть, читатель учтет как смягчающее обстоятельство тот факт что собрание и обработка материалов производились в обстановке гражданской войны в Китае. Если все же удалось собрать более или менее ценные сведения, выяснить некоторые вопросы, то это, в первую очередь, является заслугой тех товарищей, которые в весьма тяжелых условиях работы накопляли опыт, наблюдения и сведения. В особенности автор обязан тт. Волину, Иолку, Тарханову, Терруни, Сейфулину. Многие китайские коммунисты и работники крестьянских союзов оказали автору существенную помощь. На их опыты, наблюдения, материалы мы опираемся в важнейших вопросах. Но несомненно ответственность за разработку материалов, за их оценку, за выводы из них лежит исключительно на авторе.

В настоящее время китайская коммунистическая партия, истекая кровью, жертвуя лучшими своими борцами, под огнем и террором зверски

кровожадной и жестокой китайской контрреволюции и мирового империализма, ведет борьбу за изменение тех земельных отношений, описание которых мы попытались дать.

Мы не сомневаемся, что недалеко то время, когда под руководством героической коммунистической партии китайский пролетариат, ведя за собой многомиллионное крестьянство, не оставит и следа от этих земельных отношений.

Ей — китайской компартии — посвящается эта книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

КИТАЙСКАЯ СТАТИСТИКА.

В советской литературе общепринято при рассмотрении земельных отношений в Китае исходить из статистических данных китайского министерства земледелия и торговли. Последнее распределяет хозяйство на отдельные группы, на основе размеров земельных участков.

Но мы знаем, что уже Каутский совершенно правильно указал в своей работе «Аграрный вопрос», что данные о земельной площади отнюдь не исчерпывают характеристики хозяйства, ведущегося на этой площади. Каутский в своей превосходной работе, написанной в период, когда он, как революционный марксист, еще боролся с ревизионистами, все же недостаточно последовательно проводил эту мысль. Тупоумные мещане, ревизионисты, по аграрному вопросу в своих антимарксистских упражнениях исходили и исходят как раз из данных о земельной площади. Впервые «римский папа» ревизионизма, Бернштейн, прибегнул к данным с.-х. статистики, чтобы доказать, что процесс концентрации капитала в сельском хозяйстве идет медленно или вовсе не происходит, что наоборот, в ряде стран происходит переход от крупного хозяйства к мелкому. Вслед за ним применяли эту замечательную «методологию» Герц, Вандервельде, Э. Давид, Булгаков, Чернов и прочие представители ревизионизма по аграрному вопросу. И совсем немудрено, что второе поколение ревизионистов, теоретик австромарксизма О. Бауэр и теоретик германской социал-демократии Ф. Бааде, желая доказать, что «старый марксизм» не оправдался в области сельского хозяйства, как первые представители оппортунизма, прибегают к тому же методологическому жульничеству, разоблаченному и разбитому уже в первых боях с ревизионистами.

Но Ленин учил нас, что «огульные данные с.-х. статистики о площадях хозяйств мало доказательны» и что маленькое имение при интенсивном хозяйстве может производить в более крупных размерах, чем большое имение при экстенсивном хозяйстве [1]. Ленин считал «размер производства единственным точным показателем размеров хозяйств»; он считал, что «одни данные о площади хозяйства недостаточны еще для суждения о размерах производства, что группировка хозяйств по количеству земли в громадном большинстве случаев вносит чрезмерное упрощение и огрубление в представление о развитии земледелия вообще и развития капитализма в нем в особенности» [2]. Мы знаем, что Ленин требовал, чтобы с.-х. статистика содержала по меньшей мере данные о количестве земли в качестве показателя экстенсивных размеров хозяйства; данные о постоянном капитале (стоимость орудий

[1] Ленин, Капитализм в сельском хозяйстве, т. IX, 21.
[2] Там же, 91, 121 и 122.

и машин, расходы на удобрение), в качестве показателя интенсивности хозяйства; данные о переменном капитале (расходы на наем рабочих) в качестве показателя капиталистического характера хозяйства и наконец данные о стоимости продукта в качестве единственного точного показателя размеров производства. Но даже в наиболее передовых странах, в результате бюрократического тупоумия и рутины, с.-х. статистика редко удовлетворяет этим требованиям. Немудрено, что китайская статистика, преследующая лишь фискально-административные цели и насыщенная тупоумием и рутиной китайской бюрократии, во всяком случае не лучше своих европейских и американских образцов. Если принять всерьез данные этой официальной китайской статистики, то распределение земли по отдельным группам рисуется в следующем виде:

Размер землевладения (в му)	Количество семейств	В % отношении к общему числу
Ниже 10	17 805 125	36,1
10—30	13 248 274	26,9
30—50	10 122 214	20,5
50—100	5 348 314	10,8
Выше 100	2 835 464	5,7
Всего	49 339 591	100,0

Эта же статистика распределяет китайское крестьянство на три группы, а именно — на собственников, работающих на собственной земле, на арендаторов и на полуарендаторов, которые имеет и собственную землю, но вто же время приарендовывают землю к своему владению. По данным министерства земледелия и торговли китайское крестьянство распределялось по этим категориям в 1917 и 1918 гг. следующим образом:

Группа	1917		1918	
	Число семейств	%	Число семейств	%
Собственники	24 587 585	50	23 381 200	53,2
Арендаторы	13 825 546	28	11 307 432	25,7
Полуарендаторы	10 494 722	22	9 246 843	21,1
Всего	48 907 853	100	43 935 475	100,0

Разумеется, данные о количестве собственников, арендаторов и полуарендаторов имеют известное значение. Эти данные характеризуют распределение земельной площади между крестьянством и помещиками. Они вскрывают, сколько крестьянских хозяйств платит ренту и сколько крестьянских хозяйств работает на собственной земле. Не только китайская, но и японская, корейская, египетская, индонезийская и т. д. официальная статистика сообщает данные относительно собственников, арендаторов и полуарендаторов. И не только отдельные китайские коммунисты подпали под влияние официальных установок, но даже в нашей

советской литературе имеются попытки рассматривать эти категории, характеризующие рентные отношения как самодовлеющие социальные группы [1]. Делались даже попытки заменить этими категориями действительную социальную диференциацию крестьянства. Между тем даже в отсталых странах с огромным объемом докапиталистических остатков и пережитков в аграрных отношениях, с феодальными и полуфеодальными арендными отношениями, категории собственников, арендаторов и полуарендаторов со своей стороны распадаются на социальные группы кулаков, середняков, мелких и мельчайших крестьян.

Провинции и специальные административные области	Поверхность	Население	Население на 1 кв. км.	Данные относятся к годам	Количество хозяйств	Посевная площадь	Посевн. пл. на 1 хоз. в среднем
Хобей	300 401	34 186 711	130	1920	4 691 671	7 255 089	1,4
Шаньдун . . .	145 191	30 803 245	242	1920	5 487 158	7 889 205	1,2
Хэнань	176 238	30 831 909	199	1921	6 321 009	29 640 000	1,6
Шаньси . . .	212 286	11 080 327	60	1921	1 529 546	3 855 256	2,2
Цзянсу	100 135	33 786 064	385	1921	4 525 308	6 710 537	1,3
Аньхуй	142 191	19 832 665	159	1921	2 749 824	3 175 695	1,0
Цзянси	130 243	24 466 800	155	1913	4 064 956	3 103 994	0,7
Фуцзян	120 161	13 157 791	125	1919	1 530 695	1 016 595	0,6
Чжецзян . . .	95 129	22 043 300	264	1918	3 339 556	2 370 616	0,6
Хубэй	185 243	27 167 244	167	1918	3 636 654	12 295 508	3,0
Хунань	216 292	28 443 279	150	1917	1 437 797	1 673 832	1,0
Шеньси . . .	195 264	9 465 558	55	1921	1 637 295	2 462 605	1,3
Ганьсу	325 440	5 927 997	21	1918	854 129	2 045 474	2,1
Сычуань . . .	566 765	49 782 810	100	1915	6 038 370	9 532 887	1,4
Гуандун . . .	259 350	37 167 801	163	1917	3 925 207	1 976 144	0,4
Гуанси	200 269	12 258 335	70	1916	2 216 873	6 338 835	2,5
Юньнань . . .	380 502	9 839 180	30	1914	1 300 252	873 762	0,6
Гуйчжоу . . .	174 236	11 114 951	73	1915	190 653	102 679	0,5
	3 975 355	411 356 367	118	—	55 476 953	84 091 260	1,3
Мукден	155 610	12 824 779	94	1918	1 736 309	3 479 822	1,8
Гирин	274 856	6 433 318	27	1920	578 556	3 716 916	5,6
Хэйлундзянь .	539 913	2 825 337	6	1918	336 497	2 953 785	7,7
	970 379	22 083 434	26	—	2 651 362	10 150 524	3,4
Жэхэ	—	5 372 920	—	1919	671 615	1 280 094	1,7
Сюйюань . . .	3 547 786	531 960	—	1918	66 495	477 452	6,3
Чахар	—	998 152	3	1921	124 769	937 836	6,6
Монголия . .	—	2 580 000	—	—	—	—	—
Синьцзянь . .	1 427 981	2 519 579	2	1918	460 124	914 036	1,7
Тибет	1 201 620	2 500 000	2	—	—	—	—
	11 123 122	447 942 412	46	—	59 451 318	97 851 208	1,4

[1] См., например, работу О. Плетнер, Аграрный вопрос в Японии.
[1] Е. Е. Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство в Северной Манчжурии стр. 124.

Данные о распределении хозяйств по размерам площади и по категориям собственников, арендаторов и полуарендаторов приводятся в официальной статистике по отдельным провинциям Китая. Не желая перегружать читателя цифрами, привожу составленную Е. Е. Яшновым — на основании данных министерства — сводную таблицу обо всей площади, о населении, о количестве хозяйств, о посевной площади отдельных провинций и т. д. Эта таблица хороша и тем, что она переводит китайские меры в метрические.

Мы не останавливались бы на статистике министерства земледелия и торговли, если бы наша литература не придавала ей известного значения. Так, даже т. Волин в своих первоначальных исследованиях [2] признал эти данные, хотя и с известными оговорками, ориентировочными и приблизительными. Правда, через некоторое время т. Волин со свойственной ему добросовестностью сам указывал, что, «представляя собой по существу сводку административно-полицейских докладов с мест, официальная статистика в Китае не только не дает приблизительного представления об экономическом состоянии того или иного района, но, как нередко приходится обнаруживать, искажает действительность» [3].

Тт. Попов-Татива, Ходоров, Альский и др. пользуются с обычными оговорками официальными данными китайской статистики и делают из них выводы о классовом расслоении деревни и других предпосылках развития капитализма в Китае.

Более того, т. Бухарин в своем докладе на VII расширенном пленуме ИККИ с известными оговорками также пользовался этими данными, делая из них весьма ответственные выводы.

Присмотримся ближе к этим данным, чтобы убедиться в том, отражают ли они хотя бы один элемент с.-х. статистики, а именно площадь хозяйств. Вот некоторые перлы этой статистики.

Посевная площадь в провинции Хэнань во всех отчетах министерства с 1914 по 1921 г. указана в размере 28,5—34 млн. *га*, т. е. 284,5—341,5 тыс. *кв. км*. Между тем вся площадь провинций составляет 175,140 *кв. км*. Таким образом по официальным данным посевная площадь почти в 2 раза больше всей площади провинции.

Берем данные, касающиеся трех восточных провинций. Здесь аппарат власти был сравнительно устойчив, «мир и порядок» не были нарушены, не было постоянной гражданской войны и даже стихийные бедствия оставались в обычных рамках. Данные об этих провинциях, казалось бы, должны отличаться известной точностью.

Посевная площадь трех провинций Манчжурии составляла по официальным данным (в му):

«Неточность» этих цифр очевидна. В Мукденской провинции по официальным данным посевная площадь уменьшилась в течение 5 лет на 5 млн. му. Но хорошо известно, что в Мукденской провинции как раз за этот период происходила усиленная колонизация, и десятки тысяч крестьян переселялись сюда из Хобэя, Шаньси и в особенности из Шаньдуна. В этих условиях посевная площадь должна была увеличиться.

[1] Волин, Основные вопросы экономики сельского хозяйства в Китае журнал «Кантон» № 8 — 9 сентября 1926 г.

[2] Волин, Структура сельского хозяйства в Китае. «Вестник Манчжурии» № 8, 1926 г., 61.

Годы	Мукденская	Гиринская	Хейлунцзянская
1914	51 412 710	47 810 059	34 806 648
1915	51 126 636	44 216 806	35 873 687
1916	50 362 000	43 716 553	37 150 063
1917	45 194 175	85 985 768	37 165 014
1918	45 787 146	85 877 392	38 865 599
1919	—	86 258 978	—
1920	—	81 171 636	—

В Хэйлунцзянской провинции колонизация происходила так бурно и с таким натиском, что указанное в официальной статистике увеличение посевной площади никак не отражает действительных размеров колонизации. В Гиринской провинции, по тем же данным, посевная площадь увеличилась в течение одного года вдвое. Но подобное увеличение посевной площади еще не имело места в истории человечества.

Даже в СССР, где социальные условия (советская власть, коллективизация и т. д.) и технические условия (трактор) совершенно иные, не имел места подобный темп расширения посевов или имеет место лишь в отдельных резких случаях.

Подобные же перлы статистического искусства можно обнаружить и в данных, касающихся других провинций. Особенно поучительны данные относительно провинции Гуандун, которые по понятным причинам разрабатывались в нашей литературе с особой тщательностью. Там же наши товарищи в течение нескольких лет имели «легальные возможности» заниматься изучением аграрного вопроса.

Данные эти таковы:

Годы	Количество хозяйств	Посевная площадь в му
1914	2 624 134	29 439 414
1915	11 562 293	136 877 144
1917	3 925 207	26 001 900

Комментарии излишни. Число придавленных нуждой крестьянских хозяйств конечно не увеличилось в Гуандуне в течение одного года на 9 млн.; точно так же несомненно, что китайским генералам, помещикам, ростовщикам и чиновникам не удалось в течение последующих двух лет стереть с лица земли 8 млн. хозяйств. Даже в северо-западных провинциях Китая, даже в Шаньси, Шэньси и Ганьсу, где в течение трех последних лет (1927—1929 гг.) был недород, не исчезли 8 млн. хозяйств. Гигантская голодовка этих лет истребила там по буржуазным данным, около 10 млн. людей, но не могла истребить 10 млн. хозяйств. Исто-

[1] Почему-то принято считать, что японские данные о Китае заслуживают доверия, и например т. Попов-Татива усиленно пользуется ими. Японские данные заслуживают действительно доверия, когда они касаются полосы отчуждения Южно-Манчжурской ж. д. Квантуна, производства и оборота японских предприятий; японские же данные, касающиеся земельных отношений, не имеют научного значения. В 1922 г. официальные японские источники определяли посевную площадь в Мукденской провинции в 216 млн. му, в Гиринской—в 156 млн., в Хейлунцзянской—в 118 млн.

Сравните эти цифры с приведенными выше — и станет ясно, что они никуда не годятся

рия Китая, включая историю и XIX в. — знает случаи, когда вымирало население целых провинций. После восстания тайпинов в Чжэцзяне едва ли осталось несколько сот тысяч людей. Но в Гуандуне за указанный в официальной статистике период катастрофы столь гигантского масштаба не имели места. Ясно также, что посевная площадь не увеличилась на 107 млн. му в течение одного года и не уменьшилась на 110 млн. в течение двух лет. Таких чудес не бывает даже в Китае.

Сравним с приведенными выше цифрами весьма интересные данные, отражающие картину распределения земли между разными группами Гуандунской деревни в 1917 г.

Посевная площадь (в му)	Количество хозяйств	
	Абсол. число	%
До 10	2 083 252	52,0
10 — 30	962 107	24,5
30 — 59	533 221	14,1
50 — 100	243 040	6,2
Выше 100	83 587	2,2
Всего . . .	3 926 207	100,0

Если предположить, что в первой группе средний размер хозяйства равен 5 му, а во всех остальных группах взят лишь минимальный размер (для второй — 10 му, для третьей—30, для четвертой—50, для пятой—100), то посевная площадь провинции Гуандун составит 57 144 690 му. Это минимальная цифра. Между тем выше мы приводили из того же отчета министерства земледелия и торговли цифру в 26 001 900 му посевной площади.

Было бы однако несправедливо ставить в вину именно министерству земледелия эти забавные статистические данные, долженствующие отражать земельные отношения, классовую диференциацию и т. д. китайской деревни. Ведь мы не знаем до сих пор даже такой, казалось бы, простой вещи, как численность населения Китая. Китайская бюрократия очень рано стала производить переписи населения в фискально-налоговых целях. Если верить китайским источникам, первая перепись имела место 2205 г. до хр. эры. С тех пор в Китае было произведено 67 общекитайских переписей населения. Как производились эти переписи, с какими вымогательствами и притеснениями народа, с каким обманом высшего начальства — об этом русский ученый монах Захаров написал очень недурную книжку [1]. Но стоило лишь в 1712 г. превратить подушный налог в поземельный, стоило императору заявить, что «рост населения не подлежит в будущем обложению» [2] и оказалось, что население возросло с 24 985 039 чел. в 1711 г. до 177 495 039 в 1749 и до 284 033 755 чел. в 1783 г. Там, где государственный аппарат, по словам американского миссионера Росса [3], является «мельницей для выжимания налогов из народа», иначе и быть не могло. Вся страна в смысле налоговом отдана на откуп купцам, ростовщикам, банкирам, бюрократии (вы-

[1] Захаров, Народонаселение Китая. Труды Пекинской духовной миссии.
[2] Декрет Цянь-Луна в 1712 г.
[3] Ross, The Manchu's.

шедшей из тех же слоев), и ожидать от такого аппарата «статистики» — наивная и вредная иллюзия. Ведь если социализм — учет, то статистика является результатом довольно развитого капитализма и плодом работы окрепшего и развитого буржуазного государственного аппарата. Европейское средневековье и феодализм также не знали статистики. Во Франции главный интендант торговли Толозан не мог дать точных данных о положении торговли в 1789 г. Комитеты и комиссии Национального собрания и Конвента не могли собрать цифровых данных по самым элементарным интересующим их вопросам. Всякий историк знает, до какой степени осторожно и скептически нужно относиться к статистическим данным эпохи, предшествующей XIX столетию.

Китайское средневековье в этом отношении было не лучше европейского. По данным путешественника — венецианца Марко Поло, бывшего финансовым «советником» и собирателем податей при Кублай хане, в городе Ханчжоу проживало в XIII в. 1 628 тыс. одних лишь рабочих [1]. Это конечно чепуха. А ведь Марко Поло тоже был налоговым чиновником в Китае.

Но вернемся к численности населения Китая. Данных имеется много. Бывший посланник САСШ Рокхилл определял в 1904 г. население Китая в 270 млн. чел. По официальным данным до «переписи» 1910 г. население страны составляло (по данным переписи 1842 г.) 413 млн. чел. «Перепись» 1910 г. обнаружила, что в Китае проживает якобы лишь 327 млн. чел. Ученый немец Крисс [2] высчитал на основании потребления соли, что в Китае живет только 232 млн. чел., но он забыл, что в Китае процветает контрабандная торговля солью, и кроме того он произвольно исходил из размеров потребления соли германским крестьянином. Но всякому известно, что китайский крестьянин потребляет соли значительно меньше, чем германский. С очевидной целью еще больше запутать вопрос, морские таможни также стали публиковать данные о населении. В 1923 г. они определили население страны в 444 968 тыс. чел., а в 1926 г. — в 448 231 тыс. Китайская почта, со своей стороны, исчисляла население страны в 1913 г. в 436 034 953 чел., а в 1927 г. — в 485 508 838 чел. При этом сами комиссары морских таможен в своих отчетах подчеркивают, что они не имеют точного представления даже о количестве населения тех открытых портов, комиссарами которых они состоят. Нет у нас точных данных даже о населении Шанхая, за исключением иностранных концессий в нем.

Английский статистик Темпл [3], сравнивая Китай с Индией, пришел к выводу, что население Китая достигает 282 млн. чел. В 1926 г. видный китаевед и статистик англичанин Виллберн заявил, что цифра в 300 млн. чел. преувеличена. «Ни в истории Китая, ни в китайской статистике нельзя найти достоверных указаний на то, что народонаселение страны возросло в течение XIX в. Гражданские войны, голод и наводнения поглощали естественный прирост населения. Войны и бедствия, обрушившиеся на Китай в XIX и XX вв., были куда более серьезны и разорительны в смысле уничтожения человеческих жизней,

---

[1] Marco Polo's Travels, т. II, 186.
[2] Kriess über Volk und Staatshaushalt. Шанхай, 1926 г., 132.
[3] «Saence», Peking, 1919, V, 145.

чем войны и стихийные бедствия в Европе или в Индии. Нет никаких указаний на то, что производство пищи в Китае в течение последних двух столетий увеличилось, и нет никаких оснований предполагать, что возросло население страны» [1], — пишет Виллберн.

Кто же прав? Китайское правительство, морские таможни, китайская почта, или же Рокхилл, Темпл и Виллберн?

Статистический секретарь соляной монополии и большой авторитет по вопросам китайской статистики Чэн Чжан-хэн также пришел к выводу, что в XIX в. рост населения в Китае шел медленнее, чем в какой бы то ни было другой стране мира. «Рост коррупции, расточение общественных доходов, усиление налогового пресса, упадок хозяйства, восстания, разрушительные наводнения, восстания тайпинов, мусульманское восстание, огромные голодовки, гражданские войны и общее состояние хозяйства страны привели к тому, что число смертей превысило число рождений», — говорит Чэн. И он и Виллберн правильно отмечают общую тенденцию китайской истории XIX и XX вв.

Нам легче будет признать правильность этих выводов, поскольку мы примем во внимание, что начало английского господства в Индии также ознаменовалось сокращением численности населения. Француженка-историк Мазельер пришла к такому же выводу относительно дореформенной Японии. «В течение 150 лет, с 1720 до 1870 г., население Японии оставалось стационарным. Единственной причиной этого был голод. оставалось стационарным. Единственной причиной этого был голод. Лишь после свержения феодализма начался рост населения в Японии» [2].

Но голод в Японии, даже в Индии, нельзя сравнивать с голодом в Китае. Маркс с ужасом отмечает голод 1867 г. в Индии, уничтоживший 1 млн. жизней. А наводнение и перемена русла Желтой рекой в 1857 г. избавили 7 млн. китайцев ото всех страданий. Конкуренция английской крупной машинной промышленности физически уничтожила 7 млн. индийских ткачей. Но во время восстания тайпинов и в результате мусульманских восстаний погибло около 22 млн. чел. Китайские летописи отмечают, что при Манчжурской династии имели место случаи голода в крупном масштабе: 167 — вызванных засухой, 324 — вызванных наводнением, и 3 случая — вызванных нашествием саранчи. Один американец подсчитал, на основании китайских летописей, что с 1620 г. до 1900 г. в Китае имели место 1 506 случаев голода, постигавшего целые провинции. Поистине Китай заслуживает название «страны голода» [1]. «Известен такой случай, как в 1876—1879 гг., когда в провинциях Шаньси, Шэньси, Хобее, Хэнань и части Шаньдуна не было дождей и вследствие этого погибло, по наиболее осторожным данным, 9 млн. чел., а по отчетам некоторых иностранных комиссий помощи голодающим — 13 млн. чел.

Но, может быть, развитие капитализма изменило положение, и гигантские голодовки прекратились? Мы смеем утверждать, что вышло как раз наоборот. Начало развития капитализма сопровождалось во всех

---

[1] Меморандум приведен в «North China Herald» от 15/IV 1904 г.
[2] В эту цифру не вошли провинции Гуаньси, Гуйчжоу и Сычуань.
[3] Malory, China — Land of Famine, 41-43.

странах резким ухудшением положения основных крестьянских масс при одновременном выделении слоя кулаков. Начало развития капитализма во всех странах сопровождалось тем, что основные массы трудящихся начинали жить впроголодь, что расширение рыночных отношений привело «к упадку крестьянского хозяйства, к возрастающему истощению почвы, к понижению урожайности» [1]. Научно-исследовательский институт с.-х. экономики в Москве разработал разные статистические, исторические и т. п. материалы, из которых совершенно ясно видно, что в Англии, Германии, Франции и вообще во всех странах Европы переход к капиталистическому способу производства, исключая только может быть Италию и Испанию, характеризовался именно учащением голодовок и изменением их характера в сравнении с периодом натурального хозяйства. Относительно России Энгельс, Плеханов и Ленин вскрыли прямую связь между учащением голодовок и переходом к капитализму. Но эта связь еще яснее в колониальных странах, где ограбление колониального крестьянства иностранным капиталом делает общие условия перехода от натурального хозяйства к товарно-денежному еще более тяжелыми. В Индии переход к капитализму сопровождался 19 голодовками, охватывающими миллионы и миллионы людей. В Индонезии XIX век был свидетелем вымирания миллионов людей. Китай очевидно как раз теперь переживает наиболее тяжелый период этого перехода. Голод в Шаньси в 1920—1921 гг. стоил жизни 500 тыс. жителей.

В 1925 г. в провинции Гуйчжоу, по отчетам китайской почты, вымерли буквально целые уезды. «Крестьяне успели посеять, но уже не успели снять урожая, и он сгнил на полях», читаем мы в отчете почты. Крестьяне ели тогда землю, причем распространилось поверие, что если богатый ест землю, то умрет, бедняк же не умрет. Богатые так и не ели земли и не умирали, бедняки же ели и умирали. В Юньнани в 1919 г. также был сильный голод. «Цены на продукты достигли небывалой высоты. Не будучи в состоянии содержать свою семью, многие становились бандитами. Власти получили разрешение ввозить рис из Индо-Китая... Началась спекуляция рисом. Торговцы рисом заработали, а народ страдал. В отдаленных уездах население целых деревень покинуло свои дома и отправилось в большие центры. Деревенские жители убивали своих детей, чтобы не видеть их голодающими, а взрослые умирали с голоду вдоль дорог» [2]. Так пишет комиссар морской таможни. А в 1927—1928 гг. в провинциях Шаньдун, Хобее и Хэнань голодало 9 млн. чел. В 1928—1929 гг. на всей территории Северного Китая голодало, по данным Международной ассоциации помощи голодающим, 37 млн. чел. По тем же буржуазным источникам в 1929—1930 гг. на территории Китая голодало 57 млн. чел. Подобных катастроф не видала мировая история! Немудрено, что официальные данные морской таможни и китайской почты все же сообщают о росте населения даже за эти катастрофические годы.

Все это показывает, что данные китайской статистики о населении страны нельзя считать даже приблизительными и ориентировочными. Численность населения, по всей вероятности, ближе к 300, чем 400 млн. человек.

---

[1] К. Каутский, Аграрный вопрос, 1925, 20.
[2] Malory, China - Land of Famine, 29—31.

Библиотека Специальная Книга

Точно так же обстоит дело с размером посевной площади. Джемисон утверждал в 1905 г., что обработанная площадь составляет в Китае около 2400 млн. му [1]. Организатор морских таможен Роберт Харт заявил в меморандуме, поданном императору, что обработанная площадь составляет 4 млрд. му [2]. Министерство земледелия и торговли определяло обрабатываемую площадь в 1917 г. в 1365 млн. му [3]. Мы уже знаем, однако, насколько можно доверять статистике министерства. Она составлена на основе земельных реестров в отдельных уездах. Уезды посылали свои донесения провинциям, а провинции — правительству. Земельные реестры, преследовавшие когда-то лишь фискальные цели, — сбор поземельного налога и обложение купли и продажи земли, — вполне заслуживают следующей характеристики: «Земельные реестры существуют уже несколько сотен, а может быть и тысяч лет... Введение этих реестров является лишь насмешкой над тем, что мы подразумеваем под реестрами. При реестрах имеются и планы каждой деревни. Все произведенные на территории (бывшего) германского протектората Цзяочжоу измерения... доказали, что планы и данные реестров ни в одном случае не соответствовали действительности» [4].

Нанкинское правительство в 1929 г. в связи с обсуждением знаменитого проекта аграрной реформы Ху Хань-мина постановило произвести составление нового, точного земельного реестра по всему Китаю. Это понадобилось бы гоминдану не для проведения аграрной реформы, а для фискально-налоговых целей. Но и это постановление осталось на бумаге, как и многие другие решения нанкинского правительства, как и аграрный закон гоминдана от 14 июня 1930 г.

Большое объективное затруднение при собирании статистических материалов в Китае составляет вопрос о мерах. А. В. Мараков написал целую диссертацию по этому вопросу [5], предприняв почти безнадежную попытку собрать все китайские меры. Меру поверхности «му» принято в нашей литературе считать равной $^1/_{16}$ десятины. Это однако далеко не верно. Официально 1 му равен 6000 кв. футам, но, например, в Цзинани имеются му, равные 8000 кв. футов и 17500 кв. футов. Каждая провинция, почти каждый уезд и часто каждая деревня имеют свои му, свою меру, причем все эти меры значительно разнятся друг от друга по величине. В общем 1 му колеблется в пределах от 257 до 927 *кв. м*. Влиятельные лица используют эту «неточность» в свою пользу, и в северном Цзянсу так называемые «общественные земли», «арендованные» джентри, измеряются мерой, которая в два раза больше обыкновенной. Соответственно меньше и поземельный налог и арендная плата.

Нанкинское правительство и в этом отношении попыталось осуществить «реформу». Оно декретировало новые меры и весы, обязатель-

---

[1] Return of Trade and Trade Reports 1919, ч. 2, т. V, 1329.
[2] Меморандум приведен в «North China Herald» от 15/IV 1904 г.
[3] В эту цифру не вошли провинции Гуанси, Гуйчжоу и Сычуань.
[4] Wagner, Die chinesische Landwirtshaft, 129.
[5] К каким ошибкам может привести доверие к статистическим данным восточной деспотии, показывает пример Кореи. По официальным данным, население последней составляло в 1904 г. 5 млн. чел. После захвата страны и формальной аннексии ее японцами в 1910 г. была произведена перепись и оказалось, что населения 13 млн. чел.

ные для всего Китая. Однако осуществление подобных мероприятий потребует одной предпосылки: правительство должно иметь власть в общекитайском масштабе. Но даже и в «лучшие дни» гоминдановского «объединения» страны власть Нанкина — и то весьма условно, формально и ограниченно — распространялась только на восемь провинций Китая. Однако декрет Нанкина не проводился даже в этих провинциях.

Итак у нас нет даже приблизительных, даже ориентировочных данных о посевной площади.

Восточные деспотии считали семью политической, хозяйственной и, что важнее всего, фискальной единицей. Китайские летописи часто приводят не число душ (в Китае — «рыл»), а лишь число «дверей» или дворов [1]. В Японии во время дореформенных переписей населения совершенно не подсчитывали не подлежавших обложению детей [2]. В Корее дети также не подсчитывались. В Китае полиция и в настоящее время регистрирует только число семейств. Семья является административной и фискальной единицей. Может быть, подходя к вопросу хотя бы с этой стороны, мы придем к сколько-нибудь обоснованным выводам относительно численности населения и посевной площади.

По данным министерства земледелия и торговли крестьянских хозяйств насчитывалось: в 1914 г. — 59 402 315, в 1915 г. — 40 737 886, в 1917 г. — 48 907 853, в 1918 г. — 45 935 475. Эти цифры явно неточно отражают действительность. Даже в специфических китайских условиях, когда большинство населения находится постоянно на грани голодной смерти, невозможно, чтобы в течение одного года, с 1914 по 1915 г., исчезло с лица земли 19 млн. крестьянских хозяйств. Точно так же невозможно, чтобы в последующие два года воскресло 8 млн. хозяйств. Министерство пытается объяснить эти скачки тем, что в итоговые цифры отдельных лет не вошла та или иная провинция. Это действительно так. По отдельным годам ряд провинций вообще не потрудился посылать доклады министерству. Но дело здесь конечно не в этом, а в самом государственном аппарате. В предисловии к статистическому сборнику министерства указано, что «все данные настоящего сборника составлены на основании докладов, присланных по особой установленной министерством форме начальниками уездов, особых районов и провинций». Зная характер государственного аппарата, нельзя серьезно отнестись к этим данным. Поскольку т. Попов-Татива защищает «китайскую статистику», он вообще не понимает сущности и классового содержания восточной деспотии вообще и китайской в частности, и можно лишь сожалеть, что марксисты в оценке китайской статистики не достигли в 1927 г. того уровня, на котором стоял русский монах Захаров в 1840 г. Некий Тан Чи-юй, утверждал в журнале китайского научного общества [3], что в Китае 57,2 млн. крестьянских хозяйств. «Общепризнанный» китайский справочник [4] утверждает, что в Китае

---

[1] «Вестник Манчжурии», № 1 1927 г.

[2] В Японии до 1920 г. перепись производилась по старому обычаю подворно. Ее производила современная, хорошо приспособленная к такой работе бюрократия. Тем не менее подушная перепись 1920 г. показала, что в подворных переписях была ошибка на 700 тыс. чел.

[3] «Science», декабрь 1924 г.

[4] China Yearbook.

51 млн. хозяйств. С тех пор в статьях, научных диссертациях, речах и воззваниях постоянно повторяются именно эти цифры. Но на чем они основаны — ведает один лишь Конфуций! При анализе всяких обследований, в том числе и выборочных, произведенных с величайшей добросовестностью и тщательностью, следует учитывать два момента.

Во-первых, китайский крестьянин, наученный 5-тысячелетним горьким опытом, своим властям никогда правды о своей семье и о своем хозяйстве не скажет. Он знает, что это угрожает ему новым налогом, новым вымогательством. Народное суеверие считает величайшим несчастьем, если во время молотьбы риса или во время сбора шелка приходит постороннее лицо, и детям строго воспрещено говорить, каков был урожай. Надо признать, что этот обычай в китайских условиях имеет рациональные корни. Все участники выборочных обследований знают, с каким трудом добываются в Китае какие бы то ни было данные. Лед недоверия впервые начал таять в Гуандуне и в других провинциях, где развернулось крестьянское движение. Работникам крестьянских союзов крестьяне охотно сказали правду.

Во-вторых, каждый китайский чиновник, начиная с деревенского старосты и кончая министром, надувает свое начальство, не говоря ему правды. Каждый стремится выжать из населения побольше для себя лично. Начальнику важно получить свою долю добычи; он не интересуется тем, сколько в действительности собрал его подчиненный. Поэтому совершенно безнадежно и нелепо делать какие то ни было выводы на основании фискально-налоговых данных. Надо же понять, что статистика составляется на основании фискально-административных данных, и надо понять, что в Китае, несмотря на все потуги министра финансов Сун Цзы-веня, все еще господствует в налоговой области откупная система, а откупщик налогов, будь он банкир, чиновник, генерал, купец, ростовщик, помещик, — точно так же не заинтересован в том, чтобы доложить правительству правду, как низовой аппарат не заинтересован в том, чтобы сообщить правду откупщику.

Как бы неточны и ненадежны ни были имеющиеся у нас данные, один факт все же бросается в глаза, а именно — громадное несоответствие между всей территорией и обрабатываемой площадью страны. До тех пор пока иностранные исследователи проникали лишь в большие города и ездили по главным рекам и торговым путям, было принято считать, что в Китае обрабатывается «каждый кусок земли». Вот почему знаток земельных отношений в Китае Джемисон считал, что обрабатываемая площадь составляет 50% всей поверхности страны. Более основательное знакомство со страной показало, что это далеко не верно. Согласно официальным данным, обрабатываемая площадь составляет лишь 11,6% всей поверхности страны. Но если даже исключить малонаселенные области, как Синьцзянь, где поливно-оазисное хозяйство ставит земледелию весьма узкие пределы, при данном уровне техники и при данных социальных условиях; как Манчжурию, где, за исключением Мукденской провинции, имеется еще огромный колонизационный фонд и леса; как внутреннюю Монголию, где колонизационный процесс только что начался, — и ограничиться лишь 18 провинциями Собственно-Китая, то окажется, что по официальным данным вся поверхность составляет 3 936 000 *кв. км*, а обрабатываемая площадь —

1 136 511 *кв. км*, т. е. 28,9%. «Всякий мало-мальски знающий китайские условия должен подвергнуть сильному сомнению и эту цифру», пишет по этому поводу Вагнер, имея в виду преувеличенный характер этой цифры.

По данным Кохановского [1], в Китае обрабатывается лишь 15% всей земли. Поскольку мы примем во внимание, что во Франции 53% поверхности занято пашнями и садами, а 11% — лугами и пастбищами и 17% — лесом, и что даже в такой гористой стране, как Австрия, 37,6% поверхности занято пашнями, 19% — лугами и пастбищами и 32% — лесами, — нельзя не отметить кричащее несоответствие между обрабатываемой площадью и всей территорией страны.

В Японии, несмотря на все стремления расширить посевную площадь, несмотря на то, что японский крестьянин буквально лезет на горы, чтобы выйти из земельной тесноты, обрабатываемая площадь составляет лишь 17,5% всей поверхности. В провинциях Шаньси, Ганьсу и в северной части Шэньси, по всем достоверным наблюдениям, посевная площадь составляет только 2% общей поверхности. В «образцовой» провинции Шаньси, по официальным данным, общая площадь равна 700 млн. му, а посевная площадь — 40 млн. му. В густонаселенной провинции Гуандун посевная площадь, по официальным данным, составляет 7% всей поверхности. Наши товарищи, имевшие возможность в течение нескольких лет изучать земельный вопрос в Гуандуне, утверждают, что посевная площадь вряд ли больше 7—10% общей территории провинции.

Но, может быть, остальная территория страны покрыта лесами или используется как пастбище, луг, выгон? Нет. Вся остальная территория страны лежит без всякого использования.

Мы увидим дальше, что в этом обстоятельстве кроется один из ключей к пониманию особенностей земельных отношений Китая. Обезлесение страны в ходе исторического развития достигло здесь небывалых размеров. За исключением Манчжурии, где обезлесение также идет уже быстрыми шагами вперед, юго-западной части Хунани, долины реки Юань в провинции Гуйчжоу и долины реки Минь в Фуцзяне, а может быть и некоторых частей западной Сычуани, — в Китае нет лесов. Хищническое хозяйство уничтожает и последние жалкие остатки леса в Китае, обрекая на вымирание целые провинции, усиливая процесс изменения климата к худшему, увеличивая возможность наводнений и засух. Нет в Собственно-Китае ни лугов ни пастбищ. В ходе исторического развития скотоводство, как одна из отраслей народного хозяйства, все более и более теряло свое значение. Если исходить из разделения скота на три категории — скот рабочий, молочный и убойный, — то в Китае существует как более или менее общее явление лишь рабочий скот, который играет однако несравненно меньшую роль, чем в европейском или американском земледелии. Молочное хозяйство и молочный скот, равно как убойный скот никогда не прививались в Китае. Даже в Манчжурии, располагающей огромными пустошами, нет лугов или иных пастбищ для скотоводства. И последнее, как хозяйственная категория, имеющая определенный удельный вес в общей си-

[1] Кохановский, Землевладение и земледелие в Китае, 4.

стеме хозяйства, существует лишь в Китайском Туркестане, в провинции Ганьсу, где скотоводством занимаются мусульмане, и во внутренней Монголии. Но и в этих областях роль и значение скотоводства падает, ибо лучшие пастбища и луга превращаются в пашню. Монголы и мусульмане вынуждены переходить от скотоводства к земледелию, причем переходить на худшие земли. Известное значение скотоводство имеет еще в Юньнани.

Сельское хозяйство Китая существует следовательно, как общее правило, без леса, без лугов, без пастбищ. Отдельные исключения лишь подтверждают это правило. Мы знаем, что в долине Янцзыцзяна и Желтой реки, в отдельных частях Гуандуна имеется скотоводство, имеются пастбища и луга. Но если сравним удельный вес пастбищ в Китае с европейскими странами, не говоря уже о латино-американских, Австралии, Новой Зеландии, Южно-африканском союзе, то нетрудно убедиться в том, что в Китае их значение ничтожно. Китайский крестьянин должен «жить или умереть» не то на 15, не то на 20% территории Китая, находящихся под пашней. Поэтому несоответствие между общей поверхностью и обрабатываемой площадью страны и причины этого несоответствия имеют исключительно важное значение. Нельзя объяснить это несоответствие исключительно естественными причинами. Австрия не менее, а более гористая страна, чем Китай, и тем не менее пашня занимает там 37,6% всей площади.

Вообще было бы нелепо отождествлять необрабатываемую землю с землей, непригодной для обработки. Вообще было бы нелепо считать, что земля, признанная сегодня непригодной для обработки, не станет завтра, при других социальных и технических условиях, превосходной пашней. В Китае столь огромные территории остаются необработанными вовсе не по природным причинам. Как увидим далее, естественные причины переплетаются с экономическими, техническими и социальными.

В связи с этим вопиющим несоответствием между возделанной площадью и всей поверхностью страны возникает весьма существенный вопрос о соотношении между численностью населения и пашней. Обычно сравнивают плотность населения различных стран, исходя из всей площади и всего населения их. Такое сравнение, однако, в данном слӱчае ровно ничего не дает, ибо как же сравнить, например, плотность населения Франции с плотностью населения Китая, раз в последнем обрабатывается не то 12, не то 20% всей поверхности, а во Франции — 53%? Совершенно очевидно, что, желая получить ясное представление о плотности населения, мы должны положить в основу сравнения не всю площадь, а лишь возделанную площадь данной страны. Большое затруднение представляет в случае с Китаем то обстоятельство, что у нас нет точных, надежных данных ни о населении, ни о возделанной площади страны. Это затруднение не устраняется данными выборочных обследований, поскольку речь идет об общекитайских данных. Все же данные этих обследований освещают до некоторой степени вопрос о соотношении между численностью сельского населения и обрабатываемой площадью. Ознакомимся же с некоторыми данными выборочных обследований, упуская пока из виду то, что в Китае пашня должна кормить и скот и что таким образом следовало бы учесть и количество скота на данной территории.

Американский агроном Кинг [1] установил, что в одном месте провинций Шаньдун на 1 английской кв. миле возделанной земли живет 3 072 чел. В другом месте Шаньдуна он установил, что на 1 кв. миле живет 1 783 чел. Известный английский китаевед Смит установил в одном уезде Шаньдуна 531, а в другом 2 129 жителей на 1 кв. милю. На основании этих данных и на основании своих многолетних наблюдений, немецкий агроном Вагнер [2] пришел к выводу, что средняя плотность населения Китая на 1 кв. милю возделанной земли определяется в 1 285 чел.

В дельте реки Янцзы находится остров Цзюньмин, образовавшийся из нанесенных рекой ила и песка. На 1 кв. милю обрабатываемой земли приходится там 3 700 чел.

В провинции Аньхуй выборочное обследование 102 крестьянских хозяйств показало, что на 1 кв. миле возделанной земли живет 826 чел. [3].

Выборочное обследование, произведенное американской комиссией помощи голодающим [4], охватило 240 деревень в провинциях Хобэй, Цзянсу, Шаньдун и Аньхуй и дало следующие результаты:

Провинции и уезды	Количество деревень	Численность населения	Обрабатываемая площадь в му	Плотность на 1 кв. милю
Чже-цзян				
Цзинсянь	1	286	1 136,4	2 270
	4	—	2 971,6	4 650
	1	—	474,0	6 880
Цзянсу				
Ичжэн	5	2 084	4 120	1 770
Цзян-ин	17	3 414	(5 900)	2 050
Уцзян	20	1 372	4 931	(980)
Аньхуй				
Сюйчжоу	12	3 478	28 843	290
Шаньдун				
Чанхуа	20	5 859	11 867	3 000 [5]
Хобэй				
Цзунхуа	18	9 085	20 073	2 010
Дансянь	24	6 177	24 369	915
Ханьдань	18	4 236	25 506	690
Чисянь	20	3 363	22 060	550
	5	3 024	7 530	1 450

Разумеется, нельзя делать общих выводов на основании случайных разрозненных выборочных обследований, но все же у нас сла-

---

[1] King, Farmers of Forty Centuries, 17.

[2] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 123.

[3] Buck, An Economic and Social Survey of 102 farms near Wuhu, Anhwec, China, 22.

[4] Malone and Taylor, The Study of Chinese Rural Economy, 1924, 4.

[5] Эта цифра вызывает сомнения ввиду того, что при обследовании был взят в основу местный му. По исправлении получается 1 800 чел. на 1 кв. милю.

гается впечатление, что по плотности населения на обрабатываемой земле Китай занимает первое место даже на густо заселенном Дальнем Востоке. В Японии плотность земледельческого населения на 1 кв. милю возделанной земли достигает 1 922 чел., а в Индии, в провинции Бомбей — 308, в Мадрасе — 614, в объединенных провинциях — 816, в Бенгалии — 1 162 чел. Приведенные выше данные об отдельных провинциях Китая указывают на то, что северные провинции Китая достигают в смысле плотности населения уровня Индии, центральные провинции опережают Японию, южные же превосходят любую страну мира, за исключением, быть может, некоторых округов Явы. Забегая вперед, мы хотели бы уже здесь вкратце указать, что плотность населения на 1 кв. милю возделанной земли увеличивается по мере того, как мы идем с севера на юг. Чем южнее, тем плотнее население. Это объясняется тем, что на юге снимаются в год два-три урожая и следовательно необходимая для прокормления одного человека земельная площадь уменьшается. Как мы увидим дальше, одним этим обстоятельством не исчерпываются факторы, определяющие плотность населения. Еще важнее в этом отношении, как и насколько снабжена данная область водой. В долинах рек, у источников воды, вблизи озер плотность населения достигает наивысшего уровня. Этот факт, характерный для Китая, установлен также статистикой в Индии, в Японии, в Индо-Китае и на Яве. В Индии обилие дождевой влаги, принесенной муссоном, различно, смотря по провинции. В областях обильного дождя население плотнее, чем в менее одаренных муссоном районах. Плотность населения при прочих равных условиях прямо пропорциональна размерам искусственного снабжения водой — таков один из факторов, определяющих плотность населения в Китае и на Дальнем Востоке вообще. Густота населения на рисовых полях долины Янцзы и Синьцзянь поражала наблюдателей.

Второй не менее важный фактор заключается в том, что плотность населения данной территории зависит от удельного веса той части посевной площади, которая дает два или три урожая в год. Чем больше часть пашни, дающая два урожая в год, тем плотнее при прочих равных условиях население. И этот характерный для Китая факт статистически установлен в Японии и Индии.

Именно последнее обстоятельство объясняет тот на первый взгляд трудно объяснимый факт, что, по данным выборочных обследований и по общим наблюдениям, в южных и даже центральных провинциях Китая возделанные земли более плотно заселены, чем в Индии и даже в Японии. Ведь в Японии лишь 19,6% всей возделанной земли дает два урожая в год, а в Индии, смотря по провинции, от 14 до 30% всей посевной площади. Мы не располагаем данными во всекитайском масштабе, тем не менее на основании выборочных обследований мы можем утверждать, что на севере Китая от 40 до 50% посевной площади дают два урожая в три года, а в Центральном Китае во многих местах 80% возделанной земли дают два урожая в год, на юге же даже три. Вот почему по плотности населения на обрабатываемых землях Китай опережает Индию и даже Японию.

Разумеется, все эти рассуждения имеют, в условиях развития рыночных отношений, распространения торгово-технических культур, весьма

условное значение. Поскольку данный район снабжает предметами питания другие районы, поскольку он производит промышленное сырье, постольку меняется значимость этих наблюдений. Далее, следует учесть, что крестьянин значительную долю своей продукции производит не для себя, а для помещика, ростовщика, собирателя податей и т. д. Установленные нами факты верны, но они верны лишь с этими большими поправками, основанными на учете социально-экономических отношений. Абстрактных законов народонаселения не существует.

Китайская земля должна, таким образом, снабжать средствами существования не только абсолютно, но и относительно больше людей, чем земля любой другой страны мира. Аграрная перенаселенность стала поэтому основной проблемой всех буржуазных исследований Китая. В довольно обширной английской, германской и американской литературе о Китае мы не нашли ни одного автора, который не объяснял бы все или почти все бедствия Китая именно перенаселенностью страны. Эти буржуазные пошляки и апологеты империализма, а наряду с ними и китайские идеологи помещичьей эксплоатации, торгово-ростовщического капитала возрождают в худшей форме пошлую теорию Мальтуса о народонаселении. Более «ученые» идеологи империализма и китайского общественного строя «подкрепляют» свою мальтузианскую премудрость, воскрешая закон «убывающей производительности последующих затрат в земледелии». Оказывается, что во всем виноваты китайские женщины, рождающие слишком много детей; оказывается, что производительность китайской земли возрастает не столь быстро, как народонаселение, и отсюда вытекают все бедствия. Империализм, милитаризм, гнет помещика и ростовщика по этой схеме не при чем. Спасение страны — в контроле над рождаемостью.

Вступать в спор с этими буржуазными пошляками нет смысла. Империализм сбывает на колониальных рынках не только всякую дрянь и всякое барахло в товарах, но также всякое барахло всех видов авантюристов в смысле «людского материала», и хотел бы сбывать на тех же рынках также старую дрянь, отжившее барахло идеологии.

С нелепейшей теорией Мальтуса, попытавшейся установить «абсолютный» закон народонаселения, покончил уже Маркс. Он же установил, что каждая общественная формация, каждый общественный строй имеет свой собственный и свойственный лишь ему закон народонаселения. Закон об убывающей производительности последующих затрат в земледелии, как абсолютный закон, также разбит теорией и фактами жизни. Уже Маркс устанавливал, что новые затраты именно «в земледелии могут быть продуктивно употреблены, потому что сама земля действует в качестве орудия производства». И Ленин превосходно доказал, что «закон убывающего плодородия почвы вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной». Закон Мальтуса не стал вернее в Китае и закон убывающего плодородия почвы не стал вернее от того, что после Давида, Маслова и пр. Бауэр и Бааде воскресили его. Полемизировать с этими «теориями» не стоит. Достаточно будет указать на несколько элементарных фактов.

1. Сказки о многочисленности китайской крестьянской семьи яв-

ляются именно сказками. Крестьянская семья в среднем состоит из 4—5 человек. Это доказано всеми данными, всеми обследованиями.

2. Процент рождаемости в Китае ниже, чем в какой бы то ни было стране мира. Это также доказано всеми доступными подсчету фактами и наблюдениями.

3. Процент смертности в Китае выше, чем в какой бы то ни было стране мира. В Пекине смертность мужчин 33, а женщин — 42 на тысячу в год. В недавно опубликованном официальном отчете о состоянии здравоохранения в Китае [1] указано, что процент смертности в Китае достигает в среднем 30 на тысячу в год (в Англии — 10,4), что в стране умирает ежегодно, сверх обычной для цивилизованных стран нормы, 6 млн. чел., что одно только отсутствие прививки против оспы отправляет на тот свет 900 тыс. чел. в год. Средняя продолжительность жизни в Китае 30 лет, в Англии — 58. Смертность среди младенцев на первом году жизни в Англии — 69, а в Китае 200 на тысячу. «Подарок» Англии Китаю — опиум — играет во всем этом значительную роль. Нужно достаточно большое теоретическое бесстыдство, чтобы говорить в этих условиях о слишком «быстром» росте населения.

4. Ограничение рождаемости уже давно практикуется в Китае и производится оно путем... детоубийства. Лишних детей, главным образом девочек, в Китае убивают после рождения. Недурный английский исследователь китайского быта Вернер [2] написал об этом потрясающие страницы. Английская миссионерка Филь сообщает о Гуандуне 80-х годов, что «убийство детей женского пола здесь очень распространено» [3]. В Кантоне этот «обычай» и до сих пор «весьма распространен». Мы не нашли еще ни одной работы о народонаселении Китая, в которой не был бы отмечен тот на самом деле знаменательный факт, что число детей мужского пола в возрасте от 1 до 10 лет значительно превышает число детей женского пола, в то время как во всех странах мира, за исключением нескольких дальневосточных стран, в том числе Индии, наблюдается как раз противоположное явление [4]. Буржуазные исследователи объясняют этот факт обычаем, религией, «почитанием предков», как основой народной религии, и т. п. соображениями. Девочка, дескать, не является продолжением рода; девочка, по религиозным учениям, не может почитать предков, в то время как мальчик может. Выходит так, что китайские и индийские женщины рожают весьма сознательно и давно решили рожать больше мальчиков, чем девочек. Даже американскому профессору Баку надоели эти рассуждения, и он отметает их, заявляя: «Имеются две хорошо известные причины этого факта (превышение детей мужского пола над числом детей женского пола): во-первых, больше ценят мальчиков, чем девочек, и более заботливо относятся к ним, и во-вторых, известное количество девочек выкидывается (убивается)» [5]. Стало быть ясно, что дело не в рождае-

---

[1] Приводится из «Shanghai Times» от 22 октября 1927 г.

[2] Werner, China of the Chinese.

[3] «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», 188.

[4] В Англии число женщин превышает на 4, 2% число мужчин. В Индии число мужчин превышает на 2, 32% число женщин.

[5] Buck, An Economic and Social Survey of 102 Farms, 16.

мости, а наоборот — в смертности. Бесстыдно говорить при этом о слишком быстром росте населения.

5. Стихийные бедствия часто уничтожают миллионы людей.

6. Зачатки капиталистического развития в Китае, жуткие ужасы китайских фабрик, шахт, заводов производят сильнейшие опустошения среди населения. На шахтах Ханьепинского металлургического комбината — по данным весьма тщательно проведенного обследования Рокфеллеровского института — 81,6% всех рабочих больны [1]. В Хунани целые деревни — мужчины, женщины, дети — работают на казенных киноварных шахтах, «и медленно отравляются целые деревни в результате антисанитарных условий» [2]. В Хунани на медных рудниках умирают от болезни легких 40% рабочих, а на рисоочистительных заводах — от 30 до 40% [3]. На шанхайских фабриках дети работают 12 часов подряд ночью, а в Ханькоу женщины работают на шелковых фабриках 14 часов. У нас нет точных данных о средней продолжительности пребывания работниц на текстильных фабриках в Китае, но мы знаем, что в Японии, где санитарные условия гораздо лучше, где продолжительность рабочего дня меньше, а зарплата немного больше, работницы пребывают на фабриках в Осака и в других больших городах лишь немного больше года. Можно смело утверждать, что китайские шахты, фабрики уничтожают каждый год 60—70% своего наличного состава рабочих, превращая их в калек, нищих, пауперов. Современная домашняя промышленность перенесла эти прелести фабричной жизни в деревню. Полагают, что в Китае 2 млн. часто ослепших на работе по вышивкам и т. п. «На самой большой и современной фабрике Северного Китая обследование показало, что 95% рабочих больны трахомой» [4].

7. Китайские генералы, с своей стороны, принимают меры к тому, чтобы народонаселение не росло слишком быстро. Ведь не какой-нибудь озлобленный против китайских генералов большевик, а консул его величества английского короля в Фучжоу господин Кленнец сообщил посланнику для доклада Макдональду о следующем:

«Бывший дубань провинции, генерал Ли Ху-дзи сказал мне, что провинция Фуцзян в настоящее время перенаселена по сравнению со своими производительными ресурсами, и в частности Фучжоу и его окрестности слишком густо населены, и нельзя прокормить все население. Он объяснял это тем, что в отличие от других частей Китая, которые периодически очищались гражданскими войнами или татарскими нашествиями, повлекшими за собой огромное истребление людей, в Фуцзяне в течение тысячи лет не было такого поголовного истребления населения... Бывали войны, но не такие, как восстание тайпинов, которое опустошило провинции нижнего Янцзы... Я не хочу утверждать, что генерал Ли считает такое поголовное истребление в настоящее время желательным, но я думаю, что он смотрит на периодическую полотьбу народонаселения путем истребления, как на нормальное средство, предписанное природой к ограничению населения, и чувствует, что настоящие условия сделают необходимым применение этого сред-

---

[1] Collins, Mineral Entreprises in China.
[2] «Papers respecting Labour Conditions in China», London, 30.
[3] Там же, стр. 30—31.
[4] «Shanghai Times», 25/VIII 1927, стр. 12.

ства в недалеком будущем». Вот некоторые, но вовсе не вечные «законы», определяющие народонаселение в Китае.

При таких воззрениях китайских господствующих классов и при дружном сотрудничестве милитаризма и капитализма в истреблении населения вполне естественно, что последнее (согласно мнению серьезных исследователей) не растет, а уменьшается.

При всем этом несомненен тот факт, что в Китае имеется большая относительная перенаселенность. При данном уровне техники в Китае, при данных общественных условиях, при данной производительности труда китайская земля не может прокормить наличного деревенского населения, тем более, что империализм и китайский город выжимают из деревни огромное количество не только прибавочного продукта, но и продукта, необходимого для питания самих деревенских производителей.

Итак возникает вопрос о соотношении между численностью городского и деревенского населения. Нам придется коснуться и этого вопроса для полноты «статистической картины».

Соответствующих достоверных и надежных цифровых данных нет. Разбирать же данные, приводимые разными авторами, вряд ли более полезное занятие, чем гадание на кофейной гуще. Общепринято считать, что городское население составляет 20%, а деревенское 80% всего населения страны. Некоторые китайские авторы, а вслед за ними и английские считают, что городское население Китая составляет 30% всего населения страны.

Эти цифры явно преувеличены. Ведь по данным Левассэра [1], во Франции перед Великой революцией городское население, поскольку можно доверять тогдашней статистике, составляло 1 949 тыс. чел. при общей численности населения в 23 млн. чел., т. е. лишь 8,4% всего населения. В САСШ городское население составляло в 1880 г. 29,5%, в 1890 г. — 36%, в 1900 г. — 40%, в 1910 г. — 46% всего населения. В Японии, где развитие промышленности зашло очень далеко, городское население составляло в 1913 г. — 33% и только в 1927 г. — больше 50%. Трудно предполагать, чтобы в Китае, отсталой в промышленном отношении стране, соотношение между городским и деревенским населением достигло японского уровня 1913 г. или уровня САСШ в 1880 г.

В Индии, стране в экономическом смысле более передовой, чем Китай, деревенское население составляет 90% всего населения, причем три четверти деревенского населения занято земледелием, а остальная четверть — торговлей, ростовщичеством, ремеслом и пр. Следует иметь в виду, что в силу исторического развития город в Китае, как и в других восточных деспотиях, играл иную роль, чем в феодальной Европе. Если «в средние века деревня эксплоатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплоатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим непосредственным купеческим обманом и своим ростовщичеством» [2].

---

[1] Levasseur, Histoire de la Population avant 1874.

[2] Карл Маркс, Капитал, т. III, 337.

Это относится к европейскому средневековью. Однако в Китае политическая власть на весьма ранней стадии развития принадлежала уже городу. Помещик жил в городе. Город присваивал часть ренты. Раннее развитие товарного хозяйства и денежно-товарных отношений привело к тому, что в Китае имелись огромные города уже в то время, когда Лондон, Париж, Амстердам, Гамбург были маленькими деревушками. Сиань, Бэйпин, Ханчжоу, Кантон в ранние эпохи истории были крупнейшими городами мира [1]. Особенности исторического развития и организации общества в Китае дают основание предполагать, что городское население составляет относительно бо́льшую часть всего населения, чем на соответствующей ступени развития в европейских или американских странах или даже в Индии.

Утверждения, что 90—92% населения Китая занято земледелием, являются в свете этого может быть преувеличением; но несомненным преуменьшением является утверждение, что деревенское население составляет лишь 70% всего населения. Истина лежит где-то посредине.

Точного ответа у нас нет и не может быть. Мы не можем данными общекитайского масштаба ответить на вопрос о том, возросло ли абсолютно и относительно в период развития капитализма городское население за счет деревенского. Мы знаем, что в классических странах капитализма городское население абсолютно и относительно возрастает и безусловно возрастает относительно за счет деревенского. В старейшей капиталистической стране, в Англии, только 8% населения проживает в деревне. Но мы знаем, что в тезис Маркса о росте городского населения империализм внес известные поправки.

В Индии растет деревенское население за счет городского. Там растут некоторые крупные города — Бомбей, Калькутта, Джемшадпур. Они растут с американской быстротой. Но в то же время мелкие и средние города индийского средневековья пришли в упадок, и их население уменьшается. Мы не сомневаемся в том, что в Китае происходит такой же процесс.

На пустой скале вырастает в течение 80 лет крупный город Гонконг [2], с населением в 510 440 чел. На месте бедных рыбачьих деревушек вырос в течение 70 лет Шанхай с населением в 1 550 тыс. чел. Население Дайрена [3] с 1911 до 1921 г. выросло с 20 тыс. до 124 тыс. чел., а с тех пор город растет еще быстрее и в 1926 г. насчитывал 203 900 жителей. Население Харбина в 1911 г. равнялось 35 тыс. чел., в 1921 г. — 130 тыс. чел., а в 1926 г. — 164 900 чел. Этот перечень можно было бы продолжать. В провинции Хобэй по железнодорожной линии Бэйпин — Ханькоу вырос с 1914 г. до 1926 г. из маленькой захудалой деревушки в 200 дворов город Шицзячжуан с населением в 40 тыс. чел. Гирин, Мукден, Хэйлунзян росли на наших глазах с

---

[1] Это подтверждается относительно XII в. не только данными китайских источников и описаниями Марко Поло, но и данными арабских путешественников и торговцев, как Ибн-Батута, Сулейман и пр., которые в один голос заявляли, что крупнейшие города мира находятся в Китае.

[2] Гонконг — английская колония, но экономически часть Китая. Вырос за счет Южного Китая.

[3] Дайрен находится на «арендованной» Японией территории, экономически питается Манчжурией и вырос за ее счет.

истинно американским темпом. Население триедного города Ухана насчитывало в 1901 г. 850 тыс. чел., а в 1921 г. — 1 468 тыс. чел. Перед нами как будто несомненный рост городов за счет деревни. Но в то же время мы видим упадок крупнейших старых центров городской культуры.

Правда, произведенная гоминдановскими властями перепись населения в 1929 г. выявила, что населения Ухана насчитывается лишь 840 тыс. чел. Лишний раз была доказана полнейшая ненадежность приведенных морской таможнею данных. Но рост Ухана — несомненный факт.

По свидетельству китайских властей население Бэйпина уменьшается с каждым годом на 10 тыс. чел., в то время как Тяньцзинь растет за счет Пекина. Города в Манчжурии растут за счет эмиграции из Хобэя и Шаньдуна. Города в провинции Фуцзян и Гуандун гибнут. Когда-то гордая столица, Сиань, стал жалким провинциальным городком, и население его упало к 1926 г. с 1 млн. чел. до каких-нибудь 200 тыс., а в 1926 г. Сиань потерял еще 100 тыс. жителей. Столица Ганьсу Ланьчжоу также пришла в упадок. Столица Фуцзяни Фуйчжоу, по данным морских таможен, насчитывала в 1901 г. 650 тыс. жителей, в 1921 г. — 320 тыс., а в 1926 г. — 314 тыс.

Отчеты морских таможен содержат следующие данные об открытых портах, население которых росло:

Город	Население — в тысячах.			
	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1927 г.
Ньючжуан	50	61	65	65,6
Тяньцзинь	700	800	800	800
Чунцзин	300	598	497	623
Шаси	80	90	161	190
Ханькоу	850	826	1 468	1 584
Нанкин	225	?	380	360,5
Амой	96	114	300	300
Сватоу	38	66	85	93
Кантон	850	900	900	746
Харбин[1]	—	35	155	186
Дайрен[1]	—	20	116	222
Чанша[1]	—	250	535	536
Ханчжоу[1]	—	350	892	380
Вэнчжоу[1]	—	100	198	203

Тов. Попов-Татива составил таблицу численности населения главных городов Собственно-Китая на 1906 г. и на 1916 г. При всей условности и противоречивости этих данных, все же не подлежит сомнению упадок ряда городов по сравнению с 1926 г. (см. табл. на след. стр.).

Как ни осторожно относиться к этим данным, они безусловно отражают тенденцию упадка целого ряда когда-то крупных городов. Это конечно не значит, что можно согласиться с т. Поповым-Тативой, будто

[1] Харбин, Дайрен, Чанша, Ханчжоу и Вэнчжоу до 1901 г. не были еще открытыми портами. Право доступа в отдельные порты империализм завоевал лишь постепенно. Исследователи внешней торговли Китая не учитывают этой постепенности в расширении хозяйственной территории империализма в Китае, и поэтому часто приходят к совершенно ложным преувеличенным выводам.

Город	Население—в тысячах		
	1906 г.	1916 г.	1926 г.
Кайфын	200	150	—
Чифу	82	54	95
Ваньсян	150	70	83
Уху	137	100	117
Нанкин	400	376	396
Шаосин	500	200	—
Фошаньчжэнь . .	500	200	—
Ганьчжоу (Ганьсу)—когда-то город, ныне бедная деревушка. Цан-ян—когда-то город, ныне бедная деревушка.			
Ланьчжоу	500	—	100
Сианъ	1000	—	200

городское население Китая составляет лишь 5% населения страны, ибо в Китае, в большей мере, чем даже в Индии и других дальневосточных странах, в городах сконцентрированы все паразитарные слои — чиновники, ростовщики, помещики и т. д. Одних уездных городов в Китае около 1 500; население уездного города, по общим наблюдениям, достигает в среднем 15—20 тыс. чел., так что даже без крупных городов в стране несомненно есть от 20 до 25 млн. городского населения.

Большое влияние на рост городов оказывают железные дороги. Так Бэйпин — Ханькоуская и Лунхайская ж. д. превратили Чжэнчжоу в крупный центр за счет Чжоцзячжоу (милитаристская анархия разрушила Чжэнчжоу [1] и не восстановила Чжоцзячжоу). Растут капиталистические острова, созданные империализмом, растут открытые порты и главным образом концессии как центры торговли и промышленности, растут города в Манчжурии, но в то же время разрушаются старые центры городской жизни, разрушаются исторически сформировавшиеся торговые пути, уменьшается охват уездных городов, их политический и экономический район влияния.

В результате этих процессов уменьшается повидимому городское население относительно, в сравнении с деревенским. Значит ли это, что тезис Маркса об относительном росте городского населения за счет деревенского неверен? Отнюдь нет. Развитие капитализма и империалистический период не отменили этого закона, а лишь раздвинули рамки его действия. За счет индийской деревни растут города в Англии. Разорение китайской деревни сопровождается относительным ростом городов в Англии, Японии, в САСШ. За счет колониальной деревни растут города в империалистических метрополиях.

У нас нет точного ответа на вопрос о том, растет ли население, занятое в промышленности, относительно за счет населения, занятого в сельском хозяйстве. Однако мы сможем утверждать, и это чрезвычайно не трудно обосновать, что ввоз иностранных товаров и развитие крупной машинной индустрии в самом Китае разорили и разоряют гораздо больше ремесленников, чем могут поглощать крупное машинное производство и вообще города. В Индии статистика за последние десятилетия по-

[1] В 1926 г. вследствие генеральских войн, бандитизма и разрухи в провинции Хэнань 30% населения Чжэнчжоу состояло из нищих. Все фабричные рабочие и большинство железнодорожников бежали из города.

казывает относительный рост с.-х. населения за счет промышленного. Мы не сомневаемся в том, что в Китае происходил и происходит такой же процесс.

В силу этих рассуждений становится совершенно ясным, что всякая попытка статистически установить место сельского хозяйства в общей системе народного хозяйства страны заранее обречена на неудачу. В Индии отдельные экономисты делали такие попытки и пришли к выводу, что промышленность дает 10%, а сельское хозяйство 90% всей продукции страны. И эти расчеты можно подвергать весьма основательному сомнению. Но в Китае нет никаких даже приблизительных, даже ориентировочных данных, на основании которых можно было бы произвести какие бы то ни было расчеты.

Из изложенного вытекают следующие выводы:

1. При исследовании земельных отношений Китая нельзя пользоваться официальной статистикой министерства земледелия и торговли [1].

2. Отчеты министерства не дают нам даже приблизительных, ориентировочных данных о размерах обрабатываемой площади и о соотношении между последней и всей поверхностью страны. Что же касается распределения земли между отдельными категориями сельского населения, то содержащиеся в отчетах цифры рисуют скорее тенденции, чем фактические данные.

3. У нас нет точных данных ни о численности населения вообще, ни о соотношении городского и деревенского населения.

Мы считали необходимым отмести раз навсегда мусор, именуемый официальной статистикой, чтобы вместо общих и в большинстве случаев неприменимых к китайским условиям рассуждений и «анализа» расчистить путь для более конкретного изучения. Нельзя «анализировать» китайские земельные отношения на основании ничего не говорящих данных о размере площади, когда эти данные к тому же еще и неверны. В Ганьсу или в Хэйлунзяне крестьянин, имеющий 50 му, является бедняком, в Гуандуне же крестьянин, имеющий 50 му — по крайней мере — кулак, а иногда, смотря по выгодности расположения земли, и помещик. В Манчжурии, как общее правило, с 1 му снимают один урожай в год, на севере Китая в течение двух лет снимают три урожая, в долине Янцзы два урожая и один побочный урожай в год, а на юге — три-четыре урожая в год, и в том числе один или два урожая риса. Голое сопоставление размеров площади этих хозяйств не только не выявляет различий в смысле их классового распределения и хозяйственно-технического уровня, но, наоборот, затушевывает их. Поэтому весьма правильно поступил профессор нанкинского университета земледелия Л. Бак, введя в свои ценные выборочные обследования понятие «урожайного» му. Урожайный му представляет собой действительно обрабатываемую в

---

[1] Отчеты министерства публикуют также данные о количестве скота, о размере производства отдельных злаков и т. д. Конкретные обследования, произведенные насчет хлопка, чая, бобов и риса, показали, что и эти цифры не соответствуют действительности, лишь затрудняя изучение вопроса. Достаточно указать, что согласно этим отчетам во многих случаях экспорт чая из определенных районов в 3—4 раза превышает сбор чая в тех же районах. Больше вывозить, чем производить до сих пор умели лишь рейнские и токайские виноделы, но это удавалось им лишь путем подделок.

течение одного года площадь, причем 1 му может равняться 2—3, а местами даже 4 урожайным му. Профессор Бак обследовал 150 крестьянских хозяйств в уезде Янышань [1] провинции Хобэй. Мы будем еще неоднократно возвращаться к результатам этого обследования, а здесь отметим лишь, что общая площадь этих 150 хозяйств составляла 3 671 му, из коих под посевом находились 3 422 му (остальная площадь была негодна для обработки). Эти 3 422 му представляли собой 5 236 урожайных му, следовательно 53% всей обрабатываемой площади дали два урожая в год. Под руководством того же профессора Бака нанкинский университет произвел выборочное обследование 102 крестьянских хозяйств вблизи города Уху в провинции Аньхуй. Там оказалось, что 4 486 му обрабатываемой земли представляли собой 8 264 урожайных му, и значит 84,1% обрабатываемой площади дали два урожая за год. Чем южнее, тем более количество урожайных му превосходит количество «площадных» му. Уже в долине Янцзы большую роль играет так называемый «побочный» урожай. Одновременно с главным злаком сеется клевер, люцерна, сажаются арбузы, бобы и т. д., что значительно повышает урожайность и осложняет сравнение размеров площади с размерами производства. В Гуандуне число урожайных му часто в 3—4 раза превышает количество му данной площади. Как глубоко укоренилось в народе сознание необходимости учитывать это обстоятельство, свидетельствует тот факт, что китайский крестьянин на юге в беседе о хозяйственной мощности, о величине земельных участков, почти никогда не говорит, что у такого-то лица столько-то му, а говорит, что у него имение в столько-то дань [2]. Это значит, что данное имение приносит урожай или арендную плату в столько-то дань риса, именно риса. В Японии в феодальную эпоху даймио, крупные феодалы распределялись по категориям не по тому признаку, сколько у них цзо [3] земли, а по тому, сколько коку [4] риса, именно риса, они получали от своих крестьян.

Итак мы видим, что в Китае, как вообще в дальневосточных и ближневосточных странах, где искусственное орошение играет решающую роль, больше, чем где бы то ни было, необходимо изучение сельского хозяйства по отдельным районам. Но в том-то и дело, что не успели даже приступить в сколько-нибудь серьезной и приемлемой мере хотя бы к теоретическому районированию Китая с этой точки зрения. Максимум, что мы можем делать на данном уровне наших знаний — установить некоторые общие положения весьма условной ценности. Несомненно, что Манчжурия по природным условиям производства представляет собой особый район, хотя внутри этого района имеются огромные различия. Несомненно также, что области желтозема, области лессовой почвы представляют собой в смысле природных условий с.-х. производства особый район. С этой же точки зрения Южный и Центральный Китай, где значение искусственного орошения особенно велико, безусловно следует изучить как особый

---

[1] Buck, An Economic and Social Survey of 150 Farms Yenshan County, Chili Province, China.

[2] Дань — мера объема.

[3] Цзо = 0,99 *га*.

[4] Коку = около 160 *кг* риса.

район, хотя внутри этого огромного района очевидно приходится выделить целый ряд подразделений на особые районы. Китайский Туркестан, Синьцзянь со своим в основном оазисно-поливным хозяйством, требует не только по природным условиям, но также по историческим причинам, особого подхода. Нам кажется, что во внутренней Монголии сельское хозяйство развивается также при особых условиях. Одним словом, все указывает на необходимость изучения столь огромной страны как Китай в районном разрезе. Но экономическая география не сделала до сих пор даже робких попыток к разрешению проблемы о районировании Китая, ибо нет и не может быть общекитайских примет с точки зрения классовой диференциации крестьянства, установления мощности хозяйства и т. д.

Маркс, говоря о феодальном хозяйстве в Европе, отмечает: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [1]. Напротив, на Востоке могущество помещика определялось не числом его подданных, а размером его ренты. Это различие объясняется на наш взгляд тем, что в эпоху феодализма в Европе имелся еще огромный колонизационный фонд, и поэтому рабочая сила крестьянина была менее доступна для помещика, чем земля для крестьянина. Наоборот, на Востоке, ввиду необходимости искусственного орошения, расширения посевной площади и переселения, натолкнулись на гораздо большие препятствия, чем в Европе или в Америке, и земельная теснота стала важнейшим фактором уже в раннюю эпоху. Поэтому крепостной в Европе, даже в худшие эпохи усиления эксплоатации крестьян, был в более выгодном положении, чем азиатские крестьяне. На Востоке вопрос о закрепощении крестьянина возникает лишь в те периоды, когда вследствие разрухи, анархии и истощения почвы крестьяне вообще запускают землю и покидают свои хозяйства, когда бродяжничество является массовым явлением. На Западе феодалы почти всегда стремились к закрепощению своих крестьян.

Что касается вообще урожайности, то степень последней определяется не только естественными свойствами почвы или климатическими условиями. В одной и той же провинции, в одном и том же уезде наблюдаются огромные различия в урожайности. Нанкинский университет обследовал урожайность в разных округах южного Цзянсу, и оказалось [2], что в уезде Гуньшан урожай с 1 му составляет 1,36 пикуля риса, а в соседнем уезде Уси—4,00 пикуля, т. е. в 3 раза больше. В уезде Юйчжоу с 1 му снимают 0,32 пикуля пшеницы, а в соседнем уезде Чаншу—1,83 пикуля, т. е. в 6 раз больше [3].

Весьма тщательные наблюдения отдела земледелия Гуандунского университета показали, что сбор риса с 1 му на лучшей земле —

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, 710.

[2] «Land Tenure and Farm Products in Southern Kiangsu», «Chinese Economic Monthly», t. II, № 3.

[3] «Chinese Economic Bulletin», t. IX, № 273.

4,4 пикуля, на земле среднего качества — 3,2 пикуля, на худшей земле — 1,8 пикуля [1].

Лучшая земля дает сбор в 3 раза больше худшей, причем в обоих случаях речь идет об орошенной, влажной земле. Если же учесть разницу между урожайностью влажной, т. е. орошенной, и сухой, т. е. неорошенной, земли, и принять за единицу урожай на худшей сухой земле, то получим следующую картину:

Качество земли	Влажная земля	Сухая земля
Лучшая	6	3
Средняя	4	2
Худшая	2	1

При этом следует иметь в виду, что влажная земля дает в Гуандуне два урожая риса, местами и три урожая (третий или четвертый раз риса не сеют), а сухая земля — лишь один урожай.

Напоминаем, что при анализе земельной ренты Маркс сравнивал участок земли A, B, C и D, выручки с которых относятся для площадей одинаковой величины как 1: 2: 3: 4. По этому поводу Энгельс заметил, что «приведенные в рукописи (Маркса) примеры мало пригодны», ибо «берутся разницы, которые уже с самого начала сильно преувеличены» [2]. В Китае однако мы нашли случаи, когда разница колеблется в пределах не от 1 до 4, а от 1 до 18. Как мы увидим, сильные колебания урожайности составляют общее правило не только для большей части Китая, но и для всех тех стран, в которых главным продуктом питания является рис, где искусственное орошение играет в земледелии решающую роль.

Международный с.-х. институт в Риме оценивает нормальное ежегодное производство неочищенного риса в 440 млрд. ф. (английских), что составляет свыше 300 млрд. ф. очищенного, годного для человеческого потребления риса. На всем Дальнем Востоке, в Китае, Индии, на Яве, в Японии и Корее, в общей сложности свыше 800 млн. чел., около половины всего человечества живет почти исключительно рисом. На классическом китайском языке слово «земледелие» означает в то же время «производство риса». На китайском языке «пища» и «рис» обозначаются одним и тем же словом. Если китаец здоровается, он спрашивает (вместо нашего «здравствуйте» или «добрый день») «Как вы кушали свой рис?»; кушать на китайском языке значит кушать рис. Совершенно верно, что в Северном Китае и в Манчжурии основными продуктами питания являются гаолян, пшеница и просо, и что, с тех пор как продовольственный баланс Китая стал пассивным, страна ввозит не только рис, но и пшеницу и пшеничную муку. Верно, что даже к югу от Желтой реки за последние годы замечается переход в некоторых частях страны к производству картофеля. Но не менее верно, что в Хобэе распростра-

[1] В Японии, а отчасти и в Индии, официальная статистика без всякого теоретического обоснования уже начинает учитывать эти моменты и указывает отношение урожайных му к общей площади и отношение влажных земель к сухим. Делается это весьма безграмотно, и социальное расслоение по этим признакам тщательно скрывается.

[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 252.

няется производство риса (сухого) и что под давлением Японии рис начинает занимать почетное место и в Южной Манчжурии. Во всяком случае рис является в большей степени основной культурой земледелия в Китае и вообще на Дальнем Востоке, чем пшеница в Европе, Америке, Австралии и т. д.

На Востоке вообще, и на Дальнем Востоке в частности, природные условия земледельческого производства таковы, что без постоянного обеспечения регулярного водоснабжения невозможно воспроизводство условий труда и рабочей силы непосредственного производителя. Само собой разумеется, что техника не есть экономика, и сознательное регулирование водоснабжения может иметь место при любом общественном строе: при восточном обществе, античном обществе, феодализме, капитализме или социализме.

Сухой климат, нерегулярное снабжение полей дождевой влагой привели к тому, что земледельческая культура на Востоке смогла развиться только на почве искусственного орошения. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на развитие мусульманского Востока, где также «укрепился взгляд на землю, как на собственность мусульманского государства — общины верующих, — отдаваемую только в пользование отдельным лицам. Так же вырабатывался и взгляд на личность, как на элемент, безусловно подчиненный религиозно-политической и гражданской общине. Огромные затраты общественного труда требовали безусловного подчинения всех единой руководящей воле духовного главы, военачальника и хозяйственного организатора, строгой регламентации всех сторон общественной и частной жизни (шариат) и беспрекословного признания всех требований общественного интереса за веления религиозного закона. На этом во всех мусульманских государствах всегда основывались все натуральные повинности и вся налоговая система» [1].

Эти же факторы действовали и в Индии, в Средней Азии и в Китае.

От Персии до Индии, от Египта до Китая, во всех странах существует народная поговорка о том, что «без воды нет земледелия». «Каждая из многочисленных восточных деспотий, последовательно расцветавших и клонившихся к упадку, в Персии и Индии знала очень хорошо, что она прежде всего является представительницей народа в деле орошения речных долин, без чего там было немыслимо и самое земледелие» [2]. Энгельс в этих словах формулировал истину, которая глубоко заложена в сознании восточных народов. Эти природные условия производства на Востоке в историческом прошлом наложили свой отпечаток на самый способ производства, ибо в ходе развития они из природных условий обращались в исторические и общественные.

Без понимания этого момента нельзя понять историю восточных стран и особенности их сельского хозяйства.

Необходимость сознательного урегулирования водоснабжения с точки зрения постоянного земледелия, для обеспечения общества от голодовок, для обеспечения воспроизводства хозяйства, является одной из важнейших особенностей восточного сельского хозяйства, одной из его главнейших предпосылок и условий.

---

[1] Г. Сафаров, Проблемы Востока, 30.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 77.

Эти моменты мы должны иметь в виду не только при установлении методологии изучения статистики сельского хозяйства, но скорее при установлении метода ее составления в будущем, а точно так же и при разборе земельных отношений.

ГЛАВА II.

ЗНАЧЕНИЕ ВОДЫ.

Рис является главным предметом питания на Дальнем Востоке и в значительной части Китая.

Ученый агроном, профессор с.-х. университета на Филиппинских островах, Коплэнд является автором специальной работы [1] о рисе. Главные особенности риса Коплэнд характеризует следующим образом:

«Рис, как и все другие растения, питается и дышит. Для отправления этих жизненно необходимых процессов нужна, как и всем растениям, вода, ибо ни питание ни испарения — дыхание растений — невозможны без воды. Однако рис требует для своего питания и испарения больше воды, чем какое бы то ни было другое растение...

Важнейший злак мира, рис, растет успешнее всего в стоячей воде. В теории, а в значительной мере и на практике, снабжение риса водой проводится и регулируется самим производителем: орошение является техникой культуры риса... Вода при производстве риса настолько важнее других климатических факторов, что при наличии хорошего орошения рис является самым надежным злаком среди решающих пищевых растений мира» [2].

«Где водоснабжение усовершенствовано, там рис не нуждается в дожде... но где орошения нет, там способность риса сопротивляться действию высокой температуры, или другим вредным влияниям, или же сухости конечно весьма ограничена» [3].

«Наряду с недостатком воды рис страдает также и от излишка воды, и весьма вероятно, что на Востоке наводнение и грозы уничтожают большее количество риса, чем весь сбор риса в Италии и в САСШ, вместе взятых [4].

Итак для производства риса нужно водоснабжение, но водоснабжение урегулированное.

Рис растет и созревает под водой. Вода должна стоять на поле глубиной от 101 до 508 или больше *мм.* Американский профессор агрономии Камюс утверждает, что на Филиппинских островах в течение периода созревания риса поле должно быть покрыто водой глубиной в 117,6 *мм.* В Калифорнии требуется еще больше воды.

В этом первая, основная особенность риса.

Здесь же возникает вопрос: снабжает ли сама природа почву достаточным количеством влаги для разведения земледельческих культур вообще и риса в частности. Мы приводим несколько данных относительно количества осадков в ряде важнейших районов Китая.

---

[1] E. W. Copeland, Rice.
[2] Ibidem, 17.
[3] Ibidem, 43.
[4] Ibidem, 147.

	Шанхай (1873—1902)	Гонконг (1884—1907)
	В сантиметрах	
Январь	9,7	6,3
Февраль	10,3	7,7
Март	14,5	13,3
Апрель	16,1	13,3
Май	16,2	57,3
Июнь	29,9	73,9
Июль	23,0	55,7
Август	26,7	64,3
Сентябрь	21,2	42,6
Октябрь	14,9	21,3
Ноябрь	8,3	6,8
Декабрь	5,3	4,8
В среднем	196,4	367,3

Количество осадков в Северном Китае (Тяньцзинь).

Годы	*См*	Годы	*См*	Годы	*См*
1893	101	1903	71,8	1913	69,4
1894	137,2	1904	106,2	1914	119,6
1895	65	1905	87,7	1915	86,5
1896	106	1906	70,4	1916	97,2
1897	109,6	1907	73,1	1917	73,4
1898	71,5	1908	118,3	1918	89,7
1899	55,8	1909	65,9	1919	90
1900	55,6	1910	80,1	1920	50
1901	104,2	1911	75,7	1921	86,1
1902	45	1912	140,9	1922	59,5

При этом следует иметь в виду, что средняя годовая температура в Шанхае выражается в 58,8° и в Гонконге — 76,3°, значит температура сравнительно очень высокая. Мы знаем, что в Шанхае среднее годовое количество осадков за период 1873—1902 гг. составляло 192,6 *см* при средней годовой температуре на 58,8° по Фаренгейту. В Гонконге среднее годовое количество осадков составляет 538,6 *см* при средней годовой температуре в 76,3°. В Тяньцзине средний годовой выпад осадков за период 1893—1922 гг. колебался между 45 и 141 *см*.

Если мы сравним эти данные о количестве осадков в других странах, то окажется, что выпадение осадков составляет в Чарапундии (Бенгалия) 1 163 *см*, в Сингапуре — 263, в Бомбее — 188, Калькутте — 154, в Нью-Йорке — 114, в Мюнхене — 93, в Алжире — 76, в Москве — 53, в Кашгаре — 5 *см* в год.

Между тем в провинции Цзянсу, при нормальной температуре, созревание риса требует 180 *см* влаги в среднем за год, а в более южных областях требуется еще больше воды. Оказывается таким образом, что в Китае — или во всяком случае в решительно преобладающей части Китая — дождевой влаги далеко недостаточно не только для разведения риса, но даже для разведения пшеницы или других культур, требующих меньшего количества воды. Это обстоятельство имеет громадное значение с точки зрения с.-х. производства.

Другой знаток риса, испанский профессор Моэж, приводит следующие данные о том, сколько питательных веществ отнимают у почвы важнейшие злаки. Цифры указывают количество питательных веществ в килограммах, необходимых для сбора нормального урожая с 1 *га* земли или для производства 100 *кг* определенных злаков:

Злаки	Для нормального урожая с 1 *га*				Для произ. 100 *кг*	
	Нитраты	Фосфаты	Известь	Поташ	Нитраты	Поташ
Пшеница	138	74	62	190	4,31	1,94
Ячмень	86	79	42	93	3,93	1,93
Овес	126	78	38	129	5,06	1,52
Кукуруза	65	29	28	82	2,27	0,95
Просо	65	56	31	112	2,62	1,25
Рис	97	26	27	62	2,41	0,70

Таблица показывает, что рис отнимает у почвы меньше питательных веществ, чем другие злаки. В этом состоит вторая немаловажная особенность риса, объясняющая, почему в наиболее густонаселенных странах земного шара привилась именно культура риса.

Однако рис рису рознь. Видов и подвидов риса насчитывают несколько тысяч. На Яве, в Индокитае и Японии знают около 1 000 подвидов, на Филиппинских островах — 3 500, а в Индии — 8 000. Сколько подвидов риса существует в Китае — неизвестно. Однако, важнейшее и решающее различие между различными видами и подвидами риса определяется количеством воды, необходимым для производства риса. На этом основании виды и подвиды риса разделяются на две большие категории, а именно — на рис суходольный и влажный, на орошаемый и неорошаемый. Весь поступающий на городской рынок рис является орошаемым рисом, суходольный же рис производится почти исключительно для личного потребления крестьянина. Однако производство орошаемого риса выгоднее, ибо рис по своей природе есть растение влажных земель, а также потому, что орошаемый рис меньше подвержен случайностям погоды.

Главная выгода, как мы уже знаем, состоит в том, что урожайность орошаемой земли гораздо больше, чем суходольной: орошаемая земля дает два-три, иногда четыре урожая в год, а суходольная земля, как общее правило, лишь один урожай.

Как глубоко укоренилось это различие между суходольной и орошаемой землей в сознании всех народов Дальнего Востока, видно из того, что когда китаец, японец, индус говорят о земле, они всегда обозначают, о какой именно земле идет речь: о сухой или влажной, орошаемой или неорошаемой, о рисовой или суходольной. Это различие проникло даже в официальную статистику, и во всех странах «рисового мира», включая и Китай, публикуются данные о распределении обрабатываемой площади на орошаемую и суходольную землю. Богатство и благосостояние страны измеряются также соотношением влажной и сухой земли.

Мы попытались составить таблицу количества сухой и влажной земли в важнейших странах Востока (в тысячах *га*):

Страна	Влажная земля	Сухая	Превращается во влажную
Япония (в цзо)	3 045	3 053	271
Корея (в цзо)	1 560	2 820	202
Формоза (в цзо)	376	397	Данных нет
Филиппины [1] (в гектарах) . .	1 113	371	559 (предположит.)
Сиам [2] (в акрах)	300	5 850	Данных нет
Ява (в гектарах)	2 505	457	300 или 471 (предположительно)

В Британской Индии влажная земля составляла на плато Центральной Индии 6,3% всей пашни, на центральной равнине Индо-Ганга — 32,1%, на восточной равнине Индо-Ганга — 44,7%, на западной равнине Индо-Ганга — 30,2%, в восточных краях у подножия Гималаев — 28,7%, в западных краях у подножия Гималаев — 14,8%. Не подлежит ни малейшему сомнению, что до завоевания Индии англичанами влажной земли было больше, чем в настоящее время.

В Малайских штатах в четырех главных государствах (Кедах, Перлис, Перак и Келантан) рисовые поля составляют 499 555 акров, но соотношение орошаемых и неорошаемых земель нам неизвестно. Небезынтересно отметить, что английский империализм довел дело до того, что только 16% земли Малайских государств занято производством риса, остальная же часть занята под каучуковыми и другими плантациями. А голландские капиталисты на Яве добились того, что из общей пригодной для земледелия площади под рисом занято 3 263 тыс. *га*, а под каучуком, чаем, кукурузой, маниоковым хлебом, хинином, табаком и т. п. — 3 627 тыс. *га*, причем площадь под последними быстро расширяется, даже за счет рисовых полей.

Американский агроном Кинг утверждает, что в Китае влажная земля под рисом составляет 78 073 кв. миль (английских), а сухая — 4 004 кв. миль. Выходит, что влажная земля составляет чуть ли не 95% всех рисовых полей. Это, конечно, наивное преувеличение. Официальная же «статистика» министерства земледелия приводит следующие данные на 1915 г. (в му):

Провинции	Площадь орошаемых полей	Площадь сухих полей	Провинции	Площадь орошаемых полей	Площадь сухих полей
Столичный округ .	14 032 878	509 469	Аньхуй	39 789 937	2 531 564
Хобэй	77 454 013	4 639 406	Цзянси	34 650 691	4 663 952
Мукденская	48 707 036	2 419 573	Фуцзян	22 203 782	4 290 517
Гиринская	41 205 424	3 011 382	Чжэцзян	27 558 737	6 431 154
Хэйлунцзянская .	33 700 488	2 173 199	Хубэй	121 680 446	3 237 217
Шаньдун	254 879 996	1 882 720	Хунань	229 536 301	7 658 407
Хэнань	343 496 062	56 498 645	Шэньси	31 176 763	844 895
Шаньси	56 095 056	1 455 675	Ганьсу	26 856 303	379 512
Цзя су	136 535 944	4 506 270	Синьцзянь	12 897 795	812 115

[1] Данные весьма сомнительны и основываются на оценке. Метод орошения очень первобытный.

[2] 55% всей земли орошается первобытным способом.

Придавать какое бы то ни было значение этим официальным данным нельзя, ибо все наблюдения показывают, что на севере — в Манчжурии, Хобэе, Шаньси, Хэнани — орошение играет далеко не столь значительную роль, как на юге. Для провинции Гуандун один источник определяет соотношение между влажными и сухими рисовыми полями в 90 : 10 для всей провинции, а другой для 20 восточных уездов провинции в 70 : 30. Следует учесть то, что в Китае влажная земля распределяется в свою очередь на две категории, а именно на «плоскую землю», т. е. землю, с которой можно спустить воду и после сбора риса развести другую культуру, и «низкую землю» [1], т. е. землю, на которой оросительная дренажная система пришла в упадок, так что земля эта пригодна лишь для производства риса. С низкой влажной земли снимается только один урожай в год. По данным Нанкинского университета, обследовавшего 40,5 млн. му земли в 35 уездах Южного Цзянсу, сухая земля составляла 8%, плоская влажная — 73,3%, а низкая влажная — 18,7% всей поверхности. Разумеется, на основании подобных случайных данных нельзя делать общих выводов для всего Китая [2].

Влажная земля дает не только двойной сбор, но может дать и два-три урожая. С одного участка можно снять в течение одного года лишь один урожай пшеницы, пшена, ячменя, кукурузы или проса. Рис однако обладает прекрасным качеством быстрого созревания. На Филиппинах период созревания риса колеблется, в зависимости от вида и условий, в пределах от 94 до 221 дня и составляет в среднем 161—180 дней [3]. В Индии ранние сорта риса созревают в течение 75 дней, средний период созревания равен 75—100 дней, а поздние виды требуют 120 дней. Зато в Индо-Китае период созревания так называемого «камбодианского» (лучшего) риса составляет 10 месяцев, а в северной части Японии даже влажная земля дает лишь один урожай. В 1921 г. в Японии из общего количества 3 013 тыс. цзо влажной земли лишь 1 196 тыс. цзо дали два сбора, а 1 816 тыс. цзо — только один сбор риса. В Китае дело обстоит, даже на влажной земле, в разных провинциях по-разному. Ранние виды риса созревают в течение 4—5 месяцев. Это плохие сорта, и производятся они для личного потребления крестьян. Эти сорта сеются с середины апреля до середины мая, и жатва наступает в сентябре или октябре. Поздние виды лучшего качества созревают в течение более чем 5 месяцев. После них сеют еще один озимый злак [4]. Это относится к Центральному Китаю. В Гуандуне сеют рис в марте, и жатва бывает в июле. Второй посев происходит в июле или августе, а жатва — в ноябре или декабре. Где дренажная система в порядке, там перед второй жатвой спускают воду с поля и в ноябре сеют пшеницу, репу или сажают капусту. Третий сбор бы-

---

[1] Низкая влажная земля является результатом упадка оросительной и дренажной системы, и очень характерно, что это понятие существует теперь только в Китае.

[2] Чем южнее, тем больше орошаемой земли. В долинах рек и вблизи озер орошаемая земля составляет часто 100% всей возделанной земли. Как мы уже сказали, отношение орошаемой земли к сухой имеет большое значение и для плотности населения данной области.

[3] Chinese Economic Bulletin № 37, 1921.

[4] Chinese Economic Bulletin, 283.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА С.С.С.Р

вает в феврале. Итак замечательная особенность риса, а именно короткий период созревания, дает возможность быстрее оборачивать земледельческий капитал страны, сокращать рабочий период земледельческого производства. По газетным сведениям, на образцовых фермах Форда делаются теперь попытки сократить период созревания пшеницы на 50—60 дней. Успех этих попыток вызвал бы настоящую революцию в земледелии. Такая революция в производстве риса произошла несколько сот, если не тысяч, лет тому назад. Во всяком случае, при Ханьской династии (202 л. до хр. эры — 220 л. хр. эры) уже снимали два урожая (один — риса, второй — другого злака), а в 1727 г. указ императора повествует: «Мы слыхали, что в Цзянсу и Аньхуй, в Цзянси и Хубэе, в Хунани и Гуандуне снимаются два урожая риса в год» [1].

Из сказанного выше следует, что производство риса в большом масштабе возможно и выгодно прежде всего там, где имеется вода. Даже в тех странах, где культура риса привилась лишь в более поздние времена, рис сеется главным образом в речных долинах. Таково положение в Италии и Испании. В Калифорнии (САСШ) рис привился как важнейшая культура в долине реки Сакраменто и в штате Каролина в дельте Миссисипи. В Японии мы находим рисовые поля в долинах рек. В Индии Брамапутра, Ганг и т. д. орошают рисовые поля. В Китае Янцзы и Синьцзянь, а в Индо-Китае Мекон снабжают водой огромные пространства рисовых культур. И если античная европейская культура была культурой прибережной, приморской, если «вплоть до эллинистической эпохи античная культура остается береговой культурой, и ни один город не расположен далее, чем на расстоянии дня пути от моря [2], то в странах риса, в том числе и в Китае, культура была приречной [3]. Китай возник в бассейне реки Вэй, развивался в долине Янцзы, завоевал Кантонскую дельту и долину гуандунских рек и т. д., его города — приречные города, и именно это обстоятельство наложило столь глубокий отпечаток на историческое развитие Китая. И даже т. Радек, столь убежденный и остроумный противник «теории воды», вынужден признать, что «население теснилось по берегам Хуанхэ, Янцзы и Жемчужной реки с их притоками, так как по природным условиям и техническим приемам обработки земли оно могло вести хозяйство только там, где было возможно орошение» [4].

О значении больших рек в развитии культуры вообще не было разногласий между марксистами. На это указал уже Каутский.

«В Европе начало культуры развивалось не в такой мере в долине крупных рек, как на Востоке; в Европе наводнения и засуха играли

---

[1] Ping Chua-Lee, The Economic History of China, 417.

[2] Макс Вебер, История хозяйства, 50.

[3] В Японии реки поставляют 64,4% необходимой для орошения влажных земель воды, 20,9% поставляют резервуары, в которых собираются дождевые осадки и вода из рек, и лишь 14,7% воды добывают другим путем, главным образом из колодцев. О Китае подобных данных нет, но наблюдения устанавливают, что на юге подавляющая часть воды добывается из рек, обычно объединенными усилиями целой группы крестьян, а на севере кустарным способом из колодцев. В этом одно из немаловажных отличий между севером и югом.

[4] Карл Радек, Основные вопросы китайской истории, «Новый Восток» 1927 г., № 16—17, 47.

меньшую роль, чем на Востоке, совместная борьба против рек возымела свое влияние особенно на Востоке, и в этом заключалась одна из важнейших основ для возникновения древнейших культурных государств. Даже в легендах отражается это. Как в Египте, точно так же в Китае создание государства объясняется в легенде урегулированием рек. Мы знаем о государствах в долине Евфрата и Тигра, а также Ганга, что их основой служило преимущественно урегулирование воды... Совместная борьба с реками и с внешним врагом действовали часто одновременно, одно усиливая влияние другого. Но оба фактора вместе взятые не могли создать национальную жизнь в нашем смысле этого слова, ибо они не могли разрушить самодовлеющую общину и оставили в значительной мере незатронутой ее замкнутость» [1].

Каутский совершенно прав в этом. Он не прав лишь в том, что в восточных обществах классовой борьбы не было, что классовая борьба крестьянства была направлена не против государства и господствующих классов, а против персоны государя и против плохого отправления общественных функций господствующими классами.

Тов. Радек отрицает роль и значение воды и в своей полемике с представителем германской исторической школы, буржуазным ученым Максом Вебером, отрицает данное Вебером объяснение возникновения китайской государственности из необходимости борьбы с водой. Тов. Радек, вместо этой теории, выдвигает свою теорию, по которой Китай возник в борьбе с кочевниками. Остроумие однако не предохраняет его от ошибок и односторонностей.

Прав ли т. Радек, что борьба с кочевниками играла большую роль в возникновении классового государства в Китае? Конечно он прав. Ведь не кто иной как Маркс утверждал, что и у «всех восточных племен можно установить о б щ е е соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся с самого начала истории кочевым бытом другой части» [2]. Но не кто иной как Энгельс указал и на огромную роль искусственного орошения в возникновении восточных государств. Он уже указывает на то, что «одновременно с появлением различий в распределении продуктов возникают и классовые различия. Общество разделяется на привилегированных и угнетаемых, на эксплоатирующих и эксплоатируемых, на господствующие и подчиненные классы, и точно так же государство, развившееся из естественно выросших групп одноплеменных общин, сначала только в целях удовлетворения их общих интересов (например на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов, отныне получает специальное назначение: силою охранять условия существования и господства эксплоатирующих классов от классов эксплоатируемых» [3].

Энгельс же, излагая процесс разложения общины и возникновения классов из существовавших в общине общественных должностей, указывает на то, что «политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей и бывало устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественные обязанности. Многочисленные деспотии, под-

---

[1] «Neue Zeit», 1787 г., 394 — 398.
[2] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XXII, 488.
[3] Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, 137.

нимавшиеся и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие. Лишь просвещенным англичанам суждено было не заметить этого в Индии. При них оросительные каналы и шлюзы пришли в упадок, и только правильно повторяющийся голод открыл им наконец глаза на их небрежность относительно единственной деятельности, которая могла дать им по крайней мере такое же право господства в Индии, какое имели их предшественники» [1].

Само собой разумеется, что это государство не господствовало над какой-то социальной равниной, какой-то идеальной «демократией», как утверждают миссионеры и попы — исследователи Китая и как изображают дело китайские идеологи восточной деспотии. Бюрократия в этих государствах в ходе исторического развития не только связывалась с землевладельцами, но сама превращалась в помещиков (указы, запрещавшие это, оставались на бумаге, как об этом свидетельствует вся история Китая); она не только связывалась с торговым капиталом, но превращалась в крупнейших торговцев, захватывая то монополию на торговлю железом, то монополию на торговлю шелком, владея все время монополией на торговлю солью; она сохраняла при этом за собой вплоть до проникновения в страну империализма монополию на внешнюю торговлю и, что важнее всего, доминирующее положение на хлебном рынке. Амбарная система — эта исторически-сложившаяся на Дальнем Востоке форма социального обеспечения, самозащиты общества от голодовок, последствий наводнений, засух и других стихийных бедствий — обеспечивала за бюрократией полное господство на хлебном рынке, полную возможность регулировать цены на главные средства питания, и тем самым обеспечивала за бюрократией, вышедшей из помещиков, купцов и ростовщиков, доминирующее положение на всем внутреннем рынке. Эта бюрократия не только связывалась с ростовщическим капиталом, но сама превращалась в крупнейших ростовщиков. Через амбарную систему, систему туземных банков и ломбардов она подчиняла себе торговлю, ремесло, земледелие, транспорт. Огромнейшие народные движения, небывалые в истории по своим размерам и по своему размаху крестьянские восстания свергали неоднократно эту «триединую формулу» китайской истории, эту страшную унию между ростовщиком-бюрократом, ростовщиком-купцом и ростовщиком-помещиком, но крестьянская волна спадала, город снова садился на шею деревне, и в городе не было клаоса, который мог бы стать руководителем и союзником крестьянства. И когда истощение почвы, нашествие, чужеземное завоевание, стихийные бедствия, бродяжничество, разрыв торговых путей, пиратство превращали товарное хозяйство в натуральное, когда гнет помещика и ростовщика, обман купца, налоговый нажим бюрократа, столетняя эксплоатация лишали крестьянское хозяйство условий самого воспроизводства, тогда бил час — и «государство впадало крайне легко из состояния по видимости высокой и богатой развитой культуры в состояние чисто натурального хозяйства» [2].

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 166.
[2] Макс Вебер, История хозяйства, 44, 45, 52, 97.

Тов. Радек совершенно прав, утверждая, что теория Макса Вебера относительно Китая ложна и что его попытка изобразить китайскую хозяйственную систему как систему, основанную на родовой общине, прямо-таки смехотворна. Тезисы Вебера, что «в Китае еще доныне существует полукоммунистическое родовое хозяйство», что «в Китае могущество рода было настолько сильно», что положило предел даже жадности мандаринов, что в Китае цехи имеют ничтожное значение, ибо «там господствует хозяйство родовой общины», могут вызвать лишь смех. Несколько тысяч лет помещичьего гнета, эксплоатации крестьянства купцами, собирателями податей и ростовщиками давно уже покончили с родовой общиной, и все, что от нее осталось в некоторых южных провинциях, — это трагикомическая карикатура на родовую общину, это постыдное прикрытие родовыми связями худших форм эксплоатации, ограбления доходов от старых, оставшихся родовых земель, обмана, ростовщичества [1]. Обследования тт. Иолка и Волина в Гуандуне и опыт всех наших товарищей, работавших там, показали, что такое «китайская родовая община» в условиях товарно-денежного хозяйства, господства ростовщического капитала и помещичьего гнета. После работ Энгельса ясно, что родовая община несовместима с рынком и распадается, разлагается при столкновении с ним.

Тов. Радек прав, отвергая эту часть построения Вебера. Но он не прав, отрицая, что «для восточного хозяйства (Китай, Передняя Азия, Египет) решающую роль играла культура орошения», что именно «из этого возникла строительная и водяная бюрократия в этих странах» [2].

Дело в том, что это объяснение восточного хозяйства «выдумал» не Макс Вебер, а Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Макс Вебер тут не при чем. Он только заимствовал у Маркса эту теорию и испортил ее.

В своем письме к Энгельсу от 1 июня 1853 г. Маркс, разбирая книгу французского путешественника Бернье, описавшего «владения Великого Могола», указывает на то, что в этих странах (Бернье говорит о Турции, Персии, Индостане) «властитель является единственным собственником всех земель государства» (курсив Маркса), и что «основу всех земельных порядков на Востоке он (Бернье)

---

[1] Тов. Пеппер в своей статье в «Правде» от 1 мая 1927 г. «Китайская революция и империализм» весьма неудачно воскресил родовую общину в Китае, при господстве империализма, буржуазно-помещичьей власти, в условиях воздействия ростовщическо-торгового капитала и денежно-товарного хозяйства.

[2] Макс Вебер, История хозяйства, 50. Макс Вебер неправ, противопоставляя культуру орошения на Востоке расчистке лесов на Западе. Мы имеем немало данных, что земледелие в Китае также развивалось благодаря расчистке лесов. На Филиппинских островах и сейчас еще существует ряд племен, которые расчистили общественные леса и сеют рис. Этот метод производства называется «кэнжин» («caingin») и десять лет тому назад был еще довольно распространен, но теперь преследуется властями с целью охранять леса. «Кенжинеры» расчищают лес, сжигают поле во время сухого сезона и сеют во время дождевого сезона. Они палками делают дыры в поле и в эти дыры кладут семена, причем посев производится индивидуально или общиной. На севере Бирмы, в Непале, в отдельных частях северной Индии, в северо-западных пограничных провинциях, в отдельных частях Индо-Китая, все еще существует переложная система хозяйства.

Подобный метод производства существует у некоторых горских племен в Индии, на Малайских островах и довольно широко применяется в некоторых гористых местностях Индо-Китая.

совершенно правильно видит в том, что там нет частной земельной собственности» (курсив Маркса). «Вот настоящий ключ даже к восточному небу!» — восклицает Маркс [1].

В ответ на это Энгельс в письме к Марксу от 6 июня 1853 г. пишет [2]:

«Отсутствие земельной собственности является на самом деле ключом ко всему Востоку. В этом заключается вся политическая и религиозная история. Но почему восточные народы не дошли даже до феодальной собственности? Мне кажется, что причины главным образом в климате и в свойстве почвы, особенно в связи с великой полосой пустынь, тянущейся от Сахары вкось через Аравию, Персию, Индию и и Татарию вплоть до самого высокого азиатского плоскогорья. Первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а это является делом или общим, или областного, или центрального правительства. У восточных правительств всегда только три отдела: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри и за пределами) и общественные работы (забота о воспроизводстве). Британское правительство урегулировало № 1 и 2 несколько более буржуазно, а № 3 забросило вовсе, и индийское сельское хозяйство гибнет. Свободная конкуренция там совершенно оскандалилась. Земля там оплодотворяется искусственно, и в том случае, если водопроводы приходят в упадок, гибнет и земледелие; этим как раз объясняется тот любопытный факт, что целые области, прежде блестяще обработанные, теперь заброшены и пустынны (Пальмира, Петра, развалины в Иемене, местности в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и то явление, что достаточно одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и лишить ее цивилизации на сотни лет».

Здесь ударение надо поставить на том огромном значении, которое Энгельс придавал искусственному орошению. Что Маркс был согласен с выводами Энгельса насчет значения искусственного орошения, это видно хотя бы из следующего места «Капитала»:

«Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д., или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растения воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна расцвета промышленности в Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в канализации».

А в примечании Маркс еще добавляет [3]:

«Одной из материальных основ государственной власти над несвязанными между собой мелкими производственными организмами Индии было регулирование

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. «Московского рабочего», 64—65.

[2] Там же, 65.

[3] Маркс, Капитал, т. I, 495, примечание 6.

водоснабжения. Магометанские властители Индии понимали это лучше, чем их английские преемники. Мы напомним лишь о голоде 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индусов в округе Орисса Бенгальского президентства» (разрядка наша. — *Л. М.*).

А в «Письмах об Индии» Маркс дает следующую развернутую формулировку этим утверждениям.

«Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущиеся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенности азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Подобно тому как в Египте и в Индии пользуются наводнениями для орошения полей, точно так же в Месопотамии, Персии и других местах пользуются высоким уровнем воды для того, чтобы наполнить водой оросительные каналы. Эта элементарная необходимость экономического и совместного использования воды, которая на Западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, — на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ. Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда прекрасно обработанные, как например Пальмиру, Петру, развалины Иемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации. И вот британцы переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством публичных работ. Отсюда упадок земледелия, неспособного развиться по британскому принципу свободной конкуренции, по принципу «laissez faire, laissez passer». Однако мы привыкли видеть, что в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды» [1].

Кажется ясно. А относительно Китая, где урожай еще в большей степени, чем в Индии, находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, не иностранный завоеватель, а сами китайские господствующие классы «пренебрегали ведомством публичных работ», и тем самым важнейшая предпосылка земледельческого производства — искусственное орошение — пришла в упадок, вызвав хронический кризис всего сельского хозяйства.

---

[1] «Летопись марксизма», т. III, 41—42.

Роль и значение искусственного орошения очень хорошо понимал Плеханов. В своей превосходной статье о значении больших рек для развития культуры, написанной по поводу книги Мечникова, он подчеркивает те же основные мысли, что и Каутский.

И несомненно, что одна из крупнейших заслуг т. Г. Сафарова заключается в том, что после победы русской революции, исходя из непосредственных потребностей революционной классовой борьбы на Востоке, он впервые поставил вопрос о значении орошения в восточных странах вообще и великолепно разработал вопрос о поливном хозяйстве применительно к мусульманским странам с оазисно-поливным хозяйством [1].

Искусственному орошению в условиях восточного земледелия огромное значение придавал В. И. Ленин. В своем письме к коммунистам Закавказья он указывает на то, что орошение является важнейшим моментом не только в возрождении края, но также и в строительстве социализма.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что вся история Востока останется книгой за семью печатями, если не учесть гигантской роли орошения в возникновении, развитии и часто в упадке восточных государств. Само собой разумеется, что в Китае теперь уже нельзя говорить об отсутствии частной собственности на землю. Деревенская община также разложилась. Основным способом эксплоатации крестьянства стало выжимание ренты из крестьянства со стороны помещиков. Возник, развился новый общественный строй. Но необходимость искусственного орошения и соответственно этому организации общественных работ в большом масштабе на новых началах осталась важнейшей предпосылкой земледелия.

Словом, не только Энгельс, но и Маркс придерживался того мнения, что именно регулирование водоснабжения было «одной из материальных основ государственной власти» над крестьянством, между прочим в Индии и Персии. Правда, Энгельс не включил в свою схему Китая, но в Китае водоснабжение несомненно играло в общей системе хозяйства еще более важную роль, чем в Индии, где монсуны хотя бы отчасти обеспечивают часть страны водой.

Роль и значение оросительной системы в Египте и Алжире великолепно оценила и Роза Люксембург. В исторической части своей работы, в этом до сих пор непревзойденном труде по истории колониальных подвигов капитала, она неоднократно указывает на то, как англичане (и не только они) «с тупой беззаботностью ботокудов совершенно запустили в своих индийских провинциях античную систему каналов» [2], тем самым обрекая миллионы людей на верную голодную смерть. То же самое происходило в Персии и Египте: персидский и турецкий феодализм доделал в этих странах ту же работу, что французский империализм в Алжире и Индо-Китае, голландский на Яве, английский на Малайских островах. Гигантские сооружения, результаты бесконечного человеческого труда пришли в упадок, похоронив под своими развалинами миллионы и миллионы человеческих жизней». Права Роза Люк-

---

[1] Г. Сафаров, Проблемы Востока».

[2] Р. Люксембург, Накопление капитала, 387.

сембург, утверждая, что «специфические методы капиталистической колонизации нашли свое выражение еще в одном важном обстоятельстве. Англичане были первыми завоевателями Индии, которые принесли с собой полное равнодушие к общественным культурным предприятиям хозяйственного характера. Арабы, афганы, монголы руководили в Индии грандиозными работами по сооружению каналов и поддерживали эти работы; они изрезали страну дорогами, перекидывали мосты через реки, рыли колодцы. Родоначальник монгольской династии в Индии, Тимур, или Тамерлан, заботился о культуре почвы, об орошении, о безопасности дорог и об удобстве путешественников» [1].

«В эпоху войны Ост-индской компании с монгольскими властителями, — цитирует Люксембург англичанина Вильсона, — и, надо прибавить, за время всего периода нашего господства в Индии эти сооружения пришли в большой упадок».

Тупоумие империализма, привыкшего к европейской технике земледелия и не понимавшего значения поливного хозяйства, лишь медленно уступает место пониманию необходимости восстановить оросительные сооружения, хотя бы для того, чтобы более успешно эксплоатировать колониальные страны [2]. Без производства нет эксплоатации, а для того чтобы существовало производство, необходимо создать его предпосылки. В Египте англичане ввели вместо черпалок, которые приводились в движение волами, мощные паровые насосы. Для урегулирования Нила были построены огромные плотины. Сеть каналов увеличилась с 73 тыс. до 87 тыс. *км* [3]. Голландцы пытались в начале XIX в. создать на Яве силами туземцев «влажные земли», объявив, что тот, кто устроит искусственное орошение, приобретает наследственное, неотчуждаемое право собственности на эту землю, в противоположность «сухим землям», которые обрабатывались тогда еще общинами и представляли общинную собственность. Расширение плантаций, переход к производству сахарного тростника, каучука, табака, чая и хинина вызвали на Яве голод и массовую гибель рабочих рук, в связи с чем в 1885 г. голландцы приступили к организации орошения. К 1920 г. были сооружены каналы для орошения 584 тыс. *га* и строились каналы для 300 тыс. *га*. В Индии англичане приступили за последнее время к сооружению новых каналов. Вначале дело это подвигалось весьма медленно, однако кризис сельского хозяйства заставил английский империализм взяться всерьез за создание оросительных систем. В настоящее время в Индии работают над осуществлением двух грандиозных проектов. В Пенджабе, в долине Сэтлей возводятся огромные оросительные сооружения. К концу 1926 г. было снабжено водой 500 тыс. акров земли, в 1930 г. оросительная система сможет снабжать водой 2,5 млн. акров, а в 1935 г., когда работы будут закончены, — 5,5 млн. акров. Еще более грандиозное сооружение в долине Инддуса, — так называемый «Ллойд Шлюз» будет состоять из 5 900 миль оросительных и 800 миль осушительных каналов. Это сооружение будет закончено к концу 1931 г., превратив 6 млн. акров пустопорожней земли

---

[1] Там же, 387.

[2] Автор считает своим долгом указать, что вопрос о поливном хозяйстве применительно к мусульманским странам с оазисным хозяйством великолепно разработан т. Сафаровым в «Проблемах Востока».

[3] Р. Люксембург, Накопление капитала, 447, 457.

в плодородную пашню, причем с.-х. производство увеличится на 2,5 млн. *т* зерна. Интересно будет посмотреть, как распорядится английский империализм новыми землями, как отразятся на них кабальные арендные отношения, невероятный налоговый грабеж, ростовщичество и прочие прелести земельных отношений в Индии [1].

На Малайских островах, находящихся под властью Англии, для поднятия культуры риса не делается почти ничего. Очевидно без крупных голодовок туземцев английский империализм не решается на выполнение хотя бы одной общественно-полезной функции. Американский империализм на Филиппинских островах оказался таким же ограниченным и тупоумным, как английский. Американские власти охраняют леса, запрещают расчистку их, но сами мало что организуют, хотя, по данным официального обследования, имеется 559 тыс. *га* земли, которую можно бы легко превратить в орошаемую [2].

Французский империализм в Индо-Китае оказался более дальновидным и, начиная с 1880 г., прилагает серьезные усилия к расширению орошаемой площади, к использованию реки Мекон. Благодаря этому увеличился ежегодный вывоз риса с 495 тыс. *т* в среднем в 1886—1890 гг. до 1 287 тыс. *т* ежегодно в 1916—1920 гг. Однако непосредственным производителям риса, туземцам-аннамитам, мало пользы от этого, ибо сливки снимают китайский розничный или оптово-розничный заготовитель и китайские мельники, с одной стороны, и крупные французские мельницы и экспортеры — с другой, не говоря уже о помещиках, ростовщиках и неслыханных налогах.

Но в общем и целом империализм не заинтересован в производстве средств питания для сотен миллионов крестьян рисового мира. Ему нужна в первую очередь пшеница для метрополии, каучук, какао, чай, табак, конопля, хлопок, шелк, бобы, растительные масла и прочие технические культуры. Поэтому Индия перестала вывозить рис. Ява, Япония и Филиппины превратились из стран, вывозящих рис, в страны, ввозящие его. Из дальневосточных стран лишь Индо-Китай и Сиам имеют излишки риса для вывоза. Вывоз риса из Китая запрещен уже в течение нескольких столетий (что не мешало и не мешает контрабандному вывозу, ибо китаец за границей хочет иметь «свой» рис), и в течение последних лет ввоз в Китай риса, как и других продуктов питания, постепенно растет. Лишь САСШ выступают в течение последних десяти лет, как новая, вывозящая рис страна, и Калифорния покрывает японский дефицит. Рисовый мир вынужден переходить на худшее питание — вместо риса на картофель, просо, кукурузу — или же умирать с голоду, или покупать американскую пшеницу и муку. Один большой неурожай риса в странах Дальнего Востока — и миллионы людей выбрасываются за борт.

В Японии развитие земледелия сильно отстало от темпа развития промышленности. Пассивность продовольственного баланса заставила

---

[1] В Индии англичане организовали орошение главным образом для пшеничных и хлопковых полей. За последнее время англичане приступили к рытью колодцев машинным способом. Машина типа «Сентинелло» оказалась весьма пригодной для этой цели и, что важнее всего, дешевой. Рисовые поля орошаются в Индии кустарным способом из 2 млн. колодцев и из старых оросительных систем.

[2] Под руководством католической церкви 50 587 *га* земли превращены во влажные, и туземцы платят за эту землю огромную арендную плату.

японское правительство выработать в 1919 г. план орошения 217 тыс. цзо земли в самой Японии. В то же время продолжаются лихорадочные усилия превратить Корею, Формозу и Манчжурию в продовольственный базис Японии [1].

На Формозе посевная площадь под рисом увеличивается медленно, но сбор риса растет благодаря улучшению орошения. В Корее посевная площадь увеличилась с 1912 г. до 1923 г. на 10%, но улучшение орошения повысило сбор риса за этот период с 10 865 тыс. до 15 174 тыс. коку, т. е. на 40%. Вывоз риса возрос с 513 тыс. коку в 1912 г. до 4 084 тыс. в 1927 г., т. е. почти на 600%. Правда, продовольственный паек корейского крестьянина уменьшился в результате также сильного роста населения за этот период. Правда, одна только японская колонизационная компания захватила за это время 95 тыс. цзо лучших корейских земель, а японские банки захватили больше 40 тыс. цзо [2]. Но в то же время японский империализм организовал 80 оросительных кооперативов, которые снабжают водой 287 тыс. акров земли, причем на некоторых местах урожайность увеличилась в 7 раз. Губернаторство Кореи в 1926 г. выработало план, по которому в течение 12 лет орошение 453 тыс. акров земли будет улучшено, 220 тыс. акров сухих земель будут превращены во влажные, и 183 тыс. акров запущенной земли будут превращены в пашню путем дренажа [3].

Японский империализм лучше всех других понимает значение орошения, потому что японское земледелие само построено на началах поливного хозяйства.

Итак значение оросительной системы с точки зрения с.-х. производства не может вызвать сомнений. Правы, стало быть, Энгельс, Маркс и Люксембург, которые подчеркнули этот факт, и неправы нерассматривающие именно этот факт как «ключ к восточному небу». Это не значит, конечно, что характер и классовое содержание государственной

---

[1] В этой связи небезынтересно отметить, что японский империализм выработал целую идеологическую надстройку для оправдания своего существования и для одурачивания японских народных масс. Эта теория вкратце сводится к следующему. Народонаселение Японии в течение каких-нибудь 50 лет удвоилось и в настоящее время возрастает ежегодно на 600—800 тыс. чел. Япония не может сама прокормить столь быстро возрастающее население и поэтому — и только поэтому — нуждается в колониях. Так рассуждают японские империалисты. Факты говорят о том, что рисовый баланс Японии пассивен на 8%, но именно это количество риса употребляется в Японии для выделки «сакки» — японской водки. Кроме того сами японские экономисты признают, что в Японии имеется 2 млн. цзо (приблизительно 5 млн. акров) пригодной для обработки земли, из коих 1 млн. цзо без особенного труда можно было превратить даже во влажную землю. Это означало бы увеличение годового сбора риса на 50%. Словом, в Японии есть еще место для японцев. При этом следует отметить, что в Корее число японских поселенцев-фермеров уменьшается и что в Манчжурии земледелием занимается всего лишь около 2 400 японцев. Оправдание японского империализма перед населением страны не находит поддержки в «упрямых» фактах. Это конечно не мешает японскому империализму пропагандировать это империалистическое мальтузианство и предъявлять притязания на Манчжурию, Монголию, Новую Гвинею на острова Южного моря и на другие территории.

[2] Н. Покровский, Разложение крестьянства в Корее, «Вестник Манчжурии», 1926 г. 10—14.

[3] Far Eastern Review № 5, 1927 г., т. XXIII, 2 6—231.

власти были одинаковы во всех восточных государствах, в которых преобладало поливное хозяйство. Разумеется, нельзя сравнивать централизованность государственной власти в Египте, где деспотия овладела одним-единственным источником воды, со степенью централизованности государственной власти в Китае, где поставщиками воды является множество рек и озер. Вот почему китайская деспотия даже в свои лучшие дни не достигала, в смысле централизованности, египетского уровня. Даже во времена Циньской династии не удалось создать прочного централизованного аппарата власти. Китайское государство не могло быть объединено единой системой орошения, как Египет. Единство китайского государства покоилось на нуждах торгового капитала, и как только торговый капитал ослабел, рухнуло и это единство. Китай расширился путем завоеваний, путем колонизации и т. д., и поэтому централизация власти носила там совершенно другой характер, чем в Индии, в Египте и т. д.

И было бы совершенно неверно и нелепо утверждать, что в историческом прошлом искусственное орошение существовало лишь в тех странах, где существовал азиатский способ производства. В Японии искусственное орошение существовало в условиях феодализма; на Ближнем Востоке турки создали своего рода земледельческий феодализм, но искусственное орошение продолжало играть важнейшую роль. И было бы еще более нелепо утверждать, что в настоящее время искусственное орошение предполагает существование азиатского способа производства. В Египте, Корее, Индонезии, Индо-Китае современные крупные оросительные системы находятся в руках финансового капитала или представляют элементы своего рода империалистического государственного капитализма. В этих же странах часть оросительных систем находится в руках феодальных и полуфеодальных помещиков. В Китае, Японии, Корее, Персии помещики также овладели частью оросительных систем, но имеются также системы, находящиеся в руках деревенских общин, крупных акционерных обществ. Очевидно, правильное понимание земельно-водных отношений требует совершенно конкретного анализа.

Сами народы Востока отлично понимали и понимают, что в орошении скрыт ключ не только к восточному небу, но, что важнее, к восточной земле. На Филиппинах почти вполне первобытное племя игоротов строило огромнейшие сооружения, проводило террасизацию громадных гор и работой десятков поколений перерезало каналами несколько тысяч акров на склонах гор [1].

В Голландской Индии «туземцы достигли прекрасных результатов своими собственными средствами, и даже в настоящее время 55% всех рисовых полей орошается примитивными каналами, сооруженными самими туземцами по инициативе глав племен» [2].

В. В. Бартольд в своей, в смысле описательном и историческом, весьма ценной работе [3] приводит огромное количество ценнейших сведений о гигантских оросительных сооружениях в Персии, Передней и Средней Азии, совершенно правильно указывая на то, что в Средней

---

[1] The Bontok Igorots.
[2] Yearbook of the Netherlands East Indies, 1920.
[3] В. В. Бартольд, История орошения Туркестана, С.-Петербург 1914 г., 25.

Азии создавались не только оросительные сооружения, но строились и стены громадной длины для защиты оазисов против кочевников. Маргабский оазис в 280—261 гг. был окружен стеной длиной в 275 *км*. А в Средней Азии принудительные работы, сопровождаемые иногда принудительным переселением на вновь орошаемые земли, были настолько тягостны для населения, что, например, халиф Иезида III при вступлении на престол брал на себя обязательство не воздвигать построек («не класть камня на камень, кирпича на кирпич») и не проводить каналов.

В истории Китая борьба крестьянства против принудительной трудовой повинности играла большую роль, и крестьянские восстания заставляли восточную деспотию так или иначе смягчать чудовищную тяжесть государственной барщины. При Ханьской же династии устанавливается, что крестьянин обязан работать на государство лишь 3 дня в году. В летописях Танской династии мы снова читаем, что норма трудовой повинности устанавливается 20 дней в году, а если крестьянина все же заставляли работать 30 дней, то он освобождался от подворного налога. Тогда же устанавливалось, что барщина на государство не может превышать 50 дней в году.

Трудовая и гужевая повинность в измененной форме осталась вплоть до наших дней. Иакинф отметил, что в середине XIX в. «жители селений отправляют земские повинности, как то: маловажное исправление проселочных дорог, речных гатей и плотин по каналам близ их селений и пахотных земель. За работы и подводы по наряду земских начальств законами определена денежная плата». В 1870 г. известный агроном-геолог Рихтгофен заметил, что гужевая повинность для разъезжающих чиновников, офицеров и пр. ложилась тяжелым бременем на крестьян. Но в общем государственная, провинциальная или общинная барщина постепенно превращается в налог — сперва в натуральный, а впоследствии в денежный.

В Китае наших дней крестьянские повинности снова достигли неслыханных размеров. Прежние династии строили, по крайней мере, Великую стену и большие дороги. Современные милитаристы ничего не строят, а для своих безумно-преступных войн насильно вербуют сотни тысяч кули и крестьян, реквизируют скот целых уездов. Наряду с прямыми грабежом и налогами эти убийственные повинности подрывают крестьянское хозяйство целых провинций.

Мазельер приводит [1] бюджеты японских кубунден (деревня-община) времен японского средневековья, из которых видно, что эти бедные, голодающие общины тратили иногда 3—5 тыс. иен ежегодно на сооружение плотин и оросительных каналов. Однако самые удивительные примеры этих колоссальных, поражающих своими размерами человеческое воображение сооружений мы находим в Китае. Оросительные системы Кантонской дельты, дельты Янцзы, полей между Шанхаем и Ханьчьжоу, бассейна реки Вэй, плотины Желтой реки и Янцзы, сплошные плотины вдоль морского берега от Нинбо до Тяньцзиня, Императорский канал, — все это величайшие творения человеческих рук, в буквальном смысле слова рук, ибо все это сооружено руками крестьян в порядке повинности.

---

[1] Mazélière, Le Japon féodal.

В долине Вэй горные склоны покрыты искусственными террасами на высоте до 1 800 *м*, в Сычуани в нескольких местах — до 1 220 *м*, в Юньнани — до 610 *м*.

Рихтгофен по поводу обследованного им плато Чэнду с гигантской оросительной системой писал: «Здесь я поражался самым удивительным примерам муравьиного прилежания китайцев в обработке земли. Ничего подобного я еще в жизни не видел» [1]. Начали сооружать эту изумительную оросительную систему Чэнду 2 300 лет тому назад, и где тогда были пустоши, там сейчас имеется 760 тыс. акров плодороднейшей земли, представляющей, по народному выражению «небесный уезд» Китая. Ручным способом перерезали огромные горы, чтобы провести воду из реки Минь, и население, кроме трудовой повинности, платит большие налоги на содержание каналов в исправности.

Огромное количество железа, камней, строительного леса, глины, бамбука и других материалов использовано при проведении каналов, причем только при Минской династии крестьяне отрабатывали на расширении сооружений каждый год 253 200 рабочих дней [2].

«Очень трудно словами или при помощи карты дать соответствующее представление о величине оросительной системы, необходимой прежде всего для культуры риса. По весьма осторожной оценке, длина каналов в Китае превышает 200 тыс. миль, так что длина каналов в Китае, Японии и Корее, по всей вероятности, больше длины железнодорожной сети в САСШ» [3].

И все это сооружено ручным трудом, без машин. Кто подсчитает, сколько рабочих дней надо было отбыть китайским крестьянам, чтобы создать эти чудеса, чтобы своим потом и кровью увеличить урожайность земли, производительность общественного труда?

Китайская деспотия в свои «золотые века» была жадна, сурова, жестока и выжимала беспощадно прибавочный труд и прибавочный продукт крестьянина, но в эти «золотые века» она заботилась о поднятии производительности труда. Первый исторический указ династии Чжоу, изданный в 1122 г. до нашей эры, об организации правительства, говорит: «В обязанности мандарина земли (министр земледелия) входит установить уезды, определить межи и строить оросительные каналы [4]. Можно и должно сомневаться в исторической подлинности этого указа, но он правильно отражает общие тенденции.

Мы знаем, что т. Иолк в своей работе «Общественный строй древнего Китая» [5] пытается доказать, что в этот период в Китае искусственное орошение не играло сколько-нибудь важной роли. Мы глубоко несогласны с аргументацией т. Иолк и считаем, что тт. Кокин и Панаян поставили и разрешили этот вопрос более правильно [6].

---

[1] Richthofen, Tagebücher aus China, т. I, 94; т. II, 284.

[2] Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, v. XXXVIII и XXXVI.

[3] King, Farmers of Forty Centuries, 21.

[4] Lee, The Economic History of China, 141. Ли объясняет весь ход китайской истории истощением почвы и восстановлением ее плодородия, но при этом упускает из виду, что истощение почвы являлось следствием социальных причин.

[5] «Проблемы Китая», № 3.

[6] И. Кокин и Г. Панаян, Аграрный строй древнего Китая, Ленинград 1930 г.

Китаянка-студентка университета в Колумбии, Мабель Ли, написавшая весьма плохую, в смысле теоретической выдержанности, книгу об экономической истории Китая, вместе с тем проделала очень полезную работу, опубликовав в ней переводы многих документов из китайских летописей и классиков, относящихся к земледелию. В этих документах мы находим бесконечно много указаний на то, как династии, захватившие власть на волнах крестьянских восстаний, или императоры, прижатые к стене крестьянскими волнениями, пытаются спасти себя постройкой оросительных сооружений, а высокопоставленные чиновники стараются изобрести новые орудия для орошения, черпалки, насосы. Сельскохозяйственный инвентарь Китая удивительно богат разного рода оросительными орудиями. Часто армия сооружает каналы, часто строители каналов идут впереди колонистов. Сооружаются огромные резервуары, целые громадные озера для урегулирования водоснабжения, как в Гуандуне, Чжэцзяне, Хубэе, Хунани. Но приведенные документы Мабель Ли свидетельствуют также и о том, что «влиятельные и богатые лица, родственники императора, принцы, помещики, чиновники и богатые купцы» захватывали именно эти источники водоснабжения и использовали их для ужасающей эксплоатации крестьян, для превращения их в арендаторов. В XV, XVI, XVII вв. в Европе загораживание феодалами лесов, лугов, выгонов, пастбищ, водопоев и других общинных земель и крестьянских угодий повлекло за собой упорную борьбу с крестьянством. Самые жуткие страницы истории земельных отношений Европы, написанные кровью десятков и сотен тысяч крестьян, рассказывают об этих великих классовых битвах между помещиками и крестьянами. В Китае борьба за пустоши, за леса, за свободные земли, и, поскольку это имело значение, за пастбища и луга, закончилась поражением крестьян в IV и V вв., поскольку можно судить по китайской летописи. Борьба возобновлялась неоднократно, но уже не за эти угодья, а за пашни и за источники воды. И когда в Гуандуне, в Гуанси, в Хунани в 1926—1927 гг. бурно разрослось крестьянское движение, то одним из первых требований крестьян явилось возвращение захваченных помещиками источников воды.

«Если все эти каналы, плотины, канавы исчезли бы вдруг, то самые плодородные, наиболее густо населенные районы вскоре превратились бы в малярийные необитаемые болота»,— пишет Вагнер [1]. Это глубоко верно. Наряду со многими другими культурными достижениями, пришедшими в упадок за последние столетия в условиях общего упадка китайского хозяйства, превращаются в болота и пустоши обширные области когда-то цветущего земледелия.

В других странах Дальнего Востока медленно, с огромными трудностями, но все же идет процесс превращения суходольных земель во влажные, превращение пустошей в пашню. В Китае идет обратный процесс. Влажные земли превращаются в суходольные или в болота, а сухие — в пустоши. Когда-то цветущее земледелие в долине Желтой реки вычеркнуто из жизни китайского народа, и исторические пашни Шаньдуна и Хэнани в долине Хуанхэ превращены в пастбища для скота. А превращение влажных земель в сухие обозначает, что эти земли лишаются и части удобрения, ибо орошение дает земле не только влагу,

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 179.

но и огромное количество питательных веществ в виде аллювиального удобрения. В Индии наука сделала сейчас великое открытие, что под влиянием летнего солнца меняется частично химический состав воды Ганга и Брамапутры, ибо солнце вызывает образование разных солей, способствующих развитию растений как раз в период созревания. Значение воды прекрасно понимали китайские императоры, и второй по счету император Манчжурской династии, последний талантливый император Китая Кан Си воспевал «воду-благодать», ибо «вообще жизнь народа зависит от земли, а земля в свою очередь зависит от орошения, снабжающего ее необходимыми веществами. Итак, пока мы не снабжаем водой-благодатью землю, пока мы не строим канав и плотин, чтобы запасаться водой для орошения земли, мы не будем обеспечены против бедствий» [1].

Но вода-благодать может превращаться в воду-проклятие, если неумело обращаться с ней. Излишек воды так же вреден для риса, как и недостаток ее. Агрономия установила, что опасно и вредно, если влага проникает в землю слишком глубоко, ибо вода может выделить из земли алкалические соли, которые по закону капиллярности подымутся на поверхность и могут превратить плодородную пашню в непригодные для обработки пустоши. Поэтому наряду с оросительной системой должна существовать и хорошая осушительная система. В Китае осушительные сооружения также пришли в упадок, и на северо-западе, в Хобэе, в Шаньдуне обширные пашни превратились в соляные пустоши, а в долинах рек — в болота. В бассейне озера Тайху, в Цзянсу и Чжэцзяне разрушение дренажной системы превратило в болото несколько сотен тысяч, если не миллионов му (восстановление потребовало бы 300 млн. долл.) [2]. Когда Желтая река в 1852 г. переменила свое русло, вся оросительная система от Кайфына до моря нарушилась, и тем самым огромные плодородные земли стали пустошами, болотом. Постоянный район наводнения реки Хуай занимает 7 775 тыс. му, и урегулировав реку с единовременной затратой 210 млн. долл., можно было бы получить ежегодный доход в 1 105 млн. долл. [3]. Таких планов много. Урегулирование рек Китая освободило бы миллионы и десятки миллионов му земли. Но все это дело будущего. Раньше, очевидно, придется освободить китайскую землю от империалистического и буржуазно-помещичьего блока. В Сюйюане, в районе Хэду «одна оросительная система 20—30 лет тому назад снабжала водой 1 млн. му земли. Теперь же, ввиду отсутствия забот о содержании каналов, эта система орошает только одну треть этой площади и т. д. и т. д.

Русский либерал Кауфман в 1905 г. в своем труде о перенаселении и колонизации, между прочим, рассуждал таким образом: «Почва многих из «голодных пустынь» Туркестана — знаменитый средне-азиатский лесс, отличающийся при достаточном орошении высоким плодородием... Вопроса о наличности земель, годных для орошений, не стоит даже ставить: достаточно пересечь край в любом направлении, чтобы видеть развалины множества заброшенных сотни лет тому назад селений и городов, окру-

---

[1] M. Lee, The Economic History of China, 402 (из декрета Кан Си).
[2] «The Chinese Economic Monthly, 1925 г., т. II, № 7.
[3] Там же, № 15.

женных нередко на десятки квадратных верст сетями когда-то действовавших оросительных каналов и канав, и общая площадь лессовых пустынь, ожидающих искусственного орошения, исчисляется несомненно многими миллионами десятин».

На эти либеральные излияния Ленин ответил:

«Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу природных свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие общественных свойств хозяйства в коренной России, — свойств, обрекающих технику на застой, население — на бесправие, забитость, невежество, беспомощность.

Эти многие миллионы десятин и в Туркестане, и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций. Они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве» [1].

То, что Ленин говорил о Туркестане, столь же верно для Китая. Туркестану советская власть дала земельно-водную реформу, и знаменитый средне-азиатский лесс ценой громадных усилий оживает. Лессовые пустыни, ожидавшие искусственного орошения, заброшенные сотни лет тому назад, начинают воскресать. А с тех пор как на хлопковых полях Средней Азии выросли колхозы, этот процесс гигантски ускорился. Там растут и совхозы-гиганты — социалистические хлопковые фабрики.

Советская власть в Китае стоит перед задачами освобождения земледельческого населения от пережитков азиатской деспотии, от буржуазно-помещичьего гнета, от общественных свойств хозяйства, обрекающих технику на застой, население — на бесправие, забитость, невежество, беспомощность, от империализма, обрекающего страну на вымирание, на вырождение, от диктатуры генералов, казнокрадов, ростовщиков. Если бы это не удалось, то осуществились бы по отношению к Китаю слова Энгельса: «Если водопроводы приходят в упадок, то гибнет и земледелие; этим как раз объясняется тот любопытный факт, что целые области, прежде блестяще обработанные, теперь заброшены и пустынны (Пальмира, Петра, развалины в Иемене и местности в Египте, Персия и Индостан). Этим объясняется и то явление, что достаточно одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и лишить ее цивилизации на сотни лет».

Трудящиеся Китая выберут первый намеченный Лениным путь. На юге Китая десятки и десятки миллионов крестьян уже вступили на путь Ленина. Борьба за советскую власть уже идет. А эта борьба есть также борьба за освобождение земли и воды — и советская власть даст крестьянству землю и воду.

---

[1] Ленин, Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг., т. IX, 454—455.

ГЛАВА III.

БОРЬБА ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ ПОЧВЫ.

«Почва, будучи непрерывно истощаема и не получая путем растительного, животного или искусственного удобрения необходимых для ее восстановления элементов, но предоставленная лишь изменчивым влияниям более или менее благоприятной погоды и других независящих от человека обстоятельств, будет все же продолжать приносить жатвы очень различного изобилия; хотя при обзоре целого периода лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь голодному году, вследствие быстрого истребления и освобождения еще скрывавшихся в почве минеральных оплодотворений; и наоборот, голодный год, а еще более, ряд неурожайных годов, позволяет свойственным данной почве минералам накопиться сызнова и обнаружить свое благодетельное присутствие при новом возвращении благоприятных климатических условий. Этот процесс совершается конечно повсюду; однако в других местах он сдерживается видоизменяющим вмешательством самого земледельца, но он становится единственным регулирующим фактором всюду, где человек перестал быть дополнительною «силою» просто по недостатку средств» [1].

Так формулировал Маркс в историческом разрезе основной закон научной агрономии, открытой Либихом. Либих показал необходимость отдавать почве столько же питательных веществ, сколько у нее берется, и представители марксистской методологии — Маркс, Каутский (тогда еще революционный марксист, выступавший по аграрному вопросу против ревизионистов Бернштейна и Э. Давида) и Ленин — при анализе аграрного вопроса исходили из этого основного положения Либиха, развивая его последствия в свете дальнейшего прогресса химии и агрономии.

Маркс считал, что «к естественным законам земледелия относится то обстоятельство, что при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия» [2]. И из дальнейшего изложения Маркса явствует, что он считал этот естественный закон земледелия имеющим особое значение и силу там, где нет или сравнительно мало невозделанной площади, где естественное плодородие возделанных земель уже истощено.

Когда в древнем Риме борьба за землю закончилась победой крупных помещиков, это повело к тому, что основанное на рабском труде с.-х. производство нанесло смертельный удар земледелию древней Италии, что вместе с другими причинами создало исторические предпосылки падения империи. После того как плантационное хозяйство южных областей САСШ, основанное также на рабском труде, привело девственные земли к истощению, а экстенсивная хищническая культура рабовладель-

---

[1] Письмо Маркса к Николаю—ону, от 19 февраля 1881 г.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 226.

цев, захватывавшая все новые и новые земли, столкнулась с колонизационной волной фермеров, к моменту, когда на севере достаточно назрели капиталистические отношения, пробил час рабства в южных штатах, и гражданская война смела рабство, ставшее историческим и экономическим анахронизмом. Великая революция в земледельческой технике фермеров северных штатов началась, когда неограниченные резервы невозделанных земель истощились и когда возделанные земли вследствие хищнической системы хозяйства превратились в пустоши, заброшенные отчаявшимися фермерами.

Даже в тех частях земного шара, где земля обрабатывается сравнительно недавно, борьба против ее истощения и вопрос об увеличении ее урожайности играли весьма важную роль. Даже в странах со свободным земельным фондом, с относительно негустым населением и, таким образом, со сравнительно большим потенциальным продовольственным пайком, истощение почвы стало одним из решающих моментов при определенном способе труда. Тем более важное значение имеет этот вопрос в странах, где интенсивное земледелие насчитывает уже несколько тысяч лет, где при данном общественном строе свободных земель мало или совсем нет, где при данном уровне техники, определенном социальными условиями, участок земли должен прокормить во много раз больше людей, чем в Америке или Европе, и где положение усложняется еще тем, что земля дает в год не один, а два-три и даже четыре урожая, благодаря чему два, три и даже четыре раза в год следует отдавать почве столько же, сколько у нее берется.

Пока крестьянин вел в основном натуральное хозяйство, пока он производил в основном для удовлетворения своих собственных потребностей и для своего помещика, пока лишь излишки крестьянской продукции поступали на рынок, — словом, при всех докапиталистических способах производства этот естественный закон земледелия, как общее правило, нарушается лишь войнами, стихийными бедствиями и, лишь в отдельных случаях, относительно быстрым расширением рыночных отношений. Но переход к капитализму изменяет положение. По мере того как крестьянин становится товаропроизводителем, по мере того как крестьянское хозяйство становится денежно-товарным, нарушается естественный закон земледелия. «С увеличением количества с.-х. продуктов, сбывавшихся в город, стало необходимым получавшийся вследствие этого дефицит восполнить усиленным удобрением и более интенсивной обработкой земли, но именно с этого времени унавоживание все уменьшается, и обработка становится хуже» [1]. Крестьянин начинает жить впроголодь, наступает истощение почвы. Так было в капиталистических странах, а в странах колониальных истощение земли ускоряется еще и империалистическим грабежом.

Великая заслуга американского агронома Кинга состоит в том, что он первый, применительно к Японии, Китаю и Корее, во всей широте поставил вопрос о том, как «стало возможным, что после обработки в течение двадцати, а может быть и тридцати и даже сорока столетий почва этих стран (Японии, Китая и Кореи) могла производить достаточно для прокормления столь густого населения»; как стало

[1] К. Каутский, Аграрный вопрос, 20.

возможным, что «500 млн. чел. прокармливаются продуктами земли, площадь которой меньше, чем возделанная земля САСШ» [1].

Применительно к Китаю эти вопросы осложняются еще тем, что пашня здесь должна, кроме людей, кормить и рабочий скот, и домашнюю птицу, ибо, как общее правило, лугов и пастбищ здесь нет [2], а сверх того снабжать население топливом и строительным материалом, ибо и лесов, как общее правило, в Китае также нет [3]. Пашня должна непосредственно, без разведения скота, снабжать население сырьем для производства одежды и обуви. В Европе шерсть в XV—XVI вв. начала побеждать пеньку и лен, и лишь в XVIII и XIX вв. увидали торжество хлопка над шерстью. В Китае же хлопок на несколько сот лет раньше одержал победу над пенькой, и китайская история не знает периода шерсти. Во всяком случае Китай уже в V в. знал о хлопке, а в XII и XIV вв. хлопок стал уже важнейшим сырьем для производства народной одежды, подобно тому как шелк несколько тысяч лет до того стал материалом для одежды привилегированных классов.

Пашня должна не только кормить, одевать, обувать народ, но и поставлять топливо и строительные материалы [4]. Как предотвратить истощение перегруженной почвы? — вот одна из важнейших проблем китайского и вообще дальневосточного и индийского земледелия. Несмотря на то, что вода китайских рек содержит много питательных веществ, и орошение является по сути дела аллювиальным удобрением, одним орошением вопрос не разрешается. Почве необходимо отдавать столько же, сколько от нее берется.

Обследования японских и германских агрономов показали, что народы трудо-интенсивного земледелия эмпирически установили закон Либиха до открытия научно-обоснованной химии и агрономии. Поскольку стихийные катастрофы или общественные условия, как то — чрезмерная эксплоатация деревни господствующими классами города или же чрезмерная эксплоатация страны империализмом, — не мешали им, они отдавали земле все необходимое для сохранения плодородия.

На основании точных исчислений Кинг показал, что в Шаньдуне крестьянин возвращает почве почти столько же нитратов и поташа, сколько урожай у нее отнял [5], и что «в Японии количество нитратов, поташа и фосфатов, присоединяемых в качестве удобрения к почве, равно количеству этих трех основных питательных веществ, отнимаемому от земли сбором всех злаков» [6].

---

[1] King, Farmers of Forty Centuries, 16—17.

[2] Мы не говорим здесь о монгольских областях, где скотоводство еще играет определенную роль. Впрочем и там процесс китайской колонизации и переход монголов к земледелию совершаются быстрым темпом.

[3] Уголь, несмотря на огромные залежи его в Китае, играет ничтожную роль в жизни страны, за исключением районов, лежащих в непосредственной близости угольных копей; уголь является лишь топливом городского населения и в меньшей мере топливом мало развитой промышленности. Китайская деревня топит соломой и кирпичом, произведенным из соломы и отбросов.

[4] Город строит из иностранного и манчжурского леса. Для деревни строительным лесом является бамбук. Из бамбука изготовляются почти все с.-х. орудия. Бамбук употребляется для 300 разных целей, в том числе и как пища.

[5] King, Farmers of Forty Centuries, 225.

[6] Там же, 187—190.

Кинг добавляет, что нет основания предполагать, что в Китае дело обстоит иначе, но Кинг ошибается по этому вопросу и ошибается глубоко.

Германский агроном Вагнер оспаривает это утверждение Кинга, доказывая, может быть, вопреки своему желанию, что именно империализм истощает китайскую почву. Это противоречие между двумя видными агрономами объясняется, возможно, тем, что наблюдения Кинга относятся к 1900 г., а Вагнера — к 20-м годам XX в.

Тов. Виттфогель превосходно доказал, что работа Вагнера написана по заказу германской химической промышленности, и Вагнер предлагает как раз те минеральные удобрения для китайской почвы, которые производятся в Германии. Мы все же считаем безусловно верным утверждение Вагнера, что китайская земля теряет больше питательных веществ, чем получает. Достаточно перелистать отчеты морской таможни, чтобы убедиться в этом. Ведь вывоз из Китая состоит на 70% и больше из с.-х. продуктов даже сейчас, когда вследствие недородов ввозится все возрастающее количество пищевых продуктов.

При этом следует иметь в виду, что как в Японии, так и в Китае земля не только не отдыхает, не только не практикуется трехполье с паром, но ежегодно снимаются два, три, четыре урожая.

То, что научная агрономия открыла в XIX в., китайский крестьянин эмпирически установил и применил на практике около двух тысяч лет тому назад. Народы Дальнего Востока выработали такую систему удобрения, которая Европе даже не снилась. В этом обстоятельстве кроется одна из важнейших отличительных черт китайского сельского хозяйства. На это обстоятельство оказывало и оказывает весьма важное влияние характер земельных отношений в Китае, благодаря чему придется вкратце остановиться на их рассмотрении.

По сравнению с европейским хозяйством одной из характерных отличительных черт дальневосточного хозяйства вообще, в том числе и китайского, является использование экскрементов потребления вообще и экскрементов человеческого потребления в частности. Уже Маркс отметил, что «экскременты потребления — это вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпок и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. Что касается их применения, то капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, например, оно не находит для испражнений 4,5 млн. людей никакого лучшего употребления, как с огромными издержками заражать ими Темзу» [1].

Колоссальная расточительность капиталистического хозяйства усиливается в связи с ростом городов, ибо «капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое оно сосредоточивает в крупных центрах, накопляет тем самым, с одной стороны, в силу исторического движения общества, а с другой стороны, оно препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Благодаря этому разрушает

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 77.

одновременно здоровье городских рабочих и интеллектуальную жизнь сельских рабочих»[1].

Каутский указал, что совершенно безразлично, с точки зрения сохранения плодородия почвы, происходит ли «отлив ценности из деревни в город без эквивалента или за эквивалент», ибо:

«С точки зрения закона стоимости, — говорит Каутский, — этот отлив не означает эксплоатации сельского хозяйства, но на деле он ведет, наряду с упомянутыми выше фактами, к агрономической (stoffliche) эксплоатации его, к обеднению земли питательными веществами»[2].

Это сказано замечательно метко и замечательно верно, но недостаточно полно. Обмен между сельским хозяйством и промышленностью в условиях капитализма есть неэквивалентный обмен и с точки зрения закона стоимости, ибо органический состав капитала в промышленности более высок, чем в сельском хозяйстве. Деревня вследствие отсталости сельского хозяйства отдает больше труда городу, чем город деревне. Но речь идет не только об этом, речь идет о том, что крестьянин, сбывая свой продукт на городской или внешний рынок, продает плодородие своей земли, что обмен является неэквивалентным и с точки зрения агрономической. Каутский конечно прав и в том, что «одного стойлового навоза недостаточно для поддержания равновесия в современном сельском хозяйстве, производящем для рынка, и притом для такого рынка, который не возвращает обратно почве значительнейшей части получаемых им питательных веществ»[3].

Современная химия создала возможность замены естественного удобрения искусственным, но «факт этот (частичной) замены ни на иоту не опровергает того, что нерационально выбрасывать естественные удобрения понапрасну, отравляя притом нечистотами реки и воздух в пригородных и прифабричных местностях»[4].

В Китае, где развитие городов и внешней торговли началось гораздо раньше, чем в Европе, где в силу исторических особенностей «отлив ценностей из деревни» — причем отлив без эквивалента — начался раньше и основательнее, этот факт имел особое значение. Опередившая научную агрономию, основанная на эмпирическом наблюдении утилизация экскрементов и всяких отбросов стала важнейшим фактором. Мы не располагаем данными относительно того, когда эта практика стала всеобщей, но в начале XVI в. китайские города уже собирали экскременты и продавали их деревне на чисто коммерческих началах[5]. Эта практика продолжается и до сих пор. Шанхай продал монопольное право собирания экскрементов подрядчику, и вокруг Шанхая на расстоянии 25 *км* удобрение производится экскрементами города. В Хунани во время подъ-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, 485.

[2] Kautsky, Die Agrarfrage, 211.

[3] Там же, 40.

[4] Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 85.

[5] Португальский пират, Фернанд Мандез Пинто, путешествовавший в Китае в 1509 г., в своем описании Нанкина (Mendez Pinta's abenteuerliche Reise durch China, die Tartarei, Siam, Pegu und andere Länder, 158) пишет, что «в Нанкине ведется большая торговля экскрементами: розничные торговцы покупают экскременты и перепродают их оптовым купцам, которые отправляют этот груз ежедневно флотилией из 300 барж, чтобы перепродать в деревнях для удобрения земель, которые приносят три урожая в год».

ема крестьянского движения крестьянские союзы всюду старались сломить монополию купцов, удорожавшую этот товар. Непременной принадлежностью крестьянского инвентаря почти во всех провинциях (кроме провинции в районе лесса) является резервуар для собирания отбросов, и прямо-таки невероятно, с какой тщательностью, с какими усилиями собирает крестьянин всякую всячину[1]. Когда в Шанхае в 1920 г. была проведена канализация, земледелие и садоводство в окрестности города пережили серьезнейший кризис. Сколько времени, сил, энергии тратится на собирание отбросов, об этом может дать представление тот факт, что в Бэйпине заняты этим 5 тыс. человек.

Многие миллионы тонн питающих почву веществ возвращаются таким путем земле, правда, с затратой огромного количества человеческого труда. Мы смеем утверждать, что китайское крестьянство в целом тратит на собирание экскрементов, отбросов, всякой соломы, трав для топлива и т. д. больше рабочего времени, чем на домашнюю промышленность. Для удобрения используется решительно все—пепел, отбросы шелковых червей, шелковых коконов, рыбы и т. д. и т. п. Из земли, клевера, всяких растений китайский крестьянин с величайшей тщательностью и со знанием дела составляет «компост», он применяет так называемое зеленое удобрение, собирает травы и потребляет их на рисовых полях. Вдоль рек, озер, каналов он собирает ил, причем добывание ила для удобрения также коммерциализировано, и вдоль Янцзы заняты добычей ила многие тысячи людей[2]. Собирается и продается песок с поля, ибо опыт показал, что это хорошее удобрение; продаются и покупаются кирпичи, печки и т. д.[3]. В долине Янцзы крестьянин каждый третий, четвертый год разрушает свои дома, выстроенные из глины, ибо пропитанная глина хорошее удобрение[4], и строит себе новый дом. Все имеет материальную ценность, и оказывается, что в маленьком, именно маленьком, хозяйстве всякая дрянь пригодится.

Добыв, собрав, обработав эти материалы, крестьянин не накладывает их на землю сразу, — дождь может их размыть, удобрение может всосаться в землю слишком глубоко. Китайский крестьянин удобряет землю несколько раз подряд, и по сути дела он удобряет не землю, ибо это было бы слишком расточительно, а каждое растение отдельно. Маркс, очевидно, прекрасно знал эту сторону китайской земледельческой техники и считал, что при всех полезных свойствах таких отбросов «в такой мелкой земледельческой культуре, когда поля возделываются, как сады, что имеет место, например, в Ломбардии, Южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако,

---

[1] Крестьянский мальчик часами ходит пешком за чужой телегой, лопатой подбирая конский навоз. Крестьянин приглашает прохожих испражняться. На ж.-д. станциях, при остановках воинских эшелонов, крестьяне поджидают, пока солдаты испражняются, и тут же подбирают экскременты (по личным наблюдениям автора на станции Чжэнчжоу в Хэнани). В гуандунских деревнях и в городе Кантоне общественные уборные устраиваются над небольшим прудом, вода из которого идет на поливку (удобрение) огородов.

[2] По данным Кинга, на 1 акр земли накладывается иногда 70 *m* ила.

[3] Небезынтересно отметить, что ученые агрономы и химики, занимавшиеся этим делом, после исследования пришли к убеждению, что китайский крестьянин прав.

[4] Наблюдения миссионера Датта.

вообще говоря, при этой системе производительность земледелия покупается сильным расточением человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства» [1].

Сильное расточение человеческой рабочей силы не пугает, однако, китайского крестьянина, ибо ему негде применять свою рабочую силу. Он знает, что земля требует своей пищи, ибо иначе она (земля) не прокормит его. И ввиду того, что постоянная обработка в продолжение четырех тысячелетий не оставила и следов естественного плодородия почвы, ввиду того, что каждый год надо отдавать земле столько же, сколько она отдает обратно в виде продуктов, ввиду того, что главным материалом удобрения служат все экскременты человеческого потребления, одним из «естественных» законов земледелия в Китае является тот факт, что если человек голодает, то голодает и земля, а если земля начинает голодать, то крестьянин голодает уже во всяком случае. Но этот «естественный» закон вытекает из китайского общественного строя. Если крестьянин голодает, то он не только лишен возможности воспроизводить свою рабочую силу, но может воспроизводить и свое хозяйство лишь в сокращенном масштабе. И поэтому прав китайский публицист и агроном Тао Яо-лин, указавший [2], что в северных провинциях крестьянин, вынужденный устраивать «зимние голодовки», заставляет голодать свой скот, и тем более свою семью, но что в числе других причин и этот факт уменьшает урожайность на севере. У подавляющего большинства крестьянства нет даже простого воспроизводства, рабочей силы и хозяйства, а о расширенном воспроизводстве и речи быть не может. Искусство голодать (Hungerkunst) доведено китайским крестьянином до совершенства, но земля упорна — она-то голодать не хочет.

Империализм усилил и обострил нарушение правильного обмена веществ между человеком и землей. Пашни все больше и больше отводятся под технические культуры. Табак, опиум, бобы, отчасти хлопок, тутовые деревья, занимают место риса, пшена, гаоляна. А технические культуры, как опиум, табак, хлопок, по своим природным свойствам, отнимают у земли гораздо больше азотистых веществ, поташа и т. д., чем рис. Технические культуры — это отлив ценности из деревни в город за эквивалент с точки зрения закона стоимости, но, как мы увидим, крестьянин получает весьма ничтожную часть этого эквивалента [3], и отлив этот приводит к обеднению земли.

Китай в целом является в первую голову лишь «аграрным хинтерландом» для империализма, и подобно тому как в эпоху раннего капитализма город изымал больше ценностей из деревни, чем сам давал ей, так в эпоху монополистического капитализма это отношение воспроизводится на более высокой ступени. Мировой империализм истощает китайскую почву. Неоднократно цитированный нами немецкий агроном Вагнер вычислял, что Китай вывозит только в виде бобов, чая, бобовых жмыхов и пеньки значительно больше питательных веществ, чем

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 77.

[2] Цитировано из английского перевода статьи «Почему беден китайский крестьянин», появившегося в «Far Eastern Times», от 22/X 1926 г.

[3] Купец и ростовщик съедают большую часть доходов торгового земледелия, не говоря уже о помещике.

ввозит. В 1912 г. Китай вывез 678 тыс. *т* бобовых жмыхов, и китайская почва безвозвратно потеряла 33 920 *т* нитратов, 6 784 *т* поташа, 6 784 *т* фосфатов [1]. В 1926 г. Китай вывез уже 261 тыс. пикулей бобовых жмыхов. Таким образом удобрение вывозится из Манчжурии в Японию в то время, когда китайская земля голодает и истощается.

И если удобрение, по пошлому выражению Давида, душа земледелия, то в китайском способе удобрения скрыт ключ к пониманию одной из важнейших проблем восточного земледелия или во всяком случае один из важнейших моментов для понимания этой проблемы. Даже при развитом капитализме, когда, по словам Маркса, плодородие почвы отчасти зависит уже от земледельческой техники и от земледельческой химии, «переход к удобрению и пр. необходимо ведет к уменьшению площади хозяйств» [2]. В странах, где земледелие так сильно зависит от удобрения, где, за исключением Японии, искусственного удобрения не знают [3], где основным поставщиком удобрения является сам человек, — это обстоятельство становится одним из важнейших моментов.

Замечательный геолог и агроном Рихтгофен, который в смысле изучения и научного обследования Китая один дал больше, чем все английское и американское поповско-коммерческое китаеведение в совокупности, первым подметил и формулировал это несомненно одно из важнейших явлений китайского и вообще дальневосточного земледелия. «Обработка земли, — говорит он, — ведется не в соответствии с наличием рабочих рук, а сообразно величине площади, для обработки которой наличное население может поставлять навоз» [4].

Путешествуя по Китаю спустя 13 лет после Тайпинского восстания, он застал провинцию Чжэцзян в состоянии полного опустошения и разорения. Земля была истощена, росли только травы, изменился даже естественный цвет земли. В это время начинался процесс колонизации Чжэцзяна, и Рихтгофен к своему удивлению заметил, что колонисты-китайцы, несмотря на почти неограниченные запасы земли, брали под обработку лишь небольшие участки, объясняя это ограниченным количеством навоза. «Количество производимого хлеба зависит здесь в первую голову от величины возделанной земли и от того, сколько экскрементов поставляет наличное количество людей».

Однако, наблюдение Рихтгофена [5] о соотношении между возделываемой площадью и количеством навоза, которое может быть добыто на данной площади данным количеством населения, не является всеобщим «вечным» законом землепользования на Дальнем Востоке. Улучшение техники и использование искусственных удобрений уменьшают зависимость от экскрементов. Возникновение химической промышленности и ввоз искусственных удобрений сделали японское земледелие независимым от «закона» Рихтгофена [6].

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 244.

[2] Ленин, Капитализм в земледелии, т. IX, 21.

[3] Ввоз всякого рода удобрений в Китай составлял в 1923 г. 3 920 тыс., в 1924 г.—3 653 тыс., в 1925 г.—3 581 тыс. таэлей. В эти суммы включен и ввоз бобовых жмыхов из Манчжурии в Шаньдун.

[4] Richthofen, China, т. II, 133.

[5] «Richthofen's Letters», 116.

[6] Японское сельское хозяйство тратит ежегодно в среднем 300 млн. иен на покупку удобрения.

Мысль Рихтгофена еще резче подчеркивает антагонизм между условиями производства и общественными условиями на Дальнем Востоке, в областях трудо-интенсивного земледелия. Мелкий раздробленный непосредственный производитель противостоит необходимости создания крупнейших сооружений для обеспечения водоснабжения. В то же время он противостоит общественному строю, который часто лишает его возможности даже простого воспроизводства своей рабочей силы. «Уничтожение деревенской домашней промышленности», «постепенное обеднение и истощение земли», в случае нарушения обмена веществ между человеком и землей, «узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности», «ростовщичество и налоговая система», высокие цены на землю, «бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей», «колоссальное расточение человеческой силы», «возрастающее ухудшение условий производства и вздорожание средств производства», неспособность использовать рыночную конъюнктуру и ее изменения, низкие цены на продукты в странах парцеллярного ведения хозяйства в сравнении с издержками производства — вот прелести, характерные, по Марксу[1], для этой формы хозяйства.

В азиатских колониях и полуколониях империализма процесс истощения почвы идет рука об руку с процессом истощения рабочей силы человека. Два эти процесса дополняют и сопровождают друг друга. Это обстоятельство и придавало такой огромный размах и силу крестьянским движениям в Китае. Когда земля истощается, перед классами общества встает вопрос не только о распределении национального дохода, а о том, кто, какой класс или части какого класса должны умирать с голоду. И если такой вопрос поставлен, то борьба классов становится особенно жестокой.

В самом деле, переведенные Ли[2] документы из китайских летописей, касающиеся истории земледелия, показывают, что чрезмерное усиление гнета и эксплоатации, рост торговли, реквизиции, феодальная анархия, войны, стихийные бедствия, увод на повинности и всякие другие нарушения предпосылок «нормального» проживания на «нормальном голодном пайке» всегда сопровождалось истощением почвы, уменьшением урожайности.

Вот картина, относящаяся ко времени династии Сунов (960—1276 нашей эры):

«Не было урожая в прошлом году, голод будет и в этом году. Поля стали рыжими, и ничего не осталось из посевов риса. Только травы растут на полях. На расстоянии 1 000 ли земля везде стала рыжей... На землях даже травы не растут иногда... Земля устала... Земля истощена...».

Вот два отрывка, относящиеся ко времени династии Минов:

«Теперь в Цзянсу, Аньхуй, Цзянси, Хубэй и Хунани и вдоль Янцзы в Хэнани и в Сычуани возникли голодовки. Рыжая земля (истощенная почва) на расстоянии 10 тыс. ли... Сухая земля стала рыжей».

«Люди, путешествующие по торговым делам, родственники императора, одетые в меха, разъезжающие на лошадях, потребляющие мясо,

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, гл. 47, V.

[2] The Economic History of China, 263, 267, 268, 273, 282 и 390.

носящие шелковую обувь и одежду, не знают об истощении почвы на полях».

А теперь послушайте Рихтгофена:

«Урожайность хлеба в крае, по общему мнению производителей, падает. Объясняется это недостаточностью удобрения и недостаточностью фосфоро-кислых материалов в почве [1].

Это относится не к династии Минов, а к династии Чжан Цзо-лина, не к тысячелетиями возделывавшейся почве Шэньси, а к недавно еще девственной почве Манчжурии.

«Посевные земли не отдыхают: им не возвращаются каждый год частицы, потребные для питания растения; почва подвергается полному истощению» [2].

Это относится к югу, к 70-м годам истекшего столетия. С тех пор положение стало там значительно хуже.

«Практикующийся метод земледелия лишает почву питательного чернозема. Это отягчается постоянным вырыванием из земли соломы и корней растений для топлива, что лишает почву органических веществ. Недостаток скота делает удобрение невозможным. Единственное удобрение, применяемое для сохранения плодородия, — человеческие экскременты».

Это относится к любому округу провинции Хобэй.

«Сбор гаоляна и пшена постоянно уменьшается, и почва сильно истощена» [3].

Это относится к провинции Хобей в 1926 г., и писал это весьма наблюдательный американский консул в Тяньцзине, Стюарт Хейнлеман.

«Почва на склонах гор жесткая, бедная и худая... Почва в долинах рек когда-то была весьма плодородной, но столетия постоянной обработки истощили ее, и теперь требуется постоянное удобрение. Деревни в упадке, земля запущена, население живет на присылаемые эмигрантами деньги» [4].

Это относится к южному Фуцзяну, и пишет так весьма беспристрастный наблюдатель, американский консул С. Я. Гаусс.

В Гуандуне переход к краткосрочной аренде, общественные условия, ростовщичество, бандитизм уменьшают плодородие земли [5].

В Хунани крестьяне жалуются, что урожайность падает, и в некоторых уездах они запускают землю, ибо не стоит обрабатывать ее [6].

«Как общее правило, считается, что в течение 10 лет бывает один хороший урожай и девять средних и плохих... Эти лессовые области были когда-то богатейшей житницей Китая. Теперь урожай зависит от случайных климатических условий. В сухие годы нет вообще урожая, и тогда имеет место катастрофический голод. А если урожай хорош, продать хлеб нельзя... Посевная площадь составляет 2% всей поверхности»... [7].

---

1 «Richthofen's Letters», 82.
2 Там же.
3 Arnold, China, a Commercial and Industrial Handbook, 290—291.
4 Там же, 356.
5 Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung.
6 «Chinese Correspondence», 1927 г., № 3.
7 Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 7 и 54.

Это относится к провинциям Шанси, Ганьсу и к северу Шэньси.

Кинг уже в 1900 г. заметил во многих местах в Шаньдуне разъедание и истощение почвы, и этот процесс с тех пор зашел так далеко, что в 1926 г. около миллиона крестьян эмигрировало из Шаньдуна, «благословляя» Чжан Цзун-чана, который в течение одного года собирал 5 раз поземельный налог, обесценивал деньги, разместил принудительные займы в размере 28 млн. долл., обложил все без исключения, реквизировал и т. д. и т. п.

Таково состояние «естественного базиса» земледельческого производства, состояние «главного орудия» китайского крестьянства.

Разумеется, истощение почвы обрушивается на землю различных социальных групп крестьянства по-разному. Одно из наиболее замечательных указаний Ленина по вопросу об изучении расслоения крестьянства заключается именно в том, что кроме всех прочих экономических показателей он считает необходимым иметь в виду следующие три обстоятельства: «1) Как питается, как живет и как работает земледелец; 2) как содержится и как работает скот; 3) как удобряется и рационально ли эксплоатируется земля». С тех пор мы имеем весьма интересные исследования Лосиноостровского с.-х. института, из которых явствует, что бедняцкая земля беднее всякими питательными веществами, чем середняцкая, а середняцкая земля беднее, чем кулацкая, — почвоведение химически доказало тезис, который Ленин выводил из социально-экономических предпосылок.

«Земля, если она правильно возделывается, все улучшается... Последовательные затраты капитала (и можно добавить и труда) могут дать новую выгоду, причем не утрачиваются и прежние»[1].

Если китайская земля, несмотря на истинно героическую борьбу за плодородие почвы китайского крестьянства, все-таки истощается, если земледелие «фермеров сорока столетий» все-таки приходит в упадок, то это не значит, что позволительно выработать теорию об истощении почвы, как «вечном законе» земледелия, как это сделал Ли и ряд китайских студентов Колумбийского университета под влиянием американских профессоров. Нет, нельзя выводить все бедствия Китая, всю китайскую историю из «абсолютного закона» истощения китайской почвы. Нет, не китайская земля виновата в трагическом упадке важнейшей отрасли китайского народного хозяйства — земледелия.

Истощение почвы является результатом общественных условий в Китае, созданных империализмом и китайскими господствующими классами. Эти общественные условия вынуждают китайского крестьянина голодать, а поэтому голодает и китайская земля. Мелкое крестьянское хозяйство, и тем более карликовая аренда, держится на бесконечном сокращении потребностей, на недоедании непосредственных производителей и их семей, на непосильном труде их. Пределом эксплоатации крестьянина служит лишь голодная смерть его или революция. Пределом эксплоатации земли служит временная голодная смерть, истощение почвы. Эти два процесса переплетаются, дополняя и ускоряя друг друга, пока вымирание огромных масс людей, опустошительные войны, бродяжничество — эти постоянные спутники всех кризисов китайского хо-

[1] Маркс, Капитал, т. II, ч. 2, 317.

зяйства — и, с другой стороны, восстание миллионных крестьянских масс не приостанавливают процесса эксплоатации, давая земле возможность отдыхать и вслед за тем же открывая путь к более рациональному земледелию.

ГЛАВА IV.

ОБЛАСТИ ЖЕЛТОЗЕМА.

«Закон» Рихтгофена не применим ко всему Китаю даже при данном уровне техники, даже при данных общественных условиях. Для областей желтозема, т. е. лессовой почвы, и для областей новой колонизации, а именно для Манчжурии и для Внутренней Монголии (Сюйюань, Чахар, Жэхэ), «закон» этот действителен лишь с известными ограничениями.

Что представляет собою желтозем, эта замечательная особенность севера Китая?

«В составе лесса нет камней, лесс очень пористая материя, содержащая в себе известь, коричнево-желтая почва, которая имеет свойство делиться под влиянием воды на вертикальные пласты... Лесс пронизан мелкими трубками из извести, форма расположения которых очень похожа на корни растений... Лесс делится на пласты и горизонтально. Лесс покрывает почти все плодородные места Китая, и его свойства предопределили не только геологию, но и земледелие и даже историю Китая»[1].

Несомненно, что это геологическое открытие Рихтгофена насчет наличия и свойств лесса дает нам ключ к пониманию многих проблем китайской земли вообще и к пониманию многих загадок китайской истории.

Одна из важнейших особенностей желтозема состоит в том, что его чрезвычайно легко распахать. Именно это объясняет сравнительно быструю колонизацию севера китайцами во время возникновения государства. В Англии и Германии распашка новых земель была весьма сложным и трудным делом и производилась всей общиной; для нее нужен был особенно тяжелый плуг и упряжка иногда из 6—8 голов скота.

Лессовая почва — желтозем — чрезвычайно богата питательными веществами[2].

Лессовая почва сама себя удобряет. Она легко впитывает в себя влагу и те элементы атмосферы, которые восстанавливают производительную силу почвы. Но что важнее всего, лесс вбирает, всасывает в себя дождевую влагу, и эта вода, встречаясь в глубине с подпочвенной влагой, чрезвычайно богатой питательными веществами низших пластов лесса, потом, по закону капиллярности, поднимается на поверхность, принося с собой из глубины все богатства низших пластов лессовой почвы. Словом, лесс сам себя удобряет, не нуждается в навозе, сам питается одновременно из своих низших пластов и из воздуха. Этим

---

[1] «Richthofen's Letters», 123.

[2] По мнению немца Вольтмана, изучавшего этот вопрос, китайская лессовая почва богаче питательными веществами, чем любая европейская почва, и даже девственная почва Камеруна, Северной Америки, Южной и Западной Африки не превосходит в этом отношении китайский лесс. Другой специалист, Вагнер, оспаривает это.

объясняется чрезвычайное плодородие лессовой почвы; этим объясняется то, что бассейн реки Вэй и долина Желтой реки были столь желанной приманкой для кочевников завоевателей; этим объясняется, также то, что китайская культура развилась так рано и так быстро. Естественные предпосылки производства давали обществу возможность находить время не только для производства средств существования, но и для других целей. Этим объясняется, что даже после самых опустошительных войн, нашествий и восстаний области желтозема восстанавливались столь легко. Этим объясняется особая форма китайского плуга и тот факт, что китайский крестьянин не знает глубокой запашки[1]. Ведь глубокая запашка разрывает действие капиллярности между глубоко лежащими и поверхностными пластами, и поэтому не увеличивает, а уменьшает плодородие лессовой почвы.

Когда Маркс писал первый том «Капитала», Рихтгофен еще не открыл наличия и особенностей лесса в Китае, и поэтому Маркс заметил только, что «в рабовладельческих государствах, расположенных у Мексиканского залива, до начала гражданской войны были в ходу плуги старо-китайской конструкции, которые взрывали землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали ее»[2]. Особенность китайской запашки объясняется тем, что она служит лишь для того, чтобы ветры не уносили, а дожди не смыли зерна. А на юге — на территориях риса — осталась северная система запашки, ибо там рис требует орошения и глубокая запашка обозначала бы, что распаханная земля вбирала бы в себя слишком много воды, а для риса скорее всего пригодна не пропускающая воду подпочва. Несчастие с этим китайским плугом начинается там, где, как в Манчжурии или внутренней Монголии, китайский крестьянин применяет его к твердой почве, требующей глубокой запашки.

Лессовая почва распространяется на Хобей, Шаньси, северную часть Шэньси, Ганьсу, север и некоторые южные уезды Хэнани и Шаньдун. На этих территориях густота населения и земледелие следуют везде за расположением лесса и ограничиваются им. Не напрасно называли китайского императора испокон веков императором «Желтой земли»[3].

Наличие лесса объясняет, что на Севере Китая почти нет дорог, ибо лесс очень мягкая почва, и под напором колес дороги легко превращаются в настоящие овраги глубиной в 10—15 футов.

Лесс чрезвычайно легко размывается, и этим объясняется особенность рек Северного Китая. Все реки несут с собой огромное количество песка, вымытого из лесса; русло рек быстро наполняется илом, и это объясняет опустошительные наводнения. Желтая река желта от лесса, и от лесса она стала горем Китая. Она ежегодно несет с собой 500 млн. *куб. м* ила. Янцзы также желта от лесса.

---

[1] Глубина запашки в Китае 10–15 *см*. Эта глубина запашки соблюдается и на рисовых полях юга, ибо глубокая запашка на орошаемых землях потребовала бы большего количества воды.

[2] Маркс, Капитал, т. 1, 168.

[3] Желтая земля и до сих пор является символом величества. Когда Чжан Цзо-лин в 1927 г. прибыл в Пекин, то по пути следования его был рассыпан желтый песок. Весь Китай возмущался, ибо факт этот обозначал, что Чжан Цзолин метит на престол.

В гористых местах провинции Ганьсу, Шэньси и Шаньси в лессовых склонах гор высекаются жилища. «Миллионы и миллионы людей живут так в земле, и такого выстроенного в земле дома хватает для 6—7 поколений. Мебель и печь делаются из лесса»[1]. Именно поэтому землетрясения в этих областях чрезвычайно опустошительны. Землетрясения в 1928 г. похоронили в этих лессовых пещерах в провинции Ганьсу больше 100 тыс. чел. Но лесс имеет еще и другое значение.

Мелкое и парцеллярное китайское крестьянское хозяйство не в состоянии покупать минеральное удобрение. Китай сам не производит минеральных удобрений, и ввоз таковых в Китай совершенно ничтожен. Недоступны для китайского крестьянского хозяйства и современные орудия производства, и не только трактор, комбайн, но даже современный плуг; недоступны и современные средства орошения. Китайскому сельскому хозяйству в целом недоступны современные машины для сооружения оросительных систем. Лесс не только не требует удобрения, но он так богат питательными веществами, что в чистом виде сам служит для целей удобрения. Крестьянин просто разбрасывает невозделанный лесс по возделанной площади и тем самым удобряет землю. На севере в городах продают большое количество лессовых кирпичей для удобрения пригородных садов.

Таковы прекрасные свойства знаменитого желтозема, основы старинной китайской культуры. Мало того, осенние бури приносят громадное количество плодороднейшего песка из монгольских областей и расстилают его на лессовых землях, увеличивая их плодородие и лишая плодородия монгольские земли[2].

Таким образом на лессовых территориях количество наличного населения и поставляемого им удобрения не ограничивает размера посевной площади. Лесс плодороден и без удобрения.

Здесь возможна диспропорция между посевной площадью и количеством населения.

Все свои прекрасные качества лесс проявляет однако лишь в том случае, если получает достаточно воды. Если воды недостаточно, то капиллярное сообщение между подпочвой и поверхностью прекращается, и растения лишаются питания. Почва сразу истощается, становится рыжей. Этим объясняется то, что даже в областях лессовой почвы, даже там, где рис не является главным средством питания, китайское земледелие также зависит от орошения. Этим объясняется, что в Китае, расположенном на лессовых территориях, поливное хозяйство, оросительная система имели почти такое же значение, как на юге, где преобладает культура риса. Этим объясняется, что хотя лесс в общем и неблагоприятен для разведения риса, а скорее пригоден для гаоляна, пшена, бобов, пеньки, табака, люцерны и гороха, — орошение являлось и здесь одним из важнейших вопросов земледельческой техники. Этим объясняется, что на лессовых территориях урожайные годы столь часто

---

[1] William, Middle Kingdom, v. I, 301.

[2] Весьма наблюдательный корреспондент «Times», путешествовавший в Китае во время Тайпинского восстания в 1857 г., пишет: «Реки и ветры приносят китайцам все плодородие Центральной Азии. Поэтому они должны заниматься земледелием, а не промышленностью. Промышленные изделия поставляем им мы». Для оправдания империализма пригодны даже песчаные бури Монголии.

чередовались с голодными, что привело в конце концов к созданию амбарной системы, к этой специфической форме «социального страхования» на Дальнем Востоке. Отчасти это объясняет и резкое колебание цен на средства питания в этих областях. Если погода благоприятна и дождей выпало достаточно, то продукты имеются в изобилии и их некуда сбывать. Если дождей нет, то наступает ужасающий повальный голод. Этим объясняется, что в Китае так рано возникла необходимость государственного регулирования цен на хлеб. Во что вылились эти методы социального страхования — амбарная система и регулирование цен, как воспользовалась ими бюрократия для захвата монопольного или по крайней мере господствующего положения на хлебном рынке, об этом в китайских летописях имеются жуткие страницы.

Итак, плодородие лесса зависит от воды, а воду поставляет земле природа в форме дождя или человек посредством искусственного орошения. Мы видели, что общественные условия привели к разрушению, к упадку оросительной системы главным образом в лессовых областях. Крестьянин опасается наводнений, вдоль рек широкие полосы берега превратились в болото, а на большие расстояния от рек орошение возможно лишь кустарным способом из колодцев. Орошение из рек при помощи каналов — это крупное мануфактурное производство воды, по сравнению с орошением из колодцев. Тем не менее север перешел в общем и целом на орошение из колодцев в противоположность югу, где преобладает использование крупных источников воды.

Что же касается количества воды в форме дождя, то здесь, казалось бы, общественные отношения непричем. В действительности же именно общественные отношения лишили лессовые области дождей. В ходе истории произошла крупнейшая трагедия — обезлесение Китая. Эту трагедию пережила и Англия, но та за счет лесов создала промышленность. Германии удалось более или менее избежать обезлесения. Крупнейшую трагедию пережили и переживают в настоящее время в Европе окрестности Фиуме и Триеста, Далмация и Черногория из-за хищнической порубки лесов венецианскими судостроителями.

Области древней цивилизации, Персия, Аравия, Египет и Сирия, особенно же близкие к морю районы, где производилась порубка леса для судостроения, совершенно лишены леса. В Индии обезлесение, главным образом, долин рек, зашло столь далеко, что уже начало вызывать наводнения. Английский империализм также способствовал обезлесению страны, и во время наполеоновских войн, когда запасы судостроительного леса в Англии совершенно истощились, англичане начали производить порубки для своих судов индийского дерева — тик. Хищническое хозяйничание англичан и индийских спекулянтов скоро дало себя почувствовать, благодаря чему, начиная с середины XIX в., англичане, чтобы иметь сырье для своей судостроительной промышленности, начали заниматься разведением лесов. В связи с этими же соображениями английская администрация на севере Индии положила конец расчистке лесов и переложному хозяйству. Французы в Индо-Китае и американцы на Филиппинских островах также запретили переложное хозяйство и расчистку лесов.

Япония в силу особых причин более или менее избежала этого бедствия. Но «Китай доведен до такой степени обезлесения, как ни одна

большая страна в мире»[1]. Несомненно, что когда-то Китай был богат лесами. Однако в доступных нам исторических документах первое указание на недостаток топлива мы находим уже в V веке хр. эры. Уже тогда власти во время голода «роздали рис и топливо голодающим», что свидетельствует о том, что к тому времени леса были уже захвачены, их было недостаточно[2].

При династии Тан в середине IX в. пришлось издать императорский указ, запрещавший вырубать тутовые деревья; топливный голод достиг очевидно ужасающих размеров, ибо тутовое дерево является предпосылкой шелководства, и если крестьянин начал вырубать тутовые деревья, то он был очевидно доведен до отчаяния нехваткой топлива. В X в. появился императорский указ с предписанием рассаживать тутовые, фруктовые и другие деревья. В XIII в. запрещается вырубать деревья и леса, и крестьянам предоставляются даже особые наделы в размере от 30 до 150 му для разведения фруктовых деревьев и ив[3]. Китайское правительство пыталось развести леса средствами крестьянского хозяйства, но на этот раз не помогли никакие императорские декреты, никакой нажим чиновников, ибо «долгое время производства (включающие в себя лишь в незначительной части рабочее время) и связанная с ним продолжительность периода оборота делают разведение лесов невыгодным для частных, а следовательно для капиталистических, предприятий... — ...Кроме того правильное постоянное лесное хозяйство требует, чтобы непрерывно имелся запас живого дерева, превосходящий в 10—14 раз ежегодное пользование. Поэтому тот, кто не имеет других доходов и обладает только значительными площадями леса, не в состоянии вести правильное лесное хозяйство»[4].

Мелкое крестьянское хозяйство не могло авансировать свой труд на 12—14 лет, а главным образом не могло накоплять запасов леса на 12—14 лет. Характерно, что император предлагал разводить иву, которая вырастает в 5—6 лет. Вероятно этим коротким сроком роста и объясняется сильное распространение ивы в Китае. Вероятно этим объясняется также большое распространение бамбука, этого дерева-травы. Бамбук достигает своей полной высоты в течение 40—60 дней, и рост его можно легко наблюдать. В течение суток бамбук вырастает при благоприятных условиях на 46 *см*, и в течение одного часа наблюдался рост на 23 *мм*. Чем больше влаги и теплоты, тем быстрее его рост. В течение 3—5 лет бамбук достигает своего полного развития. В деле разведения лесов бамбук дает возможность максимально быстрого оборачивания капитала, и поэтому вполне понятно, что именно он служит в Китае строительным лесом, материалом для с.-х. орудий, пищей, сырьем для выделки бумаги и т. д., в общей сложности для 300 с лишним целей[5].

Марко Поло видел еще в XIII в. большие леса, загороженные для охотничьих развлечений Кублай Хана и монгольской знати. Но в XV в. при династии Мин летописец уже восклицает: «При первом императоре

---

[1] King, Farmers of Forty Centuries, 1924 г., 96.
[2] Lee, The Economic History of China, 202.
[3] Там же, 259 и 274.
[4] Маркс, Капитал, т. II, 216—217.
[5] B. M. Porterfield, Bamboo and its Uses in China.

Минской династии было приказано развести тутовицы, но сейчас почти все тутовицы вырубили»[1]. А в 1926 г. были вырублены деревья даже на исторических могилах Мин, и пекинские чиновники продавали исторические деревья вокруг храма земледелия. Ивы с крестьянских дворов вырубают и растаскивают солдаты. На собирание топлива на севере тратят неимоверное количество времени.

Это трагическое обезлесение привело к двум последствиям. Во-первых, обнаженные горные склоны пропускают воду с такой быстротой, что более или менее длительная дождливая погода обязательно обозначает угрозу наводнения. Вот почему в Китае идет ученый спор о том, как лучше защищаться против наводнений: при помощи разведения лесов или путем укрепления плотин[2]? А пока ученые спорят, в Гуандуне разрушаются плотины, в Хубэе в 1927 г. Ян Сэнь не позволил исправить разрушенные плотины, чтобы удобнее нанести удар Уханю, а в Шаньдуне войска Чжан Цзун-чана начали вырубать леса, разведенные в Цзяочжоу во время германской оккупации.

Итак обезлесение подрывает хозяйство и делает регулярное водоснабжение невозможным. Обезлесение страны заставило китайцев использовать солому риса и бамбука в качестве сырья для бумаги. Теперь английские фабриканты бумаги делают попытки перейти на это сырье. Отсутствие лесов объясняет слабое развитие крестьянской домашней промышленности и деревенской кустарной промышленности. Представить себе русского кустаря и ряд отраслей домашней промышленности в русской деревне без леса в качестве сырого материала невозможно. А китайский крестьянин лишен этого сырья. Этим отчасти объясняется неподвижность в области развития крестьянского инвентаря.

«В провинции Гуанси экономическое могущество помещиков еще увеличивается благодаря тому, что им принадлежат леса. По официальной статистике во всем Гуанси леса делятся на государственные — 388 322 му, общественные — 15 000 му, частные — 2 858 410 му. «Частные» — это означает конечно помещичьи, ибо ни один крестьянин не может владеть лесным участком, а «общественные» — это значит принадлежащие джентри. В северной части Пеллоуского уезда происходила ожесточенная борьба между крестьянами и помещиками по этому поводу. Леса находятся там у истоков ручьев, орошающих крестьянские поля. В связи с ростом цен на строительное дерево помещики стали хищнически вырубать леса, что вызвало уменьшение количества воды в ручьях, а многие рисовые поля остались совсем без орошения. Крестьяне выдвинули требование государственных принудительных мер по охране лесов»[3].

Вторым последствием обезлесения было изменение климата северо-западных областей. По мнению Рихтгофена, в течение нескольких столетий климат этих областей совершенно изменился. Когда еще существо-

---

[1] Lee, The Economic History of China, 366.

[2] В «China Weekly Review», 1927 г., т. XIX, № 6, китаец Д. У. Лин убедительно доказывает, что в Китае прежде всего важно разведение лесов. В «Seventh Annual Report of the Board of Conseroancy Works of Kwantung» доказывается необходимость строить плотины.

[3] Тарханов, Очерки социально-экономической структуры провинции Гуанси (Журнал «Кантон», 1927 г., № 10, 88).

вали леса и лессовые степи были покрыты растительностью, плодородие лессовой почвы обеспечивалось равномерным распределением дождей. Когда же леса пали жертвой хищнического хозяйничания, и степи превратились в пашню или в обнаженные пустоши, климат стал меняться. «В этих областях дожди выпадают весьма неравномерно. Бывают годы, когда вообще нет дождей, бывает так, что они выпадают обильно»[1]. Засухи учащаются, а засуха немедленно превращает лесс в истощенную почву. Этим процессом охвачены уже и провинции Хобэй и Шаньдун, и например, в 1927 г. засуха совершенно уничтожила весь летний урожай в Хобэе и в западном Шаньдуне.

В течение трех лет подряд в Шаньси и Шэньси продолжалась небывалая по своим размерам засуха.

Крестьянин защищается как может. Разрозненный мелкий производитель не в состоянии разводить лесов (это почти везде дело государства), поэтому он роет колодцы и орошает землю или ввиду того, что подпочвенная влага лесса уже снизилась слишком глубоко, так что влага поверхности с ней не встречается и не отдает поверхности питательных веществ низких пластов, крестьянин перешел к удобрению. Это означает, что пресловутый закон Рихтгофена начинает действовать и в области лесса.

Господствующие классы истребили леса, даже не помышляя о воспроизводстве их. Это имело своим следствием перемену климата, сделало более частыми наводнения и лишило желтозем его прекрасных качеств. Север, северо-запад и запад Китая находятся под угрозой такого же вырождения, как огромное плато Центральной Азии, где некогда цветущие земледельческие области превратились вследствие обезлесения, изменения климата, засух и песчаных бурь, унесших плодородную кору почвы, в бедные пастбища кочевников-пастухов. Общественные условия, хищническое хозяйничание обусловили собой упадок земледелия.

Китайское крестьянство всячески старается вырваться из этого порочного круга, подняв технику хозяйства своими жалкими средствами. История земледельческой техники в Китае — подлинная эпопея народного творчества, вдумчивости, наблюдательности, сплошная героическая борьба за воспроизводство своего хозяйства. Макс Вебер совершенно неправ, утверждая, что в исторические времена в Китае существовало лишь монополье. При династии Чжоу, в 1112 г. до нашей эры, указ императора предписывает, что каждый двор должен получить 100 му земли, для того чтобы оставить эту землю под паром для подготовки нового урожая. Вблизи городов предоставлялись наделы в 50 му и 100 му под паром, а из лучших земель даже 200 му под паром. Это значит, что тогда существовал еще земельный фонд, что учитывалась выгода местоположения (вблизи городов давалось меньше земли), а главное, что была земля под паром. Переход к по-

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, стр. 9. Во время германской оккупации немцы в окрестностях Циндао развели леса на 240 тыс. му. Благодаря этому дождь стал выпадать в среднем 85 дней в году, в то время как до облесения он выпадал лишь 12 дней в году. Чжан Цзун-чан приступил уже к вырубке лесов.

стоянной обработке без пара совершился лишь постепенно, по мере развития техники и роста населения.

Но уже в V в. нашей эры китайское земледелие предстает перед нами в полном расцвете. От этого периода дошла до нас книга Цзай Шэ-цзи под названием «Цзи Мин Яо Шу» о земледелии при Ханьской династии (202 л. до хр. эры — 220 л. до хр. эры), и несомненно, что этот труд — лучшая книга о земледелии до Либиха и Кирхгофа.

Цзай Шэ-цзи упоминает о производстве пяти главных злаков — бобов, мелких бобов, пшена, пшеницы и «главнейшего злака» риса — и дает советы относительно севооборота, возделывания земли для разных злаков, относительно того, какое растение на какой почве надлежит культивировать, — советы, которые вполне выдерживают критику научной агрономии конца XIX в. Он знал о шести разных видах севооборота, он знал эмпирические свойства клевера, люцерны и бобов. Научная агрономия лишь к концу XIX в. сделала важное открытие, что «стручковые растения в отличие от остальных культурных растений получают почти весь свой запас азота не из почвы, а из воздуха, что они делают почву не только не беднее азотом, а еще богаче. Но этим свойством обладают они лишь в том случае, если в почве имеются известные микроорганизмы, пристающие к их корням. Там, где нет этих микроорганизмов, можно посредством соответствующей прививки придать стручковым растениям способность превращать бедную азотом почву в богатую азотом и таким образом удобрять до известной степени эту почву для других культурных растений. Прививка бактерий стручковым растениям дает, по общему правилу, возможность в соединении с соответствующими минеральными удобрениями (фосфорнокислыми солями и калийными удобрениями) получать с земли постоянно самые высокие урожаи и без навоза» [1].

А китайский предшественник Либиха и Геллригеля установил этот закон эмпирически и горячо рекомендует перед зерновыми злаками сеять коноплю, бобы и даже, одновременно с другими злаками, люцерну. Он советует разводить бобы [2] и пахать землю, когда бобы еще не созрели, чтобы бобы удобряли землю. Он предлагает грядковую культуру, чтобы сохранять дождливую влагу и чтобы охранять поля от ветров. Он прекрасно описывает значение воды для риса. Предлагаемый им севооборот сохраняет свое значение и в свете современной науки. Он учитывает климат, свойства почвы и т. д. и т. п. И все это было написано в V в., о земледелии во II и III вв. В это время китайцы уже знали об улучшении семян, как средстве борьбы против вредителей. В IV в. применялось уже сжигание почвы в качестве средства против истощения, а в VI в. севооборот комбинируется уже из девяти злаков, имеются фруктовые сады, разводятся овощи; с презрением пишут об экстенсивном земледелии, восхваляя интенсивное. В IX в. вводится новый тип плуга. Китайский крестьянин имел уже тогда сеялку, и уже в IV в. была написана книга о с.-х. орудиях.

Нам доступны, к сожалению, лишь немногие источники по истории

---

[1] Каутский, Аграрный вопрос, 43.

[2] Современный китайский крестьянин вырывает для топлива солому этих растений вместе с корнями и лишает почву именно этих бактерий.

развития земледельческой техники в Китае, ибо английское, французское и немецкое китаеведение этими вопросами вообще не занимается. Но, судя по доступным нам источникам, техника земледелия при Ханьской династии достигла высшего развития и с тех пор мало изменилась. Вторжение империализма и переход к технически-торговым культурам не способствовали развитию техники, создав лишь необходимость более усиленного применения удобрения. XIX и XX вв. ввели лишь бобовые жмыхи, в некоторой мере как рыночный продукт, хотя в качестве удобрения жмыхи использовались уже значительно раньше, наряду с другими отбросами.

Разумеется, в свете научной агрономии и головокружительного развития химии земледельческая техника китайского крестьянина, выступавшего учителем в этом деле в Японии, на Яве, на Филиппинах и вероятно также в Индо-Китае, являет собой картину рутины и отсталости. Разумеется, по сравнению с новейшими с.-х. орудиями, «орудия китайского крестьянина напоминают века патриархов Израиля» [1]. Крупнейшая ошибка Кинга состоит в том, что он идеализирует китайскую технику земледелия и предлагает американскому фермеру учиться у китайского арендатора. Американский фермер и европейский крестьянин могут многому научиться у китайского крестьянина, но китайский крестьянин также должен учиться технике у американского фермера. Заслуга Вагнера в том, что он указал на крупные недостатки китайской земледельческой техники, на ее рутину, отсталость.

Однако «техника» неотделима от общественного строя, и пока милитаризм, империализм и помещичий гнет лишают китайского крестьянина не только ренты и прибыли на его жалкий «капитал», но и значительной части его заработной платы, пока ростовщичество и китайские рыночные отношения, китайская система торговли будут господствовать над деревней, до тех пор не может быть и речи об улучшении техники. Опытные станции Китая, его с.-х. университеты и т. п., как показал опыт, имеют ничтожное значение, поскольку их влияние распространяется по ничтожному радиусу лишь на несколько сот деревень. До тех пор пока рабочее и крестьянское восстание не освободит крестьянина-производителя от гнета средневековья, невозможен выход на широкую дорогу улучшенной техники, выход из порочного круга упадка, бедствия, голодовок, разрухи и постепенного превращения когда-то цветущих, самых богатых, культурных областей мира в пустоши.

А настоящий расцвет наступит, когда сельское хозяйство Китая вступит на социалистический путь развития.

ГЛАВА V.

РОЛЬ СКОТА В КИТАЙСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Прежде чем перейти к характеристике третьего, столь отличного от области риса и желтозема земледельческого района Китая, а именно области колонизации, нам придется остановиться на одной из важнейших особенностей дальневосточного крестьянского хозяйства; мы имеем

[1] Arnold, China, a Commercial and Industrial Handbook, 146.

в виду особенность, представляющую глубокое отличие между дальневосточным сельским хозяйством и сельским хозяйством Европы, Америки и даже Ближнего Востока. На наш взгляд эта черта сельского хозяйства Дальнего Востока, а именно особая роль скота, налагает, наряду с поливной системой и удобрением, самый глубокий отпечаток на дальневосточное сельское хозяйство вообще и на китайское в особенности.

Трудно представить себе европейское и американское сельское хозяйство без сочетания земледелия со скотоводством. Прогресс земледелия в Европе и Америке ознаменовался именно возросшим значением скотоводства, птицеводства и молочного хозяйства в общей системе сельского хозяйства.

Разумеется, выгоды этого прогресса выпали на долю крупного помещичьего и кулацкого хозяйства точно так же, как преимущества разведения торгово-технических культур. С тех пор как скотоводство перешло с подножного корма на стойловый, удельный вес скота еще более вырос. В Англии овцы вытеснили крестьян с полей, но даже там, где развитие текстильной промышленности не придало огромного значения скоту, как поставщику промышленного сырья, скотоводство занимает все более и более значительное место в сельском хозяйстве. САСШ, Дания, Германия, Балканские страны, Венгрия, Австрия и не в малой степени дореволюционная Россия служат лучшим доказательством того, что капитализм, помимо развития торгового земледелия и производства технических культур, знаменует свое проникновение в земледелие повышением удельного веса скотоводства.

Австралия, Новая Зеландия, Южно-африканский союз, ряд Латино-американских стран превращаются в скотоводческие фермы мира.

Нам трудно представить себе повседневное питание без продуктов скотоводства — без мяса, масла, сыра, молока и т. п. Несмотря на победоносное продвижение хлопка в текстильной промышленности, несмотря на возрастающее значение минерального, древесного и растительного масла в качестве вспомогательных материалов индустрии вообще и сырого материала для химической и других отраслей промышленности в частности, скотоводство все еще является немаловажным поставщиком промышленного сырья. Как общее правило, скотоводство поставляет сырье для обувной промышленности. Несмотря на гигантский рост значения машин в сельском хозяйстве, скот все еще играет крупнейшую, хотя быстро уменьшающуюся, роль, как скот рабочий и как средство транспорта.

Именно поэтому нам невозможно представить себе сельское хозяйство Дальнего Востока в его настоящем виде, если мы не усвоим полностью того факта, что на огромных территориях Китая, Индии, Японии, Явы, Индо-Китая, Кореи, Филиппинских островов и т. д. скот играет совершенно другую, при этом — по сравнению с европейским, американским, африканским и с ближневосточным хозяйством — совсем ничтожную роль. Тот факт, что в Индии и в Индо-Китае некоторые отсталые племена занимаются скотоводством, что в Китае в некоторых областях — во внутренней Монголии, в Китайском Туркестане, в Ганьсу, отчасти в Шаньси и Шэньси, в западной части Сычуани, в некоторых уездах Юньнани — скотоводство имеет еще известное и даже большое

значение, — не меняет общей картины. Скотоводство играет в Китае более или менее значительную роль лишь в некитайских областях, там, где проживают монголы или мусульмане. Как общее правило, можно констатировать, что на Дальнем Востоке (исключая, разумеется, Советский Дальний Восток), лошади и рогатый скот играют ничтожную роль. Рогатый скот как убойный скот не существует. Скотоводство, как общее правило, не является поставщиком сырья для производства одежды и обуви. Начиная с XIV и XV вв., главным сырьем для производства тканей является хлопок, но и раньше шерсть не играла значительной роли, ибо тогда низшие классы употребляли пеньку, а знать — шелк. Скот не является также источником питания для населения. Значение скота в качестве средства передвижения несравненно меньше на Дальнем Востоке, чем в Европе или Америке. И если в Европе и Америке возрастающее значение молочного хозяйства вообще, а вблизи городов в частности являлось могущественным рычагом капиталистического развития, то на огромных территориях Дальнего Востока — в Китае и на Яве — молочное хозяйство до сих пор никакой роли не играет. «Главная противоположность между развитием аграрного хозяйства в Европе и в некоторых азиатских областях заключается в том, что первоначально ни китайцы, ни яванское население не знают молочного хозяйства, между тем как у нас в Европе оно существует уже во времена Гомера. С другой стороны, у индийцев не бьют скота со времен тамошнего средневековья, еще раньше высшие касты отвергают потребление мяса. Молочный и убойный скот не разводится в очень обширной части Азии» [1].

Экономически реакционные попытки скотоводов-завоевателей превратить интенсивную земледельческую культуру Китая в экстенсивное скотоводство потерпели неудачу, и в Китае так и не развилось скотоводство или молочное хозяйство. Даже рабочий скот играет несравненно меньшую роль в Китае, чем в сельском хозяйстве Европы или Америки.

Особо стоит вопрос о скоте в Индии, там молоко являлось одним из важнейших средств питания. Но даже английские чиновники были вынуждены признать перед королевской комиссией, что деревня все меньше питается молоком, что потребление молока уменьшается, а вместе с этим ухудшается и питание крестьянства. Однако в Индии основная проблема заключается в перегруженности пастбищ негодным скотом. Индусам религия запрещает убивать скот, в особенности корову. Это было в далеком историческом прошлом весьма резонно, ибо корова была упряжным скотом, но теперь в Индии слишком много скота, и именно негодного скота.

В Индии английский империализм в союзе с туземным феодализмом и ростовщичеством довели сельское хозяйство до такого состояния разорения, что даже англичане были вынуждены назначить королевскую комиссию для изучения средств к улучшению экономического положения страны [2]. Одним из первых вопросов всплыл перед королевской комис-

---

[1] Макс Вебер, История хозяйства, 32.

[2] Эта комиссия не вправе изучать земельные отношения. Тупоумный английский империализм делает вид, что не понимает, что улучшение техники невозможно без уничтожения земельных порядков в Индии, последнее же невозможно без уничтожения английского господства.

сией вопрос о скоте, ибо и там «смертность скота одна из главных, если не важнейшая причина задолженности деревни (ростовщичество); причем общая тенденция к развитию рогатого скота под влиянием физических и экономических, а точно также и социальных и религиозных причин создала такую породу скота, которая, за счет своего физического вырождения, а в особенности в ущерб своей рабочей силе и способности давать молоко, может довольствоваться минимальным количеством средств существования. Эпидемии производят тяжкие опустошения среди скота» [1]. «Количество овец, баранов и козлов постоянно уменьшается в течение последних 20 лет; циклон в июле 1925 г. уничтожил тысячи и тысячи скота. Даже Голлас (скотоводческое племя в провинции Мадрас) не обращает внимания на разведение этих пород, которые давали великолепнейшую шерсть, удобрение, шкуры и молоко» [2]. Таковы факты, свидетельствующие о вырождении скота в Индии.

Королевская комиссия предлагает в своем отчете ряд весьма робких мер для обеспечения кулацкого скота пастбищами.

Даже казенные источники подчеркивают, что «скотоводство в Японии не развивалось по религиозным соображениям, климатическим условиям и вследствие обычаев народа, который по образу своей жизни не потребляет продуктов скотоводства, в том числе кожи, шкур, щетины и т. д. Как японская порода лошади и собаки, так и японская порода рогатого скота исчезает. Уроки китайско-японской войны 1894—1895 гг., равно как уроки русско-японской войны 1904—1905 гг. убедили правительство и общество в настоятельной необходимости улучшения породы лошади... Овцеводство является самой отсталой отраслью японского скотоводства... Птицеводство не достигло еще сколько-нибудь заметного развития. Оно все еще занимает незначительное место в побочных промыслах деревенского населения, и больших ферм, занимающихся птицеводством, не существует. Молочное хозяйство является новой отраслью хозяйства и находится сейчас в своем младенческом возрасте. Выделка сыра незначительна... эпидемия скота наносит тяжелые убытки скотоводам» [3].

По поводу рабочего скота следует отметить, что в Японии дробление, мельчание крестьянского хозяйства дошло до такой степени, что не только рабочий скот, но даже плуг не находит места в инвентаре парцеллярного крестьянина и японский бедняк «возделывает» свою землю мотыгой, разумеется, ручным способом [4]: человек вытесняет скот, а мотыга — плуг.

С небольшими отклонениями в ту или иную сторону такую же картину мы наблюдаем на Яве, Филиппинах, в Корее, Индо-Китае и т. д. В Корее и Китае женщины и дети очень часто исполняют роль рабочего скота. Если считать и цену земли составной частью средств земледельца, то в Манчжурии скот и птица составляют 7% [5],

---

[1] P... Rural India and the Royal Comission, в «Asiatic Review», т. XXIII, № 75, 1927, 407.

[2] «Indian Journal of Economic», v. VII, p. 4, № 27, 501.

[3] «The Japan Uearbook», 507—511.

[4] Из общего количества 4 861 360 крестьянских хозяйств 2 395 984 хозяйства имели посевную площадь ниже 0,5 цзо, т. е. 0,49 *га*.

[5] Выборочное обследование Яшнова в книге «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Манчжурии», 166.

в Аньхуй — 1,7%, в Хобэе — 4,6%, а в Гуандуне — 1,4% всех вложенных в земледелие средств. Если не считать земли, то на Советском Дальнем Востоке скот составляет 47,61%, а в сравнительно богатой скотом Манчжурии 25,5% средств земледельца. Доходы крестьянских хозяйств от скота составляли в Манчжурии 3,7% [1], в Аньхуй — 3,6% [2], в Хобэе — 2,4% [3]. Во внешней торговле Китая, вместе с Монголией, внутренним Туркестаном и другими скотоводческими районами, вывоз продуктов скотоводства, включая и птицу, шерсть, верблюжину и т. п., определяется в 110 млн. таэлей из общей суммы вывоза в 864 млн. таэлей. В Северном Китае лошадь, мулы и ослы еще играют известную роль в качестве средства передвижения и транспорта (как упряжный скот, чаще как вьючный скот), хотя в этой функции конкуренция человека со скотом все более и более усиливается. На юге упряжного скота нет, и скот как средство транспорта выступает лишь в качестве вьючного скота, причем там роль вьючного скота также относительно уменьшается, поскольку его вытесняет носильщик-кули. Последнее не удивительно, ибо в Центральном Китае и на юге оплата человека, выполняющего функции вьючного скота, обходится дешевле покупки и содержания скота.

Вагнер приводит данные о том, что транспорт 1 *т* груза на 1 *км* посредством кули стоит 0,10 — 0,15 германской марки, а посредством вьючного скота — 0,20 — 0,25 марки. В Центральном Китае транспорт 1 *т* на 1 *км* стоит 0,15 — 0,20 марки и 0,25—0,30 марки [4]. На севере «развитие» идет в том же направлении. «Досужие пассажиры предпочитают ехать из Тяньцзиня в Баодин на рикше. На рикше дорога в 90 ли занимает 5—6 часов, а в тележке, запряженной мулом — 12—13 часов» [5]. Человек быстрее скота. Человек побеждает иногда в смысле дешевизны железную дорогу [6]. В городах скот не используется как средство передвижения. Там имеется рикша-кули, который в смысле дешевизны в некоторых городах конкурирует с трамваем и автобусом.

В Шанхае в одном только Международном сеттльменте, несмотря на развитие трамвайного и автомобильного сообщения, число рикш увеличилось с 14 867 в 1914 г. до 19 882 в 1924 г. [7] и до 22 тыс. в 1926 г. В Бэйпине число рикш достигает 70 тыс., всего же на их заработок живет, включая членов их семей, 240 тыс. чел. Эксплоатация невероятна. Средний срок службы рикши у собственника 5—6, максимум 10 лет, после чего сердце не выдерживает напряжения, и рикша становится калекой, нищим, иногда бандитом или умирает с голоду.

---

[1] Там же, 303.

[2] «An Economic and Social Survey of 102 Farms near Wuhu», 12.

[3] » » » » » 150 « Jenshan, 21.

[4] Вагнер, Die chinesische Landwirtschaft, 166.

[5] «Chinese Economic Journal», v. I, № 6. На этой дороге есть и автобусное сообщение, но поездка стоит 1,20 мексиканских долл., а рикша дешевле.

[6] Это утверждает советник бэйпинского правительства по железнодорожным делам, американец Бэкер. Но необходимо принять во внимание, что вымогательства, взятки, налоги и т. п. удорожают железнодорожный транспорт в 10—20 раз. За последнее время разорение железных дорог, отсутствие подвижного состава, приостановка грузового транспорта из-за военных действий привели к тому, что даже на севере от железных дорог переходят к другим видам транспорта во многих местах.

[7] «Chinese Economic Monthly», v. II, № 8.

Никем не подсчитано, сколько человеческой рабочей силы расходуется на транспорт. Советник нанкинского правительства по железнодорожным делам Бэкер считает, что теперешняя жалкая ж.-д. сеть Китая заменяет работу 25 млн. кули[1]. Эта скотская работа бесконечно принижает человека. «Все они курильщики опиума»[2]. Вслед за армиями китайских бандитов-генералов влачится бесконечная вереница кули: обоз китайских армий. По пути следования армии крестьяне прячут скот — это одна из причин, почему в окрестностях городов Шаньдуна не видно скота. Армия реквизирует скот. Но скота нет, или его мало, и в результате реквизируется сам крестьянин. «Когда же он не выдерживает тяжести работы — его расстреливают»[3]. В Хэнани, Шэньси, Хобэе и Шаньдуне одна из важнейших причин упадка земледелия — реквизиция милитаристами рабочего скота. В Манчжурии в 1926 г. Чжан Цзолин для надобности транспорта реквизировал 60 тыс. лошадей и 30 тыс. телег с упряжкой; осталось неизвестно сколько, при этом рикши-кули были принуждены нести транспортную службу.

При всем этом как средство передвижения в пределах города рикша представляет «технический прогресс». Ведь пока американский миссионер в Японии не изобрел этого «прелестного» средства транспорта, в Японии и Китае людей носили в паланкинах, так что один человек ездил на двух. Технический прогресс привел к тому, что возросла производительность труда, и теперь один человек ездит лишь на одном. В отсталых городах паланкин все еще в моде, и на юге, где путей сообщения почти нет, паланкин все еще служит средством передвижения и для сообщения между городами. Правительство, именующее себя национальным, перебралось в паланкинах из Кантона в Ханькоу в 1927 г. Верно, что города начинают создавать трамвайное сообщение[4]. Верно, что Китай, как все отсталые страны, мог бы перенять от других стран наиболее передовые средства транспорта, и действительно организуется автомобильное сообщение и строятся дороги[5].

Несомненно, что одно из наиболее замечательных явлений в хозяйственной жизни страны за 1928 г. и отчасти даже за 1929 г. заключалось в лихорадочном дорожном строительстве и в развитии автомобилизма. Гуандун, Гуаньси, Цзянсу и Чжэцзян особенно отличались в

---

[1] Ramer, Readington Chinese Economic.

[2] «Chinese Economic Monthly».

[3] «Paper Respecting Labour Condition in China», 46.

[4] Трамвай существует лишь в Дайрене, Гонконге, Фушуне, Мукдене, Шанхае, Тяньцзине, Бэйпине и Харбине.

[5] По официальным данным, «центральное» правительство, провинциальные правительства, американский Красный Крест, международная комиссия помощи голодающим, министерство путей сообщения, военные власти, частные общества и лица выстроили, начиная с 1916 г. приблизительно 9—10 тыс. ли, т. е. 4,5—5 тыс. *км* дорог. Иностранные благотворительные общества предпочитают этот метод оказания помощи голодающим. Добрая половина этих дорог была построена во время голода в Хобэе, Шаньси, Хэнани, Шаньдуне, Аньхуй, Цзянсу и в 1926 г. в Гуйчжоу. Часть этих дорог уже пришла в упадок; как например большая дорога в Шаньси. Но 5 или 10 тыс. *км* новых дорог — цифра ничтожная. (Данные взяты из «Chinese Economic Monthly», т. II, № 2, и других газетных источников). Эти цифры, однако, далеко не точно отражают действительность. Несомненно, что дорожное строительство идет в Китае хотя и медленно, но во всяком случае в 2—3 раза быстрее, чем указывают официальные цифры.

этом. Форд выстроил в Шанхае монтировочный завод, «General Motors» тоже усиленно работает в Китае, и в 1929 г. американский консул Шмидт считал, что в Китае имеется до 8 тыс. миль дорог, пригодных для автомобильного транспорта.

Но все это лишь капля в море бездорожья. Основным средством передвижения все еще является водный транспорт. В этом отношении юг гораздо богаче севера. Огромное значение водных путей например Янцзы объясняет, что для Китая не совсем точно утверждение Розы Люксембург, что «развитие железнодорожной сети приблизительно отражает степень проникновения капитала»[1]. Если измерить проникновение капитала в Китай этой меркой, то получается весьма жалкая картина, не отражающая действительности. 11 тыс. *км* ж.-д. сети для Китая, из коих добрая половина падает на Манчжурию, это ничто даже по сравнению с другими колониальными и полуколониальными странами. Рост речного пароходного судоходства наряду с развитием железных дорог более правильно отражает степень проникновения капитализма и ускоряет его развитие.

Вытеснение скота человеком из области транспорта как результат исторического развития показывает, что в Китае самая острая «борьба против машин» шла именно в этой области. Первым разрушителем машин выступило само государство. В 1877 г. правительство отдало приказ разрушить железнодорожную линию Шанхай — Усун и перевести оборудование ее на Формозу. Непосредственным поводом к Боксерскому восстанию послужила постройка железной дороги Бэйпин — Тяньцзинь, что лишало средств существования десятки тысяч транспортников, носильщиков и лодочников. В Бэйпине рикши-кули тысячами ложились на рельсы трамвая, препятствуя открытию движения. В Кантоне в 1926 г. правительство, по требованию профсоюза рикш, ограничивает автобусное сообщение. В Сватоу рикши разбили первые автобусы в 1927 г.

Еще в 1930 г. рикши-кули вели уличную борьбу против трамвая в Бэйпине и выступление подавляли лишь массовыми арестами и казнями. Телеграф и заводы не вызвали такого сопротивления, хотя забастовки и другие конфликты даже в Шанхае часто сопровождаются разрушением машин. Трамвай, водопровод, канализация всегда встречают в городах сильнейшее сопротивление, ибо они выбрасывают за борт десятки тысяч людей[2]. Вытеснение скота человеком, поразительно слабое развитие ж.-д. сети, сравнительно слабое развитие речного судоходства вызывают неимоверную трату человеческой рабочей силы. «Чем меньше количество мертвого и живого труда требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда и обратно»[3]. (Человек как рабочая сила в транспорте обозначает и удлинение времени обращения, вызывая дополнительные издержки.) В Корее, Индии и даже в Индо-Китае на транспорт расходуется относительно гораздо меньше рабочей силы, чем в Китае, не говоря уже о высоко развитой транспортной промышленности империалистической Японии.

---

[1] Р. Люксембург, Накопление капитала, 435.

[2] Водоснабжение в Бэйпине дает работу 5 тыс. чел. несмотря на наличие водопровода.

[3] Маркс, Капитал, т. II, 122.

Человек вытесняет скот не только из сферы транспорта, но также и из сферы производства. В Китае дробление и обеднение крестьянских хозяйств, подобно тому как это имело место в Японии и некоторых провинциях Индии, привело к замене плуга мотыгой, а скота — ручным трудом человека. «Чрезвычайно важное значение в обработке земли мотыга имеет на рисовых полях юга, а также на сухих землях севера. Она служит не только для обработки мелких участков, — и большие поля обрабатываются китайским крестьянином мотыгой, если ему нехватает рабочего скота, а человеческой рабочей силой он располагает в изобилии»[1]. Рабочего скота нехватает. Если в результате империалистической и гражданской войн беспощадность явилась главным бичом советского бедняцкого хозяйства, то смело можно утверждать, что в Китае низшая по экономической мощи категория крестьянских хозяйств вовсе не имеет рабочего скота, нанимая его в случае нужды. В Шаньси наем вола на день стоит 20 центов, мула или лошади — 35, а осла — 10 центов. Во время полевых работ наем вола на день стоит — 30 центов, мула — 50, а осла — 20 центов. Наниматель обязан заботиться о корме[2]. Заработная же плата сельскохозяйственного рабочего составляет 2—6 долл. в месяц с продовольствием. Сельскохозяйственные рабочие нанимаются обыкновенно на год, а заработная плата их составляет за год 15—20 долл. на хозяйских харчах. Месячная заработная плата равна 2—3 долл., а дневная во время полевых работ — 20—30 центам на хозяйских харчах[3]. В «образцовой» провинции «образцового дубаня» Янь Си-шаня человек дешевле скота. В провинции Хубэй бедные крестьяне часто нанимают вола или буйвола у богатого соседа, помещика или кулака, который держит целое стадо скота для сдачи в наем. Наниматель платит 1 пикуль риса за вола или 80 *л* риса за корову; кроме того он обязан депонировать половину покупной стоимости скота у владельца. Имеются владельцы со стадами в несколько сот голов[4]. В Гуандуне парцельные крестьяне, как общее правило, нанимают скот. Мелкие крестьяне в большинстве случаев вынуждены прибегать к найму скота, причем плата за наем скота обычно выше заработка батрака[5]. Если крестьянин не в состоянии нанять скот, он заменяет плуг мотыгой, а работу скота — ручным трудом своим или своей семьи.

Рогатый скот не играет значительной роли в качестве убойного скота, ибо по религиозным соображениям китаец не ест коровьего мяса. Все же пустой желудок препятствует верности заповеди буддизма, и за последнее время убой скота начал облагаться налогом, — значит убой скота распространяется.

Молоко и масло продаются лишь иностранцам. Молочные фермы содержат лишь иностранцы, имея в виду потребление иностранцев же, ибо китаец не переносит даже запаха молока. Овечья шерсть используется лишь для выделки ковров в самом Китае, а излишки ее вывозятся главным образом в Америку. Таково же положение с верблюжиной,

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 205.
[2] «Chinese Economic Monthly», т. II, № 11, 8.
[3] «Chinese Economic Monthly», т. II, № 9, 21.
[4] «Chinese Economic Journal», v. I, № 2, 170.
[5] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung.

которой пользуются лишь в монгольских областях или вывозят ее. Как сырье для китайской одежды шерсть не идет в счет. Шкуры также вывозятся, ибо огромное большинство народа ходит босиком, или в камышевых лаптях, а имущие — в шелковых или суконных ботинках. Овцеводство играет сколько-нибудь значительную роль лишь в Китайском Туркестане и в Ганьсу (мусульманские области), а также в Шаньси, Юньнани и в Сычуани. Сколько-нибудь заметную роль играет в крестьянском хозяйстве лишь разведение свиней и птицеводство, причем в Англии и Америке китайские породы свиней и домашней птицы считаются наилучшими. Состояние свиноводства и птицеводства в Китае, по мнению знатоков, ниже всякой критики. Скот, свиньи и птицы пигаются отбросами и зимой голодают, как голодают в большинстве случаев и их хозяева. Под давлением мирового рынка за последнее время в долине Янцзы усилилось развитие свиноводства, или, вернее, выделка ветчины. Растет вывоз яиц; развивается также обработка яиц, выделка альбумина. По мнению А. А. Хорвата, знатока этого дела, китайцы раньше отлично знали приемы скотоводства, и там, где условия рынка позволяют это, они ныне, используя остатки своих старых знаний, достигают больших результатов, как например в северном Шаньдуне. 300 лет тому назад китайский ученый Сю Гуан-цзи написал труд в 60 томов, посвященный земледелию и скотоводству. Когда министерство земледелия в 1912 г. издало с некоторыми изменениями эту книгу, оно обнаружило, что Сю Гуан-цзи имел совершенно правильное представление как о земледелии, так и о скотоводстве [1].

Даже неудовлетворительное и совершенно поверхностное знакомство с доступной нам экономической историей Китая убеждает в том, что хотя скотоводство никогда не занимало в Китае такого положения, как в Европе или в Америке, тем не менее оно имело раньше несравненно большее значение, чем в настоящее время, — во всяком случае несомненно, что рабочий скот занимал в земледелии большее место, чем за последние десятилетия [2]. При династии Чжоу (1122—256 л. до хр. эры) еще существовали пастбища, и вол являлся важнейшим представителем рабочего скота. В древние времена важнейшую роль в китайской военной технике играла лошадь.

Военная единица того времени возглавлялась колесницей, в которую были запряжены 4 лошади. На колеснице восседали вожди с 3 воинами. За колесницей и вокруг нее шествовало по 25 воинов, а за ними следовал пехотный отряд из 72 человек. Что у китайцев кавалерии и тогда уже не было, видно из того, что во время боев с гуннами китайцы побеждали еще в гористых местностях, но на равнине гуннская конница легко дезорганизовала тяжеловатый китайский боевой строй [3].

Мы находим в летописях первое указание на опустошительную эпидемию скота во II веке хр. эры, на наем скота бедными у богатых, а также сообщение о том, что правительство роздало «бедным крестьянам» плуг особого типа. Этим плугом можно пахать без помощи скота. В летописях IV — V вв. все чаще и чаще встречаются указания на

---

[1] «Chinese Economic Journal», № 5, v. I.

[2] Нижеследующие данные взяты главным образом из переведенных М. Ли документов и летописей.

[3] Hirth, The Ancient History of China.

недостаток рабочего скота и на запрещение убоя скота. Во времена Минской династии недостаток скота достигал таких размеров, что один императорский указ за другим предлагал чиновникам раздать скот крестьянам, чтобы «они могли обрабатывать пустоши и добывать пищу». Загораживание выгонов и лугов тогда уже дало себя чувствовать. Очевидно вырождение скота и снижение его значения в качестве рабочего скота не были «прирожденными свойствами» китайского хозяйства, являясь, как и в Индии, результатом конкретных исторических и экономических условий. Тем более забавно, что Рой, в своей работе «Революция и контрреволюция в Китае», отвергая объяснения своеобразия исторического процесса необходимостью искусственного орошения, выдвигает против Маркса и Энгельса свою теорию, заключающуюся в том, что своеобразие исторического процесса в Китае объясняется недостатком скота в Китае. Но именно этот недостаток скота и надо объяснить.

Проблема питания в густо населенных областях Дальнего Востока ставилась уже тогда, когда на больших территориях Европы расчистка лесов, переложное хозяйство, охота и скотоводство сравнительно легко кормили весьма малочисленное население. Народы Дальнего Востока по многим вопросам опередили эмпирическим установлением фактов научную агрономию XIX в., и в области питания, нам кажется, столетние наблюдения привели их к осознанию фактов, в которых наука лишь теперь начинает разбираться. Только двадцать с лишним лет тому назад наука установила, что «1 000 бушелей зерна имеют по крайней мере в 5 раз больше питательной ценности и могут питать в 5 раз больше людей, чем мясо или молоко, в которое они превращаются»[1].

Не являясь пропагандистами вегетарианства, мы должны все же отметить, что, по словам Гопкинса, утверждение которого мы цитировали выше, многократные опыты показали, что скот является расточительной машиной для производства человеческой пищи и удобрения, ибо «значительная часть употребляемой скотом растительной пищи исчезает в воздухе, подобно тому как, создавая только тепло, дрова исчезают в воздухе, когда их сжигают в печи». Гопкинс приводит в высшей степени интересные данные английских опытных станций относительно использования 100 фунтов (английских) зерна разными породами скота.

Из 100 фунтов сухого питательного вещества:

	Использует для своего роста	Возвращает в виде экскрементов	«Исчезает в воздухе»
Корова	6,2	36,5	57,3
Овца	8,0	31,9	61,1
Свинья	17,6	16,7	65,7

«Однако опыты показали,—продолжает свои рассуждения Гопкинс,—что человек использует лишь меньше двух третей питательных веществ, накопленных скотом для своего организма. Поэтому если пропустить

[1] Hopkins, Soil Fertility and Permanent Agriculture, 234.

через скот 100 фунтов сухого питательного вещества, с тем чтобы человек употребил эти 100 фунтов питательных веществ уже в виде молока или мяса, то он в действительности получит из 100 фунтов всего лишь 4 фунта, если эти 100 фунтов пропущены через рогатый скот, 5 фунтов — если они пропущены через овцу, и 11 фунтов — если они пропущены через свинью»[1].

Не зная предмета, мы решаемся опереться на авторитет Гопкинса. Однако несомненно, что его утверждения объясняются, почему народы, уже издавна испытавшие всю остроту проблемы питания, перешли к растительной пище, почему они устранили рогатый скот как машину для переработки зерна в мясо и молоко и почему овца и свинья каким-то образом еще удержались, в то время как рогатый скот как агент человеческого питания был совершенно снят со счетов. Если тезис Гопкинса верен, то в нем, возможно, кроется объяснение перехода Дальнего Востока к полувегетарианству, — перехода, упразднившего роль рогатого скота как в качестве убойного скота, так и в качестве поставщика навоза.

Разумеется, между питанием народа и между способами земледельческого производства существует теснейшая связь и взаимная зависимость. Каутский совершенно прав, отмечая: «С изменением способа производства у народа изменяется и его пища, хотя бы климат оставался совершенно неизмененным. Если современный неаполитанский лаццарони довольствуется макаронами, анчоусами и чесноком, то он обязан этим не тому, что живет в прекрасном климате. В том же климате греки героического периода, как мы знаем из Илиады и Одиссеи, находили удовольствие в том, что истребляли огромные количества не только мяса, но и «блестящего» жира, — пища, которая удовлетворила бы эскимоса.

Индусы также не всегда были вегетарианцами. До того как они проникли в долину Ганга, где стали оседлыми, они были пастухами-кочевниками и питались главным образом молоком и мясом тех животных, из которых состояли их стада. Лишь после того как изменился их способ производства, вследствие того, что область Ганга представляла благоприятные условия для земледелия, а не для экстенсивного скотоводства, после того как это последнее было вытеснено земледелием, убой рогатого скота, впрягавшегося в плуг и дававшего молоко, мало-по-малу стал считаться греховной расточительностью»[2].

Это в тогдашних условиях совершенно рациональное сбережение скота стало освященным религией правилом. И в изменившихся хозяйственных условиях рациональное стало иррациональным.

Проблема питания населения с древнейших времен чрезвычайно остро стояла в странах Дальнего Востока. Определенный участок дальневосточной земли должен был снабжать средствами питания во много раз больше людей, чем равный участок европейской или американской земли. Вполне естественно поэтому, что наблюдательность и внимание народных масс были направлены на эмпирическое установление того, какой именно вид пищи — растительная или животная — имеет бо́льшую пи-

---

[1] Цитировано из книги King, Farmers of Forty Centuries, 121—122.
[2] Каутский, Аграрный вопрос, стр. 19.

тательную ценность, и какие именно злаки дают с определенной посевной площади максимальное количество пищи. На Западе наука лишь в XX в. начала ставить перед собой эти вопросы, ибо Запад никогда не знал такой остроты вопроса о пище, как Дальний Восток. И рассматривая результаты современных научных исследований, снова приходишь к мысли, что народы Дальнего Востока путем тысячелетнего опыта правильно установили наиболее целесообразное использование пашни для пропитания максимально большого количества людей. К каким результатам пришла наука относительно ценности разных животных и разных растений с точки зрения пропитания людей, ясно из следующей таблицы [1]:

	Питательная ценность 1 англ. фунта в калориях	Сбор с 1 акра в случае хорошего урожая в англ. фунт.	Количество калорий с 1 акра в случае хорошего урожая	Процентное отношение к питательной ценности пшеничной муки
Кукуруза	1 660	1 800	2 988 000	100
Говядина[2]	1 130	200	266 000	7
Баранина[2]	1 275	250	318 750	11
Молоко[2]	325	4 000	1 300 000	43
Пшеничная мука	1 550	3 600	5 530 000	186
Овсяный хлеб	1 860	1 800	3 348 000	112
Рис	1 630	2 400	3 912 000	131
Рисовый хлеб и пшеница	1 630	1 800	2 934 000	98
Бобы	1 590	2 400	3 816 000	129
Картофель	325	24 000	7 800 000	260
Сладкий картофель	480	36 000	14 400 000	482

Беглый взгляд на таблицу убеждает в следующем:

Акр пашни дает в форме мяса (говядины или баранины) в 10—70 раз меньше калорий, чем растительная пища. Акр пашни поставляет в форме молока в 2—10 раз меньше калорий, чем любое растение. Что же касается растительной пищи, то акр земли поставляет больше всего калорий в виде риса, зернового хлеба, картофеля и сладкого картофеля. Разумеется, следует учесть также, сколько питательных веществ отнимают у почвы разные растения, и мы знаем уже, что с этой точки зрения самый выгодный злак — рис. Кроме того следует учесть и срок созревания растения, и мы знаем уже, что и с этой точки зрения рис самый выгодный злак, ибо при благоприятных климатических условиях он дает два-три сбора в год. На наш взгляд эти обстоятельства объясняют, почему на густонаселенном Дальнем Востоке народы с древнейших времен отказались от мяса и молока, что повело к отказу от скотоводства и к превращению лугов и пастбищ в пашню, — почему народы Дальнего Востока с древнейших времен разводят рис.

---

[1] Таблица приведена из R. Mukerdjee, Rural Economy of India, стр. 98

[2] Относительно говядины, баранины и молока следует понимать так, что соответствующее количество зерна пропускается через скот.

Эти же данные объясняют то огромное изменение, которое в настоящее время происходит в земледельческом производстве на Дальнем Востоке вообще и в Китае в частности: сладкий картофель начинает вытеснять рис[1]. Из вышеприведенной таблицы видно, что 1 фунт сладкого картофеля содержит почти в 4 раза меньше калорий, чем рис, но зато 1 акр посевной площади поставляет в виде сладкого картофеля в 3½ раза больше калорий, чем в виде риса. И на самом деле мы видим, как в Китае, Японии, Корее сладкий картофель распространяется с поразительной быстротой. Япония узнала о картофеле в 1589 г. от голландцев, Китай также знал уже о картофеле в XVI в. Но это растение не прививалось, пока в Китае известны были лишь низкосортные виды картофеля. Распространение сладкого картофеля началось около 30—40 лет тому назад, и с тех пор победоносное шествие его непрерывно продолжается. В Японии сладкий картофель пробил себе дорогу лишь 3—4 десятка лет тому назад, а теперь уже занимает видное место в питании народа, заменяя у бедных слоев населения рис. Такой же процесс наблюдается в Китае. С 1 му земли можно при нормальных условиях снять 2 тыс. фунтов сладкого картофеля. Почвенные и климатические условия Китая и даже с.-х. орудия (не требуется глубокая запашка) благоприятствуют культуре картофеля, а главное, китайский способ удобрения и севооборота также вполне пригоден для него. Сладкий картофель хорошо развивается, если его сеют после бобов, гороха, клевера, а экскременты и пепел считаются хорошим удобрением для него. Правда, в сухом климате он требует орошения, но техника орошения знакома дальневосточному крестьянину. В отношении периода созревания сладкий картофель выдерживает соревнование даже с рисом, и уже в долине Нижнего Янцзы в течение года снимают три урожая сладкого картофеля. Кроме того картофель требует меньше удобрения, чем рис, и в то время как стоимость удобрения 1 му земли под рисом равняется в денежном выражении 8—10 долл., удобрение 1 му земли под сладким картофелем равняется лишь 1—3 долл. По этим причинам сладкий картофель побеждает рис. «В Гуандуне замена риса сладким картофелем составляет еще более общее явление, чем замена риса тутовицей. Обследование 31 уезда провинции, проведенное отделом земледелия Кантонского университета, обнаружило тот факт, что картофель и сладкий картофель занимают второе место в пище деревенского населения. Заметное распространение картофеля сопровождается во многих уездах частичным вытеснением риса. Картофель становится важнейшим средством питания»[2].

Яснее ясного, что речь идет об основных массах населения. Господствующие классы и в прошлом и в настоящем питались и питаются с неслыханной расточительностью. Китайская кухня в этом отношении достигла весьма высокого уровня развития.

В Чжэцзяне не только крестьяне, но и рыбаки стали вместо риса питаться картофелем. Подобный переход от лучшего питания к худшему замечается во всех южных и центральных провинциях. В Германии,

---

[1] Р. Х. Портер, Cultivation of the Foreign Potato in China, University of Nanking, Miscellaneous Series, № 6.

[2] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung, 15.

Чехо-Словакии, в Прибалтийских странах картофель также занимает важное место среди средств питания, но там он потребляется вместе с другими продуктами. В беднейших частях Словакии, где население бедствовало и бедствует вследствие жестокой эксплоатации со стороны помещиков и венгерского, а впоследствии чешского капитала, картофель в качестве единственного средства питания вызвал особую болезнь, так называемую «гольву». Вследствие перехода от лучшей пищи к худшей эта болезнь становится национальной болезнью и в Китае.

Не напрасно указал Маркс уже в «Нищете философии», что развитие капитализма сопровождается распространением худшей пищи — картофеля, худшего напитка — водки и худшей материи для одежды — хлопчатобумажной ткани.

Однако китайский крестьянин и его японский, индийский и другие братья по классу пока не могут даже мечтать о целесообразном, соответствующем требованиям гигиены питании. Они должны питаться, максимально используя посевную площадь, и максимально дешево. Обе цели достигаются применением растительной пищи. И если китайская семья из 5 человек, по подсчетам профессора Пекинского медицинского факультета Бернарда Рида, потребляет 13 683 калории, то рыночная цена этой пищи в 3 раза дешевле, чем соответствующий рацион в Англии, поставляющий такое же количество протеина и калорий, ввиду того, что английский рацион содержит и продукты животноводства [1].

Пойдем дальше. В скотоводстве время производства продолжительное и включает лишь в незначительной части рабочее время: «Часть стада (запас скота) остается в производственном процессе, в то время как другая часть его ежегодно продается в качестве продукта... Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно... Этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на продолжительное время и поэтому замедляющий оборот всего капитала» [2]. Это обстоятельство имеет особое значение на Дальнем Востоке, где земледельческий капитал оборачивается в 2—3 раза быстрее, чем в Европе или Америке, благодаря более короткому сроку созревания главных злаков. Мы видели, что изо всех деревьев в Китае разводится в более или менее значительных размерах лишь ива, ибо период ее производства равен 5—6 годам вместо 12—14 лет у остальных деревьев, а также потому, что ива является классическим приречным деревом и ее легко разводить вдоль рек, канав, озер, оросительных сооружений. Точно так же в китайском хозяйстве более или менее значительную роль играют свинья, овца, птица и рыба, период производства которых несравненно короче, чем период производства лошади и рогатого скота. При той бедности в земледельческом капитале, которой отличается сельское хозяйство Дальнего Востока, это обстоятельство имеет тоже немаловажное значение.

Здесь же следует указать на два весьма характерных момента. Свинья одинаково распространена и на севере и на юге Китая. Однако из птицы на севере разводятся главным образом куры, а на юге утка, гусь, — словом птица, которая предпочитает воду. Поэтому на юге типичная птица — утка, а на севере — курица. Такое же различие заме-

---

[1] Taylor, The Study of Chinese Rural Economy, 41.
[2] Маркс, Капитал, т. II, 217.

чается относительно рабочего скота. На севере типичными породами рабочего скота являются лошадь, мул и осел, а на юге, где преобладает рис и влажная земля, — вол. Сравнительно мощные хозяйства обязательно имеют буйвола. На севере середняцкие хозяйства держат осла и мула, а более богатые — волов и лошадей. Парцельные хозяйства вовсе не имеют рабочего скота. Буйвол, наделенный максимальной сопротивляемостью вредным влияниям болот и воды вообще, стал рабочим скотом рисовых полей. Но его удельный вес в ведении хозяйства, как мы видели, нельзя даже сравнить с ролью и значением лошади в крестьянском хозяйстве Европы и Америки.

Следующей причиной ничтожного развития скотоводства является то обстоятельство, что на Дальнем Востоке вообще, а в Китае в частности парцельное и мелкое хозяйства являются исторически сложившейся формой землепользования, что, разумеется, не исключает концентрации землевладения. Мелкое и парцельное хозяйства не могут, однако, экономно использовать рабочий скот, и по мере того как процесс дробления и мельчания хозяйств по разным причинам (наследственное право, дробление арендованных участков с целью эксплоатации большего числа арендаторов, подрыв устоев крестьянского хозяйства, обезземеливание и т. п.) усиливается, целесообразное использование скота становится все более и более затруднительным. В результате обследования 102 хозяйств в Аньхуе вблизи Уху профессор Бак пришел к выводу, что весь рабочий скот этих хозяйств работает в среднем за год 24 рабочих дня, причем в хозяйствах ниже 10 му рабочий скот за год работает в среднем 14 дней, в хозяйствах величиной от 10 до 20 му — 21,4 дня, от 20 до 30 му — 24,9 дня, выше 30 му — 30,3 дня [1].

Произведенное Баком обследование 150 хозяйств в Хобэе, в округе Еньшан показало, что рабочий скот этих хозяйств работает в среднем 61 день в году, причем в хозяйствах ниже 10 му — 46,6 дня, от 10 до 20 му — 51,8 дня, от 20 до 30 му — 71,7 дня, выше 30 му — 62,5 дня [2].

Рабочий скот не работает совершенно не только в течение 4 зимних месяцев, но также в течение 2 летних месяцев. В эти периоды скот голодает, его корм снижается до минимума.

Уже Рихтгофен подметил, что вследствие мельчания землепользования рабочий скот в Китае «бездельничает», мало используясь. Нет места для соответствующего применения скота. И Бак совершенно прав, замечая, что вопрос об использовании рабочего скота является проблемой всекитайского масштаба.

Развитие торгового земледелия усилило возможность распространения эпидемии скота. Выродившийся и плохо откормленный скот слабо сопротивляется эпидемии. Этим объясняются опустошительные последствия эпидемий в Китае, Индо-Китае и в Индии. Против эпидемии скота может рационально бороться лишь хорошо организованное государство. В Японии государство более или менее выполняет эту функцию. В Китае государствс выродилось и никаких общественно полезных функций не выполняет. В 1926 г. в Монголии погибли десятки тысяч голов скота

---

[1] «An Economic and Social Survey of 159 farms», 29, 49, 50.
[2] «An Economic and Social Survey of 102 farms», 5.

от эпидемии, причем власти не приняли никаких действительных мер борьбы с нею.

Наконец стихийные бедствия действуют среди скота еще опустошительнее, чем среди людей. Мы видели это в СССР во время поволжского голода. В Китае, где государственная власть не оказывает сколько-нибудь серьезной помощи во время стихийных бедствий, эти опустошения еще более значительны. Скот погибает или продается на убой. Во время наводнения в Хобэе в 1920—1921 гг. 75% рабочего скота бедных крестьян погибло или было продано. В Гуйчжоу такой же процесс происходил в 1925 г. Уничтожение скота завершают генеральские войны — это худшее бедствие крестьянского хозяйства. Бак, например, упоминает, что даже в захудалом уездном городе Еньшане крестьяне не держат скота на расстоянии 3 миль от города, ибо боятся, что милитаристы его реквизируют.

Отсутствие скота в окрестностях города объясняется и развитием огородничества. Ленин указал уже на то, что подмосковные огородники могут вести иногда рациональное хозяйство и без лошади. Это верно и для китайских огородников. Но реквизиции милитаристов еще усиливают влияние этого обстоятельства. По данным обследования американской комиссии помощи голодающим, одной из важнейших причин сильнейшего голода в 1925 г. в Гуйчжоу и в южной Сычуани была реквизиция скота генералами.

Империализм — это стихийное бедствие крестьянского хозяйства Китая — еще более ухудшил положение рабочего скота в хозяйстве китайского крестьянина. В течение 50 лет, с 1864 по 1914, цены на скот возросли на 180—200%, а в период с 1914 по 1923 г. — опять на 160—180%. Раньше бедное китайское хозяйство могло как-нибудь пополнить свой жалкий живой инвентарь путем обмена с монголами и мусульманами-скотоводами, но теперь скотоводство и там пришло в упадок, а товарный скот даже вывозится. Английская армия в Индии закупает китайских мулов на исторических ярмарках в Тудимяо.

Итак сначала растительная пища вытеснила скот из предметов человеческого питания, а в настоящее время мы видим, как худшая пища вытесняет лучшую. Как поставщик средств питания скот не играет теперь сколько-нибудь заметной роли. Но и как поставщик навоза он оказался также расточительной машиной.

Для текстильной промышленности скот, работающий на внутренний рынок, также не является поставщиком сырья. Из области транспорта скот вытесняется человеком, а за последнее время в некоторой мере — машиной. В земледелии в качестве рабочего скота лошадь, буйвол, мул, вол, осел также вытесняются человеком.

Сочетание экономических, исторических, социальных и политических причин привело к тому, что скот в хозяйстве Дальнего Востока вообще и в сельском хозяйстве Китая в частности играет несравненно меньшую роль, чем в Европе и Америке.

В этом одна из важнейших характерных особенностей дальневосточного, и в частности китайского хозяйства. Эта особенность резко отличает китайское хозяйство от хозяйства европейского или американского, не говоря уже об Австралии, где наряду с производством пшеницы главенствующую роль играет овцеводство.

Следует указать еще на одно немаловажное обстоятельство. На Дальнем Востоке корова, как общее правило, «святое животное». Она не служит убойным скотом, поскольку нельзя убивать корову. Это играет особенно важную роль в Индии, где, по мнению английских и индийских экспертов, добрая половина скота не годится ни в качестве молочного, ни в качестве рабочего скота, нагружая и перегружая и без того перегруженные пастбища, съедая без всякой пользы для хозяйства и без того недостаточный корм. Это явление общеиндийское. Религиозные традиции пока сильнее соображений хозяйственной целесообразности. Это относится и к Китаю, хотя и не в такой мере. Значительная часть хозяйственно-бесполезного рогатого скота в Китае лежит давящей тяжестью на хозяйстве, отнимая часть корма от годного в пищу и работоспособного скота.

Диковинные обычаи, традиции и религиозные суеверия еще более обостряют процесс вырождения скота.

ГЛАВА VI

РУЧНОЙ ТРУД.

Из предыдущих глав можно сделать некоторые общие выводы относительно характера дальневосточного сельского хозяйства вообще и китайского в частности.

Важнейшие отличительные черты этого хозяйства сводятся к следующему.

1. Поливной характер хозяйства. Не только главный злак — рис, но и другие растения, как то: табак, сладкий картофель и т. д. требуют орошения. Климат Китая весьма благоприятен для снабжения растительных культур влагой, ибо в отличие от Европы главная масса дождевой влаги выпадает здесь как раз в период созревания растения. Но дождевая влага, с одной стороны, недостаточна и, с другой стороны, недостаточно регулярна. Поэтому сельское хозяйство уже в ранний период начинает пользоваться искусственным орошением. Этим объясняется то, что дальневосточное сельское хозяйство, как и культура в целом, развивается главным образом у источников водоснабжения (реки, озера). Это общее явление для Японии, Индии, Китая, Индо-Китая и т. д. При густоте населения водоснабжение является одним из важнейших хозяйственных факторов. Урожайность, соотношение между общим количеством обрабатываемой площади и количеством урожайных му определяется главным образом водоснабжением. Поливной характер хозяйства налагает свой отпечаток даже на состав рабочего скота (буйвол) и домашней птицы (утка, гусь). Организация и регулирование водоснабжения могут быть осуществлены лишь коллективными усилиями. Необходимость орошения вызывает к жизни дренажную, осушительную систему. Без хорошего дренажа влажные земли могут превратиться в болота. Влага может слишком глубоко всасываться в почву, вызывая там выделение подпочвенных алкалийных солей, поднятие их в силу закона капиллярности на поверхность и превращение плодородных земель в соляные пустыни. Из необходимости орошения вытекает и необходимость осушения почвы.

2. Необходимость создания крупных оросительных сооружений и широкой осушительной системы. Маркс писал: «В другом месте я назвал капитал, присоединяемый, таким образом, к земле, terre capitale [1]. Там я провожу различие между terre matière и terre capitale. Стоит лишь к участкам земли, уже превращенным в средства производства, присоединить новые затраты капитала, и мы увеличим terre capitale, нисколько не увеличивая terre matière, т. е. пространства земли. Он относится к категории основного капитала. Помещик продает не просто землю, но улучшенную землю, присоединенный к земле капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — ускоряющего обогащения земельных собственников, постоянного увеличения их рент и возрастания денежной стоимости их земель, параллельного ходу экономического развития. Таким образом земельные собственники прибирают к своим рукам результат общественного развития, получающийся без всякого содействия с их стороны, — fruges consumere nati. Но в то же время это одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды. Пример со строительными участками показывает, как вместе с землей и присоединенный к ней чужой капитал в конце концов достается землевладельцу, и вследствие этого его рента увеличивается процентом» [2].

На Дальнем Востоке влажная земля составляет terre capitale, землю-капитал, а не только terre matière, землю-материю. При изучении цены земли, высоты ренты и земельных отношений мы увидим огромное значение этого различия. Нам кажется, что этот тезис Маркса является важнейшим моментом для понимания земельных отношений на Дальнем Востоке.

3. Отсутствие пара, который заменяется грядковой культурой и другими видами обработки земли. Земля не отдыхает. Орошение, климатические условия и естественные свойства главного злака — риса — определяют более быстрое созревание злаков, более короткий период производства. Эти обстоятельства, вместе взятые, делают возможными два-три урожая с одного поля в год. Из этого вытекает более быстрый оборот земледельческого капитала. Последний может оборачиваться на Дальнем Востоке в 2—3—4 раза быстрее, чем в Европе или Америке. Но по закону Либиха земле надо отдать столько же питательных веществ, сколько у нее берут. При этом по установленному Либихом «закону минимума» отдельные растения поглощают из почвы разные минеральные вещества в различных количествах и в различных, но определенных соотношениях. Величина урожая определяется однако наличностью в почве и возможностью притока к растению того минерального вещества, которое находится в почве в относительном минимуме. Законы Либиха, применительно к дальневосточному сельскому хозяйству, обозначают необходимость усиленного удобрения. При данных общественных отношениях подавляющее большинство крестьян-

---

[1] Маркс, Нищета философии, 165.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 159—160.

ства Дальнего Востока, за исключением японского, не в состоянии применять искусственные минеральные удобрения. Главным поставщиком удобрения является человек. Исключение составляет лишь Индия, где человеческие экскременты заменяются отчасти компостом, отчасти растительным удобрением. Во всех странах Дальнего Востока высокого развития достигла утилизация отбросов в качестве удобрения. Орошение, использование отбросов, пепла и т. д. свидетельствуют о том, что в Китае интенсивность удобрения определяется в первую очередь количеством населения данной области.

Таким образом конкретные политические, экономические, социальные, климатические и прочие причины привели к тому, что в Китае, даже областях желтозема и в областях колонизации, орошение и интенсивное удобрение стали настоятельной необходимостью.

4. Ввиду того, что растительная пища дает человеку во много раз больше питательных веществ, чем то же количество зерна, пропущенное через организм скота; что сырьем для одежды и обуви на Дальнем Востоке являются не продукты скотоводства, а опять-таки растение; что продукты скотоводства, как общее правило, не играют сколько-нибудь значительной роли в питании населения; что луга, выгоны давным-давно захвачены господствующими классами, — скотоводство в качестве особой отрасли сельского хозяйства, как общее правило, исчезает на Дальнем Востоке на известной ступени развития. Из этого вытекает, что сельское хозяйство Дальнего Востока не знает луга, пастбищ и, как общее правило, не знает молочного хозяйства. Конкретные социальные, экономические и политические условия привели к тому, что роль и значение рабочего скота сведены до минимума.

5. Ввиду того, что рабочего скота мало, а машины в крестьянском хозяйстве Дальнего Востока совершенно отсутствуют; с другой стороны, ввиду того, что способ и интенсивность земледелия требуют приложения несравненно большего количества труда, чем европейское или американское земледелие, — дальневосточное хозяйство отличается огромным потреблением человеской рабочей силы.

Не говоря уже о трудоемких технических культурах, как-то: табак, хлопок, опиум, тутовые деревья, чай и пр., даже разведение главного злака, риса, требует применения несравненно большего количества труда, чем производство главного растения капиталистически развитых стран — пшеницы. В этом можно убедиться, проследив все этапы разведения риса. В настоящее время рис разводится четырьмя способами, соответственно ступени развития различных народов.

На Филиппинских островах и в некоторых гористых местах Индо-Китая и Индии существует мотыжная культура. Расчищаются леса, и производитель без плуга, без упряжного скота заостренным колом сверлит дыры в поле, а женщина кладет в эти дыры семена. Этот способ разведения отмирает хотя бы потому, что империалисты жестоко преследуют его, ибо леса нужны им для промышленной эксплоатации.

Разведение риса на сухих землях в отношении техники мало отличается от производства пшеницы, но, как мы знаем, суходольный рис играет сравнительно небольшую роль.

Главная масса риса разводится на орошаемых землях. Здесь процесс труда распадается на следующие этапы.

Запашка земли. Мы видим, что в Индии, Японии, Китае, на Яве мелкие участки обрабатываются мотыгой, а не плугом. А даже там, где поля пашут плугом, они обрабатываются еще раз мотыгой, ибо рисовое поле должно быть плоским.

Что касается сева, то имеются два способа. Сев рукой или примитивной сеялкой, как более отсталый и менее производительный способ, уже отмирает. Как общее правило, применяется рассаживание риса. Грядка обрабатывается мотыгой, потом удобряется, обрабатывается бороной, орошается, после чего вода спускается; далее грядка снова орошается, потом тщательно удобряется, после чего опять следует орошение, спуск воды, и, когда саженцы риса после этого истинно египетского труда вырастут, распахивается самое поле, удобряется, орошается, и на покрытом водой, глубиной в 50—70—100 *см*, поле рассаживаются саженцы. Эта работа производится главным образом женщинами, причем более адскую работу вряд ли знает земледелие. Полка рисовых полей также требует большого труда, ибо на рисовых полях быстро разводятся водяные травы. В Калифорнии крупное машинное производство разрешило все проблемы разведения риса, однако до сих пор оно не могло разрешить вопроса о полке, и главным препятствием к разведению риса является там именно вред, наносимый рису травами. На китайских и японских рисовых полях полка требует сравнительно мало работы, повидимому благодаря тому, что водяные травы истреблялись в течение многих столетий.

Количество труда, требующееся для орошения рисовых полей, зависит от орудия, применяемого при орошении. Если применяется лишь ведро для разливания воды, то один человек может оросить в среднем 3 му в день; если применяется хороший насос или колесо, требуется работа 3—4 человек, но при этом один человек в течение 10 часов орошает в среднем 12 му. Одно только водоснабжение требует 8—10—12 полных рабочих дней, причем орошение 1 му рисового поля в среднем стоит около 2 мексиканских долларов для одного урожая.

Кроме того, как мы уже знаем, удобряется не земля, а каждое растение в отдельности, и удобряется не один раз, а несколько раз во время созревания. Очистка, исправление канав также составляет дополнительную работу по сравнению с производством пшеницы. Далее, Дальний Восток и Китай по сути дела не знают настоящей косы, знают лишь серп или даже только нож. На Филиппинах и на Яве туземцы ножом отрезают колос каждого растения отдельно, причем религиозные верования запрещают применение косы. Точно таким же образом «косят» в Китае гаолян, причем корень каждого колоса вырывается впоследствии отдельно. Ведь солома гаоляна — это и топливо и даже строительный материал. Как ни странно, плотины Желтой реки на многих местах скреплены не цементом, не лесом, а соломой гаоляна. Солома риса служит кормом для скота, а часто и для человека. Корни риса служат топливом, а иногда солома риса служит сырьем для выделки бумаги.

Различие в трудоемкости различных культур огромное и в условиях европейского сельского хозяйства. В условиях Северного Кавказа в СССР производство пшеницы на 1 *га* земли, включая все зе-

мледельческие операции, требует 16 человеко-трудодней. Производство лука требует 300 человеко-трудодней. Но основная культура — пшеница — мало трудоемка. На Дальнем Востоке основная культура уже более трудоемка, чем в наших условиях одна из наиболее трудоемких культур — лук. А отдельные специальные культуры в условиях поливного хозяйства требуют еще больше ручного труда, чем рис.

Европейскому крестьянину трудно себе представить, что всего лишь для экономии нескольких зерен риса и для использования корней риса, гаоляна либо хлопка проделывается такая каторжная работа. Западный крестьянин переходит от стойлового навоза к минеральному удобрению, в то время как крестьянская семья на Дальнем Востоке тратит почти все свое свободное время на собирание отбросов, используя их в качестве удобрения или топлива. На Западе плуг заменяется трактором, в то время как на Дальнем Востоке обнаруживается тенденция к замене плуга мотыгой, к замене скота человеком. На Западе машина вытесняет косу, а на Востоке серп не мог еще вытеснить во многих местах ножа, а коса не в состоянии была вытеснить серпа. На Западе уголь заменяет дрова, а с углем даже в сельском хозяйстве уже начали борьбу нефть, электричество и водяная энергия.

Этот адский ручной труд является следующей отличительной чертой дальневосточного крестьянского хозяйства. Процесс дробления землепользования еще более усиливает преобладание человеческого ручного труда. Всеобщий кризис крестьянского хозяйства Дальнего Востока, растущее объединение основных масс крестьянства, вызванное в разных странах различными причинами, делают улучшение техники почти невозможным без решительнейшего преобразования земельных отношений. Прогресс замечается лишь в области орошения и улучшения семян, и в одной только Японии — в области удобрения. Общественные отношения лишают дальневосточного крестьянина возможности пользоваться плодами развития земледельческой техники. Конец XIX и начало XX вв. ознаменовались победным шествием машины в земледелии Запада.

И несомненно, что мировое капиталистическое сельское хозяйство в этом отношении претерпевает изменения принципиальной важности. К началу XX в. Ленин в полемике с ревизионистами указал на то, что современное земледелие — по общему уровню его техники, да пожалуй и экономики — ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой». «Преобладание ручного труда и простой кооперации, спорадическое применение машин, мелкие сравнительно размеры производства (если считать, например, по сумме ежегодно продаваемых одним предприятием продуктов), сравнительно мелкие в большинстве случаев размеры рынка, связь крупного производства с мелким, причем последнее, подобно кустарям в их отношении к крупному хозяину мануфактуры, доставляет рабочую силу первому, — или первое скупает «полуфабрикат» у второго (например крупные хозяева скупают свеклу, скот и т. п. у мелких), — все эти признаки действительно говорят за то, что земледелие еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии», как это понимал Маркс. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производительный механизм» [1].

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, 73.

В настоящее время уже с большой поправкой на неравномерность развития сельского хозяйства в различных странах, и исключая конечно бедняцкое и середняцкое крестьянское хозяйство, совершается в мировом масштабе переход современного земледелия от мануфактуры к крупному машинному производству. Трактор, комбайн, флюкер, электричество, с.-х. химия и т. д. подняли уровень техники на уровень крупной машинной индустрии; вместо преобладания ручного труда и простой кооперации, вместо спорадического применения машин, мы начинаем иметь в сельском хозяйстве целую систему машин. Если Давид в свое время мог еще ссылаться на то, что в сельском хозяйстве нет центрального двигательного мотора, то теперь этим передвижным центральным двигательным мотором стал трактор. В области сельского хозяйства происходит техническая революция и промышленная революция в смысле перехода от мануфактуры к крупному машинному производству. Происходит эта революция, в сравнении с промышленностью, с опозданием на целое столетие, но она происходит. Но в колониях эта революция произошла и происходит только в плантационных хозяйствах. В плантационном хозяйстве рабский и полурабский труд (контрактная работа) соединяется с отсутствием абсолютной ренты (империализм раздает землю плантаторам даром или за номинальную ренту) и с высокой и высочайшей капиталистической техникой. Но эта революция не дала ничего или почти ничего крестьянскому хозяйству.

Для крестьян-производителей Дальнего Востока эти завоевания пока не существуют. Причин много. Мелкое и парцеллярное хозяйство не является подходящей сферой применения машин. К тому же Дальний Восток также имеет свою чересполосицу, что еще более затрудняет рациональное использование рабочей силы человека, скота, с.-х. орудий и т. д.

А эту чересполосицу и сравнить нельзя с европейской. Ведь королевская комиссия по земледелию установила в Индии, что в ряде областей от 30 до 62% всех крестьян обрабатывает меньше 1 акра земли. Само собой разумеется, что в этих нищенских, пауперизованных хозяйствах и речи быть не может об улучшении ведения хозяйства. Мало того: не только мельчают хозяйства, но в то же время усиливается чересполосица, и комиссия перечисляет прямо-таки анекдотические случаи, когда землевладение одного крестьянина было разбросано на 200 участках, когда в одной деревне нашлось 5 крестьян, владеющих 100 участками, и т. д. и т. д.

В Японии, где уже проводится землеустройство, положение не настолько катастрофично, но в Китае, в смысле чересполосицы, не на много лучше, чем в Индии. Мы знаем случай, когда 1 му земли разделен на 4—5 участков, разбросанных на расстояние 4—5 миль друг от друга.

Однако основная причина отсутствия машин — отсутствие капитала, ужасающая бедность основных крестьянских масс.

Не только отдельное крестьянское хозяйство, но даже группа кооперированных хозяйств не в состоянии купить машину. На Дальнем Востоке поливное хозяйство приучило крестьянство к кооперации. Стихийные бедствия также способствовали развитию кооперации. Индийский, японский, яванский и китайский крестьянин сорганизуются несравненно легче своих европейских братьев по классу. Доказательством

этого служит развитие кооперативного движения в Индии, на Яве, в Японии.

Эти кооперативы находятся под нераздельным контролем империалистической бюрократии во всех названных странах и способствуют лишь выделению небольшого кулацкого слоя. Средства этих кооперацій используются в Индии также для превращения полуфеодального помещика в аграрного капиталиста. Но кооперативное движение все же довольно быстро развивается.

История крестьянского движения в Китае дала блестящие примеры крестьянской организованности. На советских территориях в Китае беднота уже на первых стадиях революции организовала первичные формы кооперации, общества по совместной обработке земли, буйвольно-плужные станции.

Но даже там, где развивается кооперация, она должна направлять свои силы прежде всего на борьбу с ростовщичеством и на организацию сбыта продуктов в целях борьбы против торгового капитала, связанного миллионами нитей с ростовщичеством. Дальневосточный крестьянин не мечтает пока о введении машин: его бедность, забитость, придавленность являются пока непреодолимым препятствием для применения машин.

Общественные отношения препятствуют развитию и применению техники.

Относительная перенаселенность, рабски дешевый труд также давят на развитие техники. В результате самыми характерными чертами восточного и тропического земледелия являются — на первый взгляд европейского или американского путешественника — отсутствие машин, относительное отсутствие рабочего скота и прямая зависимость всего земледелия от человеческих рук. «На Филиппинах ржавеет немало тракторов, которые не произвели даже столько работы, чтобы оправдать расходы по перевозке их» [1]. Крупный японский агроном Иокой меланхолически констатирует, что «японские крестьяне не покупают машин современного типа, ибо они слишком дороги для них и не окупаются» [2]. Попытка французов ввести трактор в Индо-Китае для обработки крестьянских полей кончилась неудачей. Голландцы даже не пытались ввести с.-х. машины в своих колониях, вводя их разве на собственных плантациях. Американцы пока отказались от надежд найти рынок для сбыта с.-х. машин на Дальнем Востоке. Вот как характеризуют американские консулы мертвый инвентарь китайского хозяйства и перспективы применения машин: «С.-х. орудия — самые первобытные».

В одном из донесений консульства в Ханькоу говорится, что «с.-х. орудия напоминают век Израиля» [3].

Американский консул в Амое пишет: «Способы земледелия и применяемые орудия очень примитивны. Земля обрабатывается, как общее правило грубой мотыгой ручным способом, хотя иногда применяются деревянный плуг и деревянная борона» [4].

В Квантунге, непосредственно подчиненном Японии, «маленькие уча-

---

[1] Copeland, Rice, 249.
[2] Там же, 251.
[3] Arnold, China, a Commercial and Industrial Handbook, 146.
[4] Там же, 356.

стки обрабатываются мотыгой или лопатой ручным способом»[1], а американский консул в Нанкине, центре торгового земледелия, пишет: «Самые примитивные орудия находятся во всеобщем пользовании. Современные орудия и способы разведения должны выждать, пока покупательная способность крестьянина увеличится»[2].

В нашей литературе не обошлось конечно без нелепых утверждений, будто с.-х. машины «прокладывают себе путь» в китайское земледелие. Между тем по отчету морских таможен[3] в Китай было звезено с.-х. машин в 1923 г. на 304 233 таэлей, а в 1924 г. — на 279 977, в 1925 г. — на 161 288, в 1926 г. — на 511 540. Таким образом за 1923—1924—1925 гг. машин было ввезено всего на 745 тыс. таэлей, причем из этого числа на Дайрен приходится 472 тыс. таэлей. Итак за 3 года весь Китай ввез с.-х. машин на 273 тыс. таэлей, а одна Манчжурия — на 472 тыс. таэлей.

В Манчжурии в настоящее время на самом деле имеется несколько десятков (около 60—80) тракторов. Их покупают крупные земельные спекулянты для поднятия нови. Имеются и «Катерпиллеры». Они применяются на лесных разработках, принадлежащих японским и китайским капиталистам.

Можно было бы предположить, что для целей орошения ввозятся в большом числе насосы. По данным морских таможен насосов и т. п. машин было ввезено в 1923 г. — на 404 349 таэлей, в 1924 г. — на 381 927, в 1925 г. — на 642 982, в 1926 г. — на 533 594. Современные насосы стали применяться лишь за последние 5 лет в окрестностях Шанхая и Ханчжоу. В настоящее время по ж.-д. линии Шанхай — Нанкин применяют около 1 000 небольших насосов, обычно в 10—20 л/с. В смысле сбережения человеческой рабочей силы даже эти довольно примитивные машины знаменуют огромный шаг вперед. Один мотор в 10 л/с заменяет 100—150 рабочих. Мотор и насос иногда помещаются на лодке, и это дает возможность более целесообразного и широкого использования их. В Шанхае существует уже предприятие, производящее такие машины, и в 1926 г. оно продало несколько сот машин. В Чжэцзяне и Аньхуе машины изредка применяются в окрестностях городов для орошения. В большинстве случаев они находятся в руках отдельных товариществ на паях, организованных помещиками, купцами и чиновниками. Такие товарищества берут за орошение 1 му земли 1—2 долл. Отдельным крестьянским хозяйствам, разумеется, не по силам покупать такие машины, а кооперативного движения в Китае пока нет в современном смысле этого слова.

Неуклюжая попытка Американского комитета помощи голодающим является лишь филантропической затеей, охватывающей только 2 тыс. с лишним хозяйств. Во время революционного крестьянского движения в Хунани и Хубэе в 1926—1927 гг. крестьяне сами организовали кооперативы и, по мнению ряда компетентных товарищей, организовали их великолепно. Но эти кооперативы не могли и думать о покупке машин. Они покупали оружие для самообороны. Китайская деревня издавна

---

[1] Arnold, China, a Commercial and Industrial Handbook, 518.
[2] Там же, 584.
[3] «Foreign Trade of China», 1925, part 1, 625; 1926, part 1, 196.

знает разные виды старомодной кооперации. Существуют архаические общества для предоставления займа; нуждающийся в деньгах приглашает своих друзей и предлагает им создать товарищества. Существуют организации для охраны полей от воровства, для проведения религиозных паломничеств и т. п. Но эти старомодные формы кооперации охватывают главным образом верхний слой деревни и с производственными нуждами крестьянства, задачами улучшения техники производства не имеют ничего общего.

Там, где для орошения применялись машины, результаты были блестящи, и урожайность повышалась иногда в 2 раза. Так в 1924 г. в окрестностях Чжанчжоу орошение рисовых полей было переведено на электроэнергию, а в 1925 г. машинным способом и электроэнергией орошалось уже 38 234 му. Орошение 1 му рисового поля ручным трудом обходится в этих краях в 2 долл., а орошение электроэнергией — 1,50 долл. Получается экономия в 50 центов с 1 му. Урожайность после перевода орошения на машинный способ и электроэнергию возросла в 2—3 раза. На неорошаемых и плохо орошаемых полях доход с 1 му составлял 10, а на орошаемых машинным способом землях — 30 долл. Цена на землю возросла с 70—100 до 120—130 долл. [1].

Увеличение урожайности в 3 раза путем улучшения водоснабжения — вот какие чудеса предстоят старой китайской земле, после того как будут устранены общественные условия, мешающие развитию производительных сил. В Китае электрификация плюс советская власть скорее чем где бы то ни было — социализм. Пока однако говорить о применении современных машин в китайском земледелии, как о явлении, имеющем мало-мальски значительный удельный вес, или хотя бы как об определенной тенденции, это значит ничего не понимать в характере китайского хозяйства. Правда, головокружительный прогресс земледельческой техники и химии — одно из крупнейших достижений нашей эпохи — не прошел бесследно для сельского хозяйства Дальнего Востока. Медленно, мучительно медленно улучшается техника орошения в Японии, Индии, на Яве, в Корее, Индо-Китае. Японский крестьянин перешел на минеральные удобрения и на удобрение бобовыми жмыхами. В области улучшения семян на Яве, в Индии, Японии достигнуты некоторые успехи.

Правда, дробность хозяйств и чересполосица часто приводят к быстрому вырождению улучшенных семян, как это констатировано королевской комиссией относительно Индии.

В области борьбы против вредителей также имеются серьезные достижения. В Индии применяется уже рытье колодцев посредством машин. Но самые крупные достижения имеются в области машинного сооружения оросительных и осушительных систем. История Египта, Китая, Японии, Туркестана и т. д. знает создание грандиознейших сооружений, вызывающих и до сих пор удивление. Эти сооружения были созданы ручным трудом многих миллионов порабощенных крестьян. Содержание в исправности этих огромных сооружений, возмещение снашивания этого основного капитала всего сельского хозяйства требовали снова труда сотен и сотен тысяч крестьян. Теперь машина побеждает

[1] Данные взяты из «Chinese Economic Bulletin», vol. X, № 318, 158.

скалы, пробивает дорогу для воды через горы и степи и в течение нескольких лет превращает поросшие редкой травой пустыни в плодороднейшие пашни. Современная техника открыла возможность небывалого расширения посевной площади. В Китае однако в этой области замечается регресс, быстрое движение назад, упадок. В стране действительно имеется несколько сот опытных станций, с.-х. университетов и т. д. Однако это капля в море. Читая отчеты этих учреждений, видишь, что их деятельность также свертывается, что они также пришли в упадок, что и без того незначительный круг их влияния еще более уменьшается. Лишь в области отдельных технических культур — табака, земляных орехов — замечается некоторый прогресс, но старые классические производства торгового земледелия пришли в упадок. Чай постигла беспримерная в истории земледелия катастрофа; тутовица в лучшем случае находится в стадии застоя; в послевоенные годы продукция хлопка падает со стремительной быстротой. Разведение основных злаков также сокращается. Пассивность продовольственного баланса обостряется.

Мы рассматривали пока сельское хозяйство Китая в целом, не выделяя вопроса о классовом делении крестьянства и вопроса о земельных отношениях в китайской деревне. Мы еще увидим, что кулак орошает и удобряет свой участок земли лучше, чем бедняк, что в хозяйстве зажиточных слоев деревни рабочий скот играет бóльшую роль, чем в хозяйстве крестьянина-бедняка, что в более крупных хозяйствах не только рациональнее применяется рабочая сила производителя, но вдобавок эксплоатируется наемный труд, причем одновременно лучше, рациональнее, экономнее используется мертвый инвентарь. Однако нам кажется, что прежде всего надо выделить особенности китайского сельского хозяйства в целом. Мы пришли к выводу, что поливной характер хозяйства, особое значение удобрения, отсутствие лесов, выгонов, пастбищ, отсутствие животноводства, незначительная роль рабочего скота и применение огромной массы человеческого труда являются основными характерными чертами крестьянского хозяйства в Собственно-Китае, причем применение ручного труда человека в столь огромных размерах обусловливается низким составом земледельческого капитала всей страны в целом.

Поскольку нами рассмотрены эти вопросы сельского хозяйства, мы можем перейти к рассмотрению вопроса о земельных отношениях, однако предварительно мы должны остановиться на вопросе о колонизационных областях Китая, поскольку в этих областях и в смысле природных условий земледельческого производства и в смысле общественных отношений наблюдаются некоторые специфические особенности.

ГЛАВА VII.

КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ОБЛАСТИ.

Третьей большой областью Китая, выявляющей ряд отличительных черт в смысле природных условий производства, является область колонизации: Манчжурия и внутренняя Монголия, состоящая из администра-

тивных округов Сюйюань, Жэхэ и Чахар, округ Барга и т. д. В этой области или, вернее, в этих областях, представляющих собой важнейший свободный земельный фонд страны, идет за последние десятилетия усиленный процесс колонизации, который по своей быстроте, размаху и темпу затмевает историю колонизации Америки. В Манчжурии положение осложняется тем, что проникновение империализма зашло там дальше, чем в какой бы то ни было другой провинции Китая. Однако, рассматривая колонизационную проблему, мы отвлечемся пока от этого обстоятельства. Нам предстоит выяснить, чем отличаются эти колонизационные области от других областей Китая в смысле процесса земледельческого производства, в каких условиях совершается процесс колонизации и в какой мере наличие этого колонизационного фонда может влиять на разрешение земельного вопроса в стране.

В чем же заключается особенность колонизационных областей вообще с точки зрения политической экономики? «Сущность свободных колоний заключается в том, — отвечает Маркс, — что масса земли остается еще народной собственностью и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднейшему поселенцу поступить таким же образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы — их противодействия водворению капитала...

В этих областях, — добавляет Маркс, — сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рабочего рынка, но только не в работный дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рабочего рынка» [1].

И там в областях колонизации возникает частная собственность на землю, основывающаяся на собственном труде, в противоположность частной собственности, основывающейся на эксплоатации чужого труда. Основная особенность классических областей колонизации заключается в том, что земля составляет народную собственность, т. е. отсутствует всякая частная собственность на землю. В этих областях земля национализирована, а это обозначает, что абсолютной ренты не существует, что монополия частной собственности отсутствует. Однако в областях колонизации в Китае земля не является народной собственностью, и абсолютная рента имеет место.

Завоевав Китай, манчжуры принудили китайцев платить дань, захватили в округе теперешнего Бэйпина и тогдашнего Пекина в провинциях Хобэй и Шаньдун значительные участки китайской земли и распределили ее среди своих воинов, предоставив им, смотря по чину, от 18 до 1 800 му. Сами манчжуры перестали заниматься в Китае земледелием. Они превратили китайских крестьян в своих крепостных, причем были моменты, когда эксплоатация китайских крестьян дошла до такой степени, что, несмотря на угрозы смертной казнью, 30 тыс.

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, 761—762.

крепостных бежало из манчжурских имений. По китайским летописям [1] в руках манчжурских знамен (знамя — военная единица манчжурских и монгольских войск, организованная на родовых началах) находилось около 15 336 тыс. му, причем продажа этих земель строго воспрещалась.

На этих территориях создались между завоевателями-манчжурцами и между китайским крестьянством чисто феодальные отношения, включая сюда не только способ эксплоатации, но даже момент закрепощения крестьянства. И немудрено, что сильно разложившийся до завоевания Китая родовой строй манчжурцев, развивавшийся уже в феодальные отношения, после завоевания Китая быстро перешел внутри манчжурского рода в чисто феодальную организацию.

Мы знаем, что «господство над завоеванными народами несовместимо с конституцией родовой общины», что «господство денег», «монархия, рабство, подчинение других народов приведут к окончательному разложению родовой общины» [2]. Паразитарное существование разложило манчжурское господство. Уже в 1746 г. император вынужден был скупить земли манчжурских знамен у китайцев, снова распределить их и снова запретить их продажу. Путем залога, заклада, ростовщичества китайские купцы, банкиры и чиновники снова оказались собственниками этих земель. Китайский крестьянин с героическими усилиями выкупает себя мало-по-малу из крепостничества манчжур. В 1850 г. разрешается свободная продажа этих земель. Китайцы отвоевали обратно свои земли от завоевателей.

В то же время Манчжурская династия запрещала китайцам переселение в Манчжурию, которую она хотела сохранить как базис своей силы, как поле для воспитания новых поколений воинов. Однако для земельного голода китайского крестьянина императорские указы оказались недостаточными преградами, и стихийное переселение продолжалось. К началу XIX в. запреты смягчаются, и поток поселенцев усиливается. «Теперь 90% населения Манчжурии состоит из китайцев, и первоначальные жители страны Манчжуры оттеснены к верхнему течению Сунгари, а монголы — к Хинганским горам. Современная Манчжурия является Манчжурией не манчжур, а китайцев. Манчжуры завоевали Китай силой оружия, китайцы же завоевали Манчжурию мирными средствами» [3]. Постройка КВЖД дала сильный толчок колонизации; колонизация усилилась после русско-японской войны и главным образом в связи с тем, что распад народного хозяйства все больше и больше давал себя чувствовать в Северном Китае.

Когда началась постройка КВЖД, на территории Северной Манчжурии едва ли проживало больше 2 млн. жителей, а теперь там населения насчитывают 13 млн. жителей, если не больше.

Население трех восточных провинций возросло с 13 265 882 в 1906 г. до 19 639 671 в 1916 г. и до 20 500 тыс. в 1925 г. Целые города вырастали на глазах у старожилов. Провинции Гирин и Хэйлунцзян стали заселяться лишь с начала XX в. К концу XVII в. в манчжурской летописи отметили, что по всей Манчжурии посевная площадь составляла

---

[1] Chan Liang-Chuan, Landtax in China.
[2] Энгельс, Возникновение семьи, частной собственности и государства
[3] «Economic History of Manchuria», издание Корейского банка.

2 117 тыс. му. Данные 1924 г. определяют посевную площадь Манчжурии в 65 500 тыс. му.

С тех пор как развитие колониального капитализма наряду со стихийными бедствиями (засухи, наводнения, генеральские войны) разоряет Хобэй, Шаньдун, а за последнее время и Шаньси, темп переселения усилился. Вначале большая часть эмигрантов возвращалась на родину, и лишь сравнительно небольшая часть после полевых работ оставалась в Манчжурии на постоянное жительство. Теперь все большая и большая часть переселенцев остается на постоянное жительство в Манчжурии. Переселенцы прибывают теперь из Хэнани, Шаньси, даже из Цзянсу. С 1921 до 1924 г. в Манчжурию прибывало в среднем 400 тыс. чел. в год, в 1925 г. — 500 тыс., в 1926 г. уже 500—600 тыс. В 1927 г. на полевые работы и на постоянное жительство прибыло 1 млн. человек [1].

При этом следует иметь в виду, что число возвращающихся на родину уменьшается: в 1924 г. оно составляло 65%, в 1925 г. — 49%, а в 1926 г. — 52% всего числа прибывших. Теперь переселенцы едут уже вместе со своими женами, детьми; часто сотнями, тысячами погибают по дороге, но идут и идут в обетованное царство, где надеются найти землю, работу, хлеб. Японские угольные копи и фабрики в Манчжурии также притягивают тысячи и тысячи людей. По общему мнению, население Манчжурии с 1906 до 1916 г. увеличивалось ежегодно в среднем на 4—5%, а с 1916 до 1926 г. на 5—6%. Население растет в 3—4 раза быстрее, чем даже в САСШ. К этому следует прибавить, что на север Манчжурии тысячами переселяются эмигранты из Кореи, лишенные земли японским империализмом, а также корейскими помещиками и ростовщиками [2].

Что же касается густоты населения, то Манчжурия в целом уже опередила САСШ, Мукденская провинция достигла уже густоты населения Ирландии, а Гиринская — густоты населения Европейской части СССР. Все это совершилось в течение каких-нибудь 30 лет. Переселенческая волна захлестнула сперва лежащую вблизи провинцию Мукден, потом наводнила Гирин, а сейчас идет на Хэйлунцзян, причем в самой Мукденской провинции уже остро чувствуется относительная аграрная перенаселенность, и она сама уже выбрасывает переселенцев в другие провинции. С 1920 до 1927 г. посевная площадь в Манчжурии возросла на 18%. С тех пор ежегодный прирост посевной площади составляет 8—10%.

О влиянии этой волны переселенцев на развитие промышленности и торговли мы не будем здесь говорить, укажем лишь, что кроме пограничной торговли с Россией, Кореей и остальным Китаем Манчжурия до окончания русско-японской войны пользовалась только одним открытым портом — Ныочжуан. В годы открытия последнего для внешней торговли (1872) вся внешняя торговля Манчжурии, импорт и экспорт вместе взятые, выражалась в 5 371 тыс. таэлей, а в 1905 г. — в 55 173 тыс.

---

[1] Данные взяты из «Chinese Economic Journal», 1927 г., т. I, № 7, и составлены очень тщательно на основании разных источников В. Юнгом.

[2] Принято считать, что в одной только провинции Гирин насчитывается 1 млн. корейских переселенцев, причем корейская эмиграция началась в значительных размерах лишь 15 лет тому назад.

таэлей. После русско-японской войны был открыт ряд договорных портов, и внешняя торговля Манчжурии возросла с 95 812 тыс. таэлей в 1908 г. до 267 203 тыс. таэлей в 1918 г. и до 447 356 976 в 1926 г.[1]. Эти голые цифры говорят мало. Однако если принять во внимание, что доля Манчжурии в общем итоге внешней торговли Китая составляла в 1872 г. — 0,5%, в 1888 г. — 4,6%, в 1898 г. — 8,7, в 1908 г. — 14,5%, в 1918 г. — 11,5%, в 1926 г. — 22,3%, то становится очевидным рост удельного веса Манчжурии в общей системе китайской экономики. Дайрен вырос на манчжурских бобах, подобно тому как Тяньцзинь сохранил свое значение благодаря заселению внутренней Монголии и постройке железнодорожной линии Бэйпин — Сюйюань, связывающей Тяньцзинь с этой областью.

Но могущество Тяньцзиня основывается отчасти и на связи с Манчжурией.

Население Манчжурии составляет не то $^1/_{15}$, не то $^1/_{20}$ населения Китая, а внешняя торговля ее составляет более чем $^1/_5$ всей внешней торговли Китая. Эта страна выросла на наших глазах в течение 20 с лишним лет[2].

Процесс заселения внутренней Монголии начался позже и проходил медленнее. Однако со времени постройки железных дорог темп его заселения ускорился и за последние годы принял «манчжурский» характер. Достаточно указать, что только в 1926 г. Чжан Цзо-лин скупил во внутренней Монголии больше 8 млн. му от монгольских князей с целью распродажи этой земли или сдачи ее в аренду новым поселенцам. Число крестьянских хозяйств в этой области растет не по годам, а по месяцам.

Какие отличительные черты характеризуют земледелие колонизационных областей Китая, и какие процессы замечаются там в сфере земельных отношений?

Климатические и почвенные условия Манчжурии в общем и целом схожи с условиями Советского Дальнего Востока, и поэтому на них мы останавливаться не будем. Что же касается земледельческой техники китайского крестьянина, то бросается в глаза, что «китайские колонисты перенесли сюда с собой навыки к земледельческому труду, в которых их воспитал тысячелетний опыт Китая и которые так заметно отличают этот труд от западно-европейского. Характерными особенностями его являются дешевизна и примитивность мертвого инвентаря, меньшая роль животной силы и, наоборот, большая затрата ручного труда на обработку почвы и уборку и плодосменный севооборот без применения пара...

Удобрение играет довольно большую роль в местном земледельческом хозяйстве, причем наблюдения и расспросы убеждают, что интенсивность его применения прямо пропорциональна населенности территории.

---

[1] Вся внешняя торговля Китая, импорт и экспорт вместе, равнялась в 1926 г. 2 003 млн. таэлей.

[2] Некоторые из наших советских исследователей Китая при оценке роста китайской внешней торговли не учли этой «мелочи» и пришли между прочим поэтому к совершенно ложным и преувеличенным выводам насчет роста торговли всего Китая.

Основным отличительным признаком в технике местного полеводства является грядковая культура полевых растений.

...Основное значение грядковой культуры заключается в том, что она устраняет необходимость пара, так как чередование грядок и борозд при ней по существу дает возможность ежегодно отдыхать — даже не трети, как при нашем трехполье, — а целой половине посевной площади, не теряя при этом ни пяди посевного пространства.

На почвах старых, уже хорошо разработанных, китайский плуг не переворачивает почву, а раздвигает ее в стороны подобно нашей сохематушке, но чуть почва поплотнее, а еще хуже задеревенелая — здесь он уже бессилен.

Вот почему китайцы, поднимая целину, совершают поистине египетский труд.

...Историческим событием в с.-х. жизни Китая будет факт создания орудия, подобного их сохе, но могущего быть названным плугом.

...В настоящее время подъем новей делается обычно тем же плугом, только бо́льших размеров и с более крепкими частями, называемым «да-ли-чжан». В него впрягают не менее 6 лошадей. При пахоте полей этот плуг рвет дернину на куски, нагромождая их друг на друга» [1].

Именно это затрудняло и отчасти затрудняет развитие колонизации, хотя теперь уже несколько десятков тракторов начали распахивать целину.

Мы видим таким образом, что при сравнительно большом земельном просторе китайский крестьянин применяет в Манчжурии тот же способ земледелия, как крестьянин в парцеллярных хозяйствах Собственно-Китая. Мы видим, что на пустошах работает старокитайский плуг, не годный для возделывания пустошей, что удобрение и здесь «прямо пропорционально населенности данной области», между тем как в то же время японские рисовые поля удобряются бобовыми жмыхами, вывозимыми из Манчжурии. Количество рабочего скота минимальное, причем из близлежащих монгольских областей вывозятся ежегодно десятки тысяч лошадей. Правда, эти лошади годятся скорее для верховой езды, чем для упряжи, но все же ими можно пользоваться. Мы видим в Манчжурии, что все делается ручным трудом, что севооборот применяется правильно, но когда дело доходит до применения современной техники, то сейчас же являются огромные препятствия.

Яшнов, сравнивая состав земледельческого «капитала» дальневосточного советского и североманчжурского крестьянского хозяйства [2], пришел к следующим результатам:

---

[1] Характеристика, данная П. Ф. Константиновым в «Вестнике Манчжурии», 1925 г., № 8 — 10.

[2] Яшнов, произведя выборочное обследование 70 крестьянских хозяйств в Сев. Манчжурии, сравнил эти данные с результатами выборочных обследований т. А. С. Мишкина Крестьянские бюджеты Дальневосточной области (Хабаровск, 1925 г.). Тов. Мишкин обследовал 85 хозяйств в Забайкальской, 49 в Амурской и 67 хозяйств в Приморской губ.

Среди хозяйств, обследованных Яшновым, преобладают средние и крупные крестьянские хозяйства.

Хозяйство	Состав капитала в %			
	Постройки	Скот	Инвентарь	Домашнее имущество
Дальневосточное советское	25,4	27,7	13,7	33,2
Североманчжурское . .	35,0	21,7	14,0	29,3

Мы ставили в кавычки термин «капитал», ибо мы знаем, что «если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплоатации и подчинения рабочего»[1]. Поскольку речь идет о кулацких хозяйствах, эксплоатирующих наемный труд, термин «капитал» абсолютно верен. Но он не верен, поскольку речь идет о бедняцком или частично о середняцком хозяйстве. Термины «капитал», «состав капитала» мы применяем поэтому лишь условно. Употребляемый отдельными товарищами термин «средства производства» или «средства крестьянского хозяйства» тоже недостаточно точный.

Эти «сплошные» схематические сравнения дают мало — поскольку они затушевывают расслоение крестьянских хозяйств по социальным группам. Кроме того результаты Яшнова глубоко неверны, ибо он не учел того немаловажного факта, что русский переселенец либо вовсе не платил за землю, либо платил мало, в то время как китайский крестьянин платил за землю ростовщическую цену. Если учесть цену земли, то получается следующая картина.

Хозяйства	Цена земли	Состав капитала в %			
		Постройки	Скот и птица	Мертвый инвентарь	Домашнее имущество
201 русское хозяйство на Дальнем Востоке	—	25,4	27,7	13,7	33,2
70 китайских хозяйств в Сев. Манчжурии	69,6	11,6	6,4	3,8	8,6

Оказывается, что китайский крестьянин тратит 70% своих средств на покупку земли, в то время как русский поселенец получил землю даром.

Из этого вытекает, что русский поселенец мог покупать больше средств производства при прочих равных условиях. Этим объясняется и то, что в русском хозяйстве стоимость скота на 1 *га* посева составляет 43,68 руб., а в китайском — 23,4 руб. Мертвый инвентарь на 1 *га* составляет в русском хозяйстве 21,6 руб., а в китайском — 15,1 руб. Домашнее имущество в русском хозяйстве — 52,35 руб., в китайском — 31,7 руб. К тому же эти данные относятся к периоду, когда дальневосточное советское крестьянское хозяйство еще не изжило послере-

[1] Маркс, Капитал, т. I, 759.

волюционного кризиса разрухи, а китайское крестьянское хозяйство в Манчжурии переживало послевоенное процветание.

«Одна из специфических бед мелкого земледелия, когда оно связано со свободной собственностью на землю, происходит из того, что возделыватель затрачивает капитал на покупку земли... Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных faux frais, непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта для отдельных производителей. ...Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала, — напротив он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого касательства к производству этой ренты... так как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия» [1].

Оказывается таким образом, что в Манчжурии есть цена на землю, существует абсолютная рента, существует особая монополия на землю, и эта монополия мешает свободе приложения капитала и труда. Значит с точки зрения политической экономии Манчжурия по сути дела не является колонизационной областью в собственном смысле этого слова. Оказывается, в Манчжурии, в отличие от классических областей колонизации, земля уже не народная собственность, а составляет частную собственность, основывающуюся на эксплоатации чужого труда.

Китайский крестьянин вынужден тратить в Манчжурии 60—70% своих средств на покупку земли. Вот где кроется основная причина застойного характера техники земледелия в Манчжурии, не говоря о других прелестях манчжурской экономики — ростовщичестве, налогах, обесценении денег, монополизации внешней торговли (японским финансовым капиталом, с одной стороны, и банком Трех восточных провинций во главе с мукденской кликой — с другой), купеческом обмане, бандитизме, высоких тарифах и полном бесправии населения. У крестьянина мало или почти ничего не остается для собственного земледельческого производства. При этом следует иметь в виду состав поселенцев. Последние являются или совершенно разоренными батраками, либо разоренными крестьянами, которые продали в Шаньдуне или Хобэе свою землю и переселились в Манчжурию. Земля в Манчжурии все же дешевле, чем в Шаньдуне или Хобэе, и благодаря этому крестьянин может купить в Манчжурии больше земли, чем имел в Шаньдуне. Но он не может соответственно обрабатывать эту землю ввиду отсутствия или недостатка средств производства. Кроме того по мере роста населенности, по мере нажима новых волн переселенцев, по мере вовлечения Манчжурии в мировой товарооборот, по мере роста городов и железных дорог — растут цены на землю. В течение 11 лет цены на землю возросли в Сев. Манчжурии в среднем на 64%, а в Южной Манчжурии на 100—150% [2].

Спрашивается, кто распоряжается земельными фондами [3]. Как организована колонизация?

Вот что рассказывает об этом Яшнов.

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 344 — 346.

[2] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство, 454.

[3] «Chinese Economic Bulletin», v. X, № 325, печатает объявление гиринского дубаня, что минимальный размер подлежащей продаже земли равен 450 му.

«Государство начинает по дешевой цене продавать те пустующие земли, которые было решено заселить. В значительной степени они раскупаются чиновниками (вплоть до весьма высоких рангов) и купцами, т. е. лицами, вовсе не имевшими намерений стать земледельцами, а лишь надеявшимися впоследствии или выгодно перепродать полученные за бесценок площади, достигающие часто весьма крупных размеров, или получать значительную выгоду от эксплоатации их путем сдачи в аренду.

Меньшая часть земли раскупается непосредственно переселенцами».

Это сказано конечно весьма вежливо. «Государство» — это Чжан Сюэ-лян, У Цзюнь-шэн и другие генералы.

«Государство» — это буржуазно-помещичий класс Манчжурии. Его представители продают себе же землю за бесценок, причем покупную цену кладут из одного кармана в другой. Они же в качестве «колонизационного бюро» захватывают густоши. Все дуцзюни в Манчжурии имеют по нескольку сот тысяч му. Эта земля перепродается большими участками ростовщикам, банкирам, чиновникам, которые перепродают ее купцам, кулакам или переселенцам, либо сдают ее в аренду. Генералы скупают землю там, где предполагается проведение железной дороги, выжидая поднятия цен. С другой стороны, спекулянты, совместно с японскими капиталистами, строят железные дороги там, где у них имеется земля. Диференциальная рента, в виде высокой арендной платы или в виде повышенных цен за земельный участок вследствие их благоприятного местоположения, идет также в карман этих землевладельцев и спекулянтов. А земля часто проходит через руки 5—6—10 спекулянтов, прежде чем попадает к непосредственному производителю, будь он арендатор или мелкий крестьянский земельный собственник.

Волна переселенцев с колоссальной быстротой докатилась от Мукдена до Амура, но дуцзюни, генералы, чиновники, купцы, разного рода земельные спекулянты везде опередили переселенцев, захватив свободные земли.

«Собственники расширяют свое землевладение, а арендаторы переходят в разряд собственников и накопляют построечный и инвентарный капитал. Но так продолжается недолго. Естественный прирост населения и дальнейший прилив переселенцев быстро поднимают арендные ставки и цены на землю».

Дальше процесс продолжается таким образом:

«Так как повышение цен и отчасти аренды вызывается главным образом усилением спроса со стороны переселенцев, то оно обгоняет рост поступлений от хозяйства, средний размер которых определяется степенью интенсификации. Эти поступления по мере роста населения и рыночных отношений тоже возрастают, но далеко не так быстро, как цена на землю. Наоборот, общий объем и доходность внеземледельческих занятий (торговля, промышленность), ввиду недостатка капиталов, увеличивается относительно заметнее» [1]. Здесь многое сказано весьма неграмотно.

Эта картина довольно верно отражает социальные и экономические процессы в манчжурской деревне, но она неполна и отражает только

[1] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство, 455 — 456.

один способ эксплоатации крестьянства — именно эксплоатацию со стороны помещика и земельного спекулянта, а в Манчжурии ростовщическая эксплоатация также имеет свое прошлое. Ведь уже в 1880 г. отмечалось, что «владельцы рафинадных заводов или ломбардов пользуются большим уважением, чем помещики, так как капитал, требуемый для таких дел, гораздо больше, чем капитал, обычно инвестированный в земле»[1].

Словом, владелец ломбарда уже тогда «пользовался большим уважением». А сейчас положение рисуется в следующем виде.

«В Манчжурии мы везде находим ломбарды... Ломбарды представляют собой единственную финансовую организацию, доступную крестьянам, мелким купцам и низшим слоям общества вообще. Большие ломбарды часто связаны с банками и учреждаются часто лицами, занимающими высокие официальные должности. В Мукдене, Нючжуане, Аньдуне находятся большие ломбарды, принадлежащие банку Трех восточных провинций (банк Чжан Сюэ-Ляна). Гиринский провинциальный банк (принадлежит дубаню Гирина) также имеет ломбардные отделения. Ломбард в Нючжуане широко финансируется высокопоставленными чиновниками. Процент в этих ломбардах — 2, 3 в месяц (для коммерческого кредита). В маленьких ломбардах процент еще выше и определяется в 4—8% в месяц, а срок кредита редко превышает 4 месяца»[2].

Вот куда и как отливают капиталы из земледелия, но кое-что остается и в деревне.

«Есть в местной деревне и категории, — пишет Яшнов[3], — подобно нашему кулачеству («чжун-ли» — процентщики или «пань-бао» — обдиратели), но и она численно конечно невелика».

Яшнов доказывает, что в манчжурской деревне кроме кулака имеются еще две категории, а именно: «землевладельцев, которые свой капитал перелили за край с.-х. промысла в узком смысле этого слова и связали его с перерабатывающими с.-х. сырье производствами (в Манчжурии — маслобойное, ханшинное, вермишельное и т. п.) или торговлей.

Второй сравнительно устойчивой группой капиталистических элементов в китайской деревне являются землевладения (часто очень крупные) административных и военных влиятельных лиц и их близких».

Но Яшнов успокаивает нас, что «количественно» все перечисленные элементы очень невелики, главное же — «в них не заключается никаких предпосылок для дальнейшего роста». Этот бравый сменовеховец[4], апологет китайского ростовщического капитала и грабительского чиновника и обдирателя, очевидно думает, что может быть количественно

---

[1] Jemisson, Land Tenure etc., 82.

[2] «Economic History of Manchuria», 267.

[3] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство, 467.

[4] Е. Е. Яшнов написал книгу в 525 стр., чтобы доказать как раз на примере в Манчжурии, что в анализе аграрной проблемы правы были народники, а не марксисты, что правы были Бернштейн, Маслов, Суханов, а не Маркс, Каутский, Ленин. При этом из его полемики видно, что он читал о Марксе, но не читал Маркса. В результате он докатится до апологии ростовщического капитала. Теоретически все эти премудрости обосновываются «законом убывающего плодородия земли».

много помещиков, процентщиков, генералов, чиновников, загораживающих землю. Нет, в общем их всегда бывало мало количественно, но зато имеются предпосылки для роста их удельного веса.

Ведь еще в 1880 г. Росс констатирует, что «подавляющее большинство хозяйств принадлежит самим земледельцам»[1].

А сейчас вот какие данные приводит сам Яшнов относительно Хэйлунцзянской и Гиринской провинции[2].

	Сеющих только на своей земле	На своей и арендованной	Только на арендованной	Итого
30 уездов Хэйлунцзянской провинции (1918 г.) . .	185,0	58,2	85,5	328,7
20 уездов Гиринской провинции (1920 г.) . . .	160,3	55,3	86,9	302,5
Всего . . .	345,3	113,5	172,4	631,2
Или в %	55	18	27	100

К этому Яшнов добавляет:

«Количество арендаторских хозяйств нами повидимому если не абсолютно, то относительно все же преуменьшено. За последние годы, вследствие хунхузского террора, их численность значительно возросла и в некоторых уездах вместе с малоземельными собственниками превышает половину общего числа сельских хозяйств...»

Но несмотря на это преуменьшение, все же оказывается, что в Северной Манчжурии 45% земли сдавалось в аренду. Очевидно не только земельный спекулянт, продавший уже свою землю, но и помещик все еще преуспевают. Очевидно, китайская буржуазия в Манчжурии, выросшая в результате земельной спекуляции и торговли бобами, преуспевает; несомненно, что она составляет наряду с буржуазией долины Янцзы наиболее могущественный отряд китайской буржуазии.

А насчет распределения земельной собственности в Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях тот же Яшнов приводит такие данные (см. табл. на стр. 113).

Вот «социальная равнина» Яшнова. 42,9% землевладельцев владеют 9% с.-х. площади, а 3,6% землевладельцев владеют 26% этой площади. И это в Гирине и Хэйлунцзяне, где процесс колонизации, а тем самым и процесс расслоения крестьянства, с одной стороны, и процесс превращения собственника-крестьянина в арендатора — с другой, не зашли так далеко, как в Мукденской провинции, где около 70—80%

[1] Jemisson, Land Tenure etc., 80.
[2] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство, 143, табл. 27.

Количество хозяйств (в тыс.)	В % к итогу	Пределы их землевладения (в шанах)	Средний размер землевладения (в шанах)	Общее количество с.-х. площади у них (в млн. шан.)	В % к итогу
5	0,7	Свыше 150	200	1,0	8,7
20	2,9	75 — 100	100	2,0	17,3
75	10,7	30 — 75	40	3,0	26,0
300	42,8	10 — 30	15	4,5	39,0
250	35,7	1 — 10	4	1,0	8,7
50	7,2	Менее 1	0,5	0,03	0,3
700	100,0	—	16,5	11,53	100,0

земли обрабатывается арендаторами. Говорить при этом, что «отдельные собственники расширяют свое землевладение и отдельные арендаторы переходят в разряд собственников» — значит не понимать, что именно так и происходит расслоение деревни. Отдельные выскочки преуспевают, а подавляющее большинство подвергается обнищанию. При процессе колонизации неизбежно, что даже отдельные крестьяне-счастливцы выдвигаются в кулаки-ростовщики. Ведь в «младенческий период капиталистического производства», точно так же, как и в младенческий период средневековой городской жизни, вопрос о том, кто из беглых крепостных должен быть хозяином и кто слугой, решался обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал от своих господ» [1].

Точно так же вопрос о том, кто из переселенцев должен быть хозяином-кулаком и кто батраком или арендатором, решается обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал из Хобэя, Шаньдуна и т. д. в Манчжурию.

В 1880 г. в тогда уже сравнительно густо населенной Мукденской провинции цена 1 акра земли равнялась 250 долл., а в Гирине тогда землю скупали за бесценок. Сейчас в провинции Мукден цена акра достигает 300—400 долл., а в Хэйлунцзяне и Гирине 45—88 долл. Росс сообщает, что арендная плата в Мукденской провинции составляла $^1/_3$, $^2/_5$ или $^3/_7$ урожая, а сейчас Яшнов сообщает нам, что арендная плата равна 50—60% урожая. В 1880 г. арендная плата с 1 акра в денежном выражении определялась по Россу в Мукденской провинции в 7,50 долл., а сейчас, как Яшнов сообщает нам, в Гирине и Хэйлунцзяне она составляет 8,4—9,5 долл. А тот же Яшнов доказывает, что арендная плата с 1911 до 1922 г. выросла на 20—25%. По мере того как усиливается процесс переселения, а тем самым и спрос на землю, растет арендная плата, и растут цены на землю.

Верно, что уже в 1880 г. было отмечено, что чем плодороднее земля, тем меньше размер хозяйства, но в Южной Манчжурии тогда еще самые мелкие хозяйства составляли 3 акра, а сейчас обрабатываемая площадь составляет на душу населения (в акрах):

[1] Маркс, Капитал, т. I, 742.

Провинция	По данным Квантунского губернаторства	По данным Южно-манчжурской ж. д.
Мукденская	0,75	0,933
Гиринская	1,42	1,347
Хэйлунцзянская	2,46	1,503

Данные эти значительно расходятся, но уменьшение во всяком случае огромное. К этому привел китайское крестьянство в Манчжурии помещичий гнет, спекуляция землей, загораживание свободного земельного фонда, ростовщичество и торговый обман, возглавляемый монополией империализма на транспорт, банковое дело, на важнейшие экономические командные высоты Манчжурии и его монополия на хлебном и бобовом рынках [1].

Во внутренней Монголии (Жэхэ, Чахар, Сюйюань) процесс колонизации происходит еще болезненнее. В этих областях колонизация началась позже и вплоть до последнего времени шла медленнее.

Это имело свои особые, весьма интересные исторические причины. Российский империализм рассматривал Монголию в свое время как буфер между Китаем и царской Россией и считал, что этот буфер будет наиболее надежным, если Монголия останется малонаселенной страной экстенсивного кочевного скотоводства. Царская Россия боролась против колонизации Монголии, в тайных договорах обязывала Китай Манчжурской династии не допускать переселения китайцев в Монголию. Теперь уже известно, что царское правительство в ряде нот-протестов настаивало на сохранении Монголии в качестве малонаселенного буфера, когда китайское правительство, опасавшееся захвата Монголии Россией, начало форсировать заселение китайцами наиболее подверженных русскому захвату частей Монголии. Царская дипломатия хотела сохранить Монголию в состоянии застойной неподвижности, подобно тому как английский империализм долгое время хотел сохранить в состоянии такой же неподвижности Афганистан. Колонизация Монголии началась отчасти как мера самозащиты Китая против российского империализма. Однако постройка ж.-д. линии Бэйпин — Суйюань дала сильный толчок колонизации [2]. В этих областях происходит столкновение двух хозяйственных и социальных систем и развивается национальная борьба.

Коренное население этих областей состоит из монголов, живущих под гнетом эксплоатации централизованной буддийской церкви и монгольских князей; при этом эксплоатация эта прикрывается вуалью отношений патриархально-родового строя. К этой жесточайшей двойной эксплоатации присоединяется еще китайский торгово-ростовщический капитал, который, со своей стороны, в эксплоатации внутренней Монголии возглавляется иностранным капиталом. Традиционный налог для содержа-

[1] Японцы являлись монополистами на рынке бобов до 1925 г. В 1926 г. Чжан Цзо-лин попытался отвоевать для себя эту монополию посредством заготовки бобоз через Провинциальный банк. По этому поводу возник серьезный конфликт.

[2] Железная дорога была доведена до Калгана в 1908 г., до Датуна в 1914 г. до Суйюаня в 1921 г., до Баотоу в 1923 г.

ния княжеского двора был невелик; налог на содержание княжеского войска, охраняющего пастбища от посягательства чужих родов, бандитов, также ложился не особенно тяжело на монголов-кочевников. Но китайский торгово-ростовщический капитал взял монгольские племена в «обработку» при посредстве монгольских князей. Эта выродившаяся банда прокучивает свои доходы в Бэйпине, Калгане и других китайских городах, заключает займы у китайских купцов, ростовщиков, чиновников, а проценты уплачивают их «хашун», их уезд. Проценты распределяют по отдельным районам хашуна местные монгольские власти. Долг платить не надо, платятся только проценты, но последние составляют 40—50% годовых. А князь все больше впадает в долги, прокучивая все большую часть доходов рода, род задыхается под тяжестью княжеских долгов. Нужно все больше и больше денег, и кочевники-скотоводы втягиваются в процесс обмена. Монголы продают все больше и больше шкур, сыра, скота, шерсти и верблюжины, и покупают все больше и больше чая, даленбы (войлок для юрт), табака, кожи, сапог, а монгольская знать — и шелк. Рыночные отношения развиваются, потребности великих мира сего растут, и пределы эксплоатации определяются уже не «емкостью желудка» князя и его двора, а возможностью сбыть как можно больше «товара». Патриархально-родовой строй превращается в прикрытие худшей эксплоатации. К патриархальной эксплоатации прибавляется торговая эксплоатация и торговый обман. Вся торговля, весь обмен в руках китайцев. Власть денег растет, и скотовод-монгол попадает в руки купца-ростовщика, подобно тому как его князь попал в руки чиновника, банкира или торговца-ростовщика.

Торговля подрывает худосочную домашнюю промышленность скотоводческого хозяйства. В районах китайского влияния производство сыра, масла, седел, выделка кожи, выделка даленбы находится уже в китайских руках. Даленба является уже в этих областях товаром фабричного происхождения; даленба вывозится через Тяньцзинь в Калган, для окрашивания. Вырождение монгольского хозяйства дошло до такой степени, что несмотря на запрещения, стрижка овец производится китайцами. Монгол-скотовод отдает 30—60% шерсти китайцу-купцу, получая лишь войлок. Торговля шерстью, как мы увидим, организована на принципах прямого купеческого обмана. Торговля скотом монополизирована купцами мусульманами, пользующимися славой обдирал. Непосредственный доступ к рынку отрезан непосредственному производителю. Таким образом, за свой товар он получает неэквивалентную стоимость. Во внутренней Монголии воспроизводятся мрачнейшие страницы из истории торгово-ростовщического капитала.

Рынок, ростовщичество и стихийные бедствия в виде эпидемий и зимних голодовок скота, вследствие образования подснежного льда, превращают некогда устойчивое натуральное хозяйство скотовода в денежно-товарное. Гнет налогов значительно ускоряет этот процесс. Мотовство и расточительность князей замыкают круг: когда из хашуна больше выдавить нечего, китайские купцы, чиновники, ростовщики скупают у князя землю. Монголы-скотоводы сгоняются с лучших земель-пастбищ на худшие, монгольские пастбища становятся земельным фондом в руках китайских земельных спекулянтов. Монголы уходят в глубь страны. Старые хашуны пустеют, населенность других растет. В ста-

рых хашунах, лежащих близ китайской границы, редко можно увидеть 30—40 юрт. Зато в глубине страны, где раньше было 300—400 юрт, теперь их 1 000. Кочевой порядок разрушается. Князь нового хашуна взимает конечно налоги, но и старый князь также не отказывается от своего «права».

Под влиянием всех этих обстоятельств меняются общественные отношения внутри монгольского рода. Постепенно меняется отношение непосредственных производителей к основному условию производства, к земле. Земля здесь считалась недавно еще собственностью монгольского рода, народной собственностью, а князь был лишь начальником рода. Князь постепенно превращается в феодального помещика, земля становится феодальной собственностью князя. А князья и монастыри забирают постепенно не только землю, но и скот, выжимая все больше и больше дани от монгольского скотовода. Внеэкономическое принуждение прикрывается вуалью буддийской религии. Макс Вебер утверждает, что буддийская религия лучшая, с точки зрения господствующих классов, для «доместификации», для приручения угнетенных народных масс, и поэтому японский империализм усиленно пропагандирует ее в Корее. Но в условиях неустойчивого кочевого скотоводства эта религия оказалась еще более пригодной для доместификации народных масс.

Иногда возгорается гнев рода против князя. Созывается «догуйлун», совет, собрание рода. Князь и его двор сидят в кругу возмущенных монголов. 5—6—10 тыс. человек волнуются, возмущаются, бранят князя за мотовство, «несправедливость». Организаторами догуйлуна часто являются монастыри. Иногда князя убивают. В большинстве случаев князь обещает исправиться, не делать больше долгов, сохранять родовую собственность. Собравшиеся на догуйлун монголы разъезжаются. Князь потихоньку расправляется с главарями движения. Иногда их подкупают, иногда убивают. Зародившаяся монгольская интеллигенция пытается организовать народное движение, но разрозненный кочевник, задавленный вековыми традициями, забитый властью буддийских лам и приниженный своим варварским бытом, трудно поддается организации.

А внутри семьи мужчина является князем и жестоко эксплоатирует свою жену.

В Западной Сюйюане движение все же растет, усиливаясь. Под влиянием революции в Монгольской народной республике оформляется народно-революционная партия [1].

Во внутренней Монголии монголы оттесняются с лучших пастбищ на худшие, и пастбища их превращаются в пашню. Монголы в некоторых местах сами начинают превращаться в земледельцев. Но как общий процесс идет обезземеление монголов. Китайский торгово-ростовщический капитал забирает в свои руки монгольские родовые земли [2].

По мере того как монголы оттесняются, а их земли переходят в руки купцов, ростовщиков, чиновников, генералов, последние организуют колонизационные бюро. Монгольские земли, как общее правило,

---

[1] Попытка увязать движение Гоминдана — Чан Кай-ши и Ван Цзин-Вэя — с монгольским народно-революционным движением была обречена на неудачу.

[2] Автор обязан бурятскому товарищу Очирову характеристикой происходящих в Монголии процессов.

скупаются за бесценок от князя: князь получает обычно 30% покупной цены, 50% полагается колонизационному бюро, а 20% удерживается колонизационным бюро для вырытия колодцев. Без колодца трудно продать или сдать в аренду землю, а вырытие колодца в Китае составляет особую профессию [1].

За последние десятилетия во внутреннюю Монголию начинают притекать китайские переселенцы. Если они приезжают без средств, то становятся арендаторами-издольщиками. Помещик-купец, помещик-ростовщик, помещик-чиновник сдает в аренду землю, предоставляет инвентарь и семена, и арендатор платит ему 50—60% урожая. В этих областях нередко встречается и отработка, эта в Собственно-Китае почти неизвестная или, вернее, почти совсем изжитая форма докапиталистической эксплоатации [2].

И это понятно. В районах новой колонизации вопрос о рабочих руках стоит совершенно иначе, нежели в Собственно-Китае. Хотя и здесь нет свободной земли, но земли все же дешевле, и в смысле образования кадров наемных рабочих отношения еще не успели достаточно развиться. Спрос на землю со стороны придавленных нуждой арендаторов также меньше. Отчасти это объясняется тем, что в Манчжурии и во внутренней Монголии относительно широко распространена барщина. Арендатор отрабатывает часто 60—70 дней в хозяйстве помещика или кулака. Манчжурия уже в течение нескольких лет обильно снабжается сезонными рабочими, приезжими из Северного Китая батраками. Теперь уже начинается массовый переезд батраков и во внутреннюю Монголию на сезонную работу. Если поселенец приехал со средствами (продал свою землю на родине), то он может относительно дешево купить сравнительно большой участок земли. Но обработать его он не может, ибо его инвентарь (живой и мертвый) рассчитан на мелкое хозяйство и удобрения на весь участок он достать не может. Поэтому он обрабатывает лишь часть своей земли, хозяйничает хищнически, истощает почву, запускает истощенный участок и переходит к возделыванию другой части своего же имения. Прикатится новая волна поселенцев, — и он сдает в аренду или продает большую часть своей земли. Небольшая прослойка поселенцев превращается таким путем в кулаков, в земельных спекулянтов. И в дальнейшем повторяется тот же процесс, что в Манчжурии: растут цены на землю и арендная плата, мельче становятся хозяйства, совершается переход к интенсивной обработке с удобрением, усиливается ростовщик и купец, и торгово-ростовщический капитал, эксплоатировавший и оттеснивший монгола, угнетает китайского крестьянина [3].

Во внутренней Монголии воспроизводятся китайские земельные отношения. Чем гуще становится население, тем более эти отношения начинают походить на отношения Собственно-Китая. Но здесь социальпитал, эксплоатировавший и оттеснивший монгола, угненает китайского и монгольского населения в этих областях приблизительно равно 5 : 1 [4].

---

[1] Smith, A Village Life in China.

[2] В Манчжурии она встречается в некоторых местах.

[3] Некоторой частью характеристики колонизационного процесса автор обязан т. Климову, б. советскому консулу в Калгане.

[4] Население этих областей исчисляется не то в 6, не то в 10 млн. чел.

Городское население сплошь китайское. Китайский генерал и чиновник возглавляет патриархально-родовой строй, в котором нет уже ничего патриархального и родового, который быстро переходит в феодальный, подобно тому как китайский торгово-ростовщический капитал захватывает командные высоты скотоводческого хозяйства.

Ввозный товар, китайская фабрика, мануфактура и ремесло лишают скотоводческое хозяйство промышленных функций.

Влияние революции на монгольские народные массы во внутренней Монголии все больше возрастает. В Монгольской народной республике революция уничтожила, разбила национальный гнет, — массы отвоевали под влиянием русской революции, национальную независимость, освободив страну из-под гнета китайского буржуазно-помещичьего блока. Национальная революция на первых своих стадиях осталась именно национальной. Революция вплоть до 1928 г. не изменила распределения скота, она смягчила налоговый гнет, но скот, а тем самым фактически и пастбища остались в основном в руках князей и буддийской церкви. Революция не уничтожила торгово-ростовщическую эксплоатацию монгольского скотовода. Она не уничтожила эксплоатации основных масс со стороны князей и церкви. Развивающиеся рыночные отношения привели к медленному развитию монгольской торгово-ростовщической буржуазии. Но национальная революция уже перерастает в социальную. В 1929 г. в Монгольской народной республике начали приступать к конфискации скота феодалов. В 1930 г. началось широкое движение за коллективизацию аратских скотоводческих хозяйств. Началось движение за выход лам из монастырей и за выделение для них части монастырского имущества. Кооперативное движение начинает борьбу против китайского торгово-ростовщического капитала, контролирующего все еще значительную часть товаро-проводящей сети. Начинают организовываться первые промышленные предприятия для переработки с.-х. сырья. Хозяйство Монгольской народной республики вступает на некапиталистический, а стало быть, на социалистический путь развития, а это усиливает национальное движение основных масс во внутренней Монголии. Но это же усиливает и стремление китайской контрреволюции снова подчинить себе все монгольские территории. Японский империализм смотрит на монгольские земли, как на вторую Манчжурию, а монгольские князья и буддийская церковь во внутренней Монголии с помощью китайских генералов уже организуют княжеские ополчения, чтобы участвовать в контрреволюционной интервенции против Монгольской народной республики.

К этому присоединяется война и гнет милитаризма. Война означает налог, реквизиции, грабеж, гужевую повинность самого земледельца и его скота, бандитизм, бумажные деньги, военные боны, вандальское разрушение крестьянского имущества и т. д. и т. п. Но эти области постигают и другие беды. Так, например, до середины 1926 г. Фын Юй-сян был дуцзюнем этих областей, его колонизационное бюро продавало землю спекулянтам-офицерам, чиновникам и купцам, которые перепродавали ее поселенцам или сдавали ее им в аренду. Когда мукденцы прогнали «народную» армию Фын Юй-сяна и назначили своего дубаня, новый дубань объявил все заключенные при Фын Юй-сяне сделки недействительными, потребовал перерегистрации их и заставил всех покупателей

земли вторично внести за нее плату [1]. С тех пор около 80% крестьян находится в лапах ростовщиков. Это пример «неприкосновенности» частной собственности на землю в Китае.

Такие порядки приводят к быстрому истощению землю и рабочую силу производителя. Помещики, ростовщики, милитаризм, торговля и империализм отнимают у производителя решительно все, лишая его возможности улучшать производство основной массы китайского крестьянства, и даже в Манчжурии он не в состоянии воспроизводить свое хозяйство, что не исключает, а предполагает расцвет кулацкого хозяйства. Это же замечается и во внутренней Монголии.

Воспроизводство крестьянского хозяйства совершается в сокращенном масштабе. Что воспроизводство рабочей силы происходит только в сокращенном масштабе, об этом свидетельствует усиление бандитизма (хунхузы). Зато в областях колонизации воспроизводится бесконечная эксплоатация, кабала, забитость, приниженность производителя, воспроизводится в расширенном масштабе гнет империализма и милитаризма.

Может быть мы остановились на характеристике колонизационных областей подробнее, чем следовало бы, однако следует иметь в виду, что многие китайцы — и не только китайцы — считают, что в Собственно-Китае «нет помещиков», что «делить нечего», что «по сути дела там аграрного вопроса в смысле земельных отношений нет», что существует лишь аграрная перенаселенность и что этот вопрос можно разрешить лишь путем колонизации. Теория русских кадетов, либералов возрождается в Китае. В России эти господа считали, что «не потому надо уничтожить крепостнические латифундии, что они означают крепостническую эксплоатацию миллионов местного населения, кабалу его и задержку в развитии производительных сил, а потому, что нельзя сейчас сплавить миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан» [2]. В Китае многие думали, что не надо трогать арендных отношений, не надо экспроприировать «мелких помещиков», а надо сплавить миллионы крестьянских семей куда-нибудь в Манчжурию или во внутреннюю Монголию. Эти господа забывают только, что земельный фонд в Китае, т. е. площадь свободных земель, пригодных без особой затраты капитала для обработки, относительно невелика. Правда, по последним «официальным» данным в Мукденской провинции имеется 13 695 тыс., в Гиринской—32 161 тыс., в Хэйлунцзянской—88 844 тыс. му, итого 134 698 тыс. му пригодной для возделывания земли. В трех округах внутренней Монголии, по последним официальным данным, на 2 230 тыс. кв. ли живет не более 6 млн. чел. Свободных земель еще много, и даже при данном техническом уровне значительная часть их пригодна для земледелия без особых затрат капитала. Абсолютно земельный фонд велик, но для Китая, для китайского крестьянства, он, если и не капля в море земельного голода, то во всяком случае не всеспасительное средство. Улучшение техники китайского сельского хозяйства, создание оросительных сооружений, урегулирование рек, дренаж огромных болот, т. е. затрата капитала для превращения негодных земель в годные, смогут

---

[1] Из доклада тов. Климова.
[2] Ленин, Собр. соч. т. IX, 451.

удвоить, утроить земельный фонд Китая. Но предпосылкой к этому является уничтожение земельных порядков в Китае. Ибо «гадать о том, какое именно количество земель могло бы быть превращено в России из «негодных» в годные, бесполезно. Но необходимо отчетливо сознать тот факт, который доказывается всей хозяйственной историей России и который составляет крупную особенность русского буржуазного переворота. Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета»[1].

Эти слова Ленина верны также для Китая. Без уничтожения старых земельных порядков в новых колонизационных областях воспроизводятся земельные отношения Собственно-Китая. Там насаждаются кабала, помещичий гнет, ужасы китайской аренды, бесправие, милитаризм, голодовка и гибель миллионов крестьян.

Вся история всех колонизационных областей учит нас, что в области колонизации воспроизводятся общественные отношения колонизирующей страны. Английские переселенцы сбежали от крупного помещика из Англии в Америку, но английские помещики попытались превратить Америку также в страну крупных латифундий. Эту попытку разбила лишь революция, война за независимость. В Канаде и Австралии английские крупные капиталисты превратили свободную землю в предмет спекуляции. В Латинской Америке испанская и португальская колонизация создала феодальные латифундии. Во внутренней Монголии и Манчжурии воспроизводятся на землях новой колонизации китайские земельные отношения.

В довершение всего на сцену выступает империализм. Японский капитал уже приступает к проведению «положительной политики» в Манчжурии и Монголии. Огромные сверхприбыли, выкачиваемые Японией из Южной Манчжурии, уменьшаются. Совместное царство Чжан Сюэ ляна и Японии находится уже в тисках финансового и экономического кризиса. Мелкие и средние японские предприятия работают в убыток и идут к банкротству, а норма сверхприбыли крупнейших предприятий также снижается. Сокращается японский ввоз в Манчжурию. Японский империализм переживает кризис у себя дома и поэтому ищет новую хозяйственную территорию. Бросив вызов китайской революции, он заявляет о своих притязаниях на всю Манчжурию и внутреннюю Монголию.

Китайского переселенца ожидают на свободных землях не только китайские земельные порядки, но и империализм. Так замыкается круг, который прорвет только революция.

В то же время следует отметить, что в колонизационных областях, в первую очередь в Манчжурии, скорее, чем где бы то ни было в Китае, растут капиталистические отношения. Несмотря на выкачивание накоплений этих областей японским империализмом и на разорение, причиняемое гражданскими войнами, несмотря на рост бандитизма (хунхузы) и налоговый грабеж, реквизиции, несмотря на то обстоятельство,

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, 451.

что ростовщичество здесь, как и всюду в Китае, действует задерживающе на развитие капитализма, в этих областях скорее, чем в какой бы то ни было другой области нарождается кулацкое хозяйство, и развитие капитализма в сельском хозяйстве происходило и происходит быстрым темпом, более быстрым, чем в какой бы то ни было другой части Китая.

В то же время несомненно, что Манчжурия участвует в большей мере в мировом районировании сельского хозяйства, в мировом разделении земледельческого труда, чем какая бы то ни было другая крупная область Китая. Манчжурия превратилась в смысле торговой культуры в страну соевых бобов. Как для Бразилии и еще девяти латино-американских стран — кофе, для Малайских штатов — каучук, для Кубы — сахар, для Индии — хлопок, джут и чай, для Цейлона — чай, для Австралии — пшеница и шерсть, для Канады и Аргентины — пшеница, для Индо-Китая и Сиама — рис и т. д., так для Манчжурии соевые бобы являются главным предметом экспорта. В этом отношении Манчжурия также стала монокультурной страной, хотя наряду с соевыми бобами разведение гаоляна и пшеницы играет большую роль в сельском хозяйстве страны. Но в условиях империализма Манчжурия именно поэтому и страдает от всех последствий монокультуры. Разведение соевых бобов все больше и больше распространяется и в других странах; в самой Манчжурии посевы под соевыми бобами быстро расширяются; в то же время развитие химической промышленности обесценивает побочный продукт переработки соевых бобов — жмыхи; минеральные удобрения начинают вытеснять жмыхи в Японии; земляные орехи и другие виды масляничных семян начинают все сильнее конкурировать с соевыми бобами. Наступил кризис перепроизводства соевых бобов. Цены на сою и на соевое растительное масло за последние годы постепенно снижались, и когда в 1929 г. разразился мировой экономический кризис, цены на соевые бобы катастрофически упали. К этому добавляется, что основной потребитель соевых масел, химическая промышленность, все более концентрируется. В 1929 г. объединились крупнейшие английский и голландский тресты по переработке растительных масел. В самом Китае четыре крупнейшие мыловаренные и химические предприятия также объединились в один концерн. А монополистические объединения воспользовались кризисом, для того чтобы снижать дальше цены на нужное им сырье.

Крестьянство Манчжурии испытывает на себе и по этой части все прелести монополистического капитализма. Мировой экономический кризис стал источником углубления кризиса колонизации в Манчжурии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VIII.

ФОРМЫ И ХАРАКТЕР ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КИТАЕ.

В Китае существуют разнообразные формы земельной собственности. Перечисление их начнем с менее важных по своему удельному весу видов:

1. Удельные земли. После водворения манчжурской династии император захватил для содержания двора изрядное количество китайской земли. Родственники императора также не стеснялись. Захаров указывает [1], что в 1840 г. удельные земли составляли все еще 35 772 цина [2] и 75 му. Кроме того император пожаловал земли князьям разных степеней и членам императорского дома.

Содержание императорского двора стоило китайскому крестьянину 1 056 тыс. таэлей серебром, кроме тех «подарков», которые каждый чиновник отдельно присылал богдыхану и его двору. Сверх того для содержания императорского двора из крестьянства выжимали дань продуктами, рисом, бобами, шелком и т. д. Но «сверх денег из казначейства и подарков, удельные крестьяне доставляют множество вещей, нужных по хозяйству, посему пекинский двор по столу ничего не заимствует из государственных доходов» [3]. В начале господства манчжур удельные крестьяне были прикреплены к земле. Еще в XVII в. смертная казнь угрожала не только сбежавшим крепостным, но и тем, которые предоставили им убежище. Скоро манчжурская знать промотала большую часть своих земель. Что же касается удельных земель, то после свержения Манчжурской династии удельные крестьяне в Хобэе перестали вносить оброк. Когда Чжан Цзо-лин стал хозяином Хобэя, бывший император обратился к нему с просьбой восстановить «порядок» и заставить крестьян платить аренду. Чжан Цзо-лин издал соответствующий декрет [4]. Мы не знаем, платят ли аренду крестьяне или нет. Следует полагать, что они не платят, ибо бывший император, проживающий в Тяньцзине, испытывает хронические финансовые затруднения. Удельные земли, расположенные в Манчжурии, все еще считаются собственностью бывшего императора.

На удельных землях разводили овощи, плодовые деревья, сахарный тростник, хлопок, цветы, индиго. Вот почему Бэйпин и Тяньцзинь до сих пор лучше других китайских городов обеспечены продуктами огородничества и садоводства. Значение удельных земель в настоящее время ничтожно.

---

[1] Захаров, Поземельная собственность в Китае.

[2] 1 цин—около 100 му—около 6 *га*. Манчжурские вельможи измеряли свои земли мерой в 2—3 раза больше обыкновенной.

[3] Иакинф, Китай в гражданском и нравственном состоянии, 21.

[4] Сообщение проф. Иванова.

2. Знаменные земли. Армия манчжур состояла из восьми «знамен», на содержание которых казна тратила ежегодно 5 951 478 таэлей серебром и 3 022 269 мешков риса. Содержание войск зеленого знамени, состоявших из китайских войск, перешедших на сторону манчжур, обходилось сверх того в 14 096 909 таэлей серебром и 1 666 239 мешков риса [1].

Эту сумму денег и это количество продуктов доставляли в Пекин. Сколько осталось у местных властей и сколько прилипло к рукам откупщиков — никому неизвестно.

Кроме того манчжурская знать захватила изрядное количество земли, и в середине XIX в. считалось, «что земель, состоящих во владении восьмизнаменных столичных и внешних чинов и солдат, всего определялось в 140 191 цин и 70 му» [2].

Продажа знаменных земель лицам, стоящим вне знамен, запрещалась, но запрещение это не соблюдалось.

Власть денег оказалась сильней, чем власть императорского декрета. Манчжурская знать прокучивала свои земли. Императорский двор тратил немало казенных денег для выкупа знаменных земель, но процесс обезземеления манчжурской военщины шел неудержимо.

Торгово-ростовщический капитал разоряет не только крестьян, но часто и феодалов. Во второй половине XIX в. продажа знаменных земель была объявлена свободной. Теперь в Хобэе уже нет знаменных земель, в Манчжурии эта форма земельной собственности также разложилась почти совершенно.

Коренные жители страны — манчжуры — оттеснены волной колонизации к верхнему течению Сунгари, к подступам гор. Каковы там земельные распорядки, сохранился ли там еще институт знаменных земель — нам неизвестно.

Иначе сложилась судьба монгольских знаменных земель. Монголы были союзниками манчжур при завоевании Китая, и манчжуры вознаградили монгольских князей признанием земельной собственности монгольских знамен. Китайцам запрещалось приобретать и даже арендовать принадлежащие кочевым монголам земли, и власти «иногда вооруженной рукой останавливали многочисленные нашествия переселенцев».

Теперь, после открытия царских архивов, мы уже знаем, что это проводилось отчасти и под давлением российского правительства. Однако «нашествие переселенцев», проникновение ростовщическо-торгового капитала, постройка железных дорог сокрушили и здесь устои знаменных земель. После подавления боксерского восстания Пекин под давлением финансовых затруднений сам организовал в 1902 г. «колонизационное бюро» для скупки и продажи монгольских знаменных земель. Началась колонизация монгольских земель китайцами. Кроме финансовых соображений Пекин поощрял эту колонизацию и как меру борьбы против империализма царской России, которая после захвата Манчжурии стремилась к захвату в первую очередь монгольских областей.

Итак мы видим, что завоевание Китая манчжурами вызвало к жизни в некоторых частях Китая (в Столичном округе и в провинции Хобэй)

---

[1] Иакинф, Статистическое описание Китайской империи, 133.
[2] Захаров, Поземельная собственность в Китае, 45.

подобие феодальной организации землевладения в виде коронных и знаменных земель. Подобные явления имели место в Китае и при завоевании страны Вэйской династией и во времена монголов. С другой стороны, мы видим, что торгово-ростовщический капитал оказал в данном случае революционизирующее влияние в политическом отношении, разрушив старые формы собственности и подорвав одну из основ могущества манчжурской знати. Что же касается монгольских знаменных земель, то перед нами явления несколько иного порядка. Монгольские родовые земли не являлись и не являются так же собственностью монгольских князей, этих родовых государей пастушеских племен, а являются или, вернее, являлись собственностью рода, но торгово-ростовщический капитал, разлагая монгольские роды, подорвал и подрывает основы родовой собственности и фактически превращает князей в феодальных земельных собственников, для того чтобы впоследствии лишить их земельной собственности.

В данном случае проникновение капитала вызвало ускоренный переход не только к развитию рыночных отношений, но также и к процессу феодализации земельных отношений. Князь стал феодальным собственником пастбищ, составлявших собственность монгольского рода, чтобы впоследствии потерять эту собственность. Он лишил монгольских пастухов земли, а его земли захватил китайский капитал. В данном случае капитал действует революционизирующе на монгольские роды не только в том смысле, что вынуждает их переходить к оседлому земледелию, но и в том, что ускоряет их расслоение на классы.

3. Монастырские, церковные и учрежденческие земли. Чрезвычайно интересна та черта китайской истории, что в Китае «мертвая рука» не могла на более или менее продолжительный срок укрепиться в качестве земельного собственника. Правда, буддийская церковь не отличалась особым «воздержанием». Так, когда при Ганской династии в IX в. произведена была первая «конфискация церковного имущества», то в поместьях и мастерских буддийских монастырей было обнаружено 257 тыс. полусвободных арендаторов и 150 тыс. рабов; при этом было конфисковано несколько десятков миллионов цин земли. К концу Минской династии церковное имущество было опять конфисковано, а конфискованные земли впоследствии были разграблены родственниками императора, чиновниками и т. д. Секуляризация церковного имущества сопровождалась повидимому не только в просвещенной Франции разграблением этого имущества. Как бы то ни было, или конфискация монастырских земель не была достаточно основательной или церковь впоследствии снова приступила к грабежу крестьянских земель, но в настоящее время в Китае мы снова находим этот вид земельной собственности. Слов нет, монастырские и церковные земли в Китае играют меньшую роль, чем в Индии, на Филиппинах и т. д. В Индии только в Бомбейской провинции больше миллиона крестьянских хозяйств арендуют землю «инамдаров». На Филиппинах католическая церковь ограбила во время испанского господства огромные земельные пространства, и «просвещенный» американский империализм теперь защищает эту землю против крестьянских выступлений. В мусульманских странах вакуфная собственность играет огромную роль. В Китае церковная собственность на землю имеет меньший удельный вес.

Но не только монастыри, отдельные храмы также грабили землю и сдавали ее в аренду крестьянам, сдирая с них половину урожая, а иногда и больше. Училища, в которых воспитывались будущие чиновники и окончание которых давало «ученую степень», равно как клубы лиц с ученой степенью, существовавшие в больших городах, также владели пожалованными землями. Землю имели даже отдельные городские и сельские учреждения, даже общественные амбары. «Оброк употребляется на общественные расходы или вспомоществования в случае какого-нибудь бедствия», говорит Захаров (мы уже знаем, что «общественные расходы» попадали в карман чиновника). Тот же Захаров утверждает, что «количество этих трех видов земель весьма незначительно, около 21 333 цин 13 му» [1]. А мы утверждаем, что в данном случае замечательный знаток Китая — Захаров — говорит явную нелепость.

Потомок Конфуция — принц Кун — владеет в Шаньдуне несколькими тысячами му, а в Хобэе свыше 12 тыс. му. Потомки ученика Конфуция Мэнцзы имеют также несколько тысяч му в Шандуне. То же относится к потомкам другого ученика Конфуция, Яна. Храм Мэнцзы в Чжоусяне владеет 5 тыс. му, могила Конфуция — не меньше. Джемисон обнаружил в 1880 г. на Северном Цзянсу буддийский монастырь с крупным по китайскому масштабу имением в 30 тыс. с лишним му. Профессор Бак обследовал только 102 хозяйства в Аньхуе, и там также фигурирует 920 му монастырской земли. В газетах и сейчас неоднократно попадаются сообщения о продаже училищных земель. В начале 1927 г. большое волнение вызвало в Бэйпине намерение военного министерства продать землю храма бога войны. Министерство внутренних дел объявило о продаже с публичных торгов земель храма Неба и храма Конфуция. Но все это мелочь по сравнению с монастырскими землями в Хунани. Поместья буддийских монастырей играют значительную роль в земельных отношениях этой провинции и занимают десятки, а может быть и сотни тысяч, если не миллионов му. В Гуандуне и в Гуанси мало монастырских земель. В Чжэцзяне даосы имеют несколько тысяч му.

К сожалению у нас нет данных о том, как обстоит дело с вакуфными землями в мусульманских частях Китая, на северо-западе, в Китайском Туркестане, в Юньнани. Этот вопрос еще не изучен.

Как обстоит дело в других провинциях, точно мы не знаем. Во всяком случае Захаров прямо-таки непомерно преуменьшает размер монастырских, храмовых, учрежденческих и училищных земель. Однако общее впечатление всех исследователей таково: церковь в качестве земельного собственника играет в Китае сравнительно небольшую роль.

Несомненно также, что за последнее время ускоренным темпом идет распродажа храмовых, учрежденческих и училищных земель. В этом отношении даже нанкинский гоминдан оказался радикальным. В отдельных провинциях, находившихся под властью Нанкина, делались попытки к закрытию церквей, к введению нового календаря и к конфискации церковных и монастырских земель. Но из этой гоминдановской конфискации крестьянству не перепадало ничего. Конфискованная земля распродавалась помещикам, купцам, ростовщикам и прочим столпам гоминдановской контрреволюции.

---

[1] Захаров, Поземельная собственность в Китае, 46.

4. Военные поселения. Они создавались для отражения нашествий кочевников, а также для борьбы с «внутренним врагом». Земли военных поселенцев нельзя было продавать. Владельцы их были военнообязанными. При Юаньской и Минской династиях военные поселения играли большую роль. После водворения династии Минов $^1/_7$ часть всей пахотной земли была отведена военным поселенцам. Манчжурская династия также создала военные поселения. Но во время походов эти хозяйства приходили в упадок, земли захватывались военачальниками, и военные поселенцы попадали в худшее положение, чем обыкновенные крестьяне. В середине XVIII в. считалось, что военные поселения составляют 259 416 цин земли против 400 тыс. цин к концу XVII в. Когда начались попытки организовать армию по современному образцу, военных поселенцев стали превращать в обыкновенных крестьян. Они и раньше платили поземельный налог, но теперь в виде выкупа военных повинностей с них стали сдирать больше налогов, чем с обыкновенных крестьян. В 1898 г. военные поселения были отменены. Так кончилась история китайского казачества.

Итак эта форма земельной собственности разложилась уже в начале XX в., и, по некоторым сведениям, жалкие пережитки ее существуют еще только в Китайском Туркестане. Мы не могли однако проверить эти сведения.

5. Клановые или родовые земли. Если рассматривать развитие собственности в исторической последовательности, то первой формой собственности являлась общинная собственность. Общинная собственность была исторически первой формой собственности и в Китае. Форма деревенских общин, покоящаяся на общинном землевладении, была первоначальной формой и в Индии и в Китае. Так считал Маркс [1]. Маркс и Энгельс уже в своих наиболее ранних работах подчеркивали, что «первой формой собственности является родовая собственность».

«Последняя соответствует неразвитой ступени производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предлагает огромную массу лежащих еще в пусте земель. На этой ступени общественной жизни разделение труда еще очень слабо развито и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье натурального разделения труда. Поэтому общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: это патриархальные главы рода, под ними — члены рода, в самом низу — рабы. Скрытое имеющееся в семье рабство, развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и вместе с расширением внешних сношений, а также войн и меновой торговли» [2].

Несомненно, что в Китае, точно так же, как и в Индии, основной ячейкой общества была община. Родовая община разложилась в Китае еще за несколько сот лет до хр. эры по причинам, которые приводили к разложению ее в других частях мира (завоевания, войны, необходимость орошения, разделение функций внутри общины, обмен

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 313.
[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, Гиз, 1924. т. I, 254.

между общинами, обмен внутри общины и т. д.). Сельская община, как земельный собственник, разложилась под влиянием тех же факторов. Общинная собственность разрушается уже в III в. до хр. эры.

Знаменитый полководец и император Цинской династии Цин Шихуанди отменил декретом общинное землепользование. Так утверждают китайские летописи. Тем более поразительно, что в южных провинциях Китая (Гуандун, Фуцзян, Гуйчжоу, Гуанси и отчасти Сычуань) родовая собственность все еще играет огромную роль точно так же, как остатки родового уклада жизни. Родовая община в этих провинциях иногда совпадает с сельской общиной. С другой стороны, часто бывает, что в одной деревне проживают члены трех, четырех и больше родов. Но один род или клан часто охватывает целый ряд деревень. И, что замечательнее всего, наряду с родовой собственностью мы видим и частное землевладение в одной и той же деревне. Родовая собственность вовсе не совпадает не только с землевладением, но даже с землепользованием членов рода. Родовые земли сдаются в аренду как членам рода, так и не-членам, и только доход с родовых земель считается, хотя бы формально, общей собственностью рода. Ниже мы увидим, как выглядит эта общая собственность на деле.

Ниже мы увидим, что форма родовой собственности заполнилась совершенно другим содержанием.

В Китае остатки родового строя или, вернее, идеологическая надстройка родового строя все еще сильно довлеют над народными массами. Преклонение перед предками — в той или иной форме основа всех китайских культов, китайского буддизма, конфуцианства, даоизма и религиозного мировоззрения народных масс, которое даже определенного названия не имеет. Велика власть и сила этого культа над сознанием масс. Китайский крестьянин разоряется, попадает в лапы ростовщика, продает себя в долгое рабство, чтобы похоронить своего отца или брата на семейном кладбище. В середине XIX в. в Фуцзяни, в Гуандуне (и во всех вообще провинциях, в которых сохранилась родовая собственность) убийства, разбой, поджоги домов, похищения женщин, разрушение водоснабжения, разрушение клановых кладбищ и храмов были обычным делом. Кланы, преследуемые властями по обвинению в этих преступлениях, выдвигали отдельных членов клана, которые брали на себя ответственность за весь клан, сидели в тюрьме, шли на казнь. Клан в подобных случаях давал деньги и землю семье умершего. Еще в 1923—1926 гг. в Гуандуне подобные явления были в обычае, и реакция в деревне опиралась главным образом на клановые предрассудки крестьянских масс. Китайское право вплоть до свержения манчжур признавало круговую поруку клана и семьи за своих членов, и по сути дела эта круговая порука и сейчас отменена только на бумаге на тех территориях, где сохранились кланы.

В других частях Китая, где родовой собственности нет или где она играет, в виде собственности храма предков, ничтожную роль, само название деревни часто напоминает о ее происхождении из родовой общины. Названия вроде «деревня Ли», «деревня Чжанов», «деревня Ванов» и т. д. попадаются очень часто, но уже редко встречаются деревни, все жители которых были бы на самом деле связаны родственными узами. В китайской письменности существует лишь 200 фамильных иеро-

глифов, т. е. лишь 200 имен (фамилий) семейств; иными словами, весь китайский народ ведет свое происхождение от 200 родов или кланов. Подобные бытовые, социальные и религиозные надстройки загнивают очень медленно, особенно если существованию их способствует застойный характер хозяйства, государственное поощрение, правовые отношения, бытовые обряды и религиозные учения. Богатые и знатные семейства в Китае все еще считают хорошим тоном, если 3—4 поколения семьи живут в одном и том же доме. Идеологическая надстройка оказывает иногда обратное влияние на хозяйство, и в Манчжурии и во внутренней Монголии, в условиях земельного простора встречаются, хотя очень редко, семьи из 180—200 и больше человек.

Колонизация новых областей, где существует большой земельный простор, способствует размножению отдельных семейств и их развитию в род, причем семьи эти некоторое время, иногда в течение трех-четырех поколений, сохраняют общую собственность.

Семья и родственная связь играют в идеологии китайского народа во всяком случае неизмеримо большую роль, чем в жизни европейских или американских народов. В Японии, где капитализм уже загнивает в форме империализма, идеологическая надстройка давно отжившего родового строя так сильна, что во время клановых праздников рабочий и арендатор сидят за одним столом с «сородичем» министром или банкиром, который расстреливает их во время забастовок или крестьянских волнений. Разложение этой идеологии идет за последнее время в Китае необычайно быстро, и в связи с этим китайская литература и публицистика полны жалоб по поводу «падения нравственности».

Посмотрим теперь, в чем сходство и в чем отличие теперешней китайской родовой общины от родового строя, имевшего место в других странах. Энгельс, следуя греческой истории Грота, так суммирует характерные черты афинского рода:

1. Общие религиозные празднества и исключительное право отправлять жреческие обязанности в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода.
2. Общее кладбище.
3. Право взаимного наследства.
4. Обязанность оказывать друг другу помощь, защиту и поддержку.
5. Взаимное право и обязанность в известных случаях, когда дело касалось девушек, сирот или наследниц, вступать в брак внутри рода.
6. Обладание, по крайней мере, в некоторых случаях общим имуществом с собственным архонтом (старшиной) и казначеем [1].

Но еще ближе к основным чертам китайского рода данная Энгельсом характеристика римского рода, ибо в Риме уже господствовала частная собственность.

Там в эпоху разложения ограничного общественного строя уже появляется юридическое представление о частной собственности. Но

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 66. — Ввиду исключительной важности этого вопроса с точки зрения китайского быта одна из первых задач киткомпартии в области обогащения китайской марксистской литературы должна состоять в переводе этого труда Энгельса на китайский язык.

остатки родового быта и пережитки родовой собственности пережили разложение родовой собственности.

«Взаимное право наследования членов рода... Наследовали в первую очередь дети, как единоутробные наследники... Обладание общим кладбищем; род (Квинтилианский) обладал еще особым могильным курганом... Общие религиозные празднества... Обязательство не вступать в брак внутри рода... Общее землевладение... У латинских племен находим землю во владении племени, частью рода, частью отдельных хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи... Однако мы еще позднее застаем землю в руках рода... Обязанность сородичей защищать и помогать друг другу. Право носить родовые имена»[1].

Рассмотрим теперь организацию и жизнь нескольких кланов в Гуандуне, где клановые земли занимают 30—40% всей посевной площади[2]. Берем несколько примеров:

а) Клан У живет в деревне Хок-Дун уезда Паньюй. Клан имеет 500 членов и состоит из 100 семейств, которые делятся по родству на 7 больших семей. Клан имеет храм предков, в котором разрешаются общественные дела, празднуются праздники, происходят собрания клановых старшин. Клан владеет землей стоимостью в несколько тысяч долларов. Земля может быть продана лишь с согласия большинства клана. Клановая земля сдана в аренду. Доходы идут по правилам на вспомоществование бедных членов клана, на организацию обороны клана и покрытие расходов, вызванных клановыми празднествами. Общественные дела находятся в ведении совета клана, который собирает поземельный налог, распоряжается доходами клана, разрешает конфликты внутри клана, управляет делами деревни, содержит школы, организует миньтуаней, представляет клан перед властями, заботится об исправлении дорог и мостов. Власть находится в настоящее время в руках богатейшего члена клана, являющегося начальником миньтуаней. 80% членов клана — безземельные крестьяне. Они арендуют земли богатых членов клана, либо клановые земли. Условия аренды не отличаются от обычных в уезде кабальных условий. Бедные члены клана получают в ссуду деньги у богатых под обычный ростовщический процент. Между членами клана происходят часто на этой почве вооруженные конфликты.

b) Клан Кун ведет свое происхождение от Конфуция. Состоит из 8 семейств. Имеет 100 му клановой земли и храм предков. Доходы с 65 му должны покрывать расходы на жертвоприношения, клановые празднества, миньтуаней. Доходы с 10 му служат для поддержки членов клана, вступающих в брак. Доходы с 10 му идут на пособия учащимся членам клана (2 долл. в год каждому). Доходы с 10 му идут на подарки новорожденным (2 долл. каждому). Доходы с 5 му покрывают расходы по помощи вдовам. Делами клана ведает совет, в который входят члены клана старше 60 лет, главы семейств и все джентри дан-

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства 80—81.

[2] Здесь мы пользуемся собранными т. Иолком материалами, которые пока не могли войти в труд т. Волина и Иолка о крестьянском движении в Гуандуне. Материалы, относящиеся к Хубэю, собраны крестьянскими союзами и систематизированы Иолком. Для наших целей будет достаточно передать эти ценные данные в сильно сокращенном виде.

ного клана. Члены клана, сдавшие экзамен, занимавшие или занимающие государственную должность, считаются джентри. Богатые члены клана предоставляют ссуды бедным членам клана под ростовщический процент.

c) Клан Ван состоит из 2 тыс. членов и делится на 300 семейств. Клан имеет храм предков. Отдельные группы семейств внутри клана, связанные более близкими родственными связями, имеют отдельные храмы предков. Клану принадлежит около 4 тыс. му земли, которая может быть продана лишь с согласия всего клана. Земля сдается в аренду. Доходы с 800 му распределяются таким образом: воспитание, школы — 2 тыс. долл., празднества клана — 1 300, пособия по случаю брака — 15, пособия по случаю рождения ребенка — 1, помощь старикам — от 8 до 10, помощь в случае похорон — 4, содержание дорог — 100, содержание миньтуаней — 1 000, проценты по долгам клана — 1 400 долл. Приблизительно так же распределяются доходы с остальных земель. В совет клана входят члены старше 45 лет, занимавшие или занимающие государственные должности, богатые и влиятельные лица и главы семейств. В действительности, власть и распоряжение деньгами находится в руках 2—3 богатых и влиятельных членов клана, и совет почти никакого значения не имеет. 70—80% членов клана состоит из безземельных крестьян, которые арендуют землю на очень тяжелых условиях. Ростовщичество — обычное явление в среде клана.

d) Чтобы не дать возможности заподозрить достоверность «большевистского» описания клана, приведем несколько слов из составленной «беспристрастным» американцем Кульпом характеристики клана в деревне «Феникс» [1]. Клан имеет храмы предков и владеет землей, которая может быть продана только с согласия всех членов клана. Клан покрывает расходы на судебные процессы с другими кланами, предоставляет пособия в случае похорон, поддерживает учащихся, вознаграждает членов клана, сдавших экзамен, помогает вдовам, содержит в исправности храм предков, могилы, мосты, дороги. Руководство кланом находится в руках старших. «Однако, коррупгные вожди клана эксплоатируют разделение деревенского населения и присваивают клановые фонды, и это не влечет за собой даже порицания». В настоящее время руководство кланом находится в руках двух вождей, имеющих ученую степень. «Солидарность и единство в клане разрушаются... Часть членов клана обращается за помощью скорее к чужим, чем к вождям своего собственного клана». Взаимоотношения между членами клана положительно враждебные. Клан делится на 3 социальные группы. Богачи составляют 18%, середняки — 31%, бедняки — 51% общего числа членов клана. Богачи имеют больше риса, чем нужно для личного потребления. Они дают ссуды под проценты. Бедняки еле-еле сводят концы с концами. «В деревне Феникс, — пишет Кульп, — борьба идет уже между двумя социальными системами, хотя лидеры клана не сознают еще характера враждующих сил». Вожди кланов поняли, однако, значение крестьянских союзов и с помощью миньтуаней и бандитов убивали членов собственного клана, если это соответствовало интересам помещиков. Они поняли, что для того, чтобы потопить в крови крестьянское восстание, приходится прибегать к убийству членов собственного клана. Они поняли,

[1] Culp, Country Life in South China, New-York 1925 г., 109.

что солидарность и единство клана давным-давно полетели к чорту и что внутри давно отжившего клана противостоят друг другу два класса.

Из этих описаний видно, что основное различие между греческими и римскими кланами древней эпохи, с одной стороны, и китайскими кланами — с другой, заключается в том, что в Греции и в Риме общинная собственность уже разложилась и создалась частная собственность на землю, в Китае же сохранилась родовая собственность. Если сравнивать китайские роды с первобытными родами в Западной Африке или на Южных островах, то оказывается, что там общинная собственность совпадает с общинным землепользованием, а в Китае этого уже нет. Общинная земля сдается в аренду и членам клана и лицам, не принадлежащим к клану. Общинная собственность здесь отнюдь не совпадает с общинным землевладением. Как видно, китайская родовая собственность носит совершенно своеобразные черты. Каким образом родовая собственность приняла свою настоящую форму, мы не знаем. В силу каких обстоятельств «большие люди» клана не захватили родовых земель, мы не знаем. Но даже в настоящее время прямому захвату клановых земель «большими людьми» клана мешает традиция, борьба между отдельными джентри внутри клана. Поэтому они захватывают доход с земли, а не самую землю. Суммы, предназначенные на воспитание, идут на воспитание детей богатых и влиятельных членов клана. Миньтуани — это вооруженная сила богатых против бедных сородичей. Дороги и мосты не исправляются. Они содержатся в областях родовой собственности за счет клана. Часть «праздничных» денег идет в карман джентри. Проценты по займам клана в большинстве случаев также попадают в карман вождей клана. Клановые фонды служат оборотным капиталом джентри для ростовщических сделок. В одном случае на клановые средства была приобретена шелкопрядильня. «Древний клан становится акционером современного капиталистического предприятия. Но дивиденды достаются не безграмотному мужику, члену клана, а разумеется, ловкому джентри-воротиле. В плохой год, когда цены на мировом шелковом рынке делают шелкопрядильню убыточной для данного года, убыток целиком заносится в клановую «отчетность» и списывается с клановых сумм», пишет т. Иолк. А суммы, которые достаются членам клана в связи со всякими праздниками, смехотворно ничтожны.

В этой связи возникает ряд вопросов. Почему клановые земли сохранились именно в некоторых южных провинциях? Потому ли, что южные провинции Китая колонизировались китайцами в более поздние времена, чем северные и центральные? Потому ли, что аборигены в этих провинциях, опираясь на свой родовой строй, оказывали более упорное сопротивление китайским колонистам? Потому ли, что южные провинции в меньшей степени были подвергнуты нашествиям, войнам, стихийным бедствиям?

Мы вынуждены предоставить китайским марксистам разрешение задачи изучения и изложения хода исторического возникновения, развития и вырождения родовой собственности. Мы не достаточно знаем предмет, для того чтобы разрешить эти вопросы в исторической конкретности. Но китайский быт и китайское общество нельзя понять, если не учесть власть и силу остатков идеологической надстройки давно отошедшего в прошлое родового быта.

И как мы видим, остатки и пережитки родовой собственности играют в земельных отношениях важную роль.

Остатки и пережитки родовой и сельской общины мы можем найти и в других отсталых странах, точно так же, как остатки и пережитки самого родового строя. В решающих частях Индии от классической сельской общины остались лишь рожки да ножки. Но в северо-западных пограничных провинциях остатки родового строя еще играют большую роль, хотя род там быстро разрушается и ускоренным темпом идет переход к частной собственности на землю. В пяти провинциях Индии из восьми, на территории в 120 тыс. кв. миль с населением в 11 млн. жителей также имеются остатки родового строя, не говоря уже о Бирме, Непале, Белуджистане. В Индонезии сельская община оказывала упорное сопротивление вплоть до конца XIX в. процессу разложения, и общинная собственность все еще сохранилась в 13 тыс. деревень. Правда, теперь ускоренным темпом идет разложение сельских общин, выделение из общины, удлинение сроков общинных переделов. В северо-африканских французских колониях, в Тунисе, Алжире, и в особенности в Марокко, французский империализм все еще наталкивается на родовой строй, сильно выродившийся и разложившийся, но все еще сопротивляющийся земельному грабежу. В Арабистане роль сельских общин и остатков родового строя велика. В Центральной и Южной Африке остатки и пережитки родового строя еще весьма сильны и пожалуй здесь во многих случаях скорей можно говорить о начале процесса разложения, чем об остатках и пережитках. В Центральной и Южной Америке индейская сельская община играет еще весьма большую роль. Разумеется, в третий период послевоенного развития империализма капитал усиленно атакует остатки и пережитки этих давнишних общественных организаций, подрывая, разрушая, уничтожая их. И совсем не случайно то, что в Кеньи, Нигерии, Боливии, Афганистане, Марокко, Судане, в Южно-африканском союзе, на Самоа — общины и роды выступали с оружием против империализма.

В Китае господствующие классы всеми средствами физического и умственного насилия старались укрепить идеологическую надстройку для сохранения своего господства, для затушевания классового расслоения общества. Торгово-ростовщический капитал «коммерциализировал» эту народную «религию», подобно тому как коммерциализировала свои учения католическая и православная церковь. В условиях денежного хозяйства и раздробленного землепользования религиозные обряды и бытовые обычаи, вытекающие из этой идеологической надстройки, неимоверно способствуют пышному расцвету ростовщичества. В 1880 г. гуандунский крестьянин привел как одну из главных жалоб обследовавшей его хозяйство англичанке Филь тот факт, что «женитьба дорожает; 20 лет тому назад она стоила 30, а теперь 100 долл.» [1]. В 1926 г. из 43 крестьян, вынужденных продать свою землю, 9 продали ее из-за ростовщика, а 4 — из-за расходов на похороны или женитьбу [2]. Наряду со стихийными бедствиями бытовые обряды являются важными причинами нарушения равновесия крестьянского бюджета и

---

[1] Jemisson, Land Tenure in China, 121.
[2] Volin and Iolk, The Peasant movement in Kwantung, 225.

задолженности крестьянина. Недавнее обследование 192 крестьянских хозяйств в Индии показало, что 152 хозяйства находятся в тяжелой задолженности у ростовщика, причем 93 попали в лапы последнего в связи с расходами на семейные и кастовые празднества, похороны и женитьбу[1]. В отчетах Королевской комиссии по земледелию в Индии можно найти бесконечно много указаний на бытовые обычаи, как первый толчок на путь к ростовщику.

В Китае часто толкают крестьянина в объятия ростовщика похороны близких, мертвые господствуют над живыми. Но эта коммерциализация религиозных и бытовых обрядов создала предпосылки к их разложению. В деревне этот процесс идет медленно. Обряды, связанные с почитанием предков, укоренились глубоко в народном сознании. По мнению многих наблюдателей, 1% — буквально 1% — посевной площади занят в Китае могилами. Не шутка, а факт, что в городе Ханчжоу оборот так называемых «жертвенных» денег, которые сжигаются во время похорон для успокоения злых духов, достигает 15 млн. долл.

Выделка этих денег является особой отраслью ремесла и капиталистической домашней промышленности. Обычаи и обряды господствующих классов были переняты народом. Конкубинки императоров уродовали себе когда-то ноги, и до сих пор 70 млн. китайских крестьянок качаются на изуродованных ногах. Крупный мандарин обязательно носил длинные ногти на пальцах, чтобы показать, что он не занимается трудом; а мелкие купцы и чиновники ходят также с длинными ногтями. Китайский крестьянин отстаивает свою землю руками, ногами и зубами, но готов продать ее, чтобы благопристойно похоронить родителей.

Идеологическая надстройка, обряды и обычаи давно минувшего строя имеют еще известное влияние даже на рабочий класс. Китайский промышленный пролетарий не порвал еще своей связи с деревней. Неимоверное снашивание рабочей силы, вытекающая отсюда текучесть состава городского пролетариата, постоянное пополнение рядов последнего женщинами и кули из деревни, — все это вместе взятое привело к тому, что даже часть конфликтов между нанимателями и рабочими разыгрывается вокруг этих вопросов. Достаточно прочитать коллективные договоры, заключенные даже революционными профсоюзами, чтобы убедиться в этом. Непрерывность капиталистического производства несовместима со старыми обычаями, и предприниматели ведут ожесточенную борьбу против ухода рабочих на время похорон либо женитьбы родственников или на время клановых, семейных и деревенских праздников. Рабочие охотнее отказываются от еженедельного или ежемесячного отдыха, чем от права праздновать «свои» семейные праздники. Разложение традиционной надстройки все же проявляется скорее всего среди крупной городской буржуазии и среди городского пролетариата. Однако несомненно, что лишь длительная революционная борьба, революционная встряска всех общественных отношений и самого сознания масс в ходе этой борьбы сумеют сокрушить власть старины над умами.

В свете исторического опыта Европы не представляет особого затруднения объяснение того факта, что родовая земельная собствен-

---

[1] Despande and Ghuvye, Some Village Studies Indian Journal of Economics, 1927 г., v. VII, 478—480.

ность сохранилась так долго. В Ирландии клановая собственность была уничтожена лишь в XVII в. превращением земель кланов в коронные владения английского короля, поскольку клановые земли не были уже превращены вождями кланов в свое частное владение. В Шотландии «большие люди» кланов лишь к концу XVIII в. успели согнать гэлов окончательно с клановых земель, и герцогиня Сутерленд лишь к 1825 г. успела заменить на клановых землях 15 тыс. крестьян 131 тыс. овец [1].

В Северном и Центральном Китае этот процесс превращения родовой собственности в частное владение закончился очевидно несколько тысяч лет тому назад. В общей системе земельных отношений роль и значение родовых земель равно там нулю. В Чжэцзяне еще встречаются изредка родовые земли, но их удельный вес по всем признакам минимален. Вот почему Захаров, Иакинф, Франк и другие исследователи земельных отношений Северного Китая почти не упоминают о клановых землях. Зато на юге удельный вес клановых земель огромен и Кульп совершенно правильно подчеркнул их значение.

О значении и удельном весе родовых земель в Гуандуне мы имеем ценнейшие данные, собранные тт. Волиным и Иолком. Обследование 55 деревень провинциальным крестьянским союзом обнаружило, что клановые земли составляют в среднем 30—40% всей посевной площади. Анкета, произведенная среди делегатов пленума провинциальных крестьянских союзов, показала, что в 11 уездах клановые земли составляют 40% посевной площади. Специальное обследование дальнейших 81 деревень показало, что в 51,8% обследованных деревень преобладает частная, в 37% — клановая земельная собственность, а в остальных деревнях размеры частного и кланового землевладения одинаковы. На основании различных данных можно утверждать, что 30—40% всей посевной площади в Гуандуне составляют клановые земли, а арендная плата с этих земель составляет от 100 до 150 млн. долл. [2].

Тов. Тарханов [3] нашел, что в семи обследованных им уездах Гуанси крестьянская собственность составляет в среднем 21,4%, помещичья — 52,1%, родовые земли и земли религиозных обществ — 20,7%, государственная собственность — 5,8% всей посевной площади.

У нас нет цифровых материалов о провинции Фуцзян, но сообщения иностранных консулов, крестьянских союзов и наших товарищей указывают на то, что в этой провинции клановые земли играют в общей системе земельных отношений по крайней мере такую же, если не более значительную, роль, как в Гуандуне.

Роль и значение клановых земель в Гуйчжоу и Сычуани также довольно значительны, однако мы не располагаем даже приблизительными и ориентировочными данными относительно этих провинций.

Итак форма родовой собственности в Китае сохранилась, но эта форма в ходе развития заполнилась новым содержанием. Родовая собственность, как форма, как юридическая фикция, осталась, но на клановых землях уже давно возникли новые общественные отношения.

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, 722—723.
[2] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung, 53—60.
[3] Тарханов, Очерк социально-экономической структуры Гуанси.

Везде и повсюду поступления с клановых земель составляют добавочный доход господствующих классов. Клановые доходы дают «большим людям» клана средства для ростовщических операций, для организации миньтуаней. Торгово-ростовщический капитал коммерциализировал бытовые и религиозные обряды. Помещик и джентри захватили доходы с родовых земель.

С родовых земель взимается рента, член и не-член рода являются арендаторами родовых земель, в большинстве случаев голодными испольщиками, и платят кабальную ренту за землепользование на родовых землях; а рента попадает в карман действительных коллективных собственников родовых земель: коллективу помещиков, джентри, жухао, купцов, ростовщиков выросших из рода.

Мы видим здесь архаическую форму собственности, родовую собственность. Однако эксплоатация на родовых землях стала уже феодальной и полуфеодальной. А характер собственности определяется способом эксплоатации.

Аграрная революция несомненно уничтожит эту форму земельной собственности раньше, чем джентри успеют превратить ее и формально в частное владение. Но в первых стадиях революции потребуется большая осторожность, и революционная власть вынуждена будет считаться с бытовыми и религиозными предрассудками крестьян.

6. Земли храма предков. Земельная собственность храма предков на севере входит в эту же категорию, и поэтому нет надобности останавливаться на ее характеристике. Здесь формально не клан, а храм предков отдельных семейств имеет небольшой участок земли, но судьба этих земель и доходов с них такова же, как клановых земель.

Подводя итоги вышеизложенному, можно с достаточной уверенностью сказать, что клановые и храмовые земли играют большую роль в Гуандуне и Фуцзяни и довольно значительную в Гуанси. В долине Янцзы тут и там еще встречаются клановые земли[1]. На севере они уже никакого значения почти не имеют. Лишь отдельные богатые семьи имеют храмы предков и владеют землей этих храмов.

7. Общинные земли. Пока склоны гор и пустопорожние земли никем не захвачены, они считаются общественными землями. Население имеет право собирать травы и вырывать корни деревьев и растений на этих полях. Дождевая влага стекает с этих совершенно опустошенных горных склонов со стремительной быстротой, дожди и ветры уносят плодородную кору, совершенно разрушая почву и увеличивая опасность разлива рек.

---

[1] Как видно из анкет, розданных делегатам I Хубэйского крестьянского съезда, из 46 деревень в Хубэе в 21 деревне клановой земли нет совершенно. В 5 анкетах по этому пункту ничего не указано; анкеты остальных 20 деревень указывают, что площадь их клановых земель составляет от 20 до 3 тыс. земель. Кроме клановых земель в этих 46 деревнях встречаются следующие виды общественных земель: казенные—в 6 случаях (от 10 до 1 000 му), храмовые—в 8 случаях (от 2 до 100), школьные—в 4 случаях (от 20 до 300), общедеревенских—в трех случаях (от 20 до 80), военные—в 1 случае (200 му).

В Хунани эти виды земельной собственности играют также небольшую роль. Соответственно небольшую роль играют клановые распри и клановые предрассудки и в крестьянском движении: работники крестьянского движения на местах не упоминали о подобных явлениях (сообщения т. Иолка).

В ряде стран сохранились еще в некоторой мере как собственность деревенских общин пастбища, луга, частично и леса. Но этот вид собственности сельских общин в решающих частях Китая не существует, пустопорожние земли, как общинная собственность, играют также лишь подчиненную роль.

8. Земли кумирен или общинные земли. Почти каждая деревня имеет свой «храм деревни», и часто даже 2—3—4 таких храма или кумирни. Часто одна кумирня посвящена наиболее популярному из всех богов, богу войны, а другая — местному богу. Кумирни строились, как общее правило, за счет деревни. В мусульманских областях кумирен нет. Их там заменяет мечеть с вакуфной собственностью. В больших деревнях при кумирнях состоит священник, требующий свою долю с урожая с земли кумирни. Кумирни однако ничего общего не имеют с католическими, буддийскими или православными церквами. Там оставляются до похорон гробы с умершими, там же хранятся запасы жертвенных денег, таблицы предков знатных семейств и таблицы с именами «больших людей» деревни и с именами уроженцев деревни, сдавших когда-то экзамен и достигших ученой степени или считавшихся чиновниками. В день праздника данного бога в кумирне устраивается празднество-пиршество, но обычно кумирня служит более скромным и полезным целям. Там ночуют путешественники, там торгуют разносчики, купцы, там находится деревенская стража, отряды для охраны полей, там ночуют нищие. Вокруг кумирни устраиваются ярмарки, представления странствующих актеров и т. д. Кумирня взимает пошлины с разносчиков, купцов, которые явились на ярмарку. Эти пошлины особенно велики с продажи скота. Войска расквартировываются прежде всего в кумирне, и если из уездного города приезжает чиновник для сбора налога, то и он останавливается в кумирне. Вся вообще общественная и торговая жизнь деревни сосредоточена вокруг кумирни.

Роль и значение кумирни значительно возросли за последнее время. Растет бандитизм, и надо усиливать стражу.

Бушуют милитаристические войны, и деревне постоянно угрожает грабительское войско генералов. Стража живет в кумирне. На севере выросли организации вроде союза Красных пик. Ночью Красные пики обязательно находятся в кумирне, чтобы по первому зову выступить против бандитов или солдатчины. Когда на юге крестьянские союзы не были еще загнаны в подполье, они часто помещались в деревенских кумирнях. В городах также имеются кумирни, но там они находятся в ведении отдельных гильдий, и их роль несколько иная.

Деревенские кумирни обязательно владеют землей. Является ли земля кумирен остатками клановых или общинных земель, мы не знаем. В XIX в. земля для вновь строящихся кумирен уже покупалась, причем средства на покупку собирались среди деревенской знати и сдирались в виде местного налога с мужика. Земля кумирни сдается в аренду, и арендная плата, а также поступления от ярмарочных пошлин покрывают расходы на содержание кумирни. Из этих же доходов наряду с бесконечным множеством местных налогов покрываются расходы общины на содержание школ, дорог и мостов, если таковые существуют. Но китайская поговорка давно уже утверждает, что чем больше кумирен в деревнях, тем беднее деревня. Доходы с земель кумирен

попадают лишь в карманы джентри, а иногда деревенских духовных лиц.

Трудно сказать что-либо определенное о судьбах этой формы собственности, но у нас создалось впечатление, что земли кумирен продаются все чаще и чаще. Налоги, контрибуции, выкупная плата бандитам, содержание войск слишком уж тяжелы, и нам известны многие случаи, когда деревня покрывала непомерные расходы продажей земли кумирен. Во всяком случае на юге земля кумирен играет, по сравнению с клановыми землями, сравнительно маловажную роль. Она существует лишь там, где в одной деревне проживают члены нескольких кланов. В деревнях, все население которых принадлежит к одному клану, кумирня заменяется храмом предков. На севере роль кумирен — не в земельных отношениях, а в общественной жизни деревни — гораздо значительнее.

В укладе китайской деревни вряд ли можно обнаружить какие бы то ни было характерные черты древних сельских общин. Собственность сельской общины давно ликвидирована, и даже обычные угодья (пастбища, выгоны и т. д.) захвачены сильными мира сего.

Говорить о разделении труда внутри общины в том смысле, как это имело место в древней общине, не приходится.

Из древних общественно-производственных организмов и их устройства мало что осталось. Если мы прочитаем описание древних общин у Гегеля, Мэина, Маркса, Ковалевского, то в теперешней китайской деревне трудно обнаружить общие с ними черты. В отдельных частях страны урегулирование водоснабжения, содержание системы искусственного водоснабжения осталось функцией сельской общины. Судопроизводство также в значительной мере осталось функцией общины.

Сельская община выступает преимущественно как фискально-административная единица, и вся деревня все еще отвечает за сбор налогов в порядке круговой поруки. По отношению к другим деревням сельская община выступает как представитель всей деревни (по вопросам орошения и другим).

Сельские общины спокойно смотрели на разрушение огромных империй, на самые варварские преступления, на истребление населения целых городов. Это они «образовали в течение тысячелетий устои наиболее грубой государственной формы — восточного деспотизма»,—пишет Маркс. Но в этих идиллических общинах процветало в Китае ростовщичество, эти общины втягивались в торговлю, в них все чаще и чаще появлялся сборщик податей. Вторжение империализма окончательно разрушило еще один из устоев сельской общины — соединение земледелия с крестьянской прялкой и с крестьянским ткацким станком. По мере разложения общины разрушается и тот способ производства, который покоился на ней, и то государство, которому она предоставила заботу об общественных работах.

Следует подчеркнуть, что в Китае еще до вторжения империализма торгово-ростовщический капитал, помещичье насилие и бюрократизм азиатской деспотии разрушили родовые и сельские общины основательнее и сильнее, чем в какой бы то ни было другой азиатской стране. В Индии эту социальную революцию произвел английский капитал. В Китае империализм только ускорил ее, втягивая китайскую деревню в мировой товарооборот, разрушая узкий базис земледельческого произ-

водства, отделяя промышленность от земледелия, подрывая своими машинами китайское ремесло, основанное на ручном труде. Из базиса азиатского деспотизма китайская деревня превратилась в одну из движущих сил разрушения буржуазно-помещичьего Китая.

Если в древней индийской общине в порядке разделения труда мы находим главу общины, соединяющего в одном лице судью, бухгалтера, третьего чиновника, преследующего преступников, пограничника, надзирателя за водоемами, брамина, учителя, горшечника, цирюльника, прачечника, серебряных дел мастера, поэта, ткача, — если все эти лица, отправляющие свои функции в порядке общественных должностей, содержались полностью или частично за счет общины, то теперешняя китайская деревня подобного устройства уже давным-давно не знает. Даже деревенский староста назначается в большинстве случаев уездным начальником. В 1927 г. «левые» гоминдановцы выдвинули лозунг деревенского самоуправления вместо аграрной реформы. Они говорили, что, дескать, нельзя проводить аграрную реформу, пока на местах, в деревне, управляет старый аппарат власти. Раньше надо создать деревенское самоуправление — выборное, демократическое. А для этого надо воспитывать крестьянство. «Левый» гоминдан все еще жульничает с этим лозунгом, а нанкинский гоминдан в Чжэцзяне, в порядке опыта, разрешил в ряде деревень выбор старшины и предоставил «право» деревенскому самоуправлению заниматься вопросами гигиены и тому подобными мало актуальными вопросами. И нанкинский и «левый» гоминдан пытались этим путем нащупать кулака, как социальный базис. Но из деревенского самоуправления гоминдана ничего не вышло. А теперь уже вопрос о самоуправлении деревни решается на юге Китая совершенно иным порядком. Восставшее крестьянство выбирает свои советы. Это и есть настоящее деревенское самоуправление — выборное, демократическое.

Следующую категорию земельной собственности составляют:

9. Государственные земли, которые можно распределить на следующие подкатегории:

а) Пустопорожние земли. Необрабатываемая земля считалась и считается собственностью государства. При прежних династиях земля раздавалась крестьянам, причем обычно раздача земель проводилась при участии властей, т. е. чиновничества. Таков же был первоначально порядок раздачи земель и при водворении Манчжурской династии. Тогда еще существовал политический блок между китайскими помещиками, чиновниками и торгово-ростовщическим капиталом, с одной стороны, и манчжурами — с другой.

Именно этот блок подавил разразившееся к концу Минской династии крестьянское восстание, но после подавления крестьянской революции, китайская знать восстала против новой Манчжурской династии.

Заинтересованные в ускорении процесса колонизации манчжуры запрещают чиновникам всякое вмешательство при раздаче пустопорожних земель в колонизационные дела. Указом 1724 г. крестьянам разрешается распахивать землю без какого бы то ни было разрешения со стороны властей, с обязательством лишь впоследствии ставить власти в известность о занятии земли, причем первые 3—5—6—10 лет земля, смотря по ее качеству, освобождалась от налога.

В начале манчжурского господства огромные земли не были присвоены, не были превращены в частную собственность, и земельная собственность не являлась препятствием к приложению крестьянского труда к земле. Этим объясняется исключительно быстрое восстановление страны после гражданской войны и завоевания, длившегося почти 50 лет. Но в результате вырождения манчжур и сращивания их с китайскими помещиками, чиновниками и торгово-ростовщическим капиталом, помещики, купцы, ростовщики, чиновники снова захватывают землю, начинается снова процесс обезземеления крестьянства.

На обезземеливание и вторжение иностранного капитала крестьянство ответило восстанием тайпингов. Восстание было крестьянским, и Маркс вначале оценивал его как китайское издание Великой французской революции. Руководящая верхушка тайпингов скорее вырождается, и Маркс в 1864 г. уже отвернулся от тайпингов, считая их осколками прогнившего общества, не принесшими с собой нового принципа, могущего спасти страну [1]. Гражданская война опустошила целые провинции. Путешествовавший в южном Аньхуе после Тайпингского восстания Рихтгофен отметил, что в деревнях громадное большинство жителей является переселенцами из Гуйчжоу, Сычуани и Хунани. Переселенцы эти после двухлетней обработки земли становились ее владельцами, причем правительству они не вносили ничего, но прежним жителям платили от 0,80 до 4 долл. за акр, ибо земля считалась каким-то образом собственностью семьи или клана или деревенской общины [2]. Захват пустопорожних земель, захват колонизационного фонда чиновниками, богачами, купцами и ростовщиками начался в большом масштабе после Боксерского восстания. Началось учреждение «колонизационных бюро», скупка свободных земель богачами за бесценок и перепродажа их за большие деньги, или сдача в аренду на кабальных условиях. Мы видели, к каким результатам привели эти захваты в Манчжурии и во внутренней Монголии. Если мы при этом вспомним, например, что в Северном Цзянсу «колонизационные бюро», скупив 30 млн. му за 30 млн. долл., т. е. уплатив 1 долл. за покупку 1 му, получают вслед за этим от арендаторов 40% урожая [3] в виде арендной платы, то на основании этих фактов мы создадим себе некоторое представление о том, что обозначает собой колонизация в Китае.

б) Камышевые и тростниковые земли. Захаров характеризует эту форму государственной собственности следующим образом:

«В губерниях Цзянсу, Аньхуй, Цзянси, Хубэй, Хунань по берегам больших рек часто поднимаемые водой земли не могут иметь постоянного владельца и облагаться податью; посему на этих местах позволяется разводить камыш и тростник, иногда и сеять хлеб с платой оброка в казну, если земли эти не потерпят вреда от пролива вод. Таких земель считается 101 586 цин 11 му» [4].

Короче говоря, китайский чиновник облагает и последствия бедствий, вызванные его же хозяйничанием. Налог называется налогом на

---

[1] К ст. Маркса в «Прессе» от 7 июля 1861 г.
[2] «Richthofen's Letters», 74.
[3] «Chinese Economic Monthly», v. II, № 2, 1924.
[4] Захаров, Поземельная собственность в Китае, 46.

камыш и взимается в размере 10% с цены камыша. Китайский крестьянин умеет использовать всякую материальную ценность. Из камыша он делает цыновки и плетенки, которые до сих пор употребляются в Китае для упаковки хлопка и других объемистых товаров. Во время наводнения 1921 г. в Хобэе голодающие ловили рыбу на местах разлива. Китайский крестьянин научился использовать все возможности для добывания средств к существованию, китайский же чиновник научился облагать все проявления жизненной деятельности крестьянина. Так возникла государственная собственность на камышевые и тростниковые земли.

В настоящие время камышевые и тросниковые земли имеются почти во всех провинциях.

Их особенно много в долине Янцзыцзяна и Желтой реки. Там огромные территории превращены в болото.

Одной из важнейших задач революции является превращение этих камышевых земель в пашню.

в) Песчаные или наносные земли. Китайские реки вообще, а в областях леса в особенности, несут с собой огромное количество ила и песка. Из этого ила и песка в дельтах рек образуются новые полосы земли. Крестьяне обрабатывают эти земли, после чего чиновники требуют с них не только земельный налог, но и покупную цену земли. На островах Чунмин вблизи Шанхая на этой почве в течение трех лет продолжались крестьянские восстания, впоследствии подавленные жестокими мерами. Часто помещики захватывают наносные земли и требуют за пользование ими арендную плату. Словом, наносные земли рассматриваются как государственная собственность, причем чиновник или генерал, захвативший власть, кладет полученные за нее суммы в свой карман.

Дороги, мосты, плотины и пр. также считаются государственной собственностью. Государство пользуется правом принудительного отчуждения земель. Иностранные железнодорожные компании должны платить выкуп за отчужденную землю. Китайские власти, как общее правило, выкупа не платят.

Этими формами исчерпывается государственная собственность на землю.

ГЛАВА IX.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В КИТАЕ.

Буржуазное китаеведение разделилось на два лагеря по вопросу о том, имеется ли в Китае частная земельная собственность на землю или же земля является собственностью государства. С буржуазным китаеведением в Китае случился тот же казус, что с английскими юристами в Индии после ее завоевания. Энгельс издевался над «советом английских юристов, так же напрасно бившимся в Индии над вопросом — кто же землевладелец, — как покойный Генрих XVII Рейс-Грейц-Шлейс-Лобенштейн-Эбервальдский над вопросом: кто ночной сторож» [1]. Английские юристы искали в Индии землевладельца, помещика, чтобы обло-

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, 163.

жить его в то время, как помещика ни в феодальном, ни в буржуазном смысле этого слова там еще не было. Они разрешили вопрос таким образом, что, по словам Маркса, совершили ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, создав карикатуру английского крупного землевладения в одних, карикатуру парцеллярной собственности в других и карикатуру индийской экономической общины в остальных частях страны. В Индии они искали помещика и не нашли. В Китае буржуазное китаеведение нашло государственную собственность на землю там — и тогда, — где — и когда — эта государственная собственность уже не существовала или существовала лишь как фикция, — как фикция отошедшего в историю давнего прошлого. Буржуазное китаеведение не нашло в Китае ни помещика, ни помещичьей ни вообще частной собственности на землю.

В свете простых фактов, в свете происходящей в Китае аграрной революции, в свете пожара помещичьих дворцов, в свете пожара величайшей классовой борьбы между буржуазно-помещичьим блоком и основными массами крестьянства, руководимого пролетариатом, этот спор стал совершенно праздным, нелепым, архивным, чудовищным. Праздно, нелепо, чудовищно спорить о том, есть ли в Китае помещичья собственность, когда на юге почти вся китайская земля является помещичьей собственностью, когда на севере Китая крестьянская собственность составляет еще важнейшую категорию в земельных распорядках.

В Китае государственная собственность существует в той же мере, что и в Англии, где по конституции все земли принадлежат английскому королю, или в Венгрии, где по конституции все земли принадлежат короне святого Стефана, или в Японии, где феодалы в своем обращении к императору еще в 1869 г. писали: «Земля, на которой мы живем, принадлежит императору; население, которым мы распоряжаемся, составляет наследство императора». Все это не мешало ни английским лордам, ни венгерским помещикам, ни японским феодалам владеть землей, выжимать из крестьянства ренту. Государственная собственность на землю была в этих странах фикцией. Она стала фикцией и в Китае.

Собственность вообще, и земельная собственность в частности, не представляет вечной категории. Собственность вообще, и в частности земельная собственность, представляет собой историческую и переходящую категорию определенной эпохи экономического формирования общества. Каждое общество, каждый способ производства, каждая общественная формация имеет свою собственность, и характер собственности определяется качествами общественной формации, способа производства, общества. Маркс и Энгельс различали четыре общественные формации — азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства — и четыре классовые общества — восточное, античное, феодальное и буржуазное. Характер земельной собственности во всех этих общественных формациях складывается по-разному. Поэтому же Маркс и Энгельс считали, что «различные ступени развития разделения труда являются в то же время различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет и взаимоотношения индивидуумов по отношению к материалу, орудию и продукту труда».

Первой формой собственности является родовая собственность.

Второй формой собственности является античная, общинная и государственная собственность, которая возникла благодаря объединению, путем договора или завоевания нескольких родов в один город, и при которой сохраняется рабство.

Третьей формой является феодальная или сословная собственность. К этому добавляется как четвертая форма: буржуазная собственность [1].

Мы знаем, что Маркс и Энгельс считали, что в восточном обществе не было частной собственности на землю, а существовала лишь государственная собственность. Маркс же усматривал основу всех земельных порядков на Востоке — он имел в виду Турцию, Персию, Индостан — в том, что там не существует частной собственности на землю. «В этом действительный ключ даже к восточному небу» [2]. И Энгельс также считал, что «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию Востока. Тут корень и политической и религиозной истории» [3]. Маркс же указал, что юридическое представление о частной собственности в Азии лишь в некоторых местах импортировано европейцами [4]. Энгельс считал, что особого рода земледельческий феодализм ввели только турки в завоеванных ими странах. Однако эти замечания основоположников марксизма относятся к той эпохе истории Востока, когда там существовал азиатский способ производства, восточное общество. В этом смысле учение Маркса о восточном обществе является ключом к пониманию истории Востока. Но буржуазное китаеведение пыталось перенести категорию прошлого, категорию прежней общественной формации в настоящее время. Оно искало государственную собственность восточного общества в буржуазно-помещичьем Китае. Оно искало ночного сторожа днем.

В Китае есть частная собственность на землю, и несмотря на множество форм земельной собственности, частная собственность на землю является решающей, преобладающей формой земельной собственности.

Вот первый основной тезис. Теперь же возникает следующий вопрос: в чьих руках находится земля?

Разбирая аграрный вопрос в Европейской России, разбирая вопрос о том, из-за чего идет борьба, Ленин поставил аграрную проблему в России таким образом:

«У 10 млн. крестьянских дворов 73 млн. десятин земли. У 28 тыс. благородных и чумазых лендлордов — 62 млн. десятин. Таков основной фонд того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» [5].

Если мы поставим этот вопрос применительно к Китаю, какой же ответ можем мы дать?

Мы знаем, что в результате исторического развития для земельных отношений Китая характерен тип среднего или мелкого помещика.

---

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, 1924, 254.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XXI, 488.
[3] Там же, 490.
[4] Маркс, Капитал, т. III, 156.
[5] Ленин, Собр. соч., т. IX, 432.

Не крупный помещик феодального типа, а средний и мелкий помещик ростовщического, купеческого или бюрократического происхождения является центральной фигурой китайского помещичьего класса. Этим объясняется тот факт, что европейские и даже некоторые советские исследователи Китая восприняли теорию о «социальной равнине в китайской деревне» и об отсутствии в Китае класса помещиков.

Бороться с этой теорией уже никак не стоит.

Но тот же факт, что крупных помещиков относительно мало, а преобладает тип среднего и мелкого помещика, имел все же огромное значение даже с точки зрения развития установки китайских коммунистов по аграрному вопросу. Гоминдан, «признав», что в Китае существуют помещики, напирал на то, что крупных помещиков мало (их везде мало), а земли мелких помещиков нельзя конфисковать. Так возникла в известный период китайской революции — в начале уханского периода — теорема о конфискации крупных помещиков. Не конфискация всей помещичьей земли, а конфискация земли крупных помещиков. Потом начались торги: кто же крупный помещик? Где начинается крупный и где кончается средний помещик? Так шли торги в совместной аграрной комиссии гоминдана и китайской коммунистической партии в начале 1927 г. Договорились, что землевладение свыше 100 му считается крупным. Но гоминдан решил, что вообще надо похоронить теорему о конфискации крупной помещичьей земли, а надо выдвинуть лозунг политической конфискации. Надо конфисковать землю контрреволюционеров. Во всех этих спорах неизменно подчеркивалось, что нельзя конфисковать мелкого помещика. Чен Ду-сю, Тан Пин-сян и прочие тогдашние оппортунисты и теперешние ренегаты неизменно поддерживали знаменитую гоминдановщину в смысле защиты мелкого помещика. И когда уже произошел раскол с гоминданом, когда уже восставшие войска Е Тина и Хо Луна шли на Сватоу в августе 1927 г., тогдашний «коммунист» Тан Пинь-сян и иже с ним выдвинули лозунг о конфискации помещичьей собственности свыше 200 му. Подобного предательства аграрной революции со стороны руководства революционной партии не знает история. В этот же период ряд уездных секретарей коммунистической партии боролся за лозунг конфискации свыше 150 му. Компартия изгнала из своих рядов этих помещичьих агентов. Но даже на советских территориях нашелся «коммунист», который пытался выдвинуть лозунг конфискации свыше 50 му. Китайская компартия несомненно освободится и от этого защитника мелких помещиков. В свете этих фактов видно, какое гигантское развитие проделала китайская коммунистическая партия со времени уханского периода. Но эти же факты указывают на то, как глубоко внедрилась гоминдановская теорема о мелких помещиках даже в головы отдельных китайских коммунистов, или, вернее, людей, считающих себя коммунистами.

Сколько же земли находится в руках крупных, средних и мелких помещиков и сколько в руках крестьян? Мы не можем дать точного ответа на этот вопрос. Статистических данных об этом нет. Однако мы знаем, что в Гуандуне, например, 10 млн. му, т. е. более $^1/_4$ всей посевной площади, находится в руках помещиков и господствующие в деревне классы распоряжаются еще клановыми землями, составляющими 30—40% всей посевной площади. В Хубэе, по приблизительным подсчетам, 49,5% всех

землевладельцев имеют $^1/_6$ посевной площади, а крупные помещики, составляющие около 10% всех землевладельцев, занимают $^1/_3$ посевной площади. Относительно Хунани можно без преувеличения утверждать, что 75% пахотной земли находится в руках помещиков.

Мы знаем, что в центральных частях Шэньси больше 50% всей земли находится в руках помещиков, что в Шаньси больше 20% крестьянской земли в течение нескольких лет перешло в руки помещиков. Мы знаем, что в Шаньдуне 30—40% всей земли представляет помещичью собственность. Мы знаем, что в Гирине и Кэйлунцзяне 42,9% всех крестьян владеют 9% посевной земли и помещики, составляющие 3,6% всех землевладельцев, владеют 26% всей обрабатываемой земли. Итак мы знаем, из-за чего идет борьба в Китае между помещиками и крестьянами. Борьба идет из-за земли.

Мы не знаем, имеется ли в Китае 30 тыс. крупных помещиков (с имениями свыше 10 тыс. му) или 10 тыс. или 100 тыс., но мы знаем, что почти в каждом уезде существует несколько помещиков с имениями выше 1 000 му.

Крестьянин ведет борьбу против крупного, среднего и мелкого помещика из-за земли.

Вот второй основной тезис.

Обострение классовой борьбы в деревне лучше, чем проведенные выборочные обследования, выяснило эту проблему. В Гуандуне, Хунани, Шэньси, Хубэе и других провинциях теория «социальной равнины» вдруг оказалась неприменимой к действительности. Оказалось в 1927 г., что подавляющее большинство лидеров гоминдана состоит из помещиков, что почти весь офицерский состав уханской и нанкинской армий состоит из помещичьих сынков, что все без исключения китайские генералы являются помещиками, что городская буржуазия теснейшим образом связана с землевладением, что купеческий и туземный банковский, т. е. преимущественно ростовщический капитал, «территоризировался», что все более или менее крупные купцы, чиновники, офицеры, ростовщики и т. д. имеют земли по нескольку сот му. Для тех, кто находился в Китае в 1926 и 1927 гг., кто был свидетелем величайших классовых битв в Гуандуне и в Хунани, кто пережил жуткие дни средневекового белого террора китайских помещиков в деревне, вопроса о том, имеется ли в Китае класс помещиков, больше не существует. Конечно, голое сравнение площади китайского поместья с размером европейских помещичьих хозяйств может привести к ложным выводам. В Китае нет трехполья, нет пастбищ, нет леса, все помещичьи имения представляют собой сплошную пашню. В Китае доходность данной площади определяется отношением числа «урожайных му» к общей площади хозяйства, и мы уже знаем, что с 1 му земли можно снять два, иногда три, а на юге в некоторых местах даже четыре урожая. Следует иметь в виду также различие между суходольной и влажной землей и огромную разницу в доходности сухих и влажных земель. В высшей степени показательно, что в Северном Китае, где меньше влажной земли, преобладает самостоятельный крестьянин, а на юге, где больше влажной земли, центральной фигурой в деревне является арендатор. Китайские помещики располагают лучшими землями, они захватили влажные земли, и крестьянское землевладение

во всекитайском масштабе (сравни север и юг) и в масштабе отдельных провинций оттеснено на худшие, т. е. на сухие, земли. Именно поэтому сравнительно небольшой размер площади не дает правильного представления о доходности помещичьих земель. В Гуанси, например, при сравнительно небольшом размере площади помещичьих хозяйств, нередко попадаются помещики, имеющие 25—50 тыс. долл. дохода в год. В Гуанси, где средняя крестьянская семья из 4—5 человек тратит на личное потребление только 46—52,5 долл. в год, ежегодный доход в 25—50 тыс. долл. составляет огромную сумму. В том же Гуанси, по данным крестьянского союза, 90% помещиков владеют землей, дающей 1 250 долл. годового дохода. Это тоже превышает в 20 с лишним раз годовой расход средней крестьянской семьи на личное потребление. Помещичий класс в Китае, не только абсолютно, но и относительно гораздо многочисленнее, чем он был в России. Связь помещика с городской буржуазией несравненно теснее, чем в других странах.

Городская буржуазия в Китае точно так же, как в Индии, Египте, Арабистане, Корее, Индонезии и других колониальных странах, сращивалась сильнее с землевладением и с ростовщической эксплоатацией деревни, чем в классических странах капитализма. Степень революционности буржуазии измеряется степенью «территориализации» буржуазии и степенью ее боязни наступления пролетариата не только на феодальную собственность, но и на собственность вообще. Но в том-то и дело, что слабое развитие промышленности обусловливает сращивание буржуазии колониальных стран с землевладением. Отсюда же буржуазно-помещичий блок против аграрной революции. Победить этот блок можно лишь в жестойчайшей, беспощадной кровавой классовой схватке. Но отсюда же вытекает, что «аграрная реформа» в Китае почти невозможна. Относительно многочисленный слой помещиков при относительном дроблении помещичьих земель не может пойти без ожесточенной борьбы на уступки и уступочки. Русский помещик, румынский боярин, прусский юнкер скорее могли «уступать», ибо у них был маневренный фонд. Китайский помещик не располагает маневренным фондом — об эго и разбились попытки снизить арендную плату на 25%. В Китае по земельному вопросу речь никогда не шла о 25%, а всегда о 100%.

Речь шла и идет о том, будет ли земля помещичьей или крестьянской, народной. И опыт революции и контрреволюции подтвердил, что настоящая аграрная реформа сверху невозможна в Китае. Гоминдан пришел к власти в 1927 г., и мы видели и видим его аграрную политику. Мы видели, как осуществлялась аграрная программа Сун Ят-сена. Гоминдан везде и повсюду отменил снижение арендной платы на 25%, даже там, где оно было проведено во время сотрудничества гоминдана с коммунистами. Гоминдан попытался снизить ростовщический процент в Цзянсу, но декрет был отменен, ибо ростовщики протестовали. Гоминдан под давлением крестьянского движения попытался провести в качестве опыта снижение арендной платы в Чжэцзяне, но декрет был отменен, ибо помещики протестовали. Поднялась волна крестьянских восстаний. Гоминдан назначил аграрную комиссию. Ху Хань-мин представил проект, который по сути дела сводился к упорядочению налогового обложения и к обложению повышения цен на землю. О ра-

боте этой комиссии мы поговорим подробнее потом, суть его заключается в снижении арендной платы на 25%. Гоминдан раскололся. Образовался «левый» гоминдан, группа «реорганизационалистов» во главе с Ван Цзин-веем. «Левые» гоминдановцы снова выступили со знаменитой формулой: «конфискация земли крупных помещиков, защита средних и мелких помещиков». Не высохли чернила на бумаге, которыми написали эту программу, а «левые» гоминдановцы уже объединились с наиболее компрадорским крылом гоминдана, с сишанской группой, отказались от всякой аграрной программы и выдвинули всекитайским вождем Ен Си-шана, одного из крупнейших помещиков Северного Китая. Ен Си-шан уже не будет конфисковать земли крупных помещиков. Китайская буржуазия неспособна даже на сколько-нибудь серьезную аграрную реформу. Даже на столыпинскую аграрную реформу. Даже на карикатуру столыпинской аграрной реформы. Это доказывает аграрный закон гоминдана от 14 июня 1930 г.

Борьба идет за землю. И только революционная классовая борьба крестьянства, руководимая рабочим классом, может разрешить вопрос о земле.

Вот второй основной тезис.

Теперь возникает следующий вопрос: является ли земельная собственность в Китае чисто буржуазной собственностью?

Маркс утверждал, что «та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства, не есть соответствующая ему форма. Только он сам создает соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу; благодаря этому и феодальная земельная собственность и собственность клана, мелкая крестьянская собственность с общиной марки, как ни различны их юридические формы, превращаются в соответствующую этому способу производства экономическую форму» [1].

В капиталистическом обществе земля стала товаром. Это одно из наиболее иррациональных «творчеств» капитала, ибо капитализм мог бы идеально быстро развиваться без земельной собственности, ибо земля не продукт труда, значит не товар. Капитализм подчинил себе все виды земельной собственности. Немудрено, что теперь уже империализм во всех своих колониях вводил систему Торренса, при которой признаются все и всяческие титулы на землю, но разрешается выкуп всех этих титулов деньгами. Общинные, крестьянские, феодальные титулы вносятся в земельный реестр, но все эти титулы подчиняются власти денег. Удельные, знаменные, учрежденческие, храмовые, общинные, песчаные, камышевые и прочие земли не являются соответствующими капиталу формами земельной собственности. Капитал подчинил их себе, но не успел еще превратить эти формы земельной собственности в чисто буржуазную собственность. Более того, даже помещичья собственность не освобождена еще совсем, — как выразился Маркс, — «от всех политических и социальных покровов и соединений, — коротко говоря, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретические вожди, нападали, как на бесполезное и нелепое излишество».

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 157.

Земля уже стала товаром в Китае, но помещичья собственность в Китае подвергается некоторым ограничениям докапиталистического порядка, совершенно немыслимым при чисто буржуазной земельной собственности.

Помещик в Китае, как общее правило, не имел право расторгнуть арендный договор, и лишь за последние десятилетия помещики начинают отвоевывать себе это право. Помещик, как общее правило, не имел права согнать с земли арендатора, пока арендатор исправно вносил арендную плату. По китайским правопонятиям, помещик имеет право на ренту, арендатор же имеет «вечное» право на аренду данного участка. Более того, арендатор в случае «вечной» аренды имеет право продать свое право на аренду без ведома и согласия на это помещика. Юридический титул на аренду стал в Китае предметом продажи. Сын наследует право отца на «вечную» аренду данного участка. И речь идет не о каких-то случайных арендных отношениях, ибо «вечная» аренда в смысле срока аренды является превалирующей формой арендных отношений в Китае.

Следует отметить, что помещичье землевладение с правом арендатора на «вечную» аренду существует не только в Китае, но и во многих провинциях Индии, на мусульманском Ближнем Востоке, в Тунисе, в Алжире и Марокко. Мы находим эту форму даже на юге Италии, где имеется около 15 тыс. «вечных» арендаторов. В Японии, Корее, Испании и Швеции вечная аренда играла также большую роль.

Германский исследователь этого вопроса Митейс совершенно справедливо отмечает, что в античной и феодальной Европе «вечная» аренда практиковалась преимущественно на церковных, монастырских и государственных землях и уничтожалась по мере развития капитализма. Сколько-нибудь серьезную роль в Европе она играет только в Испании. В Китае и на мусульманском Востоке «вечная» аренда развивалась и на помещичьих землях. В Индии английский империализм дарил это право отдельным категориям арендаторов в моменты грозного подъема крестьянского движения.

Обследование всего южного Цзянсу (около 46 млн. му) показало, что 80,9% арендуемой земли представляет «вечную» аренду, 17,8% сдано на 3 года, 1,2% — на 5 лет. В 7 восточных уездах Гуанси долгосрочная аренда составляет 11,2%, краткосрочная — 18,7%, а «вечная» — 70,1% всех арендных отношений.

В Гуандуне «вечная» аренда играет также весьма важную роль, и о ней говорится: «Эта форма аренды возникла несколько сот лет тому назад... Нередко арендаторы такой категории и сдают в аренду арендованный участок без ведома помещика». Вечная аренда является преобладающей формой аренды во всех провинциях Собственно-Китая. В Манчжурии и Монголии, т. е. в областях новой колонизации, эта форма арендных отношений менее распространена; там господствуют более современные в смысле срока формы аренды.

Наряду с вечной арендой существуют и другие докапиталистические придатки и привески к помещичьей собственности.

По китайскому праву пахотная земля состоит из двух частей — поверхности и подпочвы. Арендатор по китайским правопонятиям имеет право на плодородие поверхности почвы,

а помещик имеет право собственности на подпочву. Оба эти права вместе взятые составляют полное право собственности на землю. Помещик может продать подпочву; арендатор, со своей стороны, может продать или сдать в аренду свое право на плодородие поверхности без ведома помещика. Называется это в Китае «совместным землевладением» помещика и арендатора. Как общее правило, покупная цена земли состоит также из двух частей, а именно из цены плодородия поверхности и цены подпочвы. Первая часть полагается бывшему арендатору, вторая — помещику. Соотношение этих цен меняется в каждом конкретном случае. Предположим, что 1 му земли стоит 80 долл. Арендатор может продать свое право на поверхности за 50 долл., а помещик получает 30 долл. за подпочву, Но соотношение это может быть и обратным.

Колебания и различия объясняются воздействием ростовщического и торгового капитала и помещичьей эксплоатации на традиционные земельные правоотношения.

Если арендатор задолжал помещику арендную плату или проценты, он закладывает у помещика или ростовщика часть своего юридического титула на поверхность. Эта часть может быть равна $1/6$, $1/5$, $1/3$, $1/2$ и т. д. Со временем заложенная часть становится собственностью помещика или ростовщика. Вырывая у арендатора одну часть права на поверхность за другой, помещик постепенно, иногда в течение десятков лет, объединяет в своих руках право и на поверхность и на подпочву. Победив в этой длительной, мучительной для крестьянина борьбе, помещик, сосредоточив в своих руках нераздельную собственность, может согнать арендатора, в случае, если последний не выплачивает аккуратно по той или другой причине арендную плату. Полное юридическое оформление получило «совместное землевладение» в Цзянсу и Аньхуй.

Не во всех провинциях выработалось юридическое оформление отдельного права на поверхность и на подпочву, но даже там, где такого юридического оформления нет, на практике «вечный» арендатор может переарендовать свой участок или продать свое право на аренду. В некоторых провинциях, например, в Гуандуне, в Шаньси, «вечная» аренда в ряде случаев уже превратилась в долгосрочную. Земля сдается в аренду на 5—15—20 лет, причем только в том случае, если арендатор выполнил все условия договора, он имеет неоспоримое право на возобновление аренды [1]. В южном Цзянсу и в восточном Гуанси 20% арендных договоров уже являются краткосрочными. Общий упадок крестьянского хозяйства, рост власти денег в деревне, увеличение налогов в 5—10 раз, стихийные бедствия, рост власти ростовщика и т. д. ускоряют процесс перехода к помещику нераздельного права собственности на землю. При разборе арендных отношений мы увидим, что новые формы арендных отношений пробивают себе путь в китайскую деревню. Но пока превалирует традиционная форма «вечной» аренды,

---

[1] Интересующийся этим вопросом читатель найдет материал в следующих источниках: Кохановский, Землевладение и земледелие в Китае «Chinese Economic Monthly», 1925 г., т. II и 1926 г., т. III, №№ 2, 7, 10: «Chinese Economic Journal», t. I, № 1, 1927.

и в Центральном Китае преобладает «совместное землевладение» в Цзянсу, Аньхуй и Чжэцзяне.

Все эти отношения, не имеющие ничего общего с буржуазной свободной земельной собственностью, не могли остановить и не останавливают подчинение всех видов земельной собственности капиталу. Но они мешают, они затрудняют проникновение капитала в землевладение и тем более в земледелие.

Разные виды нечастновладельческих земель и даже помещичья собственность окутаны еще докапиталистическими остатками и пережитками. Но несомненно, что старые формы все более и более получают новое содержание.

Вот третий основной тезис.

В Китае и с купли и продажи земли взимается специальный налог в размере 3% покупной цены земли. В действительности чиновники взимают не 3%, а 9—10%, причем большую часть «государственного» дохода крадут. Неудивительно, что подавляющее большинство сделок по купле и продаже земли не регистрируется совершенно. Все же в бюджетах отдельных провинций числится доход от регистрации сделок купли и продажи земли. В Чжэцзяне доход этот составил в 1923 г.— 847 719 долл., в Сычуани в 1921 г.—1 987 210 долл., в Юньнани в 1924 г.— 380 тыс. долл. Разумеется к провинциальным бюджетам следует относиться еще с меньшим доверием, чем к китайской статистике. На самом деле доходы превышают не то в 3, не то в 10 раз указанные в «бюджете» суммы. Если мы будем иметь в виду то обстоятельство, что регистрируется только часть — не то $1/3$, не то $1/5$ — действительно заключенных сделок, то увидим, что в течение одного года в Чжэцзяне перешла из одних рук в другие земельная собственность рыночной стоимостью в 28 млн. долл., в Сычуани — в 65 млн., в Юньнани — в 13 млн. В 28 уездах Гуандуна было официально зарегистрировано с 1916 до 1925 г., по очень неполным данным, около 270 тыс. сделок по купле и продаже земли. А поскольку количество действительно совершенных сделок превышает, по крайней мере, в 3 раза официальные цифры, мы приходим к выводу, что перед нами грандиозный процесс мобилизации земли.

Эти данные не дают, однако, верной картины происходящих в китайской деревне процессов. Часто помещик продает другому свое право на ренту, в положении же арендатора ничего не меняется. Правда, за последнее время новые помещики пытаются повышать арендную плату, и арендатор вынужден часто согласиться на вымогательство своего нового «отца»-помещика. Часто арендатор продает свое право на аренду, и преемник его платит прежнюю арендную плату. Но чаще всего, разумеется, самостоятельные крестьяне вынуждены продавать свою землю генералам, офицерам, помещикам, чиновникам, купцам, которые выступают перед крестьянами в роли заимодавцев и ростовщиков. Этот процесс происходит в настоящее время с поразительной быстротой в Шэньси, Хэнани, Шаньдуне, частично в Шаньси и Хобэе. Поземельный налог взимается в этих провинциях 2—3—5—6 раз в год, причем не только после урожая, когда у крестьян имеются еще кое-какие деньги, но всякий раз, когда генералам нужны средства для ведения войны. Чтобы уплатить неприуроченные к традиционным срокам непредвиденные на-

логи, которые часто имеют в виду просто-напросто экстраординарное обогащение провинциального генерала, крестьянин вынужден обращаться к ростовщику. Бесконечные реквизиции, грабежи солдатчины, бандитизм подрывают крестьянское хозяйство. Крестьянину-землевладельцу «выгоднее» превратиться в арендатора своей же собственной земли, чем продолжать «самостоятельное» хозяйство. Помещики и влиятельные лица знают, как избавиться от налога, и иногда умеют даже охранить своих арендаторов от прелестей реквизиций. В Шэньси налоги, реквизиции, войны и бандитизм привели к тому, что цена крестьянской земли упала в среднем с 50 до 18 долл. за му. Богачи скупают землю за бесценок, а крестьяне обрабатывают ту же землю в качестве издольщиков-арендаторов. 15—20 лет тому назад в Шэньси преобладало самостоятельное крестьянское хозяйство, а аренда была довольно редким явлением. В настоящее время в центральном Шэньси около 40—50% крестьян являются арендаторами генералов, купцов, офицеров и чиновников [1]. В Шаньси английский миссионер Багналл лишь изредка находил в 1880 г. арендаторов. Теперь 80% всех крестьянских хозяйств в долгу у ростовщиков, а около 20% всего крестьянства составляют арендаторы [2]. В Хэнани быстрая смена властей и бандитизм привели к тому, что даже сильные мира сего неохотно скупают землю и во всяком случае скупают ее через подставных лиц. Однако процесс превращения самостоятельных крестьян в арендаторов развивается и в Хэнани [3].

Во время голода в 1928—1929 гг. в Шаньдуне, Шэньси, Ганьсу и т. д. обесценение земли достигло совершенно небывалых масштабов. В Шаньдуне 1 му земли продавался за 1—2—3 долл. и крестьянский дом — за 2—3 долл. Даже заядлые империалистические газеты, ханжествующие миссионеры, благопристойные американские джентльмены признали, что голод экономически, а отчасти и физически, ликвидировал среднее крестьянство.

На севере превращение самостоятельных крестьян в арендаторов выступает как важнейшее явление в жизни современной деревни, и обезземеление крестьянства совершается там в этой мучительной форме. На юге этот процесс уже в значительной мере закончен. Итак, идет процесс концентрации землевладения; но процесс этот сопровождается не концентрацией землепользования, а, наоборот, его дроблением, мельчанием.

Китайская деревня переживает все ужасы концентрации землевладения, а в то же время дробление землепользования вызывает переход к более низкой технике, к более низкой производительности земледельческого труда.

Концентрация земли в руках помещиков, выделение небольшого слоя кулачества, совершается в буквальном смысле этого слова на горах трупов миллионов и миллионов крестьян.

Юридические формы, в которых происходит мобилизация земельной собственности, также носят частично докапиталистический характер с тенденцией к превращению в буржуазные формы. Множество разнооб-

---

[1] Данные взяты из доклада т. Сейфулина, который испытывал в течение нескольких месяцев в Шэньси все прелести китайской войны.

[2] Из доклада провинциального крестьянского союза.

[3] Данные о Хэнани взяты из материалов т. Теруни.

разнейших форм купли и продажи можно свести к двум основным типам продажи земли, а именно: 1) окончательной продажи земли, 2) окончательной продажи либо поверхности, либо подпочвы.

Первая форма не представляет никаких затруднений. Она соответствует современной форме земельных сделок и, как таковая, является результатом более позднего развития. Но и она обставлена формально всякими традиционными пережитками и покровами. Письменные договоры обязательно начинаются таким образом: «Я (фамилия продавца), нуждаясь в деньгах и не будучи в состоянии найти сородича, который пожелал бы купить мою землю, соглашаюсь продать свою землю и т. д.». Вероятно эта формула осталась еще с тех времен, когда существовал родовой надел, и продажа личного надела крестьянина разрешалась лишь между сородичами. Но и вторая форма также не представляет для нас затруднений. Раз право собственности на землю распадается на право на поверхность и на право на подпочву, то раздельная продажа этих прав в порядке вещей. В Центральном Китае, а отчасти и на юге преобладает именно эта форма земельных сделок.

Формы заклада земли можно свести к 3 основным типам, а именно: 1) к закладу всей земли на известный срок, 2) к закладу поверхности либо подпочвы на известный срок, 3) к закладу всей земли или поверхности, или почвы без указания срока, но обязательно с правом выкупа.

Китайские юристы не без основания считают эти формы заклада земли не закладом, а продажей. Китайская система заклада совершенно отлична от современной буржуазной формы ипотечного займа, когда земля остается в руках прежнего землевладельца до тех пор, пока последний выполняет взятые на себя обязательства. Ипотека экономически есть продажа ренты. В Китае в случае заклада земля немедленно переходит в руки заимодавца. Доход с земли считается причитающимся кредитору процентом по займу. Не подлежит сомнению, что в Китае именно заклад был первоначальной формой перенесения земельной собственности из одних рук в другие, ибо вплоть до Танской династии продажа земли формально не разрешалась законом и крестьянский надел считался неотчуждаемым. Торгово-ростовщический капитал, устремившийся в землевладение, не разрушил этих преград, а обошел их. Он создал форму продажи с правом выкупа в определенный срок, а потом с правом выкупа без указания срока. При этом земля обычно сдавалась в аренду самому должнику. Первоначально право выкупа было, по всем данным, бессрочным. Землевладелец, или, вернее, представитель семьи или рода, имел право выкупать землю в любое время. Конечно право это было чисто формальным, ибо разоренный крестьянин лишь в самых редких случаях мог выкупить свою прежнюю землю. Но право выкупа считалось даже наследственным, и сын или внук крестьянина также имели право выкупить заложенную землю. Так возникла необходимость более точного определения срока. В 1713 г. было объявлено, что право выкупа действительно лишь в течение 30 лет. В настоящее время максимальным сроком для выкупа земли считается 10 лет.

Если земля закладывается на определенный срок (3—5 лет), то по истечении срока она переходит окончательно в руки заимодавца, если прежний землевладелец не смог ее выкупить. В таких случаях частным соглашением или решением властей устанавливается разница между сум-

мой займа и покупной ценой земли, и заимодавец обязан уплатить эту разницу бывшему землевладельцу-должнику. Нет надобности подчеркивать, что эта разница устанавливается властями в пользу заимодавца. Часто случается, что крестьянин-должник переселился куда-нибудь со своей семьей и вовсе не может предъявить требования на оплату разницы. Приобретение земельной собственности путем предоставления займа под залог земли — вещь весьма выгодная.

Заклад крестьянской собственности играет в настоящее время на севере Китая особенно важную роль. В Хобэе, Шаньдуне, Хэнани, Шэньси, а за последние годы и в Шаньси процесс этот идет усиленным темпом. При обследовании Нанкинским университетом крестьянских хозяйств в уезде Яньшань оказалось, что пахотная земля всех хозяйств состоит на 10% из заложенной земли.

Надо ли упоминать, что эти средневековые формы мобилизации земельной собственности не останавливают подчинение земельной собственности капиталу, самый процесс мобилизации, но все же затрудняют превращение земли в товар, в буржуазную «свободную» собственность.

Не безынтересно отметить, что в странах мусульманского Ближнего Востока юридические формы мобилизации земельной собственности целиком и полностью совпадают с китайскими. Начало европейского средневековья знало те же формы мобилизации земельной собственности.

Поскольку нам удалось уловить те процессы и тенденции, которые в настоящее время происходят в земельных правоотношениях, постольку можно утверждать, что в настоящее время в Китае происходят два параллельных процесса. Идет процесс изжития, ликвидации старых форм собственности (коронные земли, знаменные земли, земли кумирен, совместное землевладение), идет процесс создания более современных форм собственности аренды, заклада и продажи земель.

Однако весьма часто войны, стихийные бедствия, бандитизм, ростовщичество оживляют отсталые формы, воспроизводя их.

«Совместное землевладение» помещика и арендатора, «вечная аренда», тюрьма для арендатора, не уплатившего арендной платы, заклад жены и детей арендатора, пытки для него же, пережитки личных повинностей, отработки — все это характерно для докапиталистических земельных отношений. Но в Китае помимо этого земельная собственность заслонена даже такими бесполезными и нелепыми с точки зрения буржуазного права покровами, как право бедных собирать колосья после жатвы. «Везде в Китае бедные считают своим правом собирать после жатвы колосья; это обычное право, которому крупные хозяева не могут противиться. Среди бедных в Китае найдутся многие миллионы, которые живут исключительно собиранием колосьев, воровством на полях и испрашиванием милостыни. Они не только собирают колосья, солому, хлопок, но вырывают и корни и собирают тщательно даже листья бобов и картофеля, употребляя их в топливо» [1]. Может быть Вагнер преувеличивает распространенность этого обычая.

Во всяком случае, все эти отношения являются остатками и пережитками докапиталистических порядков, мешают превращению земельной собственности в современную свободную буржуазную собственность,

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 276—281.

упрощенную до чистого вида товара, мешали и мешают созданию буржуазных земельных распорядков, мешают развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Разумеется, вопрос о характере земельной собственности решается в зависимости от того, какой способ эксплоатации основывается на земельной собственности. Как мы увидим при разборе арендных отношений, нет и не может быть никаких сомнений в том, что главным, преобладающим, решающим способом эксплоатации в китайском сельском хозяйстве является именно феодальный и полуфеодальный способ эксплоатации. Соответственно этому главным, преобладающим, решающим классовым противоречием является противоречие между помещиком и основными массами крестьянства. Именно поэтому главное, решающее, всеопределяющее социально-экономическое содержание буржуазно-демократической революции в Китае на первом этапе развития революции заключается в антиимпериалистической и аграрной революции, в свержении империализма, в борьбе основных масс крестьянства за землю.

Этого не понимал и не понимает троцкизм. Троцкий считает, что главным врагом крестьянства в Китае является кулак. Тем самым снимается вопрос о помещике и об аграрной революции.

Этого не понимал и не понимает Чжэн Ду-сю. Он считает, что в китайском аграрном строе нет уже остатков и пережитков феодализма, а лишь остатки пережитков феодализма. Тем самым снимается вопрос об аграрной революции.

Противоречит ли нашему утверждению, что основное и решающее в китайском аграрном строе — реальная и полуфеодальная эксплоатация основных масс крестьянства помещиком, тот факт, что подавляющее большинство помещиков в Китае не вышло из феодально-сословных землевладельцев? Отнюдь нет. С точки зрения крестьянства, с точки зрения эксплоатации не имеет никакого значения, является ли помещик благородным лэндлордом феодально-сословного происхождения или же купцом, ростовщиком, чиновником, милитаристом. Но это обстоятельство имеет весьма важное значение с точки зрения взаимоотношений между помещиком и буржуазией. Поскольку феодально-сословные перегородки мешают капиталу устремиться в землевладение, буржуазия может выступить против этих препятствий. В Китае этих препятствий давно уже не было и нет. Именно это обусловливает между прочим сращивание буржуазии с феодальной, полуфеодальной и ростовщической эксплоатацией крестьянства. Этого не понял и не понимает Чжэн Ду-сю. Этого не понял и не понимает Рой. Оба они ищут Робеспьера и Марата в лагере китайской буржуазии, забывая о том, что китайская буржуазия — враг аграрной революции.

Неразрывная связь и взаимозависимость аграрной и антиимпериалистической революции — вот, чего не поняли и не понимают оппортунисты справа и «слева», ренегаты коммунизма справа и «слева».

ГЛАВА X.

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ.

Маркс и Энгельс рассматривали необходимость искусственного орошения как главную причину своеобразия земельных отношений на Востоке вообще.

Действительно, искусственное орошение оказало решающее влияние на земельные правоотношения в Азии. Рассматривать последние в Азии вообще и на Дальнем Востоке в частности вне связи их с водными правоотношениями вообще нельзя. В Азии нет земельных правоотношений, а существуют земельно-водные правоотношения. Практика советской власти на Советском Среднем Востоке как нельзя лучше доказала это. Аграрная революция на Советском Ближнем Востоке стремилась к коренному преобразованию не только земельных отношений, но и водного права. В Средней Азии советская власть провела не земельную, а земельно-водную реформу, и искусственное орошение, создание новых гигантских оросительных систем, является одним из важнейших рычагов для социалистической переделки сельского хозяйства Советского Среднего Востока.

На всех восточных языках, у всех восточных народов, начиная с Турции до Японии, существуют в разных вариациях поговорки о том, что без воды нет земледелия. Здесь вода — душа земледелия. А собственность на землю переплетается с собственностью на воду. Но добывание воды, пользование водой можно организовать только на основании кооперации.

В Индии крупнейшие современные оросительные системы находятся в руках английских властей, а старомодные оросительные системы, резервуары и колодцы находятся в руках помещиков, и трудно себе представить худшее издевательство над крестьянством, чем тот факт, что крестьянин имеет право вырыть колодец, деревня имеет право вырыть резервуар или создать оросительную систему только с разрешения помещика. Помещик же предоставляет крестьянину право борьбы за урожай и против голодовки и разорения лишь за специальную плату. В Индонезии, в Египте, в Индо-Китае империализм держит в своих руках оросительные системы, и он же регулирует водные правоотношения. Надо только перелистать отчет королевской комиссии по земледелию в Индии, чтобы убедиться в том, что значит для крестьянства империалистическая государственная собственность на воду. Империализм использует эти командные высоты экономически. Он устанавливает дифференциальные тарифы для земель, засеянных различными культурами, продает дешевле воду для нужных ему культур, повышает плату на орошение культур, которые он желает вытеснить, и использует свою власть над водой для внедрения торгово-технических культур. Империализм присваивает путем повышения земельного налога и платежей за воду диференциальную ренту. Водная бюрократия империализма снабжает водой в первую очередь крупные хозяйства и пускает меньше воды на бедняцкие и середняцкие земли. В то же время не принимаются меры для проведения необходимого дренажа, и большие территории заболачиваются. Только в Пэнджабе больше 1 млн. акров земли

подвержено этой опасности. А в Египте недостаток дренажа начинает изменять климат, все выше и выше поднимается уровень подпочвенной влаги, что является главной причиной вырождения знаменитого египетского хлопка. В колониях империализм захватил важнейшие источники водоснабжения и тем самым важнейшие командные высоты в сельском хозяйстве. В колониях империализм «регулирует» водные правоотношения.

САСШ, где право частной собственности на землю существует в своей наиболее чистой форме, служат прекраснейшим примером того, как трудно укладывается неизбежно коллективное пользование водой в систему индивидуальной собственности на землю. В Калифорнии разведение риса в большом масштабе началось в 1914 г. Дожди выпадают здесь главным образом в период с октября до марта, когда рис не нуждается особенно в дождевой влаге, причем количество осадков не превышает 50 *см* в год. Таким образом, разведение риса целиком и полностью зависит от искусственного орошения и искусственного осушения рисовых полей. Оросительные системы находятся в ведении частных лиц, акционерных обществ, а в некоторых местах муниципалитетов. Потребитель воды платит 1—1,5 долл., а иногда и меньше, за орошение 1 акра. (В Китае орошение ручным способом стоит в 5—7 раз дороже.) Орошение из колодцев не практикуется. Благодаря крупному машинному производству и применению на больших участках машин и тракторов калифорнийский рис, несмотря на установленные Японией покровительственные пошлины и расходы по транспорту, дешевле в Японии, чем японский рис. Что случилось, однако, в области земельных правоотношений?

«Искусственное орошение в большом масштабе сделало необходимым дренаж, осушение рисовых полей. Это оказалось, однако, необходимым не только для сохранения рисовых полей в хорошем состоянии. Это потребовалось и для того, чтобы помешать поднятию уровня подпочвенной влаги на соседних полях, где не разводили риса. В округе Глены попытались разрешить вопрос путем законодательного ограничения района разведения риса. Однако осушительные сооружения потребовались и для того, чтобы помешать отливу воды или преднамеренному спуску ее на соседние поля. Подобные убытки, угроза убытков, мнимые убытки были обильнейшим источником всяких процессов. Процессы по вопросам водного права и осушения делали разведение риса в течение нескольких лет более доходным делом для адвокатов, чем для кого бы то ни было. Вопрос об осушении уже в общем разрешен, но вопрос о праве на воду не будет разрешен, пока не состоится урегулирование водного права в широком масштабе» [1].

Такое урегулирование будет нелегким делом для законодательства САСШ, ибо трудно уложить право коллектива на воду в право неограниченной частной собственности на землю. Урегулирование водных правоотношений было делом не из легких в Туркменистане, где помещики и кулаки захватили источники воды, где имели место случаи, когда крестьянин унаследовал право на воду, но земли уже не имел. На Филиппинах земля уже перешла в частную собственность, но вода

[1] Copeland, Rice, 167—168.

на многих местах все еще является общинной собственностью. В Индии в общинах имелись и отчасти имеются надзиратели за водоемами, которые распределяют из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей. Но в общем и целом в Китае обычное право и традиции регулируют водное право точно так же, как и земельные отношения. Обычное право и традиции, в свою очередь, являются результатами жесточайших боев между крестьянством и узурпаторами источников воды, очень часто жесточайших войн между деревнями, между отдельными крестьянскими хозяйствами. Тт. Волин и Иолк установили, что в Гуандуне бесконечные бои между деревнями, кланами происходят очень часто именно на этой почве. Тов. Тарханов нашел в Гуанси, что борьба крестьян против помещиков ведется часто из-за источников воды. В Хобэе, в уезде Ханьдань, борьба из-за воды идет между купцами и лодочниками, с одной стороны, и крестьянами — с другой. «В Северном и Западном Чжэцзяне, где оросительная система хорошо развита, конфликты редки. Если участок не расположен в непосредственной близости от канавы, крестьянин может получать воду через оросительные каналы своего соседа и обыкновенно платит за это последнему известную сумму. В южном и восточном Чжэцзяне водоснабжение более скудно, и поля орошаются горными ручейками. Согласно местному обычаю, землевладелец имеет исключительное право на воду, если ручей течет через его имение. Во время засухи такой землевладелец строит шлюзы, задерживает воду и лишает ее землевладельцев, участки которых расположены по нижнему течению ручьев. В этих случаях возникают серьезные конфликты, и в конце концов в дело вмешиваются власти. Суды часто не в состоянии вынести приговор по подобным делам, ибо нет закона для таких случаев»[1]. Несомненно, это наивное описание прикрывает попытку помещиков и кулаков захватить горные ручьи.

В Сюйюани землевладелец получает $^2/_5$ урожая в качестве арендной платы, а кроме того арендатор обязан платить за воду для орошения 100 му от 2 до 8 долл.[2].

В Восточном Шаньдуне старые примитивные оросительные орудия заменяются насосами, изготовленными в местных мастерских. «Вообще считают, что не стоит обрабатывать участок, если там нет колодца. Крестьяне-бедняки однако не имеют средств для того, чтобы вырыть колодец, и в отношении водоснабжения зависят от колодцев своих соседей. В таких случаях они покупают воду у своих соседей за деньги или взамен других услуг»[3].

В Шаньси оросительные каналы или канавы являются общинной собственностью деревень. Если канал проходит через несколько деревень, то все деревни пользуются водоснабжением по очереди. Это регулируется соглашением между деревенскими старостами. Как общее правило, каждая деревня имеет право на водоснабжение в течение 5 или 10 дней, смотря по плотности населения и по размеру посевной площади. В этот промежуток времени каждый крестьянин имеет право

---

1 «Chinese Economic Monthly», 1926 г., v. III, № 10, 434.
2 «Chinese Economic Journal», 1927 г., v. I, № 3, 297.
3 «Chinese Economic Monthly», 1926 г., v. III, № 12.

на водоснабжение в соответствии с размером его участка. Время водопользования каждого крестьянина измеряется не часами, ибо часов в шаньсийских деревнях нет, а сжиганием жертвенных свечек. Каждая жертвенная свечка длиной в 30 *см* горит в течение 30 минут. Крестьянин А., владеющий 10 му земли, пользуется водой во время горения двух свечек, а крестьянин Б., имеющий 20 му земли, имеет право на четыре жертвенных свечки. Эти соглашения действительны в течение столетий, и они изложены в письменном виде в летописях заинтересованных деревень. Деревенские старосты являются хранителями таких документов, и если вспыхивают конфликты по поводу водоснабжения, деревенские старосты заинтересованных деревень собираются в храме бога войны и разрешают вопрос арбитражем [1].

Это длинное описание дает более ясное представление о правовых отношениях в шаньсийской деревне, чем целая книга германского профессора или десять лекций Английского королевского общества для изучения Азии.

В Гуандуне в некоторых местах кланы и общины организуют и регулируют водоснабжение; отчасти на этом держится бесстыдное ограбление доходов клана со стороны джентри. Между кланами часто годами ведутся бои и судебные процессы из-за воды, причем судебные чиновники и джентри подстрекают крестьян к боям и процессам, потому что чиновники зарабатывают на процессах массу денег, а джентри отвлекают внимание крестьян подобными войнами от своих манипуляций.

В Кантонской дельте и в окрестностях Шанхая джентри, купцы, помещики учреждают товарищества на паях, строят оросительные каналы и продают воду крестьянам за установленную в договорах плату.

Мы не хотим вдаваться в дальнейшие подробности, как бы они интересны ни были, и не станем описывать, как регулируется вопрос там, где на склонах гор имеются террасы, или в узких долинах рек, где расположенные поблизости к источнику воды участки получают вместе с водой и аллювиальное удобрение, в то время как более отдаленные участки получают лишь бедную питательными веществами воду. Все учтено, все предусмотрено обычаем или навязано крестьянам силой оружия, чиновничьим и судебным обманом и помещичьим насилием. От общинной собственности — через узурпацию помещика — вплоть до почти современного капиталистического контракта все виды правовых отношений существуют в водном праве Китая. А водные правоотношения неразрывно связаны с земельными правоотношениями. Вот почему Маркс и Энгельс подчеркивали именно этот момент, как ключ к пониманию восточных земельных отношений. Это прекрасно понимают империалисты, которые теперь уже захватывали и захватывают в свои руки орошение там, где господствует поливное хозяйство (Ява, Индия, Корея, Индо-Китай, Египет, Судан). Это прекрасно понимают и господствующие классы Китая, которые в настоящее время ведут наступление против крестьянства, чтобы овладеть водоснабжением, загородить источники воды и превратить их в частную собственность.

Незахваченные еще важнейшие источники воды в областях искусственного орошения являются предметом борьбы между империали-

---

[1] «Chinese Economic Monthly, 1925 г., v. II, № 11.

стическими державами. Лучшим примером этого служит та борьба, которая велась между английским и американским капиталом за концессию на использование водных источников в Абиссинии. Борьба эта дошла до дипломатических выступлений в виде ноты протеста со стороны Англии против американской попытки к монопольному захвату абиссинских вод. Борьба окончилась пока компромиссом между американским и английским капиталом за счет абиссинского, суданского и египетского крестьянина.

Английский социал-либерал Гобсон в своем труде об империализме утверждает, что «многочисленные постановления закона и обычая предохраняют против захватов земли и установления монополии. В Китае невозможно, чтобы богатый человек захватил колодец и отвел его воду в свои пруды посредством подземных водосточных труб, оставляя неорошенными поля, под которыми она протекает. Вода так же необходима для жизни, как воздух и земля. Никто не имеет права сказать: «Это мое, это принадлежит мне». Это чувство глубоко вкоренилось в Китае». Это утверждение Гобсона, разумеется, чистейший вздор. Вся прошлая и настоящая история Китая говорит о том, что богатые люди захватили не только колодцы и ручьи, но и целые реки и озера. Вообще Гобсон в своем законном возмущении против английского империализма непомерно наивно идеализирует китайскую деспотию, подчеркивая, что «Китай в сущности представляет собой огромное гнездо маленьких свободных самоуправляющихся коммун, воодушевленных подлинным духом равенства» [1], и обнаруживая у китайских чиновников «уважение к труду» и другие прекрасные качества. Но все это так же верно, как утверждение, что богатые люди не захватывают колодцев. Наоборот, они захватывают как раз источники воды, именно потому, что вода так же необходима крестьянину, как воздух и земля. Но это отлично понимают и китайские крестьяне, которые поднялись на борьбу для того, чтобы превратить систему водоснабжения не в крестьянскую собственность — крестьянин понимает, что организация и регулирование водоснабжения ему непосильны, — а в общинную или областную или государственную собственность рабоче-крестьянского Китая.

В этом одна из важнейших предпосылок, одна из важнейших гарантий того, что революция в Китае пойдет через ряд ступеней, не по капиталистическому, стало быть, а по социалистическому пути развития. В способе земледельческого труда заложены элементы кооперации, общественного труда. В этом состоит одна из важнейших черт дальневосточного крестьянина в отличие от европейского или американского крестьянина.

Оросительные системы станут и в Китае важнейшими рычагами для социалистической переделки сельского хозяйства.

---

[1] Дж. Н. Гобсон, Империализм, 240. Ленин считал книгу Гобсона «главным английским трудом об империализме», которую он использовал «с тем вниманием, которого этот труд заслуживает».

ГЛАВА XI.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ.

В Индии, Японии, на Яве, в Китае, в Корее государство играло в древние времена несколько другую роль в жизни народов, чем, скажем, в европейских странах. Неписанное обычное право в Китае возлагало на императора ответственность за стихийные бедствия, и в случае повторных стихийных бедствий признавало за народом право на свержение императора, утерявшего мандат неба. Отдельные крестьянские хозяйства не в силах защищаться против стихийных бедствий. Это дело общины, областной или государственной власти. Но последние не могут бороться против стихийных бедствий только путем трудовой повинности десятков и сотен тысяч крестьян. Отсюда в историческом прошлом огромная роль трудовой повинности — в пользу общин или же в пользу государства — в этих странах.

Мы уже указали на то, что создание оросительных систем, сооружение плотин для предотвращения наводнения, вырытие Большого канала, создание системы императорских дорог, постройка Великой китайской стены для отражения нашествия кочевников и защиты торговых путей, соединивших Китай в свое время с Центральной Азией, потребовали гигантского, совершенно небывалого количества человеческой рабочей силы на началах докапиталистической кооперации. Кооперация, необходимая для проведения этих колоссальных общественных работ в земледельческих общинах Индии, покоилась, «с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной». В Китае эта кооперация покоилась на отношениях непосредственного господства и подчинения. Трудовая принудительная повинность крестьян превращалась со временем в натуральную, а впоследствии в денежную. Трудовая повинность превращалась в налог. Этот процесс мы можем наблюдать в ряде колоний империализма, ибо империализм везде вводит трудовую повинность или оставляет ее в силе, пока развитие капитализма не создаст в достаточном количестве свободных рабочих рук.

Против голода, возникающего в результате стихийных бедствий, отдельные крестьянские хозяйства не могут защищаться и потому, что вследствие беспощадной эксплоатации дальневосточное крестьянское хозяйство уже с давних пор является хозяйством без запасов. Запасы собирались у помещика, купца, ростовщика, поскольку эти классы уже возникли. Запасы собирали община, провинциальная власть, род или государство. Так было на Яве, где общины собирали запасы. Так было в Индии, где амбарная система играла огромную роль. «В Японии уездные власти с давних пор давали нуждающимся крестьянам «суйко» — заем в рисе, причем этот обычай существовал уже с незапамятных времен» [1]. Что уездные начальники уже в ранние эпохи взимали по рисовым займам 50—100%, это только указывает, как использовали господствующие классы и торгово-ростовщический капитал эту форму социального обеспечения.

---

[1] Mazélière, Le Japon Ancien, 255.

Одной из важнейших задач классового государства в этих странах считалось регулирование цен на рис там, где уже развились рыночные отношения, а также обеспечение регулярного снабжения рисом. Во время мировой войны Япония переживала рисовые бунты, и правительство вынуждено было принять меры к регулированию цены риса. В 1921 г. парламент принимает закон о государственном регулировании цен на рис, и в том же году правительство уже закупает 10,5 млн. коку риса на внутреннем и 500 тыс. коку риса на внешнем рынке, главным образом в Калифорнии. Однако закон предусматривает меры не только против повышения, но и против разорительного для кулаков чрезмерного падения цены риса. В 1923 г., чтобы помешать падению цен на рис, правительство закупает на внутреннем рынке 350 тыс. коку риса. В 1926 г. снова плохой урожай — и правительство отменяет пошлину на ввоз риса и само закупает заграничный рис. 1927 г. ознаменовался хорошим урожаем, и кабинет Танака закупил 1 млн. коку риса, для того чтобы приостановить падение цен. Установлено семь огромных распределительных пунктов, и, по сути дела, восстановлена в новой форме амбарная система.

Теперь уже империалистическое государство снова взяло на себя роль регулятора хлебного рынка.

Кажется нет особой нужды подчеркивать, что регулирование цен на рис происходит теперь в интересах помещика и кулака. Кажется нет особой нужды подчеркивать, что регулирование цен в период монополистического капитализма происходит на качественно иных началах, чем в феодальной Японии, где ряд крупных восстаний вспыхнул в связи с повышениями цен гильдиями рисовых торговцев. Но несомненно, что в стране, где рис является основным, главным, решающим предметом питания для народных масс, свободная конкуренция жестоко оскандалилась.

Свободная конкуренция жестоко оскандалилась и на Яве. Там под властью голландского капитала, совершившего исключительные подвиги в смысле введения торговых культур (сахар, кофе, чай и т. д.) путем принуждения, древняя амбарная система «десса» (деревенских общин) пришла в упадок. Введение системы принудительных культур, принудительное превращение рисовых полей в посевную площадь под сахар, кофе, чай, перец, грабительская эксплоатация крестьянства голландским капиталистом, плантатором, китайским купцом и ростовщиком доделали остальное. Разразилась целая серия огромнейших голодовок. Продовольственный баланс страны в целом и продовольственный баланс деревни стали пассивными. Голландский империализм был вынужден организовать в больших деревнях так называемые «рисовые банки», в пользу которых крестьяне обязаны платить денежный целевой налог, а кроме того вносить продуктами часть своего урожая и выполнять в порядке повинности ряд работ. Рисовые банки предоставляют крестьянам ссуды рисом, которые после урожая крестьянин обязан вернуть натурой же, с уплатой 50% (пятидесяти!). Китайские ростовщики на Яве взимают еще больше — от 100 до 200%.

В древнем Египте амбарная система играла также большую роль. Наряду с орошением она служила основой древне-египетской деспотии.

В Китае регулирование хлебного рынка государством имеет огромную давность. Конфуций начал свою карьеру как надзиратель хлебного рынка. «По настоянию своей матери он принял подчиненный пост чиновника, наблюдающего за продажей и распределением зерна. Ежедневно рано утром он отправлялся на место продажи риса. Он имел хороших и незаинтересованных (!) экспертов, которые помогали ему различать зерна разного качества и устанавливать такие цены, которые удовлетворяли покупателей и не наносили вреда продавцам... Монополии и злоупотребления скоро исчезли... Он покинул город лишь для того, чтобы контролировать амбары, где хранился рис и другое зерно...»

Этот рассказ показывает, что уже в VI в. до хр. эры отдельные князья имели амбары, господствовали на хлебном рынке, регулировали цены, и что существовала широкая внутренняя торговля рисом и хлебом. Мэнцзы также неоднократно упоминает о рынке, о полных хлеба амбарах князей, о старых, хороших князьях, которые во время голода давали народу рис из амбаров. Разумеется, крестьяне раньше, чем получать, вносили свой рис в амбары князей. Система амбаров существовала уже при династии Чжоу. Уже Ханьская династия в I в. до хр. эры, а затем Танская династия в VII в. хр. эры установили декретом цены на рис, создали наряду с запасными амбарами ценоуправительные и благотворительные, обложили чай налогом на содержание этих амбаров. Была введена система «Хо-ти», т. е. «равнение», или «обмен риса», по которой крестьянин, кроме поземельного налога, вносил в амбары в урожайные годы известное количество зерна, а в голодные годы мог обращаться за помощью к правительству.

Из общественных амбаров часто снабжали армию. Эти амбары нередко имели землю. Они играли иногда роль кладовых, и крестьяне имели право добровольно вносить в амбары свои запасы в ожидании худших времен. При монгольской династии из амбаров кормили всю родовую общину монголов, и китайский крестьянин платил всегда огромную дань для прокормления императорского двора. Денежная форма налога возникает впервые в III в., но основой системы фискального ограбления осталась натуральная плата, причем крестьянин платил не только рисом и зерном, но и шелком и даже изделиями домашней промышленности. Большой императорский канал был сооружен при Юаньской династии и продолжен при Минах для перевозки дани в Пекин. Все это громадное количество продуктов хранилось в общественных амбарах. Кроме того каждая провинция, каждый уезд и каждая деревня имели свой общественный «амбар» [1]. В начале XX в., когда рост товарного хозяйства и разложение государственного аппарата привели к упадку амбарной системы, когда дань императору превратилась уже в денежный налог, в общественных амбарах все еще находилось около 1 802 тыс. *т* зерна. После революции 1911 г. амбарная система пришла в совершенный упадок. Общегосударственных или про-

[1] Русский монах Иакинф в своем труде «Китай в гражданском и нравственном состоянии» весьма недурно излагает историю амбарной системы в Китае.

винциальных амбаров уже нет. Лишь отдельные деревни и отдельные города[1] имеют и сейчас амбары. Китайское хозяйство в целом перестало быть хозяйством, имеющим запасы.

Продовольственный баланс страны стал пассивным. Стремительно растет ввоз риса, пшеницы и пшеничной муки из-за границы.

В 1930 г. уже председатель Китайского банка с тревогой говорил о том, что ввоз пищевых продуктов в страну выражается в сумме на 200 млн. таэлей.

Амбарная система возникла как своего рода социальное обеспечение общества против стихийных бедствий и голодовок. Но в руках господствующих классов она стала новым добавочным прессом для выжимания прибавочного продукта из крестьянства. Бюрократия китайской деспотии использовала ее для спекуляции, для повышения и понижения цен на рис по надобности спекулянта — чиновника и купца. Она же использовала амбарную систему для ростовщичества. Запасы общества стали в руках господствующих классов и их агентов оборотным капиталом для ростовщических сделок. А обязанность крестьянина внести часть своего урожая в общественные амбары превращалась в повинность, в налог.

Современный поземельный налог исторически возник, во-первых, из натуральной ренты, во-вторых, из превращения трудовой повинности в натуральные, а впоследствии денежные поборы; в-третьих, из дани, которую крестьянин платил завоевателям манчжурам, в-четвертых, из платежей за выкуп от военной службы, а в-пятых, из натуральных взносов крестьянина в государственные амбары.

Уже при Ханьской династии устанавливается окончательно система постоянной армии. Вместо воинской повинности крестьян вводится особый налог за отмену воинской повинности.

Из этих элементов возникла исторически налоговая система в Китае.

В области фискально-административного ограбления крестьянства китайское чиновничество проявило такую изобретательность, что нехватило бы многих томов для изложения разнообразнейших налоговых систем. Но в основе налоговых систем при всяких династиях лежал «принцип» восточных деспотий, что «все под небом принадлежит государю», что крестьянин получил землю от государства, что налог является рентой за крестьянскую землю.

Налог на крестьянскую землю совпадал с рентой.

Этот принцип восточных деспотий применяли английские завоеватели в Индии, объявляя себя верховными собственниками земли. И там, где они создали карикатуру крестьянской парцелярной собственности — в Бомбее, Пэнджабе, в отдельных частях Мадраса, — они на самом деле осуществляли принцип восточной деспотии, заключавшийся в том, что налог является рентой, должен совпадать по своей величине с рентой. Этот принцип проводится все еще во всех отсталых колониях империализма, где налог, а в особенности денежный налог, является важнейшим рычагом для превращения натурального хозяйства в товарно-денежное.

---

[1] Город Чжанчжоу по ж.-д. линии Шанхай—Нанкин, с населением в 200 тыс., и сейчас имеет еще амбары. Часть урожая вносится в амбар, и крестьяне получают ссуды рисом на 4—5 месяцев, за что платят 20%.

Но в то же время экономическое содержание поземельного налога принимает новый вид и получает новое значение при системе милитаризма и господстве империализма над Китаем. Китайский крестьянин вплоть до Ханьской династии вносил поземельный налог и другие подати натурой. Ханьская династия сделала попытку превратить подушный налог продуктами в денежный налог; с каждого жителя старше 15 лет взималось от 20 до 60 медных монет. Такая же попытка была произведена в отношении трудовой повинности и вместо трех дней принудительных работ стали взимать 300 медных монет. Вместо подворного налога продуктами, следовало платить 200 монет. Эта попытка насильственно превратить в основном натуральное крестьянское хозяйство в денежное хозяйство имела место во II в. хр. эры. В этом отношении Китай опередил, например, Францию на четырнадцать столетий. Но эти усилия торгового и ростовщического капитала не увенчались успехом. Крестьяне не могли платить денежных налогов, и «постановление это положило начало кабале, до сего времени существующей в Китае и терпимой правительством, так как бедный класс, народ, продавал или закладывал собственных детей» [1], и даже убивал их. Пришлось вернуться к натуральным налогам. Танская династия в VIII в. снова попыталась ввести денежное обложение, и летописи отмечают, что провинции получали из налоговых поступлений 20 млн. связок медяков и 4 млн. мер риса, а центральное правительство — 3 млн. связок медяков и 6 млн. мер риса. При сунской династии денежный налог на сделки по купле и продаже земли и наследственный налог с недвижимого имущества давали казне 4—5 млн. связок медяков. Денежные налоги дали китайской бюрократии возможность захватить господство на денежном рынке. Вплоть до XII в. банковые дела в Китае находились по сути дела в руках правительства, т. е. бюрократии, связанной с землевладением, торговлей и ростовщичеством. «Купцы-откупщики собирали налоги, а правительство (т. е. чиновники) занимались банковым делом» (т. е. ростовщичеством). «Предоставление займов (т. е. ростовщичество) стало главным занятием чиновников». «Местные чиновники и казначеи, используя налоговые поступления, сами стали заниматься банковым делом и ссужением денег». «Вплоть до 1911 г. губернаторы и уездные начальники ссужали государственные фонды китайским местным банкам даже без тени обеспечения» [2]. Разумеется, в настоящее время милитаристы уже не делают никакой разницы между своим карманом и казной.

Упадок хозяйства и крушение внутреннего рынка часто приводили к восстановлению натурального обложения крестьянского хозяйства. Однако городские налоги — на дома, на купцов, на торговый оборот — и внутренние пошлины, знаменитый лицзин, сохранили уже денежную форму. Достаточно прочесть прекрасные описания Марко Поло, чтобы убедиться в том, что в отношении денежных поступлений европейские монархи тех времен были бедняками, по сравнению с Кублай-ханом.

В начале денежную форму носили лишь поземельный налог и объединенный с ним подушный налог; дань крестьянин платил рисом. После Тайпинского восстания начался довольно быстрый процесс превращения

---

[1] Захаров. Историческое обозрение народонаселения в Китае, 153.
[2] S. R. Wedgell, Curency and Banking in China, 149—151.

всех натуральных налогов в денежные. Империалисты прекрасно поняли, что это превращение явится могучим рычагом товаризации крестьянского хозяйства, и не случайно, что организатор морских таможен Харт и подобные ему «спасители» Китая бомбардировали императорский двор всякими меморандумами о «реформе» поземельного налога.

Эра милитаризма застала уже денежную систему земельного налога, и милитаристы широко использовали ее. Земельный налог собирается 3—5—10 раз в году. К основному налогу присоединены разные накидки, надбавки, дополнительные налоги и т. д. В Шаньдуне земельный налог в 1926—1927 гг. превышал уже валовой доход крестьянского хозяйства; в Хэнани и в Сычуани налог собран за 10—20 лет вперед. Денежная, т. е. современная форма налога объединена с налоговой системой китайского средневековья. Откупщик, чиновник и собиратель податей сдирают с крестьянина, сколько могут. Вагнер подсчитал, что шаньдунский крестьянин «платит с 1 *га* земли 8 таэлей, или 24 марки (12 руб.) поземельного налога, и таким образом китайский крестьянин платит в качестве поземельного налога в 15 раз больше, чем прусский крестьянин до 1866 года»[1]. Но с тех пор в Шаньдуне появился Чжан Цзун-чан, и налоги увеличились в 5—6 раз. В Хобэе поземельный налог в течение трех лет возрос в пять раз. В калганском районе при Фын Юй-сяне существовали 83 вида налога, в том числе налог на посещение проституток в публичных домах, причем большинство этих налогов падало на крестьянство. Можно было бы написать целые томы о налоговом ограблении в разных провинциях, но и тогда еще не удалось бы исчерпать все формы ограбления народных масс.

Усиливающееся налоговое ограбление крестьянских масс является могущественным рычагом товаризации крестьянского хозяйства. Крестьянин вынужден продавать не только свои товарные «излишки», но и часть необходимого для собственного пропитания продукта, чтобы уплатить налог. Внутренняя и внешняя торговля растет, все бо́льшие и бо́льшие товарные массы выбрасываются на рынок, но не за счет общего увеличения производства, а за счет снижения голодного пайка основных масс крестьянства. Этим объясняется отчасти рост внешней торговли Китая при общей тенденции упадка сельского хозяйства. Китайские купцы прекрасно это понимают и стараются приурочить свои закупки к срокам собирания налогов, зная заранее, что в такие периоды бедные и средние слои крестьянства вынуждены продавать свои продукты безотносительно даже к китайской рыночной цене. Крупные земельные собственники — помещики, купцы, ростовщики, чиновники, отчасти кулаки, — имеющие связь и доступ к ямыню (присутственные места), относительно мало страдают от обложения земли. Они уклоняются от уплаты поземельного налога, который всей своей тяжестью ложится на основные массы крестьянства.

В тех областях, где преобладает самостоятельное крестьянское хозяйство, именно рост налогов и реквизиции придают такой размах и ожесточенность движению Красных пик и других крестьянских организаций. Это стихийное движение выросло как раз на почве борьбы против непомерных налогов, и растет по мере роста налогов.

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 643.

Это движение выросло и развивалось в борьбе против налогов, реквизиции, милитаристических грабежей и бандитизма. Вначале оно совсем не было направлено против помещичьей собственности, не было направлено даже против ростовщичества. Оно не было диференцировано в смысле классовом, и борьбу, возникавшую часто между различными организациями, возникающими стихийно, вовсе нельзя пока рассматривать как борьбу между социальными группами самого крестьянства. Вначале оно не было связано с классовым расслоением деревни, и только фантазия профессора Ивина открыла уже в 1926 г. классовую борьбу между Большими ножами и Маленькими ножами, между Красными пиками и пиками другого цвета.

Нет, от этого движения крестьянских организаций до Красных пик было еще далеко в 1926 г.

Только за последнее время Красные пики начали в долине Желтой реки и в южном Шаньдуне борьбу и против ростовщиков, но классовое расслоение еще не проникло в это движение, а замечается лишь кое-где. Когда в мае и в июне 1927 г. в Хэнани некоторые агитаторы заговорили перед Красными пиками о лозунгах классовой борьбы в деревне, то кроме разбитых голов агитаторов, других результатов эти речи за собой не повлекли. Борьба ведется пока против налогов и реквизиций, против зверств солдатчины и бандитизма, и там, где крестьянские союзы подходили к Красным пикам именно с этими лозунгами, как это имело место в Шэньси, там они быстро завоевывали Красные пики на свою сторону, чистили организации от джентри, после чего движение, быстро разрастаясь, усваивало плебейское разрешение вопроса о головах джентри и о земле. Впоследствии там началось классовое расслоение, и лишь зверская расправа над движением со стороны Фын Юй-сяна и ему подобных генералов могла на некоторое время подавить движение. Однако движение Красных пик, как общее правило, пока является не борьбой за перераспределение земли, а отчаянной самообороной деревни против налогов, реквизиций, чиновничьего и солдатского произвола и бандитизма.

Местами оно уже диференцируется, начинает перерастать в борьбу против ростовщичества, а тем самым и против кулачества. Но в общем и целом это движение является пока движением всего крестьянства, и как общее правило, кулак руководит движением. В борьбе против чрезмерного налога, бандитизма, реквизиции, солдатского произвола заинтересован и он. А часто даже мелкий помещик и джентри руководит движением или влияет на него через кулака. Именно в отсутствии диференциации движения его слабость. Именно через мелкого помещика, джентри и кулака может та или иная генеральская группа использовать в своих целях это движение. Реакционно-утопических идей, фантастических, религиозных суеверий вплоть до учения о неуязвимости мужика, в случае соблюдения всех обрядов, имеется в этом движении сколько угодно. В Центральном Китае помещики и гоминдан летом 1930 г. в срочном порядке начали организовать разные зеленые и прочие союзы, типа союза Красных пик, для борьбы с рабоче-крестьянской Красной армией китайских советов. «Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей крестьянской идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического харак-

тера всего этого движения в целом», — писал Ленин о крестьянском движении в России в 1906 г. Реакционных элементов в движении типа союза Красных пик сколько угодно, но это отнюдь не значит, что нельзя перевести это движение на рельсы широкого революционно-демократического движения, что нельзя очистить это движение от реакционно-утопических примесей, что нельзя вырвать его из-под руководства кулаков, из-под влияния джентри, мелких помещиков и отдельных империалистов, что нельзя выделить из них бедняцкие и середняцкие группы. Ведь речь идет о движении, охватившем миллионы крестьян. В этом отношении перед китайскими коммунистами стоят большие задачи. На советских территориях эта задача стоит иначе, чем на территориях, находящихся еще под властью гоминдана. Там на советских территориях, необходимо стремиться к ликвидации подобных организаций, создавая в них группы бедноты, заключая союз с середняком против кулака и группируя основные массы крестьянства вокруг советов. На территориях, находящихся под властью гоминдана, необходимо завоевать влияние на эти организации, опираясь на бедноту и стремясь к привлечению, к завоеванию середняка.

Вернемся, однако, к вопросу о налогах. Картина о налоговой системе в Китае будет неполной, если не подчеркнуть тот факт, что вся эта система строится на началах откупа. Милитаристы продают право собирания налога откупщикам, продают часто прямо на публичных торгах и даже, где нет формально откупщика, чиновник является по сути дела откупщиком налога. «Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку — аренда, подати, налоги и т. п. — сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен древнего Рима и до нашего времени так широко пользуется арендаторами, fermiers generaux, receveurs généraux»[1]. Откупная система сопровождает, как тень, налоговую систему в истории Китая. Откупная система играла огромную роль в истории Индии, и лишь английские завоеватели превращали откупщиков налогов — земиндаров — в помещиков. А откупная система является в Китае все еще традиционно обычно-правовым отношением между помещиками и арендатором и превращается в договорное, определяемое точными нормами, чисто денежное отношение.

Вопрос о налогах стоит остро и в тех областях, где преобладает аренда. Но все же налог — главный бич самостоятельного крестьянина. Арендатор, по традиции, не платит поземельного налога. Последний вносится помещиком. В некоторых местах эта традиция уже нарушена. Кроме того местные деревенские налоги платит арендатор. А количество этих местных поборов возросло неимоверно. В этих областях помещик компенсирует себя за рост налогов повышением арендной платы.

Налоги привели к усилению процесса товаризации крестьянского хозяйства, усилили денежный характер последнего, способствовали расширению рыночных отношений. Но подобно тому как капитализм не только создает внутренний рынок, но и разоряет его, так и налоговая политика милитаризма и империализма разоряет китайское крестьян-

[1] Маркс, Капитал, т. II, ч. 2, стр. 140.

ское хозяйство. В 1927 г. этот процесс уже нашел свое выражение в сокращении внешней торговли.

Земельный налог в Китае не только препятствует накоплению, но подрывает самое хозяйство. Отнимая не только часть ренты и часть прибыли, но и всю ренту, всю прибыль и даже часть зарплаты китайского крестьянина, земельный налог превращается в дань. Поэтому земельный налог в Китае и по политическому и по экономическому своему содержанию носит не современный буржуазный, а докапиталистический азиатский характер, несмотря на его чисто денежную, внешне-буржуазную форму.

И вовсе не случайно то, что в крестьянской революции в Китае борьба против налогов играет столь огромную роль.

ГЛАВА XII.

ХАРАКТЕР И ФОРМЫ АРЕНДЫ И НАЕМНОГО ТРУДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ.

Мы перейдем теперь к разбору центрального, решающего, важнейшего вопроса аграрного строя в Китае к разбору арендных отношений. Раз огромная, подавляющая часть земли находится в руках помещиков, раз помещик не ведет собственного хозяйства, а сдает землю в аренду крестьянам, нам придется остановиться на формах и характере арендных отношений в китайской деревне и на социально-экономическом содержании этих отношений. Этот вопрос решает вопрос о способе эксплоатации, о социально-экономическом содержании всего аграрного строя.

Мы начнем с разбора вопроса о формах аренды, пытаясь не отрывать формы от содержания.

При разборе этого вопроса опять-таки огромные затруднения представляет разнообразие арендных отношений в разных провинциях и даже в отдельных уездах. Это разнообразие в положении разных слоев крестьянства является одной из характерных черт докапиталистических земельных отношений вообще, но в Китае оно достигло прямо-таки невероятных размеров. Каждая провинция имеет множество своих традиционных типовых арендных отношений. Мы не собираемся излагать все формы арендных отношений во всех провинциях и ограничиваемся перечислением важнейших форм некоторых из них. В различных комбинациях, в модифицированном виде эти формы повторяются и в других провинциях.

Итак начнем с провинций, о которых мы располагаем более обильными материалами. На первом месте стоит провинция Гуандун.

В Гуандуне имеются следующие формы аренды:

1. «Вечная» аренда. Помещик и арендатор делят между собой урожай в пропорции 40 : 60 или 50 : 50 или 60 : 40, а иногда даже 70 : 30. Пропорция всякий раз зависит от традиции, установившейся несколько сот лет тому назад. В случае недорода рента снижается или арендатор совсем освобождается от оплаты аренды. В этом случае, часто делится солома. От традиции зависит, делится ли только один, так называемый главный урожай (осенний), или делятся все два или три урожая. Как правило, последний урожай (овощи, капуста, картофель, —

словом, не рис) не делится. Иногда помещик берет 80% главного урожая, но в таких случаях он получает свою долю лишь от одного урожая. Как общее правило, помещик берет в среднем от 40% до 60% всех урожаев. Арендатор обязан по праздникам подносить помещику подарки (гусей, рыбу, овощи и т. п.). Уплата аренды сопровождается пиршеством за счет арендатора. В некоторых местах помещик сам собирает ренту, в других он держит для этого агента, в третьих арендатор доставляет ренту во двор помещика. Арендатор обязан изредка работать во дворе помещика. Пока арендатор платит арендную плату, его нельзя согнать с земли. Арендатор имеет право переарендовать свой участок.

Долгосрочная аренда. Помещик сдает землю в аренду на 5, 10, 15, 20 лет. Арендатор обязан заботиться об удобрении земли. Урожай делится в известной пропорции.

Краткосрочная аренда. Земля сдается в аренду на 1—3 года. Условия аренды, как у долгосрочной.

Твердая рента продуктами. Соглашение об аренде устанавливает определенное количество продукта как арендную плату. Количество продукта зависит от качества земли, от близости к источникам воды, от местоположения и от прочих условий.

Твердая рента деньгами. Условия, как у твердой ренты, продуктами, но арендная плата вносится деньгами. В зависимости от того, какая арендуется земля влажная или суходольная, арендная плата за 1 му земли колеблется от 7 до 25 долл. в одном уезде, от 2 до 8 — в другом. Но бывает и так, что в одном и том же уезде арендная плата колеблется между 2 и 30 долл.

Аренда с задатком. При заключении арендного соглашения арендатор вносит известную сумму с каждого му земли в качестве задатка. Если он не платит арендной платы, помещик имеет право вычесть из задатка соответствующую сумму. Размер задатка колеблется от 5 до 50 долл., смотря по уездам, в зависимости от урожайности и местоположения земли. За участки, находящиеся под постоянной угрозой наводнения, платят меньше.

Твердая рента и аренда с задатком опять-таки могут быть краткосрочными, долгосрочными и даже без указания срока. Помещик предоставляет только землю и жилье. В Гуандуне в редких случаях помещик предоставляет и семена, с.-х. инвентарь или скот.

Самая распространенная форма арендных отношений — издольщина со внесением арендной платы продуктами. Письменные договоры заключаются редко. Преобладает устное соглашение. В случае продажи земли помещиком новый помещик обычно повышает арендную плату.

За последнее время возникла новая форма аренды, а именно субаренда. Помещик сдает землю в аренду так называемому «главному арендатору». Последний сдает ее в аренду субарендатору. В таких случаях нередко на долю главного арендатора и помещика падает 75% урожая, а на долю субарендатора — только 25%. Здесь нова только форма. В Гуандуне иногда клановые земли сдаются главному арендатору и попадают к арендатору-производителю, через ряд субарендаторов.

В Индии дело дошло до того, что например в Бенгалии образовалось от 16 до 21 яруса из получателей ренты. Так получилось, что в

Индии их уже имеется 10 млн. В Китае англичане не помогли вырастить 16—21 яруса паразитов, но часто и там набирается 3—4—5 ярусов.

Имеются уже и товарищества на паях, которые арендуют землю и сдают ее другим лицам. Монастырские земли очень часто сдаются в аренду главному агенту, последний сдает их субагентам, а те — крестьянам. В северном Цзянсу море повредило соляные прииски, превратив их в болото. Провинциальные власти продавали эти земли товариществам на паях, состоявшим из купцов, чиновников, ростовщиков и т. д., которые обычно без дальнейших затрат капитала сдавали их в аренду крестьянам. В областях колонизации колонизационный фонд также скупается товариществами из джентри. Арендные отношения не меняются, конечно, если на месте помещика выступает товарищество земельных спекулянтов. Во всем Китае известны 3 или 4 случая, когда эти товарищества ведут хозяйство сами при помощи наемных рабочих, в более или менее крупном масштабе. Два таких товарищества существуют на острове Хайнане: одно в Гуандуне, одно в Фуцзяни.

Одно акционерное общество в Шаньдуне ведет крупное виноградное хозяйство. В Жэхе японский капитал создал одно крупнейшее зерновое и одно крупнейшее овцеводческое хозяйство. Эти ласточки вряд ли однако знаменуют собой капиталистическую весну крупного производства в китайском земледелии.

В Индии имеются крупные и крупнейшие плантационные хозяйства. На чайных плантациях Ассама и Северной Бенгалии занято больше 1 млн. батраков, — точнее, контрактных кули. Но в Пэнджабе и в особенности в так называемых «Канальных провинциях», т. е. в областях искусственного орошения, имеется несколько десятков крупных помещичьих экономий. Их имеется несколько десятков и в Центральных провинциях. Там местами феодальный и полуфеодальный помещик стал уже аграрным капиталистом. Среди плантаторов также представлен уже туземный капитал, хотя пока он представлен слабо. Весь смысл предложений королевской комиссии заключается именно в том, чтобы ускорить превращение феодального помещика в аграрного капиталиста, чтобы ускорить процесс выделения кулацкого слоя. Поэтому англичане собираются разрешить помещику согнать со своей земли и вечных арендаторов, если он хочет вести собственное хозяйство. Поэтому королевская комиссия предлагает раздать вновь освоенные, путем искусственного орошения, земли крупным помещикам и кулакам. В Индонезии туземный кулак и плантатор играют все возрастающую роль в области разведения каучука. В Египте, Палестине также развиваются арабские помещичьи экономии, хотя их удельный вес еще невелик. В Марокко, Тунисе, Алжире французские помещики ведут уже крупное хозяйство на награбленных ими землях, и кое-где арабский помещик также вступает на этот путь. Империализм ищет выхода из кризиса сельского хозяйства колонии путем ускорения прусского пути развития.

«Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного орга-

низма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути объективно возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» (крупных крестьян). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или эти хозяйства разбиваются революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. В таком случае преобладает крестьянин, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостнической кабалы в капиталистическую эксплоатацию на землях феодалов-помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера» [1].

Американский путь развития закрыт для империалистического колониального режима. Он пытается ускорить хотя бы развитие по прусскому пути. Успехи и в этом отношении весьма и весьма небольшие даже в наиболее капиталистически развитых колониях. В условиях империалистического колониального режима это и не может быть иначе. Самая мучительная эксплоатация, кабала, вырождение крестьянского хозяйства, вымирание миллионов и миллионов крестьян с голоду продолжаются уже десятилетиями, а буржуазных, юнкерских хозяйств в колониях весьма мало или вовсе нет, и выделение кулацких хозяйств идет также сравнительно медленно. Смысл турецкой революции в аграрном вопросе заключался в ускорении прусского пути развития. Но гоминдановская контрреволюция не осмеливается и не в силах предпринять сколько-нибудь серьезные меры даже для ускорения прусского пути развития. Закабаленное, придавленное нуждой крестьянское хозяйство на помещичьей земле — вот основная характерная черта аграрного строя в Китае...

Но в самом Гуандуне не только помещичья земля сдается в аренду, клановые земли также сдаются в аренду — иногда на лучших, иногда на худших условиях, чем помещичья земля. На клановых землях субаренда более распространена, чем на помещичьих. Это относится и к монастырским, церковным и училищным землям в общекитайском масштабе.

Переплетаются разные формы аренды. Встречается вечная аренда с задатком, денежная долгосрочная, натуральная краткосрочная и т. д. и т. п. Во многих уездах арендная плата исчисляется не по размеру площади, а по размеру посева. Как общее правило, помещик платит земельный налог, а арендатор — местные налоги.

В провинции Гуанси существуют те же формы аренды. О семи восточных уездах провинции т. Тарханов на основании материалов крестьянских союзов сообщает следующие данные относительно срока арендных договоров, размера арендной платы и размера задатка [2]:

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, 443.

[2] О. Тарханов, Очерки об экономической и социальной структуре Гуанси, 82.

Уезды	Земельная рента						Задаточная сумма за 1 тан посева на землях среднего качества
	Размер ренты на землю среднего качества	Срок аренды			Форма ренты		
		Долгосрочная	Краткосрочная	Без указания срока	Натуральная	Денежная	
	В процентах						
Учжоу	60	10	20	70	85	15	50 д.
Тансянь	60	—	—	—	90	10	50 „
Юнсян	70	0	0	100	95	5	100 „
Бэйлю	70	10	10	80	90	10	60 „
Юлин	60	10	15	75	90	10	50 „
Син-е	50	15	10	75	90	10	40 „
Гуйсянь	50	—	—	—	85	15	—
Средние цифры	60	11,2	13,7	80	89,3	10,7	58,3 д.

В провинции Фуцзян преобладают те же формы арендных отношений. Имеется твердая рента, но превалирует издольщина. Срок арендных договоров — от 10 до 20 лет. Существует и «вечная» аренда. В случае продажи земли новый помещик имеет право изменить условия договора, — все равно, будет ли аренда краткосрочная или долгосрочная. Канавы считаются общей собственностью, но помещики начинают претендовать на право собственности на оросительные каналы. На этой почве часто бывают побоища и процессы.

В Хунани существуют все те формы аренды, которые имеют место в Гуандуне. При обработке новых (пустопорожних) земель арендная плата ниже обыкновенного. После 10 лет обработки земля считается старой, и за пользование ею устанавливаются обычные нормы арендной платы. Арендатор, как общее правило, не имеет права переарендовать землю. С огородов арендная плата вносится деньгами; с рисовых полей обычно продуктами. Но существует денежная рента и с рисовых полей. По данным крестьянских союзов, большинство арендаторов обязано вносить задаток. Совместного землевладения очевидно в Хунани нет. Нам, по крайней мере, не удалось обнаружить этой формы земельных отношений.

Указанные выше арендные отношения с более или менее значительными модификациями имеются и в провинциях Хубэй и Цзянси.

В провинциях Чжэцзян, Аньхуй и Цзянсу преобладает совместное землевладение и связанная с ним вечная аренда. Здесь доля помещика в урожае меняется соответственно его доле в земельной собственности. Урожай делится в различнейших пропорциях. Но наряду с этой формой арендных отношений существует и краткосрочная и долгосрочная аренда. В Чжэцзяне, например, доля помещика в урожае в случае аренды на срок устанавливается декретом губернатора, в зависимости от урожая. Союз помещиков перед сбором урожая рассылает своих агентов, устанавливает приблизительный раз-

мер урожая и вносит предложение дуцзюню о пропорции раздела урожая между помещиками и арендаторами. Дуцзюнь утверждает предложение, и воля союза помещиков претворяется в закон.

В Аньхуй совместное землевладение и вечная аренда укоренились так, что помещик не имеет права гнать арендатора даже в том случае, если он по той или другой причине не вносит арендной платы. Подобные конфликты разбираются местными судебными властями и в большинстве случаев разрешаются арбитражем. В случае аренды на срок часто взимается задаток в размере двухгодичной арендной платы.

В северном Цзянсу помещик предоставляет арендатору не только землю и жилье, но и скот, семена, с.-х. орудия и даже деньги. Арендатор, как китайцы говорят, кроме кнута ничего не имеет. Но бывает и так, что арендатор имеет скот и инвентарь, а помещик дает лишь семена и т. д. Вариации, понятно, бесконечны. В таких случаях урожай делится между помещиком и арендатором в пропорции от 55 : 45 до 75 : 25. Иногда арендатор должен поставлять помещику и часть соломы, а если помещик дает скот, то и часть навоза. Помещик может уволить такого арендатора по своему усмотрению.

Эта форма аренды распространена на севере Китая.

В Хобэе аренда распространена сравнительно слабо. Наряду с вечной арендой существует следующие основные типы арендных отношений:

1. Арендатор имеет инвентарь, семена и скот, а у помещика арендует лишь землю. В таком случае урожай делится в определенной пропорции, или вносится денежная рента от 2 до 6—8—10 долл. за му, смотря по качеству и местоположению земли. Срок аренды от 3 до 5—10 лет.

2. Часть живого и мертвого инвентаря поставляет помещик, часть—арендатор. Урожай делится поровну. Такие арендные отношения встречаются только изредка. Но бывают часто случаи, когда помещик предоставляет живой и мертвый инвентарь, семена и удобрение, и урожай делится в пропорции 70 : 30 между помещиком и арендатором.

В центральном Китае часто арендная плата исчисляется только со сбора риса, а второй урожай принадлежит арендатору целиком. В Хобэе арендная плата часто вносится с обоих урожаев, и например в уездах Хантан, если помещик предоставляет инвентарь, семена и пр., то он получает 80% осеннего и 70% весеннего урожая. Срок аренды — один год.

В Шаньдуне находим те же основные формы арендных отношений, что и в Хобэе.

В Шаньси преобладает вечная и долгосрочная аренда. В случае вечной аренды урожай обычно делится в пропорции 30 : 70 между помещиком и арендатором. Имеется также твердая рента и в денежной форме и продуктами. Денежная рента колеблется между 3—4 долл. за му. За хлопковые поля взимается 10 долл. с му. Если помещик поставляет инвентарь, скот и т. п., урожай обычно делится между помещиком и арендатором в пропорции 60 : 40. Долгосрочная аренда заключается на 10—12—20 лет.

Подобные арендные отношения имеют место, поскольку можно судить из скудных данных, и в Шэньси и в Хэнани.

Во внутренней Монголии (Суйюань, Чахар и Жэхэ), по данным обследования земельного отдела Южно-манчжурской ж. д., имеются следующие основные типы арендных отношений:

1. «Вечная» аренда, главным образом на правительственных, общественных, знаменных и пустопорожних землях, поскольку они сдаются, непосредственно в аренду. Титул на аренду наследственный: арендатор может продать или заложить свое арендное право.

2. Краткосрочная аренда. Арендная плата установлена твердо деньгами или натурой. Договор письменный. Денежная аренда колеблется от 25 до 30 долл. за шан (шан равен приблизительно 10 му). Если договор заключается на 1 год, задатка не требуется. Если договор заключается на 2—6 лет, требуется задаток в размере 300—500 долл. за шан.

«Вечная» и краткосрочная аренда распространены сравнительно слабо.

3. Наемная испольщина. Весной артель батраков во главе с артельным старшиной нанимается у помещика. Помещик предоставляет каждому батраку 2—3 пикуля гаоляна или проса в порядке ссуды, а также живой и мертвый инвентарь, семена, скот и пр. Урожай делится пополам между помещиком и артелью. Помещик удерживает ссуду из доли рабочих. По мере роста предложения рабочей силы доля батраков снижается.

Долгосрочная аренда из доли. Помещик предоставляет землю, жилье и часть инвентаря, либо семена и скот,—словом то, чего нехватает арендатору. Урожай делится в заранее установленной пропорции. Эта форма аренды имеет множество вариаций. В уезде Чжан-юй арендатор обыкновенно обязан работать 15 дней для помещика, урожай делится поровну. В уезде Чандун урожай делится поровну, солома принадлежит помещику. В Таонанском уезде урожай делится в пропорции 60 : 40 в пользу арендатора, которому принадлежит и солома. В уезде Данхан и солома делится в пропорции 60 : 40. В уезде Хала-хуашао арендатор платит 3% со стоимости инвентаря и скота, а урожай делится пополам. На худших землях урожай делится между помещиком и арендатором в пропорции 70 : 30. Часто встречаются в договорах пункты о том, что арендатор обязан отработать столько рабочих дней, чтобы его заработная плата за эти дни равнялась 60 долл. Сколько именно рабочих дней — это устанавливается «взаимным» соглашением. Если помещик предоставляет инвентарь и землю особенно хорошего качества, то урожай делится между помещиком и арендатором в пропорции 70 : 30. Огромные различия в задатках и в размере денежной ренты, невероятное разнообразие в пропорциях дележа урожая лучше всего показывают, что диференциальная рента целиком и полностью отнимается помещиком. Особенно высока денежная рента с огородов в окрестностях городов, с хлопковых полей, с полей, отведенных под тутовые деревья и другие технические культуры.

На Яве, в мусульманских районах, где свиноводство запрещается, крестьяне разводят на рисовых полях рыбу, в связи с тем, что рыба там является единственной мясной пищей. В Китае разведение рыбы на рисовых полях тоже практикуется, хотя в меньшей степени. Широко практикуется разведение рыбы на полях, отведенных под тутовицы,

где орошение производится из небольших озер. Но китайский помещик, который раньше Адама Смита открыл, что законы о земельной ренте относятся и к воде, требует у арендатора свою долю рыбы.

В Манчжурии не знают продажи земли с правом выкупа, а также совместного землевладения. «Вечная» аренда встречается очень редко, и то главным образом в давно заселенных частях Мукденской провинции. Денежная аренда весьма редка. Чаще всего встречается аренда из доли, причем пропорция, в которой делится урожай между помещиком и арендатором, колеблется от 30 : 70 до 60 : 40. Поземельный налог платит обычно помещик, лишь изредка арендатор и помещик пополам. Сборы на школы, деревенскую полицию, сельское ополчение вносятся либо пополам, либо только арендатором, причем эти сборы всегда больше поземельного налога. В Манчжурии имеет место также издольный наем. Арендатор по сути дела только батрак. В таких случаях нередко встречается отработка. Арендатор обязан 20—30 дней работать в страдное время у помещика на харчах последнего. Как мы уже указали, арендная плата, так же как и цена земли, стремительно увеличивается и в Манчжурии.

Вот основные формы арендных отношений в разных провинциях Китая[1]. Мы не претендуем, понятно, на исчерпывающее освещение хотя бы основных типов арендных отношений. О ряде провинций — Сычуане, Гуйчжоу, Юньнани, Китайском Туркестане — мы вовсе не упомянули. Сознаемся, что не знаем настоящего положения дел в области земельных отношений в этих провинциях. Мы не претендуем на безошибочность сделанных нами выше указаний о том, какие именно арендные отношения преобладают в каждой отдельной провинции.

Но то, что мы знаем об этих провинциях, указывает, что с разными вариациями и уклонениями в ту или иную форму арендных отношений в этих частях Китая существуют те же самые формы аренды. Может быть, даже весьма вероятно, что в мусульманских частях Китая преобладает своеобразная издольщина, разные вариации полуфеодальной издольщины. На арабском Востоке, в Персии, в Турции по мусульманскому правопонятию в с.-х. производстве участвуют пять факторов: земля, вода, инвентарь, семена и труд. Иногда инвентарь еще разделяется на две категории — на живой и мертвый инвентарь, и тогда получается шесть факторов. А урожай между помещиком и арендатором делится в зависимости от того, что дал в производство крестьянин и что дал помещик. Если помещик дал землю и воду, а все остальное крестьянин, то помещик получает $^2/_5$ части урожая, а мужик — $^3/_5$. Если помещик дал землю, воду, инвентарь, а мужик лишь семена и труд, то помещик получает $^3/_5$, а мужик лишь $^2/_5$. Вообще за труд полагается лишь $^1/_5$, а в Персии, например, лишь $^1/_6$ доля урожая. Эти отношения мы находим и в мусульманских частях Китая.

Особо стоит вопрос о земельных распорядках и арендных отношениях в областях, где проживают еще более или менее компактные массы аборигенов.

---

[1] Приведенные выше данные взяты из материалов крестьянских союзов из неоднократно уже цитированной литературы, из наблюдений наших работников и собственных наблюдений автора, из материалов правительственного бюро для экономической информации и т. д.

Конкретным разбором хозяйства арендатора мы займемся в следующей главе, но нам кажется, что уже приведенное выше краткое описание форм аренды рисует неимоверно кабальный характер арендных отношений.

Земельная рента в современном значении этого слова представляет собой излишек земледельческой прибыли над средней прибылью. Если же подвести итоги, то очевидно, что в смысле формы аренды в Китае мы находим:

1) отработочную ренту, хотя она играет сравнительно небольшую роль;

2) ренту продуктами, причем эта форма ренты является преобладающей;

3) денежную ренту, как превращенную форму ренты продуктами, причем эта форма все более распространяется;

4) издольное хозяйство, как переходную от первоначальной формы ренты к капиталистической, причем оно также все более распространяется и

5) капиталистическую ренту, хотя ее удельный вес, разумеется, сравнительно невелик.

Но основная, решающая, преобладающая, определяющая форма аренды все же есть испольщина, — испольщина с разными вариациями и модификациями.

Капитал подчинил себе полупервобытные хозяйства южноафриканских и австралийских племен, хозяйства Китая, Индии, Явы, Кореи, но это не значит, что эти хозяйства сами стали капиталистическими. «Где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть и речи о ренте в современном значении слова, — о ренте, как излишке над средней прибылью»[1]. Где рента, как общее правило, поглощает не только абсолютную ренту и все виды диференциальной ренты, не только прибыль на «капитал», или, вернее, на средства производства арендатора, но и значительную часть заработной платы арендатора и его семьи, там нельзя говорить о том, что арендные отношения являются капиталистическими арендными отношениями.

При анализе капиталистической земельной ренты Маркс предостерегал от ошибки «смешения различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства»[2]. Маркс считал, что нельзя смешивать земельную ренту докапиталистической эпохи или эпохи, ближе стоящей к феодализму, когда «земельная рента представляла нормальную форму прибавочной стоимости вообще», с капиталистической земельной рентой, когда «эта земельная рента уже давным-давно представлена как особая форма и специальная часть прибавочной стоимости»[3], являясь избытком не над заработной платой только, но и над промышленной прибылью. «Рента не может существо-

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 174.
[2] Там же, 322.
[3] Там же, 320.

вать в стране, подобной Ирландии, где доход землевладельца берется из заработной платы»[1].

В Китае, однако, «во-первых, земледельческое население составляет решительно подавляющую часть нации; во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, в первую очередь присваивает избыточный (и можно добавить — не только избыточный) труд непосредственных производителей», в Китае рента в натуральной форме перешла в новейшее время как диковинное отношение, увековеченное старинными обычаями, традициями, договорами. В Китае преобладает именно рента продуктами, которая не сообразуется с ценой продукта, которая составляет больше действительной ренты в буржуазном значении этого слова, которая является не только вычетом из прибыли, но поглощает всю прибыль и даже часть заработной платы производителя. Она была результатом застойного состояния хозяйства в течение долгих столетий и лежит в основе застойного состояния земледелия. Правда, в Китае существует и денежная рента, и мы знаем из анкет, произведенных Джемисоном, что уже в 80-х годах прошлого столетия в Манчжурии бывали случаи денежной аренды, что в Гуйчжоу (Шаньдун) — 25%, а в Учин (Хобэй) — 45% арендаторов платили денежную ренту, что в окрестностях городов в Шаньси, Ганьсу и иногда даже в Цзянсу и Хубэе также имела место денежная рента. Но мы видели, что денежная рента в Китае представляет собой простое превращение ренты в продуктах, а не избыток над средней прибылью и, как общее правило, поглощает последнюю.

При господстве могулов в Индии существовала уже денежная рента, но капитализма еще не было.

В Гуандуне возникла за последнее время новая форма арендных отношений. Арендатор вносит арендную плату помещику вперед, в денежной форме, но зато помещик не вмешивается в ведение хозяйства, не интересуется урожаем и не имеет права прогнать арендатора. Эта авансированная денежная рента пока еще встречается относительно редко, но она представляет собой важные изменения в арендных отношениях Китая, где, как и в других восточных странах, натуральная форма ренты и уплата ее после урожая были результатом производственных отношений, которые «воспроизводятся в таком же неизмененном виде, как естественные отношения», но где «эта форма платежей путем обратного влияния упрочивает в свою очередь старые формы производства». В Китае, где все платежи приурочены к сроку после урожая, где поземельный налог, ростовщический процент и арендная плата вносятся после урожая, где даже в сфере торговли и банковского дела один из трех сроков ежегодных платежей приурочен к послеурожайному празднику, внесение арендной платы вперед является крупнейшим шагом вперед к освобождению арендатора от гнета полуазиатских традиций. Разумеется, только более зажиточные арендаторы в состоянии предложить такую форму аренды. Разумеется, при незначительности средств даже зажиточных арендаторов оплата аренды вперед идет за счет вложения капитала в земледелие. Нельзя только увлекаться этим прогрессом и преувеличивать его удельный вес. «Полуфеодальный характер арендных отношений

[1] Маркс, Нищета философии, 125.

сказывается в преобладании натуральной ренты. Денежная рента начала развиваться только недавно и прогрессирует медленно. В настоящее время она существует лишь в районах технических культур. В районах разведения риса — там, где рис занимает наибольшую часть посевной площади — редко встречается денежная рента» [1], а денежная рента с оплатой вперед встречается еще реже. Эту форму арендных отношений мы нашли также в юго-восточных провинциях.

Вторая вариация издольщины проявляется в так называемой «твердой ренте». Рента устанавливается заранее в известном количестве продуктов, и арендатор должен доставлять это количество продуктов независимо от размеров урожая. Эта форма ренты также представляет собой важные изменения в арендных отношениях Востока. Это тоже отклонение от полурабской, патриархально-азиатской китайской издольщины, при которой помещик в случае недорода по обычаям и традициям был обязан совершенно освобождать арендатора от уплаты ренты или удовлетвориться рисовой соломой, а государство, с своей стороны, освобождало помещика от поземельного налога. При твердой ренте уже не голодный арендатор противостоит «отцу-помещику» (он противостоял ему часто на коленях), а договорная сторона. Беда только в том, что арендатор, соглашающийся на эту форму ренты, под давлением помещика, часто не располагает достаточным резервом для того, чтобы внести установленную ренту и в неурожайные годы. В этом случае помещик сгоняет его с земли, или же арендатор попадает в руки ростовщика и из «предпринимателя» превращается снова в полураба, полукрепостного. Крестьянские союзы в 1924—1926 гг. в Гуандуне в своих резолюциях всегда высказывались против твердой ренты и отстаивали издольную ренту, с правом снижения платежей в случае недорода. Неоднократно они силой заставляли помещиков после кровопролитных боев снизить платежи в случае плохого урожая. Помещики, со своей стороны, везде стремятся к установлению твердой ренты.

Третья вариация старых арендных отношений издольщины проявляется в системе «задатка». При заключении договора арендатор депонирует у помещика известную сумму денег в качестве гарантии аккуратного внесения арендной платы. Обыкновенно надо внести определенную сумму за каждый му арендованной земли. Помещик имеет право вычесть из этой суммы недоимки по арендной плате. Сумма эта колеблется в пределах от 5 до 50 долл. за му. Такой арендатор уже не стоит на коленях перед помещиком, а сговаривается с ним как почти равноправная сторона. Помещик не может прогнать его до истечения срока, помещик не вправе произвольным актом увеличить арендную плату. Корреспонденция об упомянутом выше Гуаньюнском уезде в северном Цзянсу, где еще существуют полурабские отношения, отмечает: «В арендных отношениях Гуаньюна, однако, начинается коренное изменение. Совсем недавно помещики, находившиеся в финансовых затруднениях, начали сдавать землю в аренду новым арендаторам за деньги. Эти деньги предоставляются арендатором помещику в виде беспроцентного займа и подлежат возвращению по истечении арендного договора. Эта категория арендаторов-кредиторов, хотя и составляет очень неболь-

[1] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung, 130.

шой процент арендаторов, не так послушна, как старые арендаторы, но урожай делится и в этом случае по-старому: 55% — помещику, 45% — арендатору»[1]. Эта форма арендных отношений начинает распространяться в Гуандуне, наблюдается в Хунани; вопрос о ней играл довольно большую роль на провинциальной конференции крестьянских союзов в Цзянси в 1927 г.; она существует в Хубэе и в Чжэцзяне, и крестьянство везде высказывалось против новой системы.

Помещики везде хотят получить «задаток» и стремятся к расторжению старых договоров, к отмене «вечной» аренды, к превращению «вечной» аренды в краткосрочную с задатком или к превращению издольной ренты в твердую. А твердая рента дает возможность помещику согнать арендатора с земли. Задаток также весьма рискованная вещь, ибо частые недороды, как это имеет место в Китае, могут лишить арендатора его задатка. Кроме того задаток в состоянии дать лишь более состоятельный арендатор. Но при относительной бедности даже более состоятельных арендаторов система задатков лишает их оборотного капитала, возможности улучшать хозяйство. Ведь цена земли и арендная плата экономически не составляют ни основного, ни оборотного капитала земледелия. Они являются лишь данью, уплачиваемой производителем земельному собственнику за разрешение приложить капитал к земледелию. Задаток также представляет лишь такую дань. Эта часть денежного капитала изъята из сферы производства раньше, чем она могла быть применена в производстве. Товарищи, работавшие в Гуандуне в 1924—1926 гг., на основании сообщений крестьянских союзов, пришли к выводу, что в одном Гуандуне в виде задатков изъято из производства несколько десятков миллионов долларов.

В Восточном Гуанси, где торговое земледелие сильно развито, в 7 уездах, обследованных т. Тархановым, задаточная сумма за 1 дань посева на землях среднего качества составляет от 40 до 100 долл., а в среднем — 58,3 долл. «Так, например, в одном Юлинском уезде, задаточные суммы составляют от 1 800 тыс. до 3 млн. долл. в год»[2]. Этот денежный капитал исчез из сферы земледельческого производства, чтобы вновь появиться в деревне в виде ростовщического капитала.

Новые формы испольщины по своему характеру представляют прогресс, переход от докапиталистических старых форм аренды к капиталистическим. При этих новых формах арендных отношений, а именно при твердой ренте продуктами, при денежной ренте, при ренте с задатком старые традиционные правовые отношения начинают превращаться в договорные, в чисто денежные отношения. Новые формы арендных отношений не только сопровождаются эксплоатацией сельскохозяйственных наемных рабочих, но предполагают существование класса батраков и его эксплоатацию более состоятельными арендаторами. Новые формы арендных отношений не только сопровождаются разложением крестьянства, его расслоением на разные социальные категории, но предполагают это расслоение и разложение традиционных отношений в деревне. Этот процесс превращения старых форм в новые совершается в разных

---

[1] «Chinese Economic Journal», 1927 г., v. 1/4, 372.

[2] О. Тарханов, Очерк социально-экономической структуры провинции Гуанси, журнал: «Кантон», 1927 г., № 10, 92.

провинциях и разных районах отдельных провинций по-разному и не одинаковым темпом, смотря по характеру земледелия данного района, его близости к городам, к водным путям сообщения, к рынку, его местоположению и т. д.

В юго-восточных провинциях, в Чжэцзяне, Цзянсу и Аньхуй, поскольку мы могли установить, задаточная система распространяется довольно быстро в районах торгового земледелия. Материалы крестьянских союзов Хубэя, Цзянси и главным образом Хунани указывают на то, что в долине Янцзы эта форма аренды также шагает вперед, равно как твердая рента, а в окрестностях городов и денежная рента. Но одновременно с возникновением и медленным развитием новых форм испольщины, растет неудержимо и цена на землю и арендная плата. Поэтому новая форма арендных отношений заполняется новым содержанием мучительно медленно. Помещик отбирает не только ренту, но часто и всю прибыль на капитал и часть заработной платы. Все еще не прибыль является границей ренты, а рента — граница прибыли. Задаточная система часто вынуждает голодного арендатора обращаться к ростовщику, который авансирует задаток. В этом случае новая форма прикрывает отношения хуже прежних. Эти новые формы арендных отношений «пополняются» неевропейской, некультурной, полуфеодальной и в экономическом отношении полурабской формой эксплоатации. При этих новых формах аренды, так же как и при старых, стороны противостоят друг другу часто не только как арендатор помещику, но и как должник заимодавцу.

По сути дела все эти новые формы, все эти новые вариации испольщины — испольщина с задатком, испольщина с уплатой аренды на год вперед деньгами, оплата части аренды деньгами и части продуктами, твердая рента — представляют собой переход от ренты продуктами к денежной ренте, как превращенной форме продуктовой ренты.

Разумеется, этот переход предполагает известное развитие товарно-денежных отношений, известное развитие рыночных отношений. Разумеется, в этих новых формах совершается (а в Китае мучительно медленно совершалось) разложение прежних форм ренты. Разумеется, этот переход совершается за счет основных масс крестьянства, за счет бедноты и отчасти середняка. Разумеется, только более зажиточная часть арендаторов способна перейти к этим новым формам, и тем самым эти новые формы облегчают концентрацию землепользования в руках более зажиточных арендаторов.

Что же касается денежной ренты, то она является весьма часто лишь превращенной формой ренты продуктами. Она широко распространена вблизи городов, вблизи современных путей сообщения и в областях таких технических культур, как шелк, хлопок. Сама по себе денежная рента еще не является капиталистической рентой и не покрывает сама по себе капиталистические арендные отношения. Если арендатор не получает прибыли на свой капитал, если денежная рента по своей высоте поглощает не только ренту, но и прибыль арендатора и, может быть, часть его заработной платы, то денежная рента не является еще капиталистической и не является выражением капиталистических отношений. Но все же «возникновение денежной ренты предполагает уже

сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежное обращение» [1]. Денежная рента предполагает рыночную цену продуктов, мобилизацию земли. Она предполагает, что «городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам ли, капиталистам ли и пользоваться рентой, как формой процента на свой, таким способом затраченный капитал» [2]. Но при денежной ренте обычное правовое отношение между помещиком и арендатором превращается в договорное, чисто-денежное отношение. В Манчжурии и внутренней Монголии батрачество из доли представляет более передовые отношения, хотя и там помещик часто авансирует зарплату, создавая тем самым отношения ростовщичества. Неопределенность заработной платы и ее зависимость от урожая также вуалирует и осложняет в этих случаях отношения найма.

Издольное хозяйство, как мы видели, также встречается в разных частях Китая. При этой системе «возделыватель (арендатор) кроме труда (собственного или чужого) доставляет часть капитала для ведения хозяйства, а земельный собственник, кроме земли — остальную часть этого капитала (например скот), и продукт делится в определенных (различных для различных стран) пропорциях между фермером и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не есть чистая форма ренты. В действительности в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может в действительности также и поглотить весь прибавочный труд арендатора и оставить ему бо́льшую или меньшую часть прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, фермеру, применяет ли он только собственный или же чужой труд, приходится предъявлять притязание на известную часть продукта не потому, что он рабочий, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет на свою долю притязание, основываясь не исключительно на своей собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал» [3].

Вот характеристика издольного хозяйства, данная Марксом. При этом Маркс имел в виду главным образом metayrie système во Франции. Но в том-то и дело, что издольное хозяйство во многих частях Китая возникло и возникает таким образом, что земельный собственник не представляет известную часть капитала (семена ли, скот ли, удобрение ли, орудие ли) арендатору и уже успел лишить арендатора этой части капитала. В том-то и дело, что в Тунисе, Алжире, Турции, Персии, Афганистане и в Китае издольное хозяйство возникает часто таким образом, что помещик за недоимки по арендной плате или в качестве ростовщического процента отобрал от испольщика часть инвентаря или весь инвентарь и теперь взимает за пользование ими дополнительную долю

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 334.
[2] Там же, 339.
[3] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 339—40.

урожая и тем самым отвлекает дальнейшие капиталы от собственно-земледельческого производства. Если издольное хозяйство возникает таким образом, то оно представляет регресс, усиление кабалы, углубление полуфеодальных и полурабских порядков. Но несомненно, что в Китае, а в особенности в районах новой колонизации, развиваются издольные хозяйства, как действительный переход к капиталистическим арендным отношениям.

Нам кажется, что с этой точки зрения следует рассматривать и содержание батрачества из доли. Поскольку помещик уже лишил своего арендатора всех средств производства, он, помещик, владеет землею, водою, инвентарем и он же предоставляет удобрение и семена, а арендатор дает только свой труд. Получив свою долю урожая, бывший арендатор по сути дела, экономически, стал уже батраком. Здесь способ эксплоатации совпадает с капиталистическим, и бывший арендатор по своему экономическому положению стал наемным рабочим, хотя по своей идеологии, по своим устремлениям он долго остается крестьянином. Но в том-то и дело, что китайский издольник точно так же, как арабский, персидский, турецкий, афганский, состоит со своим хозяином-помещиком очень часто и в отношении должника с кредитором. И тем самым отношения найма окутываются отношениями долгового рабства. В Собственно-Китае мы встречаем довольно часто такие отношения.

Подводя итоги, мы можем сказать, что в Китае преобладающей формой ренты является рента продуктами и преобладающей формой арендных отношений является испольщина. Но в чем же заключается экономическое содержание этой ренты, этих арендных отношений?

Капиталистическая рента возникает там, где имеется средняя норма прибыли в тенденции, где имеется рыночная цена продуктов, где капитал подчинил себе сельское хозяйство. При капиталистической ренте в ее чистом виде земельный собственник получает ренту; арендатор, являясь капиталистическим предпринимателем, получает процент на свой капитал и предпринимательский доход, и, поскольку он сам работает — и заработную плату, а батраки арендатора получают зарплату.

Когда не рента является уже границей прибыли, а наоборот, прибыль арендатора является границей ренты собственника, тогда эта метаморфоза денежной ренты в капиталистическую совершена. Китай не достиг еще этого уровня развития.

Преувеличивать удельный вес капиталистической аренды нельзя.

В России денежная рента встречается уже в XVI в. Даже в древнем Риме была денежная рента. Во Франции в XV в. существовала денежная рента, но капиталистической ренты там не было.

Отсталые формы аренды и кабально-докапиталистическая рента могут при известных условиях прозябать в качестве пережитков отжившего способа производства даже в высоко развитых капиталистических странах. В САСШ в 1910 г. было свыше 1 млн. негров-арендаторов. Тип негра-арендатора в южных штатах возник в результате отмены рабства, но в результате неполной отмены рабства. Этот тип арендатора развивался «на основе типично русской, истинно русской, отработочной системы, именно — издольщины» (курсив Ленина) [1].

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, 192.

«Район издольщины и в Америке и в России есть район наибольшего застоя, наибольшего принижения и угнетения трудящихся масс». И эта система уживается с капитализмом САСШ. В Калифорнии, в штатах Луизиана и Техас на рисовых полях работают японские и китайские переселенцы. Они уже применяют машины, но ввиду того, что по законам «свободной» Америки они не имеют права приобрести землю в собственность, они работают арендаторами на земле крупных оросительных акционерных обществ, как издольщики, и ренту уплачивают продуктами. Неравное юридическое положение арендаторов превращается в весьма реальную денежную выгоду для собственников земли. Отжившая форма ренты сохраняется по весьма веским экономическим соображениям. «Произведенное в дельте Уазу Миссисипи обследование 878 арендаторских хозяйств показало, что помещик получает 6 и 7% на свой капитал там, где арендатор платит денежную ренту... Оказывается, что в общем земельный собственник получает больше дохода, когда он сдает свою землю в аренду на условиях уплаты ренты продуктами. Средний процент, получаемый помещиком на свой капитал, составлял на условиях издольщины 13,6%, на условиях твердой ренты продуктами — 11,8%, а денежной ренты — 6,6%» [1]. В этих же областях купец предоставляет фермерам ссуды из 20%, а иногда даже из 40—50% годовых, в то время как страховые общества САСШ предоставляют ипотечные займы на землю в среднем из 5,5% годовых. «Перед нами вовсе не арендаторы в европейском, культурном современно-капиталистическом смысле. Перед нами преимущественно полуфеодальные, полурабские издольщики» [2], пишет Ленин о неграх-арендаторах, и это верно и относительно дальневосточных арендаторов в Америке.

Но в Китае и во всем колониальном Востоке именно эта полуфеодальная и в экономическом отношении полурабская, неевропейская, не культурная, не современно-капиталистическая, а азиатская форма арендных отношений распространена больше всего, причем к ней присоединяются все формы мошенничества, обмана, возможные лишь при натуральной ренте.

Рента по своему экономическому содержанию в Китае не является капиталистической для основных масс арендаторов, и арендные отношения представляют полуфеодальные и, в смысле экономическом, полурабские отношения.

Более того, мы в Китае находим докапиталистические отношения в сельском хозяйстве совершенно другого порядка.

В Гуандуне для неисправных плательщиков арендной платы существуют тюрьмы, причем часто помещик имеет «свои» тюрьмы для своих арендаторов и «задерживает их» [3]. В Чжэцзяне также сажают в гюрьму арендатора, не внесшего в срок арендной платы, причем на время полевых работ его отпускают, чтобы он не умер в тюрьме, а надорвался на работе для помещика [4]. Помещик забирает жену и детей неисправного арендатора или заставляет его продать их в рабство и милостиво

[1] E. G. Nourse, Agriculture Economics, Чикаго, 1916, 615.
[2] Ленин, Собр. соч., т. IX, 192.
[3] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung, 127.
[4] «Chinese Economic Journal», 1927, № 1, 17.

хвалит его таким образом: «Ты честный парень. Продажа сына даст тебе двоякую пользу. Во-первых, ты уплатишь свой долг, что докажет, что ты честный парень, а поэтому я и впредь сдам тебе мою землю в аренду, а во-вторых, продав своего сына, ты освободишься от тяжести содержать его» [1]. Миньтуани пытками заставляют крестьян платить аренду. Помещик забирает скот и орудия крестьянина, если он не платит. Но мы не имеем в виду всех этих явлений, когда арендатор не в состоянии платить. Мы даже не имеем в виду и прямых, почти неприкрытых отношений рабства, которые также существуют в Китае.

В июне 1927 г. знаток этого вопроса Котс утверждал перед комиссией Лиги наций, что после Абиссинии больше всего рабов в Китае. Он утверждал, что в Китае число рабынь достигает 2 млн. Мы не знаем, верна ли эта цифра, однако рабыни в Китае встречаются часто. Во время голода городские и деревенские бедняки продают богачам своих детей с тем, чтобы они не умирали с голоду и чтобы самим также получить несколько долларов и тем отсрочить голодную смерть. Во время нашего пребывания в Бэнпине зимой 1926 г. цены на девочек в возрасте от 3 до 9 лет колебались между 3 и 50 долл., смотря по возрасту и другим качествам. Газеты открыто писали об этом, как о само собой разумеющемся факте. В Шанхае в 1927 г. временный суд осудил мать за продажу дочери. В Кантоне правительство в 1926 г. особым декретом «освободило» рабынь, причем это «освобождение» по сути дела состояло в переименовании рабынь в «приемных дочерей». Однако этот вид рабства не затрагивает земельных отношений. Точно так же мальчики часто продаются ремесленникам, которые обучают их ремеслу и эксплоатируют в качестве учеников, а впоследствии подмастерьев. Но и это относится к области мануфактуры, а не к арендным отношениям.

Но в Китае существует рабство и в земельных отношениях. Вот что сообщает об этом немец Штенц [2], пробывший в Шаньдуне несколько лет.

«Имеются две категории рабов:

1. Цзя-жэнь. Многие помещики заставляют арендаторов проживать в специально для них построенных домах. Такие арендаторы являются рабами или крепостными. Они отличаются от настоящих рабов лишь тем, что могут свободно уйти после того, как уплатили уже свой долг. Эти люди находятся в полной зависимости от своих хозяев. Если у них нет собственной земли, то они не в состоянии жить с доходов от арендованной земли и вынуждены делать долги. Хозяева обращаются с ними очень строго, унижая их. Они не вправе, например, переступить порог дома хозяев; они должны становиться на колени, если хозяин говорит с ними и т. д. (Из описания Штенца совершенно ясно, что речь идет об арендаторах, не уплативших арендной платы и посаженных в тюрьму для должников. Ничего особенного нет в том, что тюрьма, так сказать, частная и находится в ведении помещика.)

2. Мен Цзя-жэнь. Родители продали их еще в детском возрасте богачам, или же богачи приняли и воспитали их. Все необходмое для

---

[1] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwantung, 109.

[2] G. M. Stenz, Der Bauer in Shantung, цитировано по Вагнеру: «Die chinesische Landwirtschaft», 132.

существования предоставляет им хозяин, он же женит их, но зато они обязаны служить хозяину до конца своей жизни вместе со своей семьей».

В 1926 г. в Гуандуне оказалось, что в ряде уездов существуют еще рабы-арендаторы. Происхождение этого вида рабства — продажа детей. Арендатор-раб обрабатывает землю, и помещик оставляет ему средства существования в размере физического минимума. Если помещик берет на себя заботы о женитьбе раба, то и дети последнего становятся собственностью помещика. Экономическое положение гуандунских рабов лучше положения шаньдунских в том отношении, что они получают на личные расходы 3 цента в месяц. Но кантонское правительство не освободило этих рабов, — нехватало мужества затронуть земельные отношения и «обидеть» помещиков.

Весьма образованный и благочестивый американский профессор Бак с изумительным спокойствием и объективностью сообщает, что отношения долгового рабства и тюрьмы для неисправных арендаторов процветают в Цзянсу, на расстоянии нескольких миль от Шанхая.

Эта форма «арендных отношений» не является специально китайским явлением. «В некоторых странах, пишет Маркс, особенно в Мексике (до американской гражданской войны также на территориях, отвоеванных у Мексики, а по существу дела и в дунайских провинциях до переворота Кузы) рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «peonage» (долговое рабство батраков) при помощи ссуд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение. Не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится наследственной собственностью другого лица и его семьи. Хуарец отменил «peonage». Так называемый император Максимилиан снова ввел его декретом, который в вашингтонской палате представителей правильно был заклеймен, как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике» [1].

Мы не хотели бы создавать у читателя впечатление, что отношения рабства имеют в Китае большое значение и распространенность. На основании доступных нам источников мы склонны сделать вывод, что в китайской истории рабство не играло сколько-нибудь значительной роли. В больших императорских мастерских на серебряных и медных копях работали вплоть до свержения минской династии рабы, но интенсивное земледелие несовместимо с рабством. Этим объясняется, что даже отработка играет известную роль лишь в некоторых уездах Гирина и Хэйлунцзяна и во вновь колонизуемых областях внутренней Монголии, где имеются относительно большие хозяйства и относительный недостаток рабочих рук.

В Индии официальная английская статистика знает о 6 млн. долговых рабов, и подобные отношения существуют в Алжире, Тунисе, в ряде южно-американских стран, на Филиппинах и т. д.

Но китайская издольщина и без примеси рабства и патриархально-феодальных черт представляет собой феодальное и экономически полурабское отношение. Здесь, разумеется, речь идет не о том, что во многих местах арендатор называет помещика своим отцом, что он обязан доставлять помещику по праздникам подарки в виде птицы, овощей

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, 138, прим. 40.

и пр., что в день уплаты аренды он устраивает пиршество, что во многих случаях он обязан несколько дней работать во дворе помещика.

Дело в том, что и основные массы китайских арендаторов платят помещику не только ренту, но также процент на свой капитал, предпринимательский доход и даже часть своей заработной платы в виде арендной платы. В этом суть дела.

В то же время хозяйство основных масс крестьян-собственников не может развиваться. Их душит помещичья собственность. Их душит налог, совпадающий с рентой. Их закабаляет ростовщик. Их грабит купеческий капитал. Тонкий слой кулаков вырастает, но основные массы крестьянства опускаются все ниже и ниже, теряют землю, середняк становится бедняком, бедняк—арендатором. Крестьянское хозяйство зашло в тупик.

Мы извиняемся перед читателем за излишне обширные, быть может, размеры изложения затронутых в данной главе вопросов, но вопрос о том, существуют ли в китайской деревне капиталистические или докапиталистические отношения, имеет не только теоретическое, но также глубокое политическое, практическое и тактическое значение. И это не только китайская проблема, но и проблема деревни на всем Востоке. Это вопрос аграрной революции в колониях. Раздробленность, замкнутость, различие в социальных категориях, бытовая придавленность, редкость и дороговизна денег, непомерно громадная роль ростовщика, кабала, прямой и торговый обман, полуфеодальные формы эксплоатации, застой техники, отжившие общественные отношения, непомерно низкий культурный уровень — вот характерные черты докапиталистической деревни. Так характеризует ее Ленин в «Развитии капитализма в России». Эти же черты характеризуют и китайскую деревню и колониальную деревню вообще. Русская деревня, идущая до революции по прусскому пути развития, вырвалась из порочного круга этих отношений не «прусским» и не «американским» путем. Русская деревня вступила на путь развития «русского типа», советского типа, а впоследствии советская деревня вступила под руководством пролетариата на социалистический путь развития.

В третий период послевоенного развития империализма борьба классов в Китае уже решает вопрос о том, по какому пути пойдет китайская деревня. Мы три года тому назад писали, что «классовая борьба в Китае вступила в такую полосу, когда китайская деревня может вырваться из порочного круга азиатского и империалистического гнета только русским путем развития». Мы тогда говорили о том, что «китайская коммунистическая партия, истекая кровью, жертвуя лучшими своими бойцами, под огнем и террором зверски кровожадной и жестокой китайской контрреволюции и мирового империализма, возглавляя пролетариат, опираясь на многомиллионное крестьянство, не оставит и следа от этих земельных отношений». В северной части Гуандуна, на огромных территориях Гуаньси, Хунани, Хубэя, Цзянси, Чжэцзяна и Аньхуй уже и следов нет от тех земельных отношений, описание которых мы дали в этой главе. Их уничтожила советская революция, их уничтожила революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в форме советов, их уничтожила крестьянская революция под гегемонией пролетариата, руководимого коммунистической партией.

Китайская деревня вырывается из порочного круга, созданного помещичьей, ростовщической, налоговой эксплоатацией и империалистическим гнетом, по советскому пути. Она еще не вступила непосредственно на некапиталистический путь развития, но чистка земли от докапиталистических остатков и пережитков открывает недлительную полосу американского пути развития. Она через ряд переходных ступеней, по мере перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, открывает возможность социалистического пути развития.

Борьба еще идет. Будут еще победы и будут еще поражения. Но путь намечен. Массы пришли в движение. Пока десятки миллионов. Завтра, послезавтра сотни миллионов! Китайское крестьянство уже вступило в бой за этот путь. В Индии, Индо-Китае, на арабском Востоке, в Персии, Корее, Индонезии и т. д. китайские советы станут маяком. Они показывают путь. Путь, указанный Лениным.

ГЛАВА XIII.

НАЕМНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. ГУН-НУН И КУЛИ.

Проникновение и развитие капитализма в сельское хозяйство знаменует собой возникновение и развитие отношения найма в сельском хозяйстве. Применение наемного труда к земледелию является важнейшим показателем развития капитализма в сельском хозяйстве.

Однако при рассмотрении этого показателя мы должны применительно к китайскому сельскому хозяйству поступать с известной осторожностью. Трудоемкость земледелия в Китае обусловливает то, что даже парцеллярное и мелкое хозяйство, даже бедняк применяет известное количество наемного труда.

Даже в европейском земледелии «сельских рабочих всегда оказывается слишком много для средних и слишком мало для исключительных или временных потребностей земледелия». Это явление не только эпохи развитого капитализма. Французские дворяне и буржуа-помещики уже до Великой революции вопили о недостатке рабочих рук в земледелии, не говоря уже об английских помещиках, ненависть которых к развивавшейся промышленности объясняется также и этим. Но дальневосточное земледелие требует во время страды гораздо больше рабочих рук, чем европейское или американское. Во время рассаживания риса на маленьких клочках земли филиппинского, японского или китайского крестьянина работает 6—8—10 женщин. Карликовый арендатор применяет 6—8—10 «наемных рабочих». На Яве и на Филиппинах, где урожай снимается не косой, даже не серпом, а ножом, и каждый колос снимается отдельно, во время жатвы также применяется большое количество «наемных рабочих». В Китае один вид оросительного колеса требует для приведения его в действие четырех рабочих, а другой вид оросительного колеса требует ножного труда трех рабочих. На почве этой земледельческой техники широко развилась «соседская взаимопомощь» — эта старинная форма коллективной организации труда. На Филиппинах и на Яве во многих местах рассаживание риса и жатва все еще считаются

общинной обязанностью, хотя и там начинают переходить к денежной оплате этого вида работы. То же самое практикуется в широчайших размерах в Китае. Тт. Волин и Иолк тщательно обследовали 48 гуандунских хозяйств с точки зрения применения наемного труда. Оказалось, что даже мелкий крестьянин применяет «наемный труд», но сам также работает в качестве наемного рабочего. Из обследованных 48 хозяйств (из которых ни одно не превышало 14,2 му) 100% хозяйств применяли «наемный труд», а 75% крестьян работали в качестве «наемных рабочих». Словом, 100% крестьянских хозяйств, большинство которых не превышает 6—7 му, «эксплоатируют наемный труд» и сами подвергаются эксплоатации. «С рабочими обращаются как с друзьями, ибо работодатель и наемный рабочий оба являются арендаторами». Однако оплата производится лишь в редких случаях взаимными услугами, в большинстве же случаев деньгами. Соседская взаимопомощь старинного типа разлагается. Эта разложившаяся превращенная форма соседской взаимопомощи знаменует собой власть денег над деревней, является шагом в направлении к капиталистическим отношениям найма.

Поскольку бедняк применяет в отдельные сезоны земледельческих работ наемный труд, бедняк, который на следующий день сам нанимается, вряд ли здесь будет правильно говорить об отношениях эксплоатации.

Совершенно иное социальное значение и экономическое содержание имеет наемный труд в хозяйстве середняка и кулака. Здесь мы уже имеем отношение эксплоатации в настоящем смысле этого слова, в этих хозяйствах мы уже встречаем батрака. При этом можно различать три типа батрака. Нанимаемые на год батраки живут на хозяйских харчах и кроме продовольствия получают от 10 до 20 долл. за год. В большинстве случаев они работают у хозяина бессрочно. Наподобие «вечных арендаторов» они являются «вечными батраками». Жесточайшая эксплоатация прикрывается покровом патриархальных отношений, как средневековая эксплоатация цехового подмастерья.

Батрак второго типа нанимается только на месяц или на несколько дней во время страды. В Манчжурии сотни тысяч переселенцев из Хубэя и Шаньдуна работают на полях от весны до осени. В Северном Китае во время полевых работ в больших деревнях в определенные дни происходят ярмарки сельских рабочих рук[1]. Существует и система банд, артелей. «Артельный староста» собирает 15—20, иногда 100—150 рабочих, и артель отправляется весной искать работы. На юге средние и состоятельные хозяйства нанимают 2—3 постоянных батраков, а во время страды 8—10 рабочих. В этих случаях предприниматель противостоит наемному рабочему. Здесь речь идет уже не о соседской взаимопомощи. Рассаживание риса, сбор хлопка, листов чаевых кустов и тутовиц считается преимущественно женским трудом. Мужчины нанимаются лишь для обработки полей, раскладывания удобрения, для жатвы и т. п. Орошение полей производится или с помощью «вечных батраков» в кулацких, или в порядке соседской взаимопомощи в бедняцких хозяйствах. Бедные крестьяне за разрешение пользоваться водой, с.-х. инвентарем, площадью для молотьбы, или взамен предоставления скота работают у зажиточных крестьян, погашая свой «долг»

---

[1] «Chinese Economic Bulletin», 1926, v. IX, 286.

отработкой. В районах особенно трудоемких культур, как хлопок и табак, уже раздаются жалобы на то, что во время страды нехватает рабочих рук. На экономическом положении рабочих мы здесь не остановимся. Рихтгофен писал по этому поводу, что более придавленных нуждой людей он еще не видел. Это, однако, не совсем верно. Низшая категория арендаторов и крестьян живет хуже, чем эти рабочие.

На севере Китая, как мы видели, существует тип батрака-арендатора. Помещик предоставляет батраку живой и мертвый инвентарь, семена и пр., и последний получает известную часть урожая. В Хубэе есть такая форма наемного труда, что батрак работает только во время страды и получает за это 10% урожая. О батраках с наделом — уже говорили.

Разумеется, наемным трудом занимается не только батрак, не имеющий ни своей собственной, ни арендованной земли. Бедняк получает значительную часть своего небывало нищенского дохода от продажи своей рабочей силы. Бедняк стал уже полупролетарием, но он точно так же, как и батрак, страдает не только от того, что его эксплоатируют, а также от того, что не находит работы. При всей трудоемкости сельского хозяйства огромная относительная перенаселенность деревни делает проблему крестьянской безработицы одной из крупнейших.

Каков удельный вес батраков в общей системе хозяйства? На китайском языке батрак называется «гун-нун», что обозначает «нанимаемый крестьянин». Этот класс, однако, смешивается с другой социальной категорией — с кули. Тов. Волин на основании тщательных наблюдений утверждает, что в Хэнани 13% сельского населения состоит из безземельных. Тов. Тарханов, опираясь на собственные наблюдения, утверждает, что в провинции Гуанси безземельные составляют 5—6% сельского населения. В обследованных Тэйлором 242 деревнях в четырех разных провинциях почти 90% населения занято полное время или частично земледелием, но из обследованных им 7 097 семейств 14% не имели и не арендовали земли, а среди семейств имеющих землю — крестьян и арендаторов — от 30 до 40% обрабатывали участки меньше 5 му, значит они наверняка пополняют свой доход продажей рабочей силы.

Имеется ли в китайской деревне 5—10 или 14% сельских пролетариев, мы не знаем. Во всяком случае совершенно безземельное сельское население имеет довольно значительный удельный вес. Мы знаем, что в Индии их число превышает 22 млн. В Китае, повидимому, их не меньше. Эта социальная группа деревенского населения является частью пролетариата, поскольку она уже освобождена от всяких средств производства. Они кроме своих рабочих рук ничего не имеют. Но большая часть этого пролетариата является хронически безработной. Большинство их живет случайными заработками. Сельское хозяйство не может их всех применять в качестве наемных рабочих. Промышленность, слабо развитая в условиях империалистического гнета и жутко отсталого аграрного строя, их всех поглощать не может. Развитие капитализма вытолкнуло их из производственного процесса, как крестьян, и они не могут обосноваться ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности, как пролетарии. Они составляют гигантскую резервную армию. Они скорее «пауперизировались», чем пролетаризировались. Менее устойчивое существование и представить себе нельзя. Относительно небольшая часть их становится пролетариями, сотни тысяч из них эмигрируют,

сотни тысяч из них становятся наемными солдатами в войсках китайских милитаристов. Многие становятся бандитами.

Продажа и покупка рабочей силы играет уже известную роль в сельском хозяйстве. Если рассматривать крестьянские бюджеты, то доход от продажи рабочей силы и расход на рабочую силу имеет уже известное значение. В денежной части дохода 50 крестьянских хозяйств вблизи Ченду доход в среднем из продажи рабочей силы составляет только 0,4%, но расход на рабочую силу 5,9%. Эти средние данные не выявляют, что бедняк получает зарплату, и в его хозяйстве она имеет огромное значение, а кулак расходует на рабочую силу. Арендаторы расходуют 3,4%, полуарендаторы 6,3%, а собственники 8,3% всех денежных расходов на рабочую силу. В расходах 160 хозяйств вблизи Эншаи на наемный труд расходуется в среднем 8% всех расходов.

На основании изучения анкетных данных о 73 хозяйствах, собранных т. Волиным в Гуандуне, т. Петтипавлов пришел к выводу, что из всего дохода этих хозяйств в 25 242 долл. зарплата составляет в среднем 2,5%, причем 6 хозяйств с доходом до 150 долл. получают 300, 3 хозяйства с доходом до 200 долл. получают 36, 7 хозяйств с доходом до 250 долл. получают 136, 9 хозяйств с доходом до 300 долл. получают 180 и 31 хозяйство с доходом до 600 долл. получает 282 долл. дохода, как зарплату, а хозяйства с доходом свыше 600 долл. ничего не получают. Покупка рабочей силы составляет 5,6% всех расходов, причем расходы на наем совершенно законно повышаются в середняцких и кулацких хозяйствах. 3 хозяйства с доходом до 200 долл. расходуют 3,3 долл., т. е. в среднем 1,1 долл., а 4 хозяйства с доходом до 800 долл. расходуют в среднем 15 долл., и 5 хозяйств с доходом от 800 до 1 000 долл. в среднем 30 долл. на покупку рабочей силы. Такая же закономерность получается при рассмотрении бюджетов 25 крестьянских хозяйств, обследованных тт. Волиным и Иолком. Если рассмотрим данные, приведенные Яшновым о 70 хозяйствах в северной Манчжурии, то «социальная равнина» Яшнова выглядит так:

Хозяйства	до 15 шан	нанимают	0,7	год.	рабочего	и	97	дней	проч.	найма
»	от 15 до 30 шан.	»	1,58	»	»	»	143	»	»	»
»	» 30 » 75 »	»	3,68	»	»	»	332	»	»	»
»	выше 75 »	»	6,18	»	»	»	552	»	»	»

Здесь мы видим уже крупные и крупнейшие кулацкие хозяйства, эксплоатирующие 6—7 батраков в год, как постоянных рабочих. Разумеется, северная Манчжурия и внутренняя Монголия еще не весь Китай, но наемный труд везде играет уже известную роль.

Однако было бы ошибочно думать, что все это безземельное сельское население состоит из батраков. Значительный процент безземельного сельского населения не гун-нун, не батраки, а кули. Это верно особенно относительно юга и юго-запада, где в области сухопутного транспорта кули занял место скота. В Гуанси «единственная область, где спрос на труд крестьянина остается очень высоким это — транспорт, так как вследствие горного рельефа местности и отсутствия проезжих дорог поезд, автомобиль, лошадь — все это заменяется трудом кули» [1]. Две эти категории — батрак и кули — переплетаются между

[1] Тарханов, Очерк социально-экономической структуры Гуанси, 97.

собою, за исключением «вечных батраков». Безземельный сельский житель сегодня нанимается как гун-нун, а завтра как кули. В результате мельчания землепользования и вызванного этим отсутствия постоянного спроса на рабочую силу в земледелии, разоренный или безземельный крестьянин становится в большинстве случаев не батраком, а кули. Низшие категории арендаторов и крестьян-собственников также занимаются в свободное от земледельческих работ время трудом кули.

Кули, разумеется, не только деревенский класс. Кули идет из деревни в город. Он чернорабочий на фабрике, он выполняет черную работу как прислуга, он наемный солдат генералов, он грузчик в портах, носильщик, он батрак, он бродяжничает по селам, он бандит, он строительный рабочий, он рикша. Кажется, на всех дальневосточных и европейских языках его называют кули. Он продукт разложения дальневосточной деревни. Дать точное определение этой социальной категории, охватившей в одном Китае несколько десятков миллионов людей, нельзя. Но само китайское название определяет эту категорию. На китайском языке слово «ку» означает горький, а слово «ли» значит сила, сила в смысле труда. Кули — это горькая сила, горький труд. Кули — носитель, исполнитель горького труда — является центральной фигурой безземельного сельского населения. В городах количество кули превышает количество фабричных и ремесленных рабочих, вместе взятых Кули лишь настолько похож на чернорабочего Запада, насколько китайские производственные и общественные отношения походят на английские и американские. Маркс упоминает о кули наряду с рабом. И миллионы кули работают все еще в качестве контрактных рабочих, т. е. полурабов. Но кули являются не безысторическим классом. Они погибали тысячами на золотых россыпях Калифорнии. Десятками тысяч продавали их достопочтенные гонконгские купцы в Трансвааль. Они погибают тысячами в оловянных шахтах Стрэт-Стэльмента. Они работают на каучуковых плантациях Малайских островов. Они строят богатство Филиппинских островов. Они являются коллективными рабами империализма, милитаризма и азиатчины в Китае. На их костях строятся заводы, фабрики в Японии, Индии, в Китае. Без этой социальной категории нельзя понять ни китайской деревни, ни китайского города, ни китайской революции с ее огромным размахом и стихийной силой. Ибо рабочий класс возглавляет, как гегемон, крестьянство в деревне, а в городах современный рабочий-пролетарий возглавляет своего старшего брата кули. Абсолютно и относительно немногочисленный класс промышленных пролетариев шел во главе кули во время шанхайских расстрелов, во время гонконгской стачки, продолжавшейся 9 месяцев. Промышленный пролетариат возглавлял огромное море кули, когда рабочие Шанхая три раза поднимались на вооруженное восстание. И кули заняли голыми руками британскую концессию в Ханькоу. Китайский кули стал под руководством промышленного пролетариата историческим классом. Нет слов для описания его подвигов, совершаемых под руководством рабочих. Рабочий класс — это элемент сознательности в китайской революции. Кули — бушующее море, неудержимая, неустрашимая буря стихии, горькая сила революции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА XIV.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ.

Ввиду отсутствия достоверных официальных данных и ввиду огромных различий между отдельными провинциями, мы считаем невозможным дать картину распределения земельной площади в общекитайском масштабе. Мы собрали лишь те данные, которые можно считать более или менее достоверными и в то же время характерными для отдельных провинций Китая. Данные эти исходят из разных источников, обследования произведены по разным методам, и это, конечно, еще более увеличивает имеющиеся затруднения. Однако подобный метод кажется нам более правильным, чем создание теорий на основе высосанных из пальца уездных начальников официальных статистических данных.

К сожалению большинство выборочных обследований не считалось с особенностями китайского способа земледелия и не учитывало, например, идет ли речь о сухой или о влажной земле. Так как этот момент является одним из важнейших факторов при определении размера производства, то надо остерегаться вытекающих отсюда ошибок. Далее, только немногие обследования Нанкинского университета учитывают соотношение урожайных му к общему количеству му. Это обстоятельство, как мы видели выше, также имеет решающее значение при определении размера производства. Размер посевной площади является лишь одним и во многих случаях не важнейшим фактором мощности хозяйства, не говоря уже о таких факторах, как живой и мертвый инвентарь, удобрение, применение наемного труда, характер хозяйства и пр. Обследования редко учитывают также соотношение разных культур, удельный вес технических культур в производстве данного хозяйства. Огромные различия в арендных отношениях, разные виды земельной собственности также затрудняют всякое обследование. Никакая статистика не может надлежащим образом выразить разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев. Эти процессы могут тянуться годами и десятилетиями. «Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д.» [1]. Ростовщичество заранее исключает всякую возможность рационального ведения хозяйства. Налоги, реквизиции, стихийные бедствия, недороды и т. п. не поддаются в Китае никакому учету. Никакая статистика не учитывает опустошений, причиненных в Китае вредителями. Между тем в 1925/26 г. в окрестностях Нанкина, например, 21% сбора пшеницы, 25% ячменя, 29% бобов,

---

[1] Ленин, Собр. соч, т. IX, 232.

18% картофеля и 53% томата было задето или уничтожено вредителями, а в провинциях Аньхуй и Цзяньсу вредители уничтожили 24% урожая гаоляна и 20% проса [1]. Нельзя учесть, сколько берет бандит силой или сколько дани платит крестьянин бандиту в порядке выкупа. Мы увидим еще разные скачки цен на разные продукты в течение одного года. Напрасно было бы пытаться уловить статистическое влияние колебаний цен на разные категории хозяйства. В довершение всего недоверчивое отношение крестьянства чрезвычайно затрудняет даже выборочные обследования.

Мы просим читателя учитывать все эти обстоятельства при оценке приводимых нами данных. Стихийные бедствия прежде всего разоряют беднейшие слои крестьянства, которые ведут хозяйство без запаса, а кулак, помещик и ростовщик процветает именно тогда. Что помещики имеют лучшие (влажные) земли, на это мы уже указывали. Величина ростовщического процента обратно пропорциональна экономической мощности хозяйства. Чем зажиточнее хозяйство, тем ниже процент, чем беднее крестьянин, тем процент выше. То же относится к условиям аренды. Чем беднее арендатор, тем тяжелее условия аренды, и, наоборот, чем зажиточнее арендатор, тем легче он может добиться более выгодных условий. Точно так же земельный налог в Китае обратно прогрессивен, и эта обратная прогрессивность все более и более усиливается. Чем богаче землевладелец, чем ближе он к господствующим слоям деревни, тем меньше с него взимают налогов, и наоборот. Эксплоатация со стороны торгового капитала также обратно пропорциональна мощности хозяйства. Бедный крестьянин вынужден продавать свои продукты непосредственно после урожая, когда цены низки, а помещик и кулак могут задержать свой хлеб до тех пор, пока перед следующим урожаем цены на земледельческие продукты повысятся. Кулак и помещик так или иначе найдут доступ к рынку сами, а бедный крестьянин находит путь к рынку только через целый ряд посредников, не говоря уже о том, что он вынужден часто заложить или заранее продать свой урожай. Далее, парцеллярный и мелкий крестьянин очень часто лишен скота, лишен даже необходимых с.-х. орудий и вынужден за плату или за услуги занимать живой и мертвый инвентарь у более зажиточных землевладельцев.

Ленин оставил нам непревзойденную методологию для разработки и понимания классовой диференциации крестьянства. В этом отношении он также поднял на несравненно более высокую ступень марксистскую теорию аграрного вопроса в сравнении с Каутским. Но применять методологию Ленина к китайскому сельскому хозяйству архитрудная вещь, ибо мы должны оперировать в большинстве случаев материалами, добытыми методологией, враждебной ленинскому пониманию аграрного вопроса.

В дальнейшем мы попытаемся сгруппировать по провинциям имеющиеся в нашем распоряжении данные.

---

[1] Twelfth Annual Report of the College of Agriculture and Forestry 1925/26. University of Nanking Bulletin, v. VII, 8, 59—62.

Распределение земли в Гуандуне.

Распределение посевной площади в Гуандуне известно нам лучше, чем в любой другой провинции Китая. На основании данных, собранных крестьянскими союзами, и на основании разных выборочных обследований можно составить приблизительную картину распределения земельной площади Гуандуна. К сожалению, у нас нет даже приблизительных данных о том, как распределяется между разными социальными группами влажная и сухая земля, однако имеются веские основания предполагать, что влажная земля находится главным образом в руках помещиков. Нет у нас также даже приблизительных данных о том, каково соотношение между общей посевной площадью и количеством «урожайных му», хотя вопрос этот имеет в Гуандуне огромное значение. Ведь с рисовых полей снимаются обычно два, а иногда и три урожая риса и кроме того еще один урожай овощей; что же касается полей, отведенных под тутовицу, а их в Гуандуне немало, то они дают семь, а в некоторых местах и восемь сборов тутовых листьев на протяжении одного года. Одним словом, о размерах производства у нас данных нет, и сами гуандунские крестьяне прекрасно понимают, что размер посевной площади является лишь одним из факторов при определении размера производства. Поэтому сами крестьяне часто вообще не указывают, какова площадь данного хозяйства, а говорят о том, каков размер посевов этого хозяйства, и в материалах крестьянских союзов, как общее правило, указывается доход с помещичьей земли, а не размер ее. Все эти обстоятельства надо принять во внимание при оценке данных о Гуандуне.

К сожалению, это не было учтено во многих случаях в превосходной работе тт. Волина и Иолка.

Официальные данные о распределении посевной площади таковы:

Площадь в му	Число хозяйств	%
Ниже 10	2 083 252	53,0
» 10— 30	962 107	24,5
» 30— 50	533 221	14,1
» 50—100	243 040	6,2
Выше 100	83 587	2,2
Итого . . .	3 925 207	100,0

Эти данные никуда не годятся, ибо, исходя даже из минимальной нормы посевной площади для каждой группы, получаем, что посевная площадь в Гуандуне составляет 57 144 690 му. Между тем вся посевная площадь провинции составляет в лучшем случае 35—40 млн. му, причем клановые, государственные и прочие земли составляют 10—13 млн. му, а посевная площадь, находящаяся в частном владении, не превышает 25—30 млн. му.

В дальнейшем мы будем оперировать данными тт. Волина и Иолка.

О наличии крупных помещиков в разных уездах Гуандуна собраны чрезвычайно интересные материалы. В уезде Шуньдэ имеется около 15 помещиков с земельной собственностью выше 1 тыс. му. В уезде Панюй 2—3 помещика имеют от 5 до 10 тыс. му каждый, 10 помещиков—

от 1 до 3 тыс. му, около 20 помещиков — больше 500 му. В уезде Синсин один помещик является собственником земли стоимостью в 500 тыс. долл., два помещика — собственники участков земли стоимостью по 300 тыс. долл., 6—7 помещиков — по 100 тыс. долл. В уезде Суйчи 10 помещиков владеют землей стоимостью в 300 тыс. долл. В уезде Ухуа имеется 12 крупных помещиков, владеющих от 700 до 1 тыс. му каждый. В уезде Цзечин один помещик имеет 4 тыс. му, 6 или 7 имеют 1 500 му, 20 — от 500 до 1 500 му. В уезде Наньхай 20% всей земельной площади находится в руках крупных помещиков. В уездах Жанхуа 7 помещиков имеют 2 тыс. му, 10 — свыше 1 тыс. му каждый. В уезде Гуаннин 5—7 помещиков владеют от 1 до 3 тыс. му и т. д. и т. д.

Вот «социальная равнина» Ван Цзин-Вэя и других левых и правых гоминдановских лидеров. При этом следует иметь в виду, что речь идет исключительно о крупных помещиках. На основании имеющихся материалов тт. Волин и Иолк пришли к выводу, что от 1 до 1½ млн. му находится в Гуандуне в руках крупных помещиков.

Что касается средних и мелких помещиков, то о них труднее было собрать более или менее точные данные. Но материалы крестьянских союзов дают возможность выяснить положение в нескольких уездах. Так в уезде Пунин крупные, средние и мелкие помещики, составляя 5% всех землевладельцев, владеют 45% всей пашни, и кроме того в их карманы поступают доходы с 30 тыс. му клановых и прочих земель. В уезде Ухуа помещики и джентри владеют в общей сложности 118 тыс. му, в то время как вся посевная площадь уезда вряд ли превышает 300 тыс. му. В уезде Баоань помещики составляют 6% всех землевладельцев и владеют 18% посевной площади. В уезде Хайфын помещики владеют 27%, в уезде Цзинюань — 30%, в уезде Жанхай — 20% всей пашни. Следует, однако, указать, что в некоторых уездах мелкие помещики составляют довольно значительный процент всего деревенского населения. Так в уезде Шуньдэ мелкие помещики составляют в некоторых деревнях 10—30% всего населения, в уезде Дунгуан — 30%. Возможно, что работники крестьянских союзов в этих уездах включили в категорию помещиков всех лиц, сдающих землю в аренду, не учитывая, что, хотя и не так часто, как это имело место в России, ушедший на отработки или эмигрировавший бедняк или середняк также сдает свои клочки земли в аренду. С другой стороны, следует учесть, что в Китае кулак часто сдает также часть своих земель в аренду. Можно утверждать, что он чаще сдает в аренду землю, чем ее арендует.

Сопоставляя все имеющиеся данные, тт. Волин и Иолк пришли к выводу, что посевная площадь провинции Гуандун распределяется следующим образом (см. стр. 195).

Эти данные, подтверждаемые разными выборочными обследованиями и материалами крестьянских союзов, устанавливают, что парцеллярные и мелкие хозяйства составляют 80% всех хозяйств. При этом следует подчеркнуть чрезвычайную дробность землепользования в Гуандуне. Крупных помещиков, крупных земельных собственников можно найти, но нет крупных хозяйств. Как общее правило, можно утверждать, что хозяйства в Гуандуне в смысле землепользования только изредка превышают 100—150 му.

Категория	% всего населения	Число лиц	Средний размер	Вся посевная площадь в млн. му
Крупные помещики Средние . . . . . Мелкие	2—3	—	—	Около 10
Кулаки	2—3	80—100 тыс.	50	от 4 до 5
Средние крестьяне	12—15	480—600 »	15	» 7 » 8
Мелкие и парцеллярные собственники	80	2—3 млн.	5	» 7 » 8
Итого . . .	100	4 млн.	—	28—30

Такие хозяйства в условиях Гуандуна следует признать довольно крупными.

Что касается распределения крестьянства по категориям собственников, арендаторов и полуарендаторов, то официальная статистика утверждает, что арендаторы и полуарендаторы составляют 66,5%, а крестьяне-собственники — 33,5% всего крестьянства (разумеется, среди арендаторов и главным образом среди полуарендаторов имеется небольшой процент зажиточных элементов, но процент этот относительно невелик). Эти цифры в общем и целом сходятся с результатами отдельных обследований, произведенных за последние годы. У нас однако нет данных о классовом расслоении категории арендаторов и полуарендаторов.

Но крестьянское движение в Гуандуне лучше всяких обследований показало, что арендаторы и полуарендаторы составляют в провинции большинство крестьянства. Крестьянское движение в Гуандуне выяснило, что подавляющее большинство крестьянских хозяйств составляют парцеллярные и мелкие хозяйства. Огромный размах вооруженного восстания гуандунского крестьянства в сентябре-октябре 1927 г. убедительнее всего показал, как тяжело экономическое и политическое положение большинства крестьянства.

Но опыты в советских районах в Китае и даже опыт самого первого советского района в Хайфыне, Хайлуфыне и Лукфыне показал, что в гуандунской деревне уже вырос и кулак. Он сопротивлялся и сопротивляется уравнительному переделу земли, имеет свою аграрную программу, свои лозунги. Он выступает с лозунгом перераспределения земли по средствам производства, он ведет борьбу против углубления аграрной революции, он выступает за оплату ростовщических долгов, если ростовщик имеет меньше 50 му, он ведет борьбу за влияние в советах, он связывается с буржуазно-помещичьим блоком, организует зеленые отряды против советов. Вопрос о классовой однородности или дифференциации китайской деревни теперь уже разрешен практикой.

Если рассматривать отдельные социальные группы гуандунского крестьянства на основании тех богатейших материалов, которые собраны и систематизированы в труде тт. Волина и Иолка, то получаем следующую картину.

Парцеллярный крестьянин. Как общее правило, он лишен рабочего скота и нанимает его у богатых крестьян за плату или за трудовую услугу. Часто бывает, что несколько крестьян покупают

скот вместе. Нередко бывает, что крестьянин вообще не распахивает своего клочка земли плугом, а обрабатывает его мотыгой. Нет у него достаточного мертвого инвентаря. Более дорогие орудия, как например колесо для орошения, он должен арендовать. Нет у него ни места, ни орудия для молотьбы. Часто он орошает землю не оросительным колесом, а просто из ведра. Он удобряет землю лишь тем минимальным количеством удобрения, которое поставляет его семья. В его бюджете очень часто зарплата играет более важную роль, чем доход от земледелия. Он сам работает по найму и посылает на работу также и членов своей семьи. Они занимаются полотьбой полей и рыболовством, работают как разносчики и кули и как батраки в страдное время; они занимаются разведением шелковичных червей, работают поденщиками, идут в город как кули; женщины собирают за небольшую плату листья тутовиц у более богатых крестьян, помогают при рассаживании риса, работают при сборе чая, собирают топливо, а также травы и отбросы для навоза и топлива. Члены семьи нередко работают на Малайских островах, в Сиаме, Индо-Китае, отсылая часть заработка домой. Доходы парцеллярного крестьянина, как общее правило, ниже голодного минимума, и это заставляет его прибегать к займам. Ростовщики обдирают его особенно жестоко. Если даже недоеданием и чрезмерной эксплоатацией своей рабочей силы и членов своей семьи ему удастся уравновесить свой бюджет, то достаточно малейшего толчка, чтобы нарушить это неустойчивое равновесие. Болезнь, смерть, свадьба, недород, бандитский налет, новый налог, новый нажим помещика, — и парцеллярный крестьянин вынужден обратиться к ростовщику. Для него «нормальный» процент составляет от 3 до 10 в месяц. Нередко он вынужден закабалять своих детей и изредка даже самого себя в долговое рабство. Питается он картофелем или рисовым отваром, даже рис является для него роскошью. Не только свое хозяйство, но и свою рабочую силу он воспроизводит в сокращенном масштабе, находясь периодически на грани голодной смерти или превращения в бандита или кули. Его хозяйство — хозяйство паупера.

Мелкий крестьянин. В отношении техники его хозяйство мало отличается от хозяйства парцеллярного крестьянина. Иногда у него имеется рабочий скот, в большинстве случаев корова, редко хороший буйвол. Иногда он покупает удобрение. В отношении инвентаря у него дело обстоит немного лучше, чем у парцеллярного крестьянина. Однако дорогих с.-х. орудий у него тоже нет. Часто он на весьма кабальных условиях арендует дополнительный клочок земли к своему хозяйству. Оборотного капитала для ведения хозяйства у него тоже нет, и перед посевом или перед урожаем он вынужден прибегать к займу. В нормальное время он может сводить концы с концами, но малейшее непредвиденное событие заставляет его голодать и обращаться к ростовщику. Нередко мелкие крестьяне занимаются торговлей: продают рисовую кашу, растительное масло и т. п. Во время полевых работ они нанимают рабочих и сами нанимаются. Мелкий крестьянин занимается птицеводством, часто разводит свиней. Питается немного лучше, чем парцеллярный крестьянин.

Особо следует указать здесь, что мелкий и парцеллярный крестьянин, как общее правило, не только рабочего скота, но и инвентаря не

имеют. Этим объясняется то, что беднота на советских территориях, выступая за уравнительный передел, в то же время стихийно стремится к самым первичным формам коллективного хозяйства. Из конфискованного помещичьего инвентаря беднота создает буйвольно-плужные станции. Земля, поскольку мы знаем, редко обрабатывается совместно, но бедняки пользуются обобществленным инвентарем для индивидуальной обработки земли.

Средний крестьянин. Его мертвый инвентарь достаточен. У него имеется рабочий скот, чаще всего буйвол, а не корова. Удобряет он свою землю значительно лучше, чем парцеллярный и мелкий крестьянин. В общем он применяет ту же технику, что и бедный и беднейший крестьянин, но благодаря лучшему удобрению и обработке урожайность у него часто выше. Впрочем это не общее правило, ибо бедные крестьяне так тщательно обрабатывают свой небольшой клочок земли, что иногда как раз в самых низких категориях крестьянских хозяйств урожайность выше, чем в средних и кулацких хозяйствах. Средний крестьянин часто арендует дополнительный участок к своей земле, но не менее часто сдает часть своей земли в аренду. Сдать землю в аренду для хозяйствующего крестьянина часто выгоднее, чем самому обрабатывать ее. Он выжимает из арендатора такую ренту, что даже более рациональное ведение хозяйства на большем участке не дало бы ему такого дохода, как эксплоатация арендатора. Этим объясняется процесс дробления землепользования при одновременном процессе концентрации землевладения. Средний крестьянин имеет достаточно оборотного капитала. Сам он редко занимает деньги, либо занимает их из относительно низкого процента, либо занимает вовсе без уплаты процентов. Свой бюджет он сводит без дефицита, и часто у него имеются даже накопления. Наряду с производством риса он занимается разведением технических культур. Свиноводство и птицеводство — неотъемлемые части его хозяйства. Весьма часты случаи, когда средний крестьянин занимается торговлей. Сам он редко нанимается и на время полевых работ нанимает рабочих на 2—3 месяца. Кроме того в период рассаживания риса и прочих трудоемких работ он нанимает нескольких женщин. Стихийные бедствия и недороды могут столкнуть его в категорию мелких и парцеллярных крестьян, но при благоприятном стечении обстоятельств они же могут поднять его в разряд кулаков.

Кулак. Имеет хороший живой и мертвый инвентарь. Сдает в в наем скот и с.-х. орудия. Удобряет свою землю хорошо, покупая удобрения, благодаря чему урожайность у него часто выше, чем у мелкого и среднего крестьянина. Изредка он имеет не только оросительное колесо, но даже насос. Очень часто занимается торговлей. Продает мясо, дрова, растительное масло, покупает коконы и технические растения. У него 2—3, иногда даже 6 постоянных наемных рабочих; кроме того он нанимает сезонных рабочих. Занимается свиноводством и птицеводством. Хозяйство его накопляется. Имеются сведения о кулацких хозяйствах, доходы которых в 6—7 раз превышают расходы, и которые накопляют от 2 до 4 тыс. долл. в год. Кулак почти всегда и ростовщик. Он ссужает не только деньги, но и рис для питания и на семена. Изредка он арендует дополнительный участок, но еще чаще сдает землю в аренду. Нередки случаи, когда кулак, арендуя землю, сдает ее в субаренду.

При характеристике китайского кулака следует подчеркнуть двойственную его природу. Он ведет более крупное, более рациональное хозяйство. Он эксплоатирует наемный труд. Он приарендовывает землю. И в этом смысле он является носителем прогресса в земледельческом производстве. Поскольку он является капиталистическим предпринимателем, его тоже теснят в той или иной степени докапиталистические остатки в аграрном строе. Но в то же время он сдает землю в аренду, причем чаще, чем приарендовывает, а сдает он в аренду часто на более кабальных началах, чем даже помещик. И поскольку это так, он является получателем ренты. Поскольку это так, аграрная революция направлена и против него. Более того, кулак почти всегда и ростовщик. Он выжимает из бедноты ростовщические проценты. И поскольку это так, аграрная революция, выступающая с лозунгом отмены кабальных договоров и ростовщических долгов, направлена и против него. А так как революция подымает и батрака за улучшение условий труда, то революция бьет по кулаку и в качестве нанимателя рабочих. И поскольку углубление аграрной революции сопровождается стремлением бедноты к уравнительному переделу, советская революция бьет по кулаку и как по землевладельцу. Отсюда контрреволюционная роль кулака на советских территориях.

Что касается способа земледелия, то при характеристике разных социальных групп бросается в глаза, что кулак, а часто и средний крестьянин имеют буйвола, располагают относительно хорошими орудиями для орошения, и, что особенно важно, покупают удобрение. То относительно небольшое количество удобрения, которое в Китае поступает на рынок, закупается главным образом зажиточными хозяйствами. В рамках рутинной техники земледельческого производства более крупные хозяйства поставлены технически все же лучше, чем мелкие. Но эти технические преимущества недостаточно велики для того, чтобы помешать дроблению землепользования.

В случае аренды необходимо учесть, что арендатор, кроме расходов самостоятельного крестьянина, вынужден вносить и арендную плату помещику, но зато, как общее правило, он не должен платить земельного налога. В зависимости от условий аренды арендатор должен иметь на 60—100% больше земли, чем самостоятельный крестьянин того же разряда, а если условия аренды особенно тяжелы, то и больше.

Все эти группы крестьянства не пребывают конечно в состоянии неподвижности и не отделены друг от друга китайской стеной. Есть переходные и промежуточные типы хозяйства. Нередки резкие и внезапные переходы из одной группы в другую, например в случае недорода или других стихийных бедствий. В Гуандуне, как и в других провинциях Китая, часто встречаются деревни, в которых нет всех этих категорий крестьянских хозяйств. Встречаются деревни, которые на самом деле представляют «социальную равнину», и все крестьяне принадлежат к группам парцеллярных и мелких, так что вся деревня состоит из жалких хижин. Помещик или ростовщик проживают где-то в городе, ренту и проценты собирают их агенты, и вся деревня находится у них в кабале. Но как раз в Гуандуне встречаются деревни, в которых имеются представители всех перечисленных социальных групп. Дворец-крепость помещика с бойницами, с миньтуанями, хорошие дома джентри и кулаков,

сносные домики середняков, и наряду с ними море жалких хижин бедноты. Для земельных отношений Гуандуна характерно именно то, что классовое расслоение деревни зашло там очень далеко.

Классовое деление в провинции Гуанси.

Относительно Гуанси мы не располагаем столь богатым материалом, как это имеет место относительно Гуандуна. Крестьянское движение началось здесь позже, чем в Гуандуне и не достигло такого размаха. Обследование т. Тарханова — «Очерки социально-экономической структуры провинции Гуанси» — содержит следующую характеристику земельных отношений в этой провинции.

На основании данных выборочного обследования, посевная площадь семи уездов округа Чау в восточном Гуанси распределяется следующим образом: крестьянские земли составляют 21,4% всей обрабатываемой площади, помещичьи — 52,1%, родовые и храмовые — 20,7%, государственные — 5,8%. Население тех же уездов состоит из следующих социальных групп: батраки (частично сюда входят и ремесленники) — 20,5%, арендаторы — 52,1%, полуарендаторы — 15,7%, крестьяне-собственники — 19,4%, помещики — 2,2%.

Итак более половины обработанных земель является собственностью помещиков. Но родовые, храмовые, а вероятно и государственные земли фактически также управляются джентри и помещиками, которые собирают все доходы с них и бесконтрольно ими распоряжаются, в то время как обрабатывают их крестьяне-арендаторы. Львиная доля земли находится следовательно в руках помещиков и джентри, а это значит, что они распоряжаются и почти всей товарной частью с.-х. продукции. В самом деле, если 78,6% всей обработанной площади не является крестьянской собственностью и если учесть, что при средней ренте в 60% урожая крестьянство, арендующее эту землю, оставляет себе только 40% урожая, то с.-х. продукция должна после сбора урожая распределиться между различными группами деревни следующим образом: крестьяне-собственники — 21% урожая, крестьяне-арендаторы — 32%, помещики и джентри — 47%.

Большинство помещиков округа Чау должно быть отнесено к мелким, но имеется и крупное землевладение. С наилучших участков, находящихся в частном владении, урожай составляет 1—2 млн. кит. фунтов в год. Такой участок приносит ренту, которая, будучи выражена в деньгах, колеблется от 25 до 50 тыс. долл. годового дохода. Таких помещиков конечно очень мало: на два уезда — Бэйлюский и Юлинский — всего несколько человек (десятка полтора), но самый факт возможности такой концентрации земельной собственности говорит очень много.

К средним помещикам должны быть, по местным понятиям, отнесены те, участки которых приносят в год от 80 до 300 тыс. кит. фунтов; к мелким — от 40 до 90 тыс. (смотря по уезду), к мельчайшим (полупомещикам) — от 5 до 30 тыс., к крестьянам-собственникам — от 2 до 10 тыс.

Иногда сдаются в аренду прямо-таки ничтожные участки земли, дающие всего от 2 до 10 тыс. ф. урожая в год, т. е. приносящие владельцу земли от 50 до 250 долл. годового дохода. Однако раз их сдают в аренду, то очевидно делать это выгоднее, чем обрабатывать эти участки

самому. И действительно, если бы хозяин участка, дающего 2 тыс. ф. урожая, стал его обрабатывать сам, то вместо 40—50 долл. ренты, он получил бы не более 70 долл. дохода, зато был бы прикован к земле. При высоком уровне ренты ему выгоднее сдать эту землю в аренду, и, освободившись от необходимости работать на ней, подыскать себе какое-либо другое занятие. Этим объясняется наличие огромного количества мелких помещиков, большинство которых даже нельзя назвать помещиками. Заведывающий крестьянским отделом провинциального комитета гоминдана т. Чэн полагал, что из всех гуансийских помещиков 90% владеют землей, дающей не больше 50 тыс. ф. урожая, т. е. приносящей не больше 1 250 долл. годового дохода.

Крестьянское землевладение должно быть определено как крайне дробное, дающее от 80 до 400 долл. годового дохода, причем основная масса крестьян-собственников владеет участками, дающими не более 100 долл. годового дохода. (Между прочим эту цифру приводит английская статистика.) Такое хозяйство конечно экономически крайне слабо, и большинство этих карликовых крестьян обречено на потерю своей земельной собственности и на постепенное превращение в арендаторов.

Если проследить высоту ренты на хороших и на плохих землях, то окажется, что крестьянину в сущности безразлично, на какой земле он работает — на хорошей или на плохой. Выгода от лучшего качества его земли все равно достается не ему. Так по уезду Син-е рента составляет: на трудно орошаемых землях худшего качества — 30% урожая, среднего качества — 40%, на хорошо орошаемых землях худшего качества — 50%, лучшего качества — 70%.

Что касается западного Гуанси, то здесь преобладает крестьянская собственность. В округах Тунань, Люцзань и Наньнин преобладающая часть земельной площади находится во владении крестьянства, обрабатывающего эту землю своим трудом. Помещики являются здесь редким исключением, а крупных помещиков, насколько известно, вообще нет. Крестьянское землевладение носит очень дробный характер, что объясняется общей для всего Китая причиной: разделом имений при наследовании между всеми сыновьями. В Гуанси, однако, этот общекитайский обычай применяется с некоторой поправкой: старшему сыну дают больше, чем остальным сыновьям. Постоянное дробление земли, причем дробление неравное, должно было уже послужить одной из причин различия в экономической мощности крестьянских хозяйств. Но это конечно не главная причина. Ряд других обстоятельств, идущих параллельно этому дроблению, а именно применение наемного труда, связь с рынком и т. д. обусловили расслоение, происходящее в массе крестьян-собственников.

В Наньнинском уезде крестьяне-собственники, составляющие там примерно 85% с.-х. населения, могут быть разделены на три основных группы: бедняков, середняков и кулаков.

Б е д н я к и собирают обычно 30—50 куперов урожая (купер — 16 кит. фунтов). Собственного рабочего скота они не имеют. С.-х. инвентарь у них крайне жалок. Удобрение они принуждены покупать, но всегда, вследствие отсутствия средств, удобряют землю недостаточно. Сельское хозяйство доставляет им лишь в половинном размере те средства, которые нужны для пропитания их и их семей в течение года, поэтому они вынуждены

искать каких-либо побочных заработков. С этой целью они нанимаются в батраки к богатым крестьянам, уходят в город и на строительные работы во время строительного сезона, собирают топливо, переносят тяжести, занимаются мелкой торговлей на дорогах и т. п. Крестьяне этой группы составляют 25% всего с.-х. населения.

Середняки собирают обычно 200 куперов урожая, т. е. 3 200 ф. в год. Для обработки земли они имеют 2 коровы. Сельское хозяйство едва доставляет этим крестьянам средства на самое бедное существование, так как при хорошем урожае у них остается в год, после уплаты налогов, 100—120 долл. на поддержание жизни их семей. Эта группа крестьянства очень мало занимается подсобными промыслами, за исключением птицеводства и огородничества, ибо их хозяйства в гораздо большей степени, чем хозяйства бедняков, требуют полного использования труда всех членов семьи. Крестьяне этой группы составляют 60% всего с.-х. населения уезда, т. е. являются основной массой крестьянства уезда.

Кулаки собирают от 300 до 1 000 куперов урожая, т. е. от 4 800 до 16 тыс. ф. в год. Хотя кулацкие семьи обычно более многочисленны, чем бедняцкие, однако они все же не могут обойтись без наемной рабочей силы. Они обыкновенно держат 1 батрака круглый год, а в страду нанимают еще 2—4 чел. на поденную работу. Кулаки имеют от 3 до 5 коров. Их хозяйства дают им более 600 долл. годового дохода, так что за вычетом хозяйственных расходов и расходов на уплату налога у них остается около 400 долл. в год. Эти крестьяне составляют 2—3% населения.

Батраки. Эта группа чаще всего не имеет даже своего постоянного угла и кочует из одной деревни в другую. В Наньнинском уезде заработная плата батрака в год 30 долл., а при поденной работе во время страды 30—40 центов в день. При поденной работе у батрака харчи свои, а при постоянной — хозяйские. Батраки составляют примерно 5—6% с.-х. населения.

Таково деление крестьянства на основные социальные группы. Это деление, составленное на основании данных Наньнинского уезда, остается однако приблизительно верным для всех округов, в которых преобладает крестьянская поземельная собственность, с той поправкой, что чем меньше хозяйство данного округа носит товарный характер, тем меньше удельный вес крайних групп, и тем более повышается численность и значение середняцкой крестьянской массы. Это относится в особенности к тем уездам, в которых условия орошения и качество земли особенно благоприятны. Наоборот, уезды, подверженные стихийным бедствиям (частым наводнениям), дают обычно картину несколько большего расслоения.

Данные о провинции Хубэй.

О земельных отношениях и о расслоении деревни в пров. Хубэй мы имеем данные анкеты, проведенной в марте 1927 г. среди делегатов I Хубэйского крестьянского съезда. Данные эти собраны и систематизированы т. Иолком. Заполнение анкет производилось сотрудниками провинциального крестьянского союза, опрашивавшими каждого делегата в отдельности и тут же записывавшими ответы. Опросить удалось 45 делегатов, осветивших положение в 46 деревнях 19 уездов.

1. Крупные землевладельцы. На вопрос о том, кто считается крупным помещиком, 2 делегата не дали никакого ответа, а 10 указали, что в районе их деревень крупных помещиков нет. 34 ответили, что имеются крупные помещики. Согласно этим 34 анкетам, размеры землевладения крупных помещиков колеблются в пределах от 7 тыс. му (максимум) до 20 му (минимум), причем средняя для 34 случаев равна 1 352 му.

Какую часть с.-х. населения составляют крупные помещики, и какая часть земельной площади находится в руках крупных помещиков?

Для ответа на этот вопрос можно использовать лишь 22 анкеты из 46. Согласно этим анкетам крупные помещики составляют в среднем 5,3% населения и владеют 31,5% земельной площади.

2. Кто считается средним помещиком? Из 46 опрошенных 5 ответили, что в их деревнях средних помещиков нет, а 4 не дали никакого ответа. Остальные 37 анкет определяют средний размер землевладения для среднего помещика в 195,8 му, при максимуме в 800 му и минимуме в 30 му.

3. Кто считается мелким помещиком? На этот вопрос ответили 29 анкет. В 4 случаях ответ гласил, что мелких помещиков нет. По остальным 25 деревням средний размер землевладения мелких помещиков равен 85,7 му, при максимуме в 600 му и минимуме в 6 му.

4. Земля предков. Из 46 деревень в 21 таких земель не оказалось. 5 анкет не содержат ответа на этот пункт. По остальным 20 деревням размер клановых земель, или — что то же — земель предков колеблется в пределах от 3 тыс. (максимум) до 20 му (минимум). Средняя равна 410 му.

5. Другие виды общественных земель. Кроме клановых земель встречаются: в 6 случаях — государственные земли (размером от 10 до 1 000 му), в 8 случаях храмовые (от 2 до 100 му), в 4 случаях школьные (от 20 до 300 му), в 3 случаях общедеревенские (от 20 до 80 му), в 1 случае военные (200 му).

6. Число безземельных ведущих хозяйство крестьян. В 45 деревнях (1 анкета не дала никакого ответа) мы имеем 5 947 крестьянских дворов. Из них арендаторов — 2 281 двор (38,3%) и полуарендаторов 2 295 дворов (38,5%). Предположив, что в среднем полуарендатор арендует половину своего обрабатываемого участка, мы можем перевести полуарендаторов в чистые арендаторы, и тогда получим для 45 деревень 3 428 «полных» арендаторов, что составит 57,6%.

Распределение земли в южном Цзянсу.

Материалы крестьянских союзов относительно других провинций, к сожалению, отчасти уничтожены, отчасти стали совсем недоступны в связи с переходом крестьянских союзов на нелегальное положение.

Поэтому в дальнейшем мы переходим к результатам работ буржуазных исследователей Китая. Среди них следует коротко упомянуть об обследовании южного Цзянсу, произведенном Нанкинским университетом. Обследование это охватило в общей сложности 40 486 259 му обрабатываемой земли в 35 уездах южного Цзянсу. Опирается оно главным образом на официальные данные, но часть материалов собрана

по деревням студентами университета, часто уроженцами этих деревень, в связи с чем результаты этого обследования заслуживают несколько большего внимания, чем обычные официальные данные.

Согласно данным обследования, посевная площадь распределяется между разными категориями хозяйств следующим образом: хозяйства от 1 до 5 му занимают в общей сложности 22,1% всей площади, от 5 до 15 му — 41,2%, от 15 до 50 му — 28,6%, выше 50 му — 8,1%. Сухая земля составляет в южном Цзянсу 16,4%, влажная земля — 53,4%, а низкая плоская земля, которая дает лишь один урожай риса — 18,7% всей посевной площади. Разумеется, соответственно качеству земли меняется и урожайность земли, цена земли и рента с земли. Забывать об этом нельзя, ибо это привело бы к ложным выводам. Если однако мы отвлечемся от этих огромных различий и учтем лишь посевную площадь, то получится, что парцеллярные и мелкие хозяйства (до 15 му) составляют 63,3% всех хозяйств, средние (от 15 до 50 му) — 28,6% всех хозяйств, а кулацкие — лишь 8,1% всех хозяйств. Если к тому же мы примем во внимание, что в южном Цзянсу арендаторы составляют 39,7% крестьянства, полуарендаторы — 27,2%, а собственники — 33,1%, то с полной ясностью выступит перед нами то обстоятельство, что «социальной равнины» нет и в южном Цзянсу [1].

Более или менее точными данными, охватывающими значительные области Китая, мы, кроме вышеприведенных, не располагаем. Как читателю известно, Яшнов приводит данные, относящиеся к Северной Манчжурии. Вкратце мы уже разобрали эти данные Яшнова. Но поскольку при этом нами была установлена неточность и недостоверность этих данных, несомненно, что более детального разбора они не заслуживают.

Зато мы имеем ряд выборочных обследований об отдельных деревнях или группах деревень. Эти выборочные обследования заслуживают особого внимания, ибо они в смысле проверки материалов проведены очень добросовестно и тщательно. При всех своих методологических недостатках они, может быть, лучше отражают жизнь китайской деревни, чем данные, касающиеся целых провинций.

К разбору этих обследований мы и переходим.

ГЛАВА XV.

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ И ГОЛОДНЫЙ УРОВЕНЬ ДАННЫЕ ВЫБОРОЧНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов выборочных обследований мы останавливаемся в нашем изложении только на тех, которые охватывают целые деревни или целые волости. На наш взгляд случайно подобранные хозяйства из разных уездов или волостей могут только запутать картину, а не выяснить ее, в то время как обследование целых деревень все-таки дает представление об их экономическом и социальном положении.

---

[1] Данные об обследовании южного Цзянсу взяты из «Chinese Economic Monthly», v. II. № 1, № 3, 1924 г.

С этой точки зрения ценную работу проделал Международный комитет помощи голодающим, произведший довольно точное и добросовестное обследование 240 китайских деревень в четырех провинциях Китая [1]. Для ясности изложения мы группируем результаты обследования по провинциям.

В провинции Хубэй обследование охватило 85 деревень с общей численностью населения в 25 885 человек. Из деревень временно или постоянно отсутствует 599 чел., которые однако посылают деньги домой. В земледелии заняты полное время 91% всего взрослого мужского населения, частично — 3,5% всего населения. Только 5,5% всего населения заняты торговлей, ремеслом, транспортом или являются учителями, солдатами, чиновниками и пр. 17% всех семейств (592 из 3 532) являются безземельными. В эту группу входят как батраки, так и купцы, ремесленники и пр., и поэтому она охватывает не одни только беднейшие слои. Батраки и кули составляют $^1/_5$ всего деревенского населения.

Число обследованных хозяйств — 2 940. Если при характеристике хозяйственной мощи отдельных землевладельцев мы будем считать хозяйства, располагающие посевной площадью до 5 му, парцеллярными, от 5 до 25 му — мелкими, от 25 до 50 му — средними и выше 50 му — кулацкими или помещичьими хозяйствами, то перед нами раскроется следующая картина классового деления деревни: парцеллярные крестьяне составляют 32,9% общего числа хозяйств и владеют 4,3% всей посевной площади, мелкие крестьяне—44,7% — владеют 23,2% площади, средние крестьяне — 11,4% — владеют 18,5% площади, кулацкие и помещичьи семьи — 10,9% — владеют 54,9% площади.

Исследователей американцев нельзя заподозрить в большевизме, и все-таки оказывается, что 77,6% всего крестьянства—парцеллярные и мелкие собственники — владеют 27,5% всей пашни, в то время как 10,9% кулаков и помещиков владеют 54,9% всей посевной площади.

Что же касается распределения хозяйств на категории собственников, арендаторов и полуарендаторов, то 89,3% всей пашни обрабатывается собственниками, причем 72,8% пашни обрабатывается самим земледельцем и его семьей, а 16,5% пашни обрабатывается земледельцем с помощью наемных рабочих. Только 10,7% пашни сдано в аренду. Это довольно типичное для Хубэя явление.

Американцы сделали попытку выразить доходы обследованных семейств в деньгах. Эту попытку нельзя считать особенно удавшейся, ибо исследователи не учли крестьянской домашней промышленности, доходов купцов, ремесленников, батраков, разносчиков, солдат и т. д. Тем не менее получается глубоко поучительная картина:

Ежегодный доход в долларах	Число семейств, имеющих данный доход	% семейств, имеющих данный доход	% участия данной группы в общей сумме дохода
Менее 150	3 062	82 5	19,7
От 150 до 1 000	490	16,6	50,2
Выше 1 000	31	0,9	30,1

[1] Malone and Taylor, «The Study of Chinese Rural Economy», China International Famine Relief Commissions Publications, Peking, 1924.

Мы призываем читателя обратить на эту таблицу особое внимание, ибо сухие цифры ее говорят об исключительных страданиях и лишениях сотен миллионов трудящихся масс. Американцы, собравшие эти данные, — не большевистские агитаторы, не революционеры, не враги «существующего строя», а весьма благоприличные джентльмены, вовсе не желающие разрушить существующий в Китае порядок. Но эти же джентльмены установили, что во время проведения ими обследования прожиточный минимум в Хобэе для нормальной семьи определялся при тогдашних ценах в 187 долл. в год. Подчеркиваем: для нормальной семьи из 4—5 лиц, а не для нормального человека. Прожиточный минимум определен конечно более чем скромно. Среди пищи и речи нет о мясе, яйцах, рыбе и т. п. роскоши. «Меню» содержит лишь гаолян, просо, пшеничную муку, бобы, овощи, растительное масло, соль и чай, стоимость которых определена в 150—160 долл. для семьи. Расходы на одежду для всей семьи определены в 20 долл. Топливо не входит в счет, ибо оно собирается членами семьи. Расходы на квартиру в год определены в 5 долл., освещение — 5 долл., все прочие расходы — 7 долл. Все это вместе взятое составляет для нормальной семьи 187 долларов, но так как бедняцкие семьи состоят иногда только из 3—4 членов, прожиточный минимум для них установлен в 150 долл.

Вернемся к приведенной выше таблице. Читатель видит, что 3 062 семьи, т. е. 82,5% общего числа семей, живут ниже голодного минимума. Эти 82,5% всех семейств получают только 19,7% всего дохода, а в то же время 31 семья, т. е. 0,9% всех семейств, получают 30,1% всего дохода в данных деревнях.

Господин Тэйлор комментирует эти данные следующим образом:

«Факт, конечно, что в Северном Китае, как явствует из беглого взгляда на нашу таблицу, крестьянин не потребляет этого количества пищи (имеется в виду минимальное количество). Всегда, за исключением самых урожайных годов, он систематически недоедает. Действительно, в зимние месяцы он «зимует», воздерживается от излишних движений и соответственно сокращает свою пищу. В результате этого, когда наступает весна, он снова должен тщательно приводить себя в такое состояние, чтобы он мог по-настоящему двигаться... Устранение этой угнетающей бедности в деревнях должно явиться конечной целью всякого широкого плана улучшения экономического положения в Китае» [1].

С этими американскими данными сходятся результаты обследования, предпринятого китайским статистиком профессором социологии в Пекинском университете Да Чжен. Последний обследовал две деревни Чэнфу и Хупян, которые не входили в круг обследования Международного комитета помощи голодающим, и пришел к следующим результатам [2]: прожиточный минимум для семьи из 5 человек составляет в деревне Чэнфу 135 долл. в год, а в Хупяне — 157 долл. В Чэнфу свыше 80% населения живет ниже этого голодного минимума, средний ежегодный заработок семьи составляет 93,12 долл., и для голодного

---

[1] Malone and Taylor, op. cit. 187, 42—43.

[2] «Chinese Economic Monthly», 1925, v. II, № 5, 11—23.

пайка нехватает в среднем 41,88 долл. В Хупян, при прожиточном минимуме в 157 долл. из 81 лица 65, т. е. свыше 80%, зарабатывают менее 120 долл. Средний заработок семьи равен 88,80 долл., средний дефицит — 68,30 долл. Из 4 лиц, зарабатывающих выше 360 долл., трое являются заведующими ломбардами и совладельцами.

Иностранные резиденты в Китае часто говорят, что в Китае все загадочно, что в Китае много «загадок» и т. д. Нам кажется, что в Китае не так уж много загадок, что неожиданные повороты, перевороты, предательства и измены генералов и политиканов очень прозрачны, понятны и легко объяснимы. На наш взгляд в Китае имеется только одна загадка. Как может огромное количество семей годами жить ниже прожиточного минимума, в состоянии постоянного голода? Мы знаем о крестьянском недоедании, но все же постоянные страдания и лишения огромных человеческих масс с трудом постигаются обыкновенным человеческим разумом.

Можно однако возразить, что обследование в Хобэе было произведено как раз после огромного стихийного бедствия, когда деревни не оправились еще от страшных ударов голода.

Проследим поэтому, какие результаты дало обследование в других провинциях.

В провинции Шаньдун обследование охватило одну волость, состоящую из 20 деревень. Численность всего населения 5 859 чел. Отсутствуют временно или постоянно 253 взрослых мужчин и 260 детей. Отсутствующие либо эмигрировали в Манчжурию, либо ушли на временные работы и посылают в деревню часть заработка. 97,2% взрослого мужского населения занято исключительно земледелием, 1,3% — частично; в других профессиях занято 1,5% всего населения. Имеется 157 безземельных семей. Обследование охватило 1 065 хозяйств с посевной площадью в 11 867 местных му. Посевная площадь распределяется следующим образом:

парцеллярные крестьяне (менее 5 му) составляют 34,4% всего числа земельных собственников и владеют 10,1% всей посевной площади;

мелкие крестьяне (5—25 му) составляют 60,0% земельных собственников и владеют 66,9% площади;

средние крестьяне (25—50 му) составляют 5,2% всех земельных собственников и располагают 18,4% площади;

кулаки и помещики (выше 50 му) составляют 0,4% земельных собственников и владеют 4,6% площади.

Как видно, в смысле распределения посевной площади эти деревни представляют более равномерную картину, но все же две низшие категории, составляющие 94,4% всех землевладельцев, владеют 77% пашни, а две высшие, составляющие 5,6% земельных собственников, владеют 23% пашни.

96,3% посевной площади обрабатывается собственниками и его семьей, 3,3% пашни обрабатывается собственником с помощью наемного труда и лишь 0,4% всей пашни — арендатором. Это, однако, вовсе не типичное явление для Шаньдуна, где аренда распространена сильнее, чем в Хобэе, Шаньси и других провинциях Северного Китая. Вряд ли мы ошибемся, утверждая, что в Шаньдуне 30—40% всего крестьянства состоит из арендаторов.

Величины ежегодного дохода в шаньдунских деревнях обследование не выяснило.

В Цзянсу обследование охватило 42 деревни с населением в 6 870 чел. Из деревень отсутствуют временно или постоянно 149 мужчин и 38 женщин и детей. Имеется 51 безземельная семья. 1 308 землевладельцев владеет посевной площадью в 23 445 му. К сожалению, не учтено соотношение между сухой и влажной землей, что имеет в Цзянсу огромное значение. Из взрослого мужского населения 87,4% заняты только земледелием; 8,7% земледелием и другими работами; 3,9% — другими профессиями.

В Цзянсу, где обычно снимают два урожая и где сильно развита аренда, землевладение до 6 му можно считать парцеллярным, от 6 до 10 му — мелким, от 10 до 25 му — средним, от 25 до 50 му — кулацким, 50 му — помещичьим. Если взять в основу этот, разумеется, произвольный признак, то оказывается:

парцеллярные крестьяне составляют 67,8% всех собственников — владеют 21,1% всей пашней; мелкие составляют 23,2% собственников — владеют 20,6% пашни; средние составляют 6,1% собственников — владеют 11,7% пашни, кулаки составляют 1,5% собственников — владеют 5,1% пашни; помещики составляют 1,4% собственников — владеют 41,5% пашни.

Здесь, разумеется, уже процветает аренда. 29,1% всей посевной площади обрабатывается собственниками, 3,5% — собственниками с помощью наемных рабочих, 67,4% — арендаторами.

Посмотрим, как распределяется все население деревень по годичному доходу:

Ежегодный доход в долларах	Число семейств, имеющих данный доход	% семейств, имеющих данный доход	% участия данной группы в общей сумме дохода
До 150	948	52,1	25,1
От 150 до 1 000 . . .	440	46,4	62,1
Выше 1 000	15	1,5	12,8

В долине Янцзы и в особенности в Цзянсу цены на продукты значительно выше, чем на севере. Близость Шанхая и тем самым влияние мирового рынка дают себя чувствовать.

Тем не менее мы берем только 150 долл. в год для содержания нормальной семьи в течение года. Но и в этом случае оказывается, что 52,1% всех семейств обеспечено ниже голодного минимума. А ведь в Цзянсу стихийных бедствий ни во время обследования, ни до него не было.

В Аньхуй обследование охватило 12 деревень с населением в 3 478 чел. Отмечено отсутствие 83 мужчин, 22 женщин и нескольких детей, ушедших на временную или постоянную работу. Безземельных семей — 111. 504 землевладельца имеют 28 844 му посевной площади. Одним земледелием занято 58,3% взрослого мужского населения; 17,3% мужчин занимается земледелием частично, 24,4% занято торговлей и другими профессиями. Обследованные деревни находятся вблизи важ-

ного торгового города Сюйчжоу, и этим объясняется относительно высокий процент неземледельческого населения. Безземельные, а также парцеллярные крестьяне с участками до 3 му живут главным образом на зарплату; крестьяне с хозяйством вплоть до 25 му половину своего дохода получают в виде заработной платы.

Если считать земельную собственность выше 100 му помещичьей, то оказывается, что 61 помещик (12,1% всех земельных собственников), владеют 63,6% всей пашни, а на долю парцеллярных, мелких и средних крестьян, составляющих 74,7% земельных собственников, приходится 18,2% пашни. Кулаки, составляющие 13,1% всех собственников, имеют 18,2% пашни. Только 32,6% пашни обрабатывается собственниками, а 67,4% — арендаторами.

Распределение населения по ежегодному доходу таково:

Ежегодный доход в долларах	Число семейств, имеющих данный доход	% семейств, имеющих данный доход	% участия данной группы в общей сумме дохода
До 150	290	52,1	17,4
От 150 до 1 000	256	45,9	50,8
Выше 1 000	12	2	31,8

Итак, считая голодный минимум равным 150 долл., мы все же видим, что 52,1% всех семей лишены даже этого минимума. 17 богатых семей имеют почти вдвое больше дохода, чем 400 голодающих семей.

Посмотрим еще, как слагается положение в Чжэцзяне, который наряду с Цзянсу считается самой богатой провинцией Китая.

В Чжэцзяне обследование охватило 6 деревень с населением в 1 444 чел. Посевная площадь определяется в 6 482 местных му. Отсутствует лишь одна женщина. В земледелии занято полное время 75,7% взрослых мужчин, частично — 1,8%; 22,5% мужчин занято в других отраслях народного хозяйства и в других профессиях. Безземельных семей — 105.

Распределение земли между отдельными социальными группами таково: помещики—5,4% всех землевладельцев—имеют 27,1% всей пашни; кулаки—16,3% всех землевладельцев—владеют 33,1% посевной площади, низшие группы крестьянства—78,3% землевладельцев—39,9% всей пашни. Соответственно этому широко распространена аренда. Только 27,0% всей пашни обрабатывается землевладельцем и его семьей, 5,6% — землевладельцем с помощью наемных рабочих, 67,4% — арендаторами, причем 35,3% пашни сдается в аренду отсутствующими помещиками.

Распределение населения по ежегодному доходу таково:

Ежегодный доход в долларах	Число семейств, имеющих данный доход	% семейств, имеющих данный доход	% участия данной группы в общей сумме дохода
Менее 150	271	64,3	25,9
От 150 до 1 000	86	33,5	67,0
Выше 1 000	8	2,2	17,1

Итак в «богатом» Чжэцзяне 64,3% деревенского населения живет ниже голодного уровня. Восемь богатых семейств имеют вместе такой же доход, как 180 бедных семей.

Результаты выборочного обследования, произведенные благоприличными американскими джентльменами, вскрывают тот факт, что живет ниже голодного уровня от 52 до 64% крестьянских и батрацких семей, а в областях, постигнутых стихийными бедствиями, даже 80%.

Приведенные выше данные подтверждают наше утверждение, что на юге преобладает аренда, а на севере самостоятельное парцеллярное и мелкое крестьянское хозяйство.

Такую же жуткую картину рисуют данные относительно Гуандуна и Гуанси, собранные крестьянскими союзами. Обследование бюджета 42 семейств в Гуандуне показало, что 22 семьи, т. е. 52,4% всех обследованных семей, живет ниже голодного минимума, что 7 семейств, т. е. 16,7%, живет на голодном пайке, и только 13 семейств, т. е. 39,9%, живет выше голодного уровня; при этом среди обследованных семей находились арендаторы клановых земель, которые платят сравнительно низкую арендную плату в размере 33,3% земледельческого дохода, в то время как в Гуандуне обычная арендная плата составляет от 50% до 75% земледельческого дохода. Насчет Гуанси выборочные обследования показали, что парцеллярному и мелкому арендатору после покрытия всех хозяйственных расходов и уплаты ренты остается от 46 до 52 долл. на личное потребление семьи. Между тем прожиточный минимум составляет в Гуанси 120—150 долл., а заработная плата рабочего 125—130 долл. в год. В той же провинции Гуанси низшие категории крестьян-собственников имеют на личное потребление семьи 115—120 долл. в год. Словом, большинство крестьян-собственников живет также ниже голодного уровня.

Мы считаем методологически совершенно неправильным сравнение расходного бюджета китайской крестьянской семьи с бюджетом, например, американского фермера. Жизненный уровень в каждой стране является результатом определенного исторического процесса, определенных социальных и производственных отношений, определенной производительности общественного труда.

Он обусловливается также рядом исторических и даже моральных моментов. Но небезынтересно будет подтвердить приведенные выше данные результатами обследований Нанкинского университета и сопоставить их с данными о жизненном уровне американских фермеров.

Сопоставляя результаты бюджетного обследования 899 крестьянских семей в Китае, произведенного профессором Г. Л. Бак, с результатами обследования бюджета 472 бедных американских фермерских семей, получаем следующую картину (см. табл. на 210 стр.).

Необходимо подчеркнуть, что данные эти представляют средние цифры и что американское обследование было произведено в штате Айова, где жизненный уровень фермеров ниже среднего для САСШ. Следует также иметь в виду, что американский доллар равен 2 китайским долларам. Комментарии к этим цифрам совершенно излишни. Голые факты говорят достаточно красноречиво, и они подтверждают, что больше половины китайского крестьянства живет ниже китайского голодного уровня.

Статьи расходов	899 крестьянских семей в Китае		472 семьи фермеров САСШ[1]	
	В кит. долл.	В %	В амер. долл.	В %
Пища	123,38	55,1	119,11	37,3
Одежда	20,80	9,3	436,55	14,5
Квартирная плата	15,0	6,6	461,0	15,3
Мебель	0,55	11,1	63,0	14,1
Освещение и отопление	25,0	0,2	424,0	2,1
Расходы на случай болезни	1,32	0,6	153,0	5,1
Развлечения	24,0	10,6[2]	194,0	6,5
Личные расходы	13,0	5,0	48,0	1,6
Сбережения	—	—	104,0	3,5
Разные расходы	1,5	0,7	0,61	—
Итого	224,55	100	3003,27	100

Было бы однако ошибочно думать, что перед нами спецефически китайское явление. Чрезмерная эксплоатация крестьянина помещиком имеет место также в империалистической Японии. По официальным данным японского министерства земледелия, земельная рента составляет в Японии в среднем с 1 цзо земли: с земли лучшего качества 54,7% урожая, с земли среднего качества — 53,0%, с земли худшего качества — 52,0%.

Японское министерство земледелия, которое уже никак нельзя обвинить в большевизме, произведя обследование 1 200 арендаторских хозяйств, установило, что эти хозяйства имели в совокупности от земледелия и от наемного труда 1 316 240 иен валового дохода, причем на арендную плату, на ведение хозяйства и на личное потребление ими было израсходовано 1 360 340 иен. Дефицит составляет 44 100 иен, причем в качестве арендной платы эти 1 200 арендаторов уплатили 504 300 иен. Несмотря на развитие шелководства, ткачества и наемного труда, хозяйство японского арендатора дефицитно, и значительная часть японского крестьянства живет ниже прожиточного минимума.

В Индии положение еще хуже. Обследования положения крестьянства в Индии показывают, что около 50—60% крестьянских семей живут ниже голодного минимума. На Яве и в Индокитае положение крестьянства ничуть не лучше. Ревизионисты и реформисты, отрицая, что накопление капитала на одном полюсе вызывает обнищание масс на другом полюсе, указывают на повышение жизненного уровня рабочих на Западе к концу XIX и в начале XX вв. Реформисты забывают, что на Дальнем Востоке идет процесс обнищания, постоянного голодания сотен миллионов крестьян и что на костях этих голодающих крестьян строилось «повышение жизненного уровня» небольшого слоя рабочей аристократии на Западе.

---

[1] Данные приводим из труда Malone, New China, ч. 2, 2.

[2] Сумма, израсходованная в связи с китайским Новым годом и семейными праздниками.

ГЛАВА XVI.

КИТАЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАСЧЕТА.

Крестьянское хозяйство Китая держится на недоедании непосредственных производителей. Высокий процент смертности и детоубийство приводят к тому, что в низших категориях крестьянства семья состоит из 2—3 человек. Разумеется, земля распределена вовсе не пропорционально количеству членов семьи, как утверждают попы и миссионеры. Достаточно указать, что, по данным Тэйлора, в Цзянсу семьи, имеющие меньше 3 му, состоят в среднем из 4 чел., имеющие 6 му — из 5, имеющие 50 му — из 6,4, имеющие 100 му — из 7,3 чел. В Хубэе семьи, имеющие меньше 3 му, состоят в среднем из 2,7, имеющие 50 му—из 10,8, имеющие свыше 1 000 му — из 21 чел. Затушевывать классовое расслоение рассуждениями о том, что земельная собственность распределена прямо пропорционально численности крестьянских семей, никак нельзя. Факты говорят против этого, а факты — упрямая вещь.

Разобрав вопрос о распределении посевной площади между разными социальными группами и о классовом делении деревни с точки зрения дохода, мы должны выяснить классовое деление деревни, сопоставляя посевную площадь с другими факторами производства, как то: скот, с.-х. орудия, удобрение и т. д. В то же время мы попытаемся выяснить производительность труда в мелком и более крупном хозяйстве и вообще весь характер китайского крестьянского хозяйства с точки зрения рационального ведения хозяйства. К сожалению, без цифр здесь не обойтись, но мы хотели бы обратить внимание читателя на факты, скрывающиеся за этими цифрами, ибо это даст нам ключ к пониманию дальневосточного крестьянского хозяйства вообще. В этом отношении Япония, Корея, Ява, Индокитай, Филиппинские острова, вообще весь Дальний Восток, где дробность является главной характерной чертой землепользования основных крестьянских масс, мало отличаются от Китая. Разумеется, мы должны оперировать лишь выборочными обследованиями, ибо общекитайских данных не имеется.

На наш взгляд наиболее интересны два обследования, произведенные Нанкинским университетом: одно в Аньхуй, где преобладает аренда, второе — в Хубэе, где преобладает крестьянин-собственник [1].

Арендное землепользование.

Первое обследование охватило 102 хозяйства вблизи Уху. Этот город — крупный торговый центр, один из центров торговли рисом, и таким образом мы будем иметь дело с хозяйствами, находящимися в окружении развитых торговых отношений. 55% обследованных хозяйств велись собственниками, 35% — полуарендаторами, 13% — арендаторами. Обычный процент по займам в этой деревне — 35% годовых. Земля очень дорога: от 60 до 130—140 долл. за 1 му. Чем меньше хозяйство,

[1] Результаты этих обследований опубликованы в следующих изданиях Нанкинского университета: «An Economic and Social Survey of 102 Farms Near Wuhu, Anhioci, China». «An Economic and Social Survey of 150 Farms, Yenshan County, Chili Province, China».

тем более высока в среднем цена земли. Парцеллярный и мелкий крестьянин вынуждены уплачивать более высокие цены за землю, чем помещик. Если считать цену земли составной частью средств землевладельца, то оказывается, что средства эти распределяются следующим образом: земля — 87,9%, постройки — 7,3%, деревья, озера — 0,1%, с.-х. орудия — 2,8%, семена, топливо и пр. — 0,2%, скот — 1,7%. Цена земли составляет, следовательно, чуть ли не 0,9 всех средств, а с.-х. орудия и скот — лишь 4,5%. Канавы и оросительная система вообще сооружены на общественные средства, и землевладельцы обязались содержать их в порядке. Из 45 арендных договоров 30 заключены без указания срока, 8 — на 5 лет, 6 — на 3 года, 1 — на 2 года. Наиболее мелкое хозяйство арендатора составляет 7 му, самое большое — 30 му, средняя величина — 15 му. У полуарендаторов размер хозяйства колеблется в пределах от 9 до 120 му, средняя величина — 37,9 му. У крестьян-собственников наиболее мелкое хозяйство составляет 5 му, самое крупное — 110 му, среднее — 19 му. 84,1% всей посевной площади дает два урожая в год. Это обозначает, что крестьянин, имеющий 10 му земли, получает на самом деле урожай с 18,4 му земли. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо иначе было бы непонятно, как могут вообще жить крестьяне низших категорий.

Денежный и натуральный доход этих хозяйств в среднем распределяется следующим образом: продажа продуктов земледелия — 51,8%, продажа продуктов свиноводства и птицеводства — 3,8%, разные доходы — 1,7%. Собственное потребление продуктов земледелия, свиноводства и птицеводства — 42,9%. К сожалению, обследование приводит лишь средние данные, не указывая распределения доходов по разным социальным категориям. Мы знаем только, что собственники сами потребляют 48,0%, арендаторы — 47,7%, а полуарендаторы — 37,8% всех продуктов.

Относительно высокая товарность хозяйств бросается в глаза. Бросается в глаза тот факт, что 93,8% всех доходов, денежных и натуральных, дает земледелие, а 3,6% — свиноводство и птицеводство. Эти данные не учитывают однако того, что члены семьи занимаются собиранием отбросов для употребления в качестве навоза и топлива, причем как раз эти занятия отнимают относительно наибольшее количество времени. Сами обследователи отмечают, что крестьянская домашняя промышленность и отхожие промыслы составляют лишь ничтожную часть дохода крестьянской семьи.

Что касается расходов, то обследователи применили к китайскому хозяйству те же методы, что и к хозяйству американского фермера, и учли труд членов семьи крестьянина-производителя, не замечая той «мелочи», что в парцеллярном и мелком крестьянском хозяйстве труд членов семьи не оплачивается. Если учесть и труд членов семьи, то оказывается, что во всех хозяйствах расходы на наемный труд составляли в среднем 76,3% общей суммы расходов, без оплаты рабочей силы членов семьи — 18,8%. Но и последняя цифра вероятно преувеличена, ибо не учитывается, что в мелких и парцеллярных хозяйствах часть работы производится в порядке соседской взаимопомощи. Но даже учитывая этот момент, следует признать, что отношения найма рабочей силы высоко развиты. На покупку удобрения уходит лишь 0,3% всех расходов:

крестьянин и его семья сами являются поставщиками навоза. Расходы на с.-х. орудия и починку их составляют 3,7% общей суммы. Остальные статьи расходов — ремонт зданий, семена, налоги и пр. Расходы на орошение включены в статью оплаты рабочей силы.

Эти цифры свидетельствуют об огромной роли человеческого труда в крестьянском хозяйстве, на который уходит свыше трех четвертей всех расходов.

Рассматривая живой инвентарь по социальным категориям, мы получим следующую картину.

Хозяйства	Число хозяйств	Средний размер посевной площади в му	Количество урожайных му
Без скота	22	10,3	16,9
Имеющие корову или вола	21	17,2	29,9
Имеющие буйвола . . .	46	24,6	42,4
Имеющие буйвола и корову или вола	13	63,5	118,2

Чем меньше хозяйство, тем беднее оно живым инвентарем. Мелкие и парцеллярные хозяйства вовсе лишены рабочего скота.

Для сравнения разных категорий хозяйств были приняты во внимание следующие моменты:

1) эффективность человеческого труда, причем за единицу берется производительность труда взрослого рабочего в течение 10 часов;

2) эффективность использования скота, причем в основу положена производительность труда вола в течение 10 часов;

3) эффективность использования с.-х. орудий, причем в основу положена производительность орудий стоимостью в 20 долл.;

4) доход с 1 му земли;

5) расходы на обработку 1 му земли;

6) чистая прибыль с 1 му земли, причем чистой прибылью считаются доходы минус производственные расходы и проценты на капитал, 8% (обычная процентная ставка в этих деревнях — 35% годовых).

Получаем следующую картину (см. табл. стр. 214).

За голыми цифрами этой таблицы скрывается причина голодного существования сотен миллионов крестьян на Дальнем Востоке. Мы хотели бы обратить внимание читателя на следующие моменты:

1. В парцеллярном хозяйстве взрослый рабочий занят в земледелии в течение 53 рабочих дней, а в крупном — в течение 111 дней в году. Дробность землепользования лишает, таким образом, производителя возможности приложить свою рабочую силу. По условиям производства (климатические условия, 2 урожая в год) земледельческий год в Китае длиннее, чем в Европе. Если на севере России земледельческий год состоит из 130—150, в Германии — из 170—215, в Румынии — из 210 рабочих дней, то в Центральном Китае земледельческий год определяется в 250—280, а в Южном даже в 300 и больше дней. Тем не менее китайский крестьянин при всем желании не в состоянии заниматься чисто земледельческим трудом в среднем больше 82,5 дней в год, при-

	10 му и ниже	11—20 му	21—30 му	31 му и выше
	(Средние данные на 1 хозяйство каждой группы)			
Число хозяйств	14	51	17	20
Посевная площадь в му	7,9	15,9	25,1	59,8
Количество урожайных му	13,0	27,9	44,8	107,7
Сколько 10-час. рабочих дней отрабатываются человеком	58,1	77,5	88,9	110,8
Сколько му обрабатывает один человек	5,3	7,3	8,1	10,0
Количество голов скота	0,11	0,69	1,06	2,05
Сколько 10-час. рабочих дней отрабатываются скотом	14,0	21,4	24,9	30,3
Стоимость с.-х. орудий в долл.	39,60	61,58	76,00	165,63
Стоимость орудий на 1 му в долл.	4,95	3,85	3,16	2,81
Сколько му обрабатывается орудиями стоимости 20 долл.	4,0	5,2	6,3	7,1
Доходы с 1 му в долл.	20,25	18,15	18,24	18,58
Расходы на рабочую силу для обработки 1 му в долл.	14,01	10,31	8,85	7,35
Прочие расходы и % на цену земли в долл.	12,46	11,45	12,69	11,58
Чистая прибыль с 1 му обрабатываемой земли в долл.	6,25	3,21	3,31	0,35

чем здесь особенно остро чувствуется различие, вытекающее из размера посевной площади. Этот вопрос — проблема хронической крестьянской безработицы — является одним из главных вопросов крестьянской жизни на Дальнем Востоке.

2. В парцеллярном и мелком хозяйстве невозможно рациональное использование скота. В хозяйстве до 10 му скот может быть использован только в течение 14 дней в году и даже в хозяйствах выше 30 му — только в течение 30,3 дней. Все же более крупные хозяйства могут использовать скот более чем в два раза рациональнее. В среднем рабочий скот работает 24,1 дня в год, а так как содержание скота обходится в 25—30 долл. в год, то подобное использование скота абсолютно нерационально. Если Маркс считал «бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей» и «колоссальное расточение человеческой силы» характерными особенностями парцеллярной собственности, то эти особенности достигли в Китае крайнего развития. Чем беднее крестьянин, тем больше он вынужден бездействовать, ибо ему негде приложить свою рабочую силу. То же относится к скоту. Этим объясняется, между прочим, ничтожная роль рабочего скота в китайском земледелии. По мере дробления землепользования значение скота уменьшается.

3. Дробность землепользования исключает рациональное использование с.-х. орудий. Мелкое и парцеллярное хозяйства тратят относительно больше денег (4,95 долл. на 1 му) на покупку орудий, чем хозяйства выше 30 му (2,81 долл. на 1 му). В то же время с.-х. орудия равной

стоимости обрабатывают в парцеллярном хозяйстве 4 му, а в более крупном — 7,1 му.

4. Доходы с 1 му у хозяйства разной величины почти одинаковы. Если однако применить к китайскому крестьянскому хозяйству расчет капиталистического арендатора, если считать, что труд самого крестьянина и членов его семьи оплачивается, если считать, что он должен получить весьма скромный в китайских условиях процент (8% годовых) на свои средства, то оказывается, что хозяйство ведется с дефицитом. Теоретически зарплата парцеллярного крестьянина по обработке 1 му составляет 14,04 долл., а у более крупного крестьянина только 7,35 долл. Разумеется, парцеллярный и мелкий крестьянин не могут выжать из своего хозяйства такую зарплату. Здесь уже совершенно ясно, что парцеллярное и мелкое крестьянское хозяйство держится на неоплаченном труде непосредственного производителя. Понятно также, что парцеллярный и мелкий крестьянин не получают процента на свои скудные средства. Чем меньше хозяйство, тем больше его дефицитность с точки зрения чисто капиталистического расчета. Если, с точки зрения капиталистического расчета, доход крестьянина-собственника должен состоять из ренты плюс процент на капитал, плюс предпринимательский доход, плюс заработная плата, а доход арендатора — из процента на капитал плюс предпринимательский доход, плюс зарплата, то из вышеприведенных данных совершенно ясно, что обработка 1 му парцеллярного хозяйства приносит дефицит в 6,25 долл., обработка 1 му мелкого хозяйства — дефицит в 3,21 долл., среднего — дефицит в 3,31 долл. и кулацкого — дефицит в 0,35 долл. Еще раз мы убеждаемся насколько верен тезис Маркса о том, что «пределом эксплоатации для парцеллярного крестьянина не является средняя прибыль на капитал, с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку он сам является земельным собственником. Абсолютной границей для него, как для мелкого капиталиста, является лишь зарплата, которую он по вычете собственно издержек уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, причем он часто спускается до физического минимума заработной платы» [1].

При неимоверной дробности землепользования условия производства и другие причины (налог, высота ренты и цены земли, ростовщичество, торговый обман и пр.) привели в парцеллярном и мелком хозяйстве к тому, что китайский производитель спускается не только до физического минимума зарплаты, но, как мы видели в предыдущей главе, ниже его.

В свете этих же данных мы видим огромные преимущества более крупного хозяйства над мелким. Народники и неонародники разных толков, ревизионисты и оппортунисты разных мастей выбивались из сил, чтобы доказать, что марксизм в сельском хозяйстве неприменим, что концентрации и централизации капитала там не происходит, что в сельском хозяйстве крупное хозяйство не имеет преимущества над мелким.

Народники и неонародники часто ссылались на дальневосточное хозяйство, где преобладает карликовое хозяйство. Яшнов написал целую книгу, чтобы доказать великое преимущество этого мелкого тру-

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 342.

доемкого хозяйства. Следует только разобрать данные этих обследований, чтобы убедиться в огромных преимуществах более крупного производства. Народничество и ревизионизм биты жизнью и в условиях восточного сельского хозяйства.

Крестьянская собственность.

Обследование Нанкинского университета в Хобэе, где преобладает крестьянское землевладение, учитывает не одни только мало показательные средние цифры, но производит анализ хозяйств и по социальным группам. Это исследование было произведено в 1921—1922 гг., когда налоговое ограбление крестьянского хозяйства в Хобэе еще не достигло теперешних размеров. Обследование не учитывает роли ростовщического капитала и слабо освещает ограбление крестьянства торговым капиталом. Но за исключением этих недостатков оно является наиболее тщательным и всесторонним обследованием крестьянского хозяйства на севере Китая, произведенным буржуазными учеными.

Обследование охватило 150 хозяйств в 3 деревнях уезда Яньшан в Хобэе. Следует иметь в виду, что местный му равен 1,31 официального му. Орошение играет в этом уезде лишь маловажную роль, и поэтому нет необходимости учитывать разницу между суходольной и влажной землей. Расположение хозяйств характеризуется неимоверной чересполосицей. 150 хозяйств располагают 645 участками, которые расположены в 0,5—2 милях от местонахождения крестьянского дома. Средний размер участка равен 5,4 му.

Но в смысле чересполосицы, дальноземелья, разбросанности участков китайское сельское хозяйство находится в несравненно более благополучном положении, чем индийское, где по индийскому обычному праву, при переходе земли по наследству делится каждый участок в отдельности, и вследствие этого разбросанность участков достигает небывалых размеров.

Разбросанность земельных участков и отдаленность их от дома вызывают лишнюю трату рабочей силы. Сами крестьяне пока не сознают отрицательных сторон чересполосицы и считают, что она обеспечивает равномерное распределение земель лучшего и худшего качества. Площадь 150 обследованных хозяйств определяется в 3.671 му. Наиболее мелкое хозяйство состоит из 3 му, три самые крупные хозяйства — из 116, 171 и 173 му. Все земледельцы являются собственниками. Арендаторов в этих деревнях нет (аренда распространена в Хобэе сравнительно слабо). Как вообще на севере, так и здесь земля закладывается: 90,8% площади всех хозяйств являются собственностью, 9,2% — заложенной землей. Как известно, в случае заклада заимодавец получает землю для обработки и должник не платит процента по займу.

Большая часть мощных хозяйств располагает, кроме собственной, также заложенной землей. Следует однако отметить, что даже небольшая часть парцеллярных крестьян также владеет заложенной у них землей. В Китае очевидно нет такого бедняка, который не мог бы найти еще более бедного.

Из 3 671 му общей площади хозяйств пашня составляет 3 422 му. Остальная площадь непригодна для обработки. Пашня распределяется между разными социальными группами следующим образом:

Размер в му	Число хозяйств	% хозяйств	Общий размер пашни данной группы	Средняя площадь в му	Средняя площадь в урожайных му
Ниже 10	33	22,0	25)	7,6	12,6
11—20	48	32,0	717	14,9	22,8
21—30	34	22,7	803	23,6	36,5
Выше 30	35	23,3	1651	47,2	71,4

Только 53% всей пашни дает здесь два урожая в год, в то время как в Аньхуй свыше 80% всей пашни давало два урожая.

Если считать цену земли и стоимость построек и деревьев составной частью средств землевладельца, то последние распределяются в процентном отношении так:

	Ниже 10 му	11—20 му	21—30 му	31 му и выше	В среднем
Цена земли	52,6	54,8	59,3	59,9	58,1
Постройки	34,0	27,7	24,0	21,0	24,2
Скот	1,0	4,0	4,3	5,7	4,6
Деревья	3,9	4,0	4,1	4,5	4,3
Запасы и топливо . . .	5,7	5,4	3,9	3,6	4,2
Семена	1,6	2,3	2,2	2,5	2,3
Орудия	1,2	1,8	2,2	2,8	2,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак цена земли, построек и деревьев поглощает 86,6% средств земледельца. Мелкие хозяйства вынуждены тратить на постройки значительно больше крупных. Мелкие хозяйства относительно хуже обеспечены скотом, чем крупные.

Такая же картина получается в отношении с.-х. орудий. Чем меньше хозяйство, тем больше капитала вложено в орудия для обработки 1 му. В парцеллярном хозяйстве в 1 му инвестировано 38,89 долл., в мелком — 32,68 долл., в среднем — 33,10 долл., в крупном — 28,60 долл.

Концентрация средств производства — скота, орудий, семян — у более крупных хозяйств прямо-таки бросается в глаза. Точно так же бросается в глаза, что более крупные хозяйства гораздо более рационально используют средства производства.

Денежный доход составляет 53,3%, натуральный — 46,7% всех доходов. Продажа продуктов земледелия дает 49,6%, продуктов скотоводства и птицеводства 2,4%, прочие источники — 1,3%. 41,8% продуктов земледелия, скотоводства и птицеводства идет на личное потребление производителей и их семей. Капитал всех хозяйств увеличивается в год в среднем на 5,9%.

Если считать, что рабочая сила членов семьи также оплачивается, то земледельческие расходы разных социальных групп распределяются в процентном отношении так (см. стр. 218):

	10 му и ниже	11—20 му	21—30 му	31 му и выше	В среднем
Труд членов семьи . . .	15,1	28,0	29,1	30,0	28,5
Удобрение	9,2	15,3	14,5	14,7	15,0
Корм скота	8,4	7,7	11,8	10,1	10,0
Постройка и ремонт . .	7,0	11,0	13,5	13,8	12,8
Наемный труд	14,5	10,7	5,5	7,4	8,0
Покупка скота и птиц .	4,0	3,7	4,7	6,2	5,0
С.-х. орудия	3,4	4,6	4,9	4,5	4,6
Семена	6,1	5,0	4,3	4,0	4,3
Налоги	5,2	4,0	3,1	2,8	3,2
Местные налоги	1,4	1,6	1,1	1,0	1,2
Домашняя промышленность	16,4	1,8	—	2	1,4
Прочие расходы	2,9	6,6	8,8	5,3	6,0
Итого	100	100	100	100	100

Как видно из этой таблицы, на удобрение тратится относительно большая часть всех денежных расходов. Чем меньше хозяйство, тем больше относительная доля расходов на наемный труд.

Это конечно явная нелепость. Следует иметь в виду, что в мелких хозяйствах речь идет преимущественно о соседской взаимопомощи и у них имеется и доход от продажи рабочей силы членов семьи.

Бросается в глаза, что обложение мелких хозяйств тяжелее, чем крупных.

Если сравнить отдельные социальные группы с точки зрения дохода, расходов на обработку, процентов с цены земли и других расходов на 1 му, то получается следующая картина (в долларах):

Размер	Доход с 1 му	Расходы на рабочую силу для обработки 1 му	Процент с цены земли и других расходов	Средняя прибыль с 1 му
Ниже 10 . .	5,38	2,22	3,16	3,03
11—20 . .	4,98	1,79	3,19	2,72
21—30 . .	4,70	1,40	3,30	3,00
Выше 30 . .	4,69	1,19	3,50	3,05
В среднем	4,81	1,44	3,37	2,97

Как видим, «прибыль» ничтожна и получается только на бумаге. Дело в том, что в основу процента на цену земли профессор Бак взял 8% годовых, в то время как обычный процент в этом районе в несколько раз больше. Эта фиктивная «прибыль» получается за счет недоедания крестьян. Профессор Бак точно подсчитал личное потребление всех крестьянских семей, и оказалось, что в среднем крестьяне потребляют в протеинах на 16,8%, в жире — 21,4% и в карбогидрате на 14,9% меньше, чем требует прожиточный минимум.

Недоедание крестьян здесь выражено прямо в процентах.

Если сравнить эффективность человеческого труда по разным социальным группам, то окажется, что в крупном хозяйстве один

человек обрабатывает в 2 с лишним раза больше земли, чем в парцеллярном. В крупном хозяйстве один человек мог отработать в 2 раза больше рабочих дней в году, чем в парцеллярном. Все крестьяне в среднем были заняты земледельческим трудом в течение 92,6 дней в году, а парцеллярные — только 55,8 дней. Дробность землепользования делает невозможным большее приложение рабочей силы в хозяйстве. Такую же картину получаем насчет использования скота. Даже в крупных хозяйствах скот может работать в среднем только 62 дня в году, а в парцеллярных — лишь 46,6. Неудивительно, что 88% парцеллярных хозяйств и 27% мелких вовсе не имеют рабочего скота, а нанимают его у более зажиточных крестьян. В отношении с.-х. орудий крупные хозяйства также поставлены в лучшие условия.

Результаты обследования показывают, что численность семьи в мелких хозяйствах меньше, чем в крупных. Парцеллярный крестьянин имеет обычно только одного сына. Но размер хозяйства вовсе не пропорционален численности членов семьи. В кулацком хозяйстве на 1 человека приходится в 2 раза больше земли, чем в парцеллярном.

Хотя крестьяне заняты чисто земледельческим трудом в среднем лишь 90 с лишним дней в году, тем не менее домашняя промышленность и отхожие промыслы развиты чрезвычайно слабо. Из 150 крестьянских хозяйств только 33 имеют доход из других источников, кроме земледелия. Вся сумма этих доходов составляет 2300 долл. в год, в то время как доход 150 хозяйств от земледелия и скотоводства составляет 25170 долл. Львиную долю неземледельческих доходов составляют суммы, присылаемые теми членами семьи, которые временно или постоянно эмигрировали в Манчжурию (48,1%), затем ростовщический процент (14,9%) и торговля (14,2%). Домашняя промышленность (6,2%), выделка кровельных камней (13,1%) и наемный труд (3,5%) составляют лишь незначительную часть неземледельческих доходов. Распределение неземледельческих доходов между отдельными социальными группами рисуется в следующей таблице:

Размер в му	Число семей, имеющих неземледельческий доход	% таких семей в данной группе	Средняя сумма дохода в долл.
Ниже 10 . . .	14	42,4	65.50
11—20 . . .	12	25,0	42.00
21—30 . . .	4	11,8	84.50
Выше 30 . . .	6	17,1	87.83

42% парцеллярных и 25% мелких хозяйств получают больше дохода из неземледельческих источников, чем от самого земледелия. Эти хозяйства держатся на деньгах, присылаемых отсутствующими членами семьи из Манчжурии. Но самая деревня и близлежащий город дают мало надежды на заработок.

Обследование 150 хозяйств бросило свет на процессы, происходящие в настоящее время в земельных отношениях Китая. Речь идет о том, концентрируется ли землевладение. Вот какие в высшей степени важ-

ные обстоятельства обнаружены обследованием Нанкинского университета (речь идет о средних цифрах):

Размер хозяйства в му	Из скольких му состояло хозяйство, когда крестьянин начал вести его	Из скольких му состоит хозяйство в настоящее время	% увеличения или уменьшения площади хозяйств.
Ниже 10 . . .	16,2	7,6	— 53,1
11—20 . . .	22,6	15,6	— 31,0
21—30 . . .	27,6	24,6	— 10,9
Выше 30 . . .	49,7	52,5	+ 5,6

Эта таблица вскрывает относительно быстрый процесс дробления землевладения парцеллярных и мелких крестьян, медленный процесс дробления середняцких хозяйств и процесс концентрации кулацкого землевладения. При жизни одного поколения средний размер парцеллярных хозяйств сократился больше, чем на половину, мелких хозяйств — почти на 33%, а средних — на 10%. Кулацкие хозяйства увеличили свою пашню на 5,6%. Рациональное использование живого и мертвого инвентаря в мелких хозяйствах стало совершенно невозможным. В этих хозяйствах и речи быть не может о накоплении, об улучшении техники, о поднятии производительности. Наоборот, по мере дробления хозяйств усиливаются факторы, подрывающие эти хозяйства. Последние могут держаться на неоплаченном труде производителей и членов их семей, на недоедании производителя, на ухудшении условий производства, на истощении почвы ухудшении скота и вырождении человека.

ГЛАВА XVII.

ЭКОНОМИКА КИТАЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТЕНДЕНЦИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ.

Результаты всех обследований китайского крестьянского хозяйства приводят к следующим выводам:

1. Цена земли и построек, — словом, та часть средств производителя-крестьянина, которая по существу не участвует в производстве, поглощает 80—90% всех средств; притом, чем меньше хозяйство, тем большую часть средств поглощает она. В Манчжурии, в тех областях, где цена земли относительно низка, эта часть понижается до 70—80%, но зато на юге, на влажных землях, она достигает 85%. На влажных землях к стоимости земли присоединяется капитал, вложенный на продолжительный срок в виде осушительных каналов, оросительных сооружений, нивелировки и колодцев. Этот капитал, относящийся к категории основного капитала, создан трудом поколений крестьян-производителей, но этот присоединенный к земле чужой капитал достается земельному собственнику, и процент с этого капитала входит в земельную ренту, уплачиваемую арендатором. Итак земля-материя превращается в землю-капитал, но «земля-капитал» не более вечна, чем всякий другой капитал.

Здесь мы хотели бы оговориться. Мы сравнивали китайское крестьянское хозяйство с прусским, китайского помещика с английским лендлордом, а в дальнейшем сравним китайское крестьянское хозяйство с хозяйством американского фермера. Мы применяем такие термины, как «диференциальная рента», «капитал» и т. д. Разумеется, теоретически и методологически этот метод неверен и влечет за собой во многих случаях, по словам Маркса, «ложные антиципации». Позволительно ли применять эти категории к китайскому крестьянскому хозяйству, — этот вопрос решается в зависимости от того, развились ли общественные отношения страны до степени образования средней нормы прибыли, средней нормы процента. Этот вопрос решается не в области земледелия или не только в земледелии, а преимущественно в сфере промышленности, городской торговли и т. д. Мы не пытаемся дать здесь ответ на эти вопросы относительно Китая, а подчеркиваем лишь, что приводим определенные сравнения только в порядке наглядного выявления некоторых моментов. К основным массам крестьянских хозяйств категории капиталистического хозяйства приложимы лишь весьма и весьма условно.

2. Земля есть «основной капитал, но основной капитал также изнашивается как и оборотный». В случае влажной земли производитель-крестьянин должен заботиться о воспроизводстве и сохранении этого присоединенного к земле капитала. Таким образом, даже на землях лучшего качества крестьянин-производитель должен расходовать львиную долю своих средств на покупку земли и построек, и у него остаются лишь незначительные средства для ведения хозяйства.

3. Ввиду того, что в цену земли входит и цена постоянных улучшений, а в ренту входит и процент на капитал, присоединенный к земле, рента с влажных земель чрезвычайно высока. Идеологи китайских помещиков утверждают, что помещик получает в Китае не более 5% на свой капитал, израсходованный на покупку земли. Не говоря уже о том, что во многих случаях земля достается помещику от крестьянина в результате ростовщических сделок, — это утверждение совершенно не соответствует действительности. Основательное изучение этого вопроса убедило американца проф. Бака в том, что, если взять в основу цену земли, то в Генсале (южный Цзянсу) помещик получает 10,6% с хорошей, 12,6% со средней и 13,4% с худшей земли; в Наньтуне (Цзянсу) — 4,2 с хорошей, 4,6 — со средней и плохой; в Сусяне (Аньхуй) — 9% с хорошей, 12,5 — со средней и 15% с худшей земли [1]. По подсчетам Вагнера, в Шаньдуне помещик получает иногда 18,5% с цены земли в качестве арендной платы даже после вычета земельного налога, тогда как в Пруссии арендатор государственных поместий платит в качестве ренты 3,5 — 3,7% цены земли [2], а в Англии помещики обычно получают 4—5% цены земли в качестве годичной арендной платы. В Гуандуне помещик получает по разным уездам от 5% до 21% цены земли в качестве ренты, причем в подавляющем большинстве случаев

---

[1] «University of Nanking Bulletin», VIII, 27. То обстоятельство, что хорошая земля менее доходна для помещика, чем плохая, объясняется либо местной конъюнктурой, либо особенностями землевладения в этих областях, так называемым «совместным землевладением», при котором помещик владеет «подпочвой» а арендатор—«плодородной поверхностью земли».

[2] Wagner, «Die chinesische Landwirtschaft», 461.

рента не спускается ниже 10% покупной цены земли и очень часто составляет 12—15% [1]. Китайский помещик выжимает из своего арендатора цену земли в течение 5—10 лет. Это одна из причин силы и устойчивости помещичьего класса в Китае, несмотря на мотовство и расточительность помещиков. В своих лекциях о трех принципах Сун Ят-сен утверждал, что «власть мелких помещиков в Китае — не очень велика, и поэтому разрешение земельного вопроса будет нетрудным в настоящее время, но если мы упустим удобный случай, то оно станет затруднительным» [2]. Сун Ят-сен очевидно ошибся, говоря о легкости разрешения земельного вопроса.

Высота ренты в Китае зависит не только от того, что дифференциальная рента и процент на капитал, вложенный в землю, если можно применить эти антиципации к китайскому крестьянскому хозяйству, достаются земельному собственнику. Быстрое обращение собственно земледельческого капитала (вложенного в обработку, а не в покупку земли) также увеличивает ренту помещика. В северном Китае 30—40% пашни дает три урожая в течение 2 лет. В Центральном Китае около 60—70% пашни дает два урожая, а на юге даже три урожая в год. Помещик отлично учитывает это и соответственно увеличивает ренту. Интересно отметить, что раньше в Центральном Китае арендатор платил ренту только с одного урожая, но теперь все чаще уже с обоих. То же имеет место и на юге. Высокие цены на землю объясняются кроме того тем, что в странах мелкого и парцеллярного крестьянского землепользования цены на землю относительно выше, чем в странах, где преобладают другие формы землепользования.

Но высота ренты в областях поливного хозяйства объясняется еще и тем, что здесь в земельную ренту входит и водная рента. Вопрос о водной ренте в марксистской литературе разработан весьма слабо, хотя этот вопрос имеет огромное значение с точки зрения поливного земледелия. Мы имеем отдельные разбросанные замечания Маркса о существовании водной ренты. Мы знаем, что Маркс считал, что «при мелиорации, при искусственном орошении», когда последние изменяют физические, а отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала... налицо вложение капитала в землю. Доход, получаемый с такой земли, будет составляться из процента на вложенный в землю капитал и из дифференциальной ренты. Этот доход, эта рента становятся частью дифференциальной ренты, как только затраченный капитал будет амортизован».

Но в том-то и дело, что китайский помещик не затратил и не затрачивает капитала для проведения искусственного орошения. В оросительных системах овеществлен принудительный труд крестьян или труд, произведенный на общинных началах. Помещик лишь присвоил результаты этого труда.

Но поскольку изменились физические и химические свойства почвы вследствие искусственного орошения, он получает дифференциальную ренту по разности плодородия.

---

[1] Волин и Иолк, «The Peasant Movement in Kwantung», 227—230.

[2] Цитировано по английскому переводу в «North China Daily News» от 15 октября 1927 г.

4. «В течение нескольких тысяч лет развитие промышленности и торговли в Китае происходило весьма медленно, и таким образом цена земли лишь незначительно менялась в течение нескольких поколений». Так говорил Сун Ят-сен, но факты говорят иное. В Манчжурии цена земли возросла в течение 30 лет на 60%, в Хобэе она увеличилась во многих местах на 100%, а во всекитайском масштабе с 1864 по 1914 г. цена земли повысилась почти в 2 раза, с 1914 по 1923 г. — в $1^1/_2$—2 раза. В Гуандуне с 1916 по 1926 г. цена земли увеличилась на 60—300%. Разумеется, этот процесс шел в разных провинциях по-разному, и нередко происходило более или менее резкое снижение цены земли. Стихийные бедствия, бандитизм, войны часто вызывают резкое падение цен на землю, как это наблюдается в Хунани, в Шэньси, в Гансу, в Шандуне, где во время голода 1 му земли продавали за 1—3 долл. К этому же приводило и крестьянское движение в 1926—1927 гг., как это наблюдалось в Гуандуне, Хунани и Хубэе. Но общая тенденция к повышению цен на землю несомненна, и этот процесс идет довольно быстро. Во всяком случае, земля в Китае дороже, чем в Америке. В САСШ, например, в штате Огайо земля стоит от 19 до 40 ам. долл. за акр. В провинции Хобэй она колеблется между 18 и 225 мекс. долл., а в среднем равняется 80—100 мекс. долл. за акр. В Калифорнии 1 акр земли продается за 75—100 ам. долл. В Гуандуне цена акра колеблется от 180 до 2 400 мекс. долл. Такое же явление наблюдается в Японии, Индии и Корее. В числе прочих причин этим отчасти объясняется тот факт, что партия японских помещиков сеюкай подготовляет «земельную реформу», в основе которой лежит принцип выкупа земли с целью превращения известного слоя арендаторов в крестьян-собственников. Этим отчасти объясняется и то, что Сун Ят-сен также хотел разрешить земельный вопрос путем выкупа земли. «Землевладельцы, если они понимают причины пропорционального распределения имущества, не должны бояться (плана земельной реформы Сун Ят-сена), ибо мы намерены уплатить помещикам установленную цену за землю»[1].

Но из этого же замечания Сун Ят-сена видно, какую огромную эволюцию проделал Сун Ят-сен сам по аграрному вопросу с 1912 до 1924 г. В 1912 г. он выступал еще как благородный демократ, как носитель крестьянских чаяний, как мелкобуржуазный революционер, как истинный народник и развивал еще аграрную программу, которую не кто иной как Ленин оценивал таким образом:

«В самом деле, к чему сводится «экономическая революция», о которой Сун Ят-сен говорит так пышно и туманно в начале статьи? В передаче ренты государству, т. е. национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа. Решительно ничего иного нет реального в «экономической революции», предлагаемой и проповедуемой Сун Ят-сеном.

Разница между стоимостью земли в крестьянском захолустьи и в Шанхае есть разница в величине ренты. Сделать так, чтобы приращение стоимости земли было «собственностью народа», значит передать ренту, т. е. собственность на землю, государству, или иначе — национализировать землю».

---

[1] Лекция «О трех принципах».

Ленин же считал, что революционная буржуазная демократия, представляемая Сун Ят-сеном, правильно ищет пути к «обновлению» Китая в развитии наибольшей самодеятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ.

Но революционная буржуазная демократия, представляемая Сун Ят-сеном в 1924 г., уже отказалась от программы национализации земли, от разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях. Она выдвинула уже кадетский лозунг — выкупа помещичьей земли; революционная по аграрному вопросу буржуазия в 1912 г. стала либеральной в 1924 г. и контрреволюционной в 1927 г.

Китайская буржуазия проделала в течение нескольких лет развитие европейской буржуазии, ставшей реакционной лишь в 1848 г. Но завет Ленина, что «партия китайского пролетариата, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сун Ят-сена, будет наверное выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной политики», выполняется теперь коммунистической партией. Она выполняет программу национализации земли.

Итак не подлежит сомнению, что в Китае земля значительно дороже, чем в САСШ, однако простое сопоставление не дает даже отдаленного представления о настоящем положении вещей. В Калифорнии цена 1 акра хорошей рисовой земли редко превышает заработную плату с.-х. рабочего за 25—26 дней. На Филиппинах цена 1 акра рисовой земли равна заработной плате за год[1]. В Гуандуне годовая заработная плата батрака не превышает 50 мекс. долл. на хозяйских харчах, а дневная зарплата не превышает 50 центов. Если бы поденщик проработал круглый год, не израсходовав на личное потребление ни одного цента, он все же не мог бы купить и 1 акра земли. В Манчжурии и в Монголии, где цена земли относительно низка, а заработная плата относительно высока, положение в этом отношении благоприятнее. Там имеют место случаи перехода батраков и мелких арендаторов в разряд крестьян-собственников. В Собственно-Китае такие случаи немыслимы. Это вопиющее соотношение между ценой земли и между ценой рабочей силы заранее делает всякую земельную реформу сверху, путем выкупа, почти невозможной. Высокая рента делает невозможным массовый переход арендаторов в разряд собственников. Высокие цены земли делают невозможным массовый переход батраков в разряд земельных собственников. В Китае, Корее, Индии государство могло бы выкупить землю только за счет самих крестьян, но крестьянство не в силах уплатить непомерно высокие цены. Можно с уверенностью сказать, что в этих странах со стороны господствующих классов даже не будет серьезных попыток разрешить земельный вопрос путем выкупа. В Японии помещики вероятно попытаются повторить попытку Столыпина и усилить численно слой крестьян-собственников. При высоких ценах на землю этот слой новых собственников может быть лишь весьма незначительным. Сун Ят-сен, отказавшись от программы национализации в 1925 г., предложил свой план выкупа помещичьей земли. Его субъективно нечестные последователи вроде Ван Цзин-вея даже не попытались осуществить уто-

[1] Copeland, «Rise», 335.

нию Суна, отлично понимая, что земельная реформа путем выкупа земли является в Китае мелкобуржуазной фантазией.

Высокая цена земли, высокая рента и огромное расхождение между ценой земли и заработной платой характеризуют экономику крестьянского хозяйства на Дальнем Востоке.

Из этого вытекает чрезвычайно низкий состав капитала, участвующего в производстве. Если применить к крестьянскому хозяйству в Китае капиталистические категории, если считать труд крестьянина и членов его семьи подлежащим оплате, то окажется, что заработная плата составляет от 40% до 76% всех производственных расходов. При этом следует иметь в виду, что наши цифры скорее преуменьшают, чем преувеличивают роль переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом, участвующим в производстве, т. е. не считая цен земли и построек. Живой и мертвый инвентарь и другие составные части постоянного капитала в земледелии составляют лишь относительно незначительную часть всего капитала. Машины, тракторы и даже современный улучшенный инвентарь отсутствуют. Этим обусловливается применение огромного количества человеческого труда.

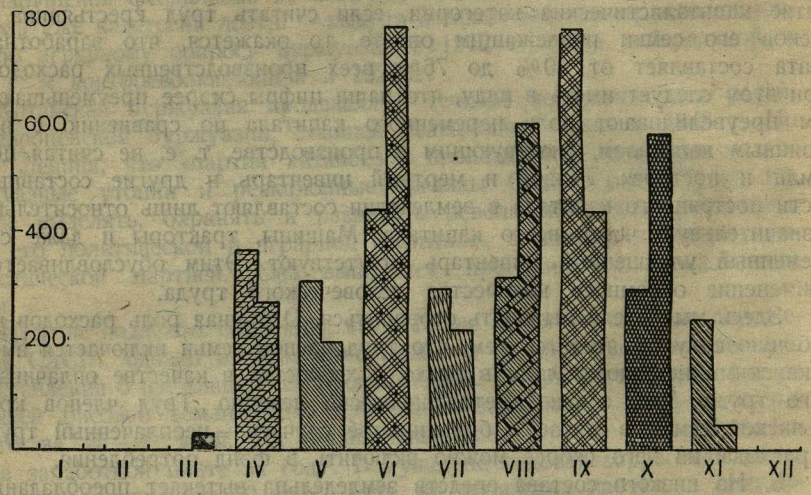
Здесь мы хотели бы опять оговориться. Огромная роль расходов на рабочую силу объясняется тем, что труд членов семьи включается американскими исследователями в расходы хозяйства в качестве оплачиваемого труда. Это, однако, методологически неверно. Труд членов крестьянской семьи в Китае в большинстве случаев — неоплаченный труд, и расходы на него скорее можно включить в фонд потребления.

5. Из низкого состава средств земледельца вытекает преобладание ручного труда в земледелии. Только в транспорте, быть может, капитал имеет еще более низкий состав, чем в земледелии (разумеется, речь идет о старомодном транспорте, а не о железных дорогах). Следствием низкого состава земледельческого капитала является низкая производительность труда и огромная растрата человеческой рабочей силы. Если сравнить производительность труда крестьянина обследованных Нанкинским университетом 1 534 хозяйств с производительностью труда американского фермера, то окажется, что для обработки 1 акра земли, отведенной под пшеницу, в Китае требуется 24 десятичасовых рабочих дня, а в САСШ — 2 дня, а эти данные взяты еще до широкого применения в САСШ трактора и комбайна. В Уху, в районе риса, один человек обрабатывает 2,5 акра земли, в Яньшане, в районе пшеницы — 4,6 акра, а на юге Китая — еще меньше. В САСШ фермер обрабатывает в среднем в 10—12 и 20 раз больше земли. Таким образом производительность человеческого труда в САСШ в области земледелия в 10—12 раз больше, чем в Китае. Калифорнийский рис может конкурировать в Токио и Шанхае с японским и китайским рисом, несмотря на издержки по транспорту, на пошлины и на то, что с.-х. рабочий получает в Калифорнии 3—5 ам. долл., китайский же батрак от 5 до 30 ам. центов, женщина — от 1 до 30 ам. центов (на хозяйских харчах), а японский батрак в среднем 25—30 ам. центов в день.

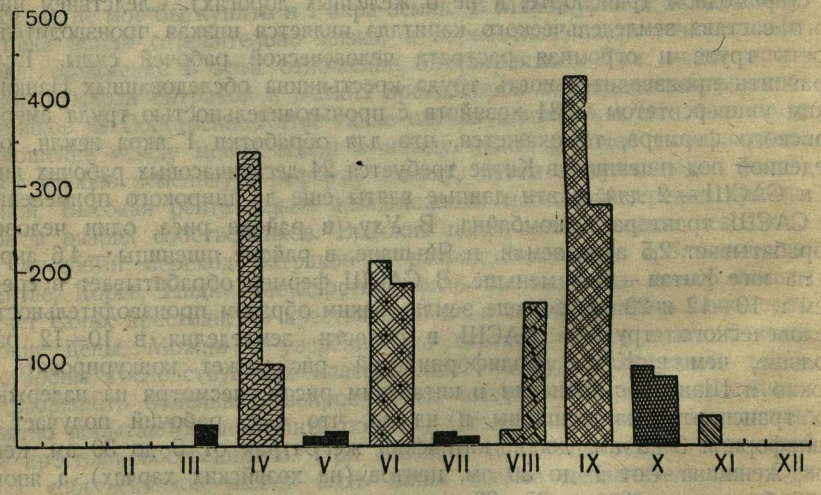
6. Несмотря на преобладание ручного труда в китайском сельском хозяйстве, дробность землепользования привела к тому, что крестьянин-производитель не в состоянии полностью приложить свою рабочую силу к земледелию. Хотя земледельческий год в Собственно-Китае длиннее,

чем в Европе или Америке, китайский крестьянин может работать от 53 до 110 10-часовых дней в году (Уху), или от 55 до 117 дней (Яньшань), смотря по величине хозяйства. Обследование 24 хозяйств в уезде Вэйсянь в Шаньдуне обнаружило, что крестьяне в течение 4 ме-

Занятость крестьянина в уезде Вэйсянь в течение года. В основу взят 10-часовой день. Римские цифры обозначают месяцы.

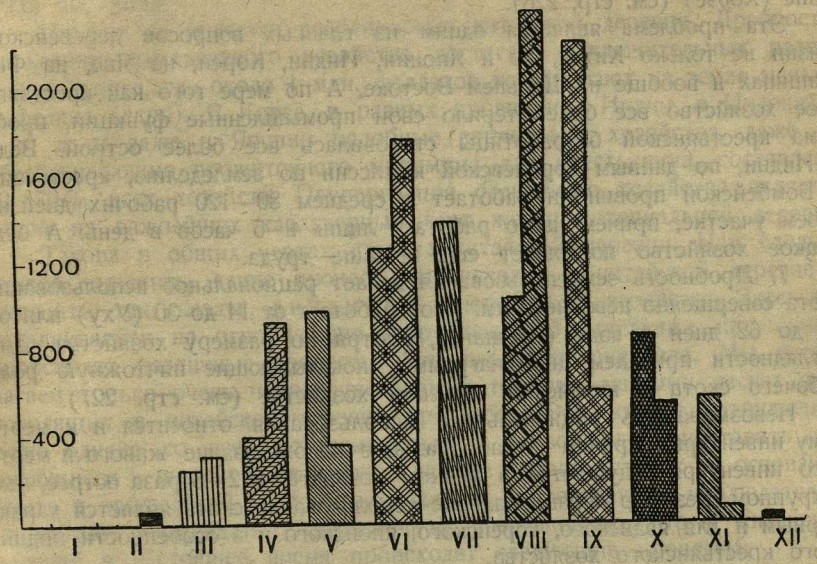

Занятость крестьянина в уезде Яньшань в течение года. В основу взят 10-часовой день. Римские цифры обозначают месяцы.

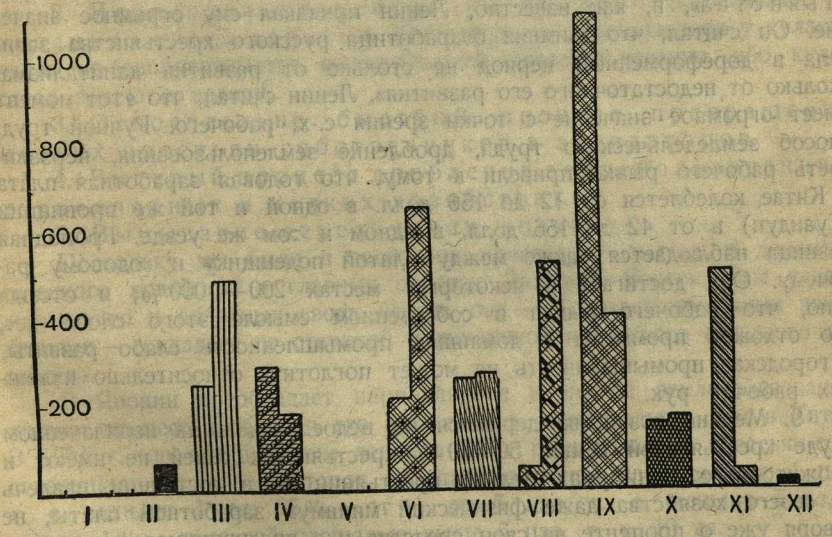

сяцев в году вовсе не занимаются земледельческим трудом, в течение 1 месяца заняты полностью, а в остальное время заняты только от 10 до 15 дней в месяц, смотря по величине хозяйства. Относительно много времени занимает собирание отбросов, топлива и т. п., а в остальном

Занятость скота в работах по сельскому хозяйству в уезде Вэйсянь. В основу взят 10-часовой рабочий день. Римские цифры обозначают месяцы.

Занятость скота в работах по сельскому хозяйству в уезде Яньшань. В основу взят 10-часовой рабочий день. Римские цифры обозначают месяцы.

дробность землепользования заставляет крестьянина бездействовать. Все другие виды занятий не занимают в достаточной мере рабочего времени крестьянина. Для наглядности приведем две диаграммы, изображающие

занятость крестьянина в течение года, из которых первая изображает среднюю занятость в уезде Вэйсянь (Шаньдунь), а вторая — в Яньшане (Хобэе) (см. стр. 226).

Эта проблема является одним из главных вопросов деревенской жизни не только Китая, но и Японии, Индии, Кореи, на Яве, на Филиппинах и вообще на Дальнем Востоке. А по мере того как крестьянское хозяйство все более теряло свои промышленные функции, проблема крестьянской безработицы становилась все более острой. Ведь в Индии, по данным королевской комиссии по земледелию, крестьянин в Бомбейской провинции работает в среднем 80—120 рабочих дней на своем участке, причем часто работает лишь 4—5 часов в день. А бедняцкое хозяйство поглощает еще меньше труда.

7. Дробность землепользования делает рациональное использование скота совершенно невозможным. Скот работает от 14 до 30 (Уху) или от 46 до 62 дней в году (Яньшань), смотря по размеру хозяйства. Для наглядности приведем две диаграммы, показывающие ничтожную роль рабочего скота в китайском сельском хозяйстве (см. стр. 227).

Невозможность рационального использования относится и к мертвому инвентарю, причем нерациональное использование живого и мертвого инвентаря ощущается в мелком хозяйстве в 2—3 раза острее, чем в крупном. Безумно нерациональное использование скота является характерным и для яванского, корейского, японского и в особенности индийского крестьянского хозяйства.

8. Дробление землепользования приводит таким образом к безработице самого крестьянства. Применительно к европейскому земледелию явление это носит название «сезонной безработицы крестьянства», и, как известно, Ленин придавал ему огромное значение. Он считал, что «зимняя безработица русского крестьянства зависела в дореформенный период не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития». Ленин считал, что этот момент имеет огромное значение с точки зрения с.-х. рабочего. Ручной труд, способ земледельческого труда, дробление землепользования, неразвитость рабочего рынка привели к тому, что годовая заработная плата в Китае колеблется от 12 до 156 долл. в одной и той же провинции (Гуандун) и от 42 до 156 долл. в одном и том же уезде. Громадная разница наблюдается также между платой поденщику и годовому рабочему. Она достигает в некоторых местах 200—1 000%, и отсюда ясно, что рабочего рынка в собственном смысле этого слова нет, что отхожие промыслы и домашняя промышленность слабо развиты, а городская промышленность не может поглотить относительно излишних рабочих рук.

9. Мелкие хозяйства держатся на недоедании и на неоплаченном труде крестьянской семьи. 50—80% крестьянских семей не имеют и прожиточного минимума. Мелкий крестьянин не в состоянии извлечь из своего хозяйства даже физический минимум заработной платы, не говоря уже о проценте на свои средства и о предпринимательском доходе. Это утверждение подтверждается результатами обследования 1 534 крестьянских хозяйств в разных провинциях Китая. Если применить при этом нормы капиталистического расчета, то оказывается, что доход хозяйств в зависимости от их размера колеблется от 64 до

287 мекс. долл. Обследование 6 094 хозяйств в САСШ в 1922 г., когда сельское хозяйство Америки находилось в угнетенном состоянии, показало, что доходы этих хозяйств колебались в пределах от 198 до 1 032 ам. долл.

Но это не является особенностью китайской деревни. Дробность, мельчание крестьянского хозяйства достигало исключительных размеров в Египте, где около 1 млн. феллахов хозяйничают на земле меньше 1 федана (акра). В Корее, в разных провинциях Индии, в Индонезии и т. д. и даже в Японии подобные карликовые хозяйства, даже не обеспечивающие прожиточного минимума для крестьянина, составляют 50—70% всех хозяйств. Пауперизация бедняцкого хозяйства является одной из важнейших характерных черт жизни колониальной деревни.

Такова в общих чертах статика китайской деревни. Нам следует однако выяснить, какие процессы происходят в китайской деревне — выяснить, так сказать, динамику крестьянского хозяйства. Здесь мы наталкиваемся на огромнейшие затруднения. В отдельных провинциях происходят различные процессы. Это первое затруднение. Мы располагаем только очень немногочисленными точными данными насчет происходящих в китайской деревне процессов. Это второе затруднение. Если однако со всей осторожностью и оговорками сопоставить все имеющиеся в нашем распоряжении данные и проверить их на основании опыта и наблюдений крестьянских союзов и иностранных наблюдателей, то можно утверждать с достаточной уверенностью, что в китайской деревне в настоящее время происходят следующие процессы:

1. Сравнительно быстрая концентрация земельной собственности в руках помещиков, купцов, джентри, офицерщины, ростовщиков и кулаков.

2. Медленная концентрация землепользования у кулацких слоев деревни. Концентрация землевладения у кулаков часто не сопровождается концентрацией землепользования, ибо кулак сдает землю в аренду.

3. Относительно быстрый процесс превращения мелких крестьян-собственников в арендаторов.

4. Быстрый процесс дробления землепользования в парцеллярных и мелких хозяйствах.

5. Вымывание середняцких хозяйств.

Поскольку мы были в состоянии проследить статику и динамику сельского хозяйства в главных странах Дальнего Востока, мы утверждаем, что в основных своих чертах она — с соответствующими изменениями — совпадает со статикой и динамикой китайского сельского хозяйства.

В Японии преобладает парцеллярное и мелкое землепользование, причем процесс дробления его зашел здесь даже дальше, чем в Китае. В 1921 г., по официальным данным, 74% всех хозяйств крестьян-собственников и полуарендаторов обладало посевной площадью до 1 цзо, т. е. меньше 1 *га*; 25% — от 1 до 5 цзо, т. е. меньше 5 *га*, и только 1% — посевной площадью выше 5 цзо, т. е. 10 *га*.

В Корее, по данным 1923 г., средний размер хозяйства арендатора равен 1,36 цзо, т. е. 1,3 *га*, причем на юге Кореи, где преобладает влажная земля, он равен 0,94 — 1,6 цзо, а на севере, где преобладает

сухая земля,— от 1,58 до 2,32 цзо. В течение 8 лет с 1916 по 1921 г. число мелких собственников уменьшилось с 262 914 до 253 329, а полуарендаторов — с 600 251 до 497 919; в то же время число арендаторов возросло с 592 651 до 719 417. Покровский утверждает совершенно правильно, что «прирост численности арендующих и сдающих в аренду хозяйств происходит преимущественно за счет разложения мелких крестьянских собственников и полуарендаторов. Мелкое крестьянство разоряется, лишается земли и переходит в разряд арендаторов. Земли же переходят в руки крупных землевладельцев, сдающих в аренду хозяйства»[1]. Концентрация землевладения, дробление землепользования и превращение крестьян-собственников в арендаторов — вот основные процессы, происходящие в корейской деревне. При этом весь прирост посевной площади в 151 955 цзо, полученный путем орошения и осушения, пошел в пользу крупных землевладельцев. Неудивительно, что корейский крестьянин эмигрирует в Манчжурию, Приморье, Японию или уходит в город на фабрику, либо перебирается в Конда (пограничная с Кореей часть Манчжурии), чтобы вести партизанскую войну против империализма.

В Индии мельчание землепользования зашло так далеко, что печать обсуждает уже вопрос о запрещении в законодательном порядке раздела земельных участков дальше известного предела. В президентстве Бомбей половина крестьян ведет хозяйство с посевной площадью меньше 5 акров, а средний размер пашни в этих хозяйствах равен 2,3 акра, т. е. меньше 1 *га*. В округе Агра средний размер хозяйств на влажной земле составляет 1,3 акра, а на сухой — 8,82 акра. В провинции Пэнджаб 17,9% хозяйств имеют посевную площадь меньше одного, а 40,4% всех хозяйств — меньше 5 акров; 58,3% всех хозяйств располагают 12% всей посевной площади[2]. Нельзя сравнивать несравнимые величины, но небезынтересно отметить, что в Англии средний размер хозяйства равен 62, в Дании — 40, в Германии — 21 акру.

Катастрофическое измельчание крестьянского хозяйства является результатом исторического процесса. В округе Пуна (Индия) в 1771 г. средний размер всех хозяйств составлял еще 40 акров, в 1818 г. — 17,5, в 1840 г. — 14, а в 1915 г. — 7 акров[3].

Подобные же данные можно было бы привести относительно Индонезии, Индо-Китая, Египта, Туниса, Алжира.

Мы не придаем значения китайской статистике, но если принять всерьез данные, приводимые китайскими летописями, то, оказывается, что в 1711 г. на одно хозяйство приходилось 99 му, в 1722 г. — 26 му, в 1812 г. — 21 му, в 1814 г. — 5 му[4]. Цифру, относящуюся к 1711 г., нельзя брать всерьез даже с оговоркой относительно точности китайской статистики, ибо она относится к периоду подушного обложения, когда неимоверно надували начальство. Но более поздние данные, относящиеся к периоду поземельного обложения, указывают на быстрое

---

[1] Н. Покровский, Разложение крестьянства в Корее, «Вестник Манчжурии», 1926 г., 8, 17.

[2] Данные взяты из труда M. R. Mukerdjee Rurae Economy of India, 36—45.

[3] Там же, 35.

[4] Данные взяты из труда M. Lee The Economic History of China.

уменьшение посевной площади хозяйства. Эти цифры сами по себе конечно недостоверны, но мы знаем, что к концу XVII в. площадь парцеллярных хозяйств на севере составляла 25—30 му, а в настоящее время на севере она меньше 10 му, а на юге не достигает в среднем и 5 му [1]. Когда английский консул Джемисон и его сотрудники в 1880 г. произвели первое обследование земельных отношений в Китае, то в южной Манчжурии площадь мельчайших хозяйств определялась в 3 акра, а теперь в 1—1,6 акра. В Хобэе, по данным того же Джемисона, тогда еще считалось, что на содержание одного человека нужно 10 му земли, а теперь по данным Тэйлера на одного человека в среднем приходится немного меньше 4 му, а по данным обследования Нанкинского университета — 4,25 му. Рихтгофен в 1871 г. отметил, что китайское крестьянское хозяйство не занимает все рабочее время человека и скота. Сам Джемисон констатировал в 1880 г. относительно Цзянсу, что «в хозяйстве не было достаточной работы, чтобы занять всех крестьян в течение года». Однако он полагал, что «5—6 человек могут прожить в случае хорошего урожая без особых лишений на 8 му земли». Но мы знаем из данных обследования Нанкинского университета, что в южном Цзянсу в настоящее время 22% всех хозяйств имеют посевную площадь меньше 5 му [2]. Все исторические данные говорят о быстром процессе мельчания землепользования, и этот процесс идет в настоящее время усиленным темпом. Упадок крестьянского хозяйства, раздел имущества при наследстве, стремление помещиков эксплоатировать как можно больше арендаторов, ростовщичество — все это способствует ускорению этого процесса.

Переходя к процессу превращения крестьян-собственников в арендаторов, небезынтересно будет указать, что в 1881 г. английский консул в Чжинцзяне сообщил, что в провинции Цзянсу к северу от Янцзы 70—80% обрабатываемой земли сдается в аренду, но к югу от Янцзы (вследствие восстания тайпингов, которые успели уничтожить там помещиков) 90% земли находится в руках крестьян-собственников. В настоящее время в южном Цзянсу только 33,1% всей посевной площади обрабатывается крестьянами-собственниками, 39,7% — арендаторами, 27,2% — полуарендаторами [3]. Если считать с грубым приближением, что половина всей земли полуарендаторов-полусобственников принадлежит им на правах собственности, а другая половина арендована, то получится, что помещик, чиновник, купец и ростовщик превратили в течение 60 лет 35% всей посевной площади южного Цзянсу из крестьянской собственности в помещичью. Однако нам не нужны подобные исторические доказательства. В Шаньси, Хэнани, Шаньдуне и в Мукденской провинции процесс превращения крестьян-собственников в арендаторов происходит на наших глазах.

Что касается процесса концентрации земельной собственности, то достаточно будет указать на Чжан Цзо-лина, Фын Юй-сяна, Тан Шен-

---

[1] Данные выборочного обследования, произведенного в 1880 г. и опубликованного английским консулом Джемисоном, под заглавием: «Land Tenure and the Conditions of Rural Population in China».

[2] Данные Джемисона.

[3] Данные обследования Нанкинского университета, опубликованные в «Chinese Economic Monthly», в октябре и ноябре 1924 г.

чи и других генералов, которые на наших глазах стали крупными помещиками. Земельная собственность образцового дубаня Янь Си-шаня оценивается в 6 млн. долл. Каждая провинция имеет своих мелких Чжан Цзо-линов, Фын Юй-сянов, Тан Шен-чи и Янь Си-шанев, которые в маленьком масштабе проделывают то, что проделали крупные грабители в большом. Каждый уезд имеет своих ростовщиков, джентри, купцов, которые стремятся к захвату крестьянских земель. В самой деревне медленно расширяет свою собственность кулак. Этот новый слой помещиков в подавляющем большинстве случаев не ведет своего хозяйства, а сдает землю в аренду мелкими участками.

Итак без точных данных можно утверждать, что динамику земельных отношений в китайской деревне характеризует процесс концентрации земельной собственности, медленный процесс концентрации землепользования в кулацких хозяйствах, вымывание слоя середняцких хозяйств, превращение мелких собственников в арендаторов и быстрый процесс дробления землепользования. В результате этих процессов условия земледельческого производства не могут не ухудшаться. Конечно мы не в состоянии уловить и выразить эти процессы статистически, но все данные и наблюдения говорят о том, что общая тенденция развития охарактеризована правильно. Несомненно, что здесь перед нами одно из самых замечательных явлений в истории развития земельных отношений. Плеханов, Каутский и Ленин одинаково указывают на то, что при переходе к капитализму крупные феодальные имения уменьшаются и более состоятельные слои крестьянства укрупняют свое землепользование. В Китае, наоборот, мы видим процесс концентрации землевладения, измельчание землепользования. Этот факт объясняется полуколониальным характером страны. Развитие промышленности идет медленно, а в сфере торговли и ростовщичества может функционировать лишь определенное количество капитала. Капитал устремляется поэтому в землевладение.

Купец, ростовщик, чиновник и генерал становятся помещиками. Крестьянин обезземеливается.

И эти процессы не являются специфической китайской особенностью. В Индии, когда-то классической провинции «Райотвари», где мы находим карикатуры на крестьянскую собственность — в Бомбейской 75% всей крестьянской земли перешло уже в руки помещиков. В классической провинции крестьянской собственности в Пэнджабе около 50% всей крестьянской земли стало уже помещичьей. В Тунисе, Алжире, Марокко, Индо-Китае переход крестьянских земель к помещику отягощается еще тем, что там крестьянскую землю грабили также иностранные, французские помещики — и грабили ее прямо-таки наглым образом. То же самое совершается в негритянских колониях империализма английскими, французскими, бельгийскими помещиками. В Корее японский капитал и корейский помещик дружно соревнуются в обезземеливании крестьян. На Цейлоне, на Филиппинах плантаторы грабили мужицкую землю, а туземные помещики дружно помогали им в этом. В Палестине еврейская колонизация плюс арабский помещик обезземеливают не только феллаха, но и бедуина. В Китае эти процессы происходили в наиболее грубых грабительских формах. Отсюда же гигантский размах крестьянской борьбы за землю в колониях.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА XVIII.

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И КИТАЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

«Я пробежал древнюю римскую историю до эпохи Августа. Внутренняя история просто сводится к борьбе мелкого землевладения с крупным, борьбе, конечно, своеобразно измененной отношениями рабства. Отношения задолженности, играющие большую роль с самого начала римской истории, являются лишь неизбежным последствием мелкого землевладения», — писал Маркс Энгельсу [1].

По этому же вопросу Маркс пишет в «Капитале»: «В античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни» [2].

Если проследить внутреннюю историю Китая вплоть до нашей эпохи, то оказывается, что она сводится к борьбе мелкого землевладения и землепользования с крупным землевладением, причем борьба эта сопровождается и обостряется дальнейшей борьбой мелких производителей против ростовщического и торгового капитала. Без понимания роли и характера ростовщического капитала нельзя понять экономику Китая и Дальнего Востока вообще.

В странах, где господствует капиталистический способ производства, ростовщический капитал в своем чистом виде играет известную роль лишь в самых отсталых отраслях производства. Он пользуется значительным удельным весом лишь в экономике парцеллярного и мелкого крестьянского хозяйства, ибо «к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом». Развитие капитализма сопровождается тенденцией к понижению процента и ростом класса рантье. Развитие системы кредита усиливает эту тенденцию и все более и более ограничивает те области, где ростовщик может еще существовать.

Ростовщичество играет известную роль в области домашней промышленности и ремесла, — словом, там, где непосредственный производитель еще владеет орудиями производства. Поскольку крупная индустрия разоряет это производство, постольку и ростовщичество также утрачивает свое влияние.

---

[1] Письма Маркса и Энгельса, «Московский рабочий», 100.
[2] Маркс, Капитал, т. I, 104.

«В наше время норма прибыли регулирует норму процента; тогда (в средние века) норма процента регулировала норму прибыли» [1]. Но норма прибыли в наше время имеет тенденцию к уменьшению. Поэтому «высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокий или низкий уровень процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития» [2]. С развитием империализма снижению процента в колониальных и полуколониальных странах способствует влияние мирового денежного рынка. Размер этого влияния зависит от того, насколько капитал проник в данную страну, насколько он овладел разными отраслями производства и в какие именно отрасли он устремляется.

Но в общем и целом тенденция к понижению нормы процента намечается раньше как тенденция к снижению нормы прибыли в колониальных странах.

Финансовый капитал подчиняет себе банковую систему, забирает в свои руки командные высоты транспорта, внешней торговли, валютной системы, судоходства и добывающей промышленности колониальных и полуколониальных стран, но он не устремляется прямо и непосредственно в мелкое крестьянское хозяйство. Поскольку жадность туземного ростовщическо-торгового капитала угрожает полным разорением крестьянскому хозяйству и тем самым политическими осложнениями, поскольку туземный ростовщик хочет забрать в свои руки слишком большую часть прибавочного и даже часть необходимого продукта, выжатого из крестьянского хозяйства, постольку империализм иногда даже делает вид, что он пытается обуздать ростовщический капитал.

Такие попытки мы видели в Индии со стороны английского империализма и на Яве со стороны голландского империализма. Однако на наш взгляд нельзя переоценивать ни темпа, ни глубины влияния финансового капитала как в смысле установления общей нормы процента, так и в смысле ее снижения в колониальных и полуколониальных странах. Нам кажется, что даже выдающиеся теоретики марксизма делали в этом отношении крупные ошибки в смысле переоценки проникновения капитала в азиатские колонии и полуколонии и главным образом в смысле переоценки прямого и непосредственного подчинения и охвата капиталом хозяйства этих стран. Это подчинение происходит более сложными путями. В дальневосточных колониях и полуколониях империализма капитал господствует в форме торгово-ростовщического капитала над деревней наряду с помещиком. А в деревне живет около 90% всего населения этих стран, и доля сельского хозяйства в производстве этих стран достигает 80—90%. В Индии английские банки сдирают 7—8% с английских купцов и 15% с туземных солидных городских купцов. В области деревенского ростовщичества процентная ставка колеблется от 25 до 300% годовых, причем 30% годовых считается нормальным уровнем. Общей нормы процента нет. 70—80% всех хозяйств находятся в долгу у ростовщика. «Деревенские ростовщики составляют (после крестьян) наиболее важный (по численности) класс в

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 151.
[2] Там же, ч. 1, 344.

Индии. Свободные профессии не могут сравниться с ним. Промышленный класс незначителен, и даже торговцы и купцы занимают лишь второстепенное место»[1]. Во всеиндийском масштабе один ростовщик приходится на 328 крестьянских хозяйств, а в Пэнджабе, где мельчание крестьянских хозяйств достигло высшего предела, — на 100 крестьянских хозяйств. Столь сильное развитие придали ростовщичеству лишь английская колониальная политика и английский империализм, но уже до завоевания Индии англичанами почти каждая сельская община имела наряду со старостой своего ростовщика: отношения рабства и ростовщичества существовали уже в древних идиллических общинах. Целый «класс» мелких, жадных паразитов высасывает жизненные соки деревни. При этом английский финансовый капитал держит в своих руках все командные высоты хозяйства Индии и проникает даже в земледелие, создавая огромные плантационные хозяйства путем создания крупнейших оросительных сооружений. Даже достопочтенные джентльмены из королевской комиссии были вынуждены посвятить в своем отчете отдельную главу ростовщичеству. Даже буржуазные публицисты и экономисты в Индии вынуждены признать, что ростовщический долг индийского крестьянства составляет не то 8, не то 12 млрд. рупий, и даже левые фразеры из Национального конгресса вынуждены предлагать какое-то чудотворное средство против этого бича. В качестве такого чудотворного средства они предлагают конверсацию, т. е. выкуп государством ростовщических долгов — значит оплату этих же долгов мужиком через государство. И это предлагается в стране, где больше половины крестьянских хозяйств охвачены ростовщичеством. Законов против ростовщичества сколько угодно. Каждая провинция имеет свой закон. Их эффект равен нулю. Это признается и британскими чиновниками.

Надо только прочитать потрясающее описание подвигов ростовщиков у Дарлинга, Китинга и прочих английских писателей, у Баннерджи, Мокерджи и прочих индийских авторов, чтобы убедиться в этом. Правительство само предоставляет займы крестьянам, так называемый «таккави». Кредитная кооперация охватывает уже 2 115 746 хозяйств. Но даже отчет королевской комиссии признал, что ростовщичество ведет все же к экономическому крепостничеству, к переходу земли к ростовщику, к бесконтрольной власти ростовщика, к злоупотреблениям. Комиссия считает, что в Индии, где «земледелие работает не для прибыли и даже не для воспроизводства капитала, ростовщичество является неизбежным». Сказано прямо-таки чуть не по-марксистски.

Лишь в Пэнджабе запрещали англичане продажу земли «земледельческих каст», из которых они вербуют войска, членам неземледельческих каст. Они хотели сохранить свой военный базис.

Ввиду того, что купля и продажа земли внутри касты не запрещены, процесс расслоения крестьянства внутри этих каст идет ускоренным темпом, разлагая базис английских войск, внося в эти войска бедняцкое революционное брожение. Кооперативное движение, начатое в начале XX в., помогло выделению известного слоя кулачества, но не разрешило вопроса о ростовщичестве. Наоборот, кулак, получив кредит из кооперации за 12% годовых, часто использует деньги не для улуч-

[1] Mukerdjee, Rural Economy of India, 26.

шения хозяйства, а как оборотный капитал для ростовщических сделок на 70—100% годовых.

В Индо-Китае, где под крылышком французского империализма ростовщичество процветает не менее, чем в Индии, использование кооперативных кредитов для ростовщических сделок принимает настолько широкие размеры, что даже французские чиновники вопили после вооруженного восстания в 1930 г.

В Египте с.-х. банки, организованные англичанами, немало способствовали обезземелению феллаха, вместо того чтобы избавить его от ростовщичества.

В Индонезии, Корее, в Алжире, Тунисе, Персии так же пышно процветает ростовщичество. И в этих странах, точно так же, как в Индии, первые удары крестьянского движения часто обрушиваются на ростовщика. Движение крестьян в 1930 г. в Бенгалии началось борьбой против ростовщика. В Бераре и Пэнджабе произошло то же самое.

Помещик конечно главная фигура эксплоататора в колониальной деревне, но вместе с ним, вслед за ним и рука об руку с ним идет ростовщик. И помещик становится ростовщиком, ростовщик — помещиком.

На Филиппинских островах господствует американский империализм. Однако и сейчас «крестьянин, если у него нет семян, занимает 1 кавап риса и уплачивает 2 кавана после урожая, и кредитные сделки в деревне вообще совершаются в подобных же условиях» [1].

На Филиппинах, как и на Дальнем Востоке вообще, типичное явление составляет китайский ростовщик. Китайский торгово-ростовщический капитал эксплоатирует деревню в Индо-Китае, на Яве, на Филиппинах, в Малайских государствах, на Борнео, в Сиаме и даже на Караибских островах и Ямайке. Хозяева-империалисты этих стран поддерживают китайских ростовщиков, а последние в свою очередь поддерживают в этих странах империализм. Финансовый капитал заключил союз с туземным или чужестранным ростовщичеством, подчинил его себе, и теперь они уже совместно эксплоатируют колониальную и полуколониальную деревню. Опыт дальневосточных колоний и полуколоний показывает, что развитие капиталистических элементов в сельском хозяйстве этих стран сопровождается на первой стадии расширением и углублением ростовщичества. Первое влияние империализма в этих странах проявляется в росте власти ростовщического и торгово-ростовщического капитала.

И китайская буржуазия специализировалась на ростовщичестве в дальневосточных колониях империализма.

Между туземным ростовщичеством и иностранным финансовым капиталом существует трогательное сотрудничество. Финансовый капитал в колониях очень часто сбрасывает с себя свою форму, чтобы превратиться в ростовщический капитал. Иностранные банки финансируют в колониях не только внешнюю торговлю, занимаются не только валютными спекуляциями, биржевыми сделками, добыванием концессий, финансированием промышленности и т. д., но и прямым ростовщичеством при посредстве туземных банков и купцов, предоставляя фор-

[1] Copeland, Rice, 249.

мально займы последним. Но имеется второй путь сотрудничества финансового капитала с туземным ростовщическим капиталом. Туземный ростовщик помещает свои деньги в иностранные банки. В Китае купцы и генералы вносят свои деньги преимущественно в иностранные банки. Чжан Цзо-лин имел в японских банках до восстания Го Сун-лина 20 млн. иен, Чжан Цзун-чан имеет 4—5 млн., Сун Чуань-фан — 13 млн. Бывший дубань Юньнани Тан Цзи-яо в течение 15 лет отложил про черный день в Гонконг-шанхайский банк и во французские банки в Индо-Китае 50 млн. долл. Гонконг-шанхайский банк имеет свыше 500 млн. долл. вкладов, и значительную часть этой суммы составляют вклады китайских богачей. Благодаря этому Гонконг-шанхайский банк эксплоатирует Китай при помощи китайских же капиталов.

Торговый капитал иностранных экспортеров предоставляется в качестве займа китайским купцам и функционирует как торгово-ростовщический капитал. Вывоз чая и шелка из Китая организован на этих началах. В Индии, на Яве, на Филиппинах и в Индо-Китае экспортная торговля организована преимущественно на таких же началах. Вот третий путь сращивания иностранного финансового и туземного ростовщического капитала.

Финансовый капитал учреждает в колониальных и полуколониальных странах акционерные общества для эксплоатации этих стран. Китайский капиталист редко доверяет свой капитал безличному китайскому акционерному обществу, ибо опасается, и не без основания, что деньги его разворуют. Он предпочитает учреждать товарищества на паях с 5—8 родственниками или друзьями. Даже акции современных китайских банков находятся в руках узкого круга лиц, небольших клик, друзей, родственников, политиков и генералов. Сбережения и свободные капиталы мелких капиталистов устремляются скорее в акции иностранных акционерных обществ, ибо последние не подлежат обложению и гарантированы от ограбления их китайскими генералами и чиновниками. Огромные учредительские прибыли остаются в карманах иностранных учредителей, которые захватывают места в правлениях акционерных обществ и распоряжаются капиталами туземных акционеров. Капитал этих акционерных обществ весьма часто функционирует как торговый или ростовщический капитал, хотя, разумеется, они финансируют и промышленность, железные дороги, строительство, горное дело и т. п.

Так, в Китае имеются 43 иностранных банка, 141 китайский банк, а также ряд смешанных иностранно-китайских банков. При этом иностранные и акционерные общества и банки часто вывозят китайский капитал из Китая в поисках еще более высокой прибыли в Малайских государствах, на Яве и т. д. Только в каучуковые плантации Индонезии и Малайских штатов вложено не менее 100 млн. долл. китайского капитала.

Вот четвертый путь сращивания иностранного финансового капитала с китайским капиталом, который через иностранные банки может впоследствии функционировать даже как промышленный капитал.

История международных займов Китая служит лучшим доказательством того, что финансовый капитал в колониальных и полуколониальных странах ищет не только сверхприбылей, но и «сверхпроцентов». Вывоз ссудного капитала, государственные займы, а не

капитал, вкладываемый в промышленные предприятия, Ленин считал особым видом проявления империализма и полагал, что «в отличие от английского колониального империализма французский можно назвать ростовщическим империализмом (разрядка наша)»[1]. Он же говорит, что понятие «государство-рантье» (Rentner-staat) или государство-ростовщик становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме»[2]. Китай долгое время отказывался от иностранных займов. Даже тупоумные мандарины понимали, очевидно, что скрывается за любезным предложением займов. После японо-китайской войны 1894—1895 гг. Китай был вынужден заключить первые займы для уплаты контрибуции Японии в размере 230 млн. таэлей. После Боксерского восстания Китай заставили взять на себя обязательство уплатить контрибуцию в размере 425 млн. таэлей. На подавление революции в 1911—1912 гг., несмотря на протесты Сун Ят-сена, иностранные державы предоставили Юань Ши-каю около 25 млн. ф. ст., из коих значительная часть была израсходована на гражданскую войну для обеспечения победы контрреволюции. Во время мировой войны Япония предоставила клике Дуань Ци-жуя займы в размере не то 180, не то 200 млн. иен, причем суммы эти были разворованы почти совершенно бесследно. Большая часть этих займов была предоставлена хозяевам Китая не для поднятия производительных сил страны, а для оплаты грабителей (контрибуции) и для поддержки контрреволюции против народных масс, следовательно в обоих случаях для разорения страны. Мы видели, что не только капитал, ввозимый в Китай отдельными капиталистами или группой капиталистов, часто выступает как ростовщический капитал, но государства-ростовщики обдирают государство-должника (международные займы).

Страны могущественные, богатые, империалистические выступают как ростовщики по отношению к странам бедным, угнетенным, колониальным. Мы видели, что часть ввозимого в Китай банкового капитала так же функционирует, как ростовщический капитал. Мы еще увидим, что львиная часть иностранного капитала функционирует в Китае как торговый капитал. Торговля и ремесло находятся в зависимости от ростовщика, и даже крупная китайская промышленность ведется в большинстве случаев по принципам, свойственным ростовщическому капиталу, а не по принципам капиталистического расчета. Функционирующий в промышленности китайский капитал часто работает по тому принципу, что не средняя норма прибыли определяет среднюю норму процента, а наоборот. Своеобразные китайские товарищества на паях по окончании хозяйственного года, совершенно независимо от того, дало ли предприятие прибыль или нет, выплачивают заранее установленный процент на капитал пайщиков. Вследствие этого, если предприятие работало убыточно в течение одного года, оно уже меняет владельцев. «Прошлая история китайской шелковой промышленности характеризуется частыми сменами правления многих шелковых фабрик. В Шанхае находится 91 шелкопрядильня из общего количества 126 шелковых фабрик в Центральном Китае, и четвертая часть этих фабрик каждый год переходит

---

[1] Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, 50.
[2] Там же, 82.

в новые руки. Причина этого непостоянства заключается в недостатке оборотного капитала. Если цены на шелк падают, то нет резервного капитала, чтобы перенести кризис, и неизбежный результат — смена владельцев шелкопрядильни» [1]. В текстильной промышленности дело обстоит немногим лучше. Во время войны китайские текстильные предприятия получали бешеные прибыли, и в этот период фабрики находились в руках постоянных владельцев. Когда же разразился послевоенный кризис, в текстильной промышленности также началась быстрая смена владельцев. В основе этого явления лежит недостаток капиталов в промышленности, зависимость последней в смысле оборотных средств от банков и китайский обычай выплачивать проценты независимо от прибыльности или убыточности предприятия. В области внешней торговли китайская часть товаропроводящей сети находится в полной зависимости от туземных ростовщических банков. Торговец является в большинстве случаев по существу только агентом, комиссионером ростовщических банков. Правда, часто торговец сам состоит учредителем или пайщиком этих маленьких ростовщических учреждений, капитал которых в провинциальных городах составляет 5—20 тыс. долл. и даже в крупных торговых центрах не превышает 100—200 тыс. долл. Все же в этом случае ростовщику-банку противостоит предприниматель.

Го-Ли в своей недурной книжке о шелковой промышленности в Китае отмечает, что сырье шелковых фабрик — коконы — лежит часто в подвалах туземных банков в качестве обеспечения долгов фабрики перед банком.

Но когда речь идет о крупном купце или, тем более, промышленном предпринимателе, тогда эти отношения по своему экономическому содержанию являются капиталистическими.

Ремесло в Китае уже с давних пор подчинено торговому капиталу, который, с своей стороны, подчинен ростовщическому капиталу через туземные банки.

О туземных банках нам придется еще говорить подробнее, но уже здесь отметим, что между китайским банковым капиталом и настоящим финансовым капиталом разница приблизительно такая же, как между банкиром и ростовщиком.

В Китае и в колониальных странах даже для капиталистов существуют различные нормы процента. Иностранный капитал получает кредит от иностранного банка по низким процентам, крупнейшие туземные капиталисты получают ссудный капитал от иностранных банков по более высоким процентам, а средние туземные предприниматели получают от туземных банков по еще более высоким процентам.

Размер процента придает ссудному капиталу характер ростовщического капитала.

Туземные банки, учреждения ростовщического капитала, имеют в Китае огромную историческую давность. Шаньнсийские банки держали под своей властью министров и императоров, как индийские банкиры средних веков — могулов, как фуггеры — кайзеров и королей. Они опередили развитие капитализма. Ростовщический и купеческий капитал

---

[1] P. K. Wan, The Way to stabilise China's Silk Industry, «China Courier», 23 сентября 1927 г.

вообще является допотопными формами капитала, но эти учреждения ростовщического капитала перешли в эпоху капитализма и существуют, когда уже развивается современный китайский банк, современное акционерное общество.

Мы говорим здесь пока о размере процента в области городской промышленности и торговли, а отнюдь не о мелком производстве мелких ремесленных мастеров и крестьян, где условия производства создают особенно благоприятную почву для пышного процветания ростовщичества. В Китае, однако, даже городская экономика не знает общенациональной нормы процента для китайских предпринимателей. Последняя меняется по городам и провинциям, и различные высоты процента для разных отраслей и для разных категорий хозяйств исключительно велики. В ноябре 1927 г. процентная ставка в отдельных городах составляла: в Гонконге — от 0,18 до 0,20 долл. за 1 000 долл. в день по краткосрочным займам; в Шанхае — от 0,03 до 0,12 долл. за 100 долл. в день; в Мукдене — 15% годовых, в Тяньцзине — по крупным займам от 10 до 14%, а по коммерческим от 30 до 36% годовых; в Дайрене — от 7 до 15% годовых.

Данные эти, сообщенные консулами САСШ, имеют в виду относительно крупные сделки между китайскими банками и китайскими купцами и предпринимателями и относятся к крупнейшим торговым и финансовым центрам. Фактически китайский процент в области торговли и промышленности колеблется в пределах от 12 до 36% годовых, смотря по личному кредиту китайского купца, причем речь идет о краткосрочных кредитах. Знатоки кредитного дела в Китае отмечают, что в Китае пользуются кредитом не предприятия, как таковые; существует только личный кредит купца или предпринимателя. Кредит под вещественное обеспечение начал развиваться лишь с начала XX в. Кредит под обеспечение недвижимого имущества даже сейчас существует только в нескольких провинциях. Подтоварный кредит начал широко развиваться после 1911 г., когда банки стали сами заниматься оптовой торговлей.

«Ввиду ограниченного количества ценных бумаг и ввиду того, что рынка для промышленных инвестиций фактически нет, банки вынуждены искать поле для инвестиции своих денег... Банки просто спекулируют на повышение или понижение цены товаров. Шелк, хлеб, пряжа и всякие продукты являются предметом спекуляции недобросовестных туземных банков, но в особенности золото (строительные участки, валюта, правительственные облигации и т. д...)» [1]. Беда только в том, что почти все туземные банки являются «недобросовестными».

Наряду с «туземным банком» — этой высшей формой организации ростовщического капитала — пышно процветает более низкая организационная форма ростовщического капитала — ломбард. В Японии, Корее и Китае ломбард является национальным учреждением. Без него нельзя представить себе жизнь народных масс, причем ломбард не только городское, но и деревенское учреждение. В Китае ломбард достиг своего высшего развития и в смысле многочисленности ломбардов, и в смысле широкого разветвления их.

---

[1] D. K. Lieu, China's Industries and Finances, 47.

В Европе ростовщик был предметом всеобщей ненависти, и против него велась яростная борьба. По мере накопления капитала промышленность, торговля и государство выступают единым фронтом против ненавистного ростовщика. В Китае не только туземный банкир — крупный ростовщик, — но и владелец ломбарда — мелкий ростовщик — пользуется уважением «хорошего» общества. В Индии ростовщика называют «хранителем чести». Ломбарды имеют историческую традицию, которая восходит к давнишним временам китайской истории. Но особенно широкое развитие ломбарды получили в ранний период Манчжурской династии, когда в провинции Аньхуй мелкие меняльные лавки начали систематически заниматься ломбардным делом. Из Аньхуй ломбарды с быстротой молнии распространились по всему Китаю. Профессия владельца ломбарда — почтенная профессия. Генералы, высокопоставленные лица, помещики, весь «цвет» китайского общества охотно помещает свои деньги в ломбарды. Туземные банки охотно кредитуют их в случае неожиданно быстрого роста оборота. Но китайский крестьянин и городская беднота почему-то не разделяют этих чувств, и народная поговорка называет ломбарды «проклятием Китая» [1]. В провинциальных бюджетах налог на ломбарды составляет везде отдельную статью дохода.

Сколько процентов взимают ломбарды? Правительственное бюро экономической информации утверждает, что «средний уровень процента в больших городах 2% в месяц. Это считается более или менее официально санкционированным процентом. Однако в небольших городах и в деревнях имеются большие отклонения от этой нормы» [2]. Правительственное бюро экономической информации — одно из немногих добросовестных учреждений в китайском государственном аппарате. Но по вопросу о ростовщичестве оно врет беспощадно. 25% платят по краткосрочным займам китайские предприниматели, а не бедняк, вынужденный обращаться в ломбард. Часто процент составляет в ломбарде действительно 1½ или 2% в месяц, но в этих случаях ломбард дает лишь 30—50% стоимости закладываемой вещи, причем заранее известно, что вещь выкуплена не будет. Во время голода процент повышается, часто превышая 100% годовых. Часто ломбард предоставляет заем в бумажных деньгах, оговаривая, что оплата должна быть произведена серебром. «Недавние обследования в Бэйпине выяснили, что взималось 40% в месяц» [3].

Говорить о законе, о контроле со стороны чиновников не приходится, ибо сами чиновники являются очень часто пайщиками ломбардов.

Разумеется, было бы нелепо сравнивать процент китайских ломбардов с процентом Английского банка. Маркс считал, что для сравнения следовало бы взять тот, например, процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности предприниматели, ссужающие им мелкие машины. Но даже такое сравнение оправдало бы народную поговорку, что Желтая река — горе Китая, а «ломбарды — проклятие Китая».

На советских территориях революция разрешает вопрос о ломбардах весьма просто. Она возвращает бедноте заложенные вещи безвозмездно.

---

[1] „Chinese Economic Monthly", 1925, v. II, 29.
[2] „Chinese Economic Bulletin", 1927, № 343, 159.
[3] Malory, China, Land of Famine, 21.

Надо однако воздать должное ломбарду, ибо ломбард все же более высокая форма ростовщичества. Индивидуальный ростовщик значительно хуже. В Индии ростовщичество — особая профессия. В Китае ростовщичеством занимается почти всякий, у кого имеется излишек денег или продукта. Индивидуальный ростовщик — довольно распространенное явление городской жизни, но относительное обилие капитала в городе ограничивает до известной степени его аппетит. В деревне, где недостаток капитала чувствуется острее, где конкуренция между ростовщиками слабее, индивидуальный ростовщик находит наиболее удобное поле для развития своей деятельности. Но в общем условия для ростовщичества достаточно благоприятны даже в городе. В Шанхае, в Ханькоу и даже в Тяньцзине и Бэйпине все чаще и чаще встречаются индийские, арабские и еврейские ростовщики. Индия, Багдад, Турция вывозят в Китай ростовщический капитал. Очевидно в Китае ростовщичество дает «сверхпроценты».

Индивидуальный ростовщик процветает в городе, но все же главное поле его деятельности — китайская деревня. В области аренды помещик сосредоточивает в своих руках ростовщичество. Арендатор в случае нужды обращается за займом в первую голову к своему «отцу». А отец-помещик выручает своего нуждающегося «сына» за скромные проценты, от 24 до 100—150% годовых. Помещичья эксплоатация объединяется с ростовщической. В областях мелкой крестьянской собственности центральной фигурой среди ростовщиков является купец. Хлеботорговец очень часто совмещает функции купца и ростовщика. Он ссужает крестьянину хлеб и семена, и крестьянин не только обязан вернуть ему капитал и проценты, но и продать ему весь урожай. Иногда крестьянин продает ростовщику свой хлеб до урожая. Ростовщик часто дает денежный заем и требует возвращения займа натурой, исходя из низкой цены продуктов после урожая. Этим путем ростовщик накопляет запасы риса, зерна и т. п. и становится купцом. Наряду с купцом и помещиком, ростовщичеством занимаются джентри и откупщики налогов. Кулацкие элементы деревни также выступают в роли ростовщика. Идет весьма сложный процесс переплетения, сращивания помещичьей собственности, чиновничества, торгового капитала и ростовщиков.

Деревенское ростовщичество ухудшается тем, что во многих местах оно не приняло еще денежной формы. Часто ссуда предоставляется рисом, гаоляном, просом и т. п. При предоставлении натурального займа в основу расчета кладется высокая цена продукта перед урожаем, а при уплате — низкая цена после урожая. Натуральная форма ссуды непременно сопровождается самым высоким процентом. За 1 меру зерна ростовщику возвращаются 1½, а очень часто даже 2 меры. По денежным займам гуандунские ростовщики взимают от 2 до 4% в месяц. Не только материалы крестьянских союзов, но и буржуазные источники рисуют трагическую картину.

По данным Международного комитета помощи голодающим существуют следующие «нормы» годового процента (см. табл. на 243 стр.)

Даже эти данные не отражают действительности. Нанкинский университет нашел деревни, где нормальный процент составляет 96 годовых. Все зависит от того, кто, когда и у кого и в каких условиях занимает деньги. Кроме того в Китае, так же как в Индии, деревенский

Провинции	Высшая	Низшая	Средняя
Чжэцзян . . .	60—70 (иногда) 100	12	24—36
Цзянсу . . .	24	12	18
Шаньдунь . .	60	18	36
Чжили . . .	36	12	24

ростовщик предоставляет займы на 4—5 месяцев, а проценты взимает за год. Этим объясняется, что в нашей таблице во многих местах указано 12% годовых как низший процент. Натуральные ссуды всегда предоставляются на 3—5 месяцев перед урожаем, а процент взимается в течение года после урожая.

Характерная черта китайского и, нам кажется, дальневосточного ростовщичества вообще заключается и в том, что в деревне ссуда предоставляется в большинстве случаев не для улучшения условий производства и не для обеспечения обычного хода воспроизводства. В Индии недород, эпидемии скота и браки вынуждают крестьян обращаться к ростовщику. В Китае стихийные бедствия, похороны, свадьбы и налоги толкают крестьян в объятия ростовщика. Ростовщический заем в большинстве случаев идет на восстановление утраченных вследствие стихийных бедствий средств производства, на поддержание существования или же на уплату налогов и на всякие бытовые обряды. Проценты извлекаются однако из дохода хозяйства, и тем самым нарушается обычный ход воспроизводства. Хозяйство становится хозяйством без запаса. Последующая случайность — будь это новое стихийное бедствие, новый налог, новое семейное событие, болезнь, бандитский налет или насильственная реквизиция — лишает крестьянина возможности уплаты ростовщических процентов. Ростовщик знает однако и сложные проценты. Этим путем ростовщичество воспроизводится на все более и более высокой ступени, пока не подломит сук, на котором само сидит. Очень часто разоренный должник бежит или уходит в бандиты. Тогда, если речь идет об арендаторе, ростовщик теряет и процент и капитал. Если же он имеет дело с крестьянином-собственником, то забирает его землю. В этом отношении чрезвычайно интересно и важно, что образование частной собственности на землю (Индия), с одной стороны, и повышение цен за землю (Индия, Китай, Корея и т. д.) — с другой, непомерно расширяют поле деятельности ростовщика. Это однако вовсе не значит, что цена земли является пределом ростовщических операций. В Индии заем часто превышает в несколько раз цену земли. Сложные проценты и другие махинации приводят к таким «иррациональным» явлениям.

Ростовщичество вообще и его широко распространенная натуральная форма имеют в условиях товарного хозяйства еще одно, в высшей степени важное, последствие. Оно закрывает перед непосредственным производителем путь к рынку. В областях аренды натуральная рента действует в этом отношении еще сильнее, чем ростовщичество. Непосредственный производитель не сбывает сам своего продукта или же сбывает даже на деревенский рынок, не говоря уже о городском, только весьма небольшую часть его. Он вынужден сдавать свой продукт ростовщику, и последний выступает на рынке в качестве продавца. Этим

объясняется то в высшей степени характерное явление, что ростовщическо-торговый и торгово-ростовщический капитал с особенной энергией устремляется в торговое земледелие и старается путем ростовщических операций захватить в свои руки торговлю техническими культурами и сырьем, совершенно отрезая производителя от рынка.

Перелистывая отчеты индийских королевских комиссий по хлопководству или по земледелию, приходишь к выводу, что мелкий крестьянин-производитель, как общее правило, не проникает на городской рынок, ибо между крестьянином и рынком всегда стоят мрачные фигуры помещика и ростовщика. В Японии одной из главных причин кризиса шелководства в крестьянском хозяйстве является то, что крестьянин вынужден продавать коконы деревенскому купцу, в результате чего и товаропроводящая сеть съедает львиную долю прибыли.

В Гуандуне одна из важнейших отраслей торгового земледелия — табаководство — является очень прибыльным делом. Для крестьян однако дело обстоит не совсем так. Чтобы получить капитал, производитель должен занимать деньги у богачей и платить высокие проценты. Нередко эти займы предоставляются под условием продажи табака по заранее установленной цене (обыкновенно 50% настоящей рыночной цены). Таким образом прибыль от табаководства достается «капиталисту», а не крестьянину, который разводит табак»[1]. В Шаньдуне, Хунани, Хубэе и в шести других центрах табаководства наблюдается та же картина.

При этом следует отметить, что только часть табака идет на внешний рынок. Значительная часть его обрабатывается внутри страны, и купец выступает лишь как агент табачных фабрик и в особенности Британско-американской табачной компании. Это крупнейшее монополистическое объединение авансирует китайского купца. Китайский купец авансирует крестьянина при условии, что крестьянин разведет табак и продукцию продаст данному купцу. Перед нами контрактация, ростовщическая контрактация с целью развития торгового земледелия. Раньше империализм выжимал нужные ему продукты путем введения принудительных культур. Таким путем в Индонезии голландцы получили сахарный тростник, кофе, чай. На Формозе японцы так же начинали разведение сахарного тростника. В Индии англичане так же добывали индиго, пока крестьянское восстание в Бенгалии не заставило их отменить эту систему. На островах Полинезии система принудительных культур еще существует, в Китае она уже отменена, за исключением опиума. Но ростовщическая контрактация является важным рычагом для расширения торгового земледелия.

Около 4 млн. крестьянских семей занимается в Китае шелководством. При разведении коконов крестьянский производитель сталкивается несколько раз с рынком. Стоит прочесть труд американских профессоров Говарда и Басуэлля[2], чтобы увидеть, как ростовщик присасывается буквально к каждому фазису производственного процесса, кладя в свой карман прибавочный продукт.

---

[1] «A Report of the Investigation of the Conditions of Agriculture». Цитировано из труда тт. Волина и Иолка, стр. 188.

[2] Howard and Bassooell, A Survey of the Silk Industry in South, China, 257.

Хлопководство занимает самое важное место в торговом земледелии Китая по величине отведенной под хлопок посевной площади. Около 75% всей текстильной промышленности Китая сосредоточено в Шанхае. В непосредственной близости к Шанхаю в Дайцзяне хлопководство организовано следующим образом: «В случае низких цен во время сбора хлопка крестьяне закладывают свой хлопок в ломбардах. Если цены повышаются, хлопковод выкупает свой хлопок, продавая его на местном рынке. Если же цены остаются на низком уровне или все еще снижаются, он не платит процентов, и хлопок остается за ломбардом. На один пикуль неочищенного хлопка местные ломбарды предоставляют ссуду в размере 5—6 долларов из 2% в месяц» [1]. Цена дайцзянского хлопка за последние три года колебалась в Шанхае в пределах 25—50 долл. за пикуль. Тем не менее китайский крестьянин был часто вынужден оставлять свой неочищенный хлопок ломбарду за 5—6 долл.

Разведение сахарного тростника находится в Китае в упадке, ибо мелкое китайское производство не может конкурировать с крупными плантациями на Кубе, Яве и т. д. В Гуандуне, однако, сахарный тростник все еще важная культура. Крестьяне в большинстве случаев занимают деньги у городского купца и вынуждены продавать продукцию купцу-ростовщику. Процент по ссудам от 2 до 3 в месяц. В одной только деревне из 24 крестьян под культуру сахарного тростника 13 крестьян занимали деньги у купца, а 11 — у других ростовщиков [2].

Торгово-ростовщический капитал часто прямо заставляет мелкого крестьянина переходить на технические культуры, но в то же время берет себе все выгоды от торгового земледелия. Переход к торговому земледелию усилил процесс сращивания торгового и ростовщического капитала в деревне точно так же, как развитие внешней торговли усилило процесс подчинения торговли туземным банкам. С одной стороны, туземные банки проникли в торговлю и овладели ею, а с другой — более богатые купцы стали учреждать свои банки, чтобы так или иначе, в форме вкладов, выпуска «своих» бумажных денег и т. п. увеличить свой оборотный капитал. Ростовщик стал купцом, и купец стал ростовщиком.

Как действует ростовщический капитал на экономику страны, где преобладает мелкобуржуазное и мелкокрестьянское производство, где он играет не подчиненную, а важную роль?

«Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более тяжелых условиях».

«При всяких докапиталистических способах производства ростовщик играет революционную роль лишь постольку, поскольку он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызы-

---

[1] «The Chinese Economic Bulletin», 1927, № 125, 211.
[2] Волин и Иолк, The Peasant Movement in Kwantung, 14.

вая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции».

«Ростовщичество, как и торговля, эксплоатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранить, чтобы иметь возможность эксплоатировать его снова и снова; оно консервативно и только разоряет существующий способ производства... Таким образом ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, оно создает вообще наряду с купеческим капиталом самостоятельно-денежную собственность, во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, и поскольку оно выполняет эту роль, оно является мощным рычагом в процессе образования предпосылок для промышленного капитала» [1].

Вся история Китая свидетельствует о том, что ростовщичество может существовать очень долго. Ведь оно существует уже несколько тысяч лет и не вызывало ничего иного, кроме воспроизводства экономического упадка и политической коррупции, а также изменений в имущественных отношениях. В древней Греции и Риме оно было одним из главных рычагов в процессе обезземеливания крестьянства. В ходе китайской истории этот процесс воспроизводился несколько раз. В то же время ростовщический капитал является одним из важных тормозов для прогресса промышленного капитализма.

Китайская действительность свидетельствует о том, что «самостоятельное развитие торгового капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства: чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее развитие промышленного капитала (капиталистического производства) и наоборот» [2].

Глубокие экономические корни ростовщического капитала в Китае лежат в земельных отношениях. Мелкое землевладение и землепользование являются основой для развития ростовщичества. Но настоящие вакханалии устраивает торгово-ростовщический капитал, когда он эксплоатирует более отсталые хозяйственные и экономические организмы. Поучительную картину дает торговля с Монголией.

Шаньси является колыбелью китайского ростовщического и торгового капитала. Купцы и ростовщики Шаньси и Сюйюаня объединяют в своих руках торговлю с Монголией и Китайским Туркестаном. Экспортные товары переправляются в Тяньцзинь, который со своей стороны снабжает эти области иностранным ввозным товаром. Около 90% вывозимых из Монголии шерсти и мехов, около 60—70% экспорта шкур идет через Тяньцзинь. Поскольку Китай вообще вывозит скот, львиная доля вывоза падает на Монголию. Как доставляются эти товарные массы на мировой рынок? Предоставим слово объективному наблюдателю, китайскому правительственному бюро экономической информации:

«Другой класс шаньсийских купцов занимается главным образом предоставлением ссуд. Они имеют свои канцелярии в Калгане и Сюйюане и посылают своих агентов в Монголию вести дела с туземцами. Их главное занятие — ссудные операции, хотя их агенты занимаются по-

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 137, 150, 151.
[2] Ленин, Собр. соч., т. III, 138—139.

бочно и торговлей. Что же касается ссуд, их клиентами всегда являются монгольские князья, чиновники и богачи. Ссуды предоставляются деньгами или товарами, причем устанавливается цена товара в денежном выражении. Заем возвращается деньгами или в виде скота, причем цена скота устанавливается заранее в денежном выражении. Процент всегда ростовщический и меняется в зависимости от условий займа. Например по займу, предоставленному на 2 года, взимается 50% годовых, но если заем предоставляется сроком на 3 года, то взимается 70% годовых. Очень редки случаи, когда заем не возвращается или проценты не уплачиваются, ибо займы всегда предоставляются князьям и чиновникам, а деньги возвращает монгольский народ в виде налогов и податей. Когда приближается срок уплаты, кредитор является к должнику, которым всегда является монгольский князь или вождь знамени, и напоминает ему о долге. Должник дает письменный приказ, в котором уполномочивает кредитора собрать соответствующую сумму от каждой юрты. С таким документом в руках кредитор редко наталкивается на ропот монголов (?). Вместо денег монголы дают шкуры или скот. Эти товары расцениваются всегда по очень низким ценам. Таким образом заимодавец не только получает проценты, но ему же достается и торговая прибыль»[1].

Как расцениваются скот и шкура?

«Торговля с монголами производится всегда путем натурального обмена и всегда с очень приличной прибылью в пользу китайского купца. Единственное имущество монголов состоит в скоте, и они обменивают свой скот на китайские товары. Например за одежду из бумажной ткани они дают одну лошадь, и один баран обменивается на две или три коробки кирпичного чая. Иногда хитрый шаньсийский купец получает барана за деревянную гребенку»[2].

Монгольская народная республика не освободилась еще полностью из-под власти китайского ростовщического капитала. Внутренняя Монголия находится целиком под гнетом китайского ростовщического капитала, но китайский ростовщик встречает мощного конкурента в лице японских, английских и русских белогвардейских купцов. Во внутренней Монголии и земля дешева. По словам Ленина, «в отсталых странах высокая прибыль обусловливается, наряду с недостатком капитала, низкой заработной платой и дешевизной сырья, низкими ценами земли»[3]. Поэтому японский империализм, проникший в Манчжурию и Монголию, добился более прочных успехов, чем английский, устремившийся в Южный и Центральный Китай, где высокая цена земли поставила серьезнейшие препятствия внедрению империализма в земледелие.

Китайская торговля с Тибетом происходит в еще более грабительских формах. Там китайский ростовщик за соль, опиум и кирпичный чай получает не только шкуры и скот, но и золото.

Революция во Внешней Монголии, упадок караванной торговли и конкуренция империализма нанесли тяжелые удары китайскому торгово-ростовщическому капиталу в Монголии и Тибете. Бандитизм ослабил

---

1 «Chinese Economic Bulletin», 1925, № 236, 122.
2 Ibidem, 123.
3 Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, 48.

связь его и с Китайским Туркестаном. Зато китайский торгово-ростовщический капитал проник на Формозу, в Сиам, Индонезию, Индо-Китай, на Малайские и Филиппинские острова, на Ямайку, на Караибские острова. Китайский купец и ростовщик в этих странах исполняют всюду роль приказчика международного империализма, подчиняя себе примитивное туземное хозяйство этих стран, в то время как международный финансовый капитал лишь захватывает командные высоты, деля сверхприбыль с китайским ростовщическим капиталом. Мы лишены, к сожалению, возможности описать здесь подвиги трогательного союза международного финансового капитала и китайского ростовщического капитала на этих территориях.

По мере того как империализм подчиняет себе Китай, эксплоатируя китайское хозяйство, происходит вывоз во внекитайские территории рабочей силы; одновременно происходит отлив китайского торгово-ростовщического капитала на внекитайские хозяйственные территории.

Торговый баланс Китая становится все более и более пассивным по мере внедрения империализма и разорения крестьянского хозяйства, ремесла и всех старых форм производства. Развитие капиталистических элементов в китайском хозяйстве шло медленнее, чем процесс разорения старых форм. За счет мелкого китайского производства росла не только китайская, но главным образом английская, японская, американская промышленность. Поскольку в Китае имеется промышленность современно-капиталистического типа, ее командные высоты в значительной мере находятся в руках иностранных империалистов, и часть накопляющегося в ней капитала вывозится из страны. Ввоз иностранного капитала в Китай, его вложение в промышленность, развитие китайской национальной крупной машинной промышленности, развитие капиталистической мануфактуры, идущее довольно быстрым темпом, и капиталистическая работа на дому, как придаток мануфактуры — не могли однако уравновесить разорения сельского хозяйства, подрыва крестьянской домашней промышленности и цехового ремесла и прямого ограбления страны империализмом путем контрибуций, продажи опиума, обесценения сокровищ и денег страны (серебра) и извлечения сверхприбыли.

Видимый торговый баланс Китая постоянно пассивен, начиная с 1885 г. С 1871 г. до 1921 г. ввоз превысил вывоз в общей сложности на сумму в 2 940 млн. таэлей [1], а к 1926 г. пассивность внешнеторгового баланса выросла уже до 4 078 млн. таэлей. По данным Ремера, платежный баланс за период с 1871 по 1891 г. был пассивен на 2 312 млн. таэлей [2]. Чем покрыл Китай этот дефицит? Переводами китайских эмигрантов из-за границы. По подсчету Ремера денежные переводы китайских эмигрантов составили за этот же период 2 054 млн. таэлей, причем эту цифру следует считать скорее преуменьшенной.

[1] Remer, Foreign Trade of China, 209.

[2] Цифра эта не точна, но Ремер учел все моменты скорее в сторону уменьшения пассивности платежного баланса. Он не учел, например, переводов иностранцев на родину. Во всяком случае, подсчет Ремера дает ориентировочное представление.

Морские таможни считают, что китайские эмигранты посылают ежегодно 200 млн. долл. в Китай [1].

Точными данными о размерах китайской эмиграции мы не располагаем, но, сопоставляя результаты переписей тех стран, где имеется массовая китайская эмиграция, приходим к выводу, что в 1876 г. проживало за границей около 2,3 млн. китайцев, а в 1921 г. — 8,6 млн.; считая же Формозу — 12 млн. Большинство этих эмигрантов составляют кули. Между 1850 и 1875 гг. около 0,5 млн. кули было «вывезено» из Гонконга и Макао в качестве «контрактных» рабочих. Так называемая «контрактная» работа представляла рабство на срок и воспроизводила все ужасы торговли невольниками. Формально эта торговля невольниками отменена, но на самом деле продолжается в измененном виде. Фуцзянь и Гуандун снабжают рабочими кули весь дальневосточный рынок. С ними конкурирует только Индия, которая также «вывезла» уже 2 млн. индусов. Большинство кули едет только на сезонные работы, но многие остаются в эмиграции. Небольшой процент эмигрантов становится розничными купцами, ремесленниками и иногда ростовщиками. В большинстве случаев однако они работают как кули, и на Дальнем Востоке китайские кули считаются лучшими рабочими после японских. Производительность их труда ниже, чем европейских или американских рабочих, но превосходит производительность индийскийх и яванских рабочих.

Не будет преувеличением утверждать, что из Южного Китая отправляется ежегодно на сезонные работы более 580 тыс. чел., эмигрирует же на продолжительный срок свыше 100 тыс. чел. «Подобно тому, как в рамках национального хозяйства распределение рабочей силы между различными производственными отраслями регулируется высотой заработной платы, стремящейся к одному уровню, точно так же и в рамках мирового хозяйства происходит этот процесс выравнивания различных норм заработной платы путем эмиграции [2]. На Дальнем Востоке Китай занимает первое место в смысле перемещения рабочей силы. Запрещение эмиграции китайских кули в САСШ и Австралию усиливает эмиграцию в другие страны, с одной стороны, и бандитизм, с другой.

Из Китая вывозится однако не только китайская рабочая сила, но и капитал. Купцы и ростовщики эмигрируют со своими капиталами и становятся промышленниками.

На Малайских островах китайцы занимаются банковским делом, судоходством, добычей олова и разведением каучука. Они являются руководителями крупнейших предприятий. Они держат в своих руках торговлю и в Сингапуре и на Малайских островах. На Яве многие крупные плантации находятся в руках китайцев. Китайцы являются важным фактором в Голландской Индии. Они монополизировали здесь розничную торговлю и являются посредниками между голландскими импортерами и экспортерами, с одной стороны, и туземными производителями и потребителями, с другой. В Сиаме большинство каменщиков, машинистов, металлистов, извозчиков составляют китайцы. На Филиппинах китайцы держат в своих руках 90% розничной и значительную часть оптовой

---

[1] «The Maritime Customs, «Foreign Trade of China», 1926, 47.

[2] Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, 28.

торговли. Они являются посредниками, без которых торговля Востока и Запада была бы значительно меньше. В Японии, в Корее китайцы выступают успешно как купцы[1].

Удельный вес проживающих за границей китайцев в развитии зачатков китайской промышленности огромен. Ими основаны многие крупнейшие торговые и промышленные предприятия. Ими основаны крупнейшие универсальные магазины Шанхая. Они приносят с собой из-за границы дух предприимчивости и жажду капиталистического правопорядка. Накопленный ими за границей капитал часто инвестируется в промышленности, и в этом смысле они играют прогрессивную роль.

Нередко случается однако, что вернувшийся из-за границы китайский предприниматель не находит возможности вложить свой капитал в промышленность, и тогда он начинает заниматься ростовщичеством. Наводняя китайский рынок дешевыми товарами, империализм лишает молодую китайскую промышленность таможенной охраны. Генеральские войны закрывают торговые пути, суживают внутренний рынок. Получается неразрешимое на базисе данного политического и хозяйственного строя противоречие. Империализм усиливает денежный характер хозяйства, создает внутренний рынок, но преграждает или во всяком случае затрудняет доступ к важнейшей сфере приложения капитала. Капиталу однако свойственна жажда прибыли или процента. Не находя поля действия в сфере производства, он устремляется в сферу обращения как торговый капитал, но в сфере обращения, не в пример производству, может функционировать только ограниченное количество капитала, и поэтому капитал устремляется в землевладение и в ростовщичество. В этом отношении немаловажную роль играет и то обстоятельство, что по мере развития капитализма для учреждения новых промышленных предприятий требуются все более значительные капиталы, и китайский капиталист со своим относительно небольшим капиталом противостоит финансовому капиталу Англии, Японии и т. д. Этим объясняется, что даже в сфере производства китайский капитал устремляется в те отрасли промышленности, в которых капитал, необходимый для учреждения нового предприятия, относительно невелик, и органический состав капитала низок (например, как текстильная, шелковая промышленность и т. п.). Этим объясняется рост капиталистической мануфактуры и капиталистической работы на дому. В отраслях, производящих средства производства, где нужны крупные капиталы, китайский капитал представлен весьма слабо и утратил те позиции, какие когда-то имел. В этом смысле империализм в колониальных и полуколониальных странах прямо-таки толкает туземный капитал в область ростовщичества.

Итак дробление землепользования, мелкое крестьянское и мелкое ремесленное производство создали экономические предпосылки для пышного процветания ростовщического капитала и перехода крестьянских земель в руки ростовщиков, превращения крестьян-собственников в испольщиков. Империализм расширил и углубил ростовщичество. Но ростовщичество не может самостоятельно существовать, как не может самостоятельно существовать капитал, приносящий проценты. Как па-

[1] Remer, Foreign Trade of China, 218—219.

разит не может существовать без живого организма, к которому он присасывается и из которого высасывает жизненные соки, так и ростовщичество присасывается к производству и высасывает его жизненные соки. Но в Китае земледелие все еще является важнейшей отраслью производства. Туда и устремляется ростовщический капитал.

Но он устремляется не в собственное земледелие, чтобы превратиться в производственный капитал, а в землевладение. Он территориализируется.

Когда в 1927 г. в Хунани ростовщики и помещики бежали в города перед революционным крестьянским движением, парцеллярные и мелкие крестьяне не были в состоянии засеять землю, ибо без ростовщической ссуды у них не оказалось необходимого оборотного капитала, семян и т. п. Такое явление наблюдалось и в Цзянси. Хунанские крестьяне вынуждены были приступить к конфискации запасов у помещиков и ростовщиков, несмотря на прекрасные манифесты гоминдана и его приказчиков против «эксцессов».

Опыт Гуандуна, Хунани и Цзянси показал, что подавляющее большинство парцеллярных и мелких хозяйств находится во власти ростовщиков. И это объясняет процесс быстрого перехода крестьянских земель в руки ростовщиков.

Этим же объясняется и то, что одним из лозунгов крестьянской революции в Китае стала борьба против ростовщичества.

Гоминдан даже в период сотрудничества с коммунистами обещал лишь установление максимального размера ростовщической учетной ставки в размере 24% годовых. Нечего и говорить — «скромный» процент!

Но дело даже не в этом. Процент нельзя устанавливать никакими декретами, а тем более ростовщический процент. Но придя к власти, гоминдан не мог сдержать даже этого своего обещания, ибо ростовщик настолько сильно представлен в гоминдане, ибо китайская городская буржуазия и помещик настолько сильно связаны с ростовщическим капиталом, что борьба против ростовщичества обозначала бы для буржуазии и помещиков борьбу против самих себя.

На советских территориях революция разрешила этот вопрос. Она отменила и отменяет все кабальные договоры — устные и письменные. Она отменяет все и всяческие ростовщические долги. И учтя опыт Хунани и Цзянси в 1927 г., где после бегства ростовщиков крестьяне оказались без семян, она конфискует семена, запасы и имущество ростовщиков. Это конечно вторжение в «священную» область частной собственности, но это не изменяет характер и экономическое содержание революции, как буржуазно-демократической. Гораздо труднее, гораздо сложнее будет для советской власти в Китае в условиях свободной торговли, в условиях рыночных отношений, в условиях мелкого крестьянского хозяйства бороться против возрождения ростовщичества.

Борьба китайских советов против ростовщичества имеет огромное значение для всех колониальных и отсталых стран, ибо в этих странах крестьянин также должен подниматься на борьбу не только против империализма и помещика, но и против ростовщика.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА XIX.

НАТУРАЛЬНОЕ ИЛИ ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Застал ли империализм натуральное хозяйство в Китае?

Для того чтобы правильно определить роль и значение торгового капитала в экономике китайской деревни, необходимо прежде всего дать, по мере возможности, ответ на вопрос о том, является ли китайское крестьянское хозяйство преимущественно натуральным хозяйством; а если нет, то необходимо определить, в какой мере оно уже находится в зависимости от рынка. Для правильного ответа на этот вопрос мы должны были бы выяснить роль и значение крестьянской домашней промышленности старого типа в общей системе деревенской экономики, выяснить в первую очередь, существуют ли в китайской деревне прядение и ткачество, как основные виды крестьянской домашней промышленности, без которых натуральное крестьянское хозяйство существовать не может. Немаловажное значение имеет с этой точки зрения место, занимаемое в жизни деревни старинными деревенскими промыслами — гончарным, строительным и т. п. Далее, чрезвычайно важно подойти к вопросу о товарности крестьянского хозяйства исторически правильно. Если предположить, что превращение натурального хозяйства в товарное началось только под напором империализма, что только империализм вызвал процесс отделения сельского хозяйства от промышленности, получится одна картина; если же исходить из предположения, что рыночные отношения были более или менее широко развиты и до вторжения империализма — получается другая картина. В своем «Накоплении капитала» Роза Люксембург придерживается первой точки зрения, излагая подвиги империализма в Китае в главе «Введение товарного хозяйства». Но несомненно, что в Китае внутренняя торговля была значительно развита и до проникновения империализма. Империализм ускорил, обострил власть денег и зависимость от рынка, придал процессу товаризации чрезвычайно быстрый темп, подорвал относительно быстро старомодную крестьянскую прядильную промышленность и цеховое ремесло и в то же время превратил старомодное ткачество отчасти в крупную машинную промышленность, отчасти в капиталистическую домашнюю промышленность и капиталистическую мануфактуру.

Хотя в ходе китайской истории наступали более или менее длительные периоды, когда крестьянское хозяйство снова превращалось в значительной мере в натуральное хозяйство, тем не менее в общем и целом зависимость крестьянского хозяйства от рынка была относительно велика уже в раннюю эпоху. Строились большие дороги и каналы. Сильно развито было морское и речное судоходство. Обложение внутренней торговли всякими поборами давало миллионные доходы уже в IV и VI вв. до нашей эры. Торговля солью, железными изделиями и рыбой была предметом обложения уже в III в. до нашей эры. Бюрократия ки-

тайской деспотии, за спиной которой стоял крупный торгово-ростовщический капитал, неоднократно пыталась добиться господствующего положения не только на хлебном рынке, но и в торговле шелком, тканями и т. д. При Ханьской династии введена была водочная монополия. В 780 г. вводится уже обложение чая в размере 10%, и в 821 г. этот налог увеличивается до 15%. Арабские историки отмечают, что во время смут, имевших место после падения Танской династии, восставшие крестьяне вырезали в Китае не то 120, не то 200 тыс. арабских купцов.

Утверждать, подобно английским и китайским историкам, что внутренние таможенные пошлины были введены лишь во время тайпинского восстания, совершенно неверно. Во времена Юаньской династии существовали внутренние пошлины вроде лицзиня, и стоит внимательно прочесть хотя бы книгу Марко Поло, чтобы убедиться в том, что, например в Сычуани, на большом мосту у Ченду и в Ханчжоу существовали таможенные заставы для обложения внутренней торговли. Китайские классики всячески осуждали в своих трудах внутренние таможенные заставы и вообще все, что мешало торговле. Но бюрократия предпочитала облагать торговлю не у отдельных купцов, а на заставах по главным торговым путям, где проходила основная масса товаров. Лицзинь — лишь новое название для старой системы внутренних пошлин. По существу разница состояла лишь в том, что раньше торговля внутри отдельных провинций не была стеснена таможенными заставами, после же введения лицзиня (в 1853 г.) заставы появились внутри провинций. В 1925 г. по весьма приблизительным данным существовало 6 070 внутренних таможенных застав [1]. Чай проходит от Ханькоу до Калгана через 53 лицзинных станции, а лес в Фуцзяни с одного конца провинции до другого — через 33 станции. Сбор лицзиня сдается откупщикам. Словом, система внутренних пошлин существовала издавна. Милитаризм развил ее и расширил сеть внутренних таможенных застав.

Империализм не заинтересован в системе внутренних таможен и ведет против нее борьбу. Китайская крупная промышленная и торговая буржуазия, поскольку она не заинтересована как откупщик, также требует отмены этой системы. Нанкинский гоминдан в связи с повышением таможенных пошлин обещал отменить внутренние пошлины. Он отменил лицзинь и ввел вместо них «пошлины на потребление», что и является лицзинем, но под другим названием. Нанкин несколько раз заявил уже, что лицзинь будет отменен, но из этих обещаний ничего не вышло. Гоминдан не мог покончить пока даже с этим препятствием к образованию единого национального рынка, не мог уничтожить даже этот памятник китайского средневековья. Отмена внутренних пошлин, объявленная на 1 января 1931 г., сопровождалась также введением трех новых налогов на торговый оборот.

Мы не хотим обременять внимание читателя бесконечными цитатами из китайских классиков и летописей о богатстве купцов в древние времена и многочисленными свидетельствами европейских путешественников о довольно широком развитии рыночных отношений в Китае. Но нам незачем искать доказательств власти рынка в отдаленном прошлом. Ведь Китай был издавна монополистом на шелковом рынке, и китайский

[1] D. K. Lieu, China's Industries and Finances, 129.

шелк ценился на вес золота в средние века и тогда, когда с ним уже конкурировал шелк Персии, Италии и Франции. А в области чайной торговли Китай сохранил свое почти монопольное положение на мировом рынке, поскольку мировой рынок уже существовал в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в., вплоть до второй половины XIX в. Китайские купцы были долгое время монополистами в снабжении табаком Центральной Азии [1].

Чай, шелк, табак являются произведениями крестьянского хозяйства, и раз китайский торговый капитал успел завоевать столь выдающееся положение на мировом рынке в области торговли этими товарами, то очевидно внутренняя торговля была также сильно развита. В 1840 г., когда уже чувствовалось влияние иностранного капитала и началась борьба за открытие Китая, русский монах Иакинф заявлял: «Известно, что внешняя китайская торговля ничтожна против внутренней». По его данным, число маклеров в оптовой торговле составляло 177 872, и он же утверждает совершенно правильно, что «капиталистов между купечеством много, даже есть и очень большие, называемые у нас миллионерами» [2].

Нам кажется бесспорным, что вторжение иностранного капитала застало в Китае уже не чисто натуральное хозяйство, а относительно развитые рыночные отношения в области сельского хозяйства. Из прекрасного труда по истории внешней торговли древнего Китая [3] мы узнаем, что уже в V в. нашей эры в Кантоне существовал арабский сэттльмент с магометанской мечетью, что в 447 г. Китай отправил карательную экспедицию для обуздания пиратов в Индо-Китае, что в 607 г. Китай заключил торговый договор с Сиамом, что в IX в. Амой вел обширную торговлю с Японией, что в X в. внешняя торговля была в Кантоне государственной монополией, что взимались ввозные и вывозные пошлины, что один из инспекторов внешней торговли оставил на редкость ценное описание Суматры, Явы, Цейлона, Багдада, Персии и т. д., составленное на основании рассказов китайских купцов, бывавших в этих странах. Правда, ввоз в Кантон в 1792 г. составил 5 069 653 таэлей, а вывоз — 7 490 524 таэлей. Но если принять во внимание, что вся внешняя торговля России в начале XVIII в. составляла 1 млн. руб., и эта цифра покажется весьма внушительной. А это значит, что крестьянин уже продавал известную часть своей продукции на рынок.

Хлебные излишки выдавливались из деревни путем налогов, дани, арендной платы и ростовщичества, а торговые культуры — путем торговли и ростовщичества. Натурального хозяйства в Китае уже давным-давно нет, и если т. Ходоров хочет доказать, что торгово-ростовщический капитал «пробивает» себе путь в китайскую деревню, то он ломится в открытую дверь. Империализм не создал товаропроводящего аппарата в Китае, а только возглавил и расширил старый торговый аппарат, усилив власть торгового капитала над сельским хозяйством до крайних пределов. Мы увидим еще, что влияние империализма в Китае выразилось, между прочим, в разрушении или в упадке ряда торговых культур

---

[1] Lathold Laufer, The Tobacco in Asia, Chicago, 1924, 17.

[2] Иакинф, Китай в гражданском и нравственном состоянии, ч. 1, стр. 35, 44 — 45.

[3] Чуа Юм Гуа, A Description of Barbarous Peoples, Introduction by Hirth and Rockhill.

(чай, индиго, сахарный тростник). Зато он вызвал к жизни совершенно новые торговые культуры, как бобы, земляные орехи, развивал хлопководство во время войны, дал огромный толчок развитию табаководства и «подарил» Китаю опиум. Но нельзя впадать в преувеличение.

Внешнеторговый оборот Китая до сих пор незначителен по сравнению с другими странами. Правда, с 1891 по 1910 г. ввоз и вывоз возросли, учитывая обесценение серебра и повышение цен, более чем на 100%, но даже в 1926 г. вся внешняя торговля Китая составила 1 988 млн. таэлей, или 1 520 млн. ам. долл. [1].

Торгово-ростовщический капитал пробивал себе путь в сельское хозяйство Китая уже давно. Эту операцию торгово-ростовщический капитал совершил уже несколько столетий тому назад, и незачем было пробиваться ему в китайское сельское хозяйство. При всех и всяких докапиталистических способах производства деньги и товар играли в хозяйстве известную роль. Но «при древне-азиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно в бытие людей, как товаропроизводителей, играет подчиненную роль, которая однако становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни» [2]. При всей важности, при всем значении рыночных отношений в старом Китае, китайский крестьянин не был товаропроизводителем. Он производил в основном для удовлетворения своих непосредственных потребностей и для удовлетворения своего помещика уплатой податей. Он сбывал на рынок только излишки своей продукции. Он стал товаропроизводителем в собственном смысле этого слова лишь после вторжения иностранного капитала в страну и после того, как ускорилось в Китае развитие капитализма. Только после этого стал товаром важнейший из всех товаров: рабочая сила. Если даже исходить из численности населения Китая в 300 млн. чел., то и тогда на 1 чел. приходится лишь 5 ам. долл. Между тем в Корее соответствующая цифра равна 15 ам. долл., на Формозе — 45 ам. долл.

Внешняя торговля Китая в 1911, 1912 и 1913 гг. составляла 1,7% всей мировой внешней торговли, а в 1921 г. — 1,9%. Но внешнеторговый оборот на 1 чел. был в Китае в 2 раза меньше, чем в Индии, и в 10 раз меньше, чем в Японии. Ценность всего оборота внешней торговли на 1 жителя равнялась в отсталой России в 1856—1860 гг. 4,55 руб., а в 1876—1880 гг. — 11,29 руб. в среднем.

Эти данные указывают на то, что в настоящее время Китай представляет собой в системе мирового хозяйства довольно жалкий рынок. Он является однако крупнейшим потенциальным рынком. Но для того, чтобы возможность превращалась в действительность, необходимо было бы очистить китайскую землю от теперешнего аграрного строя.

Нам кажется, что при разборе вопроса о влиянии империализма на китайское сельское хозяйство и о товарном характере китайского крестьянского хозяйства нельзя упускать из виду эти цифры. В противном случае легко получится переоценка роли и удельного веса Китая в мировом хозяйстве, с одной стороны, и переоценка и непонимание товарного характера китайского крестьянского хозяйства — с другой.

---

[1] 1 таэль равнялся в 1891 г. 1,27 ам. долл., в 1910 г.— 0,66 ам. долл., в 1926 г.— 0,76 ам. долл.

[2] Маркс, Капитал, т. I., 47.

ГЛАВА XX.

ВЛИЯНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ. ВОВЛЕЧЕНИЕ ДЕРЕВНИ В МИРОВОЙ ТОВАРООБОРОТ.

В области рыночных отношений мы, как известно, отличаем внутридеревенский и внедеревенский рынок. Внедеревенский товарооборот с.-х. продуктов совершается в трех направлениях: в город (потребление городского населения и армии), в промышленность в качестве сырья и на внешний рынок. Мы не располагаем мало-мальски точными данными о размерах продукции сельского хозяйства Китая. Тем более невозможно установить, какова доля продукции, идущая на личное потребление производителей, на внутридеревенский и на внедеревенский рынок. Точные данные имеются лишь о той части продукции, которая поступает на внешний рынок.

Это дает нам возможность заняться разбором вопроса о влиянии империализма на китайское крестьянское хозяйство, о вовлечении сельского хозяйства в мировой товарооборот.

Для сравнения возьмем период с 1891 до 1926 г. В 1891 г. империализм проник в Китай уже достаточно глубоко. За исключением Манчжурии важнейшие договорные порты уже были открыты для международного товарообмена. Но расширение хозяйственной территории империализма, втягивание все новых и новых частей Китая в международный товарообмен продолжалось с большой силой и после 1891 г., и было бы ошибкой не учесть этого. Манчжурия была включена в хозяйственную территорию империализма по-настоящему лишь в первом десятилетии XX в., после русско-японской войны, между тем она дает в настоящее время свыше 25% всего с.-х. вывоза Китая. Речные пароходы только после 1898 г. начали регулярные рейсы в верхнем течении Янцзы. Железнодорожное строительство приняло широкие размеры лишь в начале XX в., значение же железных дорог в развитии внешней торговли Китая было огромным. Все это надо иметь в виду для правильной оценки роста с.-х. продукции, поступающей на внешний рынок.

Чрезвычайно глубокие изменения произведены империализмом в области четырех важнейших торговых и технических культур, а именно шелка, чая, хлопка и опиума. Ввиду исключительной важности этих четырех культур, проблемы, касающиеся их, должны быть рассмотрены отдельно, и мы ограничиваемся пока обзором других торговых и технических культур.

Вывоз важнейших с.-х. продуктов в 1892, 1897, 1902, 1907, 1912, 1917 и 1921 гг. по данным отчетов морских таможен составлял в тысячах пикулей (см. табл. на 257 стр.)

Приведенная таблица заслуживает самого внимательного изучения. Она указывает на чрезвычайно важную особенность китайского земледелия, на тот факт, что в сельском хозяйстве Китая, как Дальнего Востока вообще, маслозерновые культуры играют несравненно более видную роль, чем в сельском хозяйстве какой бы то ни было другой части мира. Широкое распространение маслозерновых культур объясняется отчасти отсутствием скотоводства. Мясо, масло и молоко заменяются главным образом продуктами маслозерновых культур. До проникновения империа-

	1892 г.	1897 г.	1902 г.	1907 г.	1912 г.	1917 г.	1921 г.
Анисовое семя.	12,9	5,9	10,3	10,4	15,2	22,2	9,41
Щетина . . .	—	24,3	37,6	42,1	47,1	64,1	44,1
Слабительная кассия . . .	90,9	56,8	71,3	64,7	69,8	52,6	53,6
Перо	43,8	75,6	71,9	87,1	91,4	53,1	53,6
Земляные орехи	—	—	132,6	85,7	857,6	102,6	409,7
Пенька, лен, китайский джут	61,5	99,4	224,4	300,8	306,3	522,8	363,5
Шкуры	62,9	216,5	295,2	280,2	329,3	522,8	363,5
Чернильные орешки . . .	38,4	33,6	43,4	58,4	50,2	41,5	34,3
Растит. масла .	44,0	294,9	467,3	454,6	1412,6	2756,1	2 029,4
Анисов. и слаб. масла	3,1	3,5	2,6	11,8	4,8	10,0	14,2
Ревень	6,5	7,1	9,2	9,7	11,8	9,02	6,1
Кунжут (сезам)	—	44,8	882,3	734,7	199,7	229,2	1 480,5
Растит. воск из сальн. дерева	—	51,4	117,3	174,3	214,3	157,3	66,1
Меха (в млн. таэлей) . . .	1,31	3,08	5,26	8,10	6,67	12,1	8,2
Табак	92,1	141,87	169,2	157,7	194,7	223,6	263,7
Шерсть . . .	173,4	207,7	192,9	266,8	264,7	339,3	462,9
Верблюжина .	—	24,6	33,0	22,2	27,8	33,7	28,8
Бобовые жмыхи	—	—	3 892	4 182	10 934	10 008	11 463
Бобы	—	—	2 205	1 337	8 163	15 513	22 282

лизма растительное масло служило также для освещения, ибо керосин начал свое победоносное вторжение в китайскую деревню только во второй половине XIX века.

Международный сельскохозяйственный институт в Риме считает, что «Китай является одной из богатейших стран в смысле разведения маслозерновых культур не только с точки зрения множества видов маслосемян, но и с точки зрения величины посевной площади, отведенной под маслозерновые культуры» [1]. С этим выводом можно согласиться. Наиболее замечательным явлением в развитии внешней торговли Китая за последние десятилетия был рост вывоза бобов, бобового масла и бобовых жмыхов. Вплоть до 1907 г. бобы и продукты из них играли совершенно ничтожную роль во внешней торговле Китая. В 1921 г. они заняли первое место. В 1926 г. из Китая было вывезено 22,6 млн. пикулей бобов, 26,1 млн. пикулей бобовых жмыхов и 2,67 млн. пикулей бобового масла, общей стоимостью в 175 млн. таэлей. Бобы и продукты из них составили 20,34% всего вывоза. В течение 25 лет, с 1901 по 1926 г., вывоз бобов возрос в 10 раз.

На кустарных китайских маслобойнях добывается 60—65% содержащегося в бобах масла. Крупные заводы добывают 70%. Из оставшейся после выделения масла массы изготовляется превосходное удобрение —

[1] Международный сельскохозяйственный институт, «Oleaginous Products and Vegetable o ls», Рим, 1923, 222.

бобовые жмыхи. В среднем из 100 пикулей бобов получается 10 пикулей бобового масла и 90 пикулей бобовых жмыхов [1]. Если поэтому в 1926 г. было вывезено из Китая 2,67 млн. пикулей бобового масла, то это значит, что бобов произведено было для вывоза в 10 раз больше.

Вся эта огромная товарная масса выбрасывается на мировой рынок Манчжурией. Роль долины Янцзы в экспорте бобов относительно ничтожна и составляет едва ли $^1/_{20}$ вывоза Манчжурии. Южный Китай не только не вывозит, а наоборот, ввозит бобы из Манчжурии. Манчжурия пользуется почти монопольным положением на мировом рынке, поставляя около 70% поступающих на него бобов и продуктов из них. Манчжурские бобы «сойя» не только являются одним из важнейших средств питания в Китае и Японии, но проложили себе путь и в Америку и Европу. Японский крестьянин удобряет свое поле бобовыми жмыхами. Химическая и пищевая промышленность Германии, Бельгии, Голландии, САСШ потребляет манчжурское сырье. Ближний и Дальний Восток также прибегают к ввозу бобового масла из Манчжурии. Для Манчжурии разведение бобов имеет исключительное значение. Бобы — это богатство Манчжурии. Вплоть до 1926 г. японские фирмы занимали почти монопольное положение в деле вывоза бобов и продуктов из них из Манчжурии. В 1926 г. Чжан Цзо-лин повел борьбу против японской монополии, и Банк трех восточных провинций закупил большое количество бобов для вывоза. Нам кажется, что совершенно правы советские работники КВЖД, высказывающиеся за широкое распространение этой замечательной культуры в СССР вообще и на Советском Дальнем Востоке, в частности.

Рост вывоза бобов и бобовых продуктов оказал немаловажное влияние и на развитие промышленности в Китае. В годы мировой войны, вследствие сильнейшего повышения фрахтов, вместо бобов стали вывозить бобовое масло. В связи с этим необходимо было расширить крупное машинное производство масла. Из существующих в настоящее время в Харбине 33 крупных маслобоен 31 была создана после 1914 г. Из 84 заводов Дайрена 40 учреждено было в годы войны. Добрая половина производства масла сконцентрирована в Дайрене. По всей Манчжурии работало в 1926 г. около 450 более или менее крупных маслобойных заводов [2], в Тяньцзине — 7, в Ухане — 11, в Шанхае — 18, в Циндао — 9.

Культура бобов развивается главным образом в Манчжурии. Это не значит конечно, что в Центральном и Южном Китае бобы не имеют большого значения в сельском хозяйстве. Но на севере удельный вес их несомненно больше, чем на юге. По мере развития колонизации Манчжурии, по мере заселения Северной Манчжурии выходцами из Северного Китая и Кореи, расширяется и посевная площадь под бобами. Соевые бобы — важнейшая торговая культура Манчжурии и в смысле вывоза и всего Китая. В Центральном и Южном Китае бобы, как торговая культура, играют несравненно меньшую роль.

Из маслозерновых культур второе место в области внешней торговли занимал долгое время кунжут (сезам). Кунжутное масло считается в

---

[1] «Chinese Economic Journal», 1927, г. I, № 2, 175.
[2] «The Chinese Economic Bulletin», № 250, 77.

Китае лучшим растительным маслом и потребляется состоятельными слоями населения. Кунжут созревает очень быстро — в течение 4—5 месяцев. На юге Китая он дает два урожая в течение 7—8 месяцев. Содержание масла в кунжуте очень высокое: из зерна добывается на маслобойнях 50% масла.

Долгое время почти монопольным поставщиком кунжута на мировой рынок была Индия, или, точнее, английские экспортеры в Индии. Вывоз из Китая начался в более или менее крупном масштабе в 1894 г. и составил тогда 115 тыс. пикулей. В 1908 г. открыта была Лунхайская железная дорога, и вывоз кунжута повысился с 734 тыс. пикулей в 1907 г. до 1 792 тыс. пикулей в 1908 г. В 1919 г. вывезено было уже 2 837 тыс. пикулей. После этого наблюдается сильный упадок. В 1924 г. вывоз равнялся 934 тыс. пикулей, в 1925 г. — 528 тыс., в 1926 г. — 901 тыс. Индия снова заняла по кунжуту господствующее положение на мировом рынке. Генеральские войны в Хэнани, рост лицзиня и транспортные затруднения привели к тому, что китайский кунжут не может конкурировать с индийским. Львиная доля вывоза кунжута приходится на долину Янцзы и Ханькоу.

Мы не хотели бы утомлять внимание читателя разбором вопроса о росте вывоза маслозерновых семян и их продуктов. Достаточно будет привести следующую таблицу о вывозе важнейших маслозерновых семян за последние три года в тысячах пикулей:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Бобы	22 360	29 104	39 873
Земляные орехи	2 291	2 877	2 293
Бобовые масла	2 667	2 469	942
Масла из земляных орехов	822	591	332
Слабительная кассия	123	85	219
Кунжут	901	565	956
Различные жмыхи	28 186	28 073	23 503

В то же время растет вывоз растительного масла из чайных, хлопковых, льяных и репных семян.

Семя	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1928 г.	1929 г.
Репное	493	784	1 754	489	437
Хлопковое	380	589	1 091	916	1224

Среди маслозерновых растений следует отдельно упомянуть о земляных орехах, ибо на них лучше всего обнаруживалась власть рынка над китайским крестьянским хозяйством. Китай знал земляные орехи уже в XV в. (по-английски этот вид земляных орехов называется «groundnut»). Вывоз земляных орехов старого сорта составил в 1902 г. 133 тыс. пикулей. В 1902 г. американский миссионер Томпсон привез в Шанхай орехи нового сорта, так называемые «peanuts», и в 1911 г. из Китая было вывезено уже 1 073 тыс. пикулей земляных орехов, а в 1925 г.— 2 949 тыс. Вывоз растительного масла из земляных орехов увеличился с 304 тыс. пикулей в 1912 г. до 823 тыс. в 1925 г.

Культура земляных орехов распространяется с исключительной быстротой несмотря на налоги, лицзинные станции, высокие транспортные расходы и пр. Быстрый рост этой культуры объясняется усиленным спросом со стороны мирового рынка, в связи с высоким содержанием в

земляных орехах масла и протеина (только 6,3% воды), а также неприхотливостью этой культуры: на полуистощенных песчаных землях земляные орехи все еще дают хороший урожай, и на земле, находившейся раньше под хлебами, сеют все больше и больше земляных орехов, ибо разведение их приносит хорошую прибыль[1]. В Шаньдуне земляные орехи занимают уже первое место после зерновых хлебов[2]. Из Шаньдуна эта культура распространилась в Хубэе, Хэнани, и Манчжурии. В долине Янцзы она играет видную роль в Хубэе, Аньхуе и Цзянсу, снабжая не только внешний рынок, но и маслобойные заводы в Ханькоу и Шанхае. Спрос мирового рынка перевел на новый технический базис старинную китайскую маслобойню, создал заводы с машинным производством растительного масла и в нескольких уездах революционизировал традиционный севооборот. Короткая история земляных орехов в течение 25 лет лучше всего показывает, что китайский крестьянин направляет свои взоры не только на плуг, но и на рынок. А если сам он этого не хочет, то купец и ростовщик заставляют его интересоваться потребностями мирового рынка.

Распространение маслозерновых культур и переход маслобойного дела от старинного домашнего и мануфактурного способа производства к большим мануфактурам и крупным заводам имели еще два немаловажных последствия с точки зрения расширения и углубления рыночных отношений.

В прежние времена в городах запрещали учреждение маслобоен, ибо, согласно старинным предрассудкам, маслобойня раздражает злых духов. В этом состояла одна из причин, почему маслобойни оставались преимущественно деревенским промыслом. Бобовые жмыхи и другие избоины, остатки выжатых бобовых семян, были в тот период предметом внутридеревенской торговли, составляя ценное удобрение. Сейчас маслобойное дело переходит в город. Торговля бобовыми жмыхами и другими избоинами превращается из внутридеревенской в торговлю между городом и деревней. Вывоз избоины лишает китайскую землю части удобрения.

Раньше кулаки имели маслобойни в деревнях и продавали избоины середнякам и беднякам. Теперь маслобойни переходят постепенно в город, и городской купец продает избоины и бобовые жмыхи кулаку. В Гуандуне легко заметить, насколько лучше бедняка удобряет землю кулак, потребляя для удобрения дорогие бобовые жмыхи и избоины. Торговый капитал забирает в свои руки торговлю удобрением.

Вывоз маслозерновых культур и растительного масла не только лишает китайское сельское хозяйство удобрения, не только переводит китайское крестьянство на худшее питание, но в то же время лишает деревню и даже города основного материала для освещения. Империализм заменил растительное масло керосином. Нет ни одного товара иностранного происхождения, который так глубоко проник бы в китайскую деревню, как керосин. «Standard Oil» создал изумительную товаропроводящую сеть почти по всему Китаю. Товар проходит максимально быстро от треста-гиганта до мелкого крестьянина-потребителя. На ки-

---

[1] «The Chinese Economic Montly», 1927 г., v. XI, № 342, 136.
[2] Ibidem, 1925 г., № 225, 341.

тайских реках целая флотилия пароходов и моторных лодок перевозит керосин «Standard Oil».

А с «Socony» ведет борьбу за китайский рынок «Эшиэтик Петролеум» во главе с Детердингом.

Во многих китайских деревнях не знают еще о Сун Ят-сене, но знают о «Socony» (сокращенное название «Standard Oil C⁰»). Несмотря на победоносное шествие электричества в городах потребление керосина беспрерывно растет, ибо он все глубже и глубже проникает в деревню. С 40,5 млн. галлонов в 1892 г. ввоз керосина в Китай повысился в 1925 г. до 258,5 млн., а в 1926 г. — до 233,9 млн. В 1926 г. на долю керосина приходилось 5,03% всего китайского ввоза. Ясно конечно, что керосин при всей своей дешевизне не мог вполне вытеснить растительного масла из лампы китайского крестьянина. Издержки транспорта и длинный период обращения поставили известные пределы даже распространению керосина. Но в доступных для иностранного товара областях керосин играл важную роль в деле усиления денежного характера крестьянского хозяйства. Ввоз в 1927 г. составлял 163 млн. и в 1928 г. 262 млн. галлонов.

После 1922 г. за китайский рынок между Рокфеллером и Детердингом шла борьба. А конкурентная борьба двух мировых гигантов снижала цены керосина. Но под давлением мирового кризиса «Standard Oil» и Детердинг пришли к соглашению в 1930 г. относительно китайского рынка, и в результате этого соглашения цена на керосин повысилась почти на 100%. Какое влияние окажет расторжение этого соглашения к концу 1930 г. на цены в Китае — пока неизвестно.

Наряду с керосином, империализм и развитие китайской крупной индустрии содействовали распространению культуры табака, через создание потребности в папиросах. Значение табака в китайском сельском хозяйстве растет все более и более. Табаководство распространилось быстро по всему Китаю со времени открытия Америки. Трубка проникла в народные массы, и китайский торговый капитал умело использовал эту потребность. Империализм, разумеется, всячески старался использовать и развивать ее. Китай не знал папирос и сигар. 20 с лишним лет тому назад агенты Британско-американской табачной компании еще платили китайцам, которые, как «живая реклама», ходили по улицам и курили папиросы. В 1926 г. Британско-американская компания получила 60 млн. долл. чистой прибыли. Табачные фабрики братьев Наньян выросли в течение 20 лет из мелкого предприятия с основным капиталом в 100 тыс. долл. в крупнейшее китайское промышленное предприятие с основным капиталом в 15 млн. долл. В Китае имеется уже около 50 более или менее крупных табачных фабрик и множество мелких мануфактур. Сельское хозяйство уже не в состоянии снабжать табачную промышленность сырьем. Нищая страна, Китай израсходовал в 1926 г. 75 млн. долл. на ввоз иностранного табака и папирос. В 1926 г. ввезено было 10 млрд. папирос. Лин-Наньский университет утверждает, что в Гаундуне отведено под табак 3 500 тыс. му земли[1]. В Шаньдуне и в Хубэе разводится по 300 тыс. пикулей табака, в Хунани и Цзянси вряд ли меньше. В Манчжурии сбор табака составляет 500 тыс. пи-

[1] Volin and Iolk — Peasant Movement in Kwanting, 31.

кулей[1]. Табачные фабриканты утверждают, что весь сбор табака в Китае дает около 30 млн. долл.[2]. Несоответствие между внутренним производством и потреблением бросается в глаза.

Во время мирового экономического кризиса в 1929—1930 гг. обанкротилось большинство китайских табачных фабрик, в том числе и предприятие братьев Наньян. Основным потребителем табака в качестве промышленного сырья осталась «Британско-американская табачная компания». Этот мировой гигант-трест, объединившись к тому еще в 1930 г. с «Imperial Tobacco C⁰», контролирует и диктует цену табака на внутреннем рынке. Если «Standard Oil» и Детердинг дали китайскому крестьянину наглядное представление о монополистическом характере капитализма в период империализма как и потребителю керосина, то «Британско-американская табачная компания» познакомила его наглядно с тем же, как с производителем табака.

Ввоз папирос в 1927 г. составлял 4,7 млрд., а в 1928 г. — 9,5 млрд. штук. Ввоз табака составлял в 1926 г. 755 тыс., в 1927 г. — 633 тыс., а в 1928 г. — 1 069 тыс. пикулей. Вывоз табака из Китая составлял в 1929 г. 265 тыс., в 1927 г. — 269 тыс. и в 1928 г. — 189 тыс. пикулей. Ввоз превышает вывоз.

Видную роль в области внешней торговли играет также птицеводство. Китайские яйца, альбумин, продукты из яиц и даже пух и перо пользуются известностью на мировом рынке. Мировая война дала мощный толчок вывозу продуктов птицеводства, и по вывозу яиц Китай занимал одно время первое место на мировом рынке. Уменьшение вывоза яиц за последние годы сопровождалось увеличением экспорта яичных желтков и белков. На наших глазах развивается промышленность по обработке яиц. Число более или менее крупных мануфактур достигает 50. В области вывоза белков и желтков Китай занимает первое место на мировом рынке. Китай вывез продуктов птицеводства в 1923 г. на 29,2 млн., в 1924 г. — на 31 млн., в 1925 г. — на 33,4 млн., в 1926 г. — на 40,3 млн. таэлей.

Однако китайская деревня теперь уже не только вывозит, но и ввозит продукты сельского хозяйства. Гигантский рост ввоза риса, пшеницы и пшеничной муки, широко развитая внутренняя торговля основными предметами питания указывают на то, что между отдельными районами товарообмен идет и по этой линии.

Развитие торгового земледелия в различных частях страны сопровождается специализацией отдельных районов по разведению различных культур. На карте Китая можно выделить районы хлопководства, шелководства, чаекультуры, районы разведения соевых бобов, табака, земляных орехов, кунжута и т. д. Районирование сельскохозяйственного производства — разделение земледельческого труда между различными частями страны — шагает быстро вперед. Тем самым основные пищевые продукты в ряде районов все более превращаются в торговые культуры. Тем самым зависимость крестьянского хозяйства от рынка вообще и от мирового рынка в частности становится все более и более сильной.

---

[1] «Manchuria Daily News» от 14 октября 1927 г.
[2] «Far Eastern Capital and Trade», v. VII, 20, 309.

ГЛАВА XXI.

ВНЕДЕРЕВЕНСКИЙ ВНУТРЕННИЙ РЫНОК И ЕГО РОСТ.

Определить размеры и рост внутренней торговли чрезвычайно трудно, ввиду отсутствия более или менее надежных статистических материалов. Приходится прибегать к косвенным данным, в первую очередь к данным о размерах и росте речного и каботажного судоходства, поскольку оно проходит через морские таможни. Но так как часть транспортируемых водным путем товаров регистрируется не в морских таможнях, а в лицзинных станциях, то приведенные ниже цифры охватывают лишь часть товарооборота на китайских реках и в приморской полосе. Начнем с океанского пароходства.

Число иностранных судов, прибывших и отбывших из китайских портов, увеличилось в течение 30 лет, с 1892 г. по 1921 г., с 37 927 до 214 566, т. е. почти в 6 раз; тоннаж их возрос соответственно с 29 440 575 до 114 619 544 *т*, т. е. почти в 4 раза. При этом следует иметь в виду что данные морских таможен охватывают не только рейсы иностранных судов между китайскими и заокеанскими портами, но также и рейсы иностранных судов между китайскими портами. Большая часть речного и каботажного плавания совершается на иностранных судах. В 1921 г. в китайские порты прибыли иностранные суда с тоннажем в 57,3 млн. *т*, в том числе из иностранных портов — 15,9 млн. *т*, из китайских — 41,4 млн. *т*. Таким образом, тоннаж судоходства между китайскими портами в 2—3 раза превышает тоннаж судоходства между китайскими и иностранными портами. Соотношение это было бы значительно больше, если бы не тот факт, что в отчетах морских таможен Гонконг считается иностранным портом.

Приведенные данные относятся к тоннажу иностранных судов. Империализм монополизировал заокеанское судоходство, равно как львиную долю речного и каботажного судоходства. Но сказочные прибыли привлекли в сферу транспорта также китайский национальный капитал. В 1892 г. по 1921 г. число китайских пароходов современного типа увеличилось более чем в 11 раз, а тоннаж их — в 6 раз. Участие китайского тоннажа в речном и каботажном судоходстве повысилось за тот же период с 6,3 млн. *т* до 27,1 млн. *т*, т. е. более чем в 4 раза.

Рост каботажного и речного пароходства объясняет то, что первые выступления китайского пролетариата на сцену классовой борьбы были связаны с моряками. В отсталых странах финансовый капитал стремится не в основные отрасли индустрии, производящие средства производства, а в первую голову в железнодорожное строительство, в водный транспорт, в добывающую промышленность, и лишь впоследствии он развивает производство средств потребления[1]. Развитие рабочего движения в Китае вполне подтверждает схему Гильфердинга. В Китае начал борьбу железнодорожный пролетариат, продолжали ее горняки, довели на более высокую ступень моряки, придали классовой борьбе огромный размах текстильщики. В то же время создание больших морских и речных портов превратило часть кули, грузчиков из предпролетариата в современный пролетариат.

---

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, 391.

Наряду с китайскими судами современного типа в прибрежном и речном судоходстве все еще участвуют старомодные китайские джонки, сампаны и просто лодки. Конкурировать с современными гигантами-пароходами они конечно не могут. Они господствуют там, где пароходство невозможно, т. е. на мелких реках, доставляя товары из деревень и мелких городов в крупные торговые центры. В 1904 г. морские таможни зарегистрировали прибытие и отправку 121 383 джонок с тоннажем в 4 988 819 *т*, а в 1921 г. — 84 703 джонок с тоннажем в 4 728 090 *т*. Эти цифры выведены на основании данных открытых портов и лицзинных станций, находящихся на расстоянии не свыше 50 ли от открытых портов. Действительная роль джонок в судоходстве Китая несомненно значительно больше. Но данных для суждения о ней нет. Точно так же нет данных о количестве товаров, которые доставляются на рынок на спинах кули. Так как однако число кули достигает не то 20, не то 30 млн. чел., причем один кули в состоянии нести 60—70 *кг* груза, то количество таких товаров должно быть очень большим. В Северной Манчжурии довольно большую роль играет извоз. На северо-западе, а также в торговле с Китайским Туркестаном и с Тибетом некоторое значение имеют еще караванные пути, но значение их сильно упало.

Данные о заокеанском и каботажном судоходстве подтверждают слова Иакинфа о том, что внутренняя торговля Китая превышает внешнюю. Вот что говорят соответствующие цифры относительно 1926 г.:

	Число прибывших и отбывших пароходов	Тонна к
Импорт из других стран	20 491	19 723 621
Экспорт в другие страны	19 730	19 062 714
Импортное каботажное плавание . . .	59 562	48 972 885
Экспортное каботажное плавание . .	59 213	47 800 386

Отчеты морских таможен, освещающие главным образом внешнюю торговлю, содержат также весьма интересные данные о внутренней торговле. Возьмем, например, торговлю Шанхая. Через этот порт проходит свыше 40% всей внешней торговли Китая. Тем не менее внутренняя торговля играет в Шанхае столь же важную, если не более важную, роль, чем внешняя. Из товарной массы, которая проходит через Шанхайский порт, 422 млн. таэлей составляют иностранные импортные товары, 273 млн. — китайские продукты, предназначенные на вывоз, и около 495 млн. — товары китайского происхождения, предназначенные на продажу на внутреннем рынке. Подобные данные, относящиеся к 1926 г., можно привести и о других договорных портах[1]. Во всекитайском масштабе оборот товаров китайского происхождения между открытыми портами определялся в 1923 г. в 752 млн. таэлей, в 1924 г. — в 771 млн., в 1925 г. — в 776 млн.

Еще более интересные данные мы получим, сравнивая товарные массы, проходящие через договорные порты с количеством товаров, поступающим на внешний рынок. Так называемые «подробные» отчеты морских таможен указывают как общее количество данного товара,

[1] The Maritime Customs, «Foreign Trade of China», part I.

отправленного из договорных портов, так и количество его, вывезенное из Китая. Разница между этими двумя цифрами показывает, какое количество товара потребляется на внутреннем рынке. Вот данные за 1923 г. [1]:

Наименование товара	Отправлено из договорн. портов	Вывезено за границу	Наименование товара	Отправлено из договорн. портов	Вывезено за границу
В тысячах пикулей					
Древесное масло	1 284	836	Анисовое семя	28	18
Коконы	101	19	Бобовые жмыхи	30 896	2 785
Шелковые изделия	37	14	Черные бобы	513	138
Сахар	1 227	362	Зеленые бобы	1 096	609
Воск (таллоу)	66	47	Желтые бобы	20 179	15 731
Растительный воск	197	96	Рис	3 677	63
Черный чай	513	450	Кит. фарфоровые изделия	302	56
Зеленый чай	440	284	Папиросы	444	89
Кирпичный чай	16	7	Хлопок	240 9	974
Чайный лист (кит. фут.)	106	2	Одежда из кит. крапивы	47	21
Строительный лес	931	505	Жмыхи из землян. орехов	334	156
Табак (лист)	888	222	Земляные орехи очищенн.	3 251	1 374
Табак обработанн.	179	56	Индиго	50	19
Овощи	876	726	Масло из землян. орехов	751	467
Пряжа	2 179	89	Масло из кунжута	21	7
Нанкинская ткань	220	75	Масло из чая	29	12
Чулки (в таэлях)	1 761	222			

В этой таблице обращает на себя внимание следующее:

1. Пряжа, китайская ткань, чулочновязальные и даже шелковые изделия, поскольку они являются товарами китайского происхождения, потребляются главным образом в самом Китае и вывозятся в относительно небольшом количестве.

2. Таблица указывает на быстрое развитие маслобойной промышленности. Черные, желтые и зеленые бобы, разумеется, не потребляются в открытых портах, а обрабатываются на маслобойнях Дайрена, Харбина и т. д. и вывозятся в виде бобового масла. То же относится в значительной мере и к земляным и чернильным орехам и анисовым семенам.

3. Данные, относящиеся к рису, указывают на широкие размеры хлеботорговли.

4. Товары, на которые имеется спрос на внутреннем рынке, как например одежда из китайской крапивы, папиросы, фарфоровые изделия, масло из земляных орехов и из кунжута, чай, древесное масло, сахар, воск и т. д., остаются в значительном количестве на внутреннем рынке.

5. Что касается сырья, необходимого для важнейших уже существующих в Китае отраслей промышленности — хлопок, индиго, коконы, табак, — то оно в значительной части остается в стране. Развитие промышленности сокращает сырьевую товарную массу, поступающую на внешний рынок, и в то же время расширяет, углубляет внутренний рынок.

[1] Ibidem, part II, vol. II, «Export Trade of China», 1925.

Но как только начинается развитие промышленности, внутренний рынок не в состоянии полностью обеспечить фабрики сырьем. Это относится не к шелковой, маслобойной и чайной промышленности, но целиком и полностью к текстильной, табачной и сахаро-рафинадной промышленности. Достаточно будет указать, что развитие хлопчатобумажной и табачной промышленности привело к усилению ввоза хлопка и табака, составлявшего в пикулях:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Ввоз хлопка. .	1 606 000	284 000	1 219 284	1 807 450	2 745 017
Вывоз хлопка .	974 000	574 000	1 080 019	800 832	878 512
Ввоз табака . .	309 259	677 578	561 685	754 033	637 245
Вывоз табака .	222 724	208 232	206 212	217 000	269 345

Совершенно ясно, что сельское хозяйство уже не в состоянии обеспечить сырьем хлопчатобумажную и табачную промышленность, что вывоз хлопка и табака показывает тенденцию к уменьшению, а ввоз — к увеличению. Очевидно, при данных общественных отношениях, при данном состоянии транспорта в стране и при данном уровне производства в других странах, развитию важнейших видов торгового земледелия в ряде провинций Китая положены очень четкие пределы. Если при этом мы примем во внимание, что разведение чая и шелка также переживает тяжелый кризис вследствие конкуренции других стран, то у нас получится более правильное представление о состоянии производства чисто торговых и технических культур, чем если бы мы стали рассматривать изолированно цифры, указывающие на прогресс, на развитие. Вернемся однако к вопросу о росте внутреннего рынка.

Переходим к роли железных дорог.

Большие китайские железные дороги были открыты для движения только в начале XX в. Огромная страна имеет ничтожную ж.-д. сеть в 11 тыс. миль, причем значительная часть этой сети приходится на долю Манчжурии. Но слабая ж.-д. сеть, которая в настоящее время приходит в упадок вследствие генеральских войн, играла огромную роль в деле расширения внутреннего рынка. Сравнивая перевозку грузов и пассажиров по нескольким ж.-д. линиям Собственно-Китая в 1911 г. и в 1921 г., мы получим следующую картину:

Ж.-д. линии	Число пассажиров		Грузы в тоннах	
	1911 г.	1921 г.	1911 г.	1921 г.
Бэйпин—Ханькоу . . .	3 239 158	4 716 000	2 752 000	8 009 000
Бэйпин—Мукден	2 165 837	3 531 734	2 550 161	5 354 000
Шанхай—Нанкин . . .	4 489 000	8 754 000	—	1 321 200
Кайфын—Лоян	287 048	994 261	17 161	648 448
Чжэн—Тай	219 000	352 000	328 000	1 276 000

Бэйпин-Мукденская дорога по данным, приведенным в меморандуме нанкинского министерства путей сообщения, в 1926 г. перевозила 4,4 млн. пассажиров и 5,8 млн. *т* груза, — как видим, рост в сравнении с 1921 г. довольно незначителен. Шанхай-Нанкинская дорога перевозила в 1926 г. 11,3 млн. пассажиров и 1,5 млн. *т* груза, а в 1927 г. — 8,6 млн. пассажиров и 1,76 млн. *т* груза. Шанхай-Нинбонская дорога

перевозила в 1926 г. 5,1 млн. пассажиров и 0,8 млн. *т* груза, а в 1927 г. 5,8 млн. пассажиров и 0,5 млн. *т* груза. Интересно здесь отметить, что по Шанхай-Нанкинской и Шанхай-Нинбонской ж.-д. линиям перевозка грузов совершенно ничтожна в сравнении с перевозкой пассажиров. Где пароходство вступает в конкурентную борьбу за грузы с железными дорогами, там последние терпят поражение.

В областях колонизации рост грузооборота превосходил даже американский темп. По КВЖД перевезено было в 1903 г. 115 тыс. *т*, а в 1926 г. — 2 330 тыс. *т*, т. е. в 20 раз больше. Из этих грузов в 1903 г. для экспорта было предназначено 5 тыс. *т*, а в 1923 г. — 395 тыс. *т*. Недаром внешняя торговля Северной Манчжурии возросла с 1913 г. до 1925 г. по вывозу на 390%, по ввозу на 180%.

В круглых цифрах в 1923 г., т. е. до генеральской анархии, железные дороги перевезли около 65—70 млн. пассажиров и около 45—50 млн. *т* грузов. Если принять во внимание, что в России в 1896 г., когда железнодорожная сеть уже превышала 30 тыс. *км*, число пассажиров достигло лишь 65,5 млн., а количество грузов 102 416 666 *т*, то относящиеся к Китаю данные 1923 г. следует признать довольно внушительными.

При этом следует учесть, что неравномерность развития транспорта в разных частях страны колоссальная,— ж.-д. сеть пересекает лишь относительно небольшую часть страны. По данным министерства путей сообщения, железнодорожная сеть оказывает более или менее непосредственное влияние на хозяйственную территорию, на которой проживает около 75,4 млн. чел.

Развитие китайской почты, начиная с 1896 г., когда была учреждена современная система почты на место старинной, также свидетельствует о росте и расширении внутреннего рынка. Рост почтовых связей иллюстрируется следующими данными:

Годы	Число отделений	Число почтовых посылок	Число пакетов	Денежные переводы (в таэлях)
1906	2 096	31 994 143	400 126	749 773 69 (1904)
1916	8 797	233 234 373	2 232 100	15 787 069 97 (1916)
1922	11 306	426 363 616	4 791 420	—

В 1927 г. почтой было отправлено 376,7 млн. писем, 39,9 млн. открыток, 102,5 млн. газет, 41,9 млн. книг, 3,6 млн. коммерческих циркуляров, и вместе с прочими посылками всего 5 793 млн. посылок. В то же время старомодная китайская почта — «мин-цзю» — находится в упадке. Она переправляла в 1924 г. еще 3,3 млн. посылок, а в 1927 г. лишь 2,8 млн.

Стремительный темп роста почтовых отправлений и здесь не должен ввести нас в заблуждение. В Китае приходится на 1 человека все еще около 3 почтовых посылок всех видов в год, в Индии — 3,5, в то время как в Японии — 41,3, не говоря уже об Англии или о САСШ.

Итак все данные указывают на рост внедеревенского внутреннего рынка. Огромное значение в этом отношении имеет районирование отдельных культур, специализация отдельных областей в деле разведения определенных культур.

Нам кажется, что наряду с обменом с кочевниками, именно эта специализация послужила могущественным стимулом для раннего развития обмена. Естественные климатические и почвенные условия разных областей огромной страны, разумеется, играли в специализации земледельческого производства отдельных районов весьма крупную роль. При застойном характере хозяйства в прошлом эта специализация превращалась впоследствии в традицию, в рутину. Вовлечение Китая в мировой товарооборот естественно усиливает эту специализацию. Империализм нуждался главным образом в торговых и технических культурах и первоначально добивался главным образом чая и шелка. Теперь номенклатура морских таможен в области импорта охватывает 868 разных видов товара, а в области экспорта — 543. Расширение номенклатуры таможен дает превосходное представление о революции, происшедшей в рыночных отношениях Китая. По мере роста внутреннего рынка, промышленности, капиталистической мануфактуры и домашней промышленности капиталистического типа, но преимущественно по мере роста внешней торговли разрушается старинное, традиционное распределение культур по отдельным районам. Старые культуры в старых районах разрушаются, и создаются новые районы для новых культур.

На наших глазах пришло в упадок разведение индиго, вследствие ввоза красильных веществ из Германии. В 1875 г. провинция Шаньси разводила индиго на сумму в 9—10 млн. долл., а в настоящее время — менее чем на 200 тыс. долл. Зато в Шаньси в одном только округе Хотун в 1919 г. было отведено под хлопок 489 320 му, а в 1924 г. уже — 1 213 377 му [1]. В той же провинции Шаньси в 1910 г. разведением шелка занималось около 100 тыс. крестьянских семей, в 1921 г. уже около 155 тыс., а в 1922 г. около 180 тыс. семей [2]. В Хубэе разведение тутовых деревьев началось по-настоящему лишь после того, как в Ханькоу создались крупные машинные шелкопрядильни.

Разведение сахарного тростника — старинное производство в Китае. Еще недавно Китай производил около 250—300 млн. *кг* сахара, причем добрая половина этого количества приходилась на Сычуань. Но за последние 15—20 лет разведение сахарного тростника пришло в сильный упадок. Производство сахарного тростника в мелком крестьянском хозяйстве Китая и сахара в мелкой китайской мануфактуре не могло выдержать конкуренции сахарного тростника, разводимого на крупнейших плантациях Явы, Кубы, Формозы и крупного заводского производства сахара. Вывоз сахарного тростника из Гуандуна с 1904 г. до 1925 г. уменьшился с 7,5 млн. таэлей до 3,8 млн. В Чжэцзяне, Цзянсу и Хубэе, куда легко доставлялся иностранный товар, разведение сахарного тростника стало ничтожным. В Фуцзяни, Гуандуне, Гуанси и Цзянси оно значительно уменьшилось, и даже в Сычуани, куда иностранный сахар попадает с трудом, оно сократилось больше чем на 30—35% [3]. Сахарорафинадные заводы в Китае начинают уже ввозить сырье с Явы и Кубы. Пикуль хорошего формозского сахара стоил в Кантоне в 1925 г. 14 долл., а гуандунского — 20 долл. Ввоз сахара возрос с 4,5 млн.

---

1 «Chinese Ekonomic Monthly», 1925 г., v. II, № 8, 11.
2 Ibidem, 1925 г., v. II, № 15, 11.
3 «Chinese Economic Monthly», 1927 г., v. I, 10, 865—867.

пикулей в 1912 г. до 7,7 млн. в 1921 г., до 12,1 млн. в 1926 г. А теперь — в 1931 г. — американские сахаропромышленники на о. Кубе ведут переговоры с Нанкином об установлении сахарной монополии в Китае.

Переселенческое движение также играет известную роль в создании новых центров разведения торговых и технических культур. Шаньдунские переселенцы распространили в Манчжурии разведение шелковичного червя, и японцы строят шелкопрядильни для обработки этого сырья. В Шаньси шелководство распространили специально выписанные для этой цели переселенцы крестьяне из Чжэцзяна.

Мы не пытаемся здесь дать картину размещения отдельных культур в Китае. Но несомненно, что районирование страны по отдельным культурам и специализация отдельных районов по отдельным культурам сделали большой прогресс, причем нетрудно установить, что не только природные условия, но и штандорт промышленности и размещения торговых центров имели на это огромное влияние.

По мере того как передвигаются центры производства и расширяются области торгового земледелия, расширяется и внутренний рынок. Распространение торговых и технических культур вызывает в этих областях необходимость в подвозе хлеба и таким образом расширяет рынок хлеботорговли.

Дальнейшими факторами, влиявшими на развертывание обмена, являлись дробность землепользования, сосредоточение солеварения в некоторых специальных районах, а рыболовства, в силу естественных условий, — вдоль морского побережья и в долинах рек.

Давление ремесла в смысле уничтожения деревенских промыслов, с одной стороны, и раннее развитие домашней промышленности на скупщика — с другой, также благоприятствовали развитию внедеревенского рынка.

Приведенные нами выше данные довольно ясно показывают, что империализм, способствуя развитию внешней торговли, содействовал тем самым и развитию внедеревенского внутреннего рынка.

Остается рассмотреть вопрос, как складывается деревенский рынок, в какой мере китайский крестьянин является товаропроизводителем, насколько его хозяйство зависит от рынка. Нам хотелось бы напомнить читателю, что Ленин, рассматривая бюджеты 66 крестьянских хозяйств Воронежской губ., установил, что «во всех группах крестьянства хозяйство в весьма значительной степени стало уже торговым, попало в зависимость от рынка: менее 40% нигде не опускается денежная часть дохода или расхода», при этом Ленин установил, что «процент денежного дохода и расхода (особенно правильно — расхода) увеличивается от средних групп к крайним» (разрядка Ленина) [1]. Посмотрим, как обстоит дело с товарным характером крестьянского хозяйства в разных провинциях Китая.

Мы располагаем относительно обильными материалами по этому вопросу. Произведенное профессором Баком обследование 102 хозяйств вблизи крупного торгового центра Уху показало, что крестьянин продает в среднем 56% своих земледельческих зерновых продуктов [2].

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. III, 113.

[2] «An Economic and Social Survey of 102 farms».

В Гуандуне обследовано было 75 крестьянских дворов в трех деревнях, по 25 дворов в каждой деревне. Обследование показало, что в деревне Ян-хуан 54,9% своих потребностей крестьянские семьи покрывают из доходов своих хозяйств в натуральной и 45,1% — в денежной форме. В деревне Цзюшан цифры эти равны соответственно 58,2% и 41,8%, в деревне Лицзю — 23,4% и 76,7%. Поразительно высокая доля денежных расходов в последней деревне объясняется тем, что она расположена в центре разведения тутовиц и шелкоторговли [1].

Относительно Северной Манчжурии Е. Е. Яшнов очень тщательно проанализировал бюджеты 70 крестьянских хозяйств. Несмотря на то, что он подобрал очень большие семьи, в которых относительно большая часть продукции идет на личное потребление, оказалось, что в среднем продается на рынок 80% пшеницы и бобов, 55% гаоляна и 45% технических растений, что крестьянин продает не только зерно, но и муку и крупу, что текущие доходы всех хозяйств выражаются в 74 166 долл. натурой и 106 071 долл. деньгами. По отдельным социальным группам денежный характер хозяйства представляется в следующем виде [2]:

Группа хозяйств	Доходы в %		Расходы в %	
	Денежная часть	Натуральная часть	енежная часть	Натуральная часть
Парцеллярные до 10 шан.	69,9	31,1	67,2	32,8
Мелкие	53,7	46,3	54,2	45,8
Средние	58,1	41,9	59,7	40,3
Крупные	60,1	39,8	55,3	44,7

Эти цифры показывают, что крестьянское хозяйство Северной Манчжурии по своему товарному характеру приближается к фермерскому хозяйству САСШ или Дании. Следует подчеркнуть, что в этом отношении Манчжурия — самая передовая провинция Китая.

Относительно провинции Хубэя мы имеем опять-таки только средние данные о 150 хозяйствах крестьян-собственников [3]. Там крестьянин потребляет натурой 44,4% продукции своего хозяйства, продает — 55,5%. Что же касается расходов на личное потребление, то 150 хозяйств покрывали 69,8% своих потребностей натурой, а 30,2% путем закупок на рынке. Таким образом даже для удовлетворения своих нищенских личных потребностей китайский крестьянин должен обратиться к рынку.

Нанкинский университет обследовал с этой точки зрения 1 543 хозяйства в разных провинциях Китая и в своем годовом отчете за 1924/25 г. сообщает, что «в среднем около 40% всех земледельческих

[1] Volin and Iolk, The Peasant Movement in Kwanting, 184—186.
[2] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство в Северной Манчжурии, 334—348.
[3] L. Buck, An Economic and Social Survey, 38.

продуктов продаются, и это показывает, что китайское сельское хозяйство более товарное, чем вообще предполагали» [1]. Мы допускаем вполне возможность того, что большинство упомянутых нами обследований было произведено в уездах, более вовлеченных в товарооборот, и что имеются провинции, где товарный характер хозяйства выражен не так ярко. Тем не менее остается фактом, что денежная часть бюджета не опускается ниже 40%. Эти данные дают отчетливый ответ на вопрос о том, является ли китайское крестьянское хозяйство натуральным или денежно-товарным хозяйством. Эти данные доказывают, что в отношении товарности крестьянское хозяйство Китая во всяком случае достигло уже уровня сельского хозяйства России в 1889 г.

«Товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего» [2]. Однако товарное обращение и даже товарное производство не обозначают еще капиталистического производства. «Торговля разлагает старый способ производства, но к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. Самостоятельное развитие торгового капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства; чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее развитие промышленного капитала (капиталистического производства), и наоборот» [3].

С тех пор как Маркс предостерегал от переоценки разлагающего влияния торговли на «внутреннюю устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства», прошло свыше 50 лет. Маркс предостерегал особенно от этой переоценки по отношению к Индии и Китаю, где «широкий базис способа производства составляло единство мелкого земледелия с домашней промышленностью». Маркс считал, что разложение старого способа производства еще менее, чем в Индии, удается в Китае, где «непосредственная политическая власть не приходит на помощь». В течение 50 лет многое изменилось даже под восточным небом Китая. Капитализм вступил на новый этап своего развития, на этап империализма, и империализм силой пушек, денег и подкупа подчинил себе непосредственную политическую власть в Китае. Но тезис Маркса о том, что развитие торгового и ростовщического капитала находится в обратной пропорции к развитию капиталистического производства, остался и остается целиком и полностью в силе.

Китай служит разительным доказательством этого тезиса. Развитие промышленного капитала (капиталистического производства) и внутреннего рынка встречало и встречает на своем пути две преграды: слабеющее, но все еще упорное сопротивление аграрного строя, с одной стороны, и империализм — с другой. Первая преграда разлагается, рушится, но вторая все еще сильна. Вывоз капитала в Китай ускоряет развитие промышленного капитала, но вся империалистическая колониальная система задерживает его развитие.

---

[1] «Eleventh Annual Report», 17.
[2] Ленин, Собр. соч., т. III, 450.
[3] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 318.

ГЛАВА XXII.

ХАРАКТЕР КИТАЙСКОГО РЫНКА.

Китай не является еще единым национальным рынком, но китайский рынок уже втянут в мировой рынок и составляет часть последнего. Крупнейшие торговые центры Китая уже равняются по мировому рынку, но над китайской деревней все еще тяготеют районные, изолированные, слабо между собой связанные рынки.

Китай уже втянут в мировой рынок, но милитаристическая раздробленность страны, напоминающая худшие времена европейского средневековья, мешает образованию единого национального рынка. Поэтому же объединение страны стало одной из центральных задач буржуазно-демократической революции. Объединение страны определяется созданием единого национального рынка. Китайская буржуазия поставила перед собой эту задачу, однако китайская буржуазия оказалась неспособной ее разрешить. И трехлетнее господство гоминдана воспроизводило милитаристическую раздробленность страны в более крупном масштабе.

В этих противоречиях задыхается страна, задыхается крестьянское хозяйство. Крестьянин становится все более и более товаропроизводителем, власть денег над его хозяйством усиливается, но путь к городскому рынку для него закрыт, и даже самые зажиточные слои деревни не всегда могут найти доступ к нему.

Мы попытаемся дать здесь лишь краткую характеристику китайского рынка, и лишь в том разрезе, в каком его особенности влияют на крестьянское хозяйство.

1. Китайский рынок носит преимущественно районный характер. Развитие капитализма не объединило еще страну в единое хозяйственное целое. Образование цен на предметы внутреннего потребления происходит в отдельных районах в значительной степени самостоятельно. Это относится главным образом к хлеботорговле. Цены на рис в Шанхае, Кантоне, Цзюцзяне, Чэнду и т. д. образуются почти независимо друг от друга, не говоря уже о второстепенных продуктах внутреннего потребления. В деле создания национального рынка империализм отчасти действует в направлении объединения отдельных районов, но в то же время разрывает старые, слабые связи, объединявшие страну. Манчжурия сильнее связана с Японией, чем с Шанхаем. Южный Китай торгует с Северным и Центральным Китаем через посредство Гонконга. Юньнань имеет более прочные связи с Индо-Китаем, чем с Кантоном. Открытые порты, железные дороги, речное и океанское пароходство разрушили старые связи и создали новые. Тарифная политика империалистов еще более разъединяет страну. Манчжурия наводняется японской пряжей и текстильными изделиями, в то время как вывоз текстиля и пряжи из Шанхая в Индию стремительно растет.

2. Китай не является национальным рынком, но он уже втянут в мировой рынок. Там, где происходит стык между китайским и мировым рынком, образование цен и хозяйственная конъюнктура подчиняются тенденциям мирового рынка. В крупнейших торговых центрах Китая и даже в относительно отсталом Бэйпине индекс цен движется параллельно нью-йоркскому индексу. Мировая конъюнктура меньше всего оказывает влияние на хлебные и рисовые цены на внутреннем рынке, поскольку

ввоз и вывоз риса и хлеба составляют незначительную часть внутреннего потребления и поскольку издержки транспорта составляют весьма внушительную часть цены этих продуктов.

3. На мировом рынке Китай вступает в соревнование со странами, где производительность общественного труда во много раз выше, чем в Китае. В то же время на китайском рынке иностранные товары вступают в соревнование с товарами, производимыми китайским капиталом более низкого органического состава. В этой борьбе китайский товар должен терпеть поражения, если низкая заработная плата китайского производителя плюс издержки транспорта иностранных товаров не уравновешивают преимуществ иностранных товаров.

4. Внедеревенский рынок в Китае носит в значительной мере районный характер. Правда, империализм и развитие капитализма в Китае значительно расширили связь районов между собой и с мировым рынком. Но развал государства, войны, бандитизм, растущие внутренние пошлины не только мешают укреплению связей между отдельными районами, но временами разрушают эти связи. В этом отношении генеральские войны и территориальная раздробленность страны противоречат интересам империалистов и даже китайской буржуазии.

5. Замкнуто-районный характер рынка выражается и в отсутствии единой системы мер и весов и в отсутствии единой денежной системы. Отсутствие этих предпосылок и результатов единого национального рынка открывает столь широкие возможности обмана для торгового и банковоростовщического капитала и менял, что заинтересованные в сохранении этой системы слои сорвали все попытки империализма изменить существующее положение. Гоминдановские декреты об единой системе мер и весов остались на бумаге.

6. На внедеревенском рынке государство не выступает как законодательный и регулирующий фактор. Эти функции передоверяются организованному торговому капиталу. Торговый капитал, равно как и банковый, организован в гильдии. Последние устанавливают цены и правила торговли, разрешают конфликты путем арбитража, несут часто коллективную ответственность за своих членов, защищают их интересы перед государственной властью и перед другими гильдиями и в то же время являются известного рода социальным обеспечением для своих членов. За последнее время гильдии объединяются в торговые палаты, которые выступают как представители всего торгового капитала, но, как общее правило, возглавляются представителями банков. Политическое влияние торговых палат и гильдии огромно. Они связаны теснейшим образом с государственным аппаратом, они финансируют генералов, через них проводятся займы, обложения, контрибуции. В 1905 г. они руководили движением бойкота против САСШ по поводу запрещения иммиграции китайцев. В 1925 г. после шанхайских расстрелов они участвовали в движении наряду с рабочим классом, но участвовали со своей программой, своими требованиями. В открытых портах их влияние подрывается иностранным капиталом, но в провинциальных городах вообще они держатся еще довольно крепко. По отношению к покупателю и к продавцу гильдии выступают единым фронтом. Они не только регулируют цены, но искусственным снижением спроса заставляют производителей предлагать товар ниже установленной гильдией цены. Во мно-

ряд местах гильдии регулируют денежное обращение, устанавливают курсы разных денег. Они тщательно охраняют свою монополию на внутреннем рынке в качестве заготовителей для иностранных экспортеров, и, за исключением некоторых областей северо-запада, иностранные фирмы не могут выступать с собственным заготовительным аппаратом. В области торговли коконами, хлопком или табаком фронт гильдий дал уже некоторые трещины. Фабрики небезуспешно стараются выступать как покупатели. Пока однако позиции гильдий в этой сфере все еще довольно сильны, и деревенский производитель, если ему даже удалось связаться с городским рынком, встречает там единый фронт торгового капитала. Слабее позиции гильдий в области торговли иностранными товарами и товарами фабричного происхождения. По мере того как растет ввоз, по мере того как производство из узких рамок ремесла переходит в более развернутое мануфактурное, капиталистическое домашнее и фабричное производство, все труднее становится сохранять позиции гильдии.

7. Плохое состояние путей сообщения или отсутствие их, с одной стороны, низкий состав капитала в транспортной промышленности — с другой, приводят к тому, что издержки транспорта составляют непропорционально большую часть цены товаров. Это характерно для отсталых стран вообще, но особенно для колониального Востока, и на Востоке особенно для Китая.

8. Налоги, поборы, внутренние пошлины, ярмарочные сборы, налоги в пользу гильдии или владельца рынка и т. д. также составляют непропорционально большую часть цены товаров.

9. Одной из важнейших черт внутреннего рынка являются скачки цен на с.-х. продукты в разные времена года, даже при нормальном ходе событий, т. е. независимо от войн, стихийных бедствий и т. п. В Хунани, например, пикуль риса стоил в 1927 г. перед урожаем 13 долл., а после урожая — 5 долл.; в Цзянси перед урожаем — 9 долл., после урожая — 4 долл. и т. д. Кроме общих, свойственных сельскому хозяйству причин, явление это объясняется преобладанием мелкого крестьянского хозяйства, замкнутым характером рынка, плохим состоянием транспорта, отсутствием запасов в мелком крестьянском хозяйстве, приурочиванием сроков разных платежей (налог, аренда, ростовщический процент, семенная ссуда, долг купцу) к периоду после урожая. Подавляющее большинство парцеллярных и мелких крестьян выступают на рынке после урожая как продавцы, а перед урожаем — как покупатели. Огромные скачки цен особенно остро чувствуются на внутридеревенском рынке, ибо запасы страны накапливаются преимущественно в городах, выкачивающих их путем ренты, процента, налога и торговой прибыли. С другой стороны, помещик, кулак, хлеботорговец, ростовщик, как держатели хлебных запасов, диктуют цены и условия на внутридеревенском рынке.

10. Не менее важная особенность китайского рынка заключается в огромном разрыве между городскими и деревенскими ценами. По отношению к чаю эта разница достигает иногда 1 000%. Городская цена шелка или хлопка часто в два раза выше деревенской. В отношении земляных орехов, чернильных орехов и т. п. разница между городскими и деревенскими ценами выражается в 150—200%. Немаловажную

роль играют в этом отношении издержки транспорта, лицзин, всевозможные поборы, страховая накидка купца на случай бандитских налетов, военных реквизиций и т. д. Но основная причина — замкнутый характер местного рынка и разрозненность деревенского производителя, которому противостоит в городе единый фронт торгового капитала.

11. Даже на внутридеревенском рынке подавляющее большинство парцеллярных и мелких крестьян не может выступать в качестве непосредственных продавцов. Ростовщик-купец стоит между рынком и своим должником-крестьянином. Беднейшие слои крестьянства выступают на рынке только через ростовщика. Особенно сильно это явление дает себя чувствовать в области торговых и технических культур. При этом крестьянин страдает не только от расширения и углубления денежных отношений, но и от недостаточного расширения и углубления этих отношений. На внутридеревенском рынке часто встречаем еще ростовщические сделки продуктами, торговля совершается в порядке натурального обмена, причем колебания цен идут в пользу ростовщика и купца.

12. Эта картина отсталых рыночных отношений не была бы полна, если бы мы не дополнили ее действием самой денежной системы на рынок. Китайская денежная система характеризуется отсутствием всякой системы. Каждая провинция, каждый район, каждый более или менее значительный торговый центр имеет свою денежную систему, свои доллары, таэли. Бумажные деньги выпускаются банками, частными фирмами, гильдиями банкиров и купцов, отдельными генералами и т. д. Неудивительно, что в Хубэе бумажные деньги Центрального банка в течение 5 месяцев потеряли 80% своей стоимости; в Кантоне банкноты Ли Цзисина в течение 4 месяцев потеряли 60% своей стоимости, в Мукденской провинции в январе 1928 г. давали за 100 иен 1 200 фыньяо, а к концу марта — 4 500 фыньяо и т. д. Крестьянские восстания в Мукденской провинции показали, что китайское крестьянство осознало уже все прелести инфляции. Правда, основная валюта деревни все еще медяк, и бумажные деньги проникли в деревню лишь за последнее время, но наряду с обесценением бумажных денег происходит неравномерное, зигзагообразное обесценение серебра и медяков. Крестьянин не знает и не понимает хитрой механики неимоверно сложного жульничества банков, купцов и менял и терпит убытки не только от обесценения денег, но и от обмана, обсчета и жульничества. Внешняя торговля производится уже в иностранной валюте, но по своим международным долгам и дефицит торгового баланса Китай платит серебром.

Обесценение серебра в 1929—1930 гг. в связи с мировым экономическим кризисом, перепроизводством серебра, продажей серебра индийским правительством, переходом Индо-Китая от серебряной валюты к валюте по золотому стандарту и т. д. происходило катастрофически быстрым темпом. Цена на 1 стандартную унцию серебра на лондонской бирже упала с 26—27 пенни в начале 1929 г. до 15—16 пенни в августе 1930 г. Основная валюта страны обесценивалась в течение нескольких месяцев на 40%. Вследствие этого обесценивались и бумажные деньги, имеющие серебряный курс. Мечты гоминдана о переходе от серебряной валюты к золото-стандартной и впоследствии к золотой, как это предложила комиссия американского эксперта Кэммэрера, остались именно мечтами. Жалкие попытки гоминдана осуществить требование буржуазии

относительно упорядочения валютно-финансовой системы оказались тщетными. К концу 1930 г. одна унция серебра котировалась уже в 14 пенни. Обесценение серебра суживает внутренний рынок в Китае, Индии, Персии, Индо-Китае, Абиссинии, и т. д.

13. Образование единого национального рынка затрудняется непрерывным ростом числа разных местных поборов, лицзинных станций и т. д. В Индии, на Яве, в Индо-Китае, в Корее в этом отношении крестьянство поставлено в более благоприятные условия, ибо империализм создал там единые денежные системы и отменил внутренние пошлины. Китайская буржуазия не могла отменить даже лицзинь на деле. Вместо лицзиня гоминдан ввел другие налоги.

14. Одной из важнейших характерных черт не только китайского рынка, но и всего хозяйства вообще, является неравномерность развития рыночных отношений и неравномерность развития капитализма вообще в разных частях страны. Долину Янцзы нельзя сравнить, с точки зрения развития рыночных отношений, с Юнаью, и в долине Янцзы нельзя сравнить непосредственный хинтерланд Шанхая или Ханькоу с Сычуанью. В Манчжурии мы находим высоко развитые рыночные отношения, а в Гуйчжоу или Ганьсу совершенно отсталые. Гуандун в целом довольно развит с точки зрения денежно-товарного хозяйства, но внутри Гуандуна в областях шелководства мы находим целые районы, где товарность крестьянского хозяйства не отстает от товарности хозяйства американского фермера. Развитость рыночных отношений в Хунани и сравнить нельзя с Шэньси. В этом отношении огромное значение имеет размещение промышленных центров, причем размещение происходило даже не по обыкновенным соображениям размещения стандарта промышленности при капитализме, а в значительной мере под влиянием и диктовкой империализма. В этом отношении огромное значение имеет размещение районов отдельных с.-х. культур, специализация отдельных районов. Районы сойевых бобов, шелководства, хлопководства, табаководства, районы торгового рисоводства имеют высокотоварное крестьянское хозяйство, а в то же время имеются районы с отсталыми рыночными отношениями. С точки зрения неравномерного развития капитализма в разных частях страны большое значение имеет направление железных дорог, направление речного, а в приморских областях океанского судоходства, направление торговых путей, столь часто прерываемых войнами. Разумеется даже в наиболее развитых капиталистических странах имеются большие различия в отдельных районах. Однако в Китае, Индии, а также в Персии, Турции, Корее эти различия настолько огромны, что становятся важнейшими политическими факторами. Вряд ли можно понять и объяснить милитаризм Китая без учета неравномерности в развитии отдельных частей страны. В Китае к этому еще добавляется то, что различные части страны находятся под влиянием разных империалистических держав. В Манчжурии, в Шаньдуне, в Гуандуне преобладает влияние японского капитала, в Юньнани — французского, а в долине Янцзы дерутся за преобладающее влияние английский, японский и американский капитал. Вряд ли можно понять и объяснить неравномерность в развитии революционного движения в разных частях страны без понимания этого момента.

Таким образом империализм и развитие капитализма в экономике

Китая, наряду с развалом государства, вызвали к жизни, с одной стороны, факторы, действующие в направлении объединения замкнутых местных рынков, а с другой — тенденции к разъединению рынка. В этих противоречиях задыхается страна. Попытка буржуазии вырваться из заколдованного круга, создать единый национальный рынок рухнула. Очевидно разрешение этой чисто буржуазной задачи выпадет на долю пролетариата и крестьянства.

ГЛАВА XXIII.

«ПОДАРОК» ИМПЕРИАЛИЗМА КИТАЮ.

Разведение опиума и крестьянское хозяйство.

Наряду с алкоголем опиум является на Дальнем Востоке главным средством одурманивания, облегчающим ограбление народных масс. Широкое распространение его является преимущественно делом рук английской колониальной политики. Напрасно идеологи британского империализма пытаются снять с него это позорное обвинение, создав с этой целью целую литературу. Жалкие попытки их разбиваются об упрямые факты.

Китайские летописи первый раз упоминают о маке в начале VIII в. В X в. китайские врачи уже описывают приемы лечения больных опиумом. В XVI в. арабы начали разводить мак в Индии и продавали его в Сиаме и на Малайских островах, но китайцы и тогда еще пользовались опиумом только в качестве лекарства[1]. В 1589 г. впервые установлены были пошлины на опиум. Однако вплоть до XVII в. в Китае ничего не было известно об опиекурении.

Первый запрет опиекурения появляется в 1628 г. Несмотря однако на запрет, опиекурение распространяется на Формозе, в окрестностях Амоя и даже в Пекине. Опиум проник в Китай вдоль торговых путей: из Явы на Формозу, а оттуда в Фуцзян; из Индии в Бирму и Юньнань, а оттуда в Сычуань; вероятно также через Персию и Туркестан в Китайский Туркестан. Китайские власти отдавали себе отчет в опустошительном влиянии опиекурения и в 1729 г. императорский декрет воспретил продажу опиума. Ссылки, ношение деревянной колодки в течение месяца, сто ударов бамбуковой палкой, все виды наказания вплоть до смертной казни угрожали продавцам или производителям опиума. Английские историки вынуждены признать, что этот декрет положил конец разведению мака и опиекурению в Китае.

Китайские мандарины не хотели однако отказываться от ввозных пошлин на опиум. Ввоз опиума в Кантон и Амой продолжался, не превышая 200 ящиков в год, и лишь в 1767 г. достиг 1 000 ящиков. Главными поставщиками опиума в этот период были португальцы, но скоро их сменили англичане в лице Ост-индской компании.

Учрежденная в 1600 г. для торговли с Индией, Ост-индская компания обратила внимание на Китай преимущественно по двум причинам: с одной стороны, Китай является поставщиком чая и шелка, с другой,

---

[1] Edkeens, Opium, Historical Notes on the Poppy in China, 18.

и это было пожалуй важнее, Китай, подобно прочим дальневосточным странам, открывал большие возможности для весьма прибыльной торговли драгоценными металлами. Дело в том, что на Дальнем Востоке стоимость золота по отношению к серебру была значительно ниже, чем в Европе. Вывоз золота из дальневосточных стран в обмен на серебро являлся поэтому очень выгодным делом для европейцев.

Разница между соотношениями стоимостей золота и серебра была одним из немаловажных факторов, использовав который колониальная политика и впоследствии империализм ограбили дальневосточные (а также южно-американские страны). Что касается в частности Китая, то последний сравнительно быстро растратил свои золотые запасы. Но по мере истощения последних относительная стоимость серебра стала повышаться. Соотношение между стоимостью серебра и золота в Китае выражалось в начале XVIII в. 1:10, а в 1750 г. уже как 1:16,5. Покупательная способность серебра в Китае сравнялась с европейским уровнем, и с середины XVIII в. дальнейшее ограбление Китая путем торговли драгоценными металлами стало невозможным.

Это обстоятельство имело решающее значение для распространения опиума в Китае. Дело в том, что торговый баланс Китая в XVIII в. был активен. Китай не нуждался в товарах европейских стран. Будучи монополистом на чайном рынке и решающей страной в области вывоза шелка, Китай покупал мало английских товаров, да и то покупал их по низким ценам. Ост-индская компания теряла от 1,5 до 33% на ввозе этих товаров. С таким положением вещей английские купцы мирились до тех пор, пока торговля драгоценными металлами давала им огромные прибыли. Когда же соотношение между стоимостью золота и серебра в Китае выравнялось до европейского уровня, когда войны с Францией истощили серебряные запасы Англии, то перед Ост-индской компанией со всей остротой встал вопрос о том, как быть с китайской торговлей, чем платить за чай и шелк.

Компания решила ввозить в Китай из Индии опиум. Она вступила на этот путь не без опасений, ибо боялась, что ввоз опиума может вызвать для нее запрещение всякой торговли со стороны пекинского правительства. Результаты ввоза опиума сказались чрезвычайно быстро. В 1790 г. его ввезено было 4 054 ящика, но в 1796 г. императорский декрет снова запретил под угрозой суровых наказаний опиекурение. Торговля опиумом стала контрабандной. Но эта контрабандная торговля была организована вплоть до мельчайших подробностей путем соглашений между импортерами и китайскими чиновниками в Кантоне и в других местах[1]. Выродившаяся манчжурская бюрократия и даже императорский двор зарабатывали миллионы на этой контрабанде, и, начиная с императора и его наложниц, до губернатора — все получали огромные доходы от контрабандной торговли опиумом. В 1830 г. ввоз опиума достиг 16 777 ящиков, а в 1838 г. — уже 20 619 ящиков. Торговый баланс Китая стал пассивен. В 1838 г. директор палаты ритуала писал императору в докладной записке: «Серебро и серебряные монеты стали

[1] Morse, The Chronicles of the East India Company Trading to China, vol. I, 156.

редкими и дорогими, цена серебра поднялась на 60%, доходная часть бюджета расстраивается, спекуляция процветает, торговля дезорганизуется. Опиум ввозится из Англии; эти иностранцы готовы ослабить Китай и поглотить его богатства путем опиекурения... Чиновники получают 36 тыс. таэлей взятками ежемесячно с каждой джонки, привозящей опиум... Раньше из страны не вывозили серебра, а наоборот, ввозили ежегодно серебро на сумму 500 тыс. таэлей, а теперь вывозится из страны 10 млн. таэлей серебром»[1]. На основании этой записки император воспретил ввоз опиума (как видно, вовсе не по «моральным» соображениям, которые мало интересовали пекинский двор).

В Кантоне в 1839 г. китайские власти уничтожили груз опиума стоимостью в 5—6 млн. таэлей. В ответ на этот шаг Англия приступила к военным действиям. Китай потерпел поражение в двух знаменитых «опиумных войнах» и на основании мирного договора 1842 г. вынужден был согласиться на то, чтобы «цивилизованная» Англия могла свободно ввозить опиум в Китай. В 1850 г. ввоз опиума достигает 50 тыс., в 1860 г. — 85 тыс. ящиков. Кульминационный пункт был достигнут в 1879 г., когда было ввезено 82 927 пикулей опиума, причем стоимость ввозимого опиума составила 46% стоимости всего китайского импорта. Кроме того около 20 тыс. пикулей было ввезено контрабандным путем, и нищенская страна израсходовала в этом году на ввоз опиума 45 млн. таэлей.

Добиваясь свободного ввоза опиума в Китай, англичане упустили из виду, что ввозом опиума они затрудняют расширение китайского рынка, затрудняют ввоз промышленных изделий, и в первую очередь пряжи и ткани. Маркс усматривал в ввозе опиума основную причину провала первых попыток Англии овладеть китайским рынком.

В письме к Энгельсу в 1858 г. Маркс отмечает, что расчеты на быстрое расширение китайского рынка сокрушились. «Главная причина неудачи на этом рынке заключается в торговле опиумом, на который приходится весь рост экспорта в Китай и далее в экономической организации страны, ее карликовом земледелии, сокрушение которого будет стоить огромных усилий». Сокрушение карликового земледелия после огромных усилий, впоследствии полностью удалось, но в этот период англичане, продавая опиум, в значительной мере сокращали возможность сбывать промышленные изделия в Китае.

Потребность в опиуме была создана и вызвала производство опиума в самом Китае. После 1878 г. ввоз опиума в Китай постепенно падает — в 1921 г. ввезено было всего 332 пикуля. Цены на опиум падают, и это расширяет круг опиекурильщиков среди бедных слоев населения. Комиссар морской таможни в Ханькоу Гобсон установил в 1871 г., что в Сычуани курило опиум 70% взрослого городского и 50% деревенского населения. В Юньнани положение еще хуже: британский консул в Чунцине Дональд Спенсер докладывал своему правительству в 1881 г., что в Сычуани производится 173 тыс., в Юньнани — 35 тыс., в Гуйчжоу — 10 тыс. пикулей опиума в год[2].

В 1906 г. Китай начал более или менее серьезную борьбу против

---

[1] Parker, Chinese Account of the Opium War, 1—5.
[2] Edkeens, Opium Historical Note.

разведения мака. В 1911 г. державы согласились на постепенное запрещение ввоза опиума. Вначале борьба против опиума давала блестящие результаты, и целые провинции были очищены от мака, но потом начались генеральские войны. Нуждавшиеся в средствах генералы поощряли контрабандный ввоз опиума, с одной стороны, и заставляли крестьян разводить мак — с другой. В 1924/25 г. в ряде мест расстреляны были крестьяне, отказавшиеся разводить мак.

«В Гуйчжоу и Сычуани генералы ввели так называемый «налог на лень». Это обозначает, что крестьяне, не разводящие мака, считаются ленивыми, и должны поэтому платить такой же налог, как крестьяне, разводящие мак» [1]. Опиум по сути дела стал принудительной культурой в Китае, и остался таковой до наших дней. В настоящее время нет провинции в Китае, где не практиковалось бы широкое разведение мака. Кантонское правительство в свои лучшие дни получало почти половину своих доходов от обложения опиума, уханьское правительство гоминдана тоже получало более половины своих доходов из того же источника. В Ханькоу торговля опиумом дает генералу, находящемуся там у власти, свыше 2 млн. долл. ежемесячно, в Ичане — свыше 1 млн., в Кантоне — свыше 3 млн. и т. д. и т. п. При этом крестьяне вовсе не сторонники разведения опиума. Нежелание крестьян разводить мак объясняется разными причинами. Главная из них — низкие цены на опиум. «В некоторых провинциях крестьяне вынуждены были продавать опиум по 50 центов за унцию и эта цена при поземельном налоге от 6 до 12 долл. с 1 му оставляет при настоящих высоких ценах риса слишком мало прибыли» [2]. Монополия на торговлю опиумом доставляет «прибыль» не крестьянину-производителю, а генералам и откупщикам. Крестьяне часто с оружием в руках сопротивляются приказам о разведении мака, ибо эта культура истощает почву, требует обильного удобрения, а прибыль все равно попадает в карман генералов и откупщиков. Сопротивлением крестьян и привычкой зажиточных слоев населения к потреблению опиума более высокого качества объясняется процветание контрабандного ввоза опиума. Среди иностранных контрабандистов почетное место занимают японские и немецкие купцы, но французский «Banque de l'Indo-Chine» и американский «The National City Bank of New York» также не брезгуют этим делом. Среди китайских контрабандистов видную роль играют северный и южный военные флоты, которые существуют главным образом на доходы от контрабандного ввоза опиума.

Выдающиеся деятели гоминдана, видные дипломаты Нанкина в 1930 г. были разоблачены как виднейшие контрабандисты. Японские спекулянты ввозят опиум в Дайрен при попустительстве японских властей и отсюда распространяют его в Манчжурии. А в самой Манчжурии не только генералы, но также и хунхузы, бандиты, облагают своим налогом широкое распространившееся разведение мака.

Определить размеры площади, отведенной под культуру мака, невозможно, но сведущие лица утверждают, что она не ниже 1% всей посевной площади.

---

[1] «Opium cultivation and Traffic in China». Published by the International Anti Opium Association, 2 и 4.

[2] Ibidem, 1—2.

Представитель американской комиссии помощи голодающим Альдрич утверждал, что в 1930 г. 15% всей посевной площади в Шэньси было засеяно маком, а в отдельных районах 40%.

Господствует мнение, что опиекурение быстро распространяется в настоящее время даже среди беднейших слоев населения. Даже многие кули, а в ряде мест даже бедные крестьяне якобы курят опиум.

Английская колониальная политика «подарила» Китаю опиум, как одну из важнейших торговых культур, и китайская революция сможет ликвидировать опустошительные последствия английского подарка только путем упорной борьбы. Империализм навязал Китаю опиум силой своих пушек, китайские господствующие классы продолжали начатую империализмом работу, милитаризм же довел культуру опиума до высшего развития.

Опиум, алкоголь, сифилис и библия были первыми подарками капитала для колониальных народов наряду с разбоем, работорговлею в период первоначального накопления. Но империализм все еще пользуется в той или иной мере этими методами. А Лига наций «обсуждает» вопросы о борьбе с опиумом.

ГЛАВА XXIV.

ПОДРЫВ ЧАЕКУЛЬТУРЫ.

Чай стал известен в Европе в 1664 г., а по другим данным — в 1610 г. В настоящее время, не считая потребления производящих чай стран, на мировом рынке обращается, по данным Международного сельскохозяйственного института в Риме, в среднем от 3,3 до 4,2 млн. квинталов чая[1].

До половины XIX в. монопольное положение на мировом рынке занимал китайский чай.

Китай однако был монополистом лишь как производитель, мировая же торговля чаем находилась в руках Англии. Лондон был до второй половины XIX в. почти монопольным рынком мировой чаеторговли. Борьба между Англией и Китаем в начале XIX в. являлась отчасти борьбой между китайским и английским торговым капиталом за раздел прибыли от чаеторговли. В этой борьбе Китай вплоть до опиумной войны был представлен гильдией тринадцати купцов, обладавших монопольным правом на торговлю с иностранцами, Англия же — Ост-индской компанией. Высшей своей точки вывоз чая из Китая достиг в 1886 г., когда было экспортировано 2 217 295 пикулей разных сортов чая.

После 1886 г. вывоз китайского чая падает. Китай теряет свое монопольное положение. Китайский чай вытесняется с мирового рынка индийским и цейлонским. Эта перемена является результатом сознательных усилий английского капитала сломить монополию Китая в области разведения чая. Благодаря вложению огромных капиталов, предоставлению земли бесплатно или за бесценок под крупные чайные плантации, применению архидешевого труда полурабов-контрактных кули, поощрению разведения и вывоза чая посредством налоговой и таможенной

---

[1] «International Yearbook of Agricultural Statistics», 244.

политики — в Индии, преимущественно в долине реки Брамапутры, а впоследствии на острове Цейлоне, быстро развивается культура чая. Англо-индийское правительство субсидировало плантаторов, банки предоставляли им займы, на Цейлоне им выдавались долгое время денежные премии. Сверх того чайные плантации Индии и Цейлона обладали еще тремя другими преимуществами по сравнению с Китаем.

1. В Индии и на Цейлоне (а также на Яве и частично на Формозе) чай разводится на крупных плантациях, в Китае — в мелких крестьянских хозяйствах.

Чайные плантации Индии, акции которых котируются на бирже, обладают оплаченным основным капиталом в 500—550 млн. рупий, не говоря уже об огромных резервных фондах и о том, что землю они получили почти даром, что они все еще применяют труд контрактных кули, что они применяют на плантациях trück-system, снабжая рабочих продовольствием из собственных лавок и отравляя их наркотиками. Не удивительно, что компании эти выдавали в 1922—1926 гг. дивиденды в 25, 50, 80, а иные даже в 100—175% оплаченного капитала [1]. Крупное производство должно было, естественно, одержать верх над мелким.

2. В Индии, на Цейлоне, на Яве, в Японии обработка чая производится на прекрасно оборудованных фабриках, в Китае же — преимущественно кустарным способом или, в лучшем случае, на мелких старомодных мануфактурах ручным и ножным способом. Лишь к концу XIX в. русские чайные фирмы начали здесь строить крупные современные мануфактуры, но даже в 1925 г. в Китае имелось только 15 крупных фабрик по обработке чая, из которых 5 самых крупных принадлежали русским фирмам. Индийский чай победил китайский просто потому, что издержки производства в крупном производстве меньше, чем в мелком, потому, что Индия поставляет массовый стандартизованный товар, а в Китае нет массового стандартного чая, потому, что Индия обрабатывает чай капиталистически, а Китай обрабатывает чай по-китайски, по-азиатски, по-кустарному.

3. Будучи монополистом в области чаеторговли (долгое время Америка покупала китайский чай через Лондон, и только Россия создала свой торговый аппарат в Китае), Англия использовала свое монопольное положение для распространения индийского и цейлонского чая. Китайский торговый капитал оказался бессильным и, идя по линии наименьшего сопротивления, сумел лишь еще более усилить эксплоатацию китайского крестьянина-производителя.

Все эти причины вместе взятые привели к упадку культуры чая в Китае. «50 лет тому назад Китай поставлял 90% всего чая, доставляемого в Великобританию, а в настоящее время — 10%. 20 лет тому назад из Китая вывозили в САСШ 51 млн. фунтов (английских) чая, в 1913 г. — только 1/3 этого количества и только 1/5 всего количества чая, ввозимого в САСШ. Канада потребляет больше 40 млн. фунтов чая ежегодно, а Китай поставляет из этого количества меньше 1/20» [2].

Падение вывоза чая из Китая после 1886 г. иллюстрируется следующими цифрами (в тысячах таэлей):

---

[1] Журнал «Capital», Правительственное приложение.

[2] «Chinese Commerce» изд. морской таможни 1923 г., 563.

Годы	Черный чай	Зеленый чай	Кирпичный чай
1885	1 618	214	495
1900	853	200	320
1910	633	296	631
1916	771	306	674
1921	136	267	23
1926	292	329	299

В то же время падает относительное значение Китая на мировом чайном рынке. В 1860 г. Китай поставил на мировой рынок около 90% всего чая. В 1896 г. на долю Индии и Цейлона приходилось 58%, а Китая — 42,1%. В 1925 г. доля Индии и Цейлона равнялась — 69%, а Китая — 10,8% [1].

Позиция Китая на мировом рынке подорвана, и, сравнивая роль отдельных стран в области вывоза чая, мы получим следующую картину (в квинталах) [2].

Страна	1909—1913 гг. в среднем	1922 г.
Цейлон	857 355	779 299
Индия	1 186 097	1 353 370
Китай	803 022	284 016
Формоза . . .	108 647	50 794
Голландская Индия	231 955	328 209
Ява	237 312	342 240
Япония	178 904	108 998

Эта таблица показывает, что не только в Китае, но и на Формозе и даже в Японии мелкие крестьянские хозяйства, несмотря на государственную поддержку, не могли выдержать конкуренции крупных плантаций. В 1885 г. чай составлял 45% всего вывоза Китая, а в 1926 г. — только 3,03%. Одновременно падают цены на чай: 1 пикуль черного чая стоил в Китае в 1872 г. 37,79 ам. долл., в 1882 г. — 22,14 долл., в 1892 г. — 18,35 долл., в 1902 г. — 11,09 долл. Только накануне войны и по окончании ее цены на чай повысились: в 1912 г. 1 пикуль стоил 18,22 долл., в 1921 г. — 20,31 долл.

При понижении цен на чай доход Китая из вывоза чая уменьшается даже в том случае, если в количественном отношении вывоз растет. Вот данные о вывозе всех сортов чая за период 1918—1927 гг.

1918	401 227	пикулей	1923	801 417	пикулей
1919	690 155	»	1924	765 935	»
1920	305 206	»	1925	833 008	»
1921	430 328	»	1926	839 317	»
1922	576 073	»	1927	872 176	»

[1] Б. В. Торгашев, China as Tea Producer, 159.
[2] «International Yearbook of Agricultural Statistics», 1923 г., 195, 197.

За период 1924—1927 гг. намечается некоторый рост вывоза чая. Это объясняется почти исключительно появлением СССР в качестве покупателя китайского чая. В 1926 г. СССР ввез из Китая 48 255 пикулей черного, 12 476 пикулей зеленого и 134 427 пикулей кирпичного чая. Но появление СССР в качестве покупателя вряд ли изменит существенно положение чаекультуры в Китае. СССР покупает уже индийский и цейлонский чай, и японская конкуренция также дает себя чувствовать.

Кроме того СССР также развивает разведение чая не только в мелком крестьянском хозяйстве, но также в колхозах и совхозах, применяя современную технику.

Но все же во время конфликта между гоминдановским правительством и СССР по поводу КВЖД гильдии чаеторговцев прямо-таки вопили и требовали от Нанкина скорейшей ликвидации конфликта.

Уменьшение вывоза отразилось, разумеется, на культуре чая в Китае. Крестьяне запустили чайные плантации или вырубили чайные кусты и перешли на другие культуры. В Фуцзяне этот процесс сказался особенно резко, и консульские донесения неоднократно отмечают особенно катастрофическое падение разведения чая. Гуандун, Аньхуй, Хунань, Цзянсу и Чжэцзян также не избежали этого процесса.

Определить размеры внутреннего потребления чая чрезвычайно трудно. Имеющиеся данные противоречивы. Совершенно ясно лишь, что внутреннее потребление во много раз превышает вывоз. По данным гильдии чаеторговцев Бэйпин потребляет ежегодно 40 тыс. пикулей чая. В 1923 г., например, из открытых портов отправлено было 440 тыс. пикулей зеленого чая. Из этого количества на внешний рынок поступило только 284 тыс. пикулей. Торгашев полагает, что подушное потребление чая в Китае достигает 2,2 русского фунта [1]. Эта цифра кажется нам явно преувеличенной, ибо подушное потребление чая в САСШ составляет 1,8, в СССР — 1,2, в Японии — 0,5 фунта. Министерство земледелия и торговли утверждает, что весь сбор чая в Китае определяется в 5 519 574 пикуля и что под чайными кустами находится 5 353 355 му. Цифры эти не заслуживают никакого доверия. Они безусловно преуменьшены. В другую крайность впадает «Британская энциклопедия», определяющая внутреннее потребление чая в Китае в 16 млн. пикулей. Исходя из ежегодного среднего потребления чая на Формозе и полагая население Китая равным 427 млн. чел., Торгашев пришел к выводу, что внутреннее потребление достигает около 6,3 млн., а все производство — 7 млн. пикулей. При этом, разумеется, следует иметь в виду, что речь идет об обработанном чае, для получения же 1 пикуля обработанного чая требуется 3—3,5 пикуля сырых чайных листьев. Если подсчет Торгашева верен, то мы должны сделать вывод, что в Китае под чайными кустами находится около 30—40 млн. му.

Мы думаем, что Торгашев преувеличивает сбор чая в Китае, но во всяком случае ясно, что чаекультура играет все еще довольно важную роль в сельском хозяйстве Китая и что она удовлетворяет преимущественно спрос внутренний. Поэтому нам кажется небезынтересным ознакомиться с организацией чаеторговли, проследить прохождение чая

[1] Торгашев, China as Tea Producer, 220.

через китайскую товаропроводящую сеть. Заслуга Торгашева состоит в том, что он попытался проделать эту работу.

Путь, проходимый чаем в Китае от производителя к потребителю, чрезвычайно сложен и длинен. Крестьянин разводит чайные кусты, собирает чайные листья, продает эти листья агентам чайных мануфактур или же сам поставляет их на мануфактуры. На мануфактуре производится свертывание чайных листьев, ферментация и поджарка, причем от способа ферментации и поджарки зависит, получается ли в результате обработки черный или зеленый чай. На китайских мануфактурах все эти процессы, равно как и предварительная сортировка чайных листьев, производятся ручным или ножным трудом. Часто чайные листья обрабатываются даже не на мануфактуре, а на дому крестьянина. Готовый чай продается китайскими чаеторговцами, которые организованы в гильдии. Китайский чаеторговец, поскольку он работает на экспорт, покупает чай у местных торговцев, последние посылают своих комиссионных агентов к производителям или предоставляют авансы провинциальным чаеторговцам для финансирования заготовок. Но чаеторговцы обычно бедны оборотным капиталом, и поэтому они часто обращаются к иностранным экспортерам за авансом, иностранные же экспортеры обращаются за авансом к местным банкам [1]. Итак китайский торговый аппарат возглавляется иностранным экспортером, а иностранный экспортер, с своей стороны, зависит от иностранного банка. Между китайским чаеторговцем и иностранным экспортером-посредником выступает компрадор иностранной фирмы. Таким образом получается, что, прежде чем попасть на рынок, чай проходит через руки десяти и больше посредников, и в результате этого «даже в годы процветания чаеторговли, доля производителя в цене чая была так ничтожна, что он даже не мечтал о том, чтобы накоплять что-нибудь и расширять или улучшить производство»... Рост вывоза чая из Китая оказал очень небольшое влияние на непосредственного производителя, который в течение долгих лет получал за свою работу тот же самый ничтожный доход... «Прохождение чая до рынка очень сложное дело, и до экспортера чай проходит часто через десять рук... Накладные расходы связанные с этим, в несколько раз превышают первоначальную цену чайных листьев, уплаченную производителю. Доставка на рынок, как общее правило, стоит больше, чем покупательная цена чайных листьев. Если к этому добавить еще налоги, лицзины, разного рода провинциальные налоги, комиссионные многочисленных посредников, незаконные налоги, собираемые местными властями, высокую экспортную пошлину, которая взималась еще недавно, то не будет удивительно, что 1 пикуль чая, который в Аньхуй покупается за 1 мекс. долл. 50 цент., в Шанхае уже продается за 14 долл... Вся прибыль остается в руках посредников и экспортеров» [2]. Советские хозяйственные органы покупают чай в Ханькоу и в Шанхае, и с их помощью мы имели возможность установить, что Торгашев не очень преувеличивает. Налоги, лицзинь, пошлины и прочие вымогательства государственного аппарата состав-

[1] «The Chinese Economic Bulletin», 1927, т. X, № 319.
[2] Торгашев, China as Tea Producer, 78—81.

ляют около 30—40% продажной цены чая. В Чжэцзяне, где чай от производителя до Шанхая проходит относительно немногочисленные лицзинные станции, разные виды обложения составляют 4—6 долл. с 1 пикуля чая, т. е. больше 1/3 стоимости чая. Если же цены падают, то доля налога повышается до 60—70% стоимости чая. Надо также иметь в виду, что каждый посредник взвешивает чай и каждый при этом надувает производителя. Точно выяснить размеры накладных расходов почти невозможно, ибо китайские купцы тщательно скрывают свои «коммерческие тайны», и кроме того в каждом конкретном случае в каждой провинции меняются способы и размеры торгового обмана. Здесь огромную роль играет между прочим и то, что чаеторговец получает за чай серебро, крестьянину же производителю он платит местной валютой, медяками, тунзерами, местными бумажными деньгами или просто им же самим выпущенными бумажными деньгами.

Вот глубокая причина упадка чаекультуры в Китае. Иностранный и китайский торговый капитал относятся к производству чая внешне. Разрозненные мелкие производители бессильны сопротивляться торговому обману, и торговый капитал лишает мелкого производителя подавляющей доли прибавочного продукта, тем самым лишая его возможности улучшить производство.

Вот почему культура чая в Китае не могла вырваться из порочного круга и перейти на новые методы производства. В этом заключается и одна из причин того, что торговый капитал перешел в лагерь контрреволюции в тот момент, когда крестьянское движение приняло серьезные размеры. Торговый капитал часто настроен оппозиционно против государственного аппарата, отнимающего в виде разных поборов 30—40% цены товара, и стремится к обузданию жадности милитаристов. Но когда на сцену борьбы выступил сам производитель и захотел разрушить тот аппарат, который съедает 90% цены товаров, купцы и милитаристы заключили союз против крестьянина-производителя, и гоминдан удовлетворился тем, что снизил вывозные пошлины на чай и обещал отменить лицзинь.

В тех странах, где развивался капиталистический способ производства, только крупное производство, только промышленный капитал мог свергнуть торговый капитал и заставить его играть второстепенную, обслуживающую производство роль. В области с.-х. производства этот процесс не завершен даже в Англии и в САСШ, где торговый и транспортный капитал все еще снимают сливки с с.-х. производства.

Проблема организации сбыта, проблема marketing с.-х. продуктов, освобождение фермера от чрезвычайной эксплоатации со стороны торгового капитала играет большую роль и в этих странах. Но в остальных колониальных странах эта проблема стоит неизмеримо острее.

Чаекультура в Китае переживает хронический кризис. Мировой экономический кризис нанес ей новый сокрушительный удар. Все растущее производство чая в Индии, на Цейлоне, Яве и в Японии, при ограниченном потреблении народных масс, привело к кризису перепроизводства чая. Накапливались огромные запасы чая, стремительно падали цены и все еще падают. Голландские и английские плантаторы заключили соглашение о сокращении сбора чайных листьев для смяг-

чения кризиса. Предполагают, что уменьшение продукции выразится за 1930 г. на 12% всей продукции (около 38 млн. англ. фунтов). До сих пор эта мера не дала результатов, и крупнейшие плантации вынуждены снижать дивиденды.

А мировой кризис чаекультуры, понятно, сильнее всего ударил по Китаю, где удары кризиса обрушились не на крупных плантаторов, а на крестьянское производство.

ГЛАВА XXV.

ИМПЕРИАЛИЗМ И КИТАЙСКОЕ ШЕЛКОВОДСТВО.

В древнем Китае шелк служил сырьем для производства одежды господствующих классов. Последние всячески поощряли поэтому шелководство и старались выжать из крестьянского хозяйства как можно больше шелка. В истории Китая бывали периоды, когда крестьянам предоставлялись особые наделы для разведения тутовых деревьев, когда крестьяне платили натуральный налог шелком и императорские декреты предписывали крестьянам разведение шелковицы. Вагнер ошибается, утверждая, что шелк играл когда-то в Китае чрезвычайно важную роль и что шелководство пришло в упадок вследствие распространения хлопка и стало снова развиваться только под влиянием иностранного спроса в XVII в.[1]. Хлопок вытеснил не шелк, а лен, джут и китайскую крапиву, и победил их потому, что «производство хлопка требует наименьшего труда, и поэтому хлопок имеет наименьшую цену, а наименьшая цена обусловливает максимум потребления»[2]. Внутреннему потреблению шелковых тканей для одежды зажиточных слоев нанесли первые удары не хлопчатобумажные ткани, а английские шерстяные изделия, но переход богатых слоев населения к шерстяным тканям происходит медленно, хотя в крупных городах заметно распространяется европейская мода, даже в настоящее время господствующие классы Китая все еще одеваются преимущественно в шелк. Но верно конечно, что шелководству дал сильный толчок иностранный спрос. Влияние иностранного капитала на китайское крестьянское хозяйство было в этом отношении весьма сильным. Разведение тутовых деревьев и вместе с ним разведение шелковичных червей распространилось по всей стране. В то же время, под влиянием империализма, в Китае создается крупная машинная шелковая промышленность, являющаяся по существу почти единственной чисто национальной отраслью промышленности. Развитие машинной промышленности не могло пока уничтожить шелкопрядение, как домашнюю промышленность, но нанесло ему тяжелые удары и подорвало его. В Японии уничтожение домашней шелковой промышленности продолжалось 40 лет. В 1893 г. еще 64% всего шелка-сырца и шелкопряжи были произведены ручным способом, преимущественно на дому. В 1920 г. уже 91% сырца и пряжи были произведены машинным и лишь 9% — ручным способом, и то скорее на мануфактурах[3]. В Китае этот процесс не зашел так

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 426.
[2] Маркс, Нищета философии, 60—61.
[3] Jechara, The Industry and Trade of Japan, 83.

далеко, как в Японии. Домашняя промышленность держится упорнее, но и здесь старинные мануфактуры начинают переходить на новые машины. В деревнях и уездных городах создаются новые шелковые мануфактуры. В крупных промышленных центрах создаются крупные машинные шелкопрядильни и даже шелкоткацкие предприятия, привлекая из деревни десятки тысяч крестьянок, превращая их в современных пролетарок с тем, чтобы выжать из них в течение нескольких лет все жизненные силы и выбросить их на мостовую. Империализм и развитие капиталистической шелковой промышленности в Китае революционизировали старомодное шелководство и способ обработки коконов.

В Японии в 1921 г. почти 10% всей посевной площади страны были отведены под тутовые деревья, и каждая третья или четвертая крестьянская семья получала значительную часть своего дохода от шелководства [1]. Неудивительно, что всякое колебание цены шелка в Нью-Йорке вызывает острые кризисы в японском сельском хозяйстве. В Китае относительная роль и значение шелководства в общей системе сельского хозяйства не играют столь важную роль, как в Японии. Тем не менее, по приблизительной и ориентировочной оценке, около 4—4,5 млн. крестьянских хозяйств заняты шелководством. В Японии около 35—45% всего экспорта страны составляет шелк, причем 80% всего вывоза идет в САСШ. В Китае вывоз шелка в 1926 г. все еще составлял 18,4% всего экспорта, и стоимость вывезенного шелка определялась в 156 млн. таэлей, несмотря на то, что относительное значение Китая, как поставщика шелка на мировой рынок, и относительное значение шелка в экспорте Китая сильно уменьшились.

«Было время, когда Китай был единственным поставщиком шелка для Запада. Потом в течение 50 лет Китай поставлял на мировой рынок 50% всего шелка. Если взять за основу средний вывоз за 1902—1904 гг., то Китай поставлял 27%, Япония — 28%, Италия — 25%, а все другие страны вместе взятые — 20% всего шелка на Запад» [2].

Если считать и внутреннее потребление шелка, то в период 1881—1890 гг. Китай производил 40%, в 1891—1900 гг. — 32%, в 1902—1905 гг. — 40% всего количества шелка-сырца в мировом масштабе.

Относительное значение Китая, как производителя шелка за этот период, как видим, не упало, но уменьшилось его значение как экспортера. В 1905 г. Япония отвоевала у Китая в деле вывоза шелка первое место, и с тех пор она все более и более усиливает свои позиции. В 1925 г. Япония поставляла на мировой рынок уже 60% всего шелка, оттеснив Китай с его 30% на второе место. Потребление шелка в мировом масштабе растет, но вывоз из Китая не увеличивается, и растущий спрос покрывается Японией. В то же время японская конкуренция нанесла тяжелые удары шелководству в Италии и Франции. В смысле дешевизны рабочей силы итальянская и французская крестьянка не может конкурировать с японской в области разведения коконов, точно так же, как французские и итальянские шелкомотальные фабрики не могут конкурировать с японскими. Шелкоткачество Лиона и Милана держится также на японском и китайском шелке-сырце. Крупнейший

---

[1] «The Japan Uearbook», 1924/25, 512.
[2] Morse, The Trade and Administration of China, 322.

потребитель шелка на мировом рынке, САСШ, совершенно отказался от попыток привить у себя разведение коконов и шелкомотальную промышленность, сознавая, что конкуренция с японскими и китайскими крестьянками и работницами почти невозможна ввиду дешевизны их рабочей силы.

Япония побила Китай и отвоевала у него господствующее положение на мировом рынке, благодаря лучшей постановке разведения коконов, благодаря тому, что дом японского крестьянина чище и удобнее для шелковичных червей, что правительство сделало много для улучшения производства, что борьба против эпидемических заболеваний шелковичных червей организована по последнему слову науки, что организация самой промышленности построена по последнему слову техники и т. д., и т. д. В Китае правительства не только не поддерживают, не только не организуют производства, но наоборот, прямо разрушают его. Генеральские войны разыгрываются уже в течение нескольких лет, главным образом вокруг Шанхая и Кантона, двух важнейших центров китайского шелководства. В 1926 г. японское правительство предоставило заем в размере 22,5 млн. иен, чтобы стабилизировать цены на шелк путем изъятия с рынка большого количества шелка. В 1927 г. оно израсходовало около 60 млн. иен, чтобы спасти шелководство от сокрушительных ударов конкуренции искусственного шелка. А во время кризиса в 1929—1930 гг. японское правительство снова тратило десятки миллионов на спасение шелководства. В то же время в Китае введены были новые налоги на шелк.

«В Китае из 1 000 яичек 300 погибает при первом испытании, из оставшихся 700 шелковичных червей 400 погибает во время воспитания, остальные 300 червей дают коконы низкого качества. Пропорция между производительной способностью итальянских и китайских шелковичных червей определяется в 100 : 25, не говоря о том, что погибающие во время воспитания китайские черви напрасно съедают тутовые листья» [1]. Отсталость и неорганизованность, старинная рутина, тяжелые жилищные условия, отсутствие правильно поставленного отопления крестьянских жилищ, эпидемические заболевания шелковичных червей и т. д. привели к тому, что в Италии, например, 1 *кг* шелка-сырца получается в среднем из 4 *кг*, а в Китае — из 6 *кг* коконов [2]. Вот почему Япония могла отвоевать у Китая господствующее положение на мировом рынке, несмотря на то, что в Китае климатические условия более благоприятны для шелководства, что тутовые деревья на юге Китая дают 6—8 сборов листьев, а в Японии только 4—5, что в Китае заработная плата еще ниже, чем в Японии.

Агенты Ост-индской компании еще в 1724 г. платили за 1 пикуль шелка-сырца 150 таэлей, причем таэль оценивался тогда свыше 7 шилл. Подрыв рыночной позиции Китая, усиление конкуренции со стороны других стран и увеличение вывоза из самого Китая привели к быстрому падению цены шелка во второй половине XIX в. В 1872 г. в Шанхае 1 пикуль белого шелка-сырца стоил еще 784 ам. долл., в 1882 г. — уже 416 долл., в 1902 г. — лишь 315 долл., а в 1921 г. — только 302 долл.

---

[1] Morse, The Trade and Administration of China, 323.
[2] Leo Durant, Raw Silk, 50.

Производя и вывозя все больше шелка, Китай получал за это все меньше и меньше денежного эквивалента или иностранного товара. В Японии за последние годы все чаще и чаще раздаются голоса, что издержки производства шелка уже достигли рыночной цены его и производство станет скоро убыточным. При этом следует иметь в виду, что шелк, являясь предметом роскоши, подвергается разнообразным спекулятивным махинациям. Будучи предметом роскоши, потребление шелка острее всего испытывает цикличные кризисы. В САСШ, в Италии и Франции существуют организации покупателей шелка-сырца, оказывающие сильное давление на цены. Колебания моды играют также немаловажную роль, и миллионы японских и китайских крестьян зависят от капризов американских и европейских дам. В результате цены на шелк испытывают такие скачки, что рациональное производство становится совершенно невозможным. В 1906 г. цены поднялись на 35%, в 1907 г. — упали на 35%. В 1919 г. разница между высшими и низшими ценами составляла 75%. К концу 1920 г. цены были на 75% ниже, чем в начале его. Торговцы и фабриканты сваливают весь риск, вызванный колебаниями цен на производителя коконов, т. е. в конечном счете на крестьянина. При этом следует иметь в виду, что раз крестьянин начал разводить тутовые деревья, он не может бросить эту культуру, ибо тутовые деревья дают листья в течение 8—15 лет, и разведение их требует особого приспособления полей, удобрения и орошения их, вырытия озер и т. д. Разведение коконов требует также вложения относительно значительных сумм в приобретение соответствующих приспособлений, и поэтому крестьянин вынужден заниматься этим делом даже в том случае, когда оно становится временно неприбыльным.

Влияние иностранного капитала на китайское шелководство сказалось в разных направлениях.

Спрос со стороны мирового рынка дал сильный толчок производству шелка. О росте вывоза шелка из Китая мы имеем следующие данные. В 1828 — 1833 гг. Ост-индская компания покупала ежегодно в среднем 4 314 пикулей шелка. В 1833—1837 гг. вывоз шелка определялся в 9 998 пикулей в среднем в год, в период 1839—1844 гг. (война) — в 1 664, в период 1845—1850 гг. — в 14 923, в 1860 г. — 67 123, в 1867 г. — 39 627, а в 1886 г. — 64 488 пикулей (включая шелк-сырец и шелковые ткани разных видов). Дальнейший вывоз шелка представляется в следующем виде:

Годы	Шелк-сырец	Дикий шелк	Коконы	Шелкоткань	Понже (ткань из дикого шелка)
	В тысячах пикулей				
1892	84	16	6	13	2,7
1901	107	20	8	17	2,7
1911	95	33	20	16	11,2
1916	103	18	30	14	24,7
1921	1 4	36	33	16	26,7
1925	131	34	23	11	17.2
1926	135	30	21	18	19,8
1928	147	28	16	15	17,2

Для лучшего понимания этой таблицы надо указать, что дикий шелк доставляют шелковичные черви, разводимые на тутовых и дубовых деревьях, а не в доме крестьянина. Крестьяне только собирают коконы, разматывают их и продают шелк-сырец. Дикий шелк имеется преимущественно в Китае и Индии. В Манчжурию, где много дубовых лесов, этот вид шелководства перевезли с собой переселенцы из Шаньдуна; шелковые фабрики в Чифу приспособлены к обработке этих коконов, и главным центром вывоза понже — ткани из дикого шелка — является именно Чифу. При учете вывоза коконов следует иметь в виду, что в Китае 5—7 пикулей коконов соответствуют 1 пикулю шелка-сырца.

Имея в виду эти обстоятельства, мы можем установить следующее: вывоз шелка-сырца в течение XIX в. растет, в период 1900—1918 гг. остается стационарным, после мировой войны снова начинается медленный рост вывоза.

Мы уже знаем, что за последние десятилетия рыночная позиция Китая подрывается Японией. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

Годы	Японский вывоз в тыс. пикулей	Рост в %	Китайский вывоз в тыс. пикулей	Рост в %
1905	70	100	101	100
1906—1910 . .	116	166	120	119
1911—1916 . .	173	248	127	120
1916—1920 . .	236	338	115	114

Вывоз дикого шелка разных видов растет, и в течение 34 лет количество вывезенного шелка удвоилось.

Вывоз коконов также возрос, но с тех пор как в самом Китае развивается машинная обработка шелковых коконов, обнаруживается тенденция к упадку вывоза коконов. Это, понятно, весьма положительное явление.

Вывоз шелкоткани в общем и целом остается стационарным. САСШ и Франция нуждаются преимущественно в шелке-сырце, а дальнейшая обработка последнего — шелкоткачество — прекрасно поставлена в этих странах. Шелкоткань, вывезенная из Китая, все еще представляет преимущественно продукт домашней промышленности и мануфактурного способа производства, и именно поэтому Китай не может поставлять в этой области массового стандартного товара.

Вывоз понже чрезвычайно быстро растет и с 1892 г. до 1921 г. увеличился в 10 раз.

Вывоз находится почти целиком в руках иностранных купцов. Лишь в 1928 г. китайские купцы отвоевали контроль над 8% вывоза.

Все эти данные указывают на то, что шелководство развивается, что все бóльшие и бóльшие посевные площади отводятся под тутовые деревья, что все больше крестьянских хозяйств занимается разведением тутовиц, с одной стороны, и коконов — с другой. Это подтверждается тем, что шелководство распространяется и в тех провинциях, где раньше оно было развито слабо.

В Гуанси шелководство является совершенно новым промыслом, возникшим лишь с 1860 г. Теперь же в Гуанси под тутовицы отведено 90 тыс. му земли, и производство шелка-сырца достигает 5 040 пикулей [1]. В Шаньси число тутовиц возросло с 66 млн. в 1920 г. до 80 млн. в 1922 г., а производство шелка-сырца за тот же период возросло с 758 до 1 240 пикулей. В Хунани и в Хубэе шелководство развилось преимущественно под влиянием возникновения шелковой промышленности в Ханькоу. При этом имеются основания полагать, что рост вывоза шелка происходил лишь в незначительной мере за счет сокращения внутреннего потребления. Правда, господствующие классы Китая, преимущественно горожане, начинают уже одеваться и в шерстяные ткани, но достаточно пройти по улицам Шанхая, Тяньцзиня, Ханькоу, Кантона и других центров западного влияния, чтобы убедиться в том, что шелк все еще является основной материей, употребляемой для одежды зажиточными китайцами. Падение цены шелка сделало его доступным и для средних слоев. Развитие чулочно-вязальной шелковой мануфактуры и даже промышленности, вывоз шелковых чулок и белья расширили область применения шелка.

Ряд цифровых данных подтверждает рост производства. Лин-Ланьский университет произвел обследование шелководства в Гуандуне. Обследование показало, что в Гуандуне занято шелководством около 2 278 тыс. чел., что под тутовицы отведено 1 555 тыс. му земли, что производство тутовых листьев определяется в 4 981 тыс. англ. фунтов, а сбор коконов — в 69,7 млн. ф., что из этой массы коконов получается около 104 640 пикулей шелка-сырца. В то же время оказалось, что в среднем за период 1914—1924 гг. вывозилось ежегодно 39 443 пикуля шелка-сырца. Южный Китай вывозит таким образом около 38% всего своего производства шелка-сырца [2].

Другим крупным центром шелководства в Китае является долина Янцзы с Шанхаем. Лица, знакомые с положением дела, утверждают, что «68% всего китайского шелка производится в долине Янцзы, в Чжэцзяне и на севере, и только 32% на юге» [3]. Точных данных о производстве шелка-сырца в долине Янцзы мы не имеем. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что в Центральном и Северном Китае сбор коконов составляет около 900—1 000 тыс. пикулей, в то время как на юге он дает около 500—600 тыс. пикулей в год.

В Гуандуне из 5—6 пикулей, а в долине Янцзы из 6—7—8 пикулей коконов получается 1 пикуль шелка-сырца. В 1914—1924 гг. из Шанхая вывозились ежегодно в среднем 35 303 пикуля шелка-сырца фабричного производства и 15 570 пикулей белого и желтого шелка-сырца ручного производства. Остальное количество шелка идет на внутреннее потребление. Эти данные показывают, что в Центральном Китае доля шелка, идущего на покрытие внутреннего спроса, больше, чем в Южном. Шелкоткачество на дому и на шелкоткацких фабриках также более развито в Центральном Китае, чем на юге.

В 1923 г. из всех открытых портов было отправлено 37 973 пи-

---

[1] Howard and Buswell, A Survey of the Silk Industry of South China, 34.
[2] Ibidem, 36.
[3] «China Yearbook», 1925, 506.

куля шелковых тканей. На внешний рынок поступило из этого количества 14 533 пикуля. В 1924 г. эти цифры равнялись соответственно 30 700 и 13 303 пикуля, а в 1925 г. — 33 204 и 14 072 пикуля.

Если принять за основу гуандунское соотношение между внутренним потреблением и вывозом на внешний рынок, т. е. если предположить, что 38% шелка вывозится, а 62% потребляется на внутреннем рынке, то, по приблизительным и весьма грубым подсчетам, за исключением дикого шелка и понже, все производство шелка-сырца составило в 1926 г. 410 тыс. пикулей, и сбор коконов должен быть определен в 2 100—2 500 тыс. пикулей.

Для производства 1 пикуля шелка-сырца требуется в среднем разведение тутовиц на площади в 20 му. Отсюда можно сделать вывод, что в Китае под тутовицы отведено около 8½—10 млн. му земли. Эти же подсчеты указывают на то, что производство шелка-сырца в Китае все еще превышает производство Японии. В период с 1913 г. до 1923 г. производство шелка-сырца составляло в Японии в среднем 325 тыс. пикулей в год, а в Китае — 390—410 тыс. пикулей. Но Китай вывозил на внешний рынок лишь 38—40% своего производства, в то время как Япония — 72%.

Мы не претендуем, конечно, на абсолютную точность подсчетов, но смеем утверждать, что наши данные дают приблизительную и ориентировочную картину китайского шелководства. Понятно, мы не отрицаем, что наша попытка определить место шелководства в общей системе китайского хозяйства нуждается еще в исправлениях и дополнениях.

Итак несомненно, что влияние иностранного капитала на сельское хозяйство Китая сказалось и в значительном развитии шелководства. Это однако только одна сторона медали.

Развитие шелководства сопровождалось подрывом обработки коконов на дому у крестьянина. Разматывание коконов, шелкопрядение и шелкоткачество являлись старейшей отраслью домашней промышленности в Китае. Имеются довольно достоверные данные о том, что шелкопрялка, употребляемая в крестьянском доме в настоящее время, была изобретена в Китае уже 3 тыс. лет тому назад. Старые орудия и ручной и ножной способ труда господствовали безраздельно до второй половины XIX в. Первая машинная шелкопрядильня в Китае построена была лишь в 1866 г. в Гуандуне.

За исключением арсеналов очевидно это была первая современная фабрика в Китае. В период 1892—1902 гг. в Кантоне учреждается ряд машинных шелкопрядилен, и отчет морской таможни за 1901 г. отмечает, что «машинные шелкопрядильни процветают, и качество производимого ими шелка гораздо лучше шелка, производимого старинным способом» [1].

В то же время машинное производство шелка пустило корни и в Шанхае. Первая машинная шелкопрядильня открылась в 1880 г. В 1901 г. комиссар морской таможни мог уже сообщить следующее: «Десять лет тому назад существовали только три шелкопрядильни современного типа... В настоящее время в Шанхае имеется 28 шелкопрядилен...» [2].

---

1 «The Maritime Customs, Decenial Reports 1892 — 1901», vol. II, 196.
2 Ibidem, v. I, 511.

Машинная шелкопрядильня требует вложения небольшого капитала. Даже крупнейшие шелкопрядильни Шанхая начали работать с основным капиталом от 15 до 75 тыс. долл., причем оборотный капитал они берут взаймы у туземных банков. Благодаря этому шелковая промышленность может развиваться быстрым темпом. В настоящее время в Гуандуне имеются 299 шелкопрядилен современного типа, причем в среднем на одной фабрике занято около 300 рабочих. Заработная плата колеблется от 25 до 90 центов и в среднем составляет 40 центов в день. Интересно отметить, что заработная плата составляет только 10% всех издержек производства. Этим объясняется отсталость оборудования шелкопрядилен в Гуандуне и в Китае вообще. В Шанхае число шелкопрядилен возросло с 28 в 1902 г. до 81 в 1926 г., а в 1929 г. до 104. На шелкопрядильнях Шанхая занято в настоящее время около 47—50 тыс. работниц и приблизительно 5—7 тыс. рабочих и надсмотрщиков.

В Уси еще 20 лет тому назад шелкопрядение производилось исключительно при помощи старомодных шелкопрялок на дому у крестьянина, а в 1927 г. имелись уже 22 шелкопрядильни с 13—14 тыс. работниц. В 1928 г. выстроили 6 новых фабрик. В Сучжоу, Нанкине, Чинцзяне, Ханькоу, Чунцине и т. д. и т. д. также находятся крупные шелкопрядильни. Для обработки шаньдунского дикого шелка в Чифу и в Циндао имеется 58 более или менее крупных шелковых фабрик. В Ханчжоу построено уже 14 крупных шелкоткацких фабрик. В Гуандуне, в Мукденской провинции и в Шанхае также наблюдается развитие крупного машинного шелкоткачества. Но шелкоткачество развивается так же как капиталистическая мануфактура. Небезынтересно отметить, что если цены на шелк-сырец и на шелкоткань падают очень низко и шелкопрядильные и шелкоткацкие фабрики сокращают производство и закупку коконов, то коконы обрабатываются снова на мануфактурах и у крестьян на дому. Такой процесс перехода к более отсталой технике наблюдался в 1926 г. даже в районе Шанхая. Несмотря на рабски дешевый женский труд, на 12—16-часовой рабочий день и на беспощадную эксплоатацию детского труда, крупное машинное производство не может выдержать снижения цены шелка ниже известного уровня. Крестьянка на дому продолжает производство за счет сокращения своей и без того нищенской заработной платы. Фабричная работница оказывает уже известное сопротивление неимоверной эксплоатации со стороны предпринимателя.

Машинные шелкопрядильни не только обрабатывают коконы, но под давлением американского рынка перешли ко вторичной обработке шелка-сырца, производимого в крестьянском доме или на мануфактурах. В 1926 г. из Китая было вывезено 15 100 пикулей шелка-сырца, произведенного старомодным способом, 13 тыс. пикулей шелка, переработанного на фабрике, и 107 тыс. пикулей шелковой пряжи машинного происхождения. Шелкопрядение, как домашняя промышленность, не уничтожено, но подорвано основательно. Старомодные мануфактуры постепенно переходят на современную машину и на пар как двигательную силу.

Обработка дикого шелка также переведена на современный способ обработки. В 1926 г. было вывезено дикого шелка фабричного произ-

водства 30 214 пикулей, а старомодного производства — только 882 пикуля.

Развитие машинного, и главным образом мануфактурного, шелкоткачества нанесло уже первые удары шелкоткачеству как домашней промышленности.

Итак империализм дал сильный толчок развитию шелководства, но в то же время сильно подорвал шелкопрядение как домашнюю промышленность, начал подрывать шелкоткачество как домашнюю промышленность, привел к созданию крупного машинного шелкопрядения, усилил развитие мануфактурного шелкоткачества и начинает создавать крупное машинное шелкоткачество. Старый способ производства заменяется новым.

Процесс перехода к новому способу производства происходит, однако, в очень тяжелых для крестьянина условиях. Падение цен на шелк сильно бьет по китайскому крестьянину. Соотношение между ценами других видов текстильных изделий и шелка меняется в пользу первых. Хозяйство крестьянина-производителя испытывает преимущественно отрицательные стороны перехода к новому способу производства, а его положительные стороны идут в пользу торгово-ростовщического и промышленного капитала. На каждой стадии производства мы видим ростовщика, который сдирает свои 20—30%. И если даже крестьянин-производитель достаточно зажиточен для того, чтобы обойтись без ростовщического займа, то на него давит бесподобная в смысле эксплоатации производителя китайская товаропроводящая сеть, типично азиатская организация торговли. Достаточно будет привести два обстоятельства, чтобы показать власть торгового капитала над производителем.

Свежие коконы содержат много воды, и их надо высушивать в специально приспособленных для этой цели печах. Торговцы коконами за уплату налогов и за взятки получили монопольное право на содержание таких сушильных печей и вообще на торговлю коконами. Этим путем создались крупные центры торговли коконами, и, как мы видели, владельцы ярмарочных мест и сушильных печей стали финансировать шелководов путем предоставления им ростовщических займов. В Гуандуне, например, имеется 185, в Чжэцзяне — 330, в Цзянсу — 456 ярмарочных мест для покупки коконов [1]. Монополия на торговлю коконами весьма прибыльное дело. Гильдия владельцев ярмарочными местами устанавливает правила взвешивания коконов, стандартное качество и, что важнее всего, цены коконов. Крестьянин-производитель бессилен. Организованный в гильдии торговый капитал надувает его при взвешивании и беспощадно обдирает при установлении цен.

Каждое ярмарочное место имеет целую армию комиссионных агентов. Эти агенты покупают коконы в деревнях, за что им причитается известный процент и от продавца и от покупателя. Часто даже на самом ярмарочном месте крестьянин продает свои коконы через посредство этих агентов. Агент-брокер получает 2—3% продажной цены от крестьянина и 1—1,5% от владельца ярмарочного места. И если даже

---

[1] «The Chinese Economic Monthly», 1926, № 2, 564.

крестьянин продает свои коконы без посредника, он должен платить 3% с продажной цены владельцу ярмарочного места, а покупатель — 1,5%. Так обстоит дело в Гуандуне. В Чжэцзяне «производитель платит посреднику-агенту 2,5%, но если предложение коконов со стороны производителей очень большое, то и 7—8%» [1].

Не лучше обстоит дело с налогами. В 1884 г. с 1 пикуля коконов платили в Гуандуне 12 долл., а в 1924 г. — уже 36 долл. 49 центов. Торговый капитал и государственный аппарат оставляют производителю только ничтожнейшую часть прибыли от шелководства, и если на мировом рынке цены падают, то у производителя не остается никакой прибыли. Орошение тутовиц производится из искусственных озер, и без доходов от рыболовства, при низком уровне цен, разведение тутовых деревьев было бы убыточно.

Таким образом, если даже производитель обходится без ростовщического займа, то прибыль от шелководства съедают торговый капитал, милитаристы, откупщики, лицзинные станции и т. д. Один из недурных знатоков китайской экономики по части торговли и валюты, Канн, проследил прохождение шелковых отбросов от Сычуани до Шанхая. Оказалось, что 1 пикуль сычуанских отбросов продавался в Шанхае за 35 таэлей, причем издержки транспорта, страхование груза, налоги, лицзинь и вымогательства чиновников по пути от Сычуани до Шанхая составили 21 таэль [2]. Естественно, что при таких услозиях производитель не может получать соответствующей прибыли.

В этих условиях торговли и обложения заключается главная причина того, что китайское шелководство отстает, что крестьянин не в состоянии улучшать производство, что Китай терял и теряет свои позиции на мировом рынке. При этом следует иметь в виду, что обрисованные выше условия не улучшаются, а ухудшаются. Кроме того быстрый рост производства искусственного шелка в Италии, Германии, САСШ и в Японии уже оказывает свое влияние в смысле подрыва шелководства. В 1892 г. во всем мире произведено было 31 тыс. фунтов пряжи из искусственного шелка, в 1902 г. — 5 млн. фунтов, в 1912 г. — 20 млн., а в 1926 г. — 300 млн. [3]. Сам Китай ввозит уже искусственный шелк на 8—10 млн. таэлей ежегодно.

Шелководство, один из старинных китайских промыслов, переживает глубокий хронический кризис.

Мировой кризис в 1929—1930 гг. обострил этот кризис в небывалом масштабе. Кризис шелководства нарастал как раз на фоне американского «процветания» в течение нескольких лет. Потребление шелка в САСШ довольно быстро возросло, и это вызвало рост производства коконов и расширение посевной площади под тутовицами. Если посевная площадь под тутовицами во всем мире, за исключением Китая, составляла за период 1923—1927 гг. в среднем 2 035 тыс. *га*, то в 1928 г. она составляла уже 2 217 тыс. *га*, а в 1929 г.—2 204 тыс. *га*. Продукция коконов в среднем за период 1923—1927 гг. выражалась в 368 млн. квинталов, в 1928 г.— в 421 млн., а в 1929 г.— уже в 457 млн. Когда

---

[1] «The Chinese Economic Monthly», 1926, № 2. 572.
[2] «North China Daily News», 1927, 21 ноября.
[3] «The Cotton Yearbook», 1927, 551.

«процветанию» наступил конец, сократилось в первую очередь потребление шелка. Цены начали стремительно падать, несмотря на все контрмеры японского капитала. Шелковые фабрики даже в Японии сокращают производство или закрываются. А в Китае только в Шанхае из 104 шелковых фабрик закрылось 70 уже в мае и 80 к июлю. Из 170 шелковых фабрик в Чжэцзяне и Цзянсу 32% потерпели крах. В Кантоне катастрофа началась позже, но банкротство и закрытие фабрик происходят быстрым темпом. Производство шелка в 1929 г. составило лишь 60% производства 1928 г. В 1929 г. сбор коконов был также исключительно плохим в долине Янцзы. Но плохой сбор сопровождался еще и резким падением цен к концу года. Закрытые фабрики не покупают коконов. В городах работница шелковых фабрик стала безработной. В деревнях крестьянин, занимавшийся разведением тутовиц, остался без риса точно так же, как и крестьянка, занимавшаяся разведением шелковичных червей. А зарплата занятых рабочих на шелковых фабриках была снижена на 15—20%!

Китайский рабочий и крестьянин получили наглядный урок для суждения о капиталистических кризисах.

ГЛАВА XXVI.

ТЕКСТИЛЬНЫЕ РАСТЕНИЯ И СУДЬБЫ ДОМАШНЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

К постановке вопроса.

«Одно из необходимых последствий развития крупной машинной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьяне не могут жить. Крестьяне разоряются как крестьяне; их покупательная сила сводится до минимума, и пока они обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов»[1].

Так писал Энгельс в письме от 22 сентября 1892 г. к Ник—ону и он продолжал далее: «Последний новый рынок, открывшийся для английской торговли и показавшийся способным вызвать временное оживление благосостояния — это Китай. Поэтому-то английский капитал так настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности, причем здесь это зло не будет даже уравновешено, хотя бы в некоторой мере, развитием собственной крупной промышленности, а потому сотни миллионов народа будут поставлены тут в полную невозможность жить».

Итак Энгельс уже в 1892 г. предсказывал гибель крестьянской домашней промышленности и разорение китайского сельского хозяйства в Китае.

---

[1] «Письма Маркса и Энгельса», Госиздат, 318.

Однако мы знаем, что Маркс именно относительно Индии и Китая подчеркивал, что прядение и ткачество являлись «исконной интегральной частью единства промышленно-земледельческого производства», и «большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают самое упорное сопротивление продуктам крупной машинной промышленности» [1].

Маркс и Энгельс считали следовательно, что решающим, с точки зрения развития китайского крестьянского хозяйства, является вопрос о том, в какой степени капитализм подорвал исконное единство промышленно-земледельческого производства, насколько ему удалось отделить промышленность от земледелия. Все здание китайского сельского хозяйства должно рушиться, если это отделение промышленности от земледелия зашло уже достаточно далеко. Таким образом при изучении китайского крестьянского хозяйства перед нами во весь рост встает вопрос о судьбах крестьянской домашней промышленности, о судьбах прядения и ткачества в качестве старинной домашней промышленности, с которой современная капиталистическая домашняя промышленность, работа дома на скупщика, ничего общего не имеет. В Китае, равно как в других колониальных и полуколониальных странах, изучение этого вопроса осложняется тем, что высоко развитые капиталистические страны ввозят в Китай хлопчатобумажные и шерстяные ткани и снабжают Китай пряжей, что в самом Китае уже после смерти Энгельса развилась крупная текстильная промышленность, потребляющая отчасти иностранное сырье, что из Китая вывозят хлопок и китайскую крапиву для снабжения сырьем текстильной промышленности других стран, что наряду с развитием крупной машинной индустрии в Китае развивается и капиталистическая мануфактура и капиталистическая домашняя промышленность, как ее придаток. Все эти процессы идут параллельно, зависят друг от друга и дополняют и обусловливают друг друга. Если поэтому мы хотим дать более или менее ясный и определенный ответ на вопрос о том, уничтожено ли исконное единство мелкого крестьянского земледелия с прядением и ткачеством, то мы должны выяснить, по мере возможности, следующие вопросы: 1) состояние хлопковых культур в Китае; 2) размеры и удельный вес иностранного ввоза в деле снабжения китайского рынка текстилем; 3) развитие машинного производства в самом Китае и удельный вес крупной промышленности в деле снабжения внутреннего рынка текстилем; 4) наконец, вопрос о характере крестьянской домашней промышленности.

Мы заранее извиняемся перед читателем, что наши ответы на эти, казалось бы, очень простые вопросы не будут достаточно точны и определенны. Объясняется это как отсутствием надежных статистических материалов, так и глубокими различиями в положении отдельных провинций Китая. В Чжэцзяне и Цзянсу рынок наводняют крупное машинное производство Шанхая и ввозные иностранные товары, в Хобэе наряду с машинным производством имеется широко развитая капиталистическая мануфактура; в Гуандуне, ввиду отсутствия хлопка, текстильная промышленность не могла развиваться, зато Гонконг наводняет

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 133.

провинцию иностранными товарами и т. д. и т. д. Словом, различия огромны.

Климатические условия оказывают значительное влияние на спрос. На северо-западе (Шаньси, Шэньси и Ганьсу) носят зимой куртки из бараньих шкур, ибо шкуры там очень дешевы ввиду близости районов овцеводства. В Манчжурии кожаная куртка обходится дорого, и там защищаются против холода тем, что подбивают свою одежду ватой. То же самое практикуется в Северном и Центральном Китае. На юге не так холодно, и зимняя одежда из китайской крапивы дает во многих местах достаточную защиту от холода.

Этим однако не исчерпываются различия между отдельными частями страны. Велико различие между городом и деревней. В открытых портах и в городах, более доступных для иностранного ввозного товара и для изделий китайской промышленности и мануфактуры, население одевается уже в бумажные ткани фабричного или хотя бы мануфактурного производства. Немецкий экономист Крис совершенно прав, утверждая, что «большой ввоз хлопчатобумажной ткани объясняется только спросом городского населения. В деревенском потреблении все еще преобладает ткань домашнего и мануфактурного производства» [1].

Мы не сомневаемся, что последующая разработка нами вопроса нуждается не только в дополнениях, но и в поправках. Все же кажется, что в общем и целом нам удалось уловить тенденцию развития и отразить в общих чертах влияние империализма на крестьянское хозяйство Китая в области разведения текстильных растений, с одной стороны, и в области преобразования способа производства текстиля — с другой. Незачем подчеркивать, что вопрос заслуживает самого серьезного внимания. Это оправдывает на наш взгляд подробное его изложение.

Развитие хлопководства в Китае.

Китайские летописи впервые упоминают о хлопке в V в. нашей эры. В Северном и Центральном Китае хлопок стал лишь в XII и XIII вв. основным сырьем для приготовления одежной ткани. Прослеживая на карте расположение хлопководческих районов, легко установить, что хлопководство имело и имеет место преимущественно в областях лёссовой почвы. В настоящее время хлопок разводится уже и в Чжэцзяне и в Южном Хубэе, где лессовой почвы нет, но это явление более позднего времени. Очевидно возникновение текстильной промышленности в Шанхае и Ханькоу дало толчок развитию в этих областях хлопководства. Из южных провинций хлопководство играет сколько-нибудь значительную роль только в Юньнани, где оно распространилось, повидимому, под влиянием Индо-Китая. Решающие районы хлопководства — провинции Хобэй, Шаньдун, Шаньси, Шэньси, Хэнань, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуй, Цзянси и Хубэй. В остальных провинциях оно играет незначительную роль либо вообще не имеет места.

Если рассматривать внимательно расположение и характер хлопковых районов, то бросается в глаза чрезвычайно резкое райониро-

[1] Kriess, Über Volks und Staatshaushalt Chinas, 30.

вание хлопководства. Во всех десяти провинциях специализировались на хлопководстве отдельные районы, расположенные непременно либо в долине рек или Большого канала либо вдоль железных дорог, — словом, на доступных, с точки зрения дешевого транспорта, территориях. Долины Желтой реки, Янцзы, Хуай, Цзянтан и Хань являются главными районами хлопководства. Это объясняется не только стремлением производителей разводить торговые культуры там, откуда легко доступен рынок, но и тем, что при большой плотности населения разведение технических культур в большом масштабе возможно лишь там, куда легче доставлять в случае нужды средства питания. Само собой разумеется, что резкое районирование хлопководства является уже результатом развития крупной текстильной промышленности. Текстильная промышленность Шанхая вызвала к жизни хлопководство в уездах Наньтунчжоу, Хукоу и Хаймынь, в которых свыше 4 млн. му отведено под хлопководство. В районах Ханчжоу и Нинбо хлопководство создано развитием крупной промышленности. Но в то же время идет и обратный процесс: развитие хлопководства вызывает к жизни текстильную промышленность, и теперь уже Сиань и Тайюан строят текстильные фабрики, чтобы сэкономить издержки транспорта хлопка в Шанхай, в Тяньцзинь и в Ханькоу, с одной стороны, и транспорта пряжи из Шанхая — с другой.

О тенденциях развития китайского хлопководства за последние 10 лет дают представления следующие данные [1].

Годы	Посевная площадь в тысячах му	Сбор хлопка в тысячах пикулей
1918	30 037	10 965
1919	28 321	9 910
1920	28 216	6 750
1921	27 455	5 438
1922	29 554	7 342
1923	29 554	7 144
1924	31 931	7 762
1925	31 000	6 575
1926	Неизвестно	5 680

Урожайность хлопка в Китае вдвое превышает урожайность Индии и выше даже, чем в САСШ. Несмотря на то, что китайский крестьянин удобряет хлопковые поля прескверно, и вследствие этого лучшие сорта хлопка в Китае, за исключением Шаньси и Шэньси, обычно вырождаются, трудоинтенсивная обработка полей и уход за растением обеспечивают в Китае 200—300 фунтов очищенного хлопка с 1 акра в то время, как в Индии средний сбор не превышает 100 англ. фунтов с 1 акра. Правда, китайский хлопок имеет очень короткое волокно и считается худшим сортом хлопка, так что по мере того как машинное прядение в Китае переходит на выделку пряжи высшего качества и высшей нумерации, становится необходимым ввоз американского и преимущественно индийского хлопка.

[1] Данные взяты из ежегодных изданий Ассоциации текстильных фабрикантов в Китае.

По сбору хлопка Китай занимает третье место в мире, после САСШ и Индии, однако рыночная позиция китайского хлопка на мировом рынке очень слаба. Чистый вывоз из решающих стран, т. е. разница между вывозом и ввозом хлопка, составлял:

Страны	Чистый вывоз (в тыс. кип)				
	За 1909—1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
САСШ	19 554	14 492	13 112	14 541	13 484
Индия	4 126	3 272	4 391	4 486	5 156
Египет	3 152	3 014	1 797	2 152	2 911
Китай	426	503	182	648	567

Господство на мировом хлопковом рынке САСШ (которое Англия и Франция пытаются подорвать разведением хлопка в своих колониях), которые в период с 1902 по 1927 г. имели от 51 до 64% мирового сбора хлопка, обозначает, что цены хлопка на мировом рынке зависят целиком от сбора хлопка в Америке. Цена американского хлопка повысилась с 4,87 пенса за фунт в 1900 г. до 7,26 пенса в 1914 г. Мировая война с ее огромным потреблением хлопка привела к небывалому со времени «хлопкового голода» в 1863—1864 гг. росту спроса на хлопок. За фунт хлопка платили в Ливерпуле в 1917 г. 7,51 пенса, в 1918 г. — 21,63, в 1919 г. — 19,73, в 1920 г. — 25,31 пенса. После войны начинается скачкообразное падение цены хлопка. В 1921 г. за фунт американского хлопка платили в Ливерпуле в среднем 11,89 пенса, в 1925 г. — 10,77, в 1926—1927 гг. — 5—6 пенсов.

Мировой экономический кризис привел к новому, резкому снижению цен на хлопок.

Разумеется, эти скачки цен падали на мелкое крестьянское хозяйство в Индии и в Китае, как удары кнута, и именно это скачкообразное падение цен объясняет, между прочим, дезорганизацию хлопководства, нашедшую свое выражение в снижении среднего сбора с 1 му в Китае.

В настоящее время, когда английский капитал делает отчаянные усилия сломить хлопковую монополию САСШ, когда в Южной Африке, в Месопотамии, на девственных полях Южной Америки и в Бразилии хлопководство быстро начинает развиваться, мелкие крестьянские хлопководы Дальнего Востока могут рассчитывать на еще более худшие дни. Торговый капитал со своей стороны делает все от него зависящее, чтобы подорвать успехи китайского хлопководства. Китайский купец с первого момента возникновения текстильной промышленности и вывоза хлопка всякими жульничествами ухудшает качество хлопка. Текстильные фабриканты и экспортеры Шанхая вынуждены были прибегать к помощи полиции, которая окружала город и не пропускала хлопок плохого качества. Долгое время шел спор о том, кто портит качество хлопка: крестьянин-производитель или купец-посредник. Обследование Нанкинского университета доказало наглядно, что «местные купцы, а не кре-

стьяне, ответственны за подделку, за порчу продуктов сельского хозяйства» [1].

Хлопок должен содержать не больше 8,5% воды. На хлопкоиспытательных станциях Шанхая низшим стандартом считается хлопок с содержанием 12% воды, хотя принимается товар, содержащий и 15%. Но китайский купец поставляет часто хлопок, содержащий 18—20% воды [2].

Сам крестьянин-производитель старается поставлять хороший, чистый товар. Но техническая отсталость в области очистки волокна от семян препятствует этому. Еще недавно отделение хлопка от семян производилось в Китае, так же как в Индии, старомодным деревянным орудием. Ввоз орудий нового типа из Японии начался в 1906 г., и вслед за этим в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу и других городах начали изготовлять эти орудия нового типа. Орудия эти, стоящие 20—30 долл., быстро распространились в Шаньси, Шэньси, Хобэе, Хэнани, Ганьсу и т. д. В Ханькоу имеются уже мастерские и мануфактуры, которые изготовляют в год 30 тыс. таких орудий. Но даже эти улучшенные орудия оставляют часто в волокне семена и листья, благодаря чему работница на крупных текстильных фабриках платит часто штраф именно потому, что нить разрывается и машина портится из-за семян и листьев. Разумеется, купец не принимает мер к очистке хлопка. Крупные хлопкоочистительные заводы существуют лишь на немногих местах. Крестьянин обычно продавал очищенный хлопок.

Плохое качество китайского хлопка объясняет то, что в Китае в среднем из 100 фунтов хлопка получается 70—75 фунтов пряжи, в то время как в Англии и Японии 80—85 фунтов.

Товаропроводящая сеть беспощадно эксплоатирует крестьян-производителей. Нанкинский университет организовал в Уцзяне кооператив для сбыта продуктов крестьянского хозяйства, причем оказалось, что несмотря на транспортные затруднения, на убытки в весе и на падающие цены хлопка, кооператив выручил значительно больше, чем если бы хлопок был продан на месте. «На каждый пикуль хлопка лучшего качества кооператив выручил 6,84 долл., а низшего качества — 4,84 долл. дополнительной прибыли» [3]. В Шэньси, где разводится хлопок высшего качества, производитель получал на месте за пикуль хлопка в 1917 г. 15—16 таэлей, в то время как в Шанхае 1 пикуль хлопка среднего качества стоил 26—36 долл. [4]. В большинстве случаев крестьянин-хлопковод собирает лишь небольшое количество хлопка, и для него нет смысла доставлять хлопок на городской рынок. Поэтому он продает свой товар агентам городских хлопкоторговцев, собирающим хлопок по деревням. Неудивительно, что «деревенская цена» значительно ниже городской.

Власть ростовщика и купца над хлопководами усиливается в Китае по мере того, как падение цен и рост ввоза дешевого американского и индийского хлопка действуют дезорганизующе на китайское хлопководство. Разумеется, это происходит на фоне помещичьей кабалы.

---

[1] Нанкинский университет, Eleventh Annual Report, 1924—1925, 19.
[2] «Chinese Ekonomic Bulletin», 1925, 232.
[3] Нанкинский университет, Twelfth Annual Report, 1925—1926, 26.
[4] «The Chinese Economic Monthly», 1926, № 5, 200.

Причины роста хлопководства.

Несмотря на все преграды и препятствия, китайское хлопководство развивалось быстрым темпом вплоть до послевоенного мирового кризиса. Если разобрать причины этого роста, то получим в высшей степени интересную и поучительную картину тех изменений, которые происходили в экономике Китая к концу XIX в. и в начале XX в.

а) Первой причиной роста хлопководства и в то же время одной из важнейших причин уничтожения прядения в качестве крестьянской домашней промышленности было развитие крупной машинной текстильной промышленности в Японии. Она развивалась на американском, индийском и китайском хлопке, ибо в самой Японии хлопка нет. По мере развития текстильной промышленности в Японии рос ввоз хлопка из Китая, вначале через Шанхай, а впоследствии и через Тяньцзинь. В 1895 г. вывоз хлопка из Китая оценивался в 11 млн. таэлей. В период 1899—1913 гг. он равнялся в среднем 14 млн. таэлей, причем львиная доля хлопка вывозилась в Японию, где он смешивался с индийским и американским хлопком или служил сырьем для пряжи самой низкой нумерации.

«Хлопковый голод» во время мировой войны и высокие цены на американский и индийский хлопок дали новый толчок к вывозу китайского хлопка. В 1914 г. вывезено было из Китая 675 тыс. пикулей, в 1918 г. — 1 230 тыс., в 1919 г. — 1 125 тыс. После войны САСШ и Индия снова усиливают свой вывоз в Японию. Теперь уже экспорт Китая целиком и полностью зависит от сбора хлопка в Америке и Индии. Он падает и повышается в зависимости от положения на мировом рынке. В 1920 г. вывезено было 280 тыс. пикулей, в 1921 г. — 576, в 1922 г. — 842, в 1923 г. — 974, в 1924 г. — 1 080, в 1925 г. — 800, в 1927 г. — 878 тыс. пикулей.

Развитие текстильной промышленности в Японии приводило к тому, что из Китая вывозилось все больше и больше хлопка. Крупная машинная промышленность Японии вступила в борьбу за сырье с крестьянской домашней промышленностью в Китае. Эта борьба усиливалась и обострялась по мере того, как в самом Китае стало развиваться крупное машинное производство пряжи. Речное и заокеанское судоходство поддерживало крупную промышленность. Ведь легче и дешевле доставлять из Цзянсу и Чжэцзяна хлопок в Японию, чем в Гуйчжоу. Рэмер совершенно прав, утверждая применительно к периоду 1885—1898 гг., что «возраставшие закупки китайского хлопка Японией представляли один из методов, при помощи которых прядение хлопка ручным способом было в конце концов уничтожено в Китае» [1]. Вывоз привел к вздорожанию хлопка на внутреннем рынке, и решающие районы хлопководства в долине Янцзы, Хобэе, Хэнани и Шаньдуне все теснее и теснее связывались с внешним рынком посредством судоходства и железных дорог.

Итак развитие текстильной промышленности в Японии было одной из причин развития хлопководства в Китае, с одной стороны, и уничтожения прядения хлопка в качестве крестьянской домашней промышленности, с другой.

---

[1] Ramer, The Foreign Trade of China, 87.

б) Второй и более важной причиной развития хлопководства и уничтожения прядения в качестве крестьянской домашней промышленности явилось развитие крупного машинного производства пряжи в самом Китае.

Развитие текстильной промышленности в Китае началось в 1880—1890 гг., когда была создана первая крупная паровая хлопкопрядильня с китайским капиталом. В 1891 г. в Шанхае китайские купцы открыли вторую текстильную фабрику, которая в 1893 г. выплатила 25% дивиденда. В 1894 г. открылись две фабрики с 90 тыс. веретен и 750 ткацких станков.

Иностранный капитал в это время не мог еще выступать в Китае в сфере производства. Она была закрыта перед ним. Только после китайско-японской войны Симоносекский договор предоставил японским подданным право «заниматься всеми видами промышленной деятельности во всех открытых городах и портах в Китае». Прочие капиталистические державы получили на основании принципа «наибольшего благоприятствования» те же права, что Япония [1]. После первых трудных шагов развитие происходило быстрым темпом. В Китае имелось веретен:

Годы	Количество (в тыс.)
1908	750
1913	964
1916	1 154
1920	1 600
1923	2 540
1924	3 164
1925	3 569
1926	3 558

Бурное развитие текстильной промышленности происходило во время войны, когда фабрики давали сказочные прибыли, когда империализм не мог наводнять Китай своими товарами и когда японские текстильные фабриканты, с целью экономии издержек транспорта и использования разницы между заработной платой японского и китайского рабочего, начали строить заводы в Шанхае. В 1926 г. китайские фабрики имели 2 035 316, японские — 1 347 947, английские — 205 320 веретен.

После предъявления Китаю Японией 21 требования в 1915 г. разразился бойкот японских товаров. Бойкот привел действительно к уменьшению ввоза некоторых видов японских хлопчатобумажных тканей и пряжи, но не мог уменьшить ввоза других видов, импорт которых даже увеличился. Бойкот все же дал могущественный толчок развитию китайской национальной промышленности. Строились крупные прядильни, и началось развитие ткацких фабрик. В Ханькоу, например, первый толчок к развитию ткацких фабрик дал бойкот японских товаров. В настоящее время в Ханькоу имеется уже 65 ткацких фабрик и мануфактур с основным капиталом в 10 млн. долл. и в области дешевой хлопчатобумажной ткани эти фабрики успешно конкурируют даже с дешевой

[1] Mac Murray, Treaties and Agreements with and concerning China, 1894—1919, т. I, 21.

японской тканью [1]. В Шанхае и Ханчжоу, в Хобэе, Манчжурии, Хэнани, в Шаньдуне, Цзинани, Циндао также появились ткацкие фабрики. Машинное прядение не отделено в Китае от машинного ткачества, как например в Англии, и в большинстве случаев прядильни начали строить и ткацкие фабрики. До мировой войны в Китае имелось лишь несколько тысяч паровых ткацких станков. В 1925 г. число паровых ткацких станков достигло 13 371, а в 1926 г. — уже 24 057. Бойкот японских товаров в 1919 г. в связи с попыткой захвата Шаньдуна и бойкот иностранных товаров в 1925 г. после шанхайских расстрелов явились новыми толчками к развитию машинного прядения и ткачества.

Бойкот японских товаров в 1928 г. по поводу оккупации Шаньдуна японскими войсками и обложение запасов японской пряжи и ткани пошлинами на 20% по стоимости последних также вызвал значительное оживление китайской национальной промышленности, и за этот год выдавались дивиденды вплоть до 28%. Высокая конъюнктура продолжалась недолго. Мировой экономический кризис положил ей внезапный конец. Но подобные конъюнктуры в послевоенный период являются исключением.

Усиление борьбы за китайской рынок, с одной стороны, и генеральские войны и вызванное ими разорение внутреннего рынка — с другой, вызвали тяжелый кризис текстильной промышленности в самом Китае. В 1924 г. работало неполное время 970—980 тыс. веретен, а в 1925 г. было приостановлено или работало неполное время 892—1 657 тыс. веретен.

Мировой же кризис уже в 1929 г. привел к тому, что из 280 текстильных фабрик закрылось 14. А после декабрьского краха на шанхайской бирже, когда, например, курсы акций компании «Эво» снизились с 25 до 14 долл., а акции японской текстильной фабрики — с 105 до 4 долл., этот темп ускорился. В Кантоне из 10 фабрик в июне 1930 г. работало только 3, и в Шанхае производство на японских фабриках уменьшилось на 30%. Но дело не только в биржевом кризисе. Текстильная промышленность переживает хронический кризис в мировом масштабе. Кризис этой отрасли промышленности является лишь одним из частичных хронических кризисов. Угольная промышленность, сельское хозяйство, судостроение, кожевенная промышленность переживают хронический кризис уже в течение нескольких лет. Во время войны и после нее выросла текстильная промышленность в отсталых и колониальных странах, а потребление народных масс в колониальных странах скорее сократилось.

Рост ввоза хлопчатобумажных тканей и впоследствии развитие текстильной промышленности имели еще одно важное последствие, а именно — возникновение и развитие красильных фабрик и красильных мануфактур в Китае. Если верить китайским летописям, древние китайцы уже 4 тыс. лет тому назад красили ткани в пять цветов. Окраска тканей осталась китайским промыслом и после того, как начался ввоз иностранной ткани. Иностранные купцы предоставили китайцам красить ткани по своему вкусу. В центрах торговли тканями и в центрах текстильной промышленности возникли красильные заводы и большие красильные мануфактуры. Современный способ красильного производства

[1] «The Chinese Ekonomic Bulletin», 1925 № 14, стр. 22.

докатился уже до Калгана, где перекрашивают ткани по вкусу монголов. Старомодный способ красильного производства быстро заменяется современным химическим.

Развивавшаяся текстильная промышленность нуждалась в сырье, в хлопке. Потребление в хлопке росло по мере увеличения числа веретен. При этом следует иметь в виду, что потребление хлопка на 1 веретено в Японии, в Китае и даже в Индии несравненно больше, чем в Европе или в САСШ. Английское веретено работает 8 либо 6 часов в день, в Азии же веретена работают с перерывом в 2—3 часа круглые сутки. В 1920 г. тысяча веретен в течение одного года обработали в Англии 64, в САСШ — 181, в Индии — 319, в Японии — 660, а в Китае — 539 кип хлопка. В 1926 г. тысяча веретен обработали в Англии 52,8 (сокращение производства вследствие всеобщей забастовки), в САСШ — 170, в Индии — 242, в Японии — 505, в Китае — 510 кип хлопка [1].

Если принять в основу данные Международной ассоциации текстильных фабрикантов, то рост потребления хлопка китайской текстильной промышленностью рисуется в следующем виде [2].

Годы	Потребление (в тыс. пик.)
1907 — 1908	1 637
1912 — 1913	2 407
1919 — 1920	3 240
1922 — 1923	4 875
1923 — 1924	4 734
1924 — 1925	6 551
1925 — 1926	7 117

Потребление хлопка китайской текстильной промышленностью возросло в течение 20 лет более чем в 4 раза. Быстрый темп развития промышленности не мог не вызвать отставания сельского хозяйства в смысле снабжения промышленности необходимым сырьем.

Мы знаем из опыта СССР, где сельское хозяйство развивается в совершенно иных общественных и технических условиях, что быстрый скачок в развитии индустрии вызывает отставание в снабжении промышленности растительным сырьем. Советская власть преодолевает отсталость сельского хозяйства коллективизацией, развитием средств производства для сельского хозяйства, тракторами, комбайнами, развитием химической промышленности созданием совхозов, поднятием урожайности. Перед буржуазно-помещичьим Китаем этот путь закрыт.

В Китае наступило «относительное недопроизводство растительных и животных сырых материалов». Судьбы хлопководства в Китае прекрасно иллюстрируют не только этот тезис Маркса, но и его утверждение о том, что «чем ближе подходим мы в истории производства к современности, тем регулярнее оказывается, и как раз в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительно вздорожания и вытекающего отсюда позднейшего обесценения сырых материалов органического происхождения» [3]. Эти смены периодов вздо-

[1] Данные Международной ассоциации текстильных фабрикантов.
[2] Тот же источник.
[3] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 98.

рожания и удешевления сырья имеют огромное влияние на сельское хозяйство колоний и полуколоний в смысле дезорганизации его.

Отставание сельского хозяйства от развития промышленности вызвало необходимость ввоза хлопка в Китай. Размеры ввоза колеблются в зависимости от цены и сбора хлопка в САСШ и в Индии. По мере того как японские и английские прядильни в Китае переходят на выделку пряжи высшей нумерации, т. е. высшего качества, ввоз американского и индийского хлопка становится необходимым хотя бы потому, что китайское короткое волокно не годится для выделки пряжи высшей нумерации. Ввоз хлопка в Китай составлял (в пикулях):

Годы	Ввоз	Годы	Ввоз	Годы	Ввоз
1902	251 219	1910	205 915	1918	190 110
1903	62 817	1911	39 675	1919	239 003
1904	65 129	1912	279 192	1920	678 297
1905	94 243	1913	134 735	1921	1 682 526
1906	45 357	1914	126 483	1923	1 606 284
1907	116 307	1915	364 390	1924	1 219 218
1908	99 022	1916	407 644	1925	1 807 450
1909	114 389	1917	300 128	1926	2 745 017

Сопоставляя данные о ввозе и вывозе хлопка, с одной стороны, и данные о потреблении хлопка текстильной промышленностью и о сборе хлопка в Китае — с другой, мы получим следующую картину:

Годы	Сбор хлопка в Китае	Ввоз	Вывоз	Потреб. хлопка текстил. пром. в Китае	Остаток
	В тысячах пикулей				
1912 — 1913	8 617	279	625	2 407	5 864
1919 — 1920	9 910	239	1 125	3 240	5 784
1922 — 1923	7 342	1 682	974	4 875	3 175
1923 — 1924	7 144	1 219	1 080	4 734	2 539
1924 — 1925	7 762	1 807	800	6 551	2 218
1925 — 1926	7 575	2 745	878	7 117	2 325 [1]

Мы хотели бы обратить внимание читателя на последнюю графу этой таблицы. Указанные там цифры дают количество хлопка, оставшегося для домашнего потребления и в качестве запаса хлопка текстильных фабрик, причем эти запасы очень значительны и достигают иногда 1 млн. пикулей. Что же мы видим?

Мы видим, что по мере вывоза хлопка, но главным образом по мере роста потребления хлопка паровыми прядильнями стремительно падает то количество хлопка, которое остается для домашнего потребления

[1] Небольшой рост «остатка» за 1925/26 г. объясняется тем, что цены хлопка в этом году были очень низки, и текстильные фабрики закупили значительное количество (2,7 млн. пикулей) иностранного хлопка про запас.

у крестьянина. Текстильная промышленность всевбольшей и большей мере отнимает хлопок сырец у крестьянской домашней промышленности. Фабрика уничтожает прялку китайской крестьянки.

В настоящее время 120 тыс. работниц производят на шанхайских текстильных фабриках машинным способом такое количество пряжи, как когда-то 25—30 млн. крестьянок на крестьянской домашней прялке. Работницы производят и лучшую, и более дешевую пряжу. Превращение 120 тыс. крестьянок в работниц-пролетарок обозначает следовательно, что десятки миллионов крестьянок остались без побочного домашнего занятия. В этом отношении характерны данные о провинции Шаньси. Население ее составляет 11 654 тыс. чел., в том числе 5 107 тыс. женщин. «Большинство женщин в южной и юго-западной части провинции помогает мужчинам в земледелии. Женщины в центральных и восточных уездах провинции заняты главным образом домашней промышленностью, как прядением, ткачеством и разведением шелковичных червей. Большинство женщин в северном Шаньси и вблизи местностей вроде Тайюан (столица провинции) не имеют никакого побочного занятия, кроме домашнего хозяйства. Полагают, что около 2 500 тыс. женщин в Шаньси не имеют никакого занятия и 80—90% этих женщин принадлежит к бедным слоям населения, и только меньше 20% — к зажиточным слоям»[1]. Теперь этих женщин обучают прядению и ткачеству, но это уже не крестьянская, а капиталистическая домашняя промышленность. А шаньсийское издание гандизма в смысле восстановления крестьянской прялки так же безнадежно и обречено на неудачу как его возрождение в Индии.

Вопрос о «безработице» крестьянок является одной из самых трудных проблем не только в Китае, но и в Японии и в Индии.

Мы хотели бы однако обратить внимание читателя на некоторые немаловажные моменты. Мы отметили уже, что не располагаем точными данными о сборе хлопка в Китае и что приведенные нами данные вероятно преуменьшают действительный сбор. «Cotton Yearbook» утверждает, что «по мере роста машинного прядения в Китае все больше и больше хлопка задерживается в стране, много хлопка обрабатывается и в домашней промышленности и таким образом не проходит через какие бы то ни было коммерческие организации»[2]. Верно, что много хлопка остается в крестьянском хозяйстве для домашнего потребления, но неверно, что много хлопка потребляется в домашнем прядении. В Северном и Центральном Китае большое количество хлопка употребляется крестьянином для подбивки летней одежды, так как отдельной зимней одежды у него нет. В Шаньси, где зима довольно сурова, крестьянин употребляет около 2 ф. хлопка для подбивки одежды на зиму, и это стоит ему около 70 центов. Постельное белье крестьянина состоит из одного стеганого одеяла, подбитого хлопком. В общем, для подбивки одежды и постельного белья употребляется в Китае значительное количество хлопка и наверно не меньше 1,5—2, а может быть и 3 млн. пикулей. В отдаленных областях страны, недоступных для подвоза пряжи, домашняя

---

[1] «The Chinese Economic Bulletin», 1925, № 247, 276.
[2] «The Cotton Yearbook», 1927, 62.

прялка крестьянки также играет еще довольно важную роль. Мы не можем конечно привести никаких цифр о количестве крестьянских прялок и потребляемого ими хлопка. Такие вещи не поддаются подсчету. Но даже в Индии прядение в качестве домашней промышленности крестьянок не ликвидировано полностью, хотя там ввоз иностранной пряжи начался раньше и текстильная промышленность возникла раньше. Несомненно поэтому, что в Китае даже в районах хлопководства нельзя говорить о стопроцентном уничтожении прядения в качестве домашней промышленности, но развитие идет в этом направлении быстрыми шагами.

Один из устоев старого способа производства, соединение земледелия с домашним прядением, почти уничтожен в Северном и Центральном Китае. Особая трагедия китайского крестьянского хозяйства состоит в том, что уничтожение домашнего прядения совершилось не только в результате развития текстильной промышленности в Китае, но и как последствие ввоза иностранных бумажных тканей и главным образом ввоза иностранной пряжи. В течение долгих лет старинное крестьянское хозяйство теряло свою устойчивость, но за счет его потерь долгое время не создавалась промышленность. Крестьяне разорялись как крестьяне, но они не могли обосноваться как пролетарии, ибо на них работали не китайские, а английские, впоследствии индийские и потом японские фабрики.

Ввоз иностранной пряжи и крестьянская домашняя промышленность.

После опиумной войны английская текстильная промышленность стремилась главным образом к увеличению ввоза в Китай хлопчатобумажных тканей, что давало однако весьма слабые результаты. Ввоз хлопчатобумажных тканей увеличивался медленно и главным образом за счет потребления богатых горожан. Зато ввоз пряжи рос быстро. Он составлял по годам в тысячах пикулей:

Годы	Ввоз	Годы	Ввоз	Годы	Ввоз
1878	100	1906	2 541	1921	1 273
1885	388	1911	1 860	1923	752
1891	1 200	1916	2 467	1924	553
1896	1 621	1919	1 405	1925	618
1901	2 267	1920	1 203	1926	415

Мы хотели бы отметить следующие моменты:

1. Ввоз пряжи достиг кульминационного пункта в 1899 г. и удержался приблизительно на том же уровне до 1916 г., когда товарный голод на мировом рынке, с одной стороны, и развитие текстильной промышленности в Китае — с другой, привели к стремительному падению ввоза пряжи. Таким образом происходили следующие процессы:

а) иностранная пряжа фабричного производства вытесняет китайскую пряжу домашнего производства (первый период до 1899 г.);

б) иностранная и китайская пряжа фабричного производства вместе вытесняют китайскую пряжу домашнего производства;

в) китайская пряжа фабричного производства вытесняет иностранную

пряжу и занимает на внутреннем рынке ее место и место пряжи домашнего производства.

Под китайской пряжей следует подразумевать и японскую и английскую пряжу, произведенную на территории Китая.

2. Значительные колебания в области ввоза пряжи, равно как и тканей, объясняются отчасти и качеством урожая в Китае. Одна из важнейших характерных черт текстильного рынка на Дальнем Востоке заключается в том, что после хорошего урожая растет ввоз текстильных изделий и местное производство их, а после плохого урожая обычно наступает резкое снижение ввоза и местного производства. Разумеется, здесь многое зависит от ценообразования.

В случае хорошего урожая пищевых продуктов страна не нуждается во ввозе последних и может ввозить больше промышленных изделий. В случае хорошего урожая технических и торговых культур, предназначенных и для экспорта, хороший урожай становится в действительности хорошим, если падение цен не уравновешивает количественный рост урожая.

3. Первоначально пряжа ввозилась в Китай из Англии. Однако по мере развития индийской текстильной промышленности ввоз из Англии сокращается, а из Индии растет. Текстильная промышленность Индии выросла не только за счет внутреннего потребления, но и за счет китайской домашней промышленности. В 1892 г. Англия ввезла в Китай 49 тыс. пикулей, а Индия — 1 254 тыс. пикулей пряжи. В 1899 г. ввоз пряжи из Индии в Китай достиг уже 1 906 тыс. пикулей.

В 1894 г. начался ввоз пряжи из Японии. После китайско-японской войны бурно развивающаяся японская текстильная промышленность выбрасывает на китайский рынок все больше и больше пряжи. Японская пряжа вытесняет постепенно индийскую из Китая, — мало того, начинает конкурировать с ней и в самой Индии. На китайском рынке японская промышленность одерживает победу над индийской не только вследствие дешевизны японского товара (ночной труд женщин, географическая близость), но вследствие того, что Япония не только продает Китаю пряжу, но и покупает китайский хлопок. В 1925 г. из Индии было вывезено в Китай только 39 тыс. пикулей, из Японии — 405 тыс. пикулей, а из Гонконга — 286 тыс. пикулей пряжи.

Посмотрим теперь, какую роль играет ввозная иностранная пряжа и пряжа, изготовленная на фабриках в Китае, в деле снабжения страны. Для облегчения подсчета будем исходить из того, что из 1 пикуля хлопка в Китае получается в среднем около 80% пряжи. Получается следующая картина (данные в тыс. пикулей):

Годы	Ввозная пряжа	Фабричное производство в Китае	Всего
1912—1913	2 685	1 924	3 609
1919—1920	1 405	2 592	3 997
1922—1923	752	3 899	4 651
1923—1924	553	3 746	4 299
1924—1925	618	5 247	5 865
1925—1926	414	5 693	6 107

Таблица эта позволяет сделать следующие выводы:

А. По мере роста фабричного производства пряжи в Китае, уменьшается ввоз иностранной пряжи.

Б. Еще важнее тот вывод, что ввозная пряжа и фабричное производство пряжи вместе взятые не могут удовлетворить всей потребности внутреннего рынка, даже если принять во внимание ввоз хлопчатобумажных тканей. «Гардероб» китайского крестьянина состоит обычно из двух одеяний, которыми он обходится в течение 2 лет. Беднейшие слои населения покупают два одеяния в 3 года. Если предположить, что для изготовления одного одеяния требуется только 5 ф. пряжи и если даже не считаться с тем, что часть пряжи идет на другие изделия (зимнее пальто, белье, постельное белье, полотенца и др.), то из всего количества пряжи можно было изготовить: в 1912/13 г. — 96 млн. одеяний, в 1919/20 г. — 107 млн., в 1925/26 г. — 163 млн. Конечно цифры эти носят лишь ориентировочный характер, и мы хотели бы подчеркнуть всю их условность и неточность, но во всяком случае они убедительно доказывают, что ввоз пряжи и фабричное производство ее в самом Китае не могут покрыть всей потребности страны.

Возникает вопрос: в какой мере потребность страны удовлетворяется ввозом хлопчатобумажных тканей? По подсчетам ассоциации текстильных фабрикантов Англии, в 1913 г. ввоз хлопчатобумажных тканей в Китай покрыл около 34%, а в 1925 г. — около 22% всего потребления. Если даже исходить из того, что население Китая составляет только 300 млн. чел., то оказывается, что свыше 100 млн. китайцев остаются без одежды. Во что они одеваются? На северо-западе — в ткань из пеньки, а на юге — в ткань из китайской крапивы.

Другие текстильные растения — пенька и китайская крапива.

На юге основное текстильное растение — китайская крапива. На северо-западе, где нет хлопководства, основное текстильное растение — пенька. В областях овцеводства некоторую роль в качестве сырья для одежды играет еще шерсть, но значение ее падает, ибо шерсть вывозится и монголы покупают все больше и больше бумажных тканей. Лен разводится в Китае лишь как масло-зерновое растение. Десятки миллионов китайцев на юге и миллионы на северо-западе одеваются в ткани, изготовленные из китайской крапивы и из пеньки.

О разведении этих видов текстильных растений у нас нет даже приблизительных данных, несмотря на то, что мировой рынок все больше и больше интересуется ими. Китайская крапива, известная на мировом рынке под названием «china grass», считается «одним из лучших, самых тонких и самых прочных текстильных растений. Она лучше льна, влага не влияет на нее, она содержит в себе 78—80% целлюлозы... Ткань из китайской крапивы похожа на шелк, и она употребляется поэтому в качестве смеси с шелком, льном, хлопком и шерстью для выделки особо тонких тканей» [1].

Вывоз китайской крапивы, пеньки и джута растет, о чем свидетельствуют следующие данные (в пикулях):

---

[1] Морская таможня, «The Principle Articls of Chinese Commerce», 1923, 59.

Годы	Вывоз	Годы	Вывоз
1892	61 598	1912	306 324
1897	99 474	1917	522 855
1902	222 478	1925	563 949
1907	300 882	1926	502 645

Империализм проникает на наших глазах и в эту отрасль китайского сельского хозяйства. Но все же этот вопрос еще не изучен, и мы имеем только либо «официальные» данные, либо разрозненные, мало характерные цифры об отдельных областях. Чиновники министерства торговли и земледелия утверждают, что в 1915 г. сбор всех текстильных растений, за исключением хлопка, составил 19 млн. пикулей. Но цифра эта явно и бессовестно преувеличена. Достаточно указать, что в Хубэе. например, одном из главных центров разведения этих текстильных растений, ежегодный сбор их составляет не то 218, не то 236 тыс. пикулей, а в Хунани крупнейший район их разведения, уезд Юанцзян, дает около 25 тыс. пикулей [1].

На северо-западе и на юге пенька разводится только в мелком крестьянском хозяйстве в порядке севооборота, преимущественно для удовлетворения домашних нужд. Под китайскую крапиву обыкновенно отводится маленький кусок земли на весь год, ибо она вырастает чрезвычайно быстро и ее можно жать три раза в год. Вагнер утверждает, что в Центральном и Южном Китае крапива «является главным текстильным растением... и что каждый китайский крестьянин в этих областях разводит на более или менее обширных участках китайскую крапиву и обрабатывает ее волокно в чистом виде или смешивая его с другими материалами в ткань для членов семьи» [2]. Эта картина была когда-то верна, но в настоящее время нуждается уже в значительных коррективах. Если проследить торговлю открытых портов на юге Китая, то оказывается, что в Фучжоу, Амой, Сватоу, Кантон и т. д. и т. д. ввозится все возрастающее количество хлопчатобумажной пряжи и ткани иностранного и китайского происхождения. В районе Сватоу свыше 30 тыс. женщин заняты домашним ткачеством на скупщика, и они обрабатывают исключительно привозную из Шанхая и Гонконга хлопчатобумажную пряжу. Словом, на юге также начался уже процесс вытеснения других текстильных растений хлопком, но этот процесс не зашел еще так далеко, как в долине Янцзы или на севере. На юге имеются еще большие области, где крестьянин разводит китайскую крапиву, крестьянка прядет из нее пряжу и ткет ткань, подобно тому как на северо-западе пенька дает сырье для крестьянской домашней промышленности. И в этом факте кроется простое объяснение того, во что одеваются десятки миллионов китайцев — их одевает домашнее сырье и отчасти крестьянская и домашняя промышленность. Но эта идиллия исчезает. Спрос мирового рынка в возрастающей мере отнимает у домашней промышленности это сырье. Из Цзянси, Хубэя, Сычуани и Гуандуна вывозится все больше и больше этих текстильных растений. Крестьяне Южного и Северо-западного Ки-

[1] «The Chinese, Economic Monthly», 1925, № 9, 9.
[2] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, 356.

тая все более и более переходят к тому, чтобы продавать пеньку и китайскую крапиву и покупать дешевую хлопчатобумажную пряжу и ткани.

Но идиллия подрывается и с другой стороны. Скупщик-купец все более и более подчиняет себе крестьянскую домашнюю промышленность, превращая ее в современную капиталистическую домашнюю промышленность. Торговля тканями из китайской крапивы равнялась только между открытыми портами в 1923 г. 8,3, в 1924 г. — 9,4, в 1926 г. — 8,6 млн. таэлей, и это только ничтожная часть всей торговли на внутреннем рынке. В 1926 г. вывоз из Китая такой одежды составлял 25 659 пикулей на сумму в 5,6 млн. таэлей. Товар отправляется в Корею, Японию, Сиам, Голландскую Индию и на Малайские острова. На последних главными покупателями являются китайские эмигранты. Вся эта товарная масса поставляется на рынок крестьянством. Крестьянки продают 1 *м* этой прекрасной ткани, одежда из которой носится 5—6 лет, за 10—15 центов. Товар конечно проходит через 3—4 агентов, посредников, купцов.

Вывоз сырья и торговля готовыми изделиями отчасти подрывают крестьянскую домашнюю промышленность, отчасти начинают превращать ее в современную домашнюю промышленность. По мере усиления конкуренции иностранной и китайской хлопчатобумажной ткани фабричного производства, цена ткани из китайской крапивы понижается. Под ударами конкуренции со стороны крупной промышленности крестьянка вынуждена еще более снижать свои потребности. В долине Янцзы сырье и готовые одеяния из крапивы и пеньки все более и более превращаются в товар, а крестьянская домашняя промышленность в современную домашнюю промышленность на скупщика. На юге однако, может быть, за исключением Гуандуна и окрестностей открытых портов, старомодная прялка крестьянки еще прядет. Там процесс ее вытеснения и разрушения далеко не завершен. Это относится к Гуйчжоу, Гуанси и Юньнани, в значительной мере к Фуцзяни, Сычуани, а также к западной части Шаньси, Ганьсу и Шэньси. И когда война, бандитизм и прочие прелести китайского милитаризма закрывают торговые пути или когда пряжа чрезмерно дорожает, китайская крестьянка снова возвращается к старомодной прялке.

Судьбы китайского ткачества как домашней промышленности.

Мы пытались в предыдущих главах выяснить вопрос о судьбах прядения на дому. Нам предстоит еще выяснить, в каком положении находится ткачество в качестве крестьянской домашней промышленности. К сожалению этот вопрос, по крайней мере в доступной нам литературе, совершенно почти не затронут и не изучен.

Иакинф, применительно к середине XIX в., говорил о том, что «в Северном Китае женщины заняты пряжею хлопчатой бумаги и тканьем бумажных холстов», что «в торговле наиболее видны хлопчатобумажные и шелковые изделия», что «сверх этого великое множество китайки (так называемой китайской ткани, известной под названием «нанкинская» ткань) идет из Китая в Монголию, в Сибирь, Среднюю Азию». Торговля китайскими тканями велась и с Кореей, куда направлялось «великое

множество китайской ткани и шелка» [1]. Словом, внутренняя и внешняя торговля тканями китайского происхождения была довольно развита в середине XIX в.

Корреспондент «Таймса», путешествовавший в Китае во время Тайпинского восстания, подметил, что иностранная ткань только с большим трудом может вытеснить китайскую. Он указывает на то, что европейское «калико» выдерживает китайский способ стирки между камнями лишь в течение нескольких месяцев, а китайская ткань — 6 лет. К началу XX в. англичане уже начали понимать, что не им одеть миллионы китайцев. В 1901 г. комиссар морской таможни Унвин пишет: «Самый важный урок нашей торговле, на мой взгляд, заключается в провале дешевой ткани Ланкашира, которая не могла завоевать себе почву среди беднейших слоев населения. Я не знаю специальных причин этого провала, но несомненно дешевизна индийской пряжи — одна из этих причин. Мы должны считаться с фактом, что одеть миллион китайцев ткацкими станками Запада — сон» [2].

Все отчеты морских таможен за этот период полны воплей о том, что Китай ввозит мало хлопчатобумажной ткани. Но китайское ткачество само претерпевает значительные изменения. Китайское ткачество переходит постепенно на более дешевую фабричную пряжу. Однако сам метод производства к концу XIX в. еще не изменился. В начале 80-х годов даже в Цзянсу и Чуанцзыне крестьяне еще сами ткали свои одежды, как показали выборочные обследования Джемисона. Чиновник Коротков, командированный министерством торговли и промышленности царской России в Китай для выяснения причин быстрого падения ввоза русских тканей, писал в 1914 г.:

«В Собственно-Китае широко развита выделка кустарным способом тканей из хлопка, шелка и некоторых волокнистых растений, как конопля, джут, рами (китайская крапива) и др. За исключением наиболее обеспеченных и привилегированных классов, в редкой китайской семье не найдется ткацкого станка. Особенно большое значение имеет производство материи из хлопка, так как большинство населения Собственно-Китая носит одежду преимущественно из бумажных тканей [3].

Коротков подметил, что прядение на дому уже подорвано, но старый вид домашнего ткачества упорно держится на привозной пряже. Он понял даже, что издержки транспорта играют большую роль в китайских условиях, и указал, что «при крайне плохом состоянии путей сообщения и широко развитом кустарном производстве тканей в названной стране, жителям тех внутренних провинций, где нет или почему-либо нехватает своего хлопка, зачастую оказывается более выгодным покупать заграничные мануфактурные изделия или иностранную пряжу, чем выписывать хлопок из других, хотя бы и соседних областей» [4].

---

[1] Иакинф, Китай в гражданском и нравственном состоянии, ч. 1, 39.

[2] Управление морских таможен в Китае, «Decennial Reports» 1892—1901, v. I, 184.

[3] Н. Н. Коротков, Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке, 1914 г., 13 и 26.

[4] Там же, 26.

Таким образом, по данным Короткова, в 1911—1912 гг. ткачество на дому и кустарное производство тканей в общем и целом не были подорваны. И на самом деле, в начале 1911 г. вся текстильная промышленность Китая располагала 3 805 паровыми ткацкими станками, которые вырабатывали около 45,6 млн. ярдов хлопчатобумажной ткани. Ввоз иностранной ткани равнялся в 1910 г. 140 млн., в 1911 г. — 153 млн., а в 1917 г. — 154 млн. таэлей. Совершенно ясно, что заграничное и китайское машинное производство тканей вместе взятые удовлетворяли лишь часть внутреннего спроса.

Мы не располагаем конечно точными данными о производстве тканей в самом Китае, и даже данные о машинном производстве тканей весьма неполны. Мы имеем лишь ориентировочную оценку Ассоциации текстильных фабрикантов в Англии о производстве ткани в Китае. Эти данные дают следующую картину (в млн. фунтов):

Годы	Производство ткани фабричным способом в Китае	Ввоз иностранной ткани в Китай	Производство домашним способом
1913 . . .	10	307	570
1925 . . .	27	265	870

Чем объяснить это странное на первый взгляд явление, что производство ткани домашним способом увеличилось не только абсолютно, с 570 до 870 млн. англ. фунтов, но и относительно с 62% до 74% всего производства? Объяснение этого обстоятельства простое. Производство ткани в Китае домашним способом претерпело за последние 20—25 лет значительное изменение как в техническом, так и в социальном отношении.

Домашнее производство пережило свою «техническую революцию» в том отношении, что старомодный деревянный станок заменяется более современным деревянным ткацким станком, а кое-где и современным железным ткацким станком. Улучшение орудия производства удвоило производительность труда более чем в 2 раза при употреблении современных деревянных ткацких станков и более чем в 5 раз при употреблении железного ткацкого станка. И теперь происходит борьба между четырьмя видами орудий производства. Деревянный ткацкий станок улучшенного типа вытесняет старомодный крестьянский ткацкий станок. В городских мануфактурах все чаще встречается уже железный ткацкий станок, а против всех этих орудий производства начал борьбу паровой ткацкий станок крупных ткацких фабрик. Разумеется, очень трудно хотя бы приблизительно определить — в каком положении находится в настоящее время ткацкое производство с этой точки зрения. Мы знаем, что, например, в Наньчане (пров. Цзянси), грубые ткани вырабатываются на старомодных станках на ткацких мануфактурах, причем ткань вырабатывается из привозной из Шанхая фабричной пряжи [1]. В Ханчжоу (пров. Чжэцзян) паровые ткацкие станки, очевидно, вытеснили старомодные ручные станки [2]. В Анцине (пров. Аньхуй) имеется 180 ткацких

[1] «The Chinese Economic Bulletin», 1926, № 273, 255.
[2] Ibidem, 1927, № 344, 163.

мануфактур с общим количеством ткацких станков в 1 000, большинство которых состоит из железных ткацких станков [1]. В Пи-ан-яо (пров. Шаньси) ткацкое производство начало развиваться 10 лет тому назад. В настоящее время имеется 30 предприятий, которые располагают 7 тыс. ткацких станков, могущих вырабатывать 1½ куска ткани в день (значит речь идет о современных деревянных ткацких станках). Ткачи работают на дому. Скупщик предоставляет им пряжу, и они получают 10—20 центов за каждый кусок ткани, т. е. вырабатывают 15—30 центов в день [2]. В крупном промышленном центре близ Шанхая, в Уси (пров. Цзянсу) «раньше ткацкое производство проводилось у крестьян на дому. Теперь в городе имеется 20 ткацких мануфактур с 3 тыс. ткацких станков, большинство которых состоит из современных деревянных ткацких станков» [3].

В крупном промышленном центре Ханькоу вплоть до последних лет перед революцией 1911 г. ткацкий промысел был домашней промышленностью. Первую ткацкую фабрику организовало провинциальное правительство. Первая частная фабрика открылась в 1912 г.

Во время войны число ткацких мануфактур возросло. В настоящее время многие ткацкие мануфактуры имеют также красильные отделения. Число таких мануфактур в Ханькоу достигает 54 с общим количеством ткацких станков в 4 049. Самые распространенные станки — деревянные, улучшенного типа. По общему мнению деревянный ткацкий станок улучшенного типа более пригоден для обработки шелка, чем железный [4].

В уезде Цзицзе (Хобэй) «нанкинская» ткань вырабатывается крестьянами на дому на старомодных станках, однако появляются уже станки улучшенного типа. В уезде Цзинфын ткацкое дело является все еще домашней промышленностью [5].

В Касине (Чжэцзян) шелк и хлопчатобумажная ткань вырабатывались еще недавно домашним способом на деревянных станках. В 1921 г. открылась первая ткацкая фабрика, имеющая паровые ткацкие станки и железные ручные ткацкие станки. В городе Шамин (Чжэцзян) имеются ткацкие мануфактуры с железными станками и деревянными станками улучшенного типа. В то же время в окрестностях города в деревнях имеется около 20 тыс. старомодных ткацких станков у крестьян на дому. «Крестьяне работают по заказу скупщика. Они получают смехотворно низкую плату... Ежедневный заработок крестьянок-ткачих наличными едва достигает 4 центов» [6].

Другой тип развития ткацкого производства представляет Чаоян (провинция Хобэй). «Некоторые местные джентри в 1902 г. выписали из Тяньцзиня несколько ткацких станков современного типа. В 1910 г. создалась первая мануфактура. На мануфактуре однако было только 8 ткацких станков. Остальные были сданы на прокат крестьянам. В 1913 г. эта мануфактура сдала на прокат около 200 ткацких станков. Теперь уже в 144 деревнях, с населением в 130 тыс. чел., около 90%

---

[1] Ibidem, 1926, № 529, стр. 76.
[2] Ibidem, 1926, № 296, стр. 296.
[3] Ibidem, 1925, № 211, стр. 129.
[4] Ibidem, 1925, т. VII, № 233.
[5] «The Chinese Economic Monthly», 1926, № 8, стр. 331.
[6] Д. К. Lieu, China's Industries and Finanses, 10.

всего населения занято ткачеством в свободное от земледельческих работ время. Ткачество распространяется и в соседних уездах».

Здесь мы видим, как городская мануфактура создает вокруг себя в качестве своего придатка капиталистическую домашнюю промышленность, причем этот процесс сопровождается в данном случае улучшением орудий производства.

Что же касается тканей из китайской крапивы, то в этой области производство ведется исключительно на дому ручным способом, и очевидно мануфактура лишь начинает развиваться. В провинции Цзянси, например, имеются три типа организации производства:

1. Скупщик заказывает у крестьян или у кустарей известное количество одеяний, причем авансирует необходимую для покупки сырья сумму.

2. Скупщик сам покупает пряжу и предоставляет крестьянам и кустарям сырье. Ткачи получают известную заработную плату за выработку ткани.

3. Скупщик собирает у кустарей и крестьян через своих агентов готовую ткань.

Посмотрим еще, как организовано ткачество в районе Сватоу. В уезде Чаоян вырабатывается только грубая ткань на старомодных станках. Около 30 тыс. женщин занято в этом уезде ткачеством. 90% стоимости ткани представляет цена пряжи. 10% остается для зарплаты и прибыли скупщика. Крестьянка получает от скупщика за ткань известное количество пряжи. В уезде Чэн-хай вырабатывается «нанкинская» ткань на улучшенных деревянных станках. 80—85% стоимости ткани представляет цена пряжи. В уезде имеется около 5 тыс. ткацких станков. Крестьянка зарабатывает 8—10 долл. в месяц. Оплата поштучная. В уезде Синнин имеется около 20 тыс. ткацких станков разного, преимущественно старого, типа. Качество ткани постепенно улучшается. В то же время в районе Сватоу развивается выделка ткани из китайской крапивы, а выделка кружев дает занятие 30 тыс. крестьянок[1].

Мы могли бы привести еще бесконечное множество примеров, но нам кажется, что приведенные уже данные дают достаточно ясную картину той пестроты, которая царит в области ткачества как в техническом, так и в социально-экономическом отношении. Мы видим, что, начиная с допотопного ткацкого станка через улучшенный деревянный и железный станок, до современного парового ткацкого станка на крупных ткацких фабриках — все виды орудий производства существуют наряду друг с другом. Мы видим, что ткачество существует как старинная крестьянская домашняя промышленность, как современная домашняя промышленность на скупщика, как капиталистическая домашняя промышленность в качестве придатка городской мануфактуры, как капиталистическая мануфактура и как крупное машинное производство на капиталистической фабрике.

Ткачество, без сомнения, революционизируется и в техническом и в социальном отношении. Однако нельзя переоценивать темп этого про-

[1] Морская таможня, «Decennial Reports», 1912—1921, v. II, 181.

цесса. В настоящее время фабричное производство ткани в самом Китае едва покрывает 6% всей потребности. Допотопный станок все еще держится в деревнях. Железные ткацкие станки все еще являются редкостью. Они туго пробивают себе путь, ибо женский труд так дешев, что более дорогой мужской труд на железных станках является препятствием к их распространению. Тенденция к развитию крупной машинной промышленности и даже городской мануфактуры задерживается наличием и развитием современной домашней промышленности. Пока крестьянка работает на дому за 3—4 цента в день на скупщика, пока заработная плата составляет столь ничтожный процент издержек производства, до тех пор скупщик относительно мало заинтересован в том, чтобы превратиться в промышленного капиталиста. Дешевизна рабочей силы давила на развитие техники. Пока крупная ткацкая промышленность должна без таможенной защиты переносить удары японской, индийской, английской и американской промышленности, она конечно может развиваться лишь при наличии исключительно благоприятных условий. Все эти обстоятельства вместе взятые объясняют, почему развитие ткацкой промышленности далеко отстает от развития машинного прядения. В то время как в Китае в 1926 г. имелось на крупных фабриках 3 588 583 веретен, число паровых ткацких станков достигло лишь 24 087 (число ткацких станков в 1929 г. составило 29 500). Несоответствие между количеством веретен и ткацких станков — вопиющее.

Во всяком случае в Китае машинное производство оказало на ткачество, как на крестьянскую домашнюю промышленность и как на кустарный промысел, не столь острое и быстрое действие, как в Индии. Очевидно в Китае ткачество проделывает «английский путь развития», конечно с большой оговоркой на колониальное положение Китая.

Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и быстрый характер. Всемирная история не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся наконец в 1837 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 2½ пенса в день. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 гг.: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей» [1].

Но несмотря на быстрое и острое действие машинного производства на старинное индийское ткачество, в Индии имеется все еще больше 2 млн. домашних ткацких станков, покрывающих около 25% потребности страны в тканях.

В Японии ручной ткацкий станок оказывал машине упорное сопротивление, но потерпел уже окончательное поражение. В 1921 г. в Японии имелись 319 907 паровых ткацких станков и 604 937 ручных. В 1926 г., по данным Ассоциации японских текстильных фабрикантов, в мануфактурах применялось 120 тыс. ручных станков, но острое дей-

[1] Маркс, Капитал, т. I, 411.

ствие машины на ручное производство в Японии смягчается тем, что развивающееся машинное производство поглощает хотя бы часть рабочих, занятых раньше на ручных станках.

Относительно Китая мы не в состоянии привести хотя бы ориентировочные данные о количестве ручных ткацких станков, но мы также считаем, что «применение ручных станков в Китае более распространено, чем в какой бы то ни было другой стране... Ручные ткацкие станки распространены по всему Китаю, и тысячи их находятся в крестьянских домах, где на них работают после сбора урожая или в зимние дни, когда нет работы... Ткань, выработанная на этих ткацких станках, очень популярна среди китайцев, хотя часто цена домашней ткани такая же, как цена подобных иностранных тканей. Нельзя упускать из виду, что значительная часть этой ткани вырабатывается на дому для удовлетворения личного потребления, и пока народ может покупать хлопок и перерабатывать его в пряжу или покупать пряжу и перерабатывать ее в ткань в свободное от земледельческих работ время, он (народ) вероятно будет считать, что более экономно таким образом снабжать себя одеждой, чем покупать иностранный товар... Один китайский купец указал на интересную причину оживления и восстановления ручного ткачества. Он говорил, что в Сычуани покупают значительное количество пряжи для переработки на ручных станках и богачи делают все для поощрения этого промысла и ведут борьбу против иностранной ткани, потому что ручные станки дают занятие многим людям, которые таким образом зарабатывают 10—20 долл. в месяц. Если бы ручное ткачество было вытеснено иностранной тканью, то тысячи и тысячи людей остались бы без занятия и могли бы покупать значительно меньше» [1].

Американский коммерческий атташе уже понимает, что одевать миллионы китайцев все еще не дело иностранной фабричной промышленности. Чутьем хорошего купца, без всяких теоретических обоснований он дошел до понимания одной из особенностей современной китайской экономики. Он не замечает, что соединение промышленности с земледелием в настоящее время носит уже другой характер, но он правильно оценивает наличие такого соединения. Разумеется, дешевая японская ткань и развитие ткацких фабрик в самом Китае ускоряют процесс разложения домашнего ткацкого производства. Но этот процесс происходит медленно. Правда, это домашнее производство все больше и больше специализируется и концентрируется в районах хлопководства и машинного производства пряжи. Правда, крестьянская домашняя промышленность все более и более подчиняется скупщику. Но переход от капиталистической домашней промышленности хотя бы к мануфактуре затрудняется тем, что по китайскому обычаю предприниматель должен дать жилище и часто даже питание рабочим мануфактур и это удорожает производство. Домашняя промышленность с точки зрения скупщика, имеет еще и то преимущество, что так как «рабочий, работающий в домашней промышленности, по большей части занимается немного и земледелием, то возникает возможность понижать его заработную плату так, как этого не бывает нигде. И таким образом то, что прежде было

[1] Arnold, Commercial Handbook of China. 1919, v. II. 354—355.

спасением мелкого производителя — соединение земледелия и промышленности — это теперь является могучим средством капиталистической эксплоатации. Картофельное поле, корова, небольшой огородный участок позволяют ему продавать свою рабочую силу ниже стоимости, потому что это привязывает рабочего к месту, к земельному участку, который может его прокормить только отчасти» [1].

Таким образом современная домашняя промышленность становится препятствием на пути развития капиталистического крупного производства. Она разрушает старую «идиллию», старый способ производства, но задерживает развитие крупного машинного производства.

Крупное производство побеждает, но на развитие производительных сил жалкое состояние внутреннего рынка и дешевизна рабочих рук оказывают задерживающее влияние. За последние годы развивается крупная ткацкая промышленность. Растет число паровых ткацких станков. Тем самым разорение домашнего производства идет ускоренным темпом.

ГЛАВА XXVII.

ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ И НАЕМНЫЙ ТРУД.

Нам остается еще рассмотреть вопрос о других видах домашней промышленности (кроме прядения и ткачества), о роли отхожих промыслов и наемного труда.

Мы заранее исключаем из круга нашего изучения рыболовство. Продукты последнего несомненно играют значительную роль во внутренней и даже во внешней торговле Китая. Одним только морским рыболовством в провинции Чжэцзян занято около 500 тыс. чел. Однако Китай ввозит уже больше продуктов рыболовства, чем вывозит. В 1925 г. ввезено было на 25,5 млн., а в 1926 г. — на 27,8 млн. таэлей, вывоз же составлял 2—3 млн. таэлей. Везде, где рыболовство играло более или менее значительную роль, раздаются жалобы на его упадок. В Гуандуне, Фуцзяни, Чжэцзяне, Шаньдуне рыболовы находятся в бедственном положении и во многих местах перешли уже с риса на картофель, с лучшего питания на худшее. Причины упадка — налоги, вздорожание соли и убийственная конкуренция японских рыболовных судов, которые, несмотря на все протесты, даже в китайских территориальных водах отбивают рыбу у старомодных китайских джонок и сампанов. Рыболовство, как общее правило, составляет отдельное ремесло. Обыкновенно рыбачьи лодки и все орудия принадлежат предпринимателю, и рыбак получает определенную часть выручки. Крестьяне занимаются рыболовством, где только возможно, но этот промысел вообще отделен уже от земледелия. В областях разведения тутовиц он имеет еще некоторый удельный вес в качестве крестьянского промысла.

Мы не будем рассматривать производства кирпичей, хотя во многих местах крестьяне ходят на эту работу. Они ходят и на местные сахаро-рафинадные, маслобойные и чаеобрабатывающие ману-

[1] Из письма Энгельса Бебелю от 11 декабря 1884 г., Письма, изд. «Московский рабочий», 290—291.

фактуры. В окрестностях больших городов крестьяне отправляются в свободные от земледельческих работ месяцы в город в качестве рикша-кули. Но удельный вес всех этих отхожих промыслов весьма невелик. Безработица крестьянства остается одной из крупнейших проблем. Собирание топлива и отбросов все еще занимает подавляющую часть свободного от земледельческих работ времени крестьян. Наряду с этим наибольшую возможность заработка дает перевозка грузов. Разумеется, отхожие промыслы, равно как и наемный труд, являются более важным источником дохода крестьянской семьи там, где капиталистические элементы более развиты. Из отхожих промыслов черпают свои доходы преимущественно высшие и низшие категории крестьянства. Высшие — как подрядчики, предприниматели, низшие — в качестве наемных рабочих. Об этом свидетельствуют данные выборочных обследований крестьянских бюджетов.

На основании выборочного обследования 242 деревень в четырех разных провинциях[1] мы составили таблицу, уясняющую, какую роль играют в крестьянских бюджетах домашняя промышленность, отхожие промыслы и наемный труд. К сожалению, мы имеем в большинстве случаев только средние цифры для всех хозяйств. Получается следующая картина:

Провинции	Домашняя промышленность и промыслы	Заработная плата	Доходы от земледелия	Другие источники
	В процентах			
Чжэцзян . . .	7,0	22,4	62,5	8,2
Цзянсу	3,0	5,2	79,2	8,8
Хобэй	3,2	9,1	72,0	15,7
Аньхуй	1,0	31,5	59,2	8,3
Манчжурия . .	9,0	—	75,5	15,5

Эти цифры показывают, что домашняя промышленность составляет относительно небольшую часть дохода деревенского населения, если взять средние данные, что отнюдь не значит, что в доходах отдельных кулацких и бедняцких хозяйств она не представляет значительную величину.

Значительно большую роль играет заработная плата. В Аньхуй, где обследование охватило окрестности крупного железнодорожного и торгового центра Суйчжоу, она составляет 31,5% всего дохода, а в капиталистически более развитой провинции Чжэцзян — 22,4%. Надо однако сказать, что значительная часть наемного труда применяется не в земледелии, а скорее в транспорте и отхожих промыслах.

Если рассматривать источники дохода по социальным группам, то получается следующая картина, составленная на основании данных отмеченного выше обследования (в группе безземельных указаны доходы ремесленников, торговцев и т. д., вследствие этого картина не совсем ясна; под другими источниками следует понимать доходы от предпринимательства, проценты по ссудам и т. д.):

---

[1] Malone and Taylor. The Study of Chinese Rural Economy, 34 и 64

Группы хозяйств	Источник дохода в %			
	Домашн. промышленность	Земледелие	Заработная плата	Другие источники
Безземельные . .	8,4	—	77,7	13,9
Ниже 3 му . . .	4,2	60,3	34,2	1,3
От 1—3 му . .	2,0	81,3	15,6	2,1
» 6—10 » . .	7,2	82,0	9,6	1,2
» 11—15 » . .	4,2	86,0	7,4	3,0
» 25—50 » . .	0,8	91,5	6,1	1,2
Выше 50 » . .	0,7	61,9	10,1	27,3

Относительно Северной Манчжурии выборочное обследование Яшнова[1] выявило следующие результаты:

Источники дохода в %	Группы				
	До 15 шан.	15—30 шан.	30—75 шан.	Свыше 50 шан.	В среднем
От земледелия	76,1	85,6	81 9	65,7	75,5
От сдачи земли в аренду . .	3,5	1,4	25,8	13,6	13,6
Посторонние промыслы . .	19,9	11,2	6,5	9,0	9,0
Прочие поступления . . .	0,5	1,8	2,0	1,9	1,9

Эти в высшей мере интересные и поучительные таблицы указывают, во-первых, что заработная плата составляет значительную часть дохода парцеллярного крестьянина и, во-вторых, что домашняя промышленность играет, как источник дохода, сравнительно незначительную роль.

Но эти же данные показывают, что посторонние промыслы составляют весьма значительную часть дохода наиболее бедных хозяйств (19,9%), их удельный вес уменьшается в средних группах, чтобы снова повышаться у кулацкой группы.

Такую же приблизительную картину выявляют и другие выборочные обследования.

Само собой разумеется, что в окрестностях городов и в областях эмиграции заработная плата играет в доходах бедноты крупную роль. В Хобэе и в Шаньдуне сотни тысяч бедняцких семейств пополняют свои доходы заработной платой членов семьи, работающих в Манчжурии. Столь же значительную роль играют переводы эмигрантов. Само собой разумеется, что этот доход характерен для развития капитализма в сельском хозяйстве страны вообще, но не является показателем капиталистического характера самого сельского хозяйства. Таким показателем был бы расход отдельных хозяйств на наемный труд. Разумеется, в районах шелководства последнее дает часто больше дохода, чем само земледелие. Основной отраслью домашней промышленности является ткачество. Ведь в Китае все еще около 70% всей ткани изготовляется кустарным способом, в то время как в Индии только 25%.

Что касается организации домашней промышленности, то достаточно будет привести один пример. В провинции Чжэцзян сильно развито чулочное производство в виде домашней промышленности. Начало ему

[1] Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство в Северной Манчжурии, 255.

положено было в 1912 — 1913 гг., а сейчас в одном только уезде Пинху имеются свыше 10 тыс. чулочных машин. Отдельные скупщики имеют более 1 000 машин. Машины не продаются, а сдаются на прокат. Каждая крестьянка должна внести при получении машины 2 долл. в качестве «вступительного взноса» и 6 долл. в качестве залога. За прокат машины она платит 2 долл. в месяц. Она обязана покупать нитки у скупщика и продавать последнему свою продукцию. За дюжину чулок она получает 24 цента[1]. В течение одного года машина не только окупается скупщику, но он получает еще «прибыль» в размере 60%. От самого производства он выручает 40—50% с вложенного им капитала. В последующие годы он зарабатывает на прокате машины 120%.

На таких же началах организовано домашнее ткачество. Скупщик сдает деревянный ткацкий станок нового типа или железный ткацкий станок крестьянину на прокат. Крестьянская семья зарабатывает в год 36 долл., работая на деревянном, и около 60 долл., работая на железном станке. А скупщику каждый станок приносит 60—150 долл. в год.

Как общее правило, скупщик дает сырье, орудия, аванс. Таким образом он противостоит домашнему рабочему не только как предприниматель, но и как ростовщик. Но в отсталых отраслях производства, разумеется, подобная личная уния между скупщиком и ростовщиком — общее явление. В отношении оплаты труда применяются разные методы. Скупщик платит поштучно. Исключительно жестокие формы принимает эксплоатация тогда, когда деревня находится далеко от города и крестьянин работает на заказ определенного скупщика. Таково, например, положение с выделкой цыновок. Только там, где город близко, крестьянин может непосредственно выступить на рынке, где он однако наталкивается на гильдию купцов.

Но нельзя не признать, что во многих случаях домашняя промышленность быстро переходит в мануфактуру. Так обстоит дело не только в области ткачества, но и изготовления цыновок, чулочного производства, выделки вееров, зонтиков и т. д. Но с другой стороны, падение цен или плохая конъюнктура может привести к обратному процессу. Мануфактура разваливается, и совершается переход к домашнему производству. Такое явление мы наблюдали в области кружевного производства, вышивок, изготовления соломенных шляп. И нельзя не признать, что, несмотря на неслыханно жестокую эксплоатацию, в областях, где развились те или иные отрасли домашней промышленности, крестьянство живет лучше, одевается опрятнее. Беда лишь в том, что империализм перевел в Китай не только наиболее вредные, но и наиболее неустойчивые, зависящие от моды, отрасли производства. Быстрый упадок производства волосяных сеток и кружевного дела вызвал огромные бедствия для десятков и даже сотен тысяч крестьянских семейств. Конкуренция также дает себя чувствовать все сильнее и сильнее. Конкуренция Японии в деле изготовления вееров и зонтиков и Филиппинских островов в деле изготовления соломенных шляп губит китайское производство.

Рассмотрим теперь несколько важнейших отраслей домашней промышленности.

---

[1] «The Chinese Economic Bulletin», 1926, № 254.

Выделка цыновок и плетенок. Сырьем служит камыш а в Чжэцзяне и Цзянсу особое растение. Плетенки и цыновки крестьяне ткут на дому. Продукт собирается агентами купца в дерезнях, или же крестьянин сам ищет покупателя в городе. Производство широко распространено в болотистых местностях, в долинах рек. Имеется особый налог, около 10% цены камышей, на собирание камышей. В период 1912—1927 гг. из Китая вывозили от 10 до 32 млн. штук цыновок и от 52 до 290 тыс. плетенок. Как материал для упаковки товаров, цыновка получила широкое распространение и внутри страны. Вывоз показывает тенденцию к упадку вследствие японской конкуренции. В 1925 г. вывезено было уже только 13 млн., в 1926 г. — 11 млн., а в 1928 г. — 15,8 млн. штук цыновок.

Изготовление вееров также является преимущественно домашней промышленностью. На первых порах вывоз рос быстро. В 1892 г. вывезено было 11 млн. штук, в 1912 г. — уже 41 млн. штук. В 1925 г. вывоз упал до 17 млн., в 1926 г. — до 5 млн. штук. Но внутреннее потребление огромно. Летом все ходят с веерами. Такой же необходимый предмет на юге зонтик. Из Китая вывозят ежегодно 5 млн. зонтиков. Внутреннее потребление намного превышает вывоз. Теперь выделывают уже не старомодный, неуклюжий китайский зонтик, а зонтик японского типа. Производство развивается с тех пор, как китаянки-горожанки стали больше выходит из дому. Вывоз в 1928 г. составлял 9,6 млн. штук.

Волосяные сетки изготовлялись первоначально в Австрии. В 1905 г. производство их переведено было в Китай. Десятки тысяч китаянок в Шаньдуне стали заниматься этим делом. После революции 1911 г., когда китайцы отрезали косы, и «сырье» оказалось в обилии, производство получило огромный размах. Чифу стал центром торговли волосяными сетками, и в Шаньдуне около 500 тыс. женщин занимались этим делом. В Циндао и в Чифу создались большие мануфактуры, объединявшие сотни и сотни работниц. Китай снабжал весь мир волосяными сетками. Потом наступила новая мода — стриженые волосы, и цветущая домашняя промышленность Шаньдуна лишилась рынка сбыта. Прихоть моды причинила огромные бедствия сотням тысяч китаянок в Шаньдуне. Рост и упадок этого производства происходил на наших глазах. Вывоз достиг в 1920 г. — 28 млн. таэлей, в 1921 г. упал до 7,5 млн., а в 1926 г. составил только 1,6 млн., а в 1928 г. лишь 1 млн. таэлей.

Историю кружевного дела также легко проследить. Первоначально в пригороде Шанхая, в Пудуне, создались две большие кружевные мануфактуры, где женщины зарабатывали 10—20 центов в день. Потом оказалось, что мануфактурное производство невыгодно, ибо по китайскому обычаю предприниматель должен был предоставлять работницам и жилье и пищу. Дело превратили в домашнюю промышленность на скупщика. Последний давал крестьянкам нитки, чертежи, образцы и платил поштучно. Говорят, что в окрестностях Нанкина около 100 тыс., в районе Сватоу около 30 тыс. крестьянок были заняты этим делом. Китайские кружева продавались в САСШ под видом ирландских. Когда тайна дешевизны «ирландских» кружев раскрылась, продавцы настоящих ирландских кружев подняли шум, суд запретил эту манипуляцию, и вывоз из Китая сильно упал. Говорят, что в окрестностях Нанкина

лишились работы около 50 тыс. крестьянок. В 1926 г. вывоз оценивался в 4,5 млн. таэлей, а в 1928 г. лишь 3,1 млн. таэлей.

Изготовление ковров сконцентрировано преимущественно в мануфактурах Бэйпина, Тяньцзиня и т. д., но оно давало побочный заработок и многим крестьянским семьям. Городская беднота севера также занималась этим делом. Прекрасное сырье поставляла монгольская шерсть. Но теперь шерсть вывозится в САСШ, где обрабатывается машинным способом. Конкуренция персидских ковров также стала очень острой. Вывоз ковров составлял в 1925 г. 6,1 млн., в 1926 г. — 4,1 млн. таэлей, а в 1928 г. — 9,6 млн. таэлей.

Революция нанесла крупный удар вышиванию. Раньше придворные тунеядцы и мандарины покупали изрядное количество вышивок, ибо к форме мандарина полагались разные вышивки, смотря по чину. После революции старые предписания относительно форменной одежды были отменены. Вывоз также упал. В 1925 г. вывезено было вышивок на 1,1 млн., в 1926 г. — на 0,8 млн. таэлей.

Широко распространена в качестве отрасли домашней промышленности выделка соломенных шляп, хотя за последнее время быстро развиваются и мануфактуры. В одном Шанхае имеется уже 23 мануфактуры. Но основная масса шляп производится крестьянками на дому. Вывоз из Китая быстро падает, и в 1926 г. равнялся только 40 млн. штук. Конкуренция крупного производства на Филиппинских островах вытесняет китайскую продукцию. Однако внутреннее потребление огромно.

С необычайной быстротой развивается чулочная промышленность. В Шанхае уже имеются две огромные мануфактуры с сотнями работниц. Мелкие мануфактуры в Шанхае, Ханькоу, Уси, Ханьчжоу и т. д. растут, как грибы. В Индии уже раздаются протесты по поводу убийственной китайской конкуренции. Но внутреннее потребление растет еще быстрее, чем вывоз. Производство, с одной стороны, концентрируется в мануфактурах, а с другой, быстрым темпом распространяется как домашняя работа на скупщика. В Китай ввозят ежегодно несколько тысяч чулочно-вязальных машин. Одна машина стоит 20 долл. Но редко найдется крестьянка, которая сама могла бы купить машину. Ведь машина стоит 20 долл. Они сдаются на прокат, на каких условиях, мы уже видели.

Организация труда приблизительно одинакова в разных отраслях промышленности. Нет необходимости описывать всевозможные методы обсчета, обмеривания, обвешивания и прямого обмана работниц скупщиком, описывать тягчайшие условия труда в темной, плохо освещенной, лишенной свежего воздуха китайской крестьянской избе. В этих отсталых отраслях производства эксплоатация принимает необычайно жестокие формы и размеры даже в передовых странах. Купец в течение года выручает не только вложенный им капитал, но и ростовщический процент и предпринимательский доход, превышающий вложенный в дело капитал. Но все же этот капитал функционирует в производстве, и это прогресс. Но именно широкое распространение этих видов капиталистической домашней промышленности действует задерживающе на развитие крупной машинной промышленности. Побочный заработок от 3 до 20 долл. в месяц играет огромную роль в бюджете бедняцкой семьи в виде

заработной платы и составляет значительную часть в бюджете кулака в виде предпринимательского дохода. Разрушение тех или иных отраслей домашней промышленности стихией рынка или другими обстоятельствами обрушивается на крестьянство, как стихийное бедствие.

Однако следует подчеркнуть, что отмеченные нами отрасли домашней промышленности развиваются преимущественно вокруг крупных торговых центров. Во многих деревнях даже эти виды домашней промышленности не развиваются. Там собирание отбросов было и осталось главным побочным занятием крестьянства.

Сезонную безработицу подавляющего большинства крестьянства еле-еле смягчают отхожие промыслы и домашняя промышленность. А развитие крупной промышленности, хотя и вызывает к жизни новые отрасли домашней промышленности, но и разрушает их.

Разрешение этого крупнейшего вопроса лежит очевидно в иной плоскости.

ГЛАВА XXVIII.

ГОМИНДАН И АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

(Аграрный закон гоминдана).

В развитии позиции гоминдана по аграрному вопросу следует различать ряд периодов.

1. Во время революции 1911/12 г., когда китайская буржуазия играла революционную роль, вождь и теоретик партии, Сун Ят-сен, выступает с программой национализации земли, хотя в весьма туманной и неопределенной форме. Но в этот период программа национализации земли и вообще аграрный вопрос не были поставлены гоминданом как прямые и непосредственные задачи революционной классовой борьбы. Гоминдан не апеллировал к крестьянству с лозунгом аграрной революции в борьбе против контрреволюции, возглавляемой Юан Ши-каем. Наоборот, по мере того как крестьянство вступало в бой, по мере того как по стране прокатывалась широкая волна крестьянских выступлений, по мере того как крестьянство начало отказываться от оплаты налогов, революционность буржуазии увядала, и гоминдан капитулировал перед контрреволюцией. Когда был поставлен вопрос о том, итти ли вместе с крестьянством против империализма, помещиков, компрадорской буржуазии, старой монархической бюрократии и генералов, или же передоверить им подавление массового революционного движения, изолированный в собственной партии Сун Ят-сен подал в отставку и заключил соглашение с Юан Ши-каем, признав его президентом республики. Когда был поставлен вопрос об аграрной революции, гоминдан выступил против крестьянства. Роль палача тогда еще гоминдан предоставил Юан Ши-каю.

2. В период 1923—1925 гг. вождь и теоретик партии, Сун Ят-сен, выступает с другой установкой по аграрному вопросу. Лозунгом партии остается старое положение, что каждый земледелец должен иметь свою землю. Но каким же образом предполагал Сун Ят-сен осуществить этот лозунг? От программы национализации земли в этот период Сун Ят-

сен отказался уже окончательно. Вместо этого он предложил следующее решение вопроса. Правительство должно получить право выкупить помещичью землю. Каждый землевладелец обязан сам заявить фискальным органам, как он сам оценивает свою землю. Если помещик указывает высокую цену на землю из опасения ее выкупа, то правительство облагает его налогом соответственно высоте цены на землю. Если же помещик указывает низкую цену на землю из опасения высокого налога, тогда правительство должно выкупить землю по низкой цене, и землю передать крестьянам. Сун Ят-сен никогда в своей жизни не сказал, будет ли земля передана крестьянам за плату или безвозмездно. Но основной принцип этой аграрной программы заключается все же в выкупе или частичном выкупе помещичьей земли. А в условиях Китая это означает, что крестьянство должно платить помещику за землю. В то же время Сун Ят-сен предложил введение налога на увеличивавшуюся стоимость земли. В этом отношении он имел в виду в первую очередь городские строительные участки. Цены на строительные участки в Шанхае, Кантоне, Гонконге достигли сказочной высоты. Он мечтал о том, как бы обложить налогом увеличившуюся стоимость земли в пользу государства. Но во время революции 1925—1927 гг., в ходе крестьянского движения в Гуаньдуне за период 1924—1927 гг. гоминдан никогда не ставил перед собой задачи осуществления хотя бы выкупа помещичьей земли. Прямые и непосредственные лозунги по аграрному вопросу заключались в снижении арендной платы на 25% и в установлении максимального ростовщического процента в размере 24% годовых. На съездах и конференциях крестьянских союзов были поставлены вопросы об отмене системы задатка, об отмене краткосрочной аренды и восстановлении вечной аренды, об отмене системы приношений и т. д. Гоминдан никогда не высказался определенно по этим вопросам. За этот период гоминдан был по аграрному вопросу обычной либеральной партией с весьма умеренной и урезанной аграрной программой.

Положительно революционная роль гоминдана за этот период заключалась в его борьбе против империализма и отчасти и против милитаризма.

3. После раскола гоминдана в начале 1927 г. уханский гоминдан обсуждал вопрос о конфискации участков помещичьей земли свыше 100 му. Но это было больше маневром по отношению к китайской компартии с целью выиграть время для подавления крестьянского движения. Снижение арендной платы осталось стержнем аграрной программы, причем размер снижения был уменьшен. Предполагалось снизить арендную плату всего лишь на 20% вместо 25%. И когда удалось с помощью ренегатов коммунизма вроде Чен Ду-сю и Тан Пин-сяна задушить крестьянское движение, все эти вопросы были сняты с порядка дня.

Роль и значение Уханского гоминдана за этот период заключались в том, что он некоторое время еще продолжал борьбу против империализма и милитаризма, чем в радикализме по аграрному вопросу.

4. После временного поражения революции в 1927 г. гоминдан стал проводником помещичьей контрреволюции по аграрному вопросу. Он отменил все декреты, реформы и восстановил старые порядки.

5. Советская революция в 1930 г. заставила гоминдан опубликовать свой аграрный закон. Законодательная палата в Нанкине на своем заседании от 14 июня приняла в третьем чтении аграрный закон. Официальный орган правительства «Миньгожибоа» (в номерах от 16—23 июня), опубликовал аграрный закон гоминдана, состоящий из 397 статей: нанкинский гоминдан выступил со своей программой аграрных преобразований.

В чем же суть этого закона?

Его суть, конечно, не в тексте самого закона, ибо если можно было бы верить гоминдановским словам, то, судя по тексту, гоминдан за национализацию земли. Ведь ст. 7 прямо так и говорит: «Земля территории китайской республики принадлежит всему китайскому народу». Там же говорится, что «принадлежащие к земле недра не подвергаются никакому влиянию частной собственности». А ст. 8 закона объявляет, что естественные озера и болота, необходимые для общественного пользования, и естественные источники воды, нужные для общественного пользования, «не могут составлять частную собственность». Плеханов на стокгольмском съезде РСДРП говорил о том, что крестьянская идея национализации земли представляет собой «элемент китайщины»[1]. Ленин в полемике с Плехановым разъяснил, что национализация земли на основе азиатского способа производства это — одно, а национализация земли на основе капиталистического способа производства это — другое. Тот факт, что даже гоминдан вынужден заниматься демагогией (с идеей национализации земли), указывает на то, насколько глубоко внедрилось требование национализации в крестьянские массы. Но гоминдановская «национализация» не посягала на помещичью собственность. Статья 7 закона скромно устанавливает, что «та земля, на которую граждане имеют или будут иметь, согласно закона, право владения, является частновладельческой землею». А ведь помещики уже выбрали «право» на владение китайской землей. Нет смысла останавливаться на всех деталях этого, по объему огромного, закона. Его суть заключается в урегулировании двух вопросов: об аренде и земельном налоге.

Посмотрим, что гоминдан обещает крестьянству в момент высокого подъема аграрной революции. Мы приводим часть закона, касающуюся аренды полностью:

«Ст. 171. Под арендой обрабатываемой земли понимается использование с.-х. земли другого лица по договору о внесении арендной платы, с целью обработки этой земли собственными силами. (Понятие «обработка» в этом абзаце включает в себя также и скотоводство. — *М.*)

Ст. 172. Если договор на аренду обрабатываемой земли имеет определенный срок и срок этот истек, то, за исключением случая, когда арендодатель отбирает землю для обработки своими собственными силами, договор рассматривается как бессрочный и продолжает оставаться в силе, если арендатор продолжает обработку земли.

Ст. 173. В случае, если арендодатель продает обрабатываемую землю, арендатор имеет, на тех же условиях, право приоритета на покупку этой земли.

---

[1] Плеханов, Собр. соч., т. XV. 67.

Ст. 174. Арендатор даже в случае согласия арендодателя не имеет права переарендовать всю арендуемую им землю или ее часть другому лицу.

Ст. 175. Если по введении в действие настоящего закона один и тот же арендатор беспрерывно обрабатывает землю в течение 10 или более лет, а арендодатель значится непроживающим на этой земле,— то арендатор имеет право по закону просить об отчуждении этой обрабатываемой им земли.

Ст. 176. Если помимо сохранения прежних свойств земли, вследствие усиленного применения труда или капитала, возрастет производительность земли или обработка ее станет более удобной, то это называется «особой мелиорацией земли».

Арендатор имеет право свободно заниматься особой мелиорацией земли, однако он обязан немедленно ставить в известность арендодателя о сумме произведенных им мелиоративных расходов.

Ст. 177. Арендная плата на землю не может превосходить 37,5% от общей цифры фактически произведенного землей урожая. Если по договору арендная плата превосходит эту норму, она должна быть снижена до 37,5%. Если она была установлена по договору менее, чем в 37,5%, то сохраняется цифра, указанная в договоре.

Арендодатель не имеет права взимать арендную плату до срока, а также брать залог за аренду.

Ст. 178. Если налог со стоимости обрабатываемой земли вносится арендатором, то сумма этого налога должна быть вычтена из арендной платы.

Ст. 179. В случае, если арендатор не может уплатить полностью причитающуюся с него арендную плату за землю и вносит лишь ее часть, арендодатель не имеет права отказаться принять эту часть. Арендатор в свою очередь не имеет права рассматривать это принятие части арендной платы, как признание арендодателем снижения арендной платы.

Ст. 180. Бессрочный договор на аренду земли может быть прекращен лишь в одном из нижеследующих случаев:

1) смерть арендатора при отсутствии у него наследников;

2) отказ арендатора от его прав на обработку земли;

3) отобрание арендодателем земли для обработки ее собственными силами;

4) изменение согласно закону вида землепользования;

5) нарушение установлений ст. 432 и второго абзаца ст. 462 Гражданского закона;

6) нарушение постановлений ст. 174 настоящего закона;

7) задолженность по арендной плате, накопившаяся в размере суммы, равной двухлетней арендной плате.

Ст. 181. В случае отказа арендатора от своих прав на обработку земли он должен за 3 месяца заявить о своем желании арендодателю.

Ст. 182. Если, за исключением непреодолимых препятствий, обработка земли не производится беспрерывно в течение одного года, то это рассматривается как отказ от прав на обработку данной земли.

Ст. 183. В случае, если арендный договор прекращается на основании третьего или пятого пунктов ст. 180, арендодатель обязан за один год уведомить об этом арендатора.

Ст. 184. В случае, если земля, отобранная арендодателем для обработки его собственными силами, снова сдается в аренду, первоначальный арендатор имеет право приоритета на снятие в аренду этой земли.

Если отобранная арендодателем для обработки его собственными силами земля снова сдается в аренду менее, чем через 1 год, начиная со дня ее отобрания, первоначальный арендатор имеет право снять ее в аренду на прежних условиях.

Ст. 185. Арендодатель не может применять право удержания, предусмотренное установлениями ст. 445 Гражданского закона, в отношении с.-х. орудий, скота, удобрения и продуктов сельского хозяйства, необходимых арендатору для обработки земли.

Ст. 186. Арендатор имеет право требовать с арендодателя возмещения произведенных им особых мелиоративных расходов, указанных во втором абзаце ст. 176, однако лишь в пределах стоимости той их части, которая не потеряла еще своего полезного эффекта.

Ст. 187. Если другая сторона несогласна добровольно возместить суммы, указанные в предыдущей статье, или же обе стороны не придут к добровольному соглашению, то стороны имеют право просить арбитражную комиссию местного суда примирить их.

Сторона, не подчиняющаяся решению арбитражной комиссии, имеет право просить надлежащий орган земельного управления разрешить спор. Решение органа земельного управления является окончательным».

Вот и все об аренде земли. На какие же «уступки» идет буржуазно-помещичий блок крестьянству, восставшему против помещика?

1. Гоминдан обещает снижение арендной платы с испольщика на 25%. Арендная плата не может превышать 37,5% урожая.

2. Пока арендатор платит аренду, его нельзя согнать с земли. Арендатор может быть лишен арендуемого им участка лишь в том случае, если недоимки по арендной плате превышают сумму арендной платы за два года. Помещик не имеет права продавать скот и орудия арендатора за арендные недоимки.

3. Кулак получает возможность выкупить помещичью землю, если он обрабатывал ее в качестве арендатора в течение десяти лет. Правда, закон ничего не говорит о порядке выкупа и о цене земли. Но несомненно, что этот пункт уступка кулаку, точно так же, как пункт о выкупе земли отсутствующего помещика.

4. Крестьянин имеет право произвести мелиорации на земле помещика. Это «право» он имел и до сих пор. И закон ничего не говорит о том, получит ли арендатор стоимость мелиорации, если он оставит аренду.

5. Система задатка отменяется. Порядок взноса арендной платы вперед так же отменяется.

6. Отменяется система субаренды.

Вот и все. Но зато помещик имеет право в любой момент согнать арендатора, если он хочет вести собственное хозяйство. Этот пункт, очевидно, взят из предложения королевской комиссии по земледелию в Индии точно так же, как пункт об установлении вечной аренды. Если первый пункт должен поощрять превращение помещика в аграрного

капиталиста (прусский путь), то второй пункт о вечной аренде должен «успокоить» мужика.

В этой же связи следует отметить, что пустопорожние и пустующие земли предоставляются для колонизации отдельным семьям, группам семейств и колонизационным обществам. Крестьянская семья не может получить больший участок для обработки из пустующих земель, чем участок, урожай с которого может прокормить семью в десять человек, или же площадь, которая может быть обработана собственными силами (ст. 193). Значит земельный надел определяется трудовой нормой или едоцкой нормой на 10 лиц. Арендная плата в таком случае взимается в размере 15% урожая, причем в течение 5 лет, прошедших со дня получения земли, арендная плата не взимается.

Закон предусматривает проведение перемежевания участков и землеустройство, что является также весьма реальной уступкой в пользу кулака за счет бедняка.

С точки зрения налогового обложения закон разделяет землю на две категории: городская и деревенская земля. Нас здесь интересует лишь деревенская земля. Она (деревенская земля) подразделяется на три категории, а именно: улучшенная земля, неулучшенная земля и пустующая земля. Такса налога для улучшенной земли устанавливается в 1%, для неулучшенной земли в 1,2—1,5 и для пустующей земли—1,5—10% с общей суммы оцененной стоимости земли. Лучшая земля платит меньше налога, чем худшая. Значит, земельный налог будет обратно прогрессивен. Помещик и кулак, владея лучшими землями, будут меньше платить, чем бедняк и середняк-собственник. Сильное обложение пустующей земли должно, очевидно, поощрять колонизацию. Но впрочем закон предусматривает обратно прогрессивное земельное обложение. Более «откровенную», более наглую систему земельного обложения и выдумать нельзя. Она существовала и до сих пор на практике. Теперь оформляется законом.

Закон пытается в извращенной, изуродованной до неузнаваемости форме осуществлять старую мечту Сун Ят-сена об обложении увеличившейся стоимости земли. Генри Джордж перевернулся бы в гробу, если бы он узнал, что стало с его идеей в руках эпигонов Сун Ят-сена.

В законе предусматривается обложение увеличившейся стоимости земли в случае продажи земли, причем в этом случае платит продавец, в случае же перехода земли по наследству — платит получивший землю по наследству, и кроме того каждые 15 лет землевладелец обязан платить этот вид налога. Размер налога ст. 308 и 309 устанавливают следующим образом:

«Если общая цифра стоимости земли для городской земли превосходит сумму первоначальной стоимости на 15%, а для деревенской земли — на 20%, то с такой земли налог на увеличившуюся стоимость земли не взимается. Если разница выше, то налог на увеличившуюся стоимость земли взимается лишь с этого излишка.

Излишек, исчисленный на основании установлений предыдущего абзаца, и представляет собой цифру реального увеличения стоимости земли.

Такса налога на увеличившуюся стоимость земли устанавливается следующими положениями.

1. Если цифра реального увеличения стоимости земли составляет 50% или менее цифры первоначальной стоимости земли, то взимается 22% от цифры реального увеличения стоимости.

2. Если цифра реального увеличения стоимости земли составляет свыше 50% цифры первоначальной стоимости земли, то часть увеличения в пределах 50% облагается согласно установлениям предыдущего пункта в размере 22%; часть же, выходящая за предел 50%, облагается в размере 43% от нее.

3. Если цифра реального увеличения стоимости земли составляет свыше 100% цифры первоначальной смоимости земли, то помимо частичного обложения в порядке предыдущего пункта часть, выходящая за пределы 100%, облагается в размере 64% от нее.

4. Если цифра реального увеличения стоимости земли составляет свыше 200% цифры первоначальной стоимости земли, то помимо частичного обложения в порядке предыдущего пункта часть, выходящая за пределы 200%, облагается в размере 85% от нее.

5. Если цифра реального увеличения стоимости земли составляет свыше 300% цифры первоначальной стоимости земли, то помимо обложения в порядке предыдущего пункта часть, выходящая за пределы 300%, облагается на все 100% ее».

Этот налог рассчитан на то, чтобы отобрать в пользу милитаристов часть увеличившейся стоимости земли. Облагается также мелиорация земли в размере 0,5% стоимости мелиорации. Однако местные власти могут делать изъятия от этого обложения.

Если недоимки по земельному налогу превышают сумму налога за 3 года, то земля продается с торгов.

Вот основные положения гоминдановского аграрного закона, принятого в июне 1930 г., когда на юге Китая уже разлилась красная волна крестьянской революции, когда под знаменем советов объединились уже десятки миллионов крестьян под руководством рабочих, когда нож аграрной революции уже резал помещика. И даже в этот момент гоминдан не мог обещать большего. Ибо речь идет только о маневре, об обещании контрреволюции и вовсе не об осуществлении хотя бы этой жалкой, куцой, смешной, издевательской «аграрной реформы». Ибо ст. 5-я закона говорит:

«Порядок проведения в жизнь настоящего закона устанавливается особо».

Закон будет проведен по отдельным провинциям, уездам, районам в разное время и только частями. Ибо ст. 6-я закона говорит:

«Срок и районы проведения в жизнь каждого из разделов настоящего закона определяются соответственно особыми приказами».

Гоминдан перед своей смертью попытался обмануть крестьянство. Сращивание буржуазии с землевладением, с торгово-ростовщической эксплоатацией деревни, контрреволюционный блок между буржуазией и помещиком настолько связывают руки гоминдана, что он даже в момент смертельной для него опасности не смог выступить против программы развернутой аграрной революции со своей, хотя бы куцой, хотя бы столыпинской аграрной реформой.

Гоминдан оказался неспособным выступить даже с карикатурой на столыпинщину.

ГЛАВА XXIX.

СОВЕТЫ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

Аграрной политике «левого» и правого гоминдана, жалкой попытке обещания снижения арендной платы на 25%, запрещения залога, обеспечения долгосрочной аренды и упорядочения земельного налога в пользу помещика и кулака — рабочий класс и крестьянство противопоставляют свою аграрную политику уже на деле в великих классовых битвах за советы. На карательные отряды гоминдана, на разгул кровавой буржуазно-помещичьей реакции, на массовые голодовки, непрекращающиеся милитаристические войны, на усиление гнета помещика, ростовщика, собирателя податей, на усиление гнета империализма — крестьянство отвечает вооруженным восстанием под знаменем советов.

Крестьянские восстания в Хунани и на севере Гуандуна, на юге и западе Хубэя и частично в Цзянси летом 1927 г. не развивались до установления власти советов. Своеобразной формой организатора восстания и органа власти за этот период являлся крестьянский союз. По сути дела крестьянский союз заменил собой советы. И как раз опыт 1927 г. показал, что крестьянские союзы не могут заменить собой советы, не могут стать последовательными организаторами восстания, не могут стать органами власти.

В ноябре 1927 г., после поражения похода по Сватоу, возникает в районах Хайфына, Хайлуфына и Лукфына впервые в истории Китая советская власть. Величайший революционер, трибун, пролетарский вождь крестьянских масс Бен Пай стоял во главе советов. Выросший в крестьянском движении в Гуандуне, ставший вождем крестьянских масс как представитель пролетариата, коммунист Бен Пай, имя которого живет в гуандунской деревне, как призыв к борьбе против помещика, как призыв к восстанию за власть советов, в 1929 г. погиб на славном посту революционера-большевика, в качестве члена военного комитета ЦК ККП, под ударом гоминдановского палача. Склоняем красное знамя советской революции перед его могилой. Коммунист Бен Пай, представитель и сын нашего класса — пролетариата был и останется величайшим образцом большевика, ставшего в полуколониальной стране организатором и вождем антиимпериалистической и аграрной революции. Он на деле показал, как большевик может и должен воплощать в жизнь гегемонию пролетариата в союзе между рабочим классом и между основными массами крестьянства в антиимпериалистической и аграрной революции. Бен Пай должен стать и станет примером для большевиков в колониальных и полуколониальных странах.

В советском районе в Хайфыне, Хайлуфыне и Лукфыне впервые конфисковали помещичью землю, уничтожили купчие крепости, отменили все кабальные договора, передали землю крестьянам. Здесь же впервые разразилась борьба между разными социальными группами крестьянства вокруг вопроса о разделе земли. Кулаку удалось в основном помешать разделу земли. В окруженном морем помещичьей контрреволюции хайфынском районе бедняк выступил неуверенно, колеблясь, без твердой веры в окончательную победу. Кулацкая агитация, — что передел земли разрушит все оросительные системы, приведет к снижению производства и станет препятствием к разрешению военных задач,—

слабость советов, неорганизованность бедноты и пренебрежение борьбой за союз бедноты с середняком, за освобождение середняка из-под кулацкого влияния — имели результатом то, что аграрная революция не была доведена до конца. Советская власть в уездах Хайфына, Хайлуфына и Лукфына удержалась только 6 месяцев. Поражение советского восстания в Кантоне развязало руки реакции. Под ударами наступивших войск буржуазно-помещичьей контрреволюции пала советская власть в Хайфыне. Крестьянское восстание в советской форме было затоплено в крови. Но победа контрреволюции оказалась кратковременной: в 1930 г. над Хайфыном снова развевалось победоносное красное знамя советов. Величайшее, всемирно-историческое значение советов в Хайфыне заключается в том, что здесь впервые подтвердилось гениальнейшее предвидение Ленина, что в отсталой колониальной стране советы могут и должны стать организаторами крестьянских масс, борющихся за свое освобождение.

После поражения советской власти в Хайфыне остатки революционных войск, возглавляемые тт. Мао Цзе-ду и Чу Дэ, перенесли советы на стык трех провинций — Гуандун, Фуцзян и Цзянси. Здесь проявилось впервые своеобразие, одно из решающих особенностей советской революции в Китае: первая ячейка будущей рабоче-крестьянской Красной армии стала носительницей советской революции на юге Китая. Во многих местах Красная армия, под руководством коммунистов, утверждает советскую власть, выступает как головной отряд аграрной революции. На юго-западе Фуцзяни, на юге Цзянси, на севере Гуандуна разыгрывались великие битвы Красной армии за сохранение и расширение территориального базиса советской власти. Эти бои взбудоражили крестьянство, разбудили его, вызвали партизанские выступления крестьянства, мобилизовали массы, укрепляли Красную армию, превращая ее в кулак аграрной революции. В то же время на юге Хунани, на западе и впоследствии на юге и севере Хубэя создавались первые советские очаги, образовались новые ячейки Красной армии. Из этих мест разлился впоследствии, в конце 1929 и в 1930 гг., великий поток аграрной революции, из этих ячеек сложились будущие корпуса Красной армии.

Как же разрешался аграрный вопрос на советских территориях, каков был ход аграрной революции?

Первым шагом победившей революции являлась и является конфискация помещичьей земли. Однако даже это мероприятие революционного крестьянства осуществляется не везде и не всегда последовательно. Танпинсяновщина не везде изжита, и тот факт, что в классе помещиков преобладает мелкий и средний помещик и что численность группы крупных и крупнейших помещиков невелика, путает еще мелкобуржуазные головы. На отдельных советских территориях бывали и бывают случаи, когда выдвигается лозунг конфискации помещичьей земли свыше 50 му. Бывали и бывают случаи, когда выдвигается лозунг, что ростовщические долги надо уплатить помещику и кулаку, поскольку земельная собственность последних не превышает 50 му. Кулак идет на блок с мелким помещиком, и они оба пытаются урезать, ограничить, сорвать аграрную революцию. Бывали и бывают случаи, когда не только кулак, но даже мелкий помещик пролезает в советы и даже в комму-

листическую партию. Кулак, а также мелкий (и не только мелкий) помещик пытаются пролезть в Красную армию, завоевать там узловые командные посты, пролезть в нарождающийся новый государственный аппарат, чтобы не только извне, но и изнутри бороться с советами. Кулак пытается возглавлять партизанскую борьбу, чтобы остановить размах крестьянской борьбы. Плебейская расправа над помещиком, джентри и тухао проводится не везде и не всегда последовательно, и часто лишь в ходе борьбы убеждается крестьянин в необходимости последовательной расправы над своим классовым врагом. Преступная контрреволюционная теория о «хороших» и «плохих» джентри, о «хороших» и «плохих» помещиках пытается остановить поднявшийся крестьянский кулак. В начальной стадии борьбы основные крестьянские массы часто выступают ощупью, неуверенно, с большими колебаниями, учитывая возможность поражения, а местами беднота, кули, батрак раскачиваются лишь в ходе борьбы за землю и власть. Середняк не везде и не всегда быстро высвобождается из-под кулацкого влияния. Из замечательных отчетов армии тт. Маон, Цзе-ду и Чу Дэ мы знаем, что на первой стадии борьбы на советских территориях, даже в советах, крепко сел кулак и часто лишь с трудом, лишь после упорной борьбы бедноте, кули и батракам, удается высвободить середняка из-под его влияния и выбить его с захваченных позиций.

Одна из важнейших и решающих особенностей аграрной революции в Китае заключается именно в том, что в революционный бой за землю, против помещика идет не все крестьянство, что наряду с пролетариатом и под его руководством главной движущей силой революции (антиимпериалистической и аграрной революции) выступает часть крестьянства. Лишь основные массы крестьянства, бедняк и середняк, являются движущей силой революции и союзниками пролетариата. Кулак, сдающий землю в аренду, кулак, сросшийся с ростовщичеством, связанный с купеческой эксплоатацией основных крестьянских масс и боящийся размаха аграрной революции (а тем самым уравнительного передела) не находится в лагере революции. Он скорее союзник помещичьей контрреволюции и неслучайно, что карательные отряды гоминдана состояли также и из кулаков, что после временной победы контрреволюции в 1927 г. кулак был одной из движущих сил «чистки деревни» от революционных крестьян. Не случайно, что в 1930 г. гоминдановская революция могла приступить к организации «зеленых» отрядов для борьбы с советами и в этих отрядах кулак играл и играет выдающуюся роль. Кулак в борьбе против аграрной революции поддерживает миньтуаней, провинциальные войска, помогает «добровольческим» купеческим отрядам.

Значит ли это, что верна теория Чен Ду-сю, что в Китае остались лишь «остатки остатков феодализма», что развитие капитализма в сельском хозяйстве не наталкивается на перегородки и пути докапиталистических отношений? Нет, печальный герой китайского ликвидаторства неправ, его теория ложна до конца.

Значит ли это, что верна теория Троцкого, что в Китае буржуазно-демократического этапа революции не будет, что китайская революция является с самого своего начала революцией пролетарской, социалистической, что будет диктатура пролетариата, а не революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства? Нет, ставший

контрреволюционным троцкизм неправ; его концепции, его понимание китайской революции ложны до конца.

В Китае перед нашими глазами, наглядно, прямо ощутимо подтверждается ленинская концепция колониальных революций. Перед нашими глазами происходит буржуазно-демократическая революция в советской форме, движущими силами которой являются рабочий класс и основные массы крестьянства под руководством рабочего класса. В форме советов осуществляется революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства. Однако тезисы Коминтерна подчеркивают: «Китайская революция на первых этапах конечно не лишит капитализм возможности развиваться, — напротив, особенно по линии сельского хозяйства, после уничтожения помещичьего землевладения и ростовщическо-милитаристской кабалы, капитализм обязательно проявит тенденцию к дальнейшему росту. Некапиталистический характер китайской революции в области сельского хозяйства должен сказаться не в том, что сразу же из всех пор общественных отношений будут постепенно создаваться предпосылки и преимущества для последовательного развития некапиталистических (социалистических) форм производства. Успешность борьбы двух тенденций будет определяться не только внутренними, но и внешними условиями. Нужно исходить из того, что социализм не вводится сразу и непосредственно. Переход к социализму предполагает ряд промежуточных ступеней. Переход к социализму — это длительный процесс, распадающийся на ряд конкретных, последовательно проводимых мероприятий. Отдельные шаги, прокладывающие путь к социализму, должны вытекать из нужд масс, и необходимость в них должна быть осознана большинством населения. Эти шаги должны назревать в экономической действительности и экономически должны быть вполне осуществимы. Переходные мероприятия в Китае — в стране с преобладанием масс крестьянства — нужно учитывать с отличием в социальном укладе в разных районах различную степень организованности и сознательности крестьянских масс, силу влияния классовых, родовых и прочих институтов; нужно помнить, что наша задача — не уничтожать, а передёлать мелкое крестьянское хозяйство. Намечая переходные мероприятия, пролетариат ни в коем случае поэтому не должен отрываться от своих крестьянских резервов».

Кулак — враг аграрной революции на несоветских территориях, — и Коминтерн был в тысячу раз прав, когда исправил явно неправильную установку VI съезда китайской компартии по этому вопросу. Беднота — опора, середняк — крепкий союзник, но нельзя заострить борьбу против кулака — такова была установка VI съезда компартии Китая. Коминтерн своевременно переориентировал китайских коммунистов по вопросу о кулаке. На несоветских территориях главный враг в деревне, разумеется, остается попрежнему помещик.

Однако, чтобы добить и победить помещика, необходимо бороться против кулака.

На советских территориях вопрос о кулаке ставится иначе. Защита советской территории против буржуазно-помещичьей интервенции, против войск гоминдана, расправа с помещиком на советских территориях должны сочетаться с последовательной борьбой против кулака. Ибо кулак на советских территориях ведет ожесточенную

борьбу за то, чтобы пожинать плоды аграрной революции, если он уже не мог остановить ее.

Но чаще кулак поддерживает миньтуаней — эту деревенскую жандармерию помещиков; участвует в карательных экспедициях, помогает организации так называемых купеческих отрядов. По пути революции идет не все крестьянство, а его основные массы — беднота и середняки. Как в течение 4 тыс. лет другие классы пользовались плодами крестьянской революции, так и сейчас кулак пытается сделать то же самое: сесть на шею основных масс крестьянства и заполучить залитую крестьянской кровью землю. Китайский кулак упорно дерется за землю. Мы знаем, что в советских деревнях кулаки обычно начинали с лозунга: «нельзя трогать землю революционера». Смысл этого лозунга заключается в том, что кулак изображает себя участником аграрной революции, участником крестьянской борьбы против помещиков, — словом, он, дескать, революционер, и было бы весьма неблагородно со стороны революции, если бы она затронула кулацкую землю.

Другой лозунг кулачества гласит: «Нельзя вести борьбу против помещиков, если в деревне нет мира». Кулак выступает за гражданский мир в деревне после свержения помещика, после конфискации помещичьей земли. Он не хочет обострения классовой борьбы между различными социальными группами крестьянства. Дескать, он за единый фронт всего крестьянства, если... он может остаться гегемоном в лагере крестьянства. Он, разумеется, против углубления аграрной революции. Классовой борьбе кули, батраков и бедноты в союзе с середняком он противопоставляет свой лозунг гражданского мира. А лозунг гражданского мира служит ему средством в борьбе против деревенского пролетариата и полупролетариата.

Однако наиболее знаменательным лозунгом кулачества в советских районах является следующий: «Надо предоставить землю тем, которые могут ее обрабатывать». Во многих местах в советских районах кулачество нашло прямо научную формулировку для этого лозунга. Его лозунг гласит: «Надо распределить землю пропорционально средствам производства».

Кулаки-агитаторы выступают со следующими положениями: «Кули и батраки не имеют скота, не имеют средств производства, инвентаря. Что же они могут делать с землею? Обрабатывать землю они не могут. Бедняк тоже не имеет средств производства и может обрабатывать свою землю лишь с кулацким инвентарем. Зачем же предоставлять им больше земли? Они все равно не могут ее обрабатывать. Землю должны получить те, которые могут ее обрабатывать. Землю надо распределить пропорционально средствам производства». Такой агитацией пытается привлечь кулак на свою сторону середняка. Такой агитацией пытается кулак предотвратить уравнительный передел земли и удержать деревню под своим влиянием.

Кулачество имеет не только свою аграрную, но также и свою рабочую программу. Эта программа заключается в том, что рабочим нельзя вести борьбу на советских территориях, нельзя требовать повышения заработной платы. Разумеется, этот лозунг подхватывается не только кулаком. Предприниматели — ремесленники, купцы и вообще все, кто эксплоатирует наемный труд, — поддерживают его всеми силами.

Такими путями пытается кулак вбить клин между рабочим классом и крестьянством.

Кулак маневрирует. Кулак дерется. Но кули, батраки и бедняки также понимают свои классовые интересы. Бывает, что на первых стадиях движения эти классы выступают неуверенно, без твердой установки. Пока советская власть не упрочилась, пока опасность возвращения контрреволюционной власти еще близка, пока массы не раскачались по-настоящему и не почувствовали свою собственную силу, беднота иногда действует половинчато, кули и батраки выступают не всегда решительно. Да к тому же борьба идет еще и за середняка. А если середняк пошел смело и решительно на борьбу с помещиком, то потом он все же колеблется по вопросу о том, как распределить землю. Бедняки, батраки и кули требуют уравнительного передела. Наивная мужицкая демократия облачает в это требование свои мечты о равенстве. Для крестьянина уравнительный передел является не только чисткой земли от феодальных пережитков, а чем-то бóльшим: «крестьянским социализмом».

Бедняк хочет земли. Он еще не научился на своем горьком опыте, что мелкотоварное хозяйство не может вывести из нужды и нищеты. Даже батрак и кули мечтают о земле. Они объективно стали уже пролетариями, но субъективно остались еще крестьянами. Они хотят землю. Они требуют уравнительного передела земли. И основные деревенские массы все смелей, решительней и уверенней выступают под этим лозунгом и очевидно начинают увлекать за собой и середняка. В одной из газет, выходящих в советском районе, сообщается об одной крестьянской сходке следующее. Собралась на митинг вся деревня. Выступил приезжий из города интеллигент. Он предлагает провести до конца аграрную революцию и перераспределить землю. Перераспределить «по средствам производства». Он приводит всю кулацкую аргументацию и всячески пытается доказать, что именно это и будет настоящей аграрной революцией.

С ответом выступил один из крестьян. Он говорил, что распределение земли по средствам производства по его мнению не будет настоящей хорошей аграрной революцией. Революция — значит, мы все равны. Делить землю надо по-равному. А значит, нужен уравнительный передел.

Приезжий из города оратор выступил вторично. Он приводил снова все кулацкие аргументы против уравнительного передела, что вот, мол, батраки и кули не будут иметь инвентаря, не смогут обрабатывать землю, будут лишь убытки, риса будет меньше и т. д. и т. п. Крестьяне решили голосовать.

И голосовали. 90% всех голосов было подано за уравнительный передел, и лишь 10% — за распределение по средствам производства. Крестьяне считают, что уравнительный передел является хорошей аграрной революцией.

Революция обучает и воспитывает классы.

В зависимости от хода классовой борьбы и соотношения классовых сил на разных этапах революции в различных советских районах наблюдаются следующие основные способы разрешения аграрного вопроса.

1. Помещичья земля конфискуется. Прежний арендатор становится владельцем земли.

2. Помещичья земля конфискуется. Вся земля распределяется по средствам производства.

3. Помещичья земля конфискуется. Перераспределяется лишь конфискованная помещичья земля, а крестьянская собственность не подвергается переделу.

4. Помещичья земля конфискуется. Вся земля, включая и крестьянскую, подвергается уравнительному переделу.

Разумеется, по мере развертывания и углубления аграрной революции разные способы разрешения земельного вопроса сменяются, все более приближаясь к уравнительному переделу. При уравнительном переделе земли за основу принимается количество едоков в одном случае и количество рабочих рук в другом по решению сельского совета.

Борьба разных социальных групп крестьянства отразилась и на решении первой конференции советов по аграрному вопросу. Мы приводим «Проект временного закона по земельному вопросу», принятый на первой конференции советов в мае 1930 г.

«1. Вся земля, принадлежащая помещикам, полностью и без выкупа конфискуется.

Разъяснение:

а) Всякий, не имеющий возможности обрабатывать землю своим трудом и вымогающий арендную плату, является помещиком. Земля этих помещиков должна быть полностью конфискована.

б) У кулаков, имеющих землю, которую они сдают в аренду, кроме той земли, которую они сами обрабатывают, эта сдаваемая в аренду земля полностью конфискуется.

2. Полностью и безвозмездно конфискуются земли, принадлежащие храмам, молельням, религиозным обществам, казенные земли и пр.

Разъяснение:

а) Земля этих храмов, молелен, религиозных обществ, казенные земли и пр. фактически принадлежат ту-хао, джентри, монахам, служителям культа, главам рода и хотя с виду как будто принадлежат целому роду или находятся в общем пользовании крестьян данной местности, однако фактически являются монополизированными главами родов, религиозными учителями, ту-хао и джентри, которые их используют для эксплоатации крестьян. Поэтому этого рода земли должны быть полностью конфискованы.

3. Вся земля лиц, активно участвовавших в борьбе против революции, должна быть конфискована.

Разъяснение:

а) Полностью конфискуется земля лиц, боровшихся против революции и нарушавших советские законы.

б) Землю кулаков, восставших против революции, необходимо полностью конфисковать. В отношении же крестьян-середняков и бедняков, находящихся под влиянием помещиков, кулаков, нужно стараться всеми силами применять методы агитации, воспитания масс. К ним нельзя применять те же меры, что и по отношению к кулакам.

4. Конфискованная земля полностью отходит к советскому правительству для распределения среди крестьян, не имеющих земли или имеющих недостаточное количество земли. Запрещается продажа и покупка земли, аренда земли, сдача земли в залог и пр.

Разъяснение:

а) Запрещение продажи и покупки земли, сдачи земли в аренду, заклада земли и пр. есть устранение возможности появления новых помещиков, ту-хао и джентри.

б) Лица, не занимающиеся земледелием, при распределении земли, земли не получают.

5. Методы распределения земли устанавливаются сельским сходом совета.

Разъяснение:

а) Единицей в деле распределения земли является село, потому что условия распределения земли и местные взаимоотношения очень разнообразны; поэтому нельзя распределять землю везде по-одинаковому. Нужно в каждом селе установить свой метод распределения земли, сообразуясь с конкретной действительностью.

б) При распределении земли существует два метода:

1) вся земля подвергается уравнительному переделу;

2) распределению подлежит только конфискованная земля, а земля крестьян, которую они прежде обрабатывали, не затрагивается.

Принцип распределения также имеется двоякий: по едокам и по рабочей силе. Все сельские советы могут избрать метод, наиболее подходящий к конкретной действительности.

в) Не следует раздроблять крупные сельские хозяйства, нужно организовывать концентрированное сельское хозяйство, производственные, кооперативные объединения и пр., для того, чтобы концентрировать производство и избежать распыления производственных сил.

г) В случае, если при распределении земли сельсоветом встречаются затруднения, вопрос переносится на разрешение в волостной совет.

д) Конфискованные у помещиков и контрреволюционно настроенных кулаков дома и инвентарь распределяются среди тех крестьян, кто в этом нуждается. Инвентарь и помещения нельзя бесцельно уничтожать.

е) В отношении тех семейств, у кого недостает рабочей силы для обработки земли (так, например, сирот, вдов и пр.), сельсовет должен одновременно выработать конкретный метод оказания им помощи. Лучше всего пользоваться методом общественной помощи.

ж) Те из красноармейцев, кто получил землю, остаются при прежнем наделе. О тех из них, кто земли еще не получил, вопрос встает после того, когда будет учреждено советское правительство во всекитайском масштабе.

з) Батраки, согласно рабочему закону советского правительства, должны пользоваться особой поддержкой и обязательно должны быть наделены землей. При распределении советом земли необходимо одновременно, если батрак получает надел в общем порядке, выдать ему с.-х. инвентарь, а также необходимо помогать им объединяться и организовывать концентрированные крестьянские хозяйства.

6. Крупные леса, горы, реки, озера, соляные промыслы и крупное сельское хозяйство, прежде принадлежавшие правительству, полностью отходят в ведение советского правительства. Все земельные налоги и поборы милитаристов, ту-хао и джентри, эксплоатировавших крестьян, полностью отменяются. Крестьяне, получившие земельные наделы, пла-

тят соответствующий налог на общественные нужды. Количество этого налога определяется местным советом по принципу прогрессивно-подоходного налога.

Разъяснение:

а) Прежние милитаристы, ту-хао, джентри эксплоатировали и крестьян при помощи всякого рода налогов и поборов, и эта эксплоатация временами была еще более жестока, чем эксплоатация помещиков. Поэтому все эти налоги должны быть полностью отменены.

б) Советское правительство должно проводить мероприятия, способствующие общественной пользе, так, например, учреждать крестьянские банки, организовывать производственную потребительскую кооперацию, налаживать народное просвещение, поддерживать вдов и сирот и пр. Так как во время жестокой революционной борьбы очень важным является оказание помощи Красной армии, то крестьяне должны платить определенное количество денег на общественные нужды.

в) Принцип прогрессивно-подоходного налога представляет собой следующее: кто получает больше, тот и налога на общественные нужды платит больше. В особенности кулак, нанимающий батраков для обработки своей земли, должен платить больше, чем крестьяне, самостоятельно обрабатывающие свою землю.

7. Если в каком-либо уезде имеются свои особенности, не предусмотренные настоящим законом, вопрос этот должен быть разрешен уездным съездом советов.

8. Срок действия настоящего закона закончится, когда советское правительство Китая опубликует официальный земельный закон».

Слов нет, в этом проекте имеется ряд неправильных решений. Совершенно не верна установка на то, что «распределению подлежит только конфискованная земля, а земля крестьян, которую они прежде обрабатывали, не затрагивается». А установка на то, что не следует раздроблять крупные сельские хозяйства, а нужно организовать из них совхозы, воспроизводит худшие опыты пролетарской диктатуры в Венгрии. Здесь мы видим преждевременные социалистические эксперименты, незрелые, непосильные молодой советской власти, непонятные крестьянству. Совершенно неправильной, преждевременной является попытка уже на данном этапе объединить батраков, наделенных землею, в коллективные хозяйства. Абсолютно неверно решается вопрос о наделении землею красноармейцев. Ни в коем случае нельзя отложить наделение землею красноармейцев до учреждения советского правительства во всекитайском масштабе. Съезд советов несомненно исправит эти неверные решения. Нам кажется неправильным также запрещение купли и продажи аренды и закладывание земли на данном этапе революции.

Аграрная политика советской власти в Китае должна исходить из того основного принципа, что аграрная революция должна быть бедняцко-середняцкой, а не кулацкой. Аграрная политика советской власти исходит из принципа уравнительного передела земли. «Идея равенства — самая революционная идея, в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще и со старым крепостным, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепост-

ническим. Идея «уравнительности» землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремление 10 млн. сидящих на наделе в 7—8 *га* и разоренных помещиками крестьян к разделу крепостнических латифундий по 2 500 *га*, а в данный исторический момент идея эта действительно выражает такое стремление, она толкает к последовательной буржуазной революции, ошибочно облекая это туманной, квазисоциалистической фразеологией. И плох был бы тот марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не сумел бы оценить исторически-прогрессивного значения их, как самых решительных буржуазных лозунгов в борьбе против крепостничества»[1].

Однако проводить последовательную чистку земли от докапиталистических остатков, осуществить уравнительный передел, довести до конца аграрную революцию возможно лишь в том случае, если будут организованы основные крестьянские массы. Отсюда вытекает необходимость, наряду с профессиональными союзами батраков и кули, создать, организовать, укреплять, сплачивать группы бедноты.

Бедняцко-середняцкая аграрная революция в борьбе с кулаками, союз с середняком, твердый, крепкий союз с середняком, уравнительный передел, создание групп бедноты и последующая национализация земли в том случае, когда в одной или нескольких решающих частях страны победила уже революция, — вот основы правильной аграрной политики на советских территориях. При этом все меры советской власти должны проводиться (начиная с конфискации помещичьей земли, с расправы над классовыми врагами крестьянства, вплоть до уравнительного передела) вместе с основными крестьянскими массами, развертывая максимально самодеятельность этих масс.

Разумеется, при решении этих задач возникает бесконечное множество вопросов.

Бедняк, батрак, кули, наделенные землею, не имеют часто средств производства, ни живого, ни мертвого инвентаря, чтобы обрабатывать отвоеванную кровью землю. Во многих местах бедняки собрали несколько плугов, буйволов или коров, создали из них нечто вроде буйвольно-плужных станций и обрабатывают свою землю обобществленным скотом и плугом. Советская власть может и должна оказывать поддержку стихийному стремлению бедноты к подобному разрешению вопроса о недостающих средствах производства, пока промышленность не может снабдить деревню средствами производства. При этом распространение конфискации помещичьей земли и инвентаря на кулацкую землю и инвентарь было бы на данном этапе неправильным. Улучшение существующих оросительных систем, создание новых, дорожное строительство, облесение, где только это возможно, создание запасов на случай недорода — должны стать задачами советов, вокруг которых необходимо мобилизовать массы. Нельзя навязать сверху разрешение этих задач.

Отмена всех кабальных договоров, аннулирование всех ростовщических сделок и долгов, безвозмездное возвращение закладываемых в

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, 442.

ломбарды вещей — должны последовать как первые шаги победоносной революции одновременно с конфискацией земли, дома, имущества помещиков.

Особое значение имеет в китайских условиях правильная налоговая политика. Первая конференция китайских советов отменила не только все налоги, введенные милитаристами, но даже и старое название налога, заменив его новым. Разумеется, дело не только в названии. А дело в том, чтобы налоговая система стала ясной, понятной, приемлемой для масс. Налог должен быть единый, прогрессивный, подоходный и что главное: классовый. Очевидно, придется часть бедноты и если возможно всю бедноту освободить от налога. Очевидно, необходимо максимально щадить хозяйство середняка в смысле налогового обложения. Середняк-арендатор при уравнительном переделе не потеряет ничего, а, наоборот, выгадывает даже в том случае, если размер его землепользования сократится до половины прежнего. Он освобождается от арендной платы, от помещичьей кабалы, освобождается от ростовщических долгов и от тяжелейших налогов, поборов, которые в конечном итоге падают на его хозяйство, даже если помещик платит их. Середняк-собственник скорей может поколебаться по вопросу об уравнительном переделе, ибо он не платил ренты. Крепить союз с ним, доказать перед ним на деле выгоды советской системы на первых порах будет легче всего, если правильная налоговая политика возместит ему убытки после возможного сокращения земельного надела. Само собой разумеется, что все налоговые мероприятия должны быть проведены представителями самих крестьянских масс.

Нам кажется, что запрещение купли и продажи земли, аренды и залога земли было бы несвоевременным мероприятием на данном этапе. Мы исходим при этом из того положения, что товарно-денежные отношения остаются на советских территориях и даже не только остаются, но как показывает опыт, расширяются и процветают больше, чем в гоминдановском Китае. Это положение теперь уже подтверждается фактами. Жизнь разбила всякие преждевременные попытки к введению планового хозяйства, регулированию рынка, установлению цен. Вмешательство советской власти в свободу торговли, в рыночные отношения возможны и допустимы лишь там и тогда, где и когда интересы ведения войны и интересы аграрной революции потребуют этого. А поскольку рыночные отношения остаются, поскольку власть рынка и денег остается, на очищенной от докапиталистических пережитков земле после уравнительного передела начнется снова, или, вернее, ускорится классовая диференциация. Искусственные меры не могут задерживать ее. В таких условиях запрещение купли и продажи, аренды и закладывания являлось бы холостым выстрелом.

Антиимпериалистическая и аграрная революция в Китае по своему социально-экономическому содержанию является буржуазно-демократической революцией. Она не уничтожает капитализм, не уничтожает возможности его развития. Уравнительный передел не является социалистическим мероприятием. Перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую произойдет в Китае при своеобразных условиях.

«С точки зрения перспектив перерастания китайской революции

международные условия являются в общем благополучными, — говорится в резолюции Коминтерна. — Также положительны и предпосылки социального характера. Массовая организация пролетариата, объединение его с деревенской беднотой складываются с самых начальных этапов нового революционного подъема в Китае. Это обстоятельство не может не оказать соответствующего влияния на форму и темпы развертывания китайской революции. К тому же в условиях неизбежной гражданской войны против китайской контрреволюции и войны против международного империализма основные крестьянские массы ходом революции будут толкаться на поддержку необходимых революционных мероприятий переходного характера против иностранного и китайского капитала».

«Внутренние экономические условия в Китае в свою очередь выдвигают необходимость некапиталистической эволюции. Промышленный и аграрный кризис в Китае порождает экономическую потребность в мероприятиях переходного к социализму характера. Перед Китаем альтернатива или полное колониальное порабощение и дальнейшее разорение масс, или советский, некапиталистический социалистический путь развития. Следующие шаги по пути некапиталистического развития могут быть предположительно намечены в общей форме, экономически вполне осуществимые, обеспечивающие создание экономических предпосылок перерастания китайской революции в социалистическую. Эти шаги в практике последующей борьбы должны быть конкретизированы китайской партией».

«К числу их могут быть отнесены: национализация иностранных промышленных предприятий, банков, синдикатов, акционерных обществ, железных дорог, воздушного и крупного водного и автомобильного транспорта, в первую очередь принадлежащих иностранному капиталу; национализация в порядке экономического разоружения предприятий и капиталов китайской буржуазии, выступающей организатором контрреволюционной борьбы с советским движением рабочих и крестьян; контроль над остальными, в том числе более мелкими предприятиями; национализация земли, вод и оросительных сооружений; последовательное кооперирование населения, начиная с простейших форм по потребительской и сбытовой кооперации; коллективизация, как последующий шаг, исключительно на добровольных началах и на основе технической помощи страны пролетарской диктатуры; построение бюджета и народного хозяйственного плана с учетом дальнейшего усиления экономических командных высот революционного китайского государства».

Однако на данном этапе попытки создания колхозов и совхозов, как правило, являются преждевременными, ибо для них не созрели еще ни социально-экономические, ни технические предпосылки. Зато развитие кооперативного движения имеет огромное значение уже на данном этапе развития.

Национализация земли тем более должна стать краеугольным камнем аграрной политики советской власти. В условиях буржуазно-демократической революции, в условиях наличия советской власти национализация земли является не только буржуазно-демократическим мероприятием, но также одним из рычагов перерастания буржуазно-демократической революции в революцию со-

циалистическую. Однако вопрос о национализации должен быть увязан с вопросом о стабилизации, укреплении советского правительства, с победой революции в одной или нескольких решающих частях страны. В наиболее развитых капиталистических странах, где принцип частной собственности на землю уже успел глубоко укорениться среди широчайших слоев крестьянства, национализация земли не может быть введена немедленно, а лишь постепенно, через ряд переходных мер. Китай не принадлежит к этим странам. Однако своеобразный ход революции обусловливает, что немедленная и полная отмена частной собственности на землю и национализация всей земли в настоящих условиях являлись бы на самом деле лишь муниципализацией земли. Идея национализации имеет глубочайшие корни в основных массах крестьянства. Необходимо внедрить идею национализации в еще более широкие массы, превратив мужицкую мечту в сознательное стремление широчайших масс к наиболее радикальной последовательной аграрной революции.

Международное значение аграрной политики на советских территориях исключительное. Там решается не только проблема китайского крестьянства. Там решаются не только вопросы о союзе между рабочим классом и крестьянством, о гегемонии пролетариата в колониальной, антиимпериалистической и аграрной революции в Китае. Там решается вопрос о колониальных революциях вообще.

Ибо китайские советы показывают путь для всех колониальных народов к освобождению от гнета империализма, помещичье-ростовщической кабалы. Там решается вопрос о колониальных резервах пролетарской революции.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абиссиния 158, 183.
Австралия 22, 36, 78, 92, 120, 121, 249, 276, 324.
Австрия 21, 22, 78.
Агра окр. 230.
Азия 53, 49, 142, 154, 157, 254, 306; Азия Передняя 45, 52; Азия Средняя 36, 52, 53, 57, 154, 313; Азия Центральная 71, 75, 159, 254.
Айова штат 209.
Алжир 38, 48, 132, 144, 169, 180, 184, 230, 232, 236
Америка 34, 36 59, 78, 79, 84, 85 90—92, 94, 103, 120, 182, 223, 226, 228, 258, 261, 282, 301, 303; Латинская 129; — Северная 69; Центральная 132; — Южная 132, 301.
Амой 99, 254, 277, 312.
Амстердам 29.
Амур р. 110.
Амурская губ. 107.
Англия 17, 26, 29, 31, 50, 69, 72, 78, 85, 90, 120, 141, 158, 221, 230, 250, 267, 278, 279, 281, 282, 286, 301, 302, 305, 306, 310, 311, 315.
Аньцин 315.
Аньдун 111.
Аньхуй пров. 23, 33, 40, 42, 63, 81, 82, 91, 100, 125, 139, 148, 149, 171, 172, 185, 192, 207, 211, 217, 221, 241, 260, 284, 285, 299, 315, 321.
Арабистан 132, 145.
Аравия 46, 47, 72.
Аргентина 121.
Ассам 169.
Афганистан 114, 132, 180.
Африка Западная 69, 131; Центральная 132; Южная 69, 132, 301.

Багдад 242, 254.
Баоань у. 194.
Баодин 81.
Баотоу 114.
Балканские страны 78.
Барга окр. 102.
Бейлуджистан 132.
Бельгия 258.
Бенгалия 24, 38, 47, 168, 236, 244; — Северная 169.
Берар 236.
Бирма 45, 132, 277.
Боливия 132.
«Большой канал» 159, 300.
Бомбей 24, 29, 38, 162, 230.
Бомбейская пров. 124, 228, 232.
Борнео 236.
Бразилия 121, 301.
Брамапутра 42, 56, 282.
Бэйлю 171.
Бэйлюский у. 199.
Бэйпин 15, 23, 29, 30, 63, 70, 81, 82, 83, 103, 106, 114, 115, 122, 123, 125, 161, 183, 241, 242, 266, 272, 277, 284, 325.

Ваньсян 31.
Вейсян 226, 227.
Великобритания — см. Англия.
Венгрия 78.
Воронежская губ. 269.
Восток 34, 36, 37, 42, 43, 45—48, 52, 142, 154, 177, 185, 250, 274; — Арабский 174, 186; — Ближний 52, 78, 147, 152, 154, 258; — Дальний 24, 35, 37, 39, 44, 50, 55, 61, 65, 66, 72, 78, 79, 86—99, 101, 108, 154, 210, 213, 214, 225, 227, 229, 233, 236, 249, 25., 258, 277, 278, 301, 310; — Собственно-Дальний 106, 258; — Средний 154; — Советский 79, 81.
Вэй р. 42, 54, 70.
Вэньчжоу 30

Гамбург 29.
Ганг 42, 43, 56, 87.
Ганьсу 11, 13, 21, 22, 30, 32, 40, 68, 70, 71, 78, 85, 150, 176, 223, 276, 299, 302, 313.
Ганьчжоу 31.
Гвинея Нова. 51.
Генсале 221.
Германия 17, 61, 69, 72, 78, 89, 213, 230, 258, 268, 296.
Гималаи 40.
Гирин 11, 29, 111, 112, 113, 144, 184.
Гиринская пров. 13, 40, 104, 105, 112, 114, 119.
Глена окр. 155.
Голландия 46, 258.
Гонконг 29, 38, 82, 240, 249, 263, 272, 298, 310, 312, 327.

Греция 131, 246.
Гуандун 11, 13, 14, 20 22, 26, 30, 33, 35, 41, 45, 55, 67, 74, 81, 82, 84, 89, 125, 127, 129, 134, 135, 143, 144, 147, 148, 149, 156, 1 7, 167—171, 176—178, 182, 184, 185, 189, 193—195, 198, 199, 209, 221, 223, 224, 228, 244, 245, 249, 251, 260, 261, 268, 270, 276, 284, 292—29 , 298, 312, 313, 320, 327, 333, 334.
Гуандунская дер. 14.
Гуаннин у. 194.
Гуанси 5, 11, 16, 74, 82, 125, 127, 134, 135, 145, 147, 148, 156, 170, 178, 185, 189, 199, 200, 209, 268, 292, 313.
Гуаньюн 177.
Гуаньюнский у. 177.
Гуйсян 171.
Гуйчжоу 11, 16—18, 21, 82, 92 127, 134, 139, 174, 176, 276, 279, 280, 303, 313.

Дайрен 29, 30, 82, 100, 106, 240, 258.
Дайцзян 245.
Далмация 72.
Дальневосточная обл. 107.
Дания 78, 230, 270.
Дансянь 23.
Данхан у. 173.
Датун 114.
Джемшадпур 29.
Дунгуан у. (Дунгуань) 194.
Дуцзюнь 172.

Европа 16, 17, 28, 34, 36, 42, 47, 59 6?, 72, 78, 79, 85, 86, 90—94, 133, 147, 213, 2 6, 241, 253, 278, 281, 306.
Египет 36, 43, 45-49, 52, 72, 101, 145, 154, 155, 157, 160, 169, 229, 230, 23 , 301.
Еньшан 91, 92.
Ефрат 43, 57.

Жанхай у. 194.
Жанхуа у. 194
Желтая земля 70; — река 16, 22, 35, 55, 56, 70, 140, 165, 300.
Жемчужная р. 42, 241.
Жэхэ 11, 69, 102, 114, 169.

Забайкальская губ. 107.
Запад 34, 45, 47, 88, 97, 210, 250, 288.
Зеландия Новая 22, 78

Иемен 46, 47, 57.
Императорский канал 53.
Индия 15—17, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 35, 36, 39, 41, 42, 44—50, 52, 56, 72, 78—80, 84, 86, 91—93, 95, 96, 98, 99, 101, 121, 124, 126, 132, 133, 137, 140, 141, 145, 147, 154, 156, 157, 159, 162, 166, 168, 169, 175, 184, 186, 188, 190, 210, 223, 224, 227—230, 232, 234—237, 241—244, 249, 255, 259, 267, 271, 272, 276—278, 282, 283, 286, 291, 298, 300, 301—303, 306 310, 318, 322, 325, 330; — Британская 40; — Голландская 52, 249, 283, 313; — Центральная 40.
Индо-Китай 17, 24, 39, 41, 42, 45, 48, 50, 52, 72, 77, 78, 80, 83, 91, 93, 95, 99, 101, 121, 154, 157, 186 196, 210, 211, 230, 232, 236, 237, 248, 254, 272, 275, 276—299
Индонезия 52, 132, 145, 1 4, 169, 186, 229, 230, 236, 237, 244, 248.
Индостан 45—47, 57, 142.
Ирландия 105, 134, 1 6.
Испания 17, 42, 46, 147.
Италия 17, 28, 37, 42, 47, 58, 147, 254, 288, 289, 290, 296.
Ичан 280.
Ичжень 23.

Кавказ Сев. 96.
Кайфын 31, 56, 266.
Калган 114, 115, 117, 246, 253, 306.
Калганский район 64
Калифорния 37, 42, 50, 96, 155, 160, 182, 190, 223, 224, 225.
Калькутта 29, 38,
Камерун 69.
Канада 120, 282.
Кантон 26, 29, 30, 82, 83, 183, 254, 268, 272, 275, 277—280, 289, 292, 293, 297, 305, 312, 327, 334
Кантонская дельта 42, 43, 157.
Караибские о-ва 236, 248.
Каролина штат 42.
Касин 316.
Кашгар 38.
Квантунг 99, 182.
Кедах 40.
Келантан 40.
Кения 132.
Колумбия 55.
Корея 18, 19, 35, 40, 51, 52, 54, 59, 78, 80, 83, 89, 101, 105, 116, 145, 147, 157, 159, 175, 186, 211, 223, 224, 227, 229, 230, 232, 236, 243, 250, 255, 258.
Куба 121, 268, 269.
Куза 184, 245
Китай 4, 6, 7, 9, 12—29, 31—45, 47, 48, 50, 52—57, 59—62, 64, 65, 67—75, 77—86, 89—93, 95, 96, 98—104, 106, 107, 144, 117, 119—128, 131—133, 136—148, 151, 153, 155—159, 161—164, 166, 167, 169, 170, 172—176, 178—195, 198, 200, 202—206, 208—211, 213, 214, 216, 219, 221—225, 227—233, 237—239, 241—246, 248, 249, 251—274, 276—294, 296—315, 318—320, 322—325, 327, 332—336, 341, 343—345; — Западный 75; — Северный 17, 27, 35, 70, 75, 81, 104, 117, 134, 144, 146, 187, 188, 205, 206, 216, 222, 258, 272, 292, 299, 308, 309, 313; — Северо-западный 75, 313; — Собственно

20, 21, 30, 38, 102, 117, 120, 147, 181, 224, 226, 266, 314; — Центральный 4, 24, 33, 41, 81, 134, 149, 151, 165, 213, 222, 238, 247, 258, 272, 292, 299, 308, 309, 312; — Южный 4, 29, 33, 63, 213, 247, 249, 258, 272, 292, 312.

Ланкашир 314.
Ланьчжой 30, 31.
Латино-американские страны 78.
Ливерпуль 301.
Лицзю-дер. 270.
Лицзянь 253.
Ломбардия 46, 63.
Лондон 29, 61, 281, 282.
Лоян 265.
Луизиана 182.
Луфын 195, 333, 334.
Люцзань окр. 200.

Мадрас 24, 80, 162.
Макао 249.
Малайские государства 40, 120, 236, 237; — о-ва 45, 48, 50, 190, 196, 248, 249, 277, 313.
Манчжурия 12, 19—21, 29—33, 35, 41, 51, 65, 67, 69, 70, 80—83, 100, 102—107, 109—114, 117—123, 128, 133, 139, 147, 174, 176, 187, 189, 206, 219, 220, 223, 224, 230, 231, 247, 256, 258, 260, 261, 266, 269, 270, 272, 276, 280, 291, 305, 321, 322; — Северн. 5, 11, 80, 104, 107—109, 112, 189, 203, 258, 264, 267, 270, 322; — Южн. 36, 109, 113, 120.
Марокко 132, 147, 169, 232.
Мекон р. 42, 50
Мексиканский зал. 70.
Месопотамия 47, 301.
Милан 288.
Мин р. 21, 54.
Миссисипи дельта 42, 182
Монголия 11, 20, 22, 51, 70, 71, 78, 81, 91, 102, 106, 114, 116—120, 128, 147, 173, 180, 224, 246, 247, 313; — Внешняя 247; — Внутренняя 34, 69, 115, 117; 119, 139, 184, 189, 247.
Мукден 11, 29, 80, 105, 110, 111, 240, 266.
Мукденская провинция 12, 13, 20, 40, 105, 112—114, 119, 174, 231, 275.
Мургабский оазис 53.
Мю хен 38.

Нанкин 19, 30, 31, 62, 100, 125, 162, 191, 200, 253, 266, 269, 284, 294, 324, 328.
Наньнин окр 200, 201.
Наньтунчжоу 300.
Наньхай 194.
Наньчан 315.
Неаполь 45, 132
Нигерия 132.
Нил 49.
Нинбо 53, 305.
Нью-Йорк 38, 288.
Ньючжуан 30, 105, 111.

Огайо штат 223.
Осака 27.

Палестина 169, 232
Пальмира 46, 47, 57.
Панюй у. 193.
Париж 29, 62.
Перак 40.
Перлис 40.
Персия 36, 44—48, 52, 57, 72, 142, 174, 180, 186, 236, 254, 276, 277.
Петра область 46, 47, 57.
Пи-ань-яо 316
Пинху у. 323.
Полинезия 244.
Прибалтийские страны 90.
Приморская губ 107.
Приморье 230.
Провинции три восточные 111.
Пруссия 221.
Пуна 230.
Путун 324.
Пунин у. 194.
Пэнджаб 154; 162, 169, 230, 232, 235, 236.

Рим 35, 58, 131, 166, 181, 233, 246, 257, 281.
Россия 17, 57, 78, 105, 114, 119, 120, 123, 142, 145, 166, 181, 182, 185, 194, 213, 254, 255, 267, 271, 282, 314.
Россия Европейская 142.
Румыния 213.

Сакраменто 42.
Самоа 132.
САСШ 15, 28, 31, 37, 42, 50, 54, 58, 60, 78, 105, 154, 181, 182, 209, 210, 223—225, 228, 249, 258, 267, 270, 273, 282, 284, 285, 288—291, 296, 300, 301, 303, 306, 307, 324, 325.
Сахара 46, 47.
Сватоу 30, 83, 143, 312, 317, 324, 333.
Сиам 40, 50, 62, 121, 196, 236, 248, 249, 254, 277, 313.
Сиань 29, 30, 31, 300
Сибирь 119, 313.
Сингапур 38, 249.
Син-е 171, 200.
Синнин у. 317.
Синсин у. 194.
Синьцзян 11, 20, 24, 34, 40, 42.
Сицилия 45.
Словакия 90.
Союз Южноамериканский 78, 132.
СССР 13, 92, 96, 105, 258, 284, 306.
Столичный окр. 40, 123.
Стрэт-Стэльмент 190.

Судан 132, 157.
Суматра 254.
Сунгари 104, 123.
Суйчжоу 294, 321.
Суйчи у. 194.
Суйюань 11, 56, 69, 102, 106, 114, 116, 156, 246.
Сусян 221.
Сутерленд 134.
Сэтлей долина 49.
Сычуань 11, 16, 18, 21, 78, 85, 92, 127, 134, 139, 164, 174, 253, 268, 276, 277, 279, 280, 296, 312, 313, 319.
Сюйчжоу 23, 208.

Тайху озеро 56
Тайюань 300, 308.
Таонаньский у. 173.
Татария 46, 47, 62.
Темза 61.
Техас 182.
Тибет 11, 247, 264.
Тигр р. 43.
Токио 225.
Трансвааль 190.
Триест 72.
Тудимяо 92.
Тунань 200.
Тунис 132, 147, 169, 180, 184, 230, 232, 236.
Туркестан 56, 57, 81, 101, 277; — Китайский 22, 34, 78, 85, 119, 125, 126, 174, 246, 248, 264, 277.
Туркменистан 155.
Турция 45, 142, 154, 174, 180, 242, 276.
Тянсянь 171.
Тяньцзинь 30, 38, 53, 67, 81–83, 106, 115, 122, 240, 242, 246, 258, 292, 300, 302, 303, 325.

Уазу дельта 1-2.
Уси 294, 316, 325.
Усун 83.
Учжоу 171.
Учин 176.
Ухань 30, 74, 258
Уху 31, 33, 91, 211, 225, 228, 269
Ухуа у. 194.
Уцзя г. 23, 302.

Феникс дер. 130.
Фиум 72.
Филиппинские о-ва 37, 39, 40, 41, 45, 50, 52, 72, 77, 78, 80, 95, 96, 93, 124, 134, 186, 190, 211, 224, 227, 232, 236, 237, 248, 249, 323, 325.
Фландрия 47.
Формоза 40, 51, 83, 214, 243, 249, 255, 268, 277, 282, 283.
Фошаньчжэнь 31.
Франция 15, 17, 21, 22, 28, 163, 181, 254, 278, 288, 290, 291, 301.
Фучжоу 27, 30, 312.
Фуцзян 11, 21, 27, 30, 40, 127, 134, 135, 169, 171, 249, 253, 268, 277, 284, 313, 320, 334; — Южный 67.
Фушунь 82.

Хабаровск 107.
Хайлуфын 195, 333, 334.
Хаймынь 300.
Хайнань о-в 109.
Хайфын у. 194, 195, 333, 334
Хала-Хуатао 173.
Хантан у. 172.
Ханьчжоу 15, 29, 30, 53, 100, 133, 253, 294, 300, 315, 325.
Ханьдань 23, 156.
Ханькоу 27, 29, 30, 82, 99, 190, 242, 253, 259, 266, 268, 276, 279, 280, 285, 292, 293, 299, 300, 302, 304, 305, 316, 325.
Харбин 29, 30, 82, 258, 265.
Хинганские горы 104.
Хобэй 11, 12, 16, 17, 23, 29, 30, 32, 35, 40, 41, 55, 56, 67, 70, 75, 81, 82, 91, 92, 103, 105, 109, 113, 122, 125, 140, 149, 152, 156, 164, 172, 176, 187, 188, 204–206, 211, 216, 223, 227, 231, 243, 260, 270, 298, 299, 302, 303, 305, 316, 322.
Хок-Дун дер. 129.
Хотун 268.
Хуай р. 56, 300.
Хуанхэ 42, 55.
Хубэй 11, 12, 40, 42, 66, 74, 84, 100, 135, 139, 143, 144, 171, 176, 178, 179, 185, 201, 244, 260, 261, 268, 275, 292, 299, 312, 321, 333, 334.
Хукоу 300.
Хунань 11, 21, 42, 55, 62, 66, 67, 100, 125, 135, 139, 144, 171, 178, 179, 185, 223, 244, 251, 261, 274, 276, 284, 292, 312, 333, 334.
Хупян 205, 206.
Хэду 56.
Хэйлунцзян 11, 40, 112, 184; — провинция 13, 40, 104, 105, 112, 114, 119, 144, 184.
Хэнань 11, 12, 16, 17, 27, 31, 40, 41, 55, 63, 66, 70, 82, 105, 149, 150, 164, 165, 172, 188, 231, 260, 299, 302, 303, 305.

Цзи-ян 31.
Цейлон 121, 232, 254, 282, 283, 285.
Центральные провинции 169.
Цзинань 305.
Цзечин у. 194.
Цзинсян 23.
Цзинфын 316.
Цзинюань у. 194.
Цзицзе у. 316.
Цзунхуа 23.
Цзюньмин о-в 23.
Цзюцзян 272
Цзюшан дер. 270.

Цзян-ин 23.
Цзянси 40, 42, 66, 139, 171, 178, 179, 185, 251, 261, 268, 274, 299, 312, 315, 317, 333, 334.
Цзянсу 11, 18, 23, 38, 40, 56, 66, 82, 105, 139, 145, 148, 149, 171, 172, 176, 177, 179, 184, 192, 207, 208, 211, 221, 231, 243, 260, 268, 284, 295, 297, 299, 303, 314, 316, 321, 324.
Цзянтан р. 300.
Циндао 75, 258, 294, 305, 324.

Чандун 173.
Чанхуа 23.
Чанчжоу 101.
Чанша 300, 34.
Чаоян 316
Чарапундия 38.
Чоу окр. 199.
Чахар 11, 69, 102, 114.
Ченду 189, 253.
Черногория 72.
Чехо-Словакия 90.
Чжан-юй 173.
Чжоусян 125.
Чжоцзячжоу 31.
Чжэнчжоу 31, 63, 162.
Чжэцзян 11, 14, 23, 40, 55, 56, 65, 82, 89, 100, 125, 134, 138, 145, 149, 156, 171, 178, 179, 182, 185, 208, 209, 243, 268, 269, 284, 286, 295—299, 303, 315, 316, 320—322, 324.
Чинцзян 294.
Чисянь 23.
Чифу 31, 291, 294, 324.
Чуанцзын 114.
Чумин о-в 140.
Чунцзин 30, 279, 293.
Чэнду 272.
Чэн-Тай 266.
Ченфу дер. 205.
Чэн-Хай 317.

Шамин 316.
Шанхай 5, 15, 29, 38, 53, 62, 81—83, 100, 140, 157, 162, 183, 184, 190, 207, 223, 225, 238, 240, 242, 245, 250, 258—260, 264, 266, 276, 285, 286, 289, 292—294, 296—305, 312, 315, 316, 324, 325, 327.
Шаньдун 11, 12, 16, 17, 23, 30, 40, 55, 60, 63, 68, 70, 74, 75, 82, 103, 105, 109, 113, 125, 144, 149, 150, 152, 156, 164, 169, 172, 176, 183, 187, 206, 221, 223, 226, 227, 231, 243, 244, 250, 261, 276, 291, 299, 303, 305, 3 0, 322, 324; — Северный 85; — Южный 165.
Шаньси 11, 12, 13, 16, 17, 21, 40, 41, 68, 0, 71, 75, 78, 82, 84, 85, 105, 144, 148—150, 152, 156, 176, 206, 231, 246, 2 8, 269, 292, 299, 300, 302, 308, 313, 316.
Шаосин 31.
Шаси 30.
Швеция 147.
Шицзячжуан 29.
Шотландия 134.
Шуньдэ у. 93, 194.
Шэньси 11, 13, 15, 40, 67, 68, 70, 71, 75, 78, 82, 144, 149, 150, 152, 165, 172, 223, 276, 281, 299, 300, 302, 313.

Эншай 189.

Юнь р. 21.
Юаньцзян 312.
Южное море 51.
Южные о-ва 131.
Юйчжоу v. 34.
Юйлин 171.
Юйлинский у. 178, 199.
Юнсян 171.
Юньнань 11, 17, 54, 78, 85, 125, 149, 174, 237, 272, 276, 277, 279, 299, 313.

Ява 24, 35, 39, 40, 48—50, 77, 78—80, 96, 99, 101, 157, 159, 160, 173, 175, 186, 210, 211, 227, 234, 236, 245, 249, 254, 268, 276, 277, 282, 283, 236
Ямайка 236, 248.
Янхуан дер. 270.
Янцзы р. 23, 24, 27, 32, 33, 42, 53, 63, 66, 70, 83, 85, 112—134, 179, 207, 231, 256, 258—260, 276, 292, 297, 300, 303; 313; — Нижний 89.
Янцзыцзян р. 22, 140.
Ян-хуан д р. 270.
Янь Си-шань 84.
Яньшань у. 33, 152. 216, 225, 227, 2 8.
Япония 11, 16, 19, 21, 24, 27—29, 31, 33, 35, 36, 39—42, 50—52, 54, 59—61, 63, 65, 72, 77, 78, 80, 82—84, 89, 91, 93, 96—99, 101, 120, 121, 123, 141, 147, 154, 155, 159, 160, 190, 210, 211, 223, 224, 227, 229, 230, 238, 241, 250, 254, 255, 258, 267, 272, 282, 284, 285—291, 293, 296, 297, 302—304, 306, 308, 310, 313, 318, 319, 323.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Атьский 12.
Arnold 67, 77, 99, 100, 319.

Бладе Ф. 925.
Бак 26, 30, 91, 92, 125, 184, 209, 218, 221, 239.
Баннерджи 235.
Бартольд В. В. 52.
Bassoel 244.
Бауэр О. 9, 25.
Бегель 320.

Беккер 81.
Бен Пай 333.
Бернард Рид 90.
Бернье 45.
Бернштейн 9, 58, 111.
Булгаков 9.
Бухарин 12, 249.
Бэкер 82.

Buck 23, 33, 270.
Buswell 292.
Вагнер 5, 6, 18, 21, 23, 55, 61, 65, 67, 69, 75, 77, 81, 84, 152, 164, 183, 221, 287.
Wan 239.
Ва дервельде 9.
Ван Цзин-Вэй 116, 146, 224.
Вебер Макс 42—45, 75, 79, 1 6.
Wedgell 163.
Вернер 26.
Виллберн 15, 16.
Вильсон 49.
Виттфогель 61.
Волин 7, 12, 45, 67, 84, 89, 129, 132, 134, 156, 177, 182, 183, 187, 188, 189, 193—195, 222, 244, 245, 2 1, 270.
В льтман 69.

Гаусс 67.
Гегель 137.
Геллригель 76.
Герц 9.
Гильфердинг 263.
Girt 85.
Говард 244.
Го-Ли 239.
Голлас 80.
Гопкинс 86, 87.
Гопсон Дж. 158, 279.
Го Сун-лин 237.
Грот 127.

Давид Э. 9, 25, 58, 65, 98
Дарлинг 235.
Датт 63.
Да Чжен 205.
Despande 133.
Детердинг 261, 262.
Джордж Генри 223, 331.
Дуань Цижуй 238.
Durant Leo 289.

Edkeens 277, 279.
Ен Си-шан 146.
Е Тин 143.

Jechara 287.
Jemisson 112, 132.

Захаров 14, 19, 122, 123, 125, 134, 139, 163.

Иакинф 1 2, 123, 134, 161, 254, 264, 313, 314.
Иванов, профессор 122.
Ивин 165.
Иезиде Ш, калиф 53.
Иокай 99.
Иолк 7, 45, 54, 67, 84, 89, 129, 131, 132, 134—136, 177, 182, 183, 187, 189, 193—195, 201, 222, 244, 245, 261, 270.

Кан-Си 56.
Камюс 37.
Канн 296.
Каутский 9, 17, 42, 43, 48, 58, 59, 62, 76, 87, 192, 232.
Кауфман 56.
Кинг 23, 40, 54, 59, 60, 61, 63, 68, 73, 77, 87.
Кирхгоф 76.
Китинг 235.
Кленнец 27.
Климов 117, 119.
Ковалевский 137.
Кокин 54.
Константинов П. Ф. 107.
Коплэнд 37, 99, 155, 224, 236.
Коротков 314, 315.
Котс 183.
Кохановский 21, 148, 299.
Кублай-хан 15, 73, 163.
Кульп 130, 134.
Кун 125.
Кэльнэрэр 275, 276.

Левассэр 28.
Lee M. 54, 56, 65, 68, 73, 74, 85, 230.
Ленин 9, 17, 25, 48, 57, 58, 62, 65, 68, 92, 97, 111, 119, 120, 142, 158, 166, 170, 181, 185, 186, 191, 192, 223, 224, 228, 232, 238, 246, 247, 269, 271, 328, 334, 342.
Либих 58, 60, 76, 94.
Льеи Д. К. 253, 316.
Лин Д. У. 74.
Ли Ху-дзи 27.
Ли Цзи-син 275.
Люксембург Роза 48, 49, 51, 83, 252.

Мабель Ли 55.
Мазельер 53, 159.
Макдональд 27.
Максимилиан импер. 184.
Malone 23, 204, 205, 210, 321.
Malory 16, 17, 241.
Маон 335.
Мао Цзе-ду 334, 335.
Мараков А. В. 18.
Марко-Поло 15, 73, 163.
Маркс 4, 16, 25, 28, 31, 35, 43, 45—48, 51, 58, 61—66, 68, 70, 73, 83, 86, 90, 94, 97, 103, 108, 109, 111, 113, 126, 134, 137, 139, 141, 142, 146, 154, 157, 166, 175, 176, 180, 184, 190, 214, 215, 221, 222, 233, 241, 246, 255, 271, 279, 287, 297, 298 306, 318.

Маслов 25, 111.
Мечников 48.
Митейс 147.
Мишкин А. С. 107.
Morse 278, 288, 289.
Мьеж 39.
Мэйн 137.
Мэнцзы 125.
Mukerdjee 88, 230, 235.
Murreg Mac 304.

Назаренко 153.
Наньян 261, 262.
Николай — он 58, 297.

Очиров 116.

Панаян 54.
Ping Chua-Lee 279.
Пеппер 45.
Петтипавлов 189.
Parker 42.
Пинто Фернанд Мандез 62.
Плетнер О. 11.
Плеханов 17, 48, 232, 328.
Покровский 51, 229, 230.
Попов-Татива 12, 13, 19, 30.
Портер Р. Х. 89.
Porterfield B. M. 73.

Радек К. 42, 43, 45.
Ramer 82.
Remer 248, 250.
Рихтгофен 53, 54, 65—67, 69, 70, 74, 75, 91, 139, 189, 231.
Роберт Харт 18.
Рой 86, 153.
Рокфеллер 261.
Рокхилл 15, 16.
Росс 14, 112, 113.

Сафаров 36, 48.
Сейфулина 7, 150.
Смит 23, 117.
Смит Адам 174.
Сокони 261.
Спенсер Дональд 279.
Столыпин 224.
Стюарт Хейнлеман 67.
Сун Цзы-вень 20.
Сун Чуань-фан 237.
Сун Ят-сен 145, 222—225, 238, 261, 326 327, 331.
Суханов 111.
Сю Гуан-цзи 85.

Taylor 23, 90, 188, 204, 205, 211, 231, 321.
Тамерлан 49.
Танака 160.
Тан Цзи-яо 237.
Тан Чи-юй 19.
Тан Шен-чжи 231.
Тарханов 7, 74, 134, 156, 170, 178, 188, 189, 199.
Темпл 15, 16.
Тео Яо-лин 64.
Терруни 7, 150.
Тимур 49.
Толозан 15.
Томпсон 259.
Торгашев Б. В. 233—285.
Торренс 146.
Троцкий 153, 335.

Унвин 314.
У Цзюнь-шэн 110.

Филь англ. миссионер 26.
Форд 83.
Франк 134.
Фын Юй-сян 118, 164, 165, 231.

Ходоров 12, 254.
Хо Лун 143.
Хорват 85, 192.
Хо-Ти 161.
Хуарец 184.
Ху Хань-мин 18, 145.

Цзай Шэ-цзи 76.
Цзяочжоу 18.
Цянь-Лун 14.

Чан Кай-ши 116.
Чжан Сюэ-лян 110, 120.
Чжан Цзо-лин 67, 70, 82, 106, 111, 114, 122, 231, 237.
Чжан Цзун-чан 68, 74, 75, 164, 237.
Чен Ду-сю 143, 153, 327, 335.
Чернов 9.
Чуа Юм-Гуа 254.
Чу Дэ 334, 335.
Чэн 6, 200.
Чэнду 54.
Чэн Чжан-хэн 16.

Шишков 6.
Шмидт 83.
Штенц 183.

Энгельс 4, 17, 35, 43, 45, 47, 48, 51, 57, 86, 104, 126, 127, 140—142, 154, 157, 233, 279, 297, 298, 320.

Юань Ши-кай 238, 326.
Юнг 105.

Ян 125.
Янь Си-шань 231.
Ян Сэн 74.
Яшнов Е. Е. 11, 12, 80, 107—113, 189, 203, 215, 270, 322.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автобусы 81, 83.
Автомобили 81—83, 190, 344.
Аграрная программа Сун Ят-сена 145, 223, 224, 226, 327.
Аграрная реформа гоминдана 18, 326, 332, (см. закон аграрный гоминдана).
Аграрный вопрос 7, 9, 13, 58, 103, 111, 119, 138, 142, 145, 192, 222—224, 226, 227, 333.
Амбарная система 44, 72, 125, 159 - 162.
Арабы 49, 253, 277.
Аренда 11, 48, 50, 67, 94, 106, 110, 112, 113, 117, 119, 120, 122, 123, 125, 127, 129, 130, 131, 136, 139, 140, 145—149, 152, 153, 156, 166—171, 173—179, 181—183, 188, 191, 192, 194, 196—199, 206—212, 216, 229—232, 242, 251, 274, 322, 327, 328, 330, 331, 333, 335, 339, 340, 343; — «вечная» 147, 148, 152, 169—174, 178, 187, 327, 330, 331; — карликовая 68.
Арендаторы 10—12, 55, 77, 91, 112, 113 128, 144, 147—150, 152, 156, 166—168 171—190, 192, 195, 198, 199, 202—204 206—212, 215, 216, 220 - 224, 229—231, 242, 243, 328, 330, 338, 339; — издольщики 117, 150, 171, 173—175, 177—182; 184, 330.
Аристократия рабочая 210.
Армия 123, 126, 161, 162; — генеральская 82, 144, 189, 190; — «народная» 118; — рабоче-крестьянская 165, 334, 335, 340, 341.
Армия резервная рабочих — см. рынок труда.
Арсеналы 287.
Ассоциация помощи голодающим международная 17, 82, 204, 205, 242 (см. Комиссия помощи голодающим.)
Афганы 49.

Бамбук 60, 73, 74.
Баланс торговый Китая 248, 278, 290.
Бандиты и бандитизм 17, 31, 67, 81, 109, 115, 118—120, 130, 135, 137, 150, 152, 165, 188, 190, 192, 196, 223, 243, 247, 249, 273, 275, 280, 313.
Банки 41, 109, 111, 114, 175, 234, 236, 237, 239, 240, 245, 249, 258, 273, 275, 280, 282, 285, 294, 341, 344; — «рисовые» 160.
Банкиры 14, 20, 101, 110, 115, 128, 163, 239, 241.
Банкротства 262, 297, 305.
Барщина 53, 117.
Батраки 84, 109, 113, 169, 173, 174, 178, 180, 181, 184, 185, 187—190, 196, 198, 199, 201, 204, 209, 224, 225, 335, 337, 338, 340—342.
Бедняки 93, 99, 102, 108, 130, 151, 156, 164, 166, 179, 183, 185—189, 194, 197—200, 216, 228, 229, 241, 260, 275, 321, 322, 325, 331, 333—339, 342—344.
Бедствия стихийные 12, 15, 16, 27, 41, 59, 66, 92, 98, 105, 115, 131, 132, 139, 148, 153, 159, 162, 191, 192, 197, 198, 201, 206, 207, 209, 223, 243, 274, 326.
Безземелье 104, 116, 119, 150, 188—190, 202, 206 - 208, 232, 246, 321.
Безработица 188, 214, 228, 297, 308, 321, 326.
Белогвардейцы 247.
Биржа 282, 305.
Блок буржуазно-помещичий 56, 118, 141, 145, 195, 330, 332.
Бобы 23, 33, 50, 64, 71, 76, 88, 89, 106, 112, 114, 121, 122, 152, 191, 205, 255, 257 - 259, 265, 270.
Бойкот 273, 304, 305.
Болота 55, 56, 72, 91, 93, 119, 140, 154, 169, 324, 328.
Буддизм 84, 116, 127.
Буйволы 84, 91—93, 99, 196—198, 213, 342.
Буржуазия 112, 118, 133, 144, 145, 146, 153, 224, 236, 251, 253, 272, 273, 275—277, 325, 332, 341, 344.
Бюджет крестьянский 107, 108, 132, 204—210, 212, 217, 218, 220, 269, 270, 271, 321, 323, 325, 326.
Бюрократия 10, 14, 44, 45, 72, 137, 162, 163, 252, 253, 278, 326.

Вакуфная собственность 124, 125, 136.
Виноделие 32, 169.
Водка 90.
Водопровод 83.

Восстание боксерское 123, 139, 238, — в Индо-Китае 236; — вооруженное 190, 195, 334; — крестьянское 44, 53, 55, 69, 77, 130, 138, 140, 145, 230, 232, 244, 253, 326, 333; — Тайпинское 14, 16, 27, 65, 71, 139, 163, 231, 253, 313.
Войны 15, 16, 31, 46, 47, 53, 63, 68, 70, 84, 118, 126, 131, 150, 152, 223, 273, 274, 276, 278, 313, 333, 344.
Война гражданская в Китае 7, 12, 15, 16, 27, 70, 84, 92, 105, 120, 136, 139, 143, 149, 238, 250, 259, 266, 267, 273, 280, 289, 305, 343, 344; — гражданская в САСШ 59, 184; — китайско-японская 80, 238, 304, 310; — мировая 160, 238, 255, 258, 262, 283, 291, 301, 303, 305, 316; — наполеоновские 72, — опиумные 279, 281, 309; — русско-японская 80, 104, 106, 256.
Войска китайские 105, 115, 136, 137 (см. Армия.)
Врачи китайские 277.
Вредители сельского хозяйства 101, 191, 192.
Выкуп земли 3 7.

Газеты 125, 150, 185, 267.
Гандизм 308.
Гаолян 55, 64, 67, 71, 96, 97, 173, 192, 205, 242, 270.
Генералы 13, 20, 27, 57, 82, 105, 110, 112, 116, 118, 136, 140, 144, 149, 150, 165, 206, 231, 232, 237, 241, 273, 275, 280, 318, 326.
Гильдии 136, 160, 273—275, 281, 284, 285, 295.
Гнет национальный 117, 118.
Год земледельческий 213, 226.
Голодовки 13, 15—17, 36, 44, 47, 49, 64. 66, 67, 72, 73, 77, 82, 120, 150, 154, 159—162, 170, 183, 206, 209, 210, 213, 218, 223, 241, 318, 333.
Гоминдан 18, 30, 116, 125, 138, 143—146, 165, 166, 170, 194, 200, 251, 253, 272, 273, 275, 276, 280, 281, 286, 326—333, 335, 336, 343.
Горное дело 237, 263.
Города 28—31, 62, 104, 109, 122, 208, 211, 219, 242, 264, 304, 320; — упадок городов 30, 31.
Господство манчжурское 104, 139.
Грузчики 190, 263.
Гун-нун — см. батраки.
Гунны 85.

Движения крестьянские 20, 55, 63, 66, 99, 100, 128, 135, 145, 147, 164—166, 195, 199, 223, 236, 286, 327, 333 (см. восстания крестьянские.)
Движение рабочее 263 (см. «восстания», «революции»).
Джентри 18, 129—131, 135, 136, 157, 165, 166, 169, 194, 198, 199, 229, 231, 242, 316, 333, 339, 341.
Демократия буржуазная 224.
День рабочий (продолжительность его) 294.
Деньги бумажные 118, 275, 286.
Деспотии восточные 18, 19, 28, 36, 43, 44, 52, 53, 137, 138, 158, 160, 162, 252.
Детоубийство 26, 211.
Диктатура пролетариата 335, 336, 341, 344; — революционно-демократическая 185, 335.
Династия: Вэйская 124; Манчжурская 16, 56, 104, 114, 122, 138, 241; Минская 54, 63, 67, 73, 74, 86, 124, 126, 138, 161, 184; Монгольская 161; Сунская 66, 163; Танская 53, 73, 124, 151, 161, 163, 253; Ханьская 42, 53, 76, 77, 126, 161—163, 253; Циньская 52, 127; Чжан-Цзолина 67. Чжоу 54, 75, 85, 161; Юаньская 161, 253.
Дипломаты 114.
Доанизм 127.
Договоры коллективные 133; — тайные 114.
Долги международные 275.
Дома работные 103.
Дороги 53, 70, 82, 83, 129—131, 136, 140, 159, 190, 201, 252.
Доход государственный 122; — национальный 63.

Железные дороги 29, 31, 81—83, 101, 104, 116, 109, 110, 114, 123, 140, 173, 225, 237, 256, 259, 263, 266, 267, 272, 276, 297, 300, 303, 321, 344; — КВЖД 104, 258, 267, 284.
Железо 44, 252.
Желтоземы 33, 69, 75, 77, 95 (см. лёсс).
Жмыхи 121, 253, 260, 265.

Забастовки 128, 306.
Заводы 27, 111, 190, 257, 260, 297, 302, 304, 305; — Форда 83.
Завоевание Китая 103, 104, 125.
Займы 115, 151, 152, 159, 163, 177, 182, 196, 197, 211, 235, 237, 238, 240—242, 244, 247, 273, 282, 289, 295, 296; — государственные 237; — международные 237, 238; — принудительные 68.
Закон аграрный Гоминдана 146, 326—332.
Закон убывающего плодородия почвы 25, 68, 111.
Закрепощение крестьян 104.
Залог земли 151, 152, 216.
Заработки побочные 201, 204. 219, 308, 321, 322, 325.
Заработная плата — см. Плата заработная.
Засуха 16, 41, 42, 44, 75, 105, 156.
Здравоохранение 26.

Земельные отношения 7, 9, 2[illegible], 32, 37, 94, 97, 101, 102, 106, 108, 117, 119, 120, 132, 134, 137, 1[illegible]2, 154, 167, 171, 174, 183—185, 199, 201, 219, 220, 227, 231, 232.
Земельный вопрос — см. Аграрный вопрос.
Земельный фонд Китая 103, 109, 115, 119, 120.
«Землевладение совместное» 148, 149, 152, 172, 174, 221.
Земледелие рациональное 69, 94.
Землетрясение 71.
Землеустройство — 98, 114, 212, 213, 215, 216, 219, 227, 228 (см. чересполосица).
Земля: государственные 134, 138—141, 147, 173, 193, 199, 202, 339; знаменные 123, 124, 145, 152, 173, 202; клановые или родовые 126—136, 193, 199, 202; коронные 124, 152; кумирен 136, 137, 152, 202, 339; монастырские 124, 125, 147, 169; «общественные» 18; общинные 135, 136, 145, 173; удельные 122, 145; учрежденческие 124, 125, 146; церковные 124, 125, 135, 146, 147, 199, 202, 339; школьные 202.
Земля — мобилизация ее 149, 152, 180.
Золото 240, 247, 275, 278.
Золотые россыпи 190.

Извозчики 249, 264.
Иммиграция китайцев 273.
Император китайский 14, 18, 55, 56, 66, 70, 73, 75, 86, 101, 122, 123, 127, 133, 159, 184, 239, 278, 279.
Империализм 7, 25, 28—31, 40, 44, 45, 48—52, 56, 57, 59—61, 64, 66, 68, 71, 72, 77, 79, 92, 95, 98, 99, 103, 105, 114, 116, 118—121, 123, 124, 128, 132, 137, 146, 147, 150, 153—155, 157—160, 162—164, 166, 169, 170, 185, 186, 188, 190, 210, 230, 232, 234—236, 238, 244, 247, 248, 250 254, 256, 261—263, 268, 271—273, 275—278, 281, 286, 288, 295, 299, 304, 312, 323, 326, 327, 333, 344, 345.
Импорт Китая 35, 61, 65, 71, 100, 105—107, 162, 243, 248, 254, 260—262, 264, 266, 268, 269, 273, 274, 277—279, 285, 286, 298, 300, 302, 304, 305, 307, 309—312, 314, 315, 320.
Инвентарь с.-х. в Китае 55, 108, 117, 168, 17—174, 180, 181, 187, 188, 191, 192, 196, 197, 200, 213, 220, 225, 228, 340, 342 (ср. «орудия с.-х.»).
Инвестиции 240, 248, 250, 271.
Индиго 122, 244, 255, 265, 268.
Индустрия машинная (и крупная) 31, 233, 261, 263 (ср. «промышленность»).
Институт сельск.-хоз. Лосиноостровский 68; — международный в Риме 35, 257, 281; — в Москве 17.
Интервенция 118, 336.
Инфляция 275.

Казачество китайское 126.
Казни 83, 103, 122, 127, 277.
Калеки 27, 81.
Какао 50.
Канализация 83.
Каналы 44, 46, 47, 49, 52—57, 63, 72, 156, 161, 171, 220, 252.
Капитал иностранный 17, 114, 139, 239, 254, 255, 273, 286, 290, 293, 304, 344; — концентрация его 9, 121, 179, 215, 217, 229—232; — промышленный 237, 246, 271, 286, 295; — торговый и торгово-ростовщический 25, 44, 45, 52, 99, 114—118, 123, 124, 132, 135, 137—139, 144, 145, 151, 159, 163, 192, 216, 232, 234, 235—240, 242, 244—248, 250—254, 260, 261, 271, 273—275, 282, 286, 295, 296, 301; — финансовый 52, 109, 234, 236—239, 248, 250, 263, 273.
Капитализм (и капиталист.) 9, 2, 14, 17, 27—29, 31, 36, 40, 48, 49, 52, 59, 61, 62, 64, 65, 78, 79, 83, 90, 99, 105, 121, 128, 145—147, 149, 153, 160, 166, 176, 182, 186, 188, 221, 228, 232, 233, 234, 238, 239, 240, 250, 254, 62, 271—274, 276, 232, 298, 304, 322, 335, 336, 343.
Караваны 264.
Картофель 35, 50, 88—90, 93, 150, 167, 192, 196, 320.
Касты 79, 295.
Каучук 40, 49, 50, 120, 169, 190, 237, 249.
Керосин 257, 260—262.
Клан — см. «род».
Класс господствующий 43, 116, 132, 133, 135, 143, 157, 160, 162, 244, 281, 287, 292.
Классовая борьба 43, 55, 66, 131, 144, 146, 165, 185, 233, 263, 326, 337, 338.
Классовое государство 43, 160; — общество 141.
Клевер 33, 89.
Коллективизация 13, 118, 197, 305, 341, 344 (см. колхозы).
Колонизация 12, 13, 20, 49, 52, 56, 60, 65, 69, 77, 95, 102—104, 106, 107, 109, 110, 112—114, 116—121, 123, 128, 131, 138, 139, 147, 169, 180, 184, 232, 258, 267, 331.
Колонии 29, 48, 66, 83, 98, 99, 105, 130, 145, 146, 155, 159, 164, 169, 170, 182, 185, 229, 232, 234, 226—239, 250, 271, 298, 301, 307, 333, 334, 345.
Колхозы 284, 344.
Комбайн 71, 93, 225, 306.
Комбинаты 27.
Коминтерн 336, 344.
Комиссия аграрная Гоминдана 145; — по земледелию королевская в Индии 133, 154, 169, 228, 235; — помощи голодающим международная 82, 204, 205, 242.

Комитет помощи голодающим американский 100, 281.
Коммунисты 48; — Китая 7, 10, 128, 143, 145, 166, 185, 224, 251, 327, 333—336, 344.
Компания Ост-индийская 277, 278, 281, 289, 290.
Конгресс национальный в Индии 235.
Конкубинат 133.
Конкуренция 158, 259, 261, 266, 267, 273, 281, 283, 288, 289, 310, 313, 320, 323—325.
Консулы 27, 67, 83, 99, 100, 117, 134, 231, 240, 279, 284.
Контрабанда 15, 278—280.
Контрибуция 137, 238, 248, 273.
Конституционная революция 118, 125, 143, 145, 170, 185, 198, 224, 238, 286, 326, 327, 332—336, 338—340, 344.
Конференц и советов 339, 343.
Конфискации 118, 124, 125, 142, 146, 170, 251, 327, 333, 334, 337—343.
Конфликты 114, 284.
Конфуцианство 127.
Концерны 121.
Концессии иностранные 15, 31, 158, 190, 236.
Кооперация 97—101, 118, 151, 153, 159, 235, 302, 340, 341, 344.
Копи медные 184, — серебряные 184; — угольные 105.
Кофе 121, 160, 244.
Кочевники 43, 53, 115, 116, 126, 159, 268.
Красильное производство 305, 306, 316.
Красные пики 136, 164—166.
Крепостные 103, 104, 113, 122, 183.
Кукуруза 39—41, 50, 88.
Кулаки 11, 17, 32, 80, 84, 99, 102, 108, 110, 111, 113, 117, 119, 121, 130, 138, 150, 155, 156, 160, 164—166, 169, 170, 187, 189, 192, 194, 195, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 206, 207, 208, 219, 220, 232, 235, 242, 260, 274, 321, 322, 326, 330, 331, 333—339, 341.
Кули 53, 81—83, 133, 169, 186, 188,— 190, 196, 204, 249, 263, 264, 281, 282, 321, 335, 337, 338, 342.
Культ предков 127, 129, 130, 133.
Культуры технические 50, 64, 77, 78, 95, 102, 154, 173, 177, 179, 191, 197, 244, 245, 256, 268—270, 273, 300, 310.
Кунжут — см. «сезам».
Купцы 14, 20, 44, 45, 55, 62, 63, 100, 104, 109—111, 115—117, 125, 133, 135, 136, 139, 143, 144, 149, 150, 153, 156, 157, 159, 162, 164, 169, 182, 190, 204, 229, 231, 232, 234—240, 242, 244—250, 253, 254, 260, 274, 275, 281, 286, 291, 301, 302, 304, 313, 319, 324, 337.
Кустари 97, 257, 317, 322.

Лавки меняльные 241.
Лен 259, 287, 311.
Леса 20, 21, 60, 74, 75, 136, 340; — строительные 265; — уничтожение его 21, 45, 72—75, 86, 95, 102.
Лесные разработки 100.
Лёсс 33, 56, 57, 63, 67, 69, 70—72, 75, 299.
Летописи китайские 16, 19, 53, 55, 66, 85, 104, 127, 157, 163, 230, 253, 277, 299, 305.
Лига Наций 183, 281.
Литература Китая 128.
Ломбарды 44, 111, 205, 240—242, 245, 343.
Люцерна 33.

Магазины универсальные 250.
Мандарины 45, 54, 133, 238, 277, 325.
Мануфактура 97, 98, 118, 183, 248, 250, 255, 260—262, 268, 274, 282, 285, 287, 288, 291, 292, 294, 298, 299, 302, 304, 305, 315, 320, 324, 325.
Манчжуры 103, 104, 123.
Марксисты 9, 19, 42, 111, 128, 131, 192, 215, 222, 234, 235, 342.
Маслобойни 258—260, 265.
Мастерские императорские 184.
Машинисты 249.
Машины сельско-хоз. 10, 78, 95, 97—101, 155, 182, 225 (см. «инвентарь» и «орудия» с.-х.).
Машины — производство их 100; их разрушение 83.
Медь 27, 286.
Мелиорация 57, 222, 329, 330, 332. (См. «Орошение» и «осушительная система.)
Меры китайские 5, 6, 12, 18, 273.
Металлургия 27.
Милитаризм и милитаристы 25, 28, 31, 53, 77, 82, 92, 118—120, 136, 153, 163, 165, 166, 188, 190, 253, 272, 276, 281, 285, 296, 313, 327, 332, 336, 340, 341, 343.
Министерство земледелия и торговли 9, 10, 12, 14, 18, 19, 32; — путей сообщения 82.
Миньтуани 129 — 131, 135, 183, 198, 335, 337.
Миссионеры 14, 26, 44, 82, 150, 211, 259.
Молочное хозяйство 21, 78—80, 95.
Монголы 22, 49, 60, 79, 92, 104, 114—118, 123, 124, 161, 247, 311.
Монастыри 116, 118, 124.
Монокультура 121.
Монополии 16, 23, 44, 62, 63, 72, 103, 108, 114, 115, 121, 161, 176, 244, 253, 254, 258, 262, 263, 269, 274, 278, 280 — 282, 301.
Моряки 263.
Мотыжная культура 95, 96.
Мусульмане 22, 79, 92, 115.
Мыловарение 121.

Наводнение 15, 16, 21, 42, 44, 70, 72, 74, 75, 92, 105, 140, 159, 201.
Наем скота 84.
Налоги 14, 16, 18, 20, 36, 44, 50, 53, 54, 66, 68, 81, 84, 109, 114—116, 118, 120, 126, 129, 136—140, 145, 148—150, 154, 159—167, 170, 174, 186, 191, 192, 196, 198, 201, 213, 215, 216, 218, 221, 241—243, 253, 254, 259, 274, 276, 280, 281, 285, 287, 289, 296, 320, 326—329, 331—333, 340, 341, 348; — местные 166, 170, 218; — подушные 14, 163, 230.
Народники 215, 216.
Народно-революционная партия Монголии 116.
Население: городское и деревенское 28—32, 118, 176, 183, 190, 200, 208, 234; — плотность населения 22—24, 41, 70, 71, 93, 105, 107, 109, 113, 117, 119, 156, 300; — прирост его 15—17, 27, 28, 105, 110, 116; — рождаемость 26; — смертность 26, 27, 211; — численность 11, 14, 15, 17, 19, 22, 23, 32, 104, 106, 255, 284, 308, 311; — Японии 16, 28, 51.
Наследование 200, 216, 231.
Насосы паровые 49, 197.
Национализация земли 10, 223, 224, 326—328, 342, 344, 345 (ср. Конфискация).
Негры 181, 182.
Независимость национальная 118 (см. революция национальная).
Неравномерность развития сельск.-хоз. 98.
Неурожаи 50, 177, 178, 191, 193, 197, 98, 243, 342.
Нефть 97.
Нищие 27, 81, 136, 318

Оазисы 53.
Обмен 115, 127 (см «рынок», «торговля»).
Общество акционерное 155, 169, 182, 237, 240, 344; — научное 19.
Община 43, 45, 48, 52, 55, 66, 126, 127, 131, 132, 135—139, 146, 156, 157, 159, 161, 187, 222, 235
Овес 39, 88.
Овощи 167, 168, 185, 193, 205, 265.
Овцы и овцеводство 78, 80, 85—87, 90, 92, 115, 119 (см. скотоводство).
Огородничество 92, 122, 171, 173, 201, 320.
Олово 249.
Оккупация 305.
Опиум 26, 64, 82, 95, 244, 247, 248, 255, 256, 277—281.
Оппортунисты 215
Организация труда коллективная 183, 187.
Орошение 20, 24, 33—37, 39—45, 47—57, 60, 66, 70—72, 74, 75 86, 89, 90, 93—97, 100—102, 119, 126, 137, 154—157, 159, 174, 182; 187, 196.
Орудия сельск.-хоз. 9, 60, 70, 71, 73, 76, 77, 80, 84, 85, 96—100, 107, 172, 192, 196, 198, 211—214, 216, 218, 219, 330.
Осадки — количество их 37, 38, 155.
Осушительная система 56, 93, 94, 101, 119, 154, 155, 220, 230.
Откупа и откупщики 14, 20, 123, 163, 164, 166, 253, 280, 295.
Отработочная система 181.
Отчеты морских таможен 30, 61, 100, 248, 256, 263, 264, 293, 314.
Охота 86, 126.

Паланкин 82.
Пароходы — см. «судоходство».
Пастбища 21, 22, 55, 60, 79, 80, 85, 88, 93, 95, 102, 115, 118, 136, 137.
Пауперы 27, 98, 189, 196, 229.
Пенька 311, 312, 313.
«Перенаселенность аграрная» 25, 27, 105, 119, 188.
Перенаселенность относительная 28, 92, 105.
Переписи населения 14, 15, 18, 19
Переселения, переселенцы 104, 105, 108, 110, 113, 117, 120, 123, 126, 139, 187, 269.
Пираты 44, 62, 254.
Письменность Китая 127.
Плантации 98, 99, 169, 190, 232, 235, 245, 268, 282, 283, 286, 287.
Плата заработная 27, 77, 84, 167, 173, 175, 176, 179—181, 189, 196, 201, 205, 206, 208, 209, 215, 224, 225, 228, 247, 249, 273, 289, 294, 297, 304, 316, 318, 319, 322, 326, 337.
Плотины 49, 53, 55, 56, 96, 159.
Повинности 53, 54, 66, 118, 166.
Поденщики 228.
Подмастерья 183, 187.
Полиция 19, 174, 301.
Помещики 13, 20, 25, 31, 34, 44, 45, 50, 52, 57, 58, 59, 64, 74, 84, 90, 99, 100, 105, 111—113, 116, 117, 119, 120, 125, 130, 134, 135, 137—150, 153—155, 157, 159, 164—168, 170—174, 177—186, 192—194, 196—200, 202, 204, 206—208, 210, 212, 221—224, 229, 231, 232, 234, 236, 241, 242, 244, 251, 274, 302, 326—328, 330—340, 342, 343.
Порт открытый 30, 31, 105, 106, 256, 263—265, 272, 273, 284, 292, 299, 304, 312, 313.
Посевная площадь 11—14, 18—24, 32, 33, 39, 40, 51, 67, 93, 102, 104, 105, 134, 143, 144, 156, 160, 177, 191, 193, 194, 195, 199, 202—204, 206—208, 211—214, 216, 217, 229—231, 245, 257, 258, 280, 281, 284, 288, 291—293, 296, 300, 329.
Почва — истощение ее 17, 44, 58—62, 66—68.
Почта китайская 17, 267.
Пошлины — см. «Тарифы».

Проблема питания 16, 24, 25, 86–90, 92, 102, 160, 162, 191, 205, 207, 260.
Прожиточный минимум 205.
Пролетариат Китая — 7, 141, 145, 188, 190, 224, 263, 277, 288, 297, 308, 309, 333, 335—338, 344, 345 (ср. «рабочие»).
Промыслы 111, 169, 212, 219, 228, 252, 260, 269, 292, 305, 319—322, 326, 340.
Промышленность 31, 105, 137, 145, 188, 221, 223, 232, 236—238, 241, 248, 250, 256, 258, 262, 265, 266, 268, 269, 276, 292, 294, 298–300, 304—307, 319, 320, 325, 342; — городская 228, 240; — домашняя 27, 66, 74, 115, 133, 161, 204, 212, 218, 219, 228, 233, 241, 248, 252, 260, 268, 269, 271, 287, 288, 291, 293—295, 297, 298, 303, 304, 308–310, 312, 313, 315—324, 326; — машинная 16, 31, 98, 138, 180, 248, 252, 258, 260, 287, 294, 295, 297, 298, 302–304, 308, 318, 320, 325; — обувная 78, 79; — пищевая 258; — химическая 65, 78, 121
Просо 35, 39, 41, 173, 192, 205, 242.
Протекторат германский 18.
Профсоюзы 83, 133, 342.
Проценты 115, 129—131, 159, 160, 176, 178, 180–182, 185, 192, 196, 197, 215, 216, 218—221, 228, 234, 239—245, 247, 250, 251, 274, 295, 321, 327, 329—332.
Птицеводство 78, 80, 85, 90, 196, 197, 201, 212, 217, 262.
Публицистика китайская 128.
Пустыни 45, 56, 93, 102.
Путешественники 15, 29, 45, 49, 253, 314.
Пути сообщения 179, 274 (см. «транспорт»).
Пути торговые 31, 44, 159, 250, 253, 260, 276, 277, 313.
Пшеница 35, 38, 39, 41, 50, 76, 88, 92, 95, 97, 121, 162, 191, 205, 225, 262, 270.

Работы принудительные 53, 222; — публичные 47, 48, 137, 159, 163; — строительные 201
Рабочие (и рабочий класс) 27, 123, 133, 146, 169, 178, 181, 184—188, 190, 196, 197, 204, 209, 225, 228, 249, 263, 273, 289, 294, 297, 302, 304, 308, 318, 319, 321, 324, 325, 332, 333, 335—338, 344, 345; — горняки 263; — металлисты 249; — сезонные 117; — текстильщики 263
Рабство и рабы 104, 126, 127, 142, 181, 183, 184, 190, 196, 233, 235, 249, 281.
Развитие историческое Китая 29.
Расстрел 280; — в Шанхае 190, 273, 305.
Ревизионисты (и реформисты) 9, 97, 210, 215, 216.
Революция аграрная 13[illegible], 141, 143, 145, 153, 154, 185, 195, 198, 223, 251, 326, 323, 333—339, 341—343, 345; — американская 120; — буржуазно-демократическая 153, 186, 251, 272, 335, 336, 342, 343, 344; — в Китае 45, 68, 100, 118, 120, 133, 135, 140, 145, 153, 158, 161, 167, 186, 190, 238, 251, 276, 281, 316, 325—328, 332—345; — демократическая 166; — колониальная 336; — национальная 118, 333; — промышленная 98; — русская 48, 118, 185; — социальная 118, 137, 170, 186, 333, — техническая 98, 315.
Реестр земельный 18.
Реквизиции 66, 82, 92, 120, 150, 164, 165, 191, 243, 275.
Реклама 261.
Ремесленники 31, 103, 183, 199, 204, 240, 249, 321, 337.
Ремесло 44, 118, 133, 138, 183, 204, 228, 233, 238, 239, 248, 250, 252, 269, 274, 310.
Рента 11, 29, 34, 35, 48, 77, 94, 98, 103, 109, 110, 135, 141, 151, 154, 162, 167, 168, 171, 173—177, 179—182, 185, 197—200, 203, 209, 210, 215, 220—223, 225, 243, 274, 343.
Ресурсы производительные 27.
Рикши 81, 83, 19, 321.
Рис. 17, 20, 32—42, 45, 50—52, 54, 56, 64, 66, 70–72, 74, 76, 77, 84, 88, 89, 91, 93—97, 101, 107, 121—123, 130, 155, 159, 160, 161, 162, 163, 168, 171—173, 177, 182, 186, 187, 193, 196, 197, 203, 211, 224, 225, 236, 242, 262, 265, 272—274, 276, 297, 320, 338.
Род 104, 115, 116, 124, 126—135, 137, 139, 142, 143, 146, 151, 156, 157, 159, 161, 168, 170, 209, 336, 339.
Родовой патриархальный строй 114, 115, 118, 126—135, 142.
Ростовщики и ростовщичество 13, 14, 20, 25, 31, 44, 45, 50, 57, 64, 66, 67, 77, 79, 80, 99, 101, 105, 108—111, 113–117, 119, 121, 125, 127, 129–133, 135, 137, 142, 144, 145, 148—150, 152, 153, 159, 160, 162—165, 169, 176—180, 185, 186, 191, 192, 195–198, 215, 216, 219, 221, 229, 231—251, 254, 260, 274, 275, 295, 296, 302, 323, 327, 333—336, 342, 343.
Рудники 27 (см. «Копи»).
Рыбаки и рыболовство 89, 90, 126, 173, 174, 196, 252, 269, 296, 320.
Рынок внешний 62, 164, 244, 256, 260, 265, 287, 293; — внутренний 44, 92, 97, 115, 161, 163, 164, 166, 179, 250, 253, 254, 261—266, 268, 269, 271—274, 276, 279, 284, 287, 288, 292, 293, 297, 298, 303, 305, 310, 311, 313, 320; — городской 62, 243, 244, 256, 272, 274, 302; — местный (и деревенский) 245, 256, 260, 269, 272, 275, 277; — мировой 85, 109, 137, 207, 234, 246, 254–256, 258–260, 262, 272, 273, 281, 283, 288, 289, 296, 301, 303, 309, 311, 312; — рабочей силы 103, 117, 119, 186—190, 228, 248, 255, 288, 289, 320; — советский 284, 285; — сельско-

хозяйственный 84; — хлебный 161, 263, 269.
Рыночные отношения 24, 39, 118, 124, 179, 251— 55, 259, 260, 268, 275, 276, 343.

Садоводство 122.
Сахар 121, 160, 265, 266, 268, 320.
Сахарный тростник 49, 244, 245, 255, 268.
Сборщики податей 25 (ср. «откупа», «налоги»).
Сверхприбыль 120.
Севооборот 107, 260.
Сезам (кунжут) 258, 259, 262.
Съезды крестьянские 135, 201; — советов 341 (ср. «конференции советов»).
Сезонники — см. «рабочие сезонные».
Секуляризация 124.
Семья китайская 19, 26, 116, 128, 145, 194, 186, 201, 204, 205, 207—209, 211—213, 215, 217—219, 225, 270.
Серебро 248, 275, 276, 278, 279, 286.
Середняки 11, 97, 130, 150, 154, 164, 166, 179, 185, 187, 189, 194, 197—201, 204, 207, 220, 229, 260, 270, 331, 334—339, 342, 343.
Синдикаты 344.
Скот — гибель его 91, 92.
Скотоводство 21, 22, 32, 60, 78—81, 84—88, 90—93, 102, 114—116, 118, 126, 173, 196, 197, 212, 217, 219, 256, 299, 311, 328.
Советская власть в СССР 13, 57, 109, 154, 185.
Советская территория в Китае 99, 143, 165, 166, 185, 186, 195, 197, 198, 201, 241, 251, 332—345.
Совхозы 57, 284, 306, 341, 344.
Соль 15, 44, 247, 252, 269.
Социал-демократы германские 9.
Социализм 15, 36, 48, 101, 118, 158, 185, 186, 336, 338, 341, 342—344.
«Социальное обеспечение» 44, 159, 162, 173.
«Социальная равнина» 41, 112, 143, 144, 189, 194, 198, 203.
Союз Красных пик 136, 164—166.
Союз помещиков 171.
Союзы крестьянские 7, 20, 63, 129, 130, 134, 136, 145, 150, 165, 170, 174, 177, 178, 193, 201, 202, 209, 220, 242, 327, 333.
Соя 121, 258, 262, 276.
Спекуляция и спекулянты 17, 100, 110—113, 115, 117, 118, 120, 162, 169, 236, 240, 269, 279, 290.
Станции буйволо-плужные 99, 197, 342; — с.-х. опытные 102; — хлопкоиспытательные 302.
Статистика китайская 9, 10, 12—20, 22, 32, 40, 74, 149, 191, 193, 195, 203, 230.
Стачка в Гонконге 190 (см. «Забастовки»).
Стена Великая китайская 53, 159.
Судопроизводство 137.
Судостроение 305.
Судоходство 83, 234, 249, 252, 256, 260, 261, 263, 264, 267, 272, 276, 280, 303.
Сырье промышленное 25, 78, 79, 85, 121, 258, 261, 262, 265, 266, 298, 303, 307, 312, 317, 324, 325; — сельскохозяйственное 111, 118, 244, 258.
Сэттельмент 254.

Табак 40, 49, 50, 64, 71, 93, 95, 102, 115, 187, 244, 254, 255, 257, 261, 262, 265, 266, 274, 276.
Таможни 30, 250, 263, 264, 268, 279, 281, 314.
Тарифы 109, 225, 253, 272—274, 276, 277, 285, 286, 305, 318.
Текстиль 27, 78, 92, 239, 250, 266, 272, 295, 297—314.
«Теория воды» 42.
Теория Мальтуса 25.
Террасизация 52, 54.
Террор белый 144, 185.
Техника военная 85; — капиталистическая 98; — современная 102, 107, 289; — сельско-хоз. 20, 28, 49, 63, 71, 75—77, 97—99, 101, 102, 106, 107, 109, 119, 120, 150, 185, 186, 191, 196—198.
Ткачество 16, 210, 252.
Товарищества паевые 100, 157, 169, 237, 238.
Товарооборот мировой (ср. рынок м.) 268.
Топливо 97, 152, 196, 201, 205, 212, 216, 226, 283, 321.
Торговля 105, 115, 119, 126, 137, 176, 180, 196, 197, 201, 204, 207, 211, 219, 221, 223, 232, 233, 240, 241, 245—247, 249—254, 271, 272, 279, 295, 296, 313, 343; — внешняя (см. рынок внешний) 30, 44, 62, 81, 105, 106, 164, 166, 234, 236, 239, 245, 254, 255, 257, 258, 262, 264, 265, 267, 268, 275, 320; — караванная 247.
Торгово-технич. культуры 24.
Торговцы 17, 44, 62, 235, 239, 290, 321 (см. «купцы»).
Тракторы 13, 71, 97—100, 107, 155, 225, 306.
Трамвай 81—83.
Транспорт (см. ж. д., судоходство, автомобили) 44, 78, 81—92, 114, 155, 189, 204, 225, 234, 259, 261, 263, 266, 273—275, 296, 300, 302, 304, 314, 321, 344; — водный 83.
Тресты 121, 260, 262.
Трехполье 61, 104, 144.
Троцкизм 153, 335, 336.
Труд детский в промышленности 27, 294; — женский 27, 294, 318, 324; — наемный 102, 167, 169, 178, 181, 186—189, 191,

196, 197, 198, 200, 201, 204, 206, 208, 210, 212, 217—219, 225, 320, 321, 322, 337;— общественный 158, 209; — принудительный 222;— рабский 58, 98, 99.
Трудоемкость с.-х. культур 97, 187.
Турки 52, 142.
Тутовые деревья 64, 73, 74, 89, 95, 102, 173, 187, 193, 195, 268, 270, 287—293, 296, 297, 320.
Тюрьмы 182—184.

Уголь (угольн. промышленность) 60, 305.
Удобрение 10, 46, 55, 56, 58—67, 69, 71, 76—78, 87, 89, 92, 94—97, 101, 102, 104, 107, 117, 121, 157, 168, 172, 181, 187, 191, 194, 196—198, 200, 211, 218, 257, 258, 260, 280, 290, 300, 330.
Университеты сельскохозяйств. 102.
Урожайность и урожаи 17, 24, 32—35, 41, 42, 47, 54, 59, 61, 62, 64, 66, 67, 75, 89, 93, 94, 101, 113, 117, 139, 144, 154, 160, 162, 167, 168, 171—174, 176, 177, 180, 181, 186, 188, 191, 192, 197, 199—201, 203, 205, 207, 210, 212, 213, 217, 222, 231, 236, 242, 243, 258, 260, 274, 300, 306, 310, 319, 329—331.
«Урожайный му» 32, 33, 144, 191, 193, 213, 214.
Участки земельные 9.
Училища 125, 129, 130, 136, 174.

Фабрики 27, 105, 118, 190, 230, 238, 244, 261, 262, 274, 282, 291, 292, 294, 297, 300, 302, 304, 305—307, 310, 315—317.
Феодализм и феодальные отношения 11, 15, 16, 28, 33, 34, 36, 45, 48, 52, 55, 79, 99, 104, 116, 118, 123, 124, 141, 142, 145—147, 153, 160, 169, 174, 175, 179, 181, 182, 184, 224, 232, 233, 335, 338, 341.
Фермы 84;— Форда 42.
Флюкер 98.
Формации общественные 141.

Хинин 40, 49.
Химическая промышленность 65, 78, 121.
Химия с.-х. 98, 101.
Хлопок 50, 60, 64, 78, 79, 95, 97, 102, 121, 122, 140, 152, 155, 172, 173, 179, 187, 244, 245, 255, 256, 259, 262, 265, 268, 274, 276, 287, 298—304, 306—309, 311, 312, 314, 319.
Хлопчато-бумажная ткань и промышленность 90, 265, 266, 287, 298, 299, 305, 309, 311, 313—316.
Хозяйств количество 11, 13, 14, 106.
Хозяйство застойное 176; — интенсивное 10, 117, 184; — крупное 9, 78, 102, 107, 189, 195, 198, 199, 206, 207, 215—219, 233, 270, 340; — мелкое и парцеллярное 9, 66, 68, 71, 73, 84, 91, 98, 107—109, 112, 113, 117, 162, 186, 192, 194—196, 198, 199, 203, 204, 206—209, 212—217, 219, 220, 222, 228—231, 233, 235, 256, 270, 274, 275, 282, 283, 322, 336;— мировое 249, 255;—натуральное 17, 44, 59, 115, 162, 163, 252, 254, 271, 275, — оазисно-поливное и поливное 34, 49, 51, 52, 97, 98, 102, 157, 222; — плантационное 98 (см. плантации); — переложное 86; родовое 45; — товарно-денежное 17, 29, 44, 45, 59, 100, 115, 132, 161—163, 166, 178, 179, 243, 250, 252, 261, 271, 276; — упадок его 16, 17, 44, 148; — экстенсивное 9.
Хунгузы 112, 119, 120, 280.

Цены на продукты 17, 72.
Церковь буддийская 114.
Цехи 45, 187, 248, 252.
Цеховой строй 28.
Циклоны 80

Чай 32, 40, 49, 50, 64, 95, 102, 115, 121, 160, 161, 169, 187, 196, 205, 237, 244, 247, 253—256, 259, 262, 265, 266, 268, 274, 277, 278, 281—287.
Чересполосица 98, 101, 216.
Чиновники 13, 15, 20, 31, 53, 55, 73, 74, 86, 100, 104, 110—112, 115—118, 122, 125, 133, 136, 138—140, 149, 150, 153, 157, 158, 161—164, 166, 169, 204, 231, 232, 237, 241, 247, 278, 279, 296, 312, 314.

Шариат 36.
Шахты 27, 190.
Шелк и шелководство 20, 44, 50, 60, 73, 79, 115, 122, 131, 161, 179, 196, 210, 237—240, 244, 250, 253, 254, 256, 262, 265, 266, 268—270, 274, 277, 278, 287—297, 308, 311, 314, 316, 322.
Шелк искусственный 289, 296.
Шелкопрядильни 131, 263, 285, 291—294.
Шерсть и шерстяные ткани 79, 85, 115, 121, 246, 292, 298, 311, 325.
Школы (см. училища).

Эксплоатация крестьян 103, 104, 108, 111, 114, 117—119, 153, 159, 160, 167, 169, 170, 178, 179, 185—188, 192, 196—198, 210, 215, 231, 236, 242, 282, 302, 323, 332, 335, 339, 340, 341.
Экспорт Китая 32, 50, 61, 65, 84, 85, 105, 106, 237, 246, 248, 254, 256—260, 262, 264—268, 272, 273, 278, 281, 283—285, 288, 290—292, 294, 301.
Экспроприация 119, 170.
Электричество 97, 98, 101, 261.
Эмиграция 30, 68, 105, 188, 194, 206, 219, 230, 248, 250, 313, 322.
Энергия водная 97.
Эпидемии скота 115, 243.

Юристы китайские 151.

Ярмарки 92, 136.
Ячмень 39, 41, 191.

2010389649